Русскій.
Вѣстникъ.
1870. №=7-8.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

32611

1870

1 ІЮЛЬ.

Пров. 50

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ 1793 ГОДА. Гл. XI—XII. Д. И. Иловайскаго.

II. АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ НА КАВКАЗѢ. 1829—1837. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. (Окончаніе.) М. И. Семевскаго.

III. ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть вторая. (Окончаніе.) Н. А. Чаева.

IV. ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ИРЛАНДІИ. Гл. I.—V. Н. Д.

V. КАНОНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ. С. П. Сушкова.

VI. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXV—XXXV.

VII. ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

VIII. ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА. П. К. Щебальскаго.

IX. ЗАМѢТКИ: I. Моралисты новой школы.—II. Какъ преподаютъ русскую словесность. Л. Н.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬЁ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Часть вторая, гл. III—VII.

ТАЙНА ЭДВИНА ДРУДА. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. XII—XVI.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. КАТКОВЫМЪ.

3201.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

Июль

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1870.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ВОСЬМИДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

1870

ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ

1793 ГОДА*

XI.

Сеймъ окруженъ войскомъ. — Засѣданіе 22го августа (2го сентября.) Проектъ прусскаго договора принятъ, но съ добавочными статьями.

Неудачный исходъ послѣдняго засѣданія, повидимому, не очень огорчилъ Сиверса. Онъ въ этотъ вечеръ праздновалъ день своего рожденія и устроилъ концертъ, на которомъ, по обыкновенію, восхищался голосомъ графини Камелли. Можетъ-быть и самое засѣданіе послѣшили прервать потому что многіе члены сейма были приглашены на этотъ концертъ и боялись чтобы пренія не продлились также долго какъ наканунѣ.

Однако надобно было предпринять что-нибудь рѣшительное чтобъ удовлетворить требованіямъ прусскаго посланника, который приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ безконечныхъ проволочекъ. На слѣдующее утро, въ субботу 20го (31го) августа, Яковъ Ефимовичъ собралъ своихъ *друзей* на совѣщаніе. Тутъ прежде всего рѣшили чтобы въ тотъ день не было засѣданія, о чемъ просилъ и король чрезъ своего секретаря. Потомъ занялись вопросомъ: какими средствами принудить сеймъ къ уступкѣ?

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 3, 4 и 6.

Друзья предложили Сиверсу на выборъ двѣ принудительныя мѣры: 1) арестовать дюжину самыхъ дерзкихъ пословъ, или не пустить ихъ на засѣданіе; 2) окружить сеймъ баталіономъ гренадеръ и задержать собраніе до тѣхъ поръ пока оно сдѣлаетъ надлежащее постановленіе. Посланникъ распустилъ совѣтъ, не принявъ еще никакого положительнаго рѣшенія. „Ни одно изъ этихъ средствъ мнѣ не нравится, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи. — Если не представится другихъ, я рискну еще однимъ засѣданіемъ и, можетъ-быть, выберу первое.“

Но прусскій товарищъ рѣшился не давать ему времени для колебаній и размышленій. Въ тотъ же день онъ видѣлся съ Сиверсомъ и настаивалъ чтобъ Игельштрому разрѣшено было дѣйствовать заодно съ Мёллендорфомъ. Нашъ посланникъ уклонился отъ подобнаго разрѣшенія. Онъ замѣтилъ что принудительныя мѣры будутъ безполезны, если Бухгольцъ не подпишетъ трактата въ томъ видѣ въ какомъ онъ проектированъ при посредствѣ его, то-есть Сиверса. Бухгольцъ началъ понемногу сдаваться, и потребовалъ чтобы были исключены по крайней мѣрѣ пункты о русской гарантіи и медіаціи въ статьяхъ о торговлѣ. Сиверсъ отвѣчалъ что онъ не можетъ отбросить именно тѣ статьи которыя дѣлаютъ честь довѣрію Поляковъ къ его государынѣ. Общій выводъ изъ его словъ былъ слѣдующій: „Мы гарантируемъ уступку занятыхъ вами провинцій, и для этой цѣли употребимъ даже насиліе; но въ то же время не можемъ запретить Полякамъ требовать гарантій въ торговлѣ и другихъ предметахъ распри.“

На другой день, то-есть въ воскресенье, Бухгольцъ прислалъ Сиверсу записку съ просьбой о конференціи и съ увѣреніемъ что онъ предложитъ примирительный планъ, который удовлетворитъ равно оба двора, такъ какъ онъ построенъ на основаніяхъ Петербургской конвенціи. Но этотъ примирительный планъ на дѣлѣ оказался слѣдующій: или прервать переговоры и начать непріятельскія дѣйствія, или заключить простой договоръ объ уступкѣ, не упоминая въ немъ ни о медіаціи, ни о гарантіи, и всѣ пункты, которыхъ добиваются Поляки, отнести къ статьямъ сепаратнымъ. А для этихъ статей Бухгольцъ, по его собственному признанію, еще не имѣлъ инструкцій. Сиверсъ повторилъ тѣ же увѣренія какія были сказаны наканунѣ. „Ея императорское величество, замѣтилъ онъ, твердо настаиваетъ на строгомъ выполненіи конвенціи, и я имѣю приказаніе доставить всѣ возможныя гарантіи для

польской торговли." Если письмо къ Алопеусу, прибавилъ онъ, не побудило прислать Бухгольцу болѣе полныя инструкціи, то ея величество охотно вступитъ въ прямыя сношенія съ Берлиномъ чтобъ ихъ получить. „Это заявленіе заставило его поблѣднѣть, пишетъ Сиверсъ, что̀ укрѣпило меня въ необходимости настаивать на упомянутыхъ пунктахъ: безъ нихъ, очевидно, польскую торговлю ожидали тяжелыя оковы."

Яковъ Ефимовичъ предложилъ своему товарищу отложить переговоры съ сеймомъ до новыхъ приказаній отъ обоихъ дворовъ. Но Бухгольцъ не соглашался на отсрочку, и убѣдительно просилъ Сиверса употребить принудительныя мѣры. Послѣдній обѣщалъ, и на томъ окончилась ихъ двухчасовая конференція.

Послѣ этого русскій посланникъ болѣе не колеблется. По его разчету, обѣ стороны были достаточно подготовлены: сеймъ чтобы согласиться на уступку провинцій; а Пруссаки чтобы допустить статьи смягчающія эту уступку, а также и статьи о русской гарантіи, которая должна обусловливать будущую зависимость Польши отъ Россіи. Изъ двухъ способовъ предложенныхъ его польскими совѣтниками, Сиверсъ выбралъ второй, какъ наиболѣе дѣйствительный. Сообразно съ тѣмъ онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія чтобы вопросъ былъ рѣшенъ въ засѣданіи слѣдующаго дня, то-есть 22го августа (2го сентября).

Яковъ Ефимовичъ двинулъ въ городъ разные отряды, расположенные по окрестностямъ и приказалъ занять ими всѣ выходы и главныя улицы. Безъ билета отъ русскаго коменданта въ тотъ день никто не могъ выйти изъ своего дома. Королевскій за́мокъ былъ окруженъ двумя баталіонами гренадеръ съ четырьмя пушками, при которыхъ стояли артиллеристы съ зажженными фитилями. На дворѣ за́мка и въ корридорахъ разставлена была сильная стража. Генералъ-майоръ Раутенфельдъ получилъ приказъ помѣститься съ дюжиной офицеровъ въ самой залѣ сеймовыхъ засѣданій, наблюдать чтобы не были допущены арбитры и вообще помогать великому маршалу литовскому въ сохраненіи порядка. Въ то же время Сиверсъ адресовалъ Тышкевичу письмо съ изложеніемъ причинъ по которымъ были приняты всѣ эти грозныя мѣры. До русскаго посланника, писалъ онъ, дошли слухи о существованіи заговора противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и другихъ достопочтенныхъ членовъ сейма. Поэтому

должна быть оставлена не запертою только одна дверь въ залу засѣданія; но при ней будетъ находиться стража изъ русскихъ офицеровъ для осмотра всѣхъ подозрительныхъословъ. Если у кого изъ нихъ найдется скрытое оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и судимъ какъ убійца. Литовская гвардія короля также должна подвергнуться осмотру, и если у кого окажутся порохъ и пули, того приказано также арестовать. Если въ залу проберется кто-либо изъ арбитровъ, то его взять и посадить въ тюрьму. Генералъ Раутенфельдъ займетъ кресло подлѣ королевскаго трона съ лѣвой стороны, а его офицеры сядутъ на скамьяхъ назначенныхъ для арбитровъ. Великій маршалъ пусть объявитъ членамъ сейма что никто изъ нихъ не долженъ сходить со своего мѣста во все время засѣданія, но что впрочемъ *имъ предоставляется полная свобода слова.*

Сеймовому маршалу была отослана копія съ этого письма, а сейму адресована новая нота. То и другое Сиверсъ предварительно сообщилъ королю и своимъ, такъ-называемымъ, друзьямъ, то-есть вождямъ сеймоваго большинства. Предъ полуднемъ онъ самъ отправился въ замокъ и на мѣстѣ указалъ Раутенфельду какъ и гдѣ должны быть разставлены караулы. Потомъ онъ зашелъ къ королю, по его приглашенію, и выслушалъ отъ него усердную благодарность за попеченія о его безопасности; причемъ Станиславъ-Августъ, по обыкновенію, не преминулъ пожаловаться на свою горькую судьбу.

Въ четвертомъ часу пополудни послы начали собираться въ сеймовую залу. Ихъ впускали безъ всякаго затрудненія; но если кому-нибудь изъ нихъ приходила охота выйти, гренадеры, поставленные у дверей, скрестивъ штыки, преграждали ему дорогу. Сначала царствовало угрюмое молчаніе, но едва прибылъ король, какъ поднялась буря. Прусскіе сторонники требовали немедленнаго открытія засѣданія, а члены оппозиціи, собравшись въ кучку на срединѣ залы, кричали сеймовому маршалу чтобъ онъ прежде всего, согласно со своею присягой, постарался удалить непрошенныхъ арбитровъ; а до тѣхъ поръ они не дозволятъ открыть засѣданіе. Тутъ подъ арбитрами разумѣлись, конечно, русскіе офицеры съ Раутенфельдомъ. Нѣкоторые, какъ Шидловскій и Гославскій, обращаютъ свои жалобы къ королю на такое недовѣріе къ Полякамъ и на чужеземную стражу его окружающую. Король отозвался что онъ вѣритъ въ свой народъ и нисколько не

причастенъ этому насилію. Его слова производятъ еще большее волненіе между послами. Многіе оставляютъ свои мѣста и кричатъ великому маршалу литовскому, чтобъ онъ пригласилъ иностранныхъ офицеровъ удалиться изъ избы; нѣкоторые требуютъ распущенія сейма; а сторонники Пруссіи продолжаютъ настаивать на открытіи засѣданія. Посреди такого смятенія одни только русскіе офицеры неподвижно сидятъ на тѣхъ мѣстахъ которыя были имъ указаны.

Тышкевичъ представляетъ собранію полученное имъ письмо, въ доказательство того что онъ наравнѣ со всѣми подвергался чужеземному насилію. Онъ передалъ письмо сеймовому маршалу. Тогда возникаетъ новый споръ: Міончинскій съ товарищами требуютъ открытія засѣданія для прочтенія письма, а противники его ни подъ какимъ видомъ не соглашаются на то въ присутствіи военной силы. Наконецъ, по усильнымъ просьбамъ самого Тышкевича, чтобы дать ему возможность оправдаться въ глазахъ сословій, оппоненты допускаютъ чтеніе письма. Тонъ и содержаніе его произвели глубокое впечатлѣніе. Немедленно поднялись многіе голоса съ жалобами на оскорбительное подозрѣніе Поляковъ въ заговорѣ противъ короля. Микорскій требуетъ чтобы посланникъ назвалъ тѣхъ которые могли составить такой ненавистный заговоръ. Шидловскій говоритъ что насиліе причиняемое сейму присутствіемъ иностранной военной силы еще менѣе чувствительно нежели самый поводъ къ нему, тѣмъ болѣе что Польша, всегда преданная особѣ своихъ королей, никогда не запятнала своихъ лѣтописей покушеніемъ противъ ихъ священной особы.* Онъ прибавляетъ что засѣданіе не можетъ быть дѣйствительнымъ, пока военная сила не удалится. То же самое повторяютъ и его товарищи по убѣжденіямъ.

Гославскій проситъ короля чтобъ онъ, въ знакъ довѣрія къ своей націи, приказалъ войскамъ удалиться. Король снова увѣряетъ собраніе въ томъ что онъ нисколько не причастенъ подобному насилію, и затѣмъ рѣшаетъ отправить къ русскому посланнику депутацію чтобы просить его объ удаленіи войска. Въ эту депутацію онъ назначаетъ обоихъ канцлеровъ и двухъ епископовъ, Коссаковскаго съ Масальскимъ. Но епископы уклонились отъ порученія, оправдываясь тѣмъ что подобныя депутаціи обыкновенно отправляются только свѣтскими особами. Тогда король вмѣсто епископовъ назначилъ

* Извѣстно какъ несправедливо это заявленіе.

литовскаго подскарбія Огинскаго и каштеляна Суходольскаго, какъ представителей сената; а отъ рыцарскаго сословія Бѣлинскаго и Анквича. Прежде нежели депутація успѣла выйти изъ палаты, Коссаковскій, желая конечно изгладить непріятное впечатлѣніе произведенное отказомъ епископовъ, просить короля чтобъ онъ дозволилъ собранію поцѣловать его руку въ знакъ неизмѣнной вѣрности народа къ его особѣ. Анквичъ повторяетъ ту же просьбу отъ имени рыцарскаго сословія (тогда какъ общая молва именно ему приписывала изобрѣтеніе слуха о мнимомъ заговорѣ). Маршалъ сеймовый, по обычаю, приказываетъ секретарю читать списки пословъ по воеводствамъ, для того чтобъ они по очереди подходили къ королевской рукѣ. Но оппозиція и тутъ не пропустила случая поднять споръ. Она не позволила читать списки на томъ основаніи что засѣданіе еще не было открыто. Рѣшено обойтись на этотъ разъ безъ чтенія списковъ.

Когда церемонія съ королевскою рукой была окончена, депутація отправилась къ посланнику. До ея возвращенія палата цѣлые два часа оставалась въ полномъ бездѣйствіи; послы въ это время раздѣлились на группы и разговаривали въ полголоса. А между тѣмъ сторонніе посѣтители сеймовыхъ засѣданій воспользовались перерывомъ надзора и успѣли, въ значительномъ количествѣ, проникнуть въ залу.

Было уже около восьми часовъ вечера, когда депутація воротилась. Послы заняли свои мѣста и потребовали отъ нея отчета. Но канцлеръ коронный именемъ депутаціи предложилъ прежде открыть засѣданіе. Новый споръ: часть палаты поддерживаетъ это предложеніе, а оппозиція противится ему на томъ основаніи что депутація отправлена безъ открытія засѣданія, слѣдовательно нѣтъ въ немъ надобности и для отобранія отъ нея отчета. Депутаты уступили и начали одинъ за другимъ передавать подробности своего свиданія съ русскимъ посланникомъ.

Сущность этого отчета заключалась въ слѣдующемъ.

На просьбу сейма объ удаленіи офицеровъ изъ сеймовой залы и объ отозваніи войска изъ королевскаго замка, Сиверсъ согласился только на первое, то-есть на удаленіе офицеровъ, впрочемъ за исключеніемъ генерала Раутенфельда; а войско должно оставаться въ замкѣ до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ принятіе проекта внесеннаго Подгорскимъ.

Въ оправданіе своей мѣры онъ сослался на бюллетени пяти послѣднихъ засѣданій, указалъ на выходки противъ короля и сеймоваго маршала, на равнодушіе съ которымъ приняты три русскія ноты. Кромѣ того, по его словамъ, уже нѣсколько дней ходятъ слухи о тайномъ заговорѣ противъ короля и другихъ высокихъ особъ. Вслѣдствіе всего этого онъ долженъ принять мѣры безопасности, напомнить сеймовымъ маршаламъ о порядкѣ и объ ихъ обязанностяхъ къ отечеству. Въ заключеніе онъ подтвердилъ что прежде надлежащаго постановленія по вопросу о прусскомъ договорѣ никто изъ сеймующихъ не будетъ выпущенъ изъ за́мка.

По окончаніи отчета маршалъ приступаетъ къ открытію засѣданія, но предварительно проситъ арбитровъ удалиться. Оппозиція и въ этомъ случаѣ не преминула заявить свое несогласіе: если генералъ Раутенфельдъ, говорила она, безъ всякаго права остается въ палатѣ, то почему же не могутъ быть въ ней польскіе арбитры, которые заинтересованы въ вопросѣ о цѣлости своего отечества? Однако большинство палаты поддержало маршала и настояло на удаленіи публики. Маршалъ объявляетъ что засѣданіе открыто (обычными словами: *сессія загоена!*); затѣмъ онъ указываетъ на смутныя обстоятельства въ которыхъ находится отечество, на необходимость удовлетворить требованіямъ русскаго посланника, и доноситъ о вновь полученной отъ него нотѣ. Секретарь читаетъ эту ноту. Въ ней снова высказывается упрекъ сейму за его упорство относительно прусскаго договора, говорится о явномъ присутствіи якобинской заразы и повторяется требованіе чтобы сеймъ немедленно снабдилъ делегацію полномочіемъ для подписи трактата, составленнаго при посредствѣ русскаго посланника и внесеннаго на сеймъ Подгорскимъ. (Проектъ былъ напечатанъ и розданъ посламъ.) Въ заключеніе нота упоминаетъ о принятыхъ мѣрахъ военной предосторожности и выражаетъ надежду что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ пока не будетъ постановлена подпись трактата.

Когда окончилось чтеніе ноты, въ палатѣ съ минуту царствовало молчаніе. Оно было прервано Скаржинскимъ, который голосомъ исполненнымъ скорбнаго чувства произнесъ пространную рѣчь.

„Наяснѣйшій король, панъ мой милостивый! Наяснѣйшія сословія Рѣчи Посполитой!“ началъ онъ. „Дни 17го іюля [illegible]

августа суть дни бѣдствія и упадка нашей отчизны,*—дни, которые мы должны оплакивать до конца нашей жизни. Они будутъ памятниками не только притѣсненія со стороны иноземцевъ, но и забвенія гражданскихъ обязанностей со стороны Поляковъ, недостаточно преданныхъ своему отечеству. Уже пала наша отчизна, уже потеряли мы наши провинціи сопредѣльныя съ Россіей, и потеряли безвозвратно, потому что большинство утвердило подпись и ратификацію трактата объ этомъ заборѣ. Какъ ни велика наша потеря, еслибъ она на томъ окончилась, была бы по крайней мѣрѣ еще сносною. Но, Боже мой, еще мы не отерли тѣхъ слезъ которыя причиняетъ намъ эта утрата, какъ уже наступаетъ такой же бѣдственный чередъ исполниться замысламъ Берлинскаго двора. А исполненіе этихъ замысловъ я предвижу въ томъ печальномъ обстоятельствѣ что оппозиція наша, одушевленная горячимъ патріотизмомъ, уменьшается съ каждымъ днемъ." Далѣе, ораторъ напомнилъ примѣръ древнихъ Грековъ, которые предпочитали лучше погребать себя въ развалинахъ своей отчизны нежели переживать ее, и еслибы Поляки дѣйствовали подобнымъ образомъ, Польша не подверглась бы паденію. Отдавать чужеземцу часть своей страны подъ предлогомъ спасти остальное, это то же самое какъ еслибы кто для спасенія отъ потопленія выбросилъ изъ лодки въ море человѣка который имѣлъ одинаковое съ нимъ право въ ней находиться. Ораторъ выражалъ увѣренность въ томъ что несогласно было бы съ душою Великой Екатерины утѣснить своимъ могуществомъ народъ, который въ теченіе этого сейма по большей части былъ ей такъ послушенъ. А прусскую силу Поляки должны отражать собственною силой, и еслибъ они были побѣждены, по крайней мѣрѣ сохранили бы свою честь. Уступка провинцій Россіи имѣла хотя нѣкоторую тѣнь основанія, потому что ей предшествовали военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. А какое основаніе для прусскаго забора? Развѣ Поляки нарушили послѣдніе трактаты съ Берлинскимъ дворомъ? Развѣ они вели съ нимъ войну?

Затѣмъ ораторъ указываетъ на самого себя. У него есть небогатое имѣніе, наслѣдованное отъ предковъ, въ трехъ только миляхъ отъ прусской границы, такъ что иноземная

* Въ эти дни сеймомъ рѣшена уступка провинцій Россіи и ратификація русскаго договора.

сила легко можетъ отнять его. Но она не отниметъ у него чести; сухой хлѣбъ съ водой будетъ ему милѣе всякаго изобилія; сума на плечахъ будетъ для него вмѣсто почетнаго знака отличія. А если иноземное насиліе отниметъ у него жизнь, о, онъ будетъ счастливъ окончить ее вмѣстѣ съ жизнію его любезнѣйшаго отечества!

Наконецъ, истощивъ подобные этому доводы противъ прусскихъ требованій, Скаржинскій хватается, какъ утопающій за соломинку, за несоблюденіе формальностей въ проектѣ Подгорскаго. Этотъ проектъ, никѣмъ неподписанный, прочтенъ былъ только какъ добавокъ къ нотѣ русскаго посланника, а постановленіе 1768 года дозволяетъ подавать проекты на сеймѣ только членамъ этого сейма; притомъ и самый авторъ проекта исключенъ изъ палаты. Заявивъ противъ него снова торжественный протестъ, ораторъ проситъ принять проектъ Шидловскаго; въ послѣднемъ могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя поправки, чтобы не прерывать дальнѣйшихъ переговоровъ съ Берлинскимъ дворомъ, но необходимо постановить рѣшительный отказъ въ уступкѣ земель. Въ заключеніе онъ взываетъ къ королю съ просьбой поддержать свой народъ въ этой великодушной рѣшимости. Если и все потеряно, по крайней мѣрѣ потомство не въ правѣ будетъ сѣтовать на нихъ; нѣкогда, вспоминая о своихъ отцахъ, оно со слезами на глазахъ скажетъ: „они погибли, но погибли съ честію“.

Краснорѣчіе Скаржинскаго не замедлило вызвать усердныхъ соревнователей. За нимъ говорилъ Микорскій, который направилъ свои стрѣлы преимущественно противъ короля за его покровительство столь незаконному и пагубному для реслублики проекту Подгорскаго. „Людовикъ XVI и Густавъ III“, сказалъ онъ между прочимъ, „позавидовали бы счастію вашего величества: царствовать надъ такимъ кроткимъ и доблестнымъ народомъ.“ Затѣмъ говорилъ Шидловскій, который съ большою энергіей требовалъ рѣшенія своего проекта, соглашаясь впрочемъ на нѣкоторыя поправки. Его поддерживаютъ Карскій, Богуцкій, Стоинскій и Красподембскій.

„Пане маршалку!“ воскликнулъ Скаржинскій, обращаясь къ Бѣлинскому. „Такъ какъ многочисленные голоса высказались противъ прусскаго забора и ни одинъ въ пользу проекта Подгорскаго, то тѣмъ удобнѣе долженъ быть внесенъ проектъ пана Шидловскаго.“

Но Бѣлинскій, обѣщавшій во что бы то ни стало провести

проектъ Подгорскаго, конечно въ это время думалъ только о томъ какъ бы выполнить свою задачу. Въ борьбѣ членовъ оппозиціи съ подкупленными сторонниками Пруссіи явный перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ, а большинство палаты все еще не рѣшалось высказаться противъ горсти неукротимыхъ ораторовъ и даже показывало нѣкоторое сочувствіе къ ихъ пламеннымъ декламаціямъ. Притомъ и русскій посланникъ, какъ извѣстно, не слишкомъ усердно поддерживалъ своего прусскаго товарища, имѣя въ виду вынудить нѣкоторыя уступки съ его стороны. Но въ этотъ день рѣшено было положить конецъ дальнѣйшему сопротивленію.

Чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія, Сиверсъ отправился въ замокъ подъ предлогомъ визита сестрѣ короля, пани Краковской, и оставался у нея до одиннадцати часовъ вечера. Время отъ времени онъ призывалъ сюда тѣхъ которымъ хотѣлъ что-нибудь сказать, чтобъ устранять встрѣчавшіяся затрудненія. Когда нѣкоторые заговорили объ отсрочкѣ засѣданія, Яковъ Ефимовичъ громко далъ приказъ генералу Раутенфельду не выпускать никого прежде нежели будетъ рѣшенъ главный вопросъ, то-есть уступка провинцій; а относительно добавочныхъ статей онъ предоставилъ собранію свободу. Интересенъ между прочимъ слѣдующій фактъ: Гетманъ Коссаковскій, вице-канцлеръ Платеръ и каштелянъ Ледоховскій не пришли на засѣданіе. Сиверсъ послалъ къ нимъ своего дежурнаго штабъ-офицера, и велѣлъ именемъ ея величества сказать чтобъ они явились туда немедленно. Первый и третій тотчасъ исполнили приказаніе, а Платеръ написалъ посланнику письмо съ извиненіями. Но тотъ не принялъ никакихъ отговорокъ и подтвердилъ что надобно повиноваться. Вице-канцлеръ явился въ палату, и потомъ даже сказалъ очень патетическую рѣчь о повиновеніи должномъ ея императорскому величеству.

По прибытіи домой, взволнованный, утомленный, посланникъ набросалъ нѣсколько строкъ къ одной изъ своихъ дочерей. „Бьетъ полночь, писалъ онъ. Я воротился изъ дворца, который окруженъ двумя баталіонами, чтобъ образумить сеймъ. Онъ долженъ былъ очень меня разсердить, если я пошелъ такъ далеко. Засѣданіе не закроется до 5 часовъ утра; если я потеряю turnum, то-есть большинство, то оставлю ихъ въ залерти.“ Но до такой крайности дѣло не дошло.

Когда большинство убѣдилось въ непреложномъ рѣшеніи

русскаго посланника покончить въ этотъ день съ главнымъ вопросомъ, оно оставило свои колебанія. Но къ рѣшенію вопроса вожди большинства пошли не прямо, а прибѣгли къ нѣкоторымъ предварительнымъ маневрамъ. Всталъ епископъ Коссаковскій, и въ пространной рѣчи указалъ на насиліе, съ одной стороны выразившееся въ угрожающихъ нотахъ и декларацiяхъ, съ другой—въ присутствiи иноземныхъ солдатъ у дверей самой палаты. Это насиліе очевидно для цѣлой Европы. Но если вслѣдствіе его въ проектѣ прускаго трактата и будетъ помѣщена уступка польскихъ земель, то по крайней мѣрѣ пусть статьи о торговлѣ и другіе важные пункты будутъ установлены прежде ратификацiи трактата. Сдѣлавъ этотъ важный шагъ впередъ, Коссаковскій какъ бы слѣшитъ ослабить непріятное впечатлѣніе произведенное его согласіемъ на уступку провинцій, и высказываетъ желаніе чтобы никто не подписывалъ своего имени подъ тѣмъ проектомъ, авторъ коего объявленъ измѣнникомъ отечеству. Напротивъ, онъ предлагаетъ принять проектъ Шидловскаго; но такъ какъ послѣдній, одушевленный высокимъ патріотизмомъ, самъ изъявилъ согласіе на нѣкоторыя въ немъ поправки, то пусть его проектъ будетъ дополненъ прибавками о торговомъ договорѣ и другихъ сепаратныхъ статьяхъ, и пусть въ немъ будетъ еще поставлена самая торжественная протестацiя противъ причиненнаго Полякамъ насилія. Въ заключеніе епископъ предлагалъ окончательную редакцію проекта поручить конституціонной депутацiи. Слѣдовательно, дѣло принимало такой оборотъ что за исходный пунктъ для дальнѣйшихъ переговоровъ какъ будто принимался оппозиціонный проектъ Шидловскаго.

Предложеніе Коссаковскаго на первый разъ вызвало только незначительныя замѣчанія. Тогда ободренные члены большинства пошли далѣе. Они согласились относительно нѣкоторыхъ добавленій, которыя и были немедленно поданы сеймовому маршалу Станишевскимъ, посломъ черскимъ. Тотъ велѣлъ секретарю прочесть эти добавленія. Сущность ихъ была слѣдующая: возвращеніе образа Ченстоховской Богоматери со всѣми принадлежавшими ему вещами; отреченіе прускаго правительства отъ наслѣдства Радивилловъ въ случаѣ прекращенія этой фамиліи; пребываніе примаса во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и, наконецъ, обезпеченіе за нимъ доходовъ въ краѣ отходящемъ къ Пруссіи. *

* Между Бранденбургскимъ домомъ и Радивиллами существовалъ

Міончинскій предложилъ чтобы конституціонная депутація немедленно занялась исправленіемъ проекта Шидловскаго на основаніи представленныхъ дополненій. Маршалъ сеймовый принялъ это предложеніе. Но Скаржинскій и товарищи его протестовали, такъ какъ дополненія Станиславскаго допускаютъ уступку провинцій, чего въ проектѣ Шидловскаго никоимъ образомъ помѣщено быть не можетъ. Снова возникли горячіе споры. Посреди этихъ споровъ Бѣлинскій вдругъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ и ставитъ вопросъ такимъ образомъ: „Будетъ ли принятъ проектъ полномочія, навязанный силою, или проектъ Шидловскаго?“ Но этотъ шагъ тотчасъ возбудилъ въ палатѣ страшную бурю. Оппозиція изо всѣхъ силъ кричитъ что рядомъ съ проектомъ Шидловскаго не можетъ быть внесенъ измѣнническій проектъ Подгорскаго. Она повторяетъ опять тотъ же припѣвъ что послѣдній нельзя назвать проектомъ, что это только прибавка къ нотѣ посланника и т. п. Но Бѣлинскій уже не отступаетъ предъ грозными кликами оппозиціи. Онъ только дѣлаетъ небольшой обходъ, чтобы вѣрнѣе подойти къ тому же вопросу. Онъ предварительно ставитъ слѣдующій turnus: „Сдѣланное имъ предложеніе палата принимаетъ или отвергаетъ?“

Напрасно Скаржинскій и его единомышленники продолжаютъ заявлять свои протесты. Большинство поддерживаетъ Бѣлинскаго и требуетъ голоса для коронаго референдарія, на обязанности котораго собственно лежало производство голосованія. Маршалъ великій литовскій, послѣ нѣкотораго колебанія, даетъ голосъ референдарію. Послѣдній обращается съ помянутымъ

договоръ, въ силу котораго первый долженъ былъ наслѣдовать огромныя имѣнія князя Доминика, въ случаѣ его бездѣтной смерти. Бо́льшая часть этихъ владѣній находилась въ провинціяхъ отошедшихъ теперь къ Россіи; слѣдовательно и Русскій дворъ также былъ заинтересованъ въ уничтоженіи этого договора. Остальныя дополненія, какъ видимъ, касались интересовъ духовенства и очевидно составлены были подъ вліяніемъ трехъ епископовъ засѣдавшихъ на сеймѣ: Масальскаго, Скаржевскаго и Коссаковскаго. Рукопись Гинета замѣчаетъ что они долго и горячо спорили съ Бухгольцомъ на конференціяхъ депутаціи по поводу Ченстоховской иконы, и прибавляетъ слѣдующее размышленіе: „Удивительная вещь! Уступка милліона народу въ неволю (Пруссіи) было для нихъ легкимъ дѣломъ, которое они исполнили безъ всякаго сопротивленія; но захватъ иконы поразилъ ихъ чрезвычайно!“

вопросомъ сперва къ сенату и отбираетъ голоса; потомъ идетъ чередъ рыцарскаго сословія. При этомъ референдарій читаетъ печатный списокъ сейма и въ соотвѣтствующей графѣ отмѣчаетъ кто подалъ голосъ affirmative и кто negative. Усилія оппозиціи ломѣшать ему остаются тщетны. Въ результатѣ предложеніе маршала принято большинствомъ 60 голосовъ противъ 28.

Тогда Бѣлинскій слѣшитъ внести свое предложеніе облекши его въ слѣдующую форму: „Будетъ ли принятъ къ рѣшенію проектъ приложенный къ нотѣ русскаго посланника и поддержанный силою иноземнаго войска, или проектъ Шидловскаго?“ Снова оппозиція противится внесенію этого предложенія, и снова напрасно. Оно получаетъ 59 голосовъ противъ 26. Тогда нѣкоторые послы подаютъ свои прибавленія и поправки къ проекту Подгорскаго. Маршалъ сеймовый передаетъ ихъ конституціонной делутаціи, которая удаляется въ сосѣднюю комнату чтобы дать окончательную редакцію проекту Подгорскаго съ дополненіями. Спустя полчаса, она возвращается и подаетъ готовый проектъ. По прочтеніи его маршалъ сеймовый ставитъ turnus въ слѣдующей формѣ: „Проектъ полномочія принятый къ рѣшенію и исправленный делутаціей долженъ быть обращенъ въ законъ или нѣтъ?“ Группа оппозиціонныхъ пословъ еще разъ лытается протестовать и надрываетъ себѣ грудь чтобы заглушить короннаго референдарія, и опять безуспѣшно. Большинство очевидно уже махнуло рукой на всѣ ея возгласы и протестаціи. Происходитъ послѣднее голосованіе, и проектъ принятъ большинствомъ 61 голоса противъ 23. *

Этотъ исправленный и обращенный въ законъ проектъ полномочія для делутаціи, трактовавшей съ прусскимъ посломъ, начинался указаніемъ на бѣдственное, стѣсненное положеніе сейма и торжественною протестаціей предъ лицомъ Европы противъ учиненнаго ему насилія. Вслѣдствіе этого насилія, сословія принуждены разрѣшить делутаціи подпись трактата въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ составленъ при посредствѣ русскаго посланника, съ условіемъ чтобы пункты о торговлѣ и другія отдѣльныя статьи были заключены при

* Въ первомъ голосованіи, какъ видимъ, участвовали 88, во второмъ 85, а въ третьемъ 84. Вѣроятно, подъ конецъ засѣданія нѣкоторые члены палаты воздержались отъ подачи голоса.

медіаціи и гарантіи Русской императрицы, и чтобы подпись ихъ предшествовала ратификаціи договора объ уступкѣ земель. Въ числѣ отдѣльныхъ статей приведены тѣ которыя упомянуты выше, то-есть сохраненіе примасу всѣхъ его доходовъ и пребываніе его въ Польшѣ; отреченіе Бранденбургскаго дома отъ Радзивиловскаго наслѣдства и возвращеніе подлиннаго образа Ченстоховской Богоматери со всѣми его сокровищами. *

Предъ окончаніемъ засѣданія многіе послы потребовали еще чтобы канцлеры сообщили иностраннымъ министрамъ всѣ угрожающія ноты посланниковъ русскаго и прусскаго, а также и послѣднее письмо Сиверса къ Тышкевичу. На запросъ маршала объ этомъ требованіи послѣдовала троекратная *згода* палаты (то-есть единогласіе безъ вотированія). Очевидно она думала хотя этимъ доказательствомъ насилія оправдать себя въ глазахъ Европы. Затѣмъ литовскій подканцлеръ Плагеръ, по порученію короля, закрылъ засѣданіе до середы или до 4го сентября. Былъ уже четвертый часъ утра когда послы начали расходиться изъ сеймовой залы.

Составляя подробное донесеніе о послѣднихъ засѣданіяхъ сейма, Яковъ Евѳимовичъ прибавляетъ: „Приходилось произносить угрозы и жесткія слова, когда сердце стремится къ умѣренности и благотворительности относительно слабаго. Вчерашняя нота едва произвела свое дѣйствіе, — и то только съ помощью двухъ баталіоновъ которые окружили замокъ“. Онъ выражаетъ далѣе надежду что прусскій министръ подпишетъ договоръ, хотя добавочные пункты причиняютъ ему досаду. Надежду эту онъ основываетъ на трехъ послѣднихъ письмахъ Мёллендорфа, которыя скорѣе похожи на жалобы чѣмъ на угрозы. Если Бухгольцъ не подпишетъ, во всякомъ случаѣ онъ, то-есть Сиверсъ, не согласится на вступленіе Пруссаковъ въ Краковское и Сендомірское воеводства и заставитъ своего товарища подождать новыхъ инструкцій отъ обоихъ участвующихъ въ раздѣлѣ дворовъ.

Въ тотъ же день (3го сентября пов. ст.) Сиверсъ пишетъ своей старшей дочери: „Что̀ должна была бы ты чувствовать при видѣ этого несчастнаго города! Каковы были мои чувства, когда я цѣлыхъ двѣнадцать часовъ держалъ въ запертѣ короля вмѣстѣ съ сеймомъ, и когда давалъ Раутенфельду приказъ не выпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ согласія на подпись своего собственнаго несчастія! Вотъ тутъ

* *Korrespondent*, 1517.

есть что̀ читать: четыре ноты въ теченіе пяти дней, и однако Пруссакъ все еще недоволенъ."

Не задолго до знаменитаго засѣданія 22го августа (2го сентября) Сиверсъ получилъ отъ императрицы благосклонный рескриптъ (отъ 11го августа), въ которомъ она одобряла его поведеніе и поощряла поддерживать Поляковъ въ вопросѣ о границахъ и о коммерческомъ трактатѣ съ Пруссіей. А спустя недѣлю послѣ этого засѣданія онъ получилъ другой рескриптъ (отъ 23го августа). Екатерина хвалила его способъ посредничества между сеймомъ и Бухгольцомъ, и подтвердила чтобъ онъ употребилъ все свое вліяніе для заключенія русскаго договора, не прибѣгая къ насилію. Въ это время ей было неизвѣстно что накануѣ ея посланникъ уже прибѣгъ къ насилію; но изъ слѣдующаго рескрипта (отъ 7го сентября) видимъ что она желала предупредить насиліе со стороны не Россіи, а Пруссіи. Императрица снова одобряетъ образъ дѣйствія своего посланника, и именно за то что онъ не допускаетъ Пруссаковъ исполнить ихъ угрозу, то-есть занять еще два воеводства. Теперь главная задача русскаго посланника полагалась въ томъ чтобы заключить между Польшей и Россіей союзный и торговый трактатъ. Но Екатерина предупреждаетъ Сиверса чтобъ онъ подождалъ съ этимъ трактатомъ, пока не подписана уступка земель отходящихъ къ Пруссіи: иначе сеймъ еще болѣе будетъ противиться такой уступкѣ, опираясь на союзъ, и мы оказались бы въ печальной необходимости начать этотъ союзъ принудительными мѣрами въ пользу прусскихъ требованій. „Если договоръ съ Пруссіей, прибавляетъ рескриптъ, еще не заключенъ, употребите все ваше вліяніе чтобъ его ускорить."

Вмѣсто благодарности за энергическія мѣры употребленныя русскимъ посланникомъ чтобы вырвать у сейма согласіе на уступку провинцій, Бухгольцъ изъявилъ свое неудовольствіе на тѣ статьи которыя были прибавлены къ этой уступкѣ. На слѣдующій день послѣ достопамятнаго засѣданія Сиверсъ говорилъ съ нимъ цѣлые три часа и убѣждалъ его подписать договоръ въ томъ видѣ въ какомъ онъ рѣшенъ наканунѣ сеймомъ. Но Бухгольцъ никакъ не соглашался на добавочныя статьи, тѣмъ болѣе что не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ полномочій. Онъ просилъ согласія на занятіе Пруссаками обоихъ воеводствъ. Сиверсъ отказалъ наотрѣзъ. Снова началась переписка о томъ же предметѣ съ Мёллендорфомъ.

который ссылался на приказанія своего короля о немедленномъ исполненіи угрозы, если сеймъ окажетъ сопротивленіе. Опять открылся рядъ конференцій между депутаціей и прусскимъ посланникомъ въ присутствіи Сиверса, который употреблялъ всѣ усилія чтобы привести къ соглашенію обѣ стороны.

Въ письмахъ къ дочерямъ Сиверсъ часто жалуется на свое тягостное положеніе, особенно на то что онъ принужденъ употреблять жестокія мѣры противъ Поляковъ въ пользу чужаго для него Прусскаго короля. Иногда онъ слегка трунитъ надъ собою, напримѣръ въ родѣ того что онъ сдѣлался сочинителемъ нотъ, но только не музыкальныхъ. Изъ тѣхъ же писемъ мы узнаемъ что посреди самой тревожной дѣятельности Яковъ Ефимовичъ попрежнему освѣжаетъ себя пріятнымъ пѣніемъ графини Камелли, съ акомпаниментомъ гитары графа Морелли, присутствуетъ на разныхъ празднествахъ или самъ даетъ банкеты.

7го сентября (нов. ст.) посланникъ устроилъ у себя балъ и большой ужинъ на 150 особъ въ честь Станислава Августа, такъ какъ это былъ день его избранія. Замѣчательны при этомъ родительская нѣжность Якова Ефимовича и неоднократное совпаденіе офиціальныхъ торжествъ съ его семейными праздниками. Увѣдомляя младшую дочь о пиршествѣ, онъ прибавляетъ что втайнѣ праздновалъ не день королевскаго избранія, а день рожденія своей возлюбленной Катеньки (то-есть старшей дочери). На этомъ праздникѣ повторенъ былъ тотъ же спектакль который давался по поводу дня рожденія Якова Ефимовича; только перемѣнили нѣсколько словъ чтобы вмѣсто его имени вставить имя короля. Говоря о праздникѣ, Яковъ Ефимовичъ по обыкновенію не упускаетъ случая упомянуть объ „увлекательномъ голосѣ“ графини Камелли. Мимоходомъ замѣтить, онъ однако не даетъ намъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой графинѣ. Въ одномъ только письмѣ упоминается что графиня хлопочетъ о помѣщеніи своего брата, который желаетъ вступить въ русскую службу. Изъ другаго документа, именно изъ записки секретаря Фриза, поданной Станиславу Августу, видно что русскій посланникъ рекомендовалъ особому покровительству короля „по истинѣ несчастную графиню“, и что ея отецъ и мужъ пользовались королевскими милостями. По словамъ этой записки, посланникъ желалъ бы чтобы король удѣлилъ графинѣ

изъ полученныхъ имъ денегъ тысячи двѣ дукатовъ; тогда она могла бы, довольная и счастливая, воротиться къ своему мужу; а что касается до ея брата, Сиверсъ намѣренъ отправить его въ Петербургъ, снабдивъ хорошею рекомендаціей. *

На слѣдующій день, 8го сентября, былъ концертъ кларнетистовъ въ театрѣ и опять ужинъ у русскаго посланника. А 11го сентября (30го августа), въ день Александра Невскаго, графъ Николай Зубовъ давалъ балъ и большой концертъ съ участіемъ италіянской трупы проѣзжавшей въ Петербургъ. Около того же времени наступили празднества установленныя въ память Ясскаго мира съ Турціей. Императрица въ манифестѣ, подписанномъ ею 12го іюля 1793 года, связываетъ этотъ миръ съ присоединеніемъ новыхъ провинцій отъ Польши, которое прямо называетъ *возвращеніемъ нашего древняго достоянія*. Она повелѣваетъ принести торжественное благодареніе Богу за Ясскій миръ въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ губерніяхъ 2го сентября; а въ отдаленныхъ—тотчасъ по полученіи манифеста; ** Сиверсъ велѣлъ отпечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ его въ переводѣ на польскій языкъ и распространить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Въ Варшавѣ обнародованіе манифеста происходило 2го (13го) сентября и сопровождалось, кромѣ молебствія, пушечною пальбой, иллюминаціей и фейерверкомъ. А въ Гроднѣ Яковъ Ефимовичъ 5го (16го) сентября далъ у себя великолѣпный балъ и угощеніе на 200 особъ. Если вѣрить его донесенію, адресованному на имя Зубова, манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Поляковъ, и на балу ему много разъ слышались слова: „Зачѣмъ не взяли и насъ!“

XII.

Депутація для формы правительства. — Распущеніе Тарговицы. — Отказъ Пруссіи утвердить договоръ съ добавленіями. — Арестъ четырехъ пословъ. — Нѣмое засѣданіе. — Подпись прусскаго договора.

Послѣ бурныхъ преній объ уступкѣ земель главное вниманіе Гродненскаго сейма сосредоточилось на вопросахъ внутренней политики. Вопервыхъ, снова поднятъ вопросъ о

* *Blum.* III. 372.

** *П. С. З.* т. XXIII.

несостоятельныхъ банкирахъ. По представленному реэстру долговъ, оказалось что банкъ Теппера долженъ 60 милліоновъ злотыхъ, кіевскаго воеводы Прота Потоцкаго 90 милліоновъ, Кабра слишкомъ 20 и т. д. Вся масса банковыхъ долговъ простиралась до 250 милліоновъ польскихъ злотыхъ, что̀ далеко превышало сумму наличной монеты въ странѣ. Такое огромное банкрутство повлекло за собою разореніе множества лицъ которыя ввѣрили банкамъ почти все свое состояніе. Въ засѣданіи 25го августа (5го сентября) рѣшено назначить особую судную коммиссію для разбора этого дѣла. Въ томъ же засѣданіи каштелянъ смоленскій Суходольскій, единственный изъ наличныхъ въ Гродиѣ сенаторовъ явно примыкавшій къ оппозиціи, выступилъ въ пространной рѣчи противъ обвиненія Поляковъ въ якобинствѣ, которое русскій и прусскій посланники повторяютъ въ своихъ офиціальныхъ актахъ. Онъ предложилъ подать иностраннымъ министрамъ отвѣтную ноту по этому поводу. Предложеніе его принято единогласно. *

На слѣдующій день подскарбій литовскій Огинскій, конечно по предварительному соглашенію съ русскимъ посланникомъ, предлагаетъ палатѣ перейти къ рѣшенію его проекта о назначеніи особой депутаціи для пересмотра формы правительства (formy rządu). Этотъ проектъ былъ представленъ имъ еще въ засѣданіи 13го (24го) іюля. ** Но Огинскаго перебиваетъ Цемшевскій, который требуетъ рѣшенія своему проекту, также давно имъ представленному, именно: о задержаніи пенсіи начальникамъ Тарговицкой конфедераціи, отсутствующимъ изъ края, то-есть двумъ гетманамъ, Браницкому и Ржевускому, и генералу коронной артиллеріи Щенсному-Потоцкому. Нѣкоторые изъ членовъ этой конфедераціи поспѣшили снова замять вопросъ о проектѣ Цемшевскаго и потребовали чтобы прежде былъ рѣшенъ проектъ внесенный

* Нота была подана, но осталась безъ отвѣта. Сиверсъ говоритъ о ней: „Она очень хорото написана; но я не отвѣчалъ на нее, это повело бы только къ спорамъ портящимъ кровь и замедляющимъ теченіе дѣлъ. Ибо тѣмъ не менѣе справедливо что этотъ духъ (якобинства) существуетъ, къ несчастію Польши, и особенно въ Варшавѣ." (Депеша № 63.)

** Въ томъ же засѣданіи, 24го іюля, Огинскій благодарилъ короля за свое подскарбство; при чемъ самъ выразился что онъ въ первый разъ говоритъ на этомъ сеймѣ (*Korresp.* 1.317). Но въ мемуарахъ своихъ онъ совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Огинскимъ, что̀ подало оппозиціи поводъ произнести нѣсколько сильныхъ рѣчей противъ магнатовъ, которые своимъ пренебреженіемъ къ законамъ страны и угнетеніемъ слабыхъ сгубили отчизну.

Однако, когда дошло дѣло до голосованія, большинство рѣшило прежде дать ходъ проекту Огинскаго. Прочли этотъ проектъ. Затѣмъ послѣдовали еще долгіе споры о разныхъ его пунктахъ, именно: изъ сколькихъ членовъ должна состоять депутація? кто долженъ назначать этихъ членовъ, король или изба? и т. д.

Наконецъ проектъ Огинскаго, подвергшійся нѣкоторымъ поправкамъ, утвержденъ сеймомъ. Содержаніе его слѣдующее:

Предыдущія бѣдствія и анархія, въ которыя была вержена Польша, заставляютъ короля и сеймъ позаботиться объ устройствѣ твердаго, свободнаго правительства. Съ этою цѣлію назначается особая депутація, которая займется устройствомъ судовъ и земскихъ урядовъ, а въ особенности войска и финансовъ. Она будетъ состоять изъ четырехъ министровъ, по два отъ короны и Литвы, изъ трехъ сенаторовъ и изъ 12ти пословъ, по четыре отъ каждой провинціи; кромѣ того, сеймовый маршалъ участвуетъ въ депутаціи въ силу своей должности. Сенаторовъ и министровъ назначитъ король, а пословъ изба. Всякій обыватель можетъ подавать депутаціи свои проекты, но съ тѣмъ чтобы въ нихъ не было ничего относящагося къ интересамъ частнымъ. Депутація вырабатываетъ свои положенія не decisive, а только proective, и должна представлять ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе сейма.*

Когда въ слѣдующемъ засѣданіи, 29го августа (9го сентября), приступили къ выбору членовъ новой депутаціи и роздали для этого билеты, оказалось что на каждомъ билетѣ было написано имя того посла которому онъ вручался. Оппозиція тотчасъ подняла шумъ, и многіе побросали билеты на землю, говоря что такія надписи были сдѣланы по желанію русскаго посланника, чтобы знать за кого каждый посолъ будетъ подавать голосъ. И конечно, они не ошибались. На упреки обращенные къ сеймовому маршалу послѣдній отвѣчалъ что имена написаны просто для порядка при раздачѣ билетовъ. Но подобныя оправданія вызвали противъ него еще бо́льшія нареканія. На требованіе новыхъ билетовъ онъ

Korrisp. 1.355.

замѣтилъ что у него есть только 200 отпечатанныхъ экземпляровъ, изъ нихъ 130 отмѣчены именами, и безъ подписей остается только 70. Послѣ многихъ споровъ рѣшено смѣшать тѣ и другіе билеты и раздать ихъ не обращая вниманія на подписи. Результатъ неудачи съ написанными билетами былъ тотъ что въ числѣ 12ти пословъ выбранныхъ въ депутацію, третья часть оказалась изъ среды оппозиціи. *

Депутація составленная для пересмотра государственныхъ учрежденій была не что иное какъ простая формальность. Никакихъ серіозныхъ работъ ей не предстояло. Новая польская конституція была уже готова. Въ общихъ чертахъ она была составлена въ Петербургѣ, а надъ подробностями ея, какъ мы знаемъ, Сиверсъ работалъ съ самаго начала своей миссіи. Мы знаемъ также что главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ графъ Мошинскій. Обстоятельства эти ни для кого не были тайной, и оппозиція, конечно, не прошла ихъ молчаніемъ на сеймѣ.

На засѣданіи 31го августа (11го сентября) Микорскій позволилъ себѣ выразиться такимъ образомъ: „Доселѣ я думалъ что доблесть Поляковъ находится только въ усыпленіи, но при случаѣ покажетъ себя. Теперь вижу что я ошибался. Они совершенно похожи на тѣ китайскія пагоды, которыя ставятъ на каминахъ и которыя киваютъ головой при всякомъ прикосновеніи къ пружинѣ. Точно такимъ образомъ Рѣчь Посполитая кивастъ по мановенію проконсула, который предписываетъ при всякомъ случаѣ свою волю или волю своей государыни.“ Ораторъ указывалъ на то что дальнѣйшія засѣданія совершенно излишни, что пусть русскій посланникъ немедленно подастъ что хочетъ на утвержденіе сейма; ибо во всякомъ случаѣ за нимъ большинство. Оратору особенно понравилось названіе проконсула, и онъ въ теченіе своей рѣчи повторилъ его разъ двадцать. Микорскаго поддержали пять или шесть господъ изъ оппозиціи, которые, по

* Вотъ имена избранныхъ: отъ Малой Польши—Яковскій, Рачинскій, Пулавскій и Міончинскій; отъ Великой—Остророгъ, Скаржинскій, Оборскій и Скарбекъ; отъ Литвы—Годачевскій, Кимбаръ, Лопотъ и Спарскій. Король назначилъ отъ сената епископа Масальскаго, каштелянов Оборскаго и Ожаровскаго, а изъ министровъ великаго коронаго маршала Мошинскаго, великаго коронаго канцлера Сулковскаго, литовскаго подскарбія Огинскаго и польнаго литовскаго гетмана Забѣллу.

словамъ Сиверса, „вмѣстѣ лообѣдали и явились въ засѣданіе навеселѣ“. Одинъ изъ нихъ, Суфчинскій, имѣвшій „голосъ Стентора“, въ особенности потѣшалъ собраніе; онъ принимался говорить болѣе десяти разъ, и „почтенный ареопагъ смѣялся отъ всего сердца“. Даже Шидловскій, товарищъ ихъ по убѣжденіямъ, былъ возмущенъ этими неприличіями и предложилъ перенести засѣданія опять на утреннія часы. Предложеніе его впрочемъ не было принято.

На слѣдующій день Цемневскій снова принялся громить магнатовъ, какъ причину всѣхъ бѣдствій республики. На этотъ разъ онъ добился того что его проектъ, снабженный разными поправками, былъ наконецъ утвержденъ: министрамъ и всѣмъ урядникамъ, находящимся въ краѣ, но не отправляющимъ своихъ урядовъ, а тѣмъ болѣе пребывающимъ за границей, запрещено уплачивать пенсіи изъ государственной казны. Здѣсь не указывается прямо на бывшихъ вождей Тарговицы; но они очевидно подразумѣваются.

Выходки оппозиціи противъ этихъ вождей выдвинули впередъ вопросъ о генеральной конфедераціи, которая все еще продолжала существовать рядомъ съ Гродненскимъ сеймомъ, и такимъ образомъ представляла ненормальное явленіе двухъ верховныхъ властей, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Тарговицкая конфедерація уже исполнила все что отъ нея требовалось, и дальнѣйшее ея существованіе оказывалось излишнимъ. Мы знаемъ что Сиверсъ уже давно и неоднократно получалъ отъ императрицы не только разрѣшеніе, но и порученіе отмѣнить эту конфедерацію; но что онъ ограничивался лока отсрочкой ея засѣданій и сокращеніемъ ея дѣятельности, сберегая ее на крайній случай, напримѣръ на случай внезапнаго разрыва сейма. Мы знаемъ также что о сохраненіи Тарговицы болѣе всѣхъ хлопотали Коссаковскіе, и посланникъ уступалъ ихъ внушеніямъ тѣмъ легче что они пользовались покровительствомъ Платона Зубова; а братъ его Николай, бывшій въ то время въ Гроднѣ, явно находился съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но интригами своими Коссаковскіе продолжали выводить изъ терпѣнія Якова Ефимовича. Съ помощію своей многочисленной партіи они старались проводить виды иногда совершенно несогласные съ видами Сиверса. Вопреки его ограниченіямъ, они безъ всякой совѣсти продолжали именемъ конфедераціи выдавать

судебные декреты, клонившіеся къ обогащенію ихъ сторонниковъ и къ утѣсненію людей невинныхъ; подобные декреты, конечно, порождали множество жалобъ. Ихъ скрытая оппозиція русскому посланнику еще усилилась вслѣдствіе того что они не попали въ члены (жондовой) делутаціи. Напримѣръ, договоръ съ Пруссіей еще не былъ заключенъ, а Сиверсу донесли что вліяніе Коссаковскихъ ставитъ разныя препятствія этому договору. Все это заставило его покончить съ Тарговицей и сосредоточить весь высшій авторитетъ въ рукахъ сейма. *

Яковъ Ефимовичъ предварительно отобралъ на этотъ счетъ мнѣнія наиболѣе довѣренныхъ лицъ и поручилъ имъ составить проекты. Ему было представлено пять или шесть разныхъ записокъ, которыя онъ передалъ съ собственными замѣтками своей правой рукѣ, великому коронному маршалу графу Мошинскому. Послѣдній составилъ изъ нихъ одинъ проектъ, долженствовавшій поступить на утвержденіе сейма.

3го (14го) сентября посланникъ, страдавшій небольшою лихорадкой, собралъ у своей постели двѣнадцать польскихъ друзей чтобы вмѣстѣ съ ними обсудить проектъ и тѣ мѣры съ помощью которыхъ надобно было привести его въ исполненіе. Недоставало двухъ членовъ этого тайнаго совѣта: гетмана Коссаковскаго и Пулавскаго, не явившихся подъ предлогомъ болѣзни. Начались пренія. Епископъ Коссаковскій и польный гетманъ Забѣлло совѣтовали сохранить генеральную конфедерацію до конца сейма; а Мошинскій, оба канцлера, то-есть Сулковскій и Платеръ, оба подскарбія, Огинскій и Залускій, регементарій Ожаровскій, сеймовый маршалъ Бѣлинскій, послы Анквичъ и Міончинскій подали голосъ за

* Огинскій съ обычнымъ хвастовствомъ разказываетъ что распущеніе конфедераціи было собственно его дѣломъ. Онъ, желая избавить Литву отъ неправдъ и грабительствъ чинимыхъ Коссаковскими, сговорился съ Тышкевичемъ и Мошинскимъ, и они общими силами налегли на русскаго посланника, доводя до него ежедневно горькія жалобы на дѣйствія конфедератовъ. Такимъ образомъ они втроемъ сильно возбудили его противъ Тарговицы; тогда Сиверсъ сдѣлалъ представленія императрицѣ и получилъ отъ нея приказъ распустить конфедерацію (9я глава). Очевидно, воспоминанія Огинскаго преувеличиваютъ его вліяніе и повидимому не знаютъ что посланникъ давно имѣлъ означенный приказъ. Въ разказѣ о распущеніи генеральной конфедераціи мы слѣдуемъ исключительно депешамъ Сиверса.

немедленное распущеніе. Послѣ многихъ споровъ пришли наконецъ къ рѣшенію: завязать новую генеральную конфедерацію изъ всѣхъ членовъ настоящаго сейма, ограничивъ его срокъ концомъ октября, и кромѣ того назначить депутацію для изслѣдованія жалобъ на декреты распущенной конфедераціи.

Послѣ того Сиверсъ письмомъ извѣстилъ короля о принятомъ рѣшеніи; а Мошинскій представилъ ему подробный отчетъ о томъ же предметѣ. Король казался очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ и поручилъ благодарить посланника.

Въ воскресенье, 4го (15го) сентября, согласно съ условленнымъ планомъ дѣйствія, сенаторы и министры, вмѣстѣ съ довѣренными послами, явились въ королевскій замокъ въ 5 часовъ пополудни. Они попросили аудіенціи, и, посредствомъ епископа Масальскаго, заявили королю желаніе чтобы Тарговицкая конфедерація была распущена и замѣнена новою, Гродненскою конфедераціей. Міончинскій представилъ актъ этой новой конфедераціи, который и былъ немедленно прочитанъ Воловичемъ, референдаріемъ великаго княжества Литовскаго. Король отвѣчалъ что онъ никогда не отдѣляетъ себя отъ народа и немедленно подписалъ актъ. Всѣ наличные сенаторы и министры, въ числѣ 10, подписали вслѣдъ за королемъ. Только епископъ Коссаковскій, очевидно недовольный распущеніемъ Тарговицы, въ первую минуту отказался отъ подписи, замѣтивъ почему-то что онъ можетъ это сдѣлать только послѣ рыцарскаго сословія; но когда съ десятокъословъ подписали, онъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Затѣмъ подписалось еще десятка два пословъ; такъ что всего набралось 41 подпись. Пулавскому и гетману Коссаковскому отнесли актъ на домъ. Первый тотчасъ подписалъ; а второй обѣщалъ это сдѣлать, когда ему будетъ лучше. Сиверсъ, чрезъ барона Бюлера, велѣлъ ему сказать что отниметъ у него гетманство, если онъ не подпишетъ: будучи въ состояніи подписывать письма, онъ очень хорошо можетъ подписать актъ. *

На слѣдующее утро остальные послы явились къ князю-епископу Масальскому, и подписали актъ. Но при этомъ не

* Но изъ донесенія отъ 6го (17го) сентября, адресованнаго на имя Зубова, видно что гетманъ Коссаковскій еще не подписалъ; вѣроятно, онъ сдѣлалъ это позднѣе. Король въ письмѣ къ Букатому замѣчаетъ что Коссаковскіе употребляли всѣ способы отдалить распущеніе Тарговицы. (*Documenta do Hist. 2go i 3go podziału.* 259.)

обошлось дѣло безъ ребячества со стороны оппозиціи. Въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ занимали епископа разговорами, другіе имѣли возможность прибавить ко своимъ подписямъ разнаго рода условія, сводившіяся болѣе или менѣе къ сохраненію въ цѣлости границъ Рѣчи Посполитой. * Эта продѣлка раздосадовала Сиверса, и онъ былъ въ затрудненіи какимъ образомъ прочесть на сеймѣ актъ снабженный подобными замѣтками. Однако дѣло обошлось очень просто. Въ тотъ же день, то-есть 5го (16го) сентября, въ сеймовомъ засѣданіи, Бѣлинскій произнесъ длинную рѣчь о неудобствахъ бывшаго раздвоенія власти и о счастливомъ соединеніи ея теперь въ рукахъ новой конфедераціи. Затѣмъ прочли актъ ея безъ подписей. Король поблагодарилъ собраніе за нѣкоторыя возвращенныя ему прерогативы, и закрылъ засѣданіе.

Вотъ сущность акта новой, Гродненской, конфедераціи:

Такъ какъ нація достигла надлежащей степени спокойствія чтобы снова взять на себя отправленіе верховной власти, поэтому она развязываетъ Тарговицкую конфедерацію, и юрисдикцію ея объявляетъ недѣйствительною, начиная съ перваго ближайшаго октября. Всѣ акты этой конфедераціи пусть будутъ сданы въ государственные архивы. Составленные ею приговоры (sancita) должны быть исполнены; но настоящему и будущимъ сеймамъ предоставляется право измѣнить ихъ или отмѣнить совершенно. Назначается особая коммиссія для того чтобы собрать всѣ жалобы возникшія противъ этихъ приговоровъ и довести ихъ до свѣдѣнія сейма. Новой конфедераціи поручается охраненіе католической религіи, вольности и самодержавія народнаго, республиканской формы правленія, королевскихъ прерогативъ, и неприкосновенности настоящаго владѣнія какъ имуществомъ, такъ и должностями. Возстановляются земскіе суды въ томъ видѣ въ какомъ они существовали до 1788 года, и будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ дѣйствіе преобразующаяся теперь конституція. Срокомъ настоящаго сейма, который будетъ продолжаться съ тѣмъ же маршаломъ во главѣ, полагается 31ое октября. Королю на это время возвращается власть назначить членовъ разныхъ учрежденій и коммиссій. **

---

* См. въ *Korrespondent* 1637 стр. Такихъ условныхъ подписей встрѣчаемъ до 23; вмѣстѣ съ актомъ, онѣ внесены въ земскія книги Гродненскаго повѣта.

** *Korrespondent*, 1603.

Такимъ образомъ окончилась знаменитая Тарговицкая конфедерація, успѣвшая въ теченіе своего шестнадцатимѣсячнаго существованія возбудить противъ себя столько ненависти и презрѣнія.

Въ донесеніи своемъ отъ 6го (17го) сентября, адресованномъ на имя графа Зубова, Сиверсъ говоритъ: „Интересно видѣть какой тонъ приметъ сеймъ съ завтрашняго засѣданія.“ Выразившееся въ этихъ словахъ опасеніе оказалось весьма основательнымъ. Въ засѣданіи слѣдующаго дня оппозиція дала полную волю своему языку въ нападкахъ на бывшую Тарговицкую конфедерацію. Болѣе всѣхъ отличился Краснодембскій. Онъ самыми черными красками изобразилъ главныхъ ея участниковъ и связи ихъ съ Россіей, которая распустила ее какъ болѣе „ненужную для своихъ видовъ“. Нѣкоторыя оскорбленныя лица, и въ томъ числѣ епископъ Коссаковскій, обратились послѣ того къ Сиверсу съ жалобой. Послѣдній хотѣлъ было арестовать Краснодембскаго, и велѣлъ изготовить грозную ноту, въ которой требовалъ подвергнуть его сеймовому суду. По обыкновенію, онъ сообщилъ ее предварительно королю. Станиславъ-Августъ началъ усильно просить посланника отмѣнить свое рѣшеніе, увѣряя его что слѣдующее засѣданіе будетъ спокойно. Сиверсъ уступилъ, но подъ условіемъ подать эту ноту, если кто изъ оппозиціи снова позволитъ себѣ декламировать противъ распущенной конфедераціи. Дѣйствительно, засѣданіе 8го (19го) сентября шло тихо, что̀ ясно показывало нѣкоторое вліяніе короля на оппозицію. Засѣданіе уже оканчивалось, когда Шидловскій потребовалъ голоса, а Бѣлинскій неосторожно далъ ему этотъ голосъ. Тогда онъ разразился сильнѣйшею филиппикой противъ старой конфедераціи; но не ограничился сю, а напалъ и на новую, то-есть Гродненскую. Онъ назвалъ послѣднюю просто толпою, которая въ одно изъ воскресеній внезапно приступила къ королю и принудила его подписать преступный актъ этой конфедераціи. Вся палата встала и потребовала чтобъ ораторъ былъ подвергнутъ суду. Но король началъ увѣщевать Шидловскаго чтобъ онъ просилъ прощенія. Тотъ послушался его увѣщаній, и палата оказала снисхожденіе виновному.

Тѣмъ не менѣе Сиверсъ послѣ того хочетъ исполнить свою угрозу, какъ вдругъ изъ Берлина прискакалъ отъ Алопеуса курьеръ съ извѣстіемъ о рѣшительномъ отказѣ министерства согласиться на добавочные пункты въ прусскомъ договорѣ

Усилія русскаго посланника довести прусскаго товарища до согласія подписать проектъ договора въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ утвержденъ на засѣданіи 2го сентября, казалось, имѣли нѣкоторый успѣхъ; но крайней мѣрѣ Пруссаки уступили по вопросу о демаркаціонной линіи. Фридрихъ Вильгельмъ изъ своей главной квартиры въ Эдингхофенѣ написалъ Мёллендорфу, отъ 4го сентября, чтобъ онъ, для сохраненія согласія съ Русскими, держался границъ назначенныхъ Петербургскою конвенціей. Въ своей депешѣ отъ 28го августа (8го сентября) Сиверсъ увѣдомляетъ что при его посредствѣ на конференціяхъ депутаціи съ прусскимъ министромъ почти улажены четыре добавочныя статьи, именно: о примасѣ, о наслѣдствѣ Радивилловъ, о русской медіаціи и гарантіи въ торговомъ трактатѣ, и о мадонѣ Ченстоховской; но что пятый пунктъ (чтобы ратификаціи договора предшествовало заключеніе торговаго трактата) составляетъ предметъ колебанія. Въ то же время Сиверсъ сообщилъ Алопеусу о положеніи дѣлъ въ Гродно и старался всѣми мѣрами оправдать допущеніе прибавочныхъ статей (аннексовъ): только съ ихъ помощью проектъ договора былъ принятъ въ засѣданіи 2го сентября; а безъ нихъ „былъ бы недѣйствителенъ и громкій приказъ запрещавшій отлагать засѣданіе или выходить кому-либо изъ зала“. Несогласіе Пруссіи подписать договоръ замедляетъ дѣло, а Поляки рады всякому замедленію; они надѣются на перемѣну въ обстоятельствахъ и даже на взрывъ народный, если Пруссаки займутъ еще два воеводства. Всѣ подобные доводы Алопеусъ, конечно, долженъ былъ сообщить прусскому министерству.

Прусскій посланникъ продолжалъ между тѣмъ переговоры объ аннексахъ, но въ видѣ проектовъ, а окончательно ни на что не рѣшался. Напрасно Сиверсъ торопилъ его подписью договора. Бухгольцъ даже началъ отказываться и отъ тѣхъ статей на которыя нѣсколько дней назадъ готовъ былъ согласиться; онъ объявилъ что подождетъ послѣднихъ приказаній отъ своего двора. Объясненія между двумя посланниками все болѣе и болѣе принимали недружелюбный характеръ. Бухгольцъ не скрывалъ своего огорченія на совершенную потерю прусскаго вліянія въ Польшѣ. А Сиверсъ уже прямо объявилъ ему что „Польша должна находиться въ зависимости отъ

Россіи, потому что имѣетъ нужду въ ея покровительствѣ противъ Пруссіи по отношенію къ своей торговлѣ." *

Вечеромъ 5го (16-го) сентября въ Гродно прибылъ гонецъ съ письмомъ отъ Мёллендорфа. Прусскій главнокомандующій выражалъ большое безпокойство по слѣдующему поводу: слухъ о предстоявшемъ перенесеніи чудотворнаго образа привелъ въ чрезвычайное волненіе толпы народа собравшагося около Ченстохова чтобы праздновать день Рождества Богородицы. Фельдмаршалъ принужденъ былъ лично отправиться туда и двинуть войско чтобы предупредить безпорядки. Онъ напомнилъ что еще при самой капитуляціи Ченстохова честью обязался въ неприкосновенности образа и его сокровищъ, и если его обѣщаніе будетъ нарушено, то онъ предпочтетъ сложить съ себя командованіе. Сообщая о томъ своему двору, Сиверсъ думаетъ устранить этотъ пунктъ обратясь за рѣшеніемъ дѣла къ папѣ, который, по всей вѣроятности, оставитъ образъ на прежнемъ мѣстѣ. Къ папѣ однако не пришлось обращаться, потому что рѣшимость прусскаго короля вскорѣ положила конецъ всѣмъ спорамъ объ аннексахъ.

Замедленіе прусско-польскаго договора въ Гродиѣ и начавшееся вслѣдствіе того охлажденіе между двумя участвовавшими въ раздѣлѣ дворами, оказали сильную поддержку тѣмъ изъ приближенныхъ Фридриха-Вильгельма которые несочувствовали его дѣятельному участію въ коалиціи противъ Франціи и старались обратить его главное вниманіе на пріобрѣтенія отъ Польши. Представителемъ этого направленія въ свитѣ короля былъ его дипломатъ Лукезини, а изъ министровъ прусскихъ сильнѣе другихъ высказывался въ томъ же смыслѣ Альвенслебенъ. ** Донесенія Бухгольца о тайномъ противодѣйствіи Русскаго двора и непріятныхъ прибавленіяхъ къ трактату, а также его представленія о необходимости личнаго вмѣшательства короля въ польско-прусскія переговоры поколебали упорство Фридриха Вильгельма, не желавшаго разстаться со своею рейнскою арміей. Къ тому же Австрія,

---

* Письмо къ Зубову отъ 28го августа (8го сентября). О подобномъ заявленіи свидѣтельствуетъ и донесеніе Бухгольца своему двору. См. *Deutsche Geschichte*, von Häusser. I. 512.

** См. его записку королю противъ политики Шуленбурга, который старался увлечь Фридриха Вильгельма въ войну съ Франціей. Hermann. 404.

терявшая надежду на столь желанное вознагражденіе въ Баваріи, въ это время снова выступила съ требованіемъ участія въ раздѣлѣ Польши. Фридрихъ рѣшился наконецъ погрозить своимъ союзникамъ отдѣленіемъ отъ коалиціи. 18го сентября онъ увѣдомилъ прусскаго главнокомандующаго на Рейнѣ герцога Брауншвейгскаго о намѣреніи своемъ съ частью его войскъ двинуться къ предѣламъ Польши. Въ то же время онъ увѣдомилъ герцога Кобургскаго, предводителя австрійскихъ войскъ, что послѣднія событія въ Гроднѣ понуждаютъ его заняться своими важнѣйшими интересами и лично отправиться въ Польшу; на Рейнѣ же онъ оставитъ столько войска сколько эти интересы позволятъ отдѣлить для *чуждаго ему дѣла*. При этомъ король указывалъ и на ту непріятную для него роль которую разыгрывалъ дипломатическій представитель Австріи въ Гроднѣ. * Вслѣдъ затѣмъ король дѣйствительно двинулъ съ береговъ Рейна часть своихъ войскъ и далъ приказъ подкрѣпить армію Мёллендорфа новыми полками изъ Пруссіи и Силезіи, чтобы довести ее до 40.000 человѣкъ. Въ то же время онъ послалъ приказъ въ Берлинъ своему министерству чтобъ оно поручило Бухгольцу склонить сеймъ къ подписи трактата безъ всякихъ добавочныхъ пунктовъ, подъ угрозой немедленнаго вторженія прусскихъ войскъ въ сосѣднія воеводства. 29-го сентября король самъ отправился къ своей восточной арміи. Но въ то время вопросъ о прусско-польскомъ договорѣ былъ уже покончень.

Въ виду такихъ рѣшительныхъ демонстрацій, когда уже потеряна была надежда на утвержденіе добавочныхъ статей со стороны Пруссіи, Сиверсъ рѣшился уступить настояніямъ своего прусскаго товарища и снова употребить энергическія мѣры чтобы вырвать у сейма согласіе. 9го (20го) сентября онъ условился съ Бухгольцемъ подать на слѣдующій день ноты, заключавшія одно и то же требованіе немедленнаго и безусловнаго согласія на договоръ объ уступкѣ земель прусскому королю. Русскій посланникъ прибавилъ въ своей нотѣ обѣщаніе употребить всѣ зависящія отъ него средства чтобъ удовлетворить Поляковъ въ вопросѣ о коммерческомъ трактатѣ и ускорить его заключеніе.

Въ тотъ же день Сиверсъ отправилъ Алопеусу письмо, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ свою программу

* Häusser. I. 514.

дѣйствія на ближайшее время. „Я хотѣлъ, пишетъ онъ, чтобы завтра (въ субботу) было экстраординарное засѣданіе въ 10 часовъ утра; но король и министры настаивали на томъ что эта послѣшность съ ихъ стороны была бы вредна имъ во мнѣніи сейма. Я согласился чтобы собрались въ назначенное время и прочли бы ноту Бухгольца и мою. Пренія, безъ сомнѣнія, будутъ очень оживлены, такъ какъ льстили себя надеждой что вопросъ этотъ не воротится уже болѣе на сеймъ. Король предложитъ депутировать ко мнѣ канцлеровъ. А я буду имѣть наготовѣ вторую энергическую ноту, къ которой приложу проектъ конституціи, * ибо ни одинъ членъ сейма не рискнетъ представить ее отъ своего имени. Это новость въ Польшѣ; но всѣхъ страшитъ послѣдній примѣръ Подгорскаго, котораго все еще хотятъ судить. Я велю двумъ баталіонамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ города, придти съ четырьмя пушками и запереть собраніе. Не знаю еще, долженъ ли я довести насиліе до конца и заставить ихъ завтра же рѣшить вопросъ безъ обсужденія, или дать имъ время до понедѣльника: обыкновенно каждый проектъ переходитъ къ обсужденію на третій день.

„Если небо поможетъ мнѣ выйти изъ этого лабиринта, прибавляетъ Яковъ Ефимовичъ, я отправлюсь отдыхать подъ тѣнью, но только не лавровъ, а родныхъ липъ, въ надеждѣ хотя немного возстановить здоровье которымъ я здѣсь жертвую и которое долго не выдержитъ.“

Дѣйствительно, все сдѣлалось такъ какъ Сиверсъ говоритъ въ этомъ письмѣ. На слѣдующій день онъ посѣтилъ короля и снова объявилъ ему что надобно покориться необходимости, обѣщая при этомъ сдѣлать все возможное для торговаго трактата. Онъ условился съ нимъ чтобы въ засѣданіи того же дня сеймъ поручилъ канцлерамъ подать русскому посланнику ноту призывающую его къ посредничеству. Засѣданіе было, конечно, довольно бурное. Когда прочли ноты, оппозиція по обыкновенію гремѣла противъ нашествія двухъ сосѣднихъ державъ и заклинала своихъ товарищей не уступать прусскимъ требованіямъ. Особенно отличались Краснодембскій, Шидловскій, Макорскій и Скшинскій, которые не щадили выраженій своего негодованія противъ сосѣдей. Ораторы большинства

* То-есть проектъ новаго постановленія, разрѣшающаго депутаціи подписать прусскій договоръ безъ добавокъ.

не противорѣчили имъ. Представитель русской партіи, графъ Анквичъ, горько жаловался на бѣдствія постигшія отечество и на притѣсненія сильнаго сосѣда. Въ заключеніе своей рѣчи онъ предложилъ подать русскому посланнику отвѣтную ноту съ выраженіемъ удивленія и скорби сословій и съ просьбой взять на себя посредничество чтобъ отвратить отъ Польши новыя бѣдствія. Король поддержалъ Анквича и изъявилъ желаніе немедленно отправить канцлеровъ съ этою нотой къ Сиверсу. Собраніе согласилось. *

Пока въ сосѣдней комнатѣ изготовлялась нота, канцлеръ коронный увѣдомилъ собраніе о результатахъ предложеннаго Суходольскимъ объясненія по поводу мнимаго якобинства Поляковъ. Ни тотъ, ни другой посланникъ не удостоили это объясненіе никакимъ отвѣтомъ. Точно также Бухгольцъ ничего не отвѣчалъ на другую ноту канцлеровъ, въ которой они просили о возвращеніи несправедливо захваченныхъ Пруссаками въ Ченстоховѣ и другихъ мѣстахъ польскихъ пушекъ, аммуниціи, коней и другихъ военныхъ принадлежностей.

Когда нота русскому посланнику была готова и одобрена собраніемъ, король поспѣшилъ закрыть засѣданіе: онъ опасался какихъ-нибудь выходокъ со стороны оппозиціи, къ чему уже дѣлалъ попытку Скаржинскій.

Сиверсъ отложилъ рѣшеніе вопроса до понедѣльника. Но затѣмъ онъ принялъ всѣ мѣры чтобы покончить съ нимъ въ этотъ день, то-есть 12го (23го) сентября. **

---

* Діаріушъ прибавляетъ что Краснодембскій похвалилъ предложеніе Анквича и потребовалъ отъ него честнаго слова: когда будетъ идти прусская *матерія* противиться ей вмѣстѣ съ *патріотами*. Анквичъ далъ ему руку и завѣрилъ честнымъ словомъ.

** Въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Гродненскомъ сеймѣ (напримѣръ, у Блума и Вегнера) говорится что Сиверсъ въ этомъ случаѣ повиновался только мановенію данному изъ Петербурга. Вегнеръ разказываетъ даже (не указывая источники) что въ воскресенье утромъ, то-есть 11го (22го) сентября, Бухгольцъ посѣтилъ Сиверса и заклиналъ его прибѣгнуть къ насилію, и послѣдній согласился, потому что за часъ до того прибылъ изъ Петербурга курьеръ и привезъ ему приказаніе немедленно принудить сеймъ къ подписи прусскаго договора. Но едва ли тутъ можетъ подразумѣваться упомянутый выше рескриптъ 7го (18го) сентября, гдѣ говорилось: „если договоръ съ Пруссіей еще не заключенъ, употребите все ваше вліяніе чтобъ его ускорить". Этотъ рескриптъ едва ли могъ прибыть изъ Петербурга въ Гродно на четвертый день, такъ какъ обыкновенно курьеры

Якова Ѳеимовича извѣстили что нѣкоторые литовскіе послы оставили Гродно и что многіе другіе готовятся сдѣлать то же самое; поэтому онъ въ воскресенье вечеромъ приказалъ разставить пикеты на всѣхъ выходахъ изъ города чтобы никого не пропустить безъ билета или паспорта. Кромѣ того онъ далъ приказъ генералъ-майору Раутенфельду на слѣдующій день рано по утру послать четыре отряда казаковъ чтобъ арестовать и потомъ увезти изъ Гродна четырехъ наиболѣе горячихъ членовъ оппозиціи: Красподембскаго, Шидловскаго, Микорскаго и Скаржинскаго. Сиверсъ получилъ еще увѣдомленіе что оппозиція намѣрена помѣшать открытію засѣданія и съ этой цѣлію произведетъ шумъ. Въ донесеніи своему двору посланникъ высказываетъ увѣренность что она дѣйствовала такъ по тайному побужденію короля и Коссаковскихъ чтобы протянуть время и разстроить дѣло. *

Въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, городъ принялъ тотъ же воинственный видъ какъ и три недѣли тому назадъ (то-есть 2го сентября). Два баталіона гренадеръ окружили королевскій замокъ, а противъ воротъ его поставлены четыре пушки и при нихъ артиллеристы съ зажженными фитилями.

Когда разнеслась вѣсть объ арестѣ четырехъ пословъ, король неоднократно посылалъ министровъ и своего секретаря къ Сиверсу съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ. Но Яковъ Ѳеимовичъ отказалъ наотрѣзъ. Такъ-называемые друзья собрались къ нему на конференцію; только епископъ Коссаковскій не явился на его приглашеніе. Условились о ходѣ предстоящаго засѣданія. Но благодаря оппозиціи, „условія

употреблялн около шести дней на этотъ переѣздъ. Извѣстіе объ отказѣ прусскаго министерства согласиться на добавочные пункты пришло въ Гродно 19го или 20го сентября нов. ст., и того же 20го числа (еще за два дня до воскресенья), какъ мы видѣли, Сиверсъ писалъ Алопеусу о своемъ рѣшеніи употребить силу для удовлетворенія Пруссаковъ и не откладывать рѣшеніе далѣе понедѣльника. Притомъ въ корреспонденціи Сиверса мы ничего не находимъ о полученіи особаго рѣшительнаго приказанія въ воскресенье утромъ, а есть только въ письмѣ къ Зубову отъ 14го (25го) сентября слѣдующее выраженіе: „Я долженъ былъ употребить силу чтобъ удовлетворить настоятельнымъ требованіямъ рескриптовъ и покончить съ прусскимъ договоромъ.“ Тутъ, конечно, говорится вообще о предыдущихъ рескриптахъ и инструкціяхъ.

* Депеша № 63.

эти оказались безполезны", какъ сознается самъ Сиверсъ въ своемъ донесеніи, и пришлось повторить исторію съ Гордіевымъ узломъ.

Послы, собравшіеся въ сеймовой залѣ, угрюмо сидѣли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи засѣданія. Только генералъ Раутенфельдъ, одѣтый въ полную форму, прохаживался посреди царствовавшей тишины.

Когда прибылъ король, маршалъ хотѣлъ открыть засѣданіе и произнесъ обычныя слова: „сессія загоена!" „Нѣтъ, не загоена, не загоена!" закричали съ разныхъ сторонъ. Всталъ Гославскій и объявилъ что засѣданіе не можетъ быть открыто, пока не будутъ освобождены четыре арестованные посла. Онъ сослался на законъ, постановленный тѣмъ же самымъ сеймомъ, о недѣйствительности засѣданія, если хотя одинъ изъ членовъ сейма лишенъ свободы на немъ присутствовать. Слова его послужили сигналомъ; тотчасъ же со всѣхъ сторонъ поднялись голоса повторявшіе тотъ же протестъ противъ насилія и требовавшіе освобожденія четырехъ пословъ. *

Крики и замѣшательства продолжались часа два; палата наконецъ приняла предложеніе Міончинскаго отправить депутацію къ русскому посланнику съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ. Король возложилъ это порученіе на двухъ канцлеровъ и сеймоваго маршала. Съ дозволенія Раутенфельда, депутація отправилась. Въ ожиданіи ея возвращенія прошло около двухъ часовъ; палата провела ихъ въ молчаніи; тишина прерывалась только шагами русскихъ офицеровъ, которые время отъ времени входили въ залу для полученія приказаній отъ своего генерала, сидѣвшаго подлѣ трона.

Депутація явившаяся къ русскому посланнику застала у него Бухгольца и адъютанта Мёллендорфова. Когда она изложила просьбу сейма, Сиверсъ сказалъ что по справедливости онъ не долженъ былъ бы давать на это никакого отвѣта, такъ какъ засѣданіе не было открыто и слѣдовательно депутація пришла отъ собранія не облеченнаго въ законную

* „Qui le croirait? (пишетъ Сиверсъ въ той же депешѣ № 63). Ce rassemblement de pretendus legislateurs, qui n'avaient plus ni assez d'energie pous vouloir, sinon le bien de leur pays, au moin la cessation de ses malheurs, appelaient à grand cri cette violence, et leur impatience rappellait parfaitement celle de ces bonnes religieuses dont le couvent etait menacé d'être assailli par des mécréans, et qui se disaient ingenuement: mais, ma soeur, quand viendra-t-on donc nous violer."

форму; притомъ сеймъ не выслушалъ его ноты, на что̀ посланникъ можетъ смотрѣть какъ на оскорбленіе. Однако онъ оказалъ снисхожденіе и „далъ себѣ трудъ“ письменно изложить свое мнѣніе. Сиверсъ собственноручно написалъ сейму ноту, заключавшую отказъ освободить пословъ. Затѣмъ онъ, въ присутствіи депутатовъ, подписалъ паспорты арестованнымъ и назначилъ прогонныя деньги до мѣстъ ихъ отправленія.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда канцлеры воротились въ палату и отдали отчетъ въ своемъ порученіи. Секретарь громогласно прочелъ отвѣтъ Сиверса. Въ немъ говорилось что настоящій поступокъ сейма есть новое оскорбленіе для двухъ союзныхъ дворовъ, такъ какъ сеймъ не позволяетъ открыть засѣданіе, когда извѣстно что отъ русскаго посланника имѣютъ быть прочитаны сегодня двѣ ноты: одна въ отвѣтъ на послѣднюю ноту канцлеровъ, а другая съ объясненіемъ причинъ побудившихъ къ аресту и высылкѣ изъ Гродна четырехъ пословъ. А что касается до нарушеннаго сеймоваго закона, то онъ уже состарился въ уваженіи къ законамъ, и ему приходится напомнить Полякамъ о самомъ первомъ изъ всѣхъ законовъ—объ уваженіи къ государямъ, въ которомъ имъ отказываютъ принципы якобинцевъ и 3го мая.

По прочтеніи этого отвѣта маршалъ сеймовый хочетъ перейти къ чтенію двухъ упомянутыхъ нотъ русскаго посланника; но крики и шумъ не дозволяютъ ему открыть засѣданіе. Со всѣхъ сторонъ слышны голоса: „Нѣтъ болѣе сейма! Нѣтъ засѣданія подъ игомъ насилія!“ Члены оппозиціи собираются посрединѣ залы и не допускаютъ секретаря начать чтеніе нотъ. Отъ этой группы отдѣлился Гославскій и объявилъ собранію что послѣ насильственнаго удаленія четырехъ добродѣтельныхъ гражданъ изъ собранія онъ не можетъ оставаться въ немъ съ честію. Затѣмъ онъ простился съ палатой и вышелъ изъ залы. *

Лобаржевскій предлагаетъ прочесть ноты русскаго посланника чтобъ очистить собраніе отъ обвиненія въ якобинствѣ. Его предложеніе поддерживаютъ послы инфлянтскіе, бельзскіе, волынскіе и закрочимскіе; но оппозиція никоимъ образомъ

* Русская стража, повидимому, не сочла нужнымъ его задержать. Въ оправданіе своего удаленія, Гославскій въ слѣдующемъ 1794 году, на сеймикѣ въ Кельцахъ, 24го февраля, мрачными красками набросалъ очеркъ Гродненскаго сейма. (Вегнеръ. Прилож. VI.)

не соглашается на открытіе засѣданія. * Послѣ долгихъ споровъ собраніе, по предложенію Міончинскаго, выбираетъ среднюю мѣру: прослушать ноты не открывая засѣданія. Секретарь сеймовый читаетъ прежде отвѣтъ Сиверса на поданную ему ноту 10го (21го) сентября о посредничествѣ и заступничествѣ. Посланникъ ничего другаго не можетъ сказать сословіямъ, какъ только пригласить ихъ къ немедленной подписи прусскаго трактата. Всякое замедленіе могло бы только ухудшить судьбу республики. Поэтому онъ настоятельно проситъ избавить его отъ необходимости прибѣгать къ исполненію своихъ угрозъ.

Затѣмъ секретарь пытается прочесть приложенный къ этому отвѣту и давно уже извѣстный сейму проектъ прусскаго договора объ уступкѣ земель безъ всякихъ добавочныхъ статей. Но его прервали вновь поднявшіеся крики. Оппозиція не хочетъ слушать проекта не вносимаго въ палату никакимъ ея членомъ. Чтобъ отвлечь раздраженные умы хотя на минуту отъ ненавистнаго прусскаго трактата, Анквичъ предложилъ выслушать другую ноту русскаго посланника, заключавшую въ себѣ причины, побудившія къ арестованію четырехъ пословъ. Секретарь читаетъ эту ноту. Вотъ ея сущность:

Посланникъ принужденъ былъ дѣлать сословіямъ частыя предостереженія по поводу дерзкихъ рѣчей которыя позволяли себѣ нѣкоторые изъ пословъ почти на каждомъ засѣданіи; но тщетно. Напротивъ того, ораторы эти дошли до высшей степени необузданности. Доказательствомъ служатъ послѣднія рѣчи Краснодембскаго 18го числа и Шидловскаго 19го, пропитанныя правилами якобинства и революціонной конституціи 3го мая, оскорбляющія двѣ сосѣднія державы и самый польскій народъ въ лицѣ сейма. Чтобы положить предѣлъ этой вредной для ихъ отечества оппозиціи, посланникъ нашелся вынужденнымъ арестовать двухъ упомянутыхъ пословъ вмѣстѣ съ двумя другими, не менѣе виновными по своимъ рѣчамъ, то-есть съ Микорскимъ и Скаржинскимъ, и

* Въ запискахъ Энгельгардта разказывается что одинъ изъ пословъ замѣтилъ: „если кто тутъ якобины, такъ это генералъ Раутенфельдъ со своими офицерами и солдатами, которые съ примкнутыми штыками стоятъ около сейма“. Посолъ этотъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: „Я думаю, насъ называютъ якобинами потому что у насъ россійскій посолъ Якубъ Сиверсъ.“ И того вывели. (Но въ другихъ нашихъ источникахъ нѣтъ этихъ фактовъ.)

отправить ихъ въ тѣ мѣста гдѣ они были выбраны послами. Впрочемъ, „нижеподписавшійся никогда не имѣлъ намѣренія нарушать свободу слова и подачи голосовъ“. *

Объясненія эти никого не удовлетворили. Годачевскій, Кимбаръ, Яковскій, Олдаковскій и др. рѣшительно протестовали противъ всякаго сеймованія, пока не возвращены въ ихъ среду арестованные. Кимбаръ прибавляетъ что послы эти еще не выѣхали изъ Гродна. Король предлагаетъ еще разъ отправить канцлеровъ къ русскому посланнику съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ пословъ и о прекращеніи ареста самого сейма. Палата приняла это предложеніе, и по ея желанію король присоединилъ къ канцлерамъ еще четырехъ депутатовъ: отъ сената каштеляна Суходольскаго, а отъ рыцарскаго сословія Гродзицкаго, Богуцкаго и Кимбара (слѣдовательно, почти все членовъ оппозиціи). По уходѣ депутаціи палата въ молчаніи ожидала отвѣта. Въ двѣнадцатомъ часу депутація воротилась и донесла что посланникъ остается непоколебимъ: онъ даже выразилъ удивленіе что его ноты прочитаны безъ открытія засѣданія, а приложенный къ нимъ проектъ совсѣмъ остался нечитаннымъ. На просьбу объ освобожденіи пословъ онъ отвѣчалъ, что еслибы получилъ приказъ изъ Петербурга освободить ихъ, и тогда бы не сдѣлалъ этого, а прежде отправилъ бы курьера съ объясненіемъ что освобожденіе ихъ несовмѣстно съ интересами императрицы. Въ заключеніе онъ торжественно объявилъ что войска не удалятся до тѣхъ поръ пока не будетъ принятъ проектъ присоединенный къ его нотѣ; что даже если онъ будетъ вотированъ и не получитъ большинства, то генералъ Раутенфельдъ имѣетъ на этотъ счетъ особыя приказанія.

Изъ сеймовыхъ отчетовъ не видно, довела ли депутація до свѣдѣнія собранія слѣдующій отвѣтъ Сиверса. Канцлеры просили обѣщанія освободить пословъ по крайней мѣрѣ послѣ подписи договора. Сиверсъ отвѣчалъ что для успѣха въ будущихъ работахъ полезно устранить людей которые сдѣлали своею задачей всему оппонировать. Этотъ отвѣтъ показываетъ что безконечная мелочная борьба съ оппозиціей утомила его, и онъ рѣшился не уступать въ вопросѣ объ арестованныхъ послахъ. А между тѣмъ въ настоящемъ засѣданіи, какъ мы видимъ, почти все сопротивленіе сейма сосредоточилось на

* *Korresp.* 1.641.

этомъ вопросѣ, такъ что даже прусскій трактатъ какъ бы отодвигается на второй планъ. Король не ограничился посылкой двухъ депутацій: онъ отправилъ еще къ Сиверсу особо отъ себя престарѣлаго епископа виленскаго съ тою же просьбой, но также безуспѣшно.

Послѣ отчета представленнаго депутаціей, въ палатѣ нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе. Міончинскій прервалъ его требованіемъ немедленнаго чтенія проекта. Его поддерживаютъ Древиовскій, Гжегожевскій, Іозефовичъ, Модзелевскій и др., преимущественно послы равскіе, закрочимскіе, бельзскіе и инфлянтскіе. Маршалъ приказываетъ секретарю начать чтеніе. Но едва тотъ хотѣлъ начать, какъ оппозиція снова встрепенулась: Кимбаръ, Стошскій, Яиковскій, Нарбутъ, Богуцкій и другіе литовскіе послы криками своими покрываютъ голосъ секретаря. Повторились сцены засѣданія 2го сентября: съ одной стороны требуютъ чтенія, съ другой—его не допускаютъ. Несмотря на крики, маршалъ объявляетъ засѣданіе открытымъ. Прусскіе сторонники повторяютъ это объявленіе; а противники ихъ отрицаютъ его, и хотятъ чтобы маршалъ былъ судимъ. Умѣренная часть палаты тщетно старается примирить противуположныя стороны.

По временамъ шумъ и замѣшательство въ палатѣ смѣнялись мертвымъ молчаніемъ. Часть пословъ спала; старый, ослабѣвшій отъ усталости и волненія король также не могъ противиться дремотѣ. Но едва секретарь по приказу маршала начиналъ чтеніе проекта, какъ снова голосъ его терялся посреди криковъ оппозиціи, которая надсаживала себѣ грудь чтобы не допустить этой формальности.

Казалось, не было никакого исхода изъ этого томительнаго положенія палаты. Но вотъ встаетъ Рачинскій, посолъ сендомірскій, и предлагаетъ оригинальное средство чтобъ удовлетворить требованіямъ русскаго посланника и въ то же время сохранить пассивное состояніе.

„Обращаясь съ рѣчью къ этой избѣ, говоритъ онъ,—я вижу ее in passivitate; на сенатъ, на особу вашей королевской милости и на все собраніе пословъ я смотрю какъ на невольниковъ. Только русскаго генерала Раутенфельда я нахожу имѣющимъ activitatem. Надобно найти средство для исполненія неотложнаго и настоятельнаго приказа. Припоминаю себѣ славный примѣръ предшественника вашей королевской милости, Августа II, который принужденъ былъ Карломъ XII

подписать еще болѣе унизительныя условія; время однако ихъ исправило. Если мы уже высказали что не можемъ ничего сдѣлать, и если по закону изба остается in passivitate, то сберегая здоровье его королевской милости, приведемъ дѣло къ концу такимъ способомъ: запишемъ въ актахъ торжественное свидѣтельство утнетенія, заявимъ посредствомъ декларації о насиліи и принужденіи; а затѣмъ, не исполняя никакой формальности, то-есть не прибѣгая ни къ turnus, ни къ единогласію, сосредоточимся въ абсолютномъ молчаніи. Пусть проектъ будетъ прочтенъ; наше молчаніе, болѣе краснорѣчивое нежели безполезная оппозиція, послужитъ истолкованіемъ нашего положенія и нашихъ чувствъ."

Предложеніе Рачинскаго поддержалъ Анквичъ, который готчасъ и представилъ собранію уже заготовленный имъ проектъ „декларації сейма" о причиненномъ ему насиліи. Епископъ Коссаковскій одобрилъ его проектъ. Большинство палаты очевидно было радо схватиться за это средство чтобы покончить со своимъ тягостнымъ положеніемъ. Возникаютъ споры о томъ какимъ образомъ принять декларацію. Лобаржевскій предлагаетъ прочесть прежде проектъ трактата, такъ какъ о немъ упоминается въ декларації. Раутенфельдъ подходитъ къ королю и проситъ его чтобы приказалъ читать проектъ. Король исполняетъ его просьбу. Но голосъ секретаря снова теряется посреди криковъ оппозиціи. Тогда Раутенфельдъ вышелъ изъ залы и отправился къ Сиверсу за приказаніями. Въ собраніи водворилась мертвая тишина. Немного спустя, генералъ воротился и громко объявилъ что всѣ послы будутъ задержаны въ этой залѣ до тѣхъ поръ пока не исполнятъ требованій посланника, и что на случай если это средство не подѣйствуетъ, онъ имѣетъ полномочіе прибѣгнуть къ еще болѣе суровымъ мѣрамъ. Затѣмъ Раутенфельдъ вручилъ записки отъ Сиверса королю, епископу Коссаковскому и великому маршалу Тышкевичу. Послѣднему Сиверсъ писалъ что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства самому королю не будетъ дозволено оставить тронъ, и что онъ велитъ принести въ залу соломы, на которой сенаторы могутъ отдыхать до тѣхъ поръ пока не будутъ выполнены его требованія.

Оппозиція и послѣ того противилась чтенію трактата; но наконецъ уступила убѣжденіямъ противной стороны и усильнымъ просьбамъ большинства. Воцарилось глубокое молчаніе, посреди котораго секретарь прочелъ проектъ трактата, а

потомъ и декларацію сейма. Въ этой деклараціи указывалось на насилія, причиненныя сейму 2го сентября и въ настоящемъ засѣданіи, на незаконный арестъ пословъ, на задержаніе подъ стражей всего сейма въ позднюю ночную пору, вмѣстѣ съ королемъ удрученнымъ лѣтами и столькими огорченіями. „Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ что, будучи не въ состояніи даже съ опасностію жизни избѣгнуть послѣдствій насилія, поручаемъ потомству, можетъ-быть болѣе насъ счастливому, тѣ способы къ оборонѣ отечества которыхъ теперь нѣтъ въ нашей власти. Въ силу упомянутыхъ причинъ мы принуждены принять представленный въ избу проектъ посланника, противный нашей волѣ и нашимъ правамъ."

Въ депешѣ своей Сиверсъ выразился объ этой деклараціи такимъ образомъ: „Она, безъ сомнѣнія, немного сильна; но, кажется, надобно по крайней мѣрѣ оставить несчастнымъ способность жаловаться."

Затѣмъ секретарь прочелъ проектъ сеймоваго постановленія, которымъ депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, уполномочивалась подписать трактатъ въ томъ его видѣ въ какомъ онъ былъ составленъ при посредствѣ русскаго посланника.

Послѣ прочтенія документовъ, въ залѣ продолжалось то же гробовое молчаніе. Слышался только глухой, мѣрный звукъ отъ шаговъ русскихъ часовыхъ ходившихъ по корридору и подъ окнами сеймовой залы. Замковые часы пробили три часа утра. Раутенфельдъ, смущенный этимъ оригинальнымъ способомъ сеймованія, встаетъ и проситъ короля обычнымъ порядкомъ привести къ рѣшенію внесенные проекты. Король сухо отвѣтилъ ему что не въ его власти заставить пословъ прервать молчаніе. Тогда Раутенфельдъ сказалъ что онъ долженъ ввести въ залу отрядъ гренадеровъ. Онъ направился къ дверямъ. Но въ эту минуту сеймовый маршалъ возвышаетъ свой голосъ, и обращается къ палатѣ съ вопросомъ: согласна ли она принять внесенные проекты? При этомъ вопросѣ группа оппозиціонныхъ пословъ, какъ бы пробужденная изъ своего оцѣпенѣнія, спѣшитъ снова заявить протестъ противъ прусскаго трактата. Маршалъ хочетъ перейти къ собиранію голосовъ. Но Анквичъ, сообразивъ что при неизбѣжномъ раздѣленіи мнѣній на pro и contra декларація его потеряетъ свой смыслъ, заявляетъ намѣреніе взять ее въ такомъ случаѣ назадъ. Маршалъ вторично объявляетъ что

онъ принужденъ будетъ приступить къ вотированію, если не произойдетъ единогласія. Затѣмъ онъ формально ставитъ слѣдующій вопросъ: „Согласны ли сеймующія сословія чтобы депутація подписала проектъ представленный русскимъ посланникомъ?“ Мертвое молчаніе. Маршалъ повторяетъ свой вопросъ; потомъ спрашиваетъ въ третій разъ. Тоже молчаніе.

Тогда Бѣлинскій поспѣшно объявляетъ проектъ трактата принятымъ „единогласно“ и приглашаетъ членовъ конституціонной депутаціи снабдить его своею подписью. Въ $3^1/_2$ часа утра окончилось это такъ-называемое *Шѣлое засѣданіе.* *

Въ то же утро нѣкоторые члены оппозиціи занесли въ гродскихъ книгахъ протестацію противъ неслыханнаго насилія употребленнаго двумя сосѣдними дворами.

Но между тѣмъ какъ происходило знаменитое засѣданіе, посмотримъ что въ это время происходило съ четырьмя арестованными послами.

Рано поутру русскіе офицеры явились къ нимъ на квартиры и арестовали ихъ. Сначала къ нимъ допускали тѣхъ которые желали ихъ видѣть; къ вечеру это было запрещено; а къ ночи ихъ вывезли. Во время ареста Скаржинскій плакалъ отъ неизвѣстности о судьбѣ его ожидавшей, Шидловскій также плакалъ и печалился, Микорскій обнаруживалъ нѣкоторое смущеніе, а Краснодембскій, напротивъ, все время оставался въ наилучшемъ расположеніи духа и шутилъ. Микорскій и Скаржинскій писали письма къ Сиверсу, въ которыхъ почтительнымъ тономъ говорили о несправедливости имъ причиненной. Къ семи часамъ вечера имъ приказано собраться въ путь; а такъ какъ они не хотѣли исполнить это добровольно, то ихъ посадили въ повозки и отправили подъ казацкимъ конвоемъ въ тѣ мѣста гдѣ они были выбраны. Казакамъ приказано было привести росписки отъ мѣстныхъ урядниковъ въ точной доставкѣ арестованныхъ. Пулавскій прислалъ имъ по 50 червонныхъ злотыхъ на дорогу; они поблагодарили, но никто изъ нихъ не принялъ денегъ. Краснодембскій не хотѣлъ ничего брать изъ своихъ вещей и

* Такимъ образомъ мы видимъ что Анквичемъ не была произнесена въ послѣднюю минуту фраза: „Молчаніе есть знакъ согласія!“ какъ то разказываютъ нѣкоторые писатели (напримѣръ Нѣмцевичъ и Лелевель). Эта фраза напоминаетъ, сочиненное послѣ, театральное восклицаніе Костюшки въ лылу битвы: „Finis Poloniae!“

отказался выйти изъ квартиры. Его взяли на руки и посадили въ брику. Онъ остался только въ плащѣ; офицеръ совѣтовалъ ему купить шубу, потому что стояла холодная погода. „Въ Сибири мѣха гораздо дешевле“, отвѣчалъ Краснодембскій. А когда ему сказали что его повезутъ не въ Сибирь, а на родину, или куда самъ пожелаетъ, то онъ, продолжая шутить, попросилъ отвезти его въ Италію: тамъ тепло и можно обойтись безъ шубы. Потомъ онъ обратился къ хозяину своей квартиры, Борисевичу:

— Я долженъ пану, вашей милости, слишкомъ 50 червонныхъ злотыхъ. У меня теперь только нѣсколько дукатовъ; вещи мои вмѣстѣ со слугой оставляю вамъ въ закладъ, пока пришлю деньги.

— Прошу не обижать меня, отвѣчалъ Борисевичъ,—я принимаю вещи для сохраненія, а не въ залогъ. Панъ мнѣ ничего не долженъ; за счастіе считаю что такой достойный обыватель стоялъ у меня. Если панъ нуждается, то прошу принять отъ меня нѣсколько десятковъ червонныхъ злотыхъ; почту за честь если буду въ состояніи оказать ему эту малую услугу.

Борисевичъ плакалъ, прощаясь съ Краснодембскимъ, а послѣдній повторялъ что возвратитъ ему долгъ, когда пришлетъ за своими вещами; но первый не хотѣлъ ничего слышать о долгѣ. *

13го (24го) сентября Сиверсъ созвалъ делутатовъ на конференцію, чтобы свѣрить представленную ему копію прусскаго трактата съ подлинникомъ. Предъ засѣданіемъ онъ, по желанію короля, зашелъ въ его кабинетъ. Станиславъ-Августъ жаловался на жесткій тонъ писемъ которыя Яковъ Ефимовичъ присылалъ ему наканунѣ. Тотъ отвѣчалъ что безъ нихъ его величество все еще сидѣлъ бы въ засѣданіи. Далѣе король выражалъ безпокойство о томъ что изъ Петербурга еще не получены инструкціи для заключенія союзнаго и торговаго договора Польши съ Россіей. Посланникъ объяснилъ ему что доселѣ мы не желали мѣшать свои дѣла съ прусскимъ договоромъ; но что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ тѣхъ благодѣяніяхъ которыя императрица готовитъ Польшѣ для излѣченія ея ранъ. „Да, воскликнулъ король, безъ ея

* Этотъ эпизодъ о четырехъ посланныхъ мы находимъ только въ Діаріушѣ.

ломощи мы никогда не получимъ торговаго трактата съ Пруссіей."

На слѣдующій день конференція собралась снова, уже для подписи прусскаго договора. Утомленіе и безпокойство, испытанныя Сиверсомъ въ послѣдніе дни, значительно разстроили его, такъ что онъ не могъ въ этотъ разъ присутствовать лично и послалъ вмѣсто себя барона Бюлера. Депутація попыталась было еще оттянуть дѣло, на томъ основаніи что многіе ея члены не явились. Но имъ послали подписать на домъ. Два сенатора совсѣмъ не хотѣли подписывать: „надобно было имъ пригрозить", замѣчаетъ Сиверсъ въ своемъ донесеніи. Когда договоръ былъ подписанъ, копію его и бюллетени послѣднихъ сеймовыхъ засѣданій онъ отправилъ въ Петербургъ съ подполковникомъ графомъ Морелли.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

АЛЕКСАНДРЪ БЕСТУЖЕВЪ

НА КАВКАЗѢ

1829—1837.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЕГО КЪ МАТЕРИ, СЕСТРАМЪ И БРАТЬЯМЪ.

23.

Дербентъ, 1833 января 15го.

Въ Петровскій. **

Давно, очень давно не писалъ я къ вамъ, милые братья-страдальцы; но разверните первое письмо мое отсюда, и вы узнаете столько же сколько и теперь: я все тамъ же, все то же, все тотъ же что̀ и прежде. Судьба моя, какъ центръ водоворота, неподвижна, несмотря на окрестное треволненіе. Что̀ жь дѣлать! Я по крайней мѣрѣ засыпаю съ чистою совѣстію, спокойно, потому что я сдѣлалъ все что̀ было въ малыхъ средствахъ моихъ, желая подвинуть ее, не сдѣлалъ ничего чтобъ ее замедлить. Здоровье мое.... довольно хорошо. Воздержность есть лучшій щитъ противъ жаркаго

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

** Къ братьямъ Николаю и Михаилу.

климата. Впрочемъ, зима у насъ такая что хоть бы въ Петербургѣ: русскіе чиновники ѣздятъ на саняхъ; Татары зѣваютъ на это съ удивленіемъ и говорятъ что для русскихъ рукъ чортъ даетъ выдумки. Признаюсь, народецъ эти Азіятцы! Ни одна мысль не войдетъ въ ихъ голову, какъ гвоздь въ камень; выбросьте изъ нихъ нѣсколькихъ поэтовъ, остальное все такая скучная проза что Сиговъ и Орловъ * предъ ними Байроны. Правда, въ воинственной, въ кочевой жизни ихъ много поэзіи, но она въ дѣлѣ, не въ чувствахъ, не въ мысляхъ. Я не смѣшиваю, впрочемъ, горцевъ съ плоскими жителями плоскостей. Горцы уже своею зимой придвинуты къ европеизму: они всегда были и будутъ умнѣе и воинственнѣе жильцовъ долинъ. Но все-таки они не болѣе какъ умные ребятишки. Они отказываются отъ выгодъ просвѣщенія и удобствъ, потому что въ нихъ они видятъ цѣпи, потому что просвѣщеніе и разбой не могутъ быть смѣшаны вмѣстѣ: а разбой и свобода для него одно: разбой есть его стихія, средство существованія. Въ сердцѣ Кавказа есть однакоже племена которыя никогда не сходились съ Русскими, хотя живутъ недалеко отъ границъ. Какъ любопытно бы видѣть этихъ Китайцевъ горскихъ! Есть народы, совершенно мирные, которые доселѣ не покорены сосѣдями своими: это еще любопытнѣе, еще поучительнѣе. Вообще Кавказъ вовсе неизвѣстенъ: его залачкали чернилами, выкрасили какъ будку; но попытокъ узнать его не было до сихъ поръ, или люди на то назначенные не имѣли средствъ, познаній, отваги, случая. Особенно мы худо знаемъ Чечню. Пышѣшній корпусный командиръ, баронъ Розенъ, проникъ очень глубоко въ нее; но это было зубцами. Чеченцы горько плакали: „ни дѣды, ни прадѣды не видали русскаго оружія вблизи, говорили они, а теперь и жены наши отъ нихъ бѣгали—приходитъ конецъ свѣта!“ Взятіе Гимръ, точно неприступной твердыни, обсѣкло крылья орламъ кавказскимъ. Кази-Мулла палъ геройски. Со временемъ онъ будетъ чуднымъ предметомъ поэзіи: безкорыстенъ, краснорѣчивъ, неутомимъ, онъ не бывалъ убитъ никакими неудачами и являлся вдругъ въ новой толпѣ, когда и гдѣ его менѣе всего ожидали.

Братъ Павелъ гостилъ у меня. Какой умный, благородный юноша изъ него вышелъ. Всѣ офицеры видавшіе его въ дѣлахъ говорятъ что онъ необыкновенной храбрости, и храбрости хладнокровной. Начальство знаетъ его какъ отличнаго артилериста. Онъ искрестилъ Кавказъ во всѣхъ направленіяхъ, дрался вездѣ и всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Дни которые провелъ я съ нимъ освѣжили меня на долго, и какъ часто говорили мы съ нимъ о васъ, наши милые.

* Извѣстные въ тридцатыхъ годахъ составители сѣренькихъ изданьицъ торговцевъ Толкучаго рынка въ С.-Петербургѣ и продавцовъ изъ-подъ Сухаревой башни въ Москвѣ.

Теперь онъ долженъ быть въ Тифлисѣ.* Я принялся за перо и написалъ полуморскую повѣсть: *Фрегатъ Надежда.* Вторая половина ея должна вамъ понравиться, ибо я чувствую что моей чернильницей было сердце. Мало-по-малу я самъ начинаю признавать свое призваніе, я чувствую что въ головѣ моей совершается міръ. Можетъ-статься, я не буду въ состояніи его выразить; но тотъ кто напишетъ на могилѣ моей: *онъ былъ недосказанный поэтъ*—не солжетъ.

Но ты, Николай, для чего ты потерянъ для нашей словесности, и ты.... Но зачѣмъ роптать на судьбу! Государь отсѣкъ своею благостію еще пять лѣтъ вашей казни: ** онъ наше будущее, а будущее всегда лучше настоящаго.

Горячо обнимаю васъ, друзья мои; кругъ вашъ становится тѣснѣй и тѣснѣй, *** за то тѣснѣе вяжется наша братская дружба. Вашъ, искренно любящій васъ братъ, Александръ Бестужевъ.

24.

Дербентъ, 1833, іюля 27го. ****

Несмотря на жестокіе жары, дражайшая матушка, я здоровъ и чуть не веселъ, хоть веселиться здѣсь мало случаевъ. Проведши цѣлый мѣсяцъ въ горахъ, я тѣмъ живѣе чувствую цѣну общества. Надняхъ ожидаю перевода въ Куринскій полкъ, гдѣ прекрасный нынѣ командиръ, нѣкто Клюке—чудный Нѣмецъ! Писать, даже думать нѣтъ средствъ: Индія переселилась

* Добрый отзывъ Александра Бестужева о братѣ его Павлѣ чуждъ малѣйшаго слѣда братскаго пристрастія. Въ подтвержденіе полной справедливости его можно сослаться на свидѣтельство заслуженнаго Кавказца, барона Ѳ. Ѳ. Торнау. Въ интересныхъ воспоминаніяхъ своихъ о Кавказѣ и Грузіи, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1869, кн. 4-я и др., генералъ Торнау, какъ очевидецъ, говоритъ о находчивости и неустрашимости поручика Павла Бестужева, командовавшаго въ 1832 году, въ дѣлахъ съ горцами, взводомъ горной артиллеріи (стр. 672—674).

** Упоминается о всемилостивѣйшемъ уменьшеніи срока каторжной работы Николаю и Михаилу Бестужевымъ съ двадцати на пятнадцатилѣтній срокъ.

*** По истеченіи срока работы заточенники Петровскаго острога постепенно выбывали то на поселеніе, то на Кавказъ.

**** А. Бестужевъ не хотѣлъ тревожить свою злополучную мать и сестеръ, и потому ничего не упоминаетъ о страшномъ событіи въ его жизни, совершившемся въ началѣ марта 1833 года: я говорю о смерти отъ пистолетнаго выстрѣла въ его квартирѣ, даже на его кровати

къ намъ. Какъ вы? Что̀ вы? Что̀ Петруша? Ему необходима разлука съ вами для излѣченія; иначе въ него пуститъ корни помѣшательство. Жаль что вы и сестры принимаете черезчуръ къ сердцу его выходки. Милыхъ, сердечныхъ сестрицъ обнимаю по сту разъ и желаю вамъ въ радости кончить прекрасное лѣто и не скучно провести ясную осень. Душою вашъ, горячо любящій сынъ, Александръ.

Экспедицій никакихъ не будетъ. Все смирно кругомъ.

25.

Дербентъ, 1833, августа 17го.

Драгоцѣнная матушка. Рѣдко, слишкомъ рѣдко получаю я отъ васъ извѣстія. Бываютъ почты что ни откуда нѣтъ ни строчки, а это грустно. Даже журналы теперь съ ума сошли: по мѣсяцу не вижу нумера, да и тѣ врозь, Богъ вѣсть какъ высылаются. У насъ свирѣпствуетъ оспа и желчная горячка.

молоденькой дѣвушки Ольги Нестерцевой, дочери одного унтеръ-офицера. Это трагическое происшествіе подробно разказано Бестужевымъ въ письмахъ его къ брату Павлу, напечатанныхъ мною въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 года (письма №№ 11 по 25); изъ тѣхъ же писемъ видно какую массу притѣсненій испыталъ рядовой солдатъ А. Бестужевъ отъ своихъ ближайшихъ командировъ, а именно начальника баталіона и офицеровъ бывшихъ слѣдователями по этому дѣлу. По слѣдствію, однако, Бестужевъ оказался совершенно невиннымъ; несчастная дѣвушка погибла жертвою собственной неосторожности: рѣзвясь на кровати, она задѣла курокъ лежавшаго подъ подушкой заряженнаго пистолета, раздался выстрѣлъ, и пуля вонзилась ей въ бокъ. Рана была смертельна.... Ходили однако слухи будто Бестужевъ убилъ Ольгу Нестерцеву въ припадкѣ изступленной ревности къ какому-то духанщику. Какъ ни нелѣпы были эти толки, но по пословицѣ: „худая слава бѣжитъ, а добрая лежитъ,“ они дошли до Петербурга и сильно повліяли на ухудшеніе его судьбы. Выслуженный имъ крестъ Св. Георгія не былъ ему данъ, и Бестужевъ многіе еще годы долженъ былъ протянуть солдатскую лямку среди всевозможныхъ лишеній и тягостей боевой жизни, нерѣдко подъ ярмомъ такихъ невѣжественныхъ начальниковъ какимъ былъ подполковникъ В. и др. Въ 1860 году я видѣлъ въ Петербургѣ у одного отставнаго кавказскаго чиновника подлинное слѣдственное дѣло производившееся въ Дербентѣ въ 1833 году надъ А. Бестужевымъ, по случаю смерти Ольги Нестерцевой. Я просилъ у этого чиновника позволенія сдѣлать изъ него извлеченіе, но онъ выразилъ полный ужасъ предъ одною мыслью не только въ печати, но и устно говорить о такихъ ужасныхъ людяхъ, какимъ въ глазахъ его еще оставался А. Бестужевъ.

Смертность необычайная. Но я, благодаря Бога, довольно здоровъ. Желательно было бы мнѣ знать о положеніи Петра: есть ли хоть надежда на исцѣленіе его разума? Если же нѣтъ, надо глядѣть стоически. Можетъ ли такое мучительное состояніе назваться жизнію?.. Впрочемъ, да будетъ Божія воля надъ нимъ; но я для себя по крайней мѣрѣ всегда предпочелъ бы смерть томленію.

Что скажу я вамъ о судьбѣ своей? Чѣмъ далѣе, тѣмъ она мрачнѣе. Восемь лѣтъ страданій, трудовъ, битвъ не заслужили мнѣ ничего. Государь императоръ не соизволилъ чтобы мнѣ дали крестъ Св. Георгія, назначенный по избранію солдатъ. Это меня глубоко огорчило, огорчило тѣмъ болѣе что въ душѣ своей я чистъ предъ Богомъ и государемъ. Не лишеніе креста, но опала, но безнадежность угнетаютъ меня. Всѣ почти товарищи бѣдствія взысканы милостями, почти всѣ произведены въ офицеры; только я одинъ.... Но никогда ропотъ на Провидѣніе не очернитъ устъ моихъ. Да будетъ. Я пріемлю съ несокрушеннымъ духомъ это испытаніе, поднимаю тяжкій крестъ свой и иду въ гору. И для меня настанетъ потомство. Лоно Бога отверсто для страдальцевъ на землѣ.

Я васъ усердно прошу, милая матушка, не горевать объ этомъ. Сказать это вамъ я былъ обязанъ, чтобъ избавить напрасныхъ хлопотъ; но съ этимъ вмѣстѣ вы можете вполнѣ увѣриться что я не паду духомъ. Чувствую въ себѣ неземныя силы перенесть удары судьбы. Жизнь моя въ рукахъ Бога, но мое сердце Онъ отдалъ на сохраненіе мнѣ, и я, сколько могу, сохраню его чистымъ и крѣпкимъ. Все что вытерпѣлъ я доселѣ, можетъ убѣдить что я говорю правду: минувшее порукой за будущее.

Съ христіанскимъ смиреніемъ молю Бога о дарованіи вамъ спокойствія духа, и прошу родительскаго благословенія.

Покорный и много любящій васъ сынъ, Александръ.

Успѣю сказать вамъ, любезнѣйшія, добрыя сестрицы мои, что я не боленъ, а это много въ убійственномъ нашемъ климатѣ. Пожалуста, обнимите за меня страдальца Петра, и когда будете писать къ петровскимъ мученикамъ, приложите мой братскій привѣтъ.

Я уже писалъ, кажется, вамъ что задолжалъ болѣе 1000 р. Полевому. Я просилъ его вычесть эти деньги изъ слѣдующихъ за книги.

Да хранитъ васъ Всевышній.

Вашъ неизмѣнный братъ, Александръ. *

---

* На письмѣ, какъ кажется, рукою сумашедшаго брата гораздо позднѣе надписано: „Добрымъ твой привѣтъ, но никому слава.“

26.

Дербентъ, 1833 года, сентября 7го.

Въ Петровскій заводъ.

Я такъ давно не писалъ къ вамъ, милые мои братья, Николай и Михаилъ, что вы могли забыть мой почеркъ, хоть я увѣренъ что забыть меня вы не можете никогда. Все ждешь, авось найдется что-нибудь для васъ о себѣ радостное, но проходятъ годы и приносятъ однѣ горести, новыя горести, не изгоняющія прежнихъ. Впрочемъ, оставимъ іереміады. У васъ довольно своихъ слезъ: зачѣмъ подмѣшивать къ нимъ кавказскихъ, то холодныхъ какъ ледники горъ, то жгучихъ какъ наше убійственное солнце Каспія....

Я живу, то-есть дышу я, то-есть задыхаюсь я все въ душномъ Дербентѣ. Судьба моя неподвижна какъ Азія. Но Богъ великъ, и государь нашъ сама благость. Будемъ ждать: можетъ-быть рука его раскроется и для насъ. Много я принялъ горя со дня нашей разлуки; но крайней мѣрѣ въ судьбѣ моей было за то много и поэзіи; а вы, страдальцы безотрадные, вы были все это время на одномъ кусочкѣ земли, можетъ-статься, подъ одною только глыбой земли, въ стѣнахъ или въ рудникѣ, безъ свѣта днемъ, безъ радостныхъ мечтаній ночью.... Это ужасно! Когда я сравню вашу участь съ моей, ропотъ замираетъ въ самомъ началѣ въ сердцѣ, и глаза мои обращаются къ небу со слезами молитвы. Одна услада, одинъ міръ остался вамъ: это дружба, которой лишенъ я. Но я знаю также что человѣкъ взаперти становится желченъ и мелоченъ, подозрителенъ и мизантролъ: можетъ-быть, то же сталось со многими изъ вашихъ товарищей; но развѣ не довольно бы вамъ и тогда жить между собою?—двое братьевъ есть цѣлый міръ. Тягостно однакожъ и вдвоемъ не наслаждаться природой. Какъ грустно одному наслаждаться ею—я испыталъ это. Я толталъ снѣжныя вершины Кавказа еще недавно, но и въ тотъ мигъ когда, восхищенный, забывалъ все, въ сердцѣ лежало что-то свинцовое: это было чувство одиночества; это былъ гвоздь прибивавшій меня къ землѣ. Но оставимъ поэзію природы: поэзію горъ, по которымъ бродилъ я, поэзію моря, въ которомъ купаюсь, плаваю, которое слушаю, съ которымъ разговариваю такъ часто; оставимъ мрачную поэзію судьбы моей и скажемъ слово о писанной моей поэзіи (ибо не вѣроятно, чтобы не отразилось все что̀ я вижу и чувствую въ строкахъ моихъ, хоть я черпаю изъ колодца сердечнаго даже не горстями, а щепотками). Я рѣшительно ничего не писалъ въ эти полгода: не до того было. Теперь принялся за европейскую критику à propos des bottes. Прочтете въ *Телеграфѣ*, если кончу. Сталъ лѣнивъ я не изъ лѣни, а изъ безнадежности. Въ

наше время слава даетъ не крылья, а костыли. Я не жажду ничего кромѣ покоя, и жажду подобно Танталу. Въ душѣ много, не пуста у меня голова, ибо въ послѣдніе годы я болѣе думалъ чѣмъ учился; но нѣтъ ни досуга, ни охоты. Притомъ писать о Руси, не зная мѣстности Руси, въ наше время не простительно. Я знаю Русскихъ сердцемъ: мнѣ необходима однакожъ земля, исторія ихъ, а здѣсь что̀ могу найти я? Вотъ и осужденъ я писать пустячки и гранить человѣческое сердце. Благодарю добраго Николу моего за замѣтки насчетъ грамматики: онѣ очень правы; но я бы желалъ слова о духѣ сочиненія, не только о падежахъ искривленныхъ по проглядкѣ. Дай Богъ вамъ такого же крѣпкаго здоровья какъ духъ вашъ. Обнимаю васъ, кровные друзья мои, Николай и Михаилъ. Я вашъ и за дверью гроба—Александръ Бестужевъ.

Братъ Павелъ въ Тифлисѣ боленъ.

27.

Дербентъ, 1833 года, декабря 7го.

Спѣшу васъ увѣдомить, любезнѣйшая сестрица, что я по волѣ государя императора переведенъ въ Ахалцыхъ въ томъ же родѣ войскъ и званіи. Можете судить, какъ мнѣ непріятно ѣхать больному и зимою въ незнакомый край—искать новыхъ людей, бросать здѣсь хозяйство, и все это для того чтобъ быть попрежнему въ гарнизонѣ. Меня представляли въ Куринскій полкъ, но не послѣдовало соизволенія. Горько, но я все снесу: будьте въ этомъ убѣждены прежними опытами. Я закаленъ въ бѣдахъ. Была бы здорова матушка и спокойны вы: я приживусь къ звѣрямъ, не только къ людямъ. Утѣшно мнѣ будетъ видѣть брата Павла, и потомъ въ Ахалцыхѣ здоровый климатъ; за то ужь на скуку готовлюсь. Попросите у матушки мнѣ благословенія. Цѣлую всѣхъ васъ мыслію. Вашъ Александръ.

28.

Дербентъ, 1833 года, декабря 7го.

Почтеннѣйшая Екатерина Петровна! *

Смирдинъ писалъ ко мнѣ что сестрица Елена Александровна увѣрила его что я буду его сотрудникомъ, и надѣясь на это, онъ напечаталъ мое имя въ перечнѣ авторовъ. ** Какъ ни досадно было мнѣ это, но тамъ гдѣ ссылаются на слово

* Торсонъ.

** Въ публикаціи объ изданіи новаго журнала: *Библіотека для Чтенія* (1834—1860).

сестры, я пасъ. Предлагалъ онъ мнѣ 300 рублей за листъ; я не иначе соглашаюсь какъ погодно за 5.000, съ тѣмъ что начиная съ 1го января онъ 10 мѣсяцевъ сряду каждое первое число будетъ выдавать вамъ для отсылки ко мнѣ по 500 руб. ассигнаціями. Съѣздите къ нему и спросите: согласенъ ли онъ на мое письмо? И если *да*, то получите первыя деньги; если жъ *нѣтъ*, поскорѣй извѣстите. Я писалъ къ нему страховое, слѣдовательно, онъ не могъ не получить его. Тамъ, между прочимъ, сказано, что если онъ при каждомъ первомъ числѣ просрочитъ три дня уплатою, я считаю договоръ разорваннымъ.

Я по неволѣ переведенъ въ Ахалцыхскій баталіонъ, и вѣроятно скоро поѣду. Очень огорченъ я этимъ, но дѣлать нечего. Терпи, казакъ! Я нездоровъ и въ такую зиму ѣхать ужасно. Вотъ моя вѣчная судьба.

Будьте счастливы. Въ Петровскъ—всѣмъ роднымъ привѣтъ братскій.

Съ уваженіемъ есмь преданный вамъ, Александръ Бестужевъ

29.

Дербентъ, 1833 года, декабря 21го.

Въ Петровскій заводъ. Просятъ отослать поскорѣе.

Дорогіе, любимые братья, Николай и Михаилъ!

Сестра Елена Александровна приложила къ своему письму письмо изъ Петровскаго отъ княгини Трубецкой, писанное 23го іюня. Давно уже минулъ этотъ мѣсяцъ, но посланіе свѣжо для меня: оно, казалось, повѣяло мнѣ стариною, неизмѣнившеюся въ холодѣ Сибири до сихъ поръ. Да, я узнаю въ братѣ Николѣ, въ тебѣ, мой идеалъ свѣтской доброты, все того же брата-критика, который никакъ не хочетъ баловать роднаго, и гладя ребенка по головѣ, говоритъ: „Учись, Саша, смотри вверхъ, Саша!“ О, какъ бы я хотѣлъ броситься къ тебѣ на шею и сказать: брани мои повѣсти сколько душѣ угодно, но посмотри на меня: неужели ты не видишь во мнѣ того же сердца, лучшаго еще сердца, потому что оно крестилось въ слезахъ, сердца которое, право, лучше всего того что̀ я писалъ и напишу. Впрочемъ, книга есть человѣкъ; твореніе есть отраженіе Творца, такъ я думаю и вѣрю, и вотъ почему скажу нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Ты говоришь что я подражаю часто; но кому? Это будетъ также трудно сказать тебѣ, какъ мнѣ угадать. Правда, въ разказѣ иногда я подражалъ и тому и другому, точно также какъ подражаешь иногда голосу и походкѣ любимаго человѣка съ которымъ живешь; но голосъ не есть слово, походка не есть поведеніе. Я схватывалъ почеркъ, никогда слогъ. Доказательство тому что слогъ мой самобытенъ и новъ—это неумѣнье поддѣлаться подъ него народцевъ, которые такъ охочи писать, и такъ неспособны писать. Пусть найдутъ еще въ моихъ повѣстяхъ хоть одно

укрывающееся лицо изъ-за границы, пусть! Неужели мой Саарвайерзенъ выкраденъ откуда-нибудь? * Если *да*, такъ это съ портретовъ Вандейка, не болѣе. Всѣ авторы, словно стакнувшись, задрямили рисовать Голландцевъ флегмою; я, напротивъ, выставилъ его горячимъ, но разчетливымъ сыномъ огня и болота: это летучая рыбка. Главное, любезный мой Никола, ты упускаешь изъ вида цѣлое, прилѣпляясь къ частностямъ. Неужели, напримѣръ, въ ботанической лекціи, какъ называешь ты разговоръ Бѣлозора, не угадалъ мысли: какъ любовь всѣ предметы переплавляетъ въ свое существо и въ самой сухой соломинкѣ находитъ себѣ сладкую пищу. Иныя главы, повидимому, вставлены у меня вовсе сверхъ комплекту, какъ напримѣръ разговоръ Кокорина съ лѣкаремъ; но кто знаетъ: не желалъ ли я возбудить вниманіе читателей нетерпѣніемъ? Это тоже тайна искусства. Кромѣ того, мои повѣсти могутъ быть исторіей моихъ мыслей, ибо я положилъ себѣ за правило не удерживать руки; и вотъ, если разберете мою медицину, то найдете, можетъ-быть, болѣе дѣльныхъ насмѣшекъ надъ модными мнѣніями медиковъ чѣмъ ожидали. Такъ и во многомъ другомъ. **

У Бальзака много хорошаго, но учиться у него я не буду. Разбери глубже, и ты увидишь что онъ болѣе блестящъ чѣмъ ясенъ. Кромѣ того что онъ пересаливаетъ олицетвореніе кстати и не кстати, и часто одно и то же въ разныхъ соусахъ; кромѣ того что онъ торолится за золотыми яблоками Аталанты, онъ слишкомъ разъединяетъ страсти своихъ лицъ: эта исключительность не въ природѣ. Такъ лучшее изъ его лицъ, госпожа Жюль, и ухомъ не ведетъ что за нее давятъ, рѣжутъ и отравляютъ людей. Естественно ли это? Ужели совѣсть ея чиста или спокойна отъ любви къ мужу или отъ того что она убиваетъ не своими руками! Будь увѣренъ что я не выставилъ бы такого лица на поклоненіе, не надѣлъ бы на него безполаго, хоть и бархатнаго кафтана Колибрадоса! Странно что у васъ *** такъ возвышаютъ Бальзака, а молчатъ про В. Гюго, генія неподдѣльнаго, могучаго. Его *Norte-dame*, его *Marion de Lorme*, *Il s'amuse* и *Боргіа*—такія произведенія, которыхъ страница стóитъ всѣхъ Бальзаковъ вмѣстѣ, оттого

---

* Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти *Лейтенантъ Бѣлозоръ*.

** Что же касается до блестокъ, ими вышитъ мой умъ; стряхнуть ихъ—значило бы перестать носить свой костюмъ, быть не собою. Таковъ я въ обществѣ и всегда, таковъ и на бумагѣ: ужели ты меня не знаешь? Я не притворяюсь, не ищу остротъ—это живой я.

Прим. А. Бестужева.

*** То-есть въ Петровскомъ острогѣ, гдѣ именитые нѣкогда обитатели его получали массу русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ, и съ жадностью слѣдили за развитіемъ литературы и наукъ

что у него подъ каждымъ словомъ скрыта плодовитая мысль. Правду сказать, съ полъ-горя и писать имъ на раздольи и въ такомъ кипяткѣ событій, а для меня куда ни кинь, такъ клинъ: то того нѣтъ, то другаго нельзя, ни источниковъ, ни досуга, а воображеніе подъ утюгомъ. По неволѣ клюешь тыкву: виноградъ зеленъ.

Теперь я нездоровъ и потому только доживаю въ Дербентѣ нѣсколько дней, ибо переведенъ во 2й гр. л. баталіонъ въ Ахалцыхъ. Отъ воли своей давно я отказался; желать мнѣ въ Грузіи нечего, а кладбища есть и здѣсь столь же покойныя какъ индѣ; со всѣмъ тѣмъ я ѣду. Огорчительно для меня что вы не получали моихъ писемъ: съ пріѣзда я писалъ ихъ по крайней мѣрѣ 20; до васъ дошли десятые проценты, * жаль: это отбиваетъ охоту писать; это потеря не только для братскаго сердца, но для самой словесности.

Поблагодарите отъ меня княгиню Трубецкую за то что она одна для родныхъ нашихъ служитъ проводникомъ вѣстей хоть о здоровьи вашемъ; ** она ангелъ хранитель нашъ и многихъ, она отрадное явленіе на черномъ полѣ человѣчества. Добраго, милаго Мишеля прижимаю мыслію къ сердцу: что онъ, что вы оба дѣлаете? Я думаю, стали язычниками, полиглотами? Дай Богъ вамъ терпѣнія и здоровья: въ нихъ одно возможное счастье несчастныхъ. Вашъ многолюбящій братъ Александръ Бестужевъ.

P. S. Въ головѣ у меня давно уже лежитъ романъ; при досугѣ перепишу его. Прочтете—посудите; теперь о немъ ни слова.

30.

Въ Сольцу.

Дербентъ, 1833 года, декабря 21го.

Вотъ вамъ и послѣднее письмо 1833 года, любезнѣйшая магушка. Дай, Боже, чтобы въ новомъ году я могъ радостнѣе писать,—вы сообщать мнѣ радостныя вѣсти. Сестрицамъ желаю счастья, точно также какъ всякій день и на всякій день. Да разрѣшится умъ брата Петра; да будемъ всѣ счастливы! Жаль только что къ этимъ розовымъ мечтамъ недостаетъ послѣдняго слога вѣрованія. Впрочемъ никто же какъ Богъ.

....Какъ скоро станетъ легче, полечу съ въ свой Ахалцыхъ. Хорошо ли, худо ли будетъ мнѣ тамъ, будущее закрыто, но Богъ вездѣ. Все равно гдѣ ни положить кости. Не то вынесъ я! Корка несчастія съѣдена; теперь остался мякишъ.

---

* Дошло дѣйствительно менѣе половины, а именно *восемь* писемъ.

** Заключеннымъ въ Петровскомъ острогѣ запрещено было писать, но отъ ихъ имени писали жены нѣкоторыхъ изъ нихъ, кои, прибывъ изъ Россіи, поселились въ Петровскѣ. Княгиня Трубецкая, а потомъ генеральша М. К. Юшневская, писали отъ имени Бестужевыхъ.

Здѣсь все тихо, но на весну едваль не будетъ чего внутрь горъ: давно лора прижать хвосты горскимъ волкамъ. Голодъ грозитъ всему Дагестану, три года неурожая добиваютъ въ концъ мятежниковъ. Да, кажется, и въ Россіи то же: въ Астрахани 23 р. куль ржаной, на Линіи 40.

Братъ Поль нетерпѣливо ждетъ меня; на проѣздѣ; онъ все еще хилъ. Много обязанъ за письмо К. Трубецкой. Я отвѣчаю при семъ же братьямъ. Дивлюсь что они получили только два письма съ пріѣзда: развѣ вы не отсылали къ нимъ моихъ писемъ? а то я каждые два мѣсяца по крайней мѣрѣ писалъ къ нимъ.... И всего лучше еслибы любезныя сестрицы мои отъ бездѣлья переписывали бы мои письма къ братьямъ въ особую тетрадь для справокъ. Это мое желаніе. Скажите, дражайшая матушка, понравилась ли вамъ термалама мною присланная? Я былъ бы радъ еслибъ эта бездѣлка принесла вамъ хоть минуту удовольствія. Счастія и здоровья взамѣнъ благословенія вашего многолюбящему васъ сыну Александру.

Милая, безцѣнная сестрица, Елена Александровна! Я получилъ ваше письмо отъ 7го октября, и апробую всѣ ваши распоряженія. Насчетъ обоихъ Полевыхъ увѣренъ какъ въ себѣ: это уже мое дѣло, довѣріе имъ: они не Гречи. Не знаю, согласится ли дать мнѣ Смирдинъ 5 т. за годъ за 12 листовъ. Впрочемъ, сказавъ слово, я не откажусь отъ него. Съ продавцами надобно и поступать по-купечески. Я послалъ Полевому свой портретъ, очень похожій, и просилъ отослать къ вамъ копію. Я посылалъ изъ Якутска свой портретъ вамъ, спрашивалъ, получили ли вы его, сто разъ, и нѣтъ отвѣта. Напишите: да или нѣтъ?

Молю Бога о сохраненіи вашего и всѣхъ родныхъ здоровья. Душечкамъ Маріи и Ольгѣ по 100 объятій и по тысячѣ привѣтовъ. Страдальцу Петру столько же желаній выздоровѣть. Да повѣетъ вамъ 1834 годъ весной счастія. Ручку вашу, милая сестрица! до списанья.

Вашъ неизмѣнный, А. Бестужевъ.

31.

1834 года, января 17го.

Любезнѣйшая матушка! Новый годъ! Фениксъ рожденный изъ пепла минувшаго.... Но кто слышалъ прощальную пѣсню послѣдняго, кто разгадалъ вѣщую пѣсню наставшаго? Безотвѣтенъ міръ. Пойдемъ же въ путь, положивъ надежду на Бога въ свою странническую сумку. Такъ или сякъ, а все-таки мы ближе и ближе къ послѣднему ночлегу, къ объятіямъ отца, который весь любовь, весь прощеніе. Знаете ли что я на порогѣ обоихъ годовъ былъ утѣшенъ мыслію что я простилъ всѣхъ враговъ своихъ въ сердцѣ, что отнынѣ мнѣ люди могутъ быть и врагами, и злодѣями, но я имъ нисколько, я, который столько испыталъ несправедливостей! О, да будетъ этотъ годъ счастливѣе канувшаго въ вѣчность, хоть потому

даже что я чувствую себя достойнѣе принимать его дары! Здѣсь ничего новаго. Голодъ, посѣтившій всю Русь, грозитъ и Закавказью еще грознѣе, отъ того что дороговизна въ Астрахани (гдѣ куль ржаной муки стоитъ 40 руб.) воспрепятствуетъ привозу. Холода у насъ хоть куда, и это самое мѣшаетъ мнѣ выѣхать въ Ахалцыхъ.... Братъ Поль кряхтитъ отъ простуды и ждетъ движенія воды. Скажите что братъ Петръ? все также? Хандритъ, лежитъ, подозрѣваетъ весь міръ и всѣхъ кровныхъ всѣхъ болѣе? Это печально. Чувствую какъ это терзаетъ сердце его окружающихъ заботами, и любовью, и терпѣніемъ. Я самъ во время его бытности былъ самъ не свой.

Будьте счастливы, и еслибы горячее желаніе любящаго васъ сына для этого было достаточно, я не сомнѣвался бы въ исполненіи. Благословите Александра.

Милыя и добрыя мои сестрицы, Елена, Марія и Ольга Александровны! Богъ да заплатитъ вамъ спокойствіемъ души за любовь къ намъ: этого довольно бы стало вамъ для счастія, даже и безъ процентовъ. Каково встрѣтили вы сей годъ? и гдѣ, и съ кѣмъ? Увѣренъ что грусть была въ числѣ гостей вашихъ тогда.

Надѣюсь что вы, Елена Александровна, хоть не надолго пріѣдете въ Питеръ * и тогда похлопочете о моихъ книжонкахъ и деньжонкахъ. Гречъ все-таки не платитъ. Отъ Смирдина не имѣю отвѣта. Андреевъ ни гугу: извѣстите точнѣе сколько именно взялъ онъ денегъ. Мнѣ же онъ рѣшительно не присылалъ ни гроша, и я принялъ на свой счетъ только 250 р. истраченныхъ для Жукова и взятыхъ отъ Греча, да еще 90 за шнурокъ. Пожалуста, писавши къ братьямъ, пошлите мой привѣтъ. Видно, въ своихъ письмахъ вы не упоминали о приложеніи моихъ, ибо они пишутъ что только два получили: это очень грустно. Цѣлую всѣхъ васъ по 100 разъ, брата Петра тоже. Prosperez. Вашъ Александръ.

P. S. Насчетъ изданія моего прижимкамъ нѣтъ конца. Половину вычеркиваютъ. 1ю часть потребовали къ министру. **

32.

1834 года, февраля 1го.

Дражайшая матушка. Годы уходятъ, годы приходятъ, но для насъ какъ будто нѣтъ времени, по крайней мѣрѣ въ

* Изъ имѣнія Сольцы, гдѣ Прасковья Михайловна Бестужева съ тремя дочерьми и сумашедшимъ сыномъ проживала почти круглые года.

** Дѣло идетъ о первомъ изданіи *Русскихъ Повѣстей* и *Разсказовъ* Бестужева. Первые пять частей, безъ имени автора, и даже безъ псевдонима (и то и другое не было пропущено цензурой),

нравственномъ смыслѣ. Вотъ уже восемь лѣтъ слишкомъ несчастія, и ни блестки радости на этомъ черномъ покровѣ. Необычайное постоянство судьбы нашей даетъ мысль что ея колесо приржавѣло къ оси, или что у фортуны вылиняли крылья. Впрочемъ, благое Провидѣніе даетъ съ тѣмъ вмѣстѣ постоянство и терпѣніе. Я смотрю съ вѣрою на небо и говорю: „видно, такъ угодно Богу!“ Не постигаю, откуда могъ я нажить враговъ; но что они есть у меня, это, къ сожалѣнію, я чувствую больно, ибо кому бы безъ того пришло въ умъ сочинять или распространять на мой счетъ нелѣпыя сказки? Мнѣ писали съ водъ что пріѣзжіе изъ Петербурга думали и вѣрили что я спился, я, который, что̀ касается до трезвости, могъ бы пристыдить любаго отшельника, я, который только діэтой сохраняю себя отъ губительнаго климата. Но таковы люди: они охочи вѣрить всему дурному и сверхъестественному, они рады если могутъ своею грязью запятнать чье-нибудь свѣтлое имя. Скажите, впрочемъ, кого не клеветали? Это участь людей чѣмъ-нибудь выдавшихся изъ толпы. Я думаю, я жилъ довольно на свѣтѣ, и вы знаете меня довольно коротко чтобы подобныя сплетни могли заставить васъ имъ вѣрить, а меня въ нихъ оправдываться. Ни правила, ни характеръ, ни привычки мои не согласуются съ какими-либо излишествами.

Желая отъ души, любезнѣйшая родительница, вамъ счастія и здоровья, съ сыновнею привязанностію есмь вашъ Александръ.

Любезнѣйшая сестрица, Елена Александровна. Я получилъ ваше письмо отъ ноября. На оное отвѣчаю что съ Гречемъ теперь мы квитъ, ибо онъ изъ 1.750 р. за *Фрегатъ*, по моему желанію, 750 р. вычелъ за полгода бездѣлья моего, полученные Андреевымъ. Онъ изъ нихъ послалъ мнѣ 500: они пропали на почтѣ, а 250 истратилъ; я взялъ эти деньги на себя, а остальные 1.000 прислалъ. Не дивитесь что я трачу много денегъ. Я въ прошломъ году брату далъ 800, да въ этомъ 500; онъ боленъ и живетъ въ дороговизнѣ: ему необходимы деньги. Цензура въ Москвѣ меня рѣжетъ: изъ критики листами вычеркиваетъ, и самыя нравственныя, самыя христіанскія мысли, говоря что о религіи нельзя говорить въ журналѣ. * Это отбиваетъ всякую охоту что-либо писать.

Здоровье мое плохо....

У насъ кругомъ морозъ и голодъ.

Милую Марію и Ольгу обнимаю по 100 разъ каждую. Благодарю за приписку. Поцѣлуйте за меня страдальца; дай Богъ ему здоровья: его судьба и мою печалитъ.

шли въ Петербургѣ въ 1832 году; шестая, седьмая и восьмая части вышли въ Москвѣ, въ 1834 году; объ этихъ послѣднихъ частяхъ и говоритъ ихъ злополучный авторъ.

* Критическая статья о романѣ Н. Полеваго, *Клятва при Гробѣ Господнемъ*.

Ужели вѣчны наши слезы? Какой-то голосъ шепчетъ мнѣ что *нѣтъ*. Летите къ сердцу на встрѣчу. Любящій васъ братъ
Александръ Бестужевъ.

33.

Тифлисъ, 1834 года, мая 3го.

Дражайшая матушка. Послѣ почти мѣсячной дороги верхомъ, черезъ трудныя горныя дороги по дну рѣкъ и по гребню хребтовъ, я здоровый пріѣхалъ въ Тифлисъ, но брата Павла нашелъ въ терзаніяхъ ревматизма. Это убило меня. Такъ молодъ онъ и уже такъ изможденъ службою! Это ужасно! Одна надежда на воды, и онъ черезъ недѣлю непремѣнно ѣдетъ въ Пятигорскъ. Я въ большихъ хлопотахъ, несмотря на то что онъ получилъ 1.000 р. отъ меня и 500 отъ васъ: денегъ очень мало и для уплаты долговъ, и для житья на водахъ, и для дороги столь дальней. Я ищу гдѣ бы занять на свое имя. И позвольте сказать вамъ что средства, которыя вы думали достаточными для его переѣзда къ вамъ, далеко не соотвѣтствуютъ желанію вашему его видѣть: что̀ значитъ 500 р. на дорогу осажденную голодомъ?

Отправивъ Павла вамъ, лущусь въ Ахалцыхъ знакомиться съ новою своею судьбой. Что̀ будетъ—въ волѣ Бога, но моя воля въ вѣрной службѣ и безропотности искать облегченія тѣла и духа.

Братъ Павелъ не можетъ писать, ибо у него отъ свѣта даже происходитъ нестерпимая головная боль. Онъ съ радостію надѣется обнять васъ въ кругу сестеръ, столь давно съ нами разлученныхъ; онъ передастъ вамъ прямо въ сердце мои чувства. А до тѣхъ поръ да сохранитъ Богъ ваше здоровье въ крѣпости, а духъ въ веселіи. Горячо любящій васъ сынъ, Александръ.

Милыхъ сестрицъ Марію и Ольгу цѣлую по сту разъ и похристіански за свѣтлый праздникъ и по-братски завсегда. Пусть готовятъ сердца въ обновку радости свиданія съ Павломъ.

Добрая и милая сестрица, Елена Александровна. Хоть я и ничего не понялъ изъ присланнаго вами счетца, но видя изъ результата что вы очистили для меня 12.000 р. и положили ихъ въ ломбардъ, сердечно благодарю васъ за всѣ хлопоты. Проценты съ сихъ денегъ прошу, приведши въ одинъ срокъ и въ одинъ билетъ, вручить брату Павлу. Это вздоръ. Но я надѣюсь, умноживъ мою запасную сумму, хоть сколько-нибудь улучшить его участь. Не знаю какъ быть теперь, но прошу прислать 500 руб., оставшіеся отъ тысячи полученной съ Греча, брату прямо на воды.... А мнѣ деньги Смирдина за каждый мѣсяцъ поскорѣе, ибо я задолжалъ здѣсь для брата, да и дорога меня подъѣла. Милаго Петрушу обнимите на выздоровленіе и вѣрьте въ неизмѣнную любовь брата Александра.

34.

Пятигорскъ, 1835 года, іюля 28го.

Я для того долго не отвѣчалъ на послѣднюю вѣсточку отъ васъ, драгоцѣнные братья, Николай и Михаилъ, что поджидалъ сообщить вамъ радостную о себѣ, и на этотъ разъ не ошибся; я произведенъ въ унтеръ-офицеры. Дай Богъ многолѣтняго здравія государю! Какъ жаль что мы не можемъ обняться, милые братья, и однимъ сердцемъ помолиться Богу за нашего добраго, великаго монарха!

Но нѣтъ на свѣтѣ чистыхъ радостей: кажется, судьба считаетъ ихъ за монеты, которыя не могутъ ходить между людьми безъ лигатуры. Я получилъ увѣдомленіе объ этой милости, неподвижный въ постели, которой не покидалъ уже съ мѣсяцъ. Да, милые друзья, всѣ недуги вдругъ и одинъ изъ одного посыпались на меня и наконецъ успѣли разгрызть мое чугунное здоровье. Горести и усилія горской службы приготовили болѣзнь, а доктора умудрились развить ее, отъ того что не постигли. Сначала я выдержалъ болѣзнь, которой примѣра не было еще въ лѣтописяхъ медицины: злѣйшему врагу своему не желалъ бы я и дня такихъ страданій!.. Не по днямъ, а по часамъ таялъ я, и наконецъ въ одну ночь, послѣ тяжкихъ судорогъ, почувствовалъ холодъ смерти. Пульсъ исчезалъ, сердце умолкало, но голова была ясна. Я просилъ товарищей написать мои послѣднія денежныя распоряженія и кому что̀ въ.... Мысли мои носились надъ Русью. Послѣдняя теплота сердца вспыхивала для тѣхъ кого любилъ я, кто любилъ меня. Скажу правду: не хотѣлось мнѣ умирать; но я встрѣчалъ смерть безъ страха, хотя безъ привѣта. Не знаю, была ли то апатія тѣла или мужество души. Одно отрадное чувство, мирительное чувство нашелъ я въ себѣ въ этотъ роковой часъ: это совершенное отсутствіе ненависти или вражды: я искалъ ихъ для исповѣди и не нашелъ; я не постигалъ какъ можно быть врагомъ кому-нибудь, я, который былъ столько разъ жертвою незнакомыхъ мнѣ непріятелей. О, важный, спасительный урокъ дала мнѣ эта ночь: я вѣрно̀ буду лучше нежели прежде.... *

....Но воля ваша, а медицина есть ребенокъ играющій въ жмурки. Я въ это время занимался пристально всѣмъ что̀ писано новаго о ней, прочелъ кучу и убѣдился что во всемъ этомъ очень мало толку. Ни одной болѣзни нѣтъ ни конца,

* Далѣе опускаю подробности о болѣзни и лѣченіи Бестужева. Главный недугъ снѣдавшій его въ эти годы были страданія отъ солитера, котораго нажилъ онъ въ Фортъ-Славѣ, въ 1826—1827 году, отъ гнилой солонины которою кормилъ какъ его, такъ и прочихъ узниковъ, необыкновенно скупой комендантъ

ни начала. Симптомы сотни болѣзней носятъ одинаковые: разбирай ихъ поди! Система Брусе всѣхъ дѣльнѣе, но онъ слишкомъ далеко простеръ свои воспаленія. Гомеопатія—эмпиризмъ безъ логики, хотя не всегда безъ удачи. Но полно объ этомъ: мнѣ надоѣли и доктора, и лѣченье.

Въ теченіе года, съ мая до мая, я провелъ много пріятныхъ дней, много видѣлъ новаго: людей и сторонъ. Я столько околесилъ, проскакалъ и плавалъ, столько наглотался дорожной грязи, боеваго дыма, со столькими дрался и дружился что у меня рябитъ въ памяти. Болѣзнь и недосуги мѣшали мнѣ переносить на бумагу многое; теперь все это сидитъ въ чернильницѣ и ожидаетъ вдохновенія головѣ и раздолья пальцамъ.

Въ здѣшней войнѣ мнѣ особенно понравился образъ набѣговъ за Кубань Засса. Въ два года что̀ онъ командуетъ.... * Черкесы стали смирнѣе медвѣдя воспитаннаго въ Сморгонской академіи, а то три года назадъ они взяли нѣсколько казацкихъ станицъ. Я былъ съ нимъ въ зимней экспедиціи. Вообрази себѣ что даже и въ своихъ границахъ мы дѣлали переходы ночью. Перебредили Кубань.... Сквозь ужасныя ущелія пробрались въ горы и гнали изъ разныхъ мѣстъ 8.000 барановъ. Разсвѣтъ показалъ въ какую трущобу мы забрались... Подошва утеса занята была непріятелями. Было горячо, хоть и выше колѣна въ снѣгу. Меня тутъ одна лошадь столкнула было.... (когда я на) косой тропинкѣ остановился чтобы стрѣлять. Къ счастію что я уцѣпился за ея поводъ и выѣхалъ. Черезъ недѣлю мы опять (отправились) брать.... аулъ. Сдѣлали шестьдесятъ верстъ въ ночь... Земля (не) звучала подъ пекованными копытами: ничто не бряцало; нигдѣ ни слова, ни блеска, ни бренчанья. Точно войско тѣней. И наконецъ забѣлѣлъ на разсвѣтѣ паръ (отъ) коней. Вожаки разсѣялись на осмотръ.... О, никогда не забуду этого величаваго зимняго утра. Вдѣвѣ заснѣженныя гора-великанъ то мерцала, то сквозила какъ топазъ, потомъ зарумянилась розовѣе, розовѣе, и вотъ зардѣла какъ заревo.... Вправѣ оказался аулъ: дымъ вился изъ трубъ, пѣтухи пѣли: сердце билось ожиданіемъ и страхомъ чтобы врагъ не ушелъ. Привставъ на стременахъ, каждый превратился въ слухъ и зрѣніе. И наконецъ Засъ скомандовалъ: впередъ!—и мы въ полный скокъ ринулись по гребню чтобъ обогнуть аулъ. Но у аула высокій новый частоколъ встрѣтилъ насъ, и изъ за-него лупи караула. Крикъ и вопли раздались внутри. Плачъ дѣтей, лай собакъ, выстрѣлы, все смѣшалось. Но покуда мы отбивали ворота, почти всѣ жители ушли. И мы, разграбивъ остальное, должны были потомъ цѣлый день драться при отступленіи. Линейцы молодцы; всѣ очень помнятъ Александра Ивановича; ** Черкесы тоже. Но всѣ тѣ которымъ онъ кланялся, кромѣ Атажука, или умерли, или убиты. Я, впрочемъ, не люблю Горцевъ: за

* Въ этомъ письмѣ мы не все могли разобрать.

** Якубовича.

деньги каждый изъ нихъ убьетъ роднаго брата и продастъ друга, и это безпрестанно повторяется у насъ подъ глазами. Храбры они par boutades и для показу.

Привѣты мои фортславскимъ: Евгенію, * Ивану Ивановичу. ** Не могу вѣрить чтобы краснощекій Миша носилъ уже морщины и сѣдины.... Но чего не сдѣлаетъ заключеніе?

Богъ да сохранитъ и государь да помилуетъ васъ, дорогіе братья. Крѣпости духа желаетъ горячо любящій васъ другъ и братъ, Александръ Бестужевъ.

Что̀ сказать о товарищахъ? Толстой произведенъ въ офицеры. И всѣ остальные унтеръ-офицерами служатъ, въ томъ числѣ и морякъ Акуловъ.

Мишель пустился въ топографію,—пишете вы. Не знаю, найдетъ ли онъ мѣста гдѣ шляемся мы? Господа топографы, должно-быть, самый многовѣрный народъ, потому что рекутъ горамъ—прейдите: онѣ прейдутъ; ударятъ веромъ—и текутъ рѣки. Вообще всѣ карты Кавказа очень плохи.

Очень бы мнѣ хотѣлось имѣть портреты ваши: нельзя ли этого сочинить? Съ меня какіе-то маляры снимали лики, да ни одинъ не годился. Спрашиваешь о моей физикѣ: до болѣзни я глядѣлъ молодцомъ, ни одной сѣдины, и скованъ атлетомъ; теперь во мнѣ кожа какъ шинель, и только *духомъ* держится на плечахъ.

35.

(1835 года).

Благодарю васъ много и премного, любезная, добрая сестра, Елена Александровна, за все что̀ мнѣ дѣлаете и желаете. Коммиссій и радъ бы выдумать, да теперь право нѣтъ: я все изъ Москвы выписываю. Денежныя обстоятельства мои на этотъ годъ довольно плохи, ибо долженъ еще листовъ 5 Смирдину. Возьму отъ Полеваго тысячку и буду жить скромнѣе. Мнѣ очень хочется въ сей годъ 50.000 комплектныхъ положить въ ломбардъ. Не знаю, удастся ли? Хочу я,—не могу писать: я не Богъ. Что̀ жь мнѣ дѣлать что я себѣ не господинъ! Насчетъ энциклопедіи—поблагодарите господъ издателей: я не такъ простъ чтобы вѣрилъ ихъ благонамѣренности, когда Плюшаръ этимъ выигрываетъ полтора милліона барыша. Это лавка, а не книга. Да и писать положительное—надо средства, а у меня кромѣ копя и ружья нѣтъ справокъ. Увѣдомьте что̀ сто́итъ въ годъ лѣченье у Рюля? и потомъ подумайте о братѣ: если пользы можно ожидать, я кровь свою отдамъ за его исцѣленіе. Обнимаю васъ, милая сестрица, цѣлую Марію и Ольгу, восклицая: счастія имъ, счастія! Вашъ душой.

---

* Князю Оболенскому.

** Пущину.

36.

1835 года, декабря 1го.

Умеръ старый годъ, дорогіе, милые братья, Николай и Михаилъ: не будемъ, какъ Египтяне, судить его послѣ смерти! Да и что до меня собственно, мнѣ нечего жаловаться на покойника: онъ подарилъ мнѣ по себѣ поминки—нѣсколько живыхъ картинъ, нѣсколько сильныхъ ощущеній; чего жъ болѣе? Мой тройной путь черезъ Кавказъ—сперва на границы Аджаріи, потомъ на Кубань, потомъ на берегъ Чернаго моря, и ежедневная война съ Горцами породили воспоминаній надолго. Но сперва отвѣчу на полемическое письмо ваше, писанное княгиней Трубецкою по диктовкѣ вашей. Небольшой я охотникъ до литературныхъ оправданій и на досугѣ, еще менѣе теперь, въ дѣйствительности боевой жизни; однакожь, такъ какъ мои недостатки, по мнѣнію вашему, могутъ отразиться на всей русской словесности, то хотя и нехотя надо черкнуть свое мнѣніе въ спорныхъ пунктахъ, достойныхъ вниманія; прочее можете счесть за согласіе, ибо я не думалъ себя производить въ папы: homo sum! Обвиняете меня въ займѣ у Французовъ нѣкоторыхъ выраженій, напримѣръ: *que sais-je? что я знаю?* (И оно, мимоходомъ, занято не у Жансена, а у Монтаня.) Да не у однихъ Французовъ, я занимаю у всѣхъ Европейцевъ обороты, формы рѣчи, поговорки, присловія. Да, я хочу обновить, разнообразить русскій языкъ, и для того беру мое золото обѣими руками изъ горы и изъ грязи, отовсюду гдѣ встрѣчу, гдѣ поймаю его. Что за ложная мысль еще гнѣздится во многихъ, будто есть на свѣтѣ галлицизмы, германизмы, чертизмы? Не было и нѣтъ ихъ! Слово и умъ есть братское достояніе всѣхъ людей, и что говоритъ человѣкъ, должно быть понятно человѣку, предполагая, разумѣется ихъ обоихъ не безумцами. Будьте увѣрены что еще при нашихъ глазахъ грамматики всѣхъ языковъ подружатся между собою, а реторики будутъ сестрами. Ходьба взадъ и впередъ сотретъ и непремѣнно сгладитъ мелочныя грани нарѣзанныя идіотизмами и произведенныя педантами въ правила. Чудные люди! Мы видимъ что измѣняются нравы, права, обычаи, народы,—и хотимъ навѣчно ограничить улетучениую мысль—*слово*! упрочить, увѣковѣчить его, пригвоздить къ памятнику, и бросая его въ народъ, какъ грошъ, хотимъ чтобъ этотъ грошъ былъ неприкосновеннымъ! Однажды и навсегда—я съ умысломъ, а не по ошибкѣ гну языкъ на разные лады, беру готовое, если есть, у иностранцевъ, вымышляю, если нѣтъ; измѣняю падежи для оттѣнковъ дѣйствія или изощренія слова. Я хочу и нахожу русскій языкъ на все готовымъ и все выражающимъ. Если это моя вина, то и моя заслуга. Я убѣжденъ что никто до меня не давалъ столько многоличности русскимъ

фразамъ—и лучшее доказательство что онѣ усвоиваются есть ихъ употребленіе даже въ разговорѣ.

Характеры мои—дѣло частное, но если иные вымышлены неудачно, другіе скопированы съ природы точно, и увѣрить меня что они неестественны также трудно какъ Аѳинянина который жалъ подъ мышкой поросенка, а ему все-таки говорили что одинъ фокусникъ кричитъ поросенкомъ гораздо натуральнѣе! Говорите что я не понялъ нрава моряковъ? Но чѣмъ это докажете? Моряки люди, и люди, съ которыми я жилъ; почему же не могъ я ихъ изучить какъ всякаго другаго? Тѣмъ болѣе—въ русскомъ флотѣ, гдѣ морякъ есть болѣе земное чѣмъ водяное животное. Для насъ не годится типъ англійскихъ моряковъ и французскихъ контрабандистовъ: у насъ морякъ—амфибія. Насчетъ романтизма въ разборѣ *Клятвы при Гробѣ Господнемъ* скажу что въ ней не читали вы лучшаго, и потому нельзя вамъ судить о цѣломъ и связи.* Что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталкиваюсь я съ Тьерри и другими, виновата исторія что для всѣхъ одно и то же описала. Я не выдумывалъ фактовъ, какъ Вольтеръ или Щербатовъ. Но напрасно помѣстили вы въ число моихъ ut, re, mi, fa — Sismondi: я не читалъ его до сихъ поръ, да и еще кого-то, тамъ упомянутаго. Точно также какъ *Саламандру*, съ которой вы находите сходство *Фрегата Надежды*: досталъ нарочно послѣ вашего письма. На этотъ счетъ мое лучшее оправданіе—время изданій иностранныхъ и моихъ повѣстей, и вычетъ изъ этого—невозможность скоро получить въ такомъ захолустьѣ, какъ Кавказъ, порядочныхъ книгъ. Часто, очень часто встрѣчаю я въ хорошихъ авторахъ свои мысли, свои выраженія, но почему жь непремѣнно я укралъ ихъ? Ирвингу подражалъ я въ формѣ, не въ сущности; но и самъ Ирвингъ заимствовалъ олицетвореніе вещей у Попа, Попъ у Ботлера, Шекспиръ у Езопа. То что врожденно народу, есть только припоминокъ, а не изобрѣтеніе, повтореніе, а не подражаніе. Я начну съ пословицы: горшокъ котлу попрекаетъ, а оба черны, и выведу цѣлый полкъ доказательствъ что олицетвореніе въ смѣшномъ видѣ велось искони и слилось съ русскою природой; за что жь одни Англичане будутъ владѣть имъ? Въ любомъ авторѣ я найду сто мѣстъ взятыхъ цѣликомъ у другихъ; другой можетъ найти столько же; а это не мѣшаетъ имъ быть оригинальными, потому что они иначе смотрѣли на вещи. Всѣ читаютъ одинаково: и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, но спроси каждаго что онъ подъ этимъ разумѣетъ? и не найдешь двухъ толковъ похожихъ. Такъ и въ словесности. Но полно о словесности. Выражая у насъ мечтательную жизнь, ее нельзя судить дѣйствительностью; это бы значило наказывать человѣка за его проступки во снѣ.

---

* Говорится объ искаженной до чрезвычайности цензурою критикѣ на романъ: *Клятва при гробѣ Господнемъ*.

Славная школа войны нашъ Кавказъ. И надобно сказать что Закубанцы строгіе блюстители нашего боеваго порядка. Я видѣлъ много Горцевъ въ бою, но признаться, лучше Шапсуговъ не видалъ; они постигли въ высшей степени правило: вредить какъ можно болѣе, подвергаясь какъ можно менѣе вреду. Не выходя изъ стрѣлковой цѣпи въ теченіи почти каждаго дня всего нынѣшняго похода, я имѣлъ случай удостовѣриться въ ихъ искусствѣ пользоваться малѣйшею оплошностію и мѣстностію. Дворяне ихъ отчаянно храбры; но одна бѣда: никакъ не дѣйствуютъ заодно. Былъ я съ ними не разъ въ рукопашной схваткѣ; много, много лало подлѣ меня храбрыхъ: меня Богъ миловалъ. Узналъ я цѣну надежнаго оружія, узналъ что не худая вещь и тѣлесная сила. Построивъ крѣпость въ 40 верстахъ отъ Кубани въ землѣ Шапсуговъ, мы пошли въ ущеліе 10го октября. Черезъ 4 дня сообщеніе съ Чернымъ моремъ было открыто. Мы дрались за каждую пядь земли въ этомъ ущеліи, завоевывая дорогу кирками и штыками. Перешли потомъ черезъ огромный хребетъ со всѣми тяжестями по чудно-разработанной дорогѣ, отдохнули въ Геленджикѣ, гдѣ я былъ на морѣ, на судахъ, купался въ фосфорныхъ зеленыхъ волнахъ, парился лавровыми вѣниками, ѣлъ летучихъ рыбъ, камбалу, тримсовъ (?), мутелей, и потомъ, околесивъ кругомъ, проложивъ подъ облаками другую дорогу, мы возвратились къ Кубани. Какихъ трудовъ и сколько крови стоило намъ это! За то слава летѣла предъ нами и за нами. Государь объявилъ отряду свое благоволеніе и далъ награду. Но для этого мало листа и часу—а мнѣ пора. Въ Дагестанѣ войска тоже увѣнчаны побѣдой: разбили Аварцевъ. Тамъ со многими другими умеръ отъ климата Корниловичъ. Какъ не благодарить мнѣ Бога и государя что избавленъ я отъ жаровъ! Я чувствую себя здѣсь (кромѣ глазъ) гораздо свѣжѣе; думаю подраться не разъ зимою. Кланяйтесь, мои милые братья, Ивану Дмитріевичу, * Александру Ивановичу ** и всѣмъ, всѣмъ своимъ товарищамъ. Поль дома. C'est tout dire quant à son bonheur. Горячо объемлю васъ, Александръ.

P. S. Не воображайте, пожалуйста, будто я могу сердиться за критику. Говорю и пишу я всегда съ жаромъ, но это кончается точкой. Литература такая ничтожная частица моего существованія что не стóитъ капли желчи.

Богъ благословилъ мои слабые труды, милые братья, такъ что когда государь благоволитъ васъ уволить на лоселеніе, вы изъ процентовъ мнѣ принадлежащей суммы будете получать ежегодно по 1000 рублей, то-есть по 500 каждому. Для кого же я работаю какъ не для братьевъ?! Это моя един-

* Якушкину.

** Якубовичу.

ственная отрада. Счастливъ бы я былъ, еслибъ удалось устроить счастіе Поля: бѣдный братъ, онъ увялъ за насъ!

Въ отрядѣ со мной былъ Кривцовъ. * Подъ нимъ убита лошадь картечью, ибо у горцевъ есть артиллерія.

37.

Деревня Ивановка, 22го февраля 1836 года.

Николаю и Михаилу Александровичамъ Бестужевымъ, въ Петровскѣ.

.....Если вы помните моряка Акулова,** такъ онъ въ здѣшнемъ отрядѣ, я видѣлъ его во время экспедиціи: здоровъ, но все еще не болѣе какъ унтеръ-офицеръ. Скромный и достойный малый, мы нерѣдко про васъ съ нимъ вспоминали. Чудная вещь: это море. Кто его отвѣдалъ, безъ слезъ съ нимъ нельзя разстаться, а любить станетъ всегда. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста моего гардемаринскаго обученія я помню все такъ свѣжо будто вчерась съ марса сошелъ. Александра Ивановича *** вспоминаютъ многіе Черкесы, и тѣ которые *за*, и тѣ которые *противъ* его дрались. Мастеръ былъ онъ лѣнить боевую пыль! Поклонитесь ему отъ меня. Евгенію О. **** и Ивану Пущину пожатіе руки. У меня распускается сердце, когда я думаю о второмъ. Amitié à la ronde. Вы просили меня увѣдомить живъ ли Горбачевскій. Я только въ предпослѣднемъ письмѣ, и то однажды, получилъ этотъ вопросъ. Капитана сего имени я видѣлъ послѣ Чиркая въ Тифлисѣ, въ 1834 году. Онъ былъ совершенно здоровъ и теперь весьма живъ. Хорошій человѣкъ и дѣльный офицеръ, любимъ товарищами и начальниками уважаемъ; но я не зналъ что онъ братъ петровскому, † и его поведеніе въ отношеніи къ несчастному брату достойно всякаго порицанія, тѣмъ болѣе что онъ могъ бы его не только радовать письмами, но, получая большое жалованье, сколько-нибудь ему помогать.... О

---

* Одинъ изъ декабристовъ.

** Лейтенантъ Акуловъ, по приговору верховнаго уголовнаго суда въ 1826 году, лишенъ чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугой.

*** Якубовича.

**** Оболенскому.

† Иванъ Ивановичъ Горбачевскій, подпоручикъ артиллеріи, въ двадцатыхъ годахъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ, а потомъ Южнаго. Осужденъ въ 1826 году съ декабристами въ первомъ разрядѣ. Онъ умеръ въ 1869 году, въ февралѣ; упоминаемый братъ его умеръ гораздо ранѣе.

служащихъ въ Грузіи никакихъ подробностей знать не могу, и потому пусть не винятъ меня что я не отвѣчалъ на справки. Валеріанъ Михайловичъ * и Сергѣй Ивановичъ le Sebigan кланяются вамъ, кто ихъ помнитъ или знаетъ.

38.

Керченскій карантинъ, 1836 года, іюня 19го.

Хочу побесѣдовать съ вами, любезные и дорогіе братья, Николай и Михаилъ, чтобъ отвесть душу. Одинъ я, грустенъ я, взаперти,—какъ не вспомнить о васъ и вашей судьбѣ въ такихъ обстоятельствахъ! Вы навѣрное знаете что по необычайной милости государя я произведенъ въ офицеры, но едва ли угадаете какъ эта вѣсть меня поразила радостію: я едва не испыталъ на себѣ что нежданная радость можетъ убить скорѣе чѣмъ нежданная бѣда. Къ этому прибавить надо что я могъ прочесть въ *Инвалидѣ* только свое имя, не замѣчая перевода, и въ глазахъ у меня потемнѣло. Перейти вдругъ отъ безыменной вещи въ лицо имѣющее права, отъ совершенной безнадежности къ обѣтамъ семейнаго счастья, отъ униженія, которое могъ я встрѣтить отъ всякаго къ неприкосновенности самой чести — о, это не ребяческая была радость моего перваго офицерства, когда бѣлый султанъ и шитый воротникъ сводили меня съ ума, когда я готовъ былъ расцѣловать перваго часоваго который отбрякнулъ мнѣ на карауль. Нѣтъ, тутъ открылась для меня частичка міра, хоть не рая, которую выстрадалъ я и выбилъ штыкомъ; тутъ сверкнулъ лучъ первой позволенной надежды, можетъ-быть обманчивой какъ и прежнія, но все-таки позволенной надежды. Однимъ словомъ, эта вѣсть сдѣлала переломъ въ моей болѣзни (я лежалъ тогда, изможденный недугами, въ землянкѣ Геленджика), и съ того дня, хотя медленно и съ частыми возвратами лихорадки, я сталъ на ноги и понемногу поправляюсь. Но съ грустію вижу что здоровье мое исчезаетъ быстро: усилія которыя дѣлалъ я для службы, подкрѣпленныя твердою волей, могли только на краткое время походовъ поддержать меня, за то истощали подобно горячкѣ, и зимовки мои превращались постепенно въ сцѣпленіе разныхъ некупленныхъ и незавѣтныхъ недуговъ. Есть люди которые разглашали будто я веду эпикурейскую жизнь, будто я преданъ стеклу и Богъ вѣсть что. Пускай бы они поглядѣли на меня за самымъ лакомымъ обѣдомъ (ибо тамъ гдѣ ничего нѣтъ воздержаніе не доблесть), тогда убѣдились бы что ни одинъ

* Князь Голицынъ, камеръ-юнкеръ, въ 1826 году осужденный за участіе въ тайномъ обществѣ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

монахъ не ѣстъ и не льетъ менѣе меня, и что еслибъ я м
держался такой діэты при моихъ огорченіяхъ и бѣдахъ, давно бы закавказскіе шакалы таскали мои кости по ущельямъ. Впрочемъ, можно воздержностью уменьшить вліяніе губительнаго климата,—уничтожить нѣтъ возможности, особенно когда каждые полгода мѣняешь воздухъ и воду, и въ каждомъ мѣстѣ платишь частицею жизни за входъ; а здѣшнія лихорадки — укусное гнѣздо: каждая приливка превращается въ укусъ. Вся жизнь моя была безпрестанная борьба то съ желаніями, то съ привычками, то съ климатомъ, то съ судьбою, и дорого стоила мнѣ каждая стычка. Не знаю, какъ-то перенесу я предлежащее мнѣ испытаніе въ Абхазіи, куда я назначенъ. Баталіонъ этотъ расположенъ въ Гагрѣ и Пицундѣ, въ самыхъ гробовыхъ мѣстахъ черноморскаго прибрежья. Мѣста эти имѣютъ только моремъ сообщеніе между собою, и то чрезвычайно рѣдко. Нѣтъ ни зелени, ни живности, потому что за валъ нельзя высунуть носа, а въ самой крѣпости ходить—пули враговъ съ окрестныхъ скалъ бьютъ людей даже на койкахъ. Полтора комплекта въ годъ лоѣдается тамъ цынгою и лихорадками, и не было примѣра чтобы кто-нибудь выжилъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ или послѣ двухъ лѣтъ возвратился безъ страданій до конца жизни, — а жизнь коротка послѣ Гагръ. Впрочемъ, я полагаю надежду на Бога и на милость царскую. Непостижимо чудесно хранила меня десница Божія до сихъ поръ; почему жъ не помилуетъ и царь? Сердце царево въ рукѣ Божіей. Полубольной я пріѣхалъ сюда обмундироваться, потому что въ Геленджикѣ, кромѣ сухарей и солдатскаго сукна, ничего найти нельзя, а между тѣмъ Геленджикъ считается лучшимъ мѣстомъ отъ Анапы до редута Св. Николая, и въ самомъ дѣлѣ, сравнительно говоря, это правда. Бухта по крайней мѣрѣ оживлена множествомъ судовъ и трансиортовъ, особенно по случаю предположенной экспедиціи, которой она будетъ центромъ. Ну, я довольно походилъ въ морѣ и на фрегатахъ, и на другихъ судахъ, и сознался что я очень отсталъ отъ маневровъ поворота; однако, понемногу обознаюсь съ ними вновь. Надо сказать на радость тебѣ, милый Николай, что флотъ при нынѣшнемъ государѣ далеко ушелъ отъ того что онъ былъ при покойномъ: вооруженіе улучшено, такелажъ тонокъ и ровенъ, постройка — прелесть: всего отпускаютъ щедрою рукой; команды работаютъ на славу, потому что офицеровъ занимаютъ практикой безпрестанно. Однимъ словомъ, я бы желалъ одного—попробовать нашъ флотъ въ бою съ Англичанами; всѣмъ другимъ націямъ далеко съ нимъ тягаться. Говорятъ, насчетъ наружности балтійскій флотъ втрое лучше здѣшняго—и я вѣрю: подъ глазами хозяина все цвѣтетъ; впрочемъ, насчетъ практики и здѣшній очень хорошъ.

Керчь, старинная Понтикапея, изъ пепла возникающій городокъ, премиленькой наружности, у сліянія Азовскаго и Чернаго морей. Онъ родился и крещенъ подъ крыломъ

графа Ворощова, вельможи, котораго каждый шагъ есть уже доброе дѣло. Здѣсь всѣ суда, идущія въ Таганрогъ, очищаются карантиномъ, и уже вольно идутъ на сгрузъ въ Азовское, а потому, не имѣя своей торговли, жители бѣдны, и надо дивиться какъ въ такое короткое время Керчь такъ отстраивается. Окружена курганами, богатыми древностями, отрываютъ много золота. Музей ея стóитъ вниманія и изученія; почва еще болѣе: вся почти состоитъ изъ обломковъ горшковъ и стѣнъ. Я такъ гостепріимно былъ принятъ здѣсь что это меня тронуло. Карантинъ одинъ изъ лучшихъ въ Россіи. Бухта бурлива очень, но не глубока, и грунтъ хорошъ, отчего на якорѣ стоять хорошо. Обыкновенно всегда до 70 судовъ на якорѣ, и оттого видъ бухты, окруженной нагими горами и бѣлыми зданіями города, очень занимателенъ. Въ ясную погоду видна Тамань и Фанагорія. Не находку сдѣлалъ Мстиславъ, завоевавши кучу безплоднаго песку! При Туркахъ, впрочемъ, были въ Тамани сады и виноградники.... А Черноморцы не думаютъ ни о чемъ, и хотя близость порта обѣщала бы имъ золотыя горы за зелень и живность, не разводятъ огородовъ, и курица стóитъ тамъ 160 копѣекъ! Въ самой Керчи и около нѣтъ почти деревца: квасцовая почва мѣшаетъ прозябенію.

Морякъ вашъ Акуловъ произведенъ въ одинъ приказъ со мною. О другихъ ничего не знаю. Признаюсь, не ждалъ я никакъ такъ скоро производства, ибо только 10 мѣсяцевъ носилъ галуны: безъ протекціи — это много. Вотъ что̀ значитъ усердіе съ моей стороны и безпристрастіе со стороны государя: онъ самъ вспомнилъ и взыскалъ меня, забывъ прежнее. Поѣздка г-на Вельяминова, моего непосредственнаго начальника, въ Петербургъ, какъ пельстиваго свидѣтеля моихъ трудовъ, конечно, много способствовала убѣжденію.

Послѣ двухъ сряду писемъ, я не получалъ отъ васъ, милые братья, вѣсточки, хотя отвѣчалъ на послѣднее подобнымъ этому крыжакомъ. Живы ли? по добру ли, по здорову? какъ доживаете вы свой горькій срокъ съ немногими уже товарищами? Поклонитесь отъ меня Ивану Ивановичу, незабвенному и уважаемому. Поклонитесь и Александру Ивановичу, и всѣмъ кто меня грѣшнаго не помнитъ лихомъ. Что̀ подѣлываешь ты, Мишель? Что̀ оба? У меня только и думы какъ вы выйдете на бѣлый свѣтъ, куда-то заброситъ васъ судьба, и какъ бы смягчить вашу жизнь на поселеніи. Теперь у меня на рукахъ баловень Поль: живетъ въ Петербургѣ, надо денегъ много; ворчу—а нечего дѣлать, развязываю завѣтную. О васъ исторія начнется со дня выпуска. Не посѣтуйте, милые: тогда надо будетъ и на зубокъ, и для зубковъ. Теперь, яко не живые, терпите. Друзья, я семъ терпѣлъ. Обнимаю васъ отъ сердца по сту разъ. Неизмѣнный братъ вашъ Александръ Бестужевъ.

39.

Г-мъ Бестужевымъ въ Петровскъ.*
Карантинный лагерь на Кубани,
близъ Ольгинскаго тетъ-де-пона.
1836 года, ноября 23го.

Давно, любезные братья, не бесѣдовалъ я съ вами; еще долѣе не имѣлъ отъ васъ вѣсточки. Не вините меня за первое, какъ я не виню васъ за другое: мы не господа, а слуги обстоятельствъ. Я писалъ къ вамъ что цѣлое лѣто проболѣлъ я жестокою лихорадкой, которая раза два превращалась въ горячку: это была дань заплаченная климату. Но съ перваго сентября я прибылъ въ лагерь войскъ генерала Вельяминова и съ тѣхъ поръ служилъ въ рядахъ храбрыхъ какъ должно храброму: это была добровольная дань отечеству, это было жаркое желаніе хотя сколько-нибудь искупить милость государя императора. Непогоды и слухи о чумѣ остановили наши успѣхи, и мы 10го ноября возвратились на Кубань, гдѣ выдерживаемъ карантинный терминъ въ палаткахъ, несмотря на морозы, которые хотя не годятся и въ племянники вашимъ сибирскимъ холодамъ, но все-таки чувствительны для нашего избалованнаго грузинскими жарами состава. Недавно я былъ порадованъ вниманіемъ нашего истинно великодушнаго монарха къ состоянію такой ничтожной пылинки какъ я: приказомъ отъ 18го октября переведенъ я изъ смертоноснаго мѣста Гагръ въ городъ Кутаисъ, въ Мингрелію. Правда что жаркій климатъ Закавказья для меня вообще гибеленъ, и Мингрелія одна изъ странъ его, извѣстная лихорадками, потому что пересѣчена болотами и топями; однако, въ сравненіи съ Гаграми, Кутаисъ—столица. Итакъ я опять удалюсь отъ границы моей родины, отъ васъ, отъ всего что мнѣ мило, на цѣлую тысячу верстъ, и сотни хребтовъ встанутъ между мной и вѣтромъ вѣющимъ съ роднаго сѣвера. Это, если вы хотите, ребячество: не все ль равно быть разлучену каменною стѣной или грядами горъ, шестью или семью тысячами пространства? Но таковы эксцентрическія животныя называемыя поэтами: бездѣлка счастливитъ, голубездѣлка огорчаетъ насъ. А что ни говори: „дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“, а за Кавказъ не долетаетъ этотъ дымъ, его не чуетъ даже обоняніе изощренное несчастіемъ. Русскіе тамъ полу-Азіятцы, Азіятцы—полузвѣри. Одна природа, богатая, величавая природа, съ которою сроднился я за недостаткомъ другаго родства вблизи, будетъ тамъ моею утѣшительницею, подругою неизмѣнною, хотя измѣнчивою. Благодарю Провидѣніе и за это. Въ горахъ разлука — грусть, въ степи — тоска; за то нигдѣ и

* Съ боку письма помѣтка карандашомъ: „Получено 24го января.“

никогда такъ сильно не чувствуешь своего одиночества какъ любуясь роскошью природы. Кому сказать: посмотри какъ это прекрасно! Отъ кого получить отвѣтъ поцѣлуемъ?

Теперь о прозѣ жизни: увѣдомьте меня когда кончится вашъ срокъ заключенія? Раздумайте и скажите категорически: выгоднѣе ли будетъ вамъ получать вдвоемъ отъ меня тысячу рублей въ годъ, или взять шесть тысячъ единовременно? Мнѣ сказывали что посленцамъ позволено заниматься мелкою торговлей и что она въ Сибири очень выгодна, слѣдственно она можетъ служить для васъ и занятіемъ, и пользою. Если такъ, то я, по существующему у васъ положенію, пришлю на будущій годъ двѣ тысячи, а къ выпуску четыре (то-есть по позволенной каждому тысячѣ на обзаведеніе и по тысячѣ на содержаніе). Въ случаѣ же неудачъ, у васъ будетъ еще четыре отъ меня въ запасѣ, то-есть всего десять. Располагайте какъ хотите: для меня совершенно оба ваши желанія равны и равно будутъ святы. Мое желаніе — знать васъ по возможности счастливыми и когда-нибудь удостовѣриться въ этомъ собственными глазами.

Что̀ касается до моего здоровья, оно плохо. Походъ и случайности войны возбуждаютъ остальныя силы, и я живу тогда гальваническою жизнью; но это усиліе истощаетъ меня, и на зимовкѣ я чувствую что мнѣ пора на покой. Впрочемъ я думаю что спокойствіе духа исцѣлитъ тѣло, ибо я не разстроилъ его никакими излишествами. На видъ я довольно моложавъ.

Меня многіе упрекаютъ что я мало пишу. Но знаютъ ли и немногіе какую кочевую жизнь веду я вотъ уже три года: въ это время не провелъ я двухъ мѣсяцевъ на мѣстѣ; а тѣ что̀ удавалось провесть, были испещрены тяжкими болѣзнями. Въ нашъ вѣкъ нельзя писать не читая; а ко мнѣ не только книги, даже письма не доходятъ, или скитаются по бѣлу свѣту по полугоду. Je vois toujours l'onde et la pomme d'or fuir mes lèvres brulantes: c'est une tantalisation continuelle, une mistification du destin. Княгинѣ Трубецкой мое нелестное, мое полное уваженіе. Всѣмъ кто меня помнитъ и вспоминая любитъ, дружескій привѣтъ. Вамъ всего что̀ возможно въ вашемъ замкѣ хорошаго, то-есть здоровья и веселости. Пожелайте или выжелайте того же мнѣ—и я счастливъ. Многолюбящій васъ братъ Александръ Бестужевъ.

Замѣчаете ли, любезные мои Николай и Михаилъ, что я пишу вамъ въ день моего ангела. Живы предъ глазами моими картины ожиданія покойнаго отца въ этотъ день, во время оно, отъ графа А. С. Строганова, который тоже бывалъ именинникомъ. Почему не можемъ мы забывать такіе легко какъ молчать? говоритъ Тацитъ. Я скажу, для чего не можемъ мы хорошо говорить о томъ что̀ такъ хорошо помнимъ. Николай обѣщалъ мнѣ портреты свой и брата—и не шлетъ. Я жду.

Ивану Ивановичу дружескій привѣтъ, Александру Ивановичу поклонъ Кавказа.

Константинъ Астафьевичъ (?) съ нынѣшней весны служитъ здѣсь съ похвалою въ салерахъ и усердно вамъ обоимъ кланяется. Мы устраиваемъ здѣсь такія дороги чрезъ хребты что хоть бы Симплону не завидовать. Вообще нынѣшній государь дѣлаетъ все по плечу себѣ, истинно великанскимъ размѣромъ. Говорятъ, для устройства гавани въ Поти, въ Мингреліи, ассигновано 24 милліона, будетъ брикватеръ огромнѣе Плимутскаго. Желательно чтобъ эту работу поручили знающему инженеру. Въ корпусѣ путей сообщенія въ Россіи есть молодцы которые могутъ это предпріятіе хорошо обдумать и хорошо исполнить, но за Кавказомъ едва ли. Если это сбудется, транзитная торговля съ Персіей и Турціей оживитъ Кавказъ. А то уничтоженіе порто-франко въ Тифлисѣ сдѣлало что Русскіе, не боясь соперничества, стали продавать дрянныя вещи Азіи и до того потеряли кредитъ что сбытъ нашихъ фабрикъ за границу совершенно прекратился. Кавказу суждены въ будущемъ великія судьбы, какъ винограднику Россіи и какъ воротамъ въ Азію. Крымскія вина, которыя такъ расхвалены, рѣшительно дурны и непрочны. Кавказскія, напротивъ, обѣщаютъ улучшеніе. Кромѣ того, тамъ по Курѣ могутъ расти всѣ красильныя и пряныя травы, а сахарный тростникъ всходитъ отлично. Однимъ словомъ, этотъ край ждетъ одной головы, многихъ рукъ и всего болѣе золота. Но пусть не надѣются вспахать его Азіятцами: тутъ надобны европейскій надзоръ и русская переимчивость, но главное — разчетъ и терпѣніе, чего, по несчастію, у насъ нѣтъ вовсе. Армяне, эти крещеные Жиды, гадкій народъ. Торговля у нихъ разбой съ аршиномъ въ рукахъ, никакого благородства, ни малѣйшаго взгляда въ даль.

На дняхъ государь сдѣлалъ великое благодѣяніе солдатамъ расположеннымъ гарнизонами въ приморскихъ крѣпостцахъ Чернаго моря: имъ назначено морское содержаніе какъ на кораблѣ. Вообще мало-по-малу Закавказье выходитъ изъ хаоса, но все-таки для остальнаго міра земля эта еще невидима и неустроена. Нелѣпости ломѣщаемыя въ англійскихъ и французскихъ газетахъ, переходятъ за позволеніе. Напримѣръ недавно писали въ *Journal de Francfort* что мы взяли, послѣ жестокихъ потерь, цвѣтущій торговлею городъ Суджукъ, ключъ Кавказа, а Суджукъ-Кале срытый редутъ, гдѣ нѣтъ пріюта даже двумъ пастухамъ, и занятъ безъ выстрѣла. По этому же размѣру извѣщаютъ иногда и о разбитіи насъ. Эти газеты хуже персидскихъ сказокъ.

Интереснымъ письмомъ Бестужева, отъ 23го ноября 1836 года, къ его старшимъ братьямъ, оканчивается собраніе документовъ представляемыхъ нами въ настоящей коллекціи. Но отсылкѣ этого письма А. Бестужевъ прожилъ лишь съ небольшимъ полгода.... Въ декабрѣ 1836 года мы его видимъ въ Таманѣ,

затѣмъ въ Тифлисѣ, потомъ въ главномъ городѣ Мингреліи, Кутаисѣ, куда онъ былъ переведенъ на службу. Исторія этого перевода была для него не особенно радостна: еще лѣтомъ 1836 года Бестужева, полубольнаго, увидалъ въ Керчи графъ Воронцовъ. Онъ принялъ участіе въ его судьбѣ и ходатайствовалъ о переводѣ его въ статскую службу, въ Крымъ или для сношенія съ горцами, оставивъ въ военномъ чинѣ; соизволенія не послѣдовало, но Бестужева перевели въ 10й Черноморскій баталіонъ, изъ Гагръ въ Кутаисъ. „Ѣду кочевать въ ужаснѣйшую пору года за Кавказъ," писалъ Бестужевъ къ брату Павлу, въ декабрѣ 1836 года: „видно, въ могилѣ только успокоюсь я."

23го февраля 1837 года Бестужевъ, обливаясь слезами, служилъ панихиду, въ монастырѣ Св. Давида близь Тифлиса, на могилѣ Грибоѣдова, какъ по немъ, такъ и по Пушкинѣ, вѣсть о трагической кончинѣ котораго онъ получилъ лишь наканунѣ: „J'ai pleuré alors," писалъ Бестужевъ въ тотъ же день къ своему младшему брату: „comme je pleure maintenant, à chaudes larmes, pleuré sur un ami et un camarade d'armes, sur moi même; et quand le prétre chanta: „за убіенныхъ боляръ Александра и Александра", j'ai sanglotté au point de me suffoquer, elle m'a parut cétte phrase non seulement un souvenir, mais une prédiction.... Oui, je sens, moi, que ma mort aussi sera violente et extraordinaire, et peu éloignée...."

Предчувствія эти, къ величайшему сожалѣнію, оправдались вполнѣ.

Впрочемъ еще въ апрѣлѣ 1837 года Бестужевъ предполагалъ жениться, и уже послалъ въ Москву предложеніе одной бѣдной дѣвушкѣ, нѣкоей княжнѣ Даріи У***. Въ ожиданіи отвѣта, „съ разорваннымъ сердцемъ", какъ писалъ онъ брату Павлу, Бестужевъ долженъ былъ оставить Тифлисъ и ѣхать въ Абхазію. Здѣсь былъ Грузинскій гренадерскій полкъ, къ которому его прикомандировали на время предстоявшаго похода. Въ маѣ отрядъ, въ которомъ очутился Бестужевъ подъ начальствомъ барона Розена, совершилъ опустошительное вторженіе въ Цебельду, затѣмъ отрядъ двинулся мимо Гагръ, на мысъ Адлеръ. „Путь туда", замѣчаетъ Бестужевъ въ письмѣ отъ 13го апрѣля, изъ Кутаиса, „по скаламъ и стремнинамъ, по берегу моря: Термопилы предъ этой дорогой—Невскій проспектъ...." Отрядъ долженъ былъ сѣсть на корабли. Въ виду этого плаванія, Бестужевъ писалъ: „Опять увижу

Черное море, опять на немъ поплаваю! Дай Богъ высадиться къ чему-нибудь доброму! Виды здѣсь прелесть; природа утѣшаетъ меня за злость людей. Ахъ, какъ они гадки, какъ ничтожны!"

20го мая изъ Цебельды, а 31го мая изъ Сухума, Бестужевъ въ послѣдній разъ писалъ въ Петербургъ, къ своему любезному „Валлику", какъ онъ называлъ своего младшаго брата: „Странно что ты дѣлаешь удивительно-вопросительные знаки о моемъ войнобѣсіи", пишетъ при этомъ между прочимъ Бестужевъ: „рада бы курочка на столъ нейти, да за хохолъ волокуть; а разъ въ поле—я, какъ пьяница на пиру, не стерплю чтобы не погулять. Чуть выстрѣлъ — у меня вся кровь кипитъ, и слѣдъ или не слѣдъ мнѣ быть подъ пулями, а ужъ вѣрно пырну въ перестрѣлку. Я командую стрѣлковымъ взводомъ 2й гренадерской роты: народъ видный, да жаль что не обстрѣлены. А кажется на Чортовомъ мосту у Гагръ штыковой работы будетъ вдоволь...."

„...Мнѣ скучно до зарѣзу", пишетъ Бестужевъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ брату, „не будетъ ли какого развлеченія при взятіи мыса Адлера, по крайней мѣрѣ будетъ вѣрно красивая картина. Я командую стрѣлковымъ взводомъ 2й гренадерской роты Грузинскаго полка, слѣдовательно огня отвѣдать придется...." А вотъ и послѣднее письмо Бестужева къ матери; оно писано одновременно съ письмомъ къ младшему брату, и поступило въ мое собраніе его писемъ не въ подлинникѣ, а *въ копіи*; тѣмъ не менѣе, такъ какъ оно еще не было напечатано и притомъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ для знакомства съ личностью Бестужева, то и приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

40.

Сухумъ-Кале, мая 30го, вечеромъ. *

„Дражайшая матушка! Мы совершили походъ въ Цебельду и покорили ее почти безъ выстрѣла, дипломатикой. Скуки было вдоволь, потому что дѣлъ (не говорю дѣла) не случалось. Теперь ждемъ снова, собираясь на адлерскую высадку. Надѣюсь на Бога и на ваше благословеніе, хотя иду въ первую очередь въ стрѣлки. Мы сдѣлаемъ высадку подъ огнемъ

* На письмѣ помѣта: „получено 29го августа".

ста огромныхъ орудій четырехъ фрегатовъ, корвета и шлюпа, слѣдовательно долгаго сопротивленія нельзя ждать. Во всякомъ случаѣ, въ животѣ и смерти воленъ Богъ, и потому, получивъ отъ петровскихъ братьевъ недавно письмо, которымъ отвѣчаютъ они на мое предложеніе: брать ли 1.000 руб. ежегодно, или для торговли, теперь позволенной поселеннымъ, взять 6.000 вдругъ?—они избрали послѣднее, а потому прошу сестрицу Елену Александровну послать имъ при первой удобности *двѣ тысячи* изъ ломбарда. Да за мѣсяцъ предъ истеченіемъ срока работы чтобъ они получили еще *четыре тысячи* (ибо позволено каждому въ первый годъ на обзаведеніе получать по двѣ). На случай неудачъ я имъ ассигную еще *четыре тысячи* (то-есть всего десять), но эти остальныя выдать имъ только въ случаѣ ихъ востребованія въ особенной нуждѣ. Въ остальномъ распорядиться какъ писалъ я съ братомъ Павломъ въ 1834 году. Долгъ двѣ тысячи рублей, недавно Павлу данныхъ, я съ мѣсяцъ назадъ ему смаралъ и потому прошу за нимъ не считать его: пусть живетъ живой. Я слава Богу здоровъ. На Адлерѣ климатъ хорошій, слѣдовательно съ этой стороны бояться вамъ нечего. Впрочемъ, такъ какъ послѣ этого начнутъ постройки, то меня откомандируютъ, надѣюсь, назадъ въ свой баталіонъ въ Кутаисъ. Болѣе всего прошу не бояться за меня: все что̀ предстоитъ мнѣ ни зерномъ не важнѣе того что̀ ежедневно испытывалъ я въ отрядѣ Вельяминова, это нашъ хлѣбъ насущный. Государь будетъ на Кавказѣ въ концѣ сентября и 6го октября уже въ Тифлисѣ: именно орломъ облетитъ наши горы, закрашу своего гнѣзда.

„Письма адресуйте по-прежнему въ Тифлисъ. Какія-то два ко мнѣ письма утонули въ рѣкѣ Кадорсѣ съ почтою. Говорятъ гдѣ-то ихъ поймали, и если дойдутъ они до меня, то вялены. Рѣки здѣсь страшнѣе всѣхъ тигровъ и Черкесовъ вмѣстѣ. Завтра садимся на суда; я на фрегатъ *Анну* съ корлусынымъ штабомъ и двумя ротами нашихъ гренадеровъ. Успѣхъ несомнителенъ. Сестрицъ всѣхъ и каждую по тысячѣ разъ братски цѣлую: пусть это принесетъ имъ счастіе; брата Петра обнимаю; петровскимъ кровный привѣтъ. Вмѣсто всѣхъ васъ, вмѣсто благословенія вашего, цѣлую образъ отъ васъ полученный. Да осѣнитъ васъ и меня Всевышній.

„Покорный сынъ Александръ.

„P. S. Знакомымъ всѣмъ поклонъ до лица земли.

„Обнимаю тебя, любезный братъ. Если не приведетъ Богъ свидѣться, будь счастливъ. Ты знаешь что я любилъ тебя много. Впрочемъ, это не эпитафія: я не думаю и не надѣюсь умереть скоро, но все-таки, на всякій случай, лучше проститься. Не худо сдѣлаешь если задержишь письмо къ матушкѣ до слѣдующаго извѣстія, чтобы не дать ей напраснаго безпокойства. Каково идетъ и везетъ тебѣ служба? Поклонись Ростов-

цеву и всѣмъ кто меня помнитъ не лихомъ. Писать ей-ей некогда: извини меня предъ алчущею братіей журналовъ. Santé et prosperité. Твой другъ и братъ

„Александръ Бестужевъ."

1го іюня Бестужевъ, какъ писалъ матери, сѣлъ на корабль. Въ ночь на 3е іюня 1837 года эскадра изъ одиннадцати разнаго рода военныхъ судовъ и шести купеческихъ снялась съ якоря и оставила Сухумскій рейдъ. Четверо сутокъ, направляясь къ мысу Адлеръ, эскадра боролась съ сильными противными вѣтрами. Странное дѣло, какъ часто бывалъ Бестужевъ въ дѣлахъ съ горцами, какъ не только дни, но цѣлые мѣсяцы проводилъ онъ въ безпрерывной опасности быть убитымъ, и между тѣмъ никогда мысль о смерти не приходила ему такъ упорно въ голову. Мы привели выше выраженія предчувствія его гибели, прочли и послѣднее письмо его къ матери, которое исполнено такихъ распоряженій какія дѣлаютъ только предъ смертію.... 7го іюня 1837 года, уже въ виду мыса Адлера,—цѣли экспедиціи,—Бестужевъ написалъ краткое духовное завѣщаніе: платье и бѣлье онъ оставлялъ своему деньщику; бумаги, деньги и прочія вещи завѣщалъ отослать къ брату Павлу.... И между тѣмъ духъ его былъ спокоенъ, даже бодръ.... Мало того, онъ всячески старался вдохнуть мужество въ молодцовъ-гренадеровъ, плывшихъ на одномъ съ нимъ фрегатѣ *Анна*. Находя что они недостаточно еще обстрѣлены, и вѣроятно видя что настроеніе духа ихъ не такъ бодро и весело какъ то было нужно, Бестужевъ на досугѣ принялся за сочиненіе солдатской пѣсни.... Этотъ родъ поэзіи былъ ему давно сподученъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ, также ревностно отдавшись роли заговорщика и работая въ видахъ и интересахъ тайнаго общества, Бестужевъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ сочинили нѣсколько пѣсенъ, сильно распространившихся въ средѣ солдатства; теперь, столь же искренно и энергически отдавшись дѣлу боеваго офицера, онъ сложилъ, 5го іюня 1837 года, соотвѣтственную новому своему положенію другаго рода пѣсню. Пѣсня эта мигомъ была разучена залѣвалами-гренадерами, и дружный хоръ (какъ намъ разказывали) десантнаго отряда на фрегатѣ *Анна* весело оглашалъ ею бурную поверхность Чернаго моря. Вотъ эта пѣсня:

(На голосъ: *Какъ по камышикамъ чиста рѣченька течетъ....*)

Плыветъ по морю стѣна кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ой жги, жги, жги, говори,*
Словно стадо лебедей, лебедей.
Волны по морю кипятъ и шумятъ
Межъ собою таку рѣчь говорятъ:
„Ужь зачѣмъ это наши корабли
Какъ щетиною штыками поросли?
Ужь не будетъ ли турецкая кровь
Насъ румянить по-старому вновь?“
Тучи по небу летятъ и шумятъ
Межъ собой онѣ рѣчь говорятъ:
„Для чего полны солдатъ корабли
У орудій курятся фитили?
Ужь не даромъ слетаются орлы
Какъ на пиръ, на черкесскія скалы.“
Паруса надуваются, шумятъ
Что на палубахъ солдатушки сидятъ.
Имъ ефрейторы дѣлаютъ нарядъ
Усачи молодымъ говорятъ:
„Ей вы гой еси Кавказцы-молодцы,
Удальцы, государевы стрѣльцы!
Посмотрите Адлеръ мысъ недалеко,
Намъ его взять и славно и легко.
Каждый гоголемъ встряхнись, встрепенись
Осмотри ружье да въ шлюпочки садись.
Съ кораблей врагамъ пару поддадутъ,
Черезъ головы тамъ ядра заревутъ.
А чуть на мель, мы впередъ усачи,
Сумы въ зубы, въ воду по поясъ скачи!
Вражьихъ пуль не считай, не зѣвай,
Мигомъ стройся, да команды ожидай.
И придетъ вамъ потѣшиться пора —
Дрогнетъ Адлеръ отъ солдатскаго *ура*.
Бѣглымъ шагомъ на завалъ, на завалъ,
Тому честь и крестъ кто прежде добѣжалъ.
Въ рукопашную пали и коли,
И вали, и усами шевели.
Намъ похвально, гренадеры, егеря,
Молодцами умирать за царя.

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ, съ повтореніемъ послѣдней.

Намъ не диво, гренадеры, егеря.
Пить побѣдную чару за царя.

Ой жги, жги, жги, говори,
Пить побѣдную чару за царя!"

Подъ звуки этой пѣсни гренадеры съ фрегата *Анна* усѣлись въ гребныя суда для высадки на мысъ Адлеръ....

Высадка всего отряда произведена была 7го іюня, на сорока одномъ гребномъ суднѣ, подъ защитой лушечныхъ выстрѣловъ съ кораблей и подъ градомъ пуль которыми осыпали войска Черкесы изъ-за околовъ. сдѣланныхъ ими на самомъ берегу. Выстрѣлы изъ фальконетовъ, бывшихъ на гребныхъ судахъ, заставили непріятеля скрыться въ лѣсу, бывшемъ, впрочемъ, очень близко отъ берега. Генералъ-майоръ Вальховскій, начальникъ передоваго десантнаго отряда, выйдя на берегъ, занялъ опушку лѣса застрѣльщиками-егерями и милиціонерами.... *

---

* Въ бою этого дня палъ Бестужевъ. Какъ туманна для публики была жизнь этого писателя въ послѣднія одиннадцать лѣтъ предъ его смертью, такъ безвѣстны были подробности и его кончины. Между тѣмъ личность его, а слѣдовательно и судьба, интересовали всю грамотную, читавшую Россію. Мудрено ли послѣ этого что о смерти этого любимѣйшаго въ свое время романиста пошли всевозможные разказы и басни? Иные говорили какъ лица слышавшія отъ очевидцевъ, другіе какъ бы самоличные свидѣтели смерти Бестужева. Одному изъ подобныхъ разказовъ, сокративъ его въ нѣсколько строкъ, я далъ мѣсто въ ряду матеріаловъ къ біографіи А. Бестужева, напечатанныхъ мною въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1860 (кн. седьмая на стр. 99). Въ записанномъ и напечатанномъ мною разказѣ израненаго кавказскаго ветерана Ѳ. Д. К. (нынѣ уже покойнаго) оказались нѣкоторыя неточности; ясно что онъ частію перезабылъ кой-какія мелочи въ этомъ эпизодѣ кавказской жизни, частію разказывалъ по слухамъ. Тѣмъ не менѣе разказъ его сослужилъ добрую службу: онъ вызвалъ замѣтку другаго стараго кавказскаго воина, отставнаго за раками подпоручика Константина Александровича Давыдова. Въ замѣткѣ своей (напечатанной въ № 24 *Моск. Вѣд.* 1861 года) почтенный воинъ, давъ много мѣста совершенно ненужному препирательству съ г. Ѳ. К., сообщилъ, уже какъ дѣйствительный *очевидецъ*, извѣстіе о смерти Бестужева. Его разказомъ, затерявшимся въ летучихъ листкахъ газеты, мы и воспользовались, выбросивъ изъ него все къ дѣлу не идущее. Нельзя не пожалѣть однако что этихъ подробностей о смерти Бестужева все еще крайне недостаточно.

Въ эту передовую цѣпь вызваны были охотники,—нижніе чины 4го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка; этими охотниками были стрѣлковые взводы, состоявшіе тогда изъ двадцати четырехъ рядовыхъ, при двухъ унтеръ-офицерахъ и одномъ офицерѣ, горнистѣ и двухъ тѣлохранителяхъ. Офицеры въ цѣпь назначены были командиромъ баталіона, майоромъ Грекуловымъ. Охотниковъ изъ офицеровъ и не могли, впрочемъ, вызывать, такъ какъ самихъ офицеровъ было очень мало, а именно въ 4мъ баталіонѣ Мингрельскаго полка было всего три субалтернъ-офицера, прапорщики: Константинъ Давыдовъ, другой Давыдовъ же и прикомандированный изъ какого-то линейнаго баталіона Запольскій; четвертымъ былъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Мищенко. Послѣднему еще предъ высадкой, на фрегатѣ *Агатополь*, на которомъ приплылъ означенный баталіонъ, приказано было командовать въ цѣпи всѣми четырьмя стрѣлковыми взводами этого, баталіона.

Стрѣлки подплыли къ берегу въ шлюпкахъ; нѣсколько сзади плылъ какъ этотъ быталіонъ, такъ и другія части войскъ. Выскочить на берегъ, броситься на Черкесовъ засѣвшихъ въ вырытой вдоль берега канавѣ, въ родѣ шанцевъ, и прогнать ихъ въ лѣсъ, росшій въ пятнадцати или двадцати шагахъ отъ берега, наконецъ добѣжать до него, было дѣломъ одной минуты. Горцы упорно отстрѣливались, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ не успѣли убѣжать въ лѣсъ и были тутъ же на берегу переколоты штыками. Сцена кровавой схватки была такъ поразительна для непривычнаго человѣка что молодой лѣкарь того же 4го баталіона, Сивоха, впервые видѣвшій битву, тутъ же на лескѣ, около моря, упалъ въ обморокъ. Между тѣмъ стрѣлки-егеря, въ разсыпную, устремились въ чащу лѣса за уходившими, на этотъ разъ безъ выстрѣла, горцами; егеря углубились въ лѣсъ шаговъ на пятьдесятъ или шестьдесятъ. Въ это время явился въ лѣсъ капитанъ драгунскаго Нижегородскаго полка Л. Л. Альбрантъ и принялъ команду надъ цѣпью. Произведенный, какъ разказывали въ то время, изъ титулярнымъ совѣтниковъ въ капитаны, Альбрантъ оказался, въ настоящемъ дѣлѣ, довольно опрометчивымъ и неосмотрительнымъ офицеромъ..... Не принявъ во вниманіе ни той мѣстности среди которой дѣйствовалъ, ни возможности обхода со стороны Черкесовъ, въ то время какъ резерва не было еще видно, Альбрантъ тотчасъ скомандовалъ: „впередъ,

впередъ!“ и эти возгласы долго имъ повторялись.... Шагъ за шагомъ пробирались, или лучше сказать продирались, егеря сквозь страшную колючку, лапоротникъ и разную чащу, продирались безъ выстрѣла, слыша за собой возгласы Альбранта....

„— Давыдовъ! Дай, братъ, покурить трубочки въ послѣдній разъ..., сказалъ Мищенко обращаясь къ прапорщику Константину Давыдову.

„— Начѣмъ въ послѣдній, я тебѣ и сще дамъ, когда ты не будешь....

„— Полно молоть!... Смотри куда насъ завели, а резерва не слыхать и не видать.

„— Такъ ступай къ адъютанту и доложи что пора стать и ждать подмоги.

„Мищенко направился къ Альбранту, который шелъ отъ разговаривавшихъ офицеровъ шагахъ въ десяти. Серебряные эполеты его ярко блестѣли: судя по нимъ, офицеры думали что онъ былъ ротмистръ.

„— Ротмистръ! сказалъ, подходя къ нему, Мищенко:—вы приказываете идти впередъ; мы уже далеко зашли, а подкрѣпленія не видать....

„— Что жь, вы трусите? А? Вы вѣрно трусите? Ей, ребята, впередъ, впередъ!

„И мы опять пошли впередъ (разказываетъ Константинъ Давыдовъ), продираясь по той же колючкѣ, лапоротнику и лѣсу. Само собою разумѣется что (при этомъ) не могло быть ни правильнаго движенія, ни порядка, ибо иногда въ двухъ шагахъ ничего не было видно, а ужь о наблюденіяхъ что дѣлается впереди, съ боковъ и сзади, на большое пространство, и говорить нечего. Въ то время я былъ очень бѣдный, едва перегодовалый прапорщикъ, съ однимъ сюртукомъ на плечахъ, и этотъ сюртукъ, когда была возможность, берегъ какъ зеницу своего ока. Вслѣдствіе этого я держался мѣстъ удобопроходимыхъ. Сочувствовалъ ли мнѣ въ этомъ Бестужевъ, или случай натолкнулъ его на меня, но между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

„— Господинъ офицеръ! крикнулъ Бестужевъ.—Господинъ офицеръ!

„— Что вамъ угодно? отвѣчалъ я, оглядываясь и торопясь отвѣтомъ.

„— Куда вы идете? Куда?

„— Не знаю.

„— Какъ не знать! Вы вѣдь офицеръ! Растолкуйте мнѣ хоть что-нибудь!

„— Что жь мнѣ толковать, когда ничего не знаю! А вотъ направо есть какой-то адъютантъ съ эполетами, * а налѣво

* Въ описываемые годы эполеты и другіе блестящіе знаки въ дѣлахъ съ горцами, замѣчаетъ Давыдовъ, запрещено было носить.

начальникъ цѣпи, подпоручикъ Мищенко, они вамъ и растолкуютъ.

„— Да что же это такое: цѣпь или что другое?!

„— Была первая цѣпь, а теперь что мы такое, не знаю.

„Бестужевъ пожалъ плечами, махнулъ рукой и отправился влѣво, гдѣ я ему указалъ Мищенко. Бестужевъ былъ совершенно одинъ, безо всякаго конвоя....“

Прервемъ разказъ доблестнаго прапорщика. Какъ попалъ въ лѣсную чащу Бестужевъ? Нашъ разкащикъ съ азартомъ увѣряетъ (въ замѣткѣ напечатанной имъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1861, № 24), что Бестужевъ не былъ въ числѣ охотниковъ, не устремлялся храбро въ переднюю цѣпь, и этими увѣреніями старается опровергнуть противное свидѣтельство Ѳ. К. Признаемся, увѣренія эти, по меньшей мѣрѣ, бездоказательны. Свалился же къ цѣпи, Богъ вѣсть откуда, капитанъ Альбрантъ, явившійся къ ней, какъ извѣстно изъ его біографіи, въ качествѣ „охотника“: почему же не могъ явиться туда въ этой роли Бестужевъ? Вѣдь говоритъ же Давыдовъ что Бестужевъ состоялъ во время десанта при генералѣ Вальховскомъ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта и былъ не трусъ. Такое положеніе и необходимость, волею-неволею, отличиться чтобы получить наконецъ право вырваться изъ оковъ трудовой службы, очень могли побудить Бестужева проситься у Вальховскаго идти въ цѣпь, а тотъ, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и образованный, не могъ не беречь жизни царовитаго писателя, и нѣтъ ничего мудренаго что пытался его удержать, о чемъ потомъ и разказывалъ своимъ сослуживцамъ....

Все это разказано Ѳ. К., и всему этому почему-то не вѣритъ г. Давыдовъ, какъ бы обижаясь даже тѣмъ что г. К. позволилъ себѣ назвать Бестужева „героемъ“.... Но отправимся въ глубь лѣсной чащи, на мысѣ Адлеръ:

„....Когда Бестужевъ, махнувъ рукой, отправился отъ меня влѣво (разказываетъ Давыдовъ), кажется, менѣе нежели черезъ минуту послышалась сзади насъ жаркая перестрѣлка, и въ то же время посыпались на насъ пули спереди. „Играй!“ закричалъ я горнисту, и онъ протрубилъ сигналъ: строить кучки и каре. Увы! Это была послѣдняя лѣсня лебедя: вмѣстѣ съ послѣдней нотой горнистъ упалъ къ моимъ ногамъ мертвый. Однакожъ дѣло было сдѣлано, и ко мнѣ начали собираться солдаты-охотники, да въ добавокъ еще кавказскіе, а это была не бездѣлица, они умѣли постоять за себя. Въ это страшное время, обстоятельства которыхъ и теперь мнѣ иногда

снятся, принесли ко мнѣ на рукахъ прапорщика Запольскаго раненаго въ животъ (онъ умеръ нѣсколько часовъ спустя), также были жестоко ранены юнкера: Цехницкій, Шенявскій, Нашо, Ломбровскій и другіе. Не только раненыхъ, но и убитыхъ мы утащили къ своимъ: таковъ былъ кавказскій обычай, и обычай этотъ имѣлъ свое основаніе въ варварствѣ Черкесовъ....

„Между тѣмъ, когда прошли первыя мгновенія какъ бы печальнаго испуга, я началъ въ качествѣ офицера не то чтобы распоряжаться, а лучше, вѣрнѣе и добросовѣстнѣе сказать,—кричать:

„— Эй, братцы, ребята! ко мнѣ! ко мнѣ! Живѣй! Не сдавайся! Дерись! Умремъ! Ура! Ура!...

„Когда я наконецъ нѣсколько опомнился, я увидалъ что Бестужевъ стоитъ прислонившись къ дереву въ изнеможеніи, и что грудь его въ крови. Въ это время бѣжали мимо него нѣсколько солдатъ. Я закричалъ имъ: „ей, ребята, взять офицера и тащить!“ Два человѣка отдѣлились и взяли Бестужева подъ руки: съ помощію ихъ онъ имѣлъ еще силу идти, но помню что голова его клонилась уже долу, а пули сыпались и сыпались, Черкесы все гикали и гикали.

„Мы все отступали и отступали шагъ за шагомъ, крѣпко огрызаясь, но безъ всякаго разумнаго сознанія что̀ мы дѣлаемъ, а такъ, въ одиночку, что̀ кому вздумается, тотъ то и дѣлаетъ. Но судьбѣ угодно было чтобы люди которые вели Бестужева отбились по причинѣ колючки и лѣсу отъ главной толпы, въ которой я былъ въ родѣ командира. И вотъ, выходя на маленькую поляну, гдѣ стоялъ огромный обгорѣлый дубъ, я увидѣлъ что Черкесы бросились къ нему. Шапки ихъ засверкали на солнцѣ. Ко мнѣ оттуда прибѣжали юнкеръ Календо и еще какой-то косоглазый солдатъ 4й карабинерной роты Мингрельскаго полка, и говорятъ:

„— Ваше благородіе, что̀ намъ дѣлать? Мы вели офицера котораго вы приказали взять, а вонъ около того дуба бросили: на насъ напало Черкесовъ пропасть?...

„— Ничего, братцы, деритесь! деритесь! Авось Богъ донесетъ насъ до своихъ! отвѣчалъ я.

„И Богъ донесъ насъ до своихъ.“

Добравшись къ своимъ, Давыдовъ, знавшій въ лицо Бестужева, какъ сотоварища своего въ дѣлахъ съ горцами въ 1835—1836 годахъ за Кубанью, и интересовавшійся имъ какъ интересовались всѣ читавшіе тогда Русскіе, сталъ распрашивать и юнкера Календо, и косоглазаго солдатика: не говорилъ ли чего Бестужевъ, когда они его вели, и куда именно былъ онъ раненъ? И тотъ и другой отвѣчали что раненый офицеръ не говорилъ имъ ничего, а только стоналъ; куда же былъ раненъ онъ—они не знали; но ведя его подъ руки, замарали свои руки его кровью.

„На другой день, кажется, былъ разнѣсъ тѣламъ взятымъ у Черкесовъ на пашни, оставшіеся въ лѣсу, и разумѣется, говоритъ Давыдовъ, было приложено особое стараніе добыть живыми или мертвыми тѣла Бестужева и подпоручика Мищенка; но мы ничего не добились, да вѣроятно и сами Черкесы не могли различить ихъ тѣла отъ прочихъ, ибо они обдираютъ убитыхъ и даже раненыхъ на-чисто, а что Бестужевъ былъ ободранъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что милиціонеры, кажется гурійской милиціи, нашли у одного убитаго Черкеса пистолетъ и полы сюртука Бестужева. Могло быть еще и то что тѣла этихъ двухъ офицеровъ были поруганы Черкесами, и Черкесы имѣли настолько совѣсти или, вѣрнѣе, страху чтобы не выдавать ихъ въ томъ видѣ. Богъ вѣсть!"*

Вѣсть о гибели Александра Бестужева первый изъ членовъ его фамиліи получилъ Павелъ Бестужевъ, служившій въ то время въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній. Роковая новость пришла къ нему 5го іюля 1837 года по городской почтѣ, въ лаконической запискѣ одного изъ его пріятелей. **

„Любезные братья! (писалъ 5го іюля Павелъ Бестужевъ изъ Петербурга къ своимъ братьямъ въ Петровскій острогъ, въ Сибирь.) Я много виноватъ предъ вами не писавъ такъ долго; частію лѣнь, частію занятія были тому виною. Послѣднее время я былъ занятъ: нѣкоторые чиновники уѣзжали, а потому работы было болѣе обыкновеннаго, къ тому еще мнѣ поручили на нѣкоторое время редакцію журнала издаваемаго при штабѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній: это отнимало у меня остальное время.

Не стану долѣе скрывать отъ васъ горькой для насъ всѣхъ новости: братъ Александръ убитъ. Что мнѣ еще прибавить къ этому извѣстію? Довольно трехъ буквъ этого ядовитаго слова чтобы прожечь и не братпюю душу. Я не знаю ничего подробно объ его смерти, кромѣ того что, по донесенію, при высадкѣ на мысѣ Адлерѣ въ числѣ убитыхъ показанъ

* К. А. Давыдовъ, въ подтвержденіе справедливости своего разказа, ссылается на свидѣтельство слѣдующихъ своихъ сослуживцевъ-юнкеровъ: Цехницкаго, Шенявскаго, Панпо, Домбровскаго, Календо, Кирѣева (изъ студентовъ Петербургскаго университета) и роднаго брата убитаго Ивана Мищенко, а также офицеровъ 4го баталіона Мингрельскаго полка: Константинова, Давнорович и В. Ѳ. Вечея, бывшихъ при первой высадкѣ на мысъ Адлеръ. Нельзя не пожелать чтобы кто-нибудь изъ названныхъ лицъ,—буде кто изъ нихъ еще живъ,—сообщилъ съ своей стороны подробности о послѣднихъ часахъ злополучной жизни А. Бестужева.

** См. эту записочку въ *Отеч. Зап.* 1860, кн. VII, стр. 80.

прапорщикъ 10го линейнаго баталіона Бестужевъ. Прилагаю при семъ письмо его писанное предъ отправленіемъ въ эту экспедицію: онъ прощался со всѣми какъ бы предчувствуя свою смерть. * Судьба, которая такъ заботливо берегла его въ стольких опасностяхъ, вдругъ такъ неожиданно и безвременно, среди его завѣтныхъ думъ, у мечты его надеждъ возвратиться на родину, похоронила его на чужбинѣ. Когда я получу извѣстіе о подробностяхъ его смерти, я васъ увѣдомлю. Я располагаю самъ ѣхать въ деревню сообщить объ этомъ бѣдной матушкѣ. Прощайте, дорогіе братья! Видно не радости дѣлить намъ межъ собой на роду написано. Будьте здоровы. Вашъ душою, братъ Павелъ Бестужевъ."

Нѣсколько дней спустя, а именно 23го іюля, Павелъ Бестужевъ послалъ братьямъ обѣщанныя подробности: онѣ крайне скудны и явно основаны имъ на слухахъ. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ, іюля 23го (1837).

Любезные братья! Пишу къ вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ смерти брата Александра, сообщенныхъ мнѣ фельдъегеремъ бывшимъ въ экспедиціи. При высадкѣ нашихъ войскъ на мысъ Адлеръ, нѣсколько нашихъ баталіоновъ слишкомъ отдалились впередъ; братъ былъ посланъ туда съ приказаніемъ, и проѣзжая лѣсомъ, былъ раненъ. Онъ упалъ съ лошади. Его взяли на руки четыре гренадера и понесли обратно, но тутъ напкнулись на засаду горцевъ которые изрубили всѣхъ на мѣстѣ. Но окончаніи дѣла не могли даже найти тѣла убитаго. Я писалъ ко главнокомандующему чтобъ онъ оказалъ свое содѣйствіе касательно высылки бумагъ которыя, вѣроятно, остались послѣ брата. Какое утѣшеніе пишу я къ вамъ! Эта потеря для насъ невозвратима, и одно время помирить насъ съ этою мыслію. Я не совсѣмъ здоровъ. Сегодня ѣду къ матушкѣ на 28 дней. Не знаю какъ она перенесетъ этотъ ударъ. Не радостна моя поѣздка. Прощайте, дорогіе братья. Дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Любящій васъ братъ Павелъ."

29ое августа 1837 года былъ тотъ вполнѣ злосчастный день, когда въ Петровскій острогъ пришло письмо Павла Бестужева, отъ 5го іюля того года, и какъ бомба поразила заключавшееся въ этомъ письмѣ извѣстіе. Какъ ни были закалены въ бѣдствіяхъ Бестужевы, но они не въ состояніи были вынести этотъ ударъ съ твердостью: они предались неудержимому отчаянію....

„Смерть брата Александра, пишетъ Михаилъ Бестужевъ, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товари-

* Письмо это приведено нами выше подъ № 40.

щей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее всѣхъ, тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже къ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась рѣшимость искать смерти, и уже замѣтнымъ намѣреніемъ вывести его въ расходъ. Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни, и плакалъ какъ ребенокъ, до того что сдѣлалось воспаленіе глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищъ Вольфъ съ медицинскою помощію пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе, и выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько разсѣяться. Я не могъ дать отчета своимъ чувствамъ: и прежде, и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастіемъ, котораго мы ожидали со дня на день."

Этою выпиской мы заключимъ предлагаемое здѣсь собраніе матеріаловъ (увы, едва ли не послѣднее) къ біографіи Александра Бестужева. Этихъ матеріаловъ, вмѣстѣ съ тѣми которые изданы были прежде, уже достаточно чтобы составить полный жизни и правды біографическій о немъ очеркъ.

СЕМЕВСКІЙ

ПОДПОЧВЕННЫЯ СИЛЫ*

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXV.

Переживая мысленно прошедшее своего народа, вдохновенный наблюдатель называетъ великими, неизглаголанными суды Божіи; вглядитесь, задумайтесь надъ жизнью отдѣльнаго лица, не надъ отрывкомъ ея, а надъ всею неразрывною цѣпью явленій этой жизни; прослѣдите весь путь человѣка отъ первой минуты сознанія до могилы; разглядите причины того или другаго явленія, и вы не одинъ разъ повторите съ ветхозавѣтнымъ наблюдателемъ: „велики и неизглаголанны суды Твои!“ Какъ изъ посѣяннаго зерна вырастаетъ колосъ, такъ извѣстное дѣяніе порождаетъ явленіе, которое кажется намъ необъяснимымъ лишь потому что мы его оторвали отъ корня, отъ причины, взяли какъ одиночное. Подобно тѣмъ, возмнившимъ насиловать Божій народъ, „узникамъ тьмы“, по выраженію ветхозавѣтнаго мыслителя, „бѣглецамъ вѣчнаго Провидѣнія“, искавшимъ скрыться, спрятать дѣла свои подъ мрачнымъ покрываломъ забвенія, подобно имъ, мы люди нерѣдко пробуемъ прятаться какъ дѣти отъ самихъ себя. Какъ будто можно бѣжать куда-нибудь отъ мрака наполняющаго душу,

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 5, 6.

отъ тяжкихъ видѣній своего собственнаго сердца! И только имъ однимъ, гонителямъ, разказываетъ наблюдатель, чудился мракъ, являлись привидѣнія съ дряхлыми, печальными лицами, горѣлъ огонь свѣтильника, лишь для того чтобъ усилить ужасъ, чтобъ озарить страшные, безжизненные лики призраковъ. Для всѣхъ другихъ вселенная въ тотъ самый день была озарена обычнымъ свѣтомъ; другіе дѣлали невозбранно ежедневныя дѣла свои; ни на кого, кромѣ гонителей, не простиралась тяжкая, мучительная ночь, будто прообразъ будущей тьмы вѣчной, ихъ ожидающей. „Такъ боязливая злоба, осуждаемая собственнымъ свидѣтельствомъ, приводитъ себѣ на умъ все лютое, содержимое совѣстью.“

Знакомые Василья Савельевича начали съ нѣкотораго времени замѣчать сильную перемѣну въ адвокатѣ; являясь гораздо рѣже прежняго въ общество, онъ держалъ себя какъ-то странно, не ровно; порывами являлось у него то порицаніе лицъ предъ которыми онъ прежде чуть не благоговѣлъ, то ѣдкая насмѣшка надъ семейнымъ счастьемъ честнаго труженика, котораго онъ самъ недавно приводилъ всѣмъ въ примѣръ какъ образцоваго семьянина; подсаживаясь къ молодежи, этому „цвѣтущему питомнику Россіи“, по его собственному недавнему выраженію, адвокатъ разказывалъ анекдоты далеко не утѣшительные для „питомника“ не утратившаго вѣры въ добро и правду, старался разбивать въ дребезги молодыя надежды на побѣду истины. „Поживите съ мое, и вы увидите что такое жизнь; васъ поколотятъ въ этой битвѣ—скверно; вы поколотили другихъ—опять не радуйтесь,“ говорилъ онъ, оканчивая впрочемъ совѣтомъ: „колотить, не подставлять никомъ образомъ спину“. Рѣчи свои сопровождалъ онъ теперь уже не монологами о человѣческомъ ничтожествѣ и бренности земнаго, какъ въ былые дни, а смѣхомъ, похожимъ нѣсколько на смѣхъ злаго мальчишки, безжалостно раздавившаго беззащитное, робкое насѣкомое, пробиравшееся по травкѣ.

— Что съ нимъ такое? спрашивали другъ у друга знакомые.

— Вамъ нужно подумать о себѣ, полѣчиться, Василій Савельичъ, говорили доктора.

Адвокатъ улыбался, вѣшалъ голову на бокъ и говорилъ что чувствуетъ себя какъ нельзя лучше. Онъ продолжалъ вести процессы, но и въ присутственныхъ мѣстахъ, безъ всякаго повода, вдругъ приставалъ къ какому-нибудь секретарю

съ шутливымъ вопросомъ: „много ли онъ взялъ съ такого-то?“ тогда какъ секретарь ничего и ни съ кого не бралъ; одинъ изъ чиновниковъ даже обругалъ его при всѣхъ за подобную выходку; Василій Савельевичъ отвернулся въ отвѣтъ на брань, и засмѣявшись принужденно, отошелъ отъ обругавшаго; такое хладнокровіе не помѣшало ему однако насплетничать черезъ полчаса на чиновника одному важному лицу, сообщивъ что чиновникъ опаснѣйшій и вредный, ни во что не вѣрующій вольнодумецъ.

Замѣтно что-то спѣдало богача-адвоката; онъ худѣлъ, желтѣлъ и сохъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе: платье висѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ, полное, пріятно округленное лицо осунулось и непріятно выказало скулы; часто вечера одинъ ходилъ онъ въ своемъ атласномъ голубомъ халатѣ по роскошнымъ, полуосвѣщеннымъ комнатамъ дома до двухъ, трехъ часовъ утра; иногда будилъ камердинера и заказывалъ себѣ чай; камердинеръ приносилъ чай, но утромъ находилъ чайникъ и стаканъ нетронутыми.

— Ипохондрія, говорилъ знакомый Аристархову профессоръ душевныхъ болѣзней, объясняя очень подробно отъ какихъ тѣлесныхъ страданій происходитъ ипохондрія.

Слушатели, изумляясь обширности знаній профессора, рѣшили: „да, это не иное что какъ ипохондрія.“

— Но онъ не мнителенъ, не сидитъ на лѣкарствахъ, не жалуется даже никогда на нездоровье, осмѣлился кто-то возразить знатоку душевныхъ болѣзней.

— А.... это обыкновенное явленіе, объяснилъ, не задумавшись, знатокъ. — Мнительность-то именно и заставляетъ его не говорить о недугѣ и не лѣчиться.

Возражавшій не совсѣмъ понялъ мудреный отвѣтъ профессора, но притворился будто понялъ, изъ боязни прослыть не образованнымъ „научно“ предъ привилегированнымъ мудрецомъ. Такъ и рѣшило общество знакомыхъ что у адвоката ипохондрія. Попробовали было назвать „религіозною маніей“ (тогда это было въ модѣ) болѣзнь Василья Савельевича, но оказалось что онъ ѣздитъ къ обѣднѣ, попрежнему, только по праздникамъ, попрежнему зѣваетъ во весь ротъ въ церкви, кладетъ рубль на тарелку и умильно поглядываетъ, остановясь у входа послѣ служенія, на проходящую „гирлянду“, какъ онъ выражался, дамъ и дѣвицъ.

Въ Новый Годъ толкнулись было знакомые къ Аристархову

съ визитами; адвокатъ, съ мѣсяцъ уже почти совсѣмъ оставившій общество, не принималъ и не отдалъ никому визита. Этого оказалось достаточнымъ для нѣкоторыхъ чтобы разсгаться съ человѣкомъ на вѣки. „Значитъ не хочетъ знать; зазнался... Что богатъ, такъ и важничаетъ. Да мнѣ плевать на его богатство; я самъ себѣ господинъ," говорили оскорбленные, и дѣйствительно плюнули, забыли объ адвокатѣ.

Мнѣ скажутъ, можетъ-быть: „плохіе же психологи были знакомцы Аристархова; дѣло ясно какъ дважды два четыре. Откуда же явиться у него свѣтлымъ днямъ, чистой совѣсти? Чѣмъ помянутъ ему свое прошедшее? Чѣмъ помянутъ его другіе? Милліоны, роскошный домъ; но что̀ въ нихъ если никому кромѣ себя не доставляютъ они радости? Да и самому въ его года? Не нынче, завтра долженъ же онъ ожидать что все это смѣнится на тѣсный ящикъ, яму въ нѣсколько аршинъ глубины и на полнѣйшее забвеніе, если не на упрекъ: „хорошъ былъ гусь, не тѣмъ бы помянуть его".

Совершенно справедливо; но дѣло вовсе не въ томъ что знакомые были плохи въ психологіи; эти же самые психологи, посмотрите, какую выкажутъ наблюдательность и зоркость, если случится имъ заняться психологіей для цѣлей болѣе-существенныхъ, напримѣръ хоть для того чтобы спихнуть съ мѣста какого-нибудь пріятеля; они раскопаютъ всю подноготную его домашней жизни, доберутся до всего, до всякой мелочи, объяснятъ всякое мельчайшее дѣяніе, слово, мысль, навяжутъ такое чего не снилось бѣдняку, отыщутъ черты какихъ не бывало у него и въ поминѣ. Нѣтъ, вы не говорите; у насъ на Руси есть презамѣчательнѣйшіе психологи.

„Попробовать развлечься въ самомъ дѣлѣ," подумалъ адвокатъ, хотя онъ въ ту же минуту отвѣтилъ самъ себѣ: „Скажи ложалуста, чѣмъ же бы это? Гдѣ продаются тѣ конфеты которыхъ ты еще не пробовалъ?" Несмотря на этотъ страшный отвѣтъ самому себѣ, Аристарховъ пустился разъѣзжать по театрамъ, клубамъ, ло знакомымъ, очень обрадовавшимся его появленію. Это продолжалось около трехъ недѣль; по истеченіи этого времени адвокатъ снова засѣлъ дома и не велѣлъ никого принимать. Въ жизни будто въ симфоніи: задайся композиторъ въ началѣ піесы, поставь въ основу своего творенія мрачный тонъ; шествуя законнымъ путемъ своимъ, тонъ неминуемо разразится грозными созвучіями, и какъ ни вейся, какъ не отлетай отъ него легкіе, игривые звуки, имъ

не осилитъ основнаго тона; онъ ихъ принудитъ, волей-неволей, тяготѣть къ нему. Развѣ наединѣ, въ тиши ночной, слезами разрѣшивъ внутри поднявшуюся бурю душа художника вздастъ, нежданно для самой себя, гимнъ радованія, благодаренія за избавленіе, за эти слезы, за лучи тепла ее вдругъ обогрѣвшіе.... А иначе, въ концѣ піесы немпуемо, законно прозвучитъ основный, мрачный тонъ, грянетъ впослѣдніе, поставивъ предъ собою грань за коею нѣтъ никуда дороги.

Порою налетали на него, будто отдѣльныя свѣтлыя нотки, воспоминанія; видѣлся ясный весенній вечеръ, изба на берегу неширокой, тихой рѣчки; старикъ дьяконъ въ лаптяхъ, возвращающійся съ сохою съ поля, мать, сестра, вдова дьячка, бывало гоношившая послѣдній грошъ ему на сапоги, на перья, на бумагу. Гдѣ-то она? Какая доля всѣмъ имъ выпала? Сестра писала ему какъ-то, лѣтъ тридцать тому назадъ, но онъ.... „Надо бы было тогда отвѣтить," думалъ, вздыхая, несчастный, расхаживая по паркету. „Да; это все хорошо, дѣвственно какъ-то, свѣжо, точно весеннее ясное утро."

Будто озаренная солнцемъ пройденная даль, стояло предъ нимъ чистое дѣтство, а между тѣмъ надъ головою и впереди дѣлалась все темнѣе и темнѣе свинцовая, непроницаемая туча, заслонивъ свѣтъ дневной, накрывъ будто похоронпымъ покровомъ вьющуюся вдаль дорогу, кустарникъ и безъ того уже мрачный сосновый боръ, чрезъ который лежалъ неотвратимый, одинокій путь ему. Безмолвіе, безлюдье, тишь кругомъ, грозная тишь, знакомая развѣ душѣ убійцы оставшемуся вдругъ, по совершеніи злодѣйства, вдвоемъ съ поверженною, бездыханною жертвой.

Однажды въ полночь Аристарховъ велѣлъ освѣтить залъ и завести недавно купленную имъ великолѣпную машину: дудки зазвучали, отдаваясь въ пустыхъ комнатахъ такъ дико что швейцаръ началъ креститься, сидя на стулѣ у подножія неосвѣщенной лѣстницы. Адвокатъ ходилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ рѣзкому свисту флейтъ, къ возни бездушныхъ, деревянныхъ звуковъ, къ грому литавръ и оглушающему tutti. Послушавъ съ полчаса музыку, онъ остановилъ машину, велѣлъ потушить свѣчи и ушелъ въ спальню. Камердинеръ раздѣлъ его.

— Что прикажете завтра готовить повару? спросилъ онъ.

— Пусть приготовитъ супъ и.... еще что-нибудь, разсѣянно

отвѣчалъ Аристарховъ, ложась въ постель и отвертываясь къ стѣнѣ. — Завтра не буди меня.

Камердинеръ вышелъ. Полежавъ четверть часа, адвокатъ слѣзъ тихо, точно воръ, съ кровати, накинулъ халатъ, и взявъ свѣчу, прошелъ въ кабинетъ чрезъ узенькую уборную; опустивъ сторы, онъ сѣлъ къ письменному столу, отперъ ящикъ стола, вынулъ какія-то бумаги; пересмотрѣвъ, онъ всунулъ ихъ въ новый чистый большой пакетъ, запечаталъ и на пакетѣ надписалъ что-то крупными буквами; затѣмъ онъ заперъ столъ, прошелся по кабинету и ухватившись руками за край орѣховой рѣзной перегородки, раздѣлявшей кабинетъ на двѣ половины, началъ ее раскачивать; перегородка не тронулась. Аристарховъ написалъ еще что-то на клочкѣ бумаги, и положивъ посреди́нѣ стола написанное, ушелъ въ спальню.

На другой день утромъ двое слугъ убрали по обыкновенію весь домъ, исключая запертыхъ кабинета, уборной и спальни, сняли пыль съ мебели; камердинеръ, уложивъ на стулъ въ гостиной барское утреннее платье, толковалъ посматривая на часы: „однако заспался мой баринъ; десятаго три четверти“. Пріѣзжавшій было попросить о мѣстѣ молодой человѣкъ получилъ отъ швейцара отвѣтъ: „еще не вставали, почиваютъ“. А скоро ли встанутъ? робко спросилъ молодой человѣкъ. „Да надо быть скоро; кто ихъ знаетъ? Сегодня что-то долго, а то встаютъ въ семь, въ восемь часовъ.“ Молодой человѣкъ уѣхалъ, снова пріѣхалъ черезъ часъ: „все еще почиваютъ“, отвѣчалъ толстый привратникъ. Камердинеръ, условившійся накануне́ пить чай въ трактирѣ съ поваромъ одного князя, сосѣда Аристархова, подходилъ нѣсколько разъ на цыпочкахъ къ дверямъ спальни, прислушивался: „тихо“, не слыхать ни кашля, ни громкой протяжной зѣвоты, которою адвокатъ имѣлъ обыкновеніе привѣтствовать наступающій день въ первыя минуты пробужденія. Не звонилъ? спросилъ столявшаго предъ окномъ камердинера буфетчикъ въ бѣломъ фартукѣ. „Нѣтъ еще“, отвѣчалъ зѣвая камердинеръ. „Что это онъ долго какъ сегодня; кофейникъ у меня совсѣмъ потухъ.“ Стѣнные часы отмѣряли двѣнадцать басовыхъ нотъ, похожихъ на мягкую октаву, покрывающую послѣдніе аккорды нѣвческаго хора. Прислуга задумалась, стала шептаться; одинъ за другимъ подбѣгали къ замочной скважинѣ спальни, глядѣли въ нее; (ключи отъ спальни и кабинета лежали всегда у Василія Савельевича, такъ какъ двери запирались безъ ключа (стоило хлоп-

путь чтобы запереть), но ничего особенно не видать было въ спальнѣ.

— Что̀ за оказія? толковалъ камердинеръ.

Наконецъ явились опасенія: „не умеръ ли?“ Хандра нападавшая на барина въ послѣднее время усиливала опасенія прислуги.

— Да, кабинетъ запертъ? спросилъ уже довольно громко буфетчикъ.

— Извѣстно запертъ; ключъ у него на столикѣ завсегда, отвѣчалъ камердинеръ.

Швейцаръ, отъ скуки выйдя на подъѣздъ и подчуя табакомъ знакомаго будочника, сообщилъ ему что „вотъ ужь первато половина, а баринъ не звонитъ; никогда этого не бывало“.

— Не умеръ ли, глядите, отвѣчалъ на это будочникъ, — у насъ эдакъ же на прошлой недѣлѣ купецъ рыбникъ легъ отдыхать послѣ обѣда, да такъ и не всталъ, и теперь отдыхаетъ.

Швейцаръ весьма основательно замѣтилъ на это что „жизнь человѣческая ломанаго гроша не сто́итъ,“ что „сколь долго не живи человѣкъ, а умирать надо будетъ ему безпремѣнно“. Тутъ разговоръ коснулся другихъ, болѣе легкихъ предметовъ; а именно, будочникъ разказалъ какъ ловко вчера съѣздилъ его по уху квартальный; этотъ довольно грустный самъ по себѣ разказъ почему-то ужасно разсмѣшилъ швейцара, сначала къ изумленію, но потомъ къ величайшему удовольствію будочника. „Такъ ловко таки заѣхалъ?“ спрашивалъ полицейскаго чуть не въ десятый разъ толстякъ, потирая себѣ животъ и бока, надсѣвшіеся отъ хохота. „Порядкомъ,“ отвѣчалъ полицейскій, и швейцаръ снова надрывался, хохоталъ, потѣшаясь мастерскимъ ударомъ по уху.

— Слышь! эй, швейцаръ! громко крикнулъ кто-то со внутренней лѣстницы.

— Что̀ надо? спросилъ швейцаръ, поправивъ свой картузъ съ галуномъ и входя въ сѣни.

— Бѣги въ кварталъ, а не то пошли дворника, говорилъ буфетчикъ, съ испуганнымъ лицомъ сбѣжавшій съ лѣстницы; — у насъ молъ, не совсѣмъ здорово, баринъ молъ....

— Что̀ баринъ? спрашивалъ швейцаръ.

— Никакъ.....

— Ну?

— Скончался.... Зови сейчасъ квартальнаго.

— Зачѣмъ квартальнаго-то? За лопомъ бы....

— Тебѣ говорятъ, бѣги, зови сейчасъ же, закричалъ буфетчикъ.

Онъ шепнулъ что-то швейцару на ухо; толстякъ всплеснулъ руками, снялъ картузъ, перекрестился и выбѣжалъ на улицу.

— Дома ли офицеръ? спросилъ онъ будочника, разсматривавшаго въ это время весьма подробно одинъ изъ сапоговъ своихъ.

— Офицеръ? Вишь, новыя подметки не минешь, оказія, отвѣчалъ бутарь.—Теперь надо быть дома. А что!

Но швейцаръ, ничего не отвѣтивъ, сѣлъ на проѣзжавшаго мимо извощика и уѣхалъ. Трое слугъ Аристархова между тѣмъ, заглядывая въ замочную скважину орѣховой двери кабинета, вели между собою вполголоса слѣдующій разговоръ:

— Можетъ, повѣсилъ халатъ на перегородку? говорилъ буфетчикъ.

— Повѣсь, попробуй... Вѣдь надо на два стула встать чтобы на эдакую вышину повѣсить, возражалъ камердинеръ;—да и зачѣмъ онъ будетъ его тутъ вѣшать, когда халатъ кладетъ онъ завсегда подлѣ кровати?

— Вонъ туфля, Аполлонъ Евстигнеичъ, сейчасъ умереть, туфля лежитъ, отскочивъ отъ скважины, шепотомъ, обратясь къ камердинеру, произнесъ мальчикъ-слуга лѣтъ пятнадцати.

— И то.... подтвердилъ камердинеръ, прицѣлившись въ скважину.

— Дай-ка я посмотрю, говорилъ буфетчикъ.—Туфля, подтвердилъ и онъ, поглядѣвъ въ скважину.

Мальчикъ-слуга, блѣдный какъ полотно, стоялъ у окошка и вздыхалъ. Въ комнату вошелъ квартальный офицеръ, толстый, немолодой человѣкъ въ очкахъ, переваливавшійся какъ утка съ ноги на ногу.

— Гдѣ кабинетъ? началъ онъ, строго взглянувъ на людей.

Люди указали; квартальный посмотрѣлъ въ отверстіе для ключа.

— Я ничего не вижу, сказалъ онъ.

— Вы извольте поправѣй смотрѣть, гдѣ зеркало-то, говорилъ камердинеръ.—Видите?

— Вижу, братецъ, голубая тряпка какая-то виситъ.... Надо отпереть двери, отвѣчалъ квартальный, отойди и сѣвъ на стулъ.—Когда онъ легъ вчера? обратился онъ къ людямъ.

— Часу въ первомъ; такъ въ половинѣ, отвѣчалъ камердинеръ.

— Не выпивши? Гостей не было у него?

— Не кушали даже ничего; только часу въ девятомъ чаю двѣ чашки выпили. А гостей у насъ никого не бывало вотъ ужь мѣсяцовъ пять, больше, отвѣчалъ камердинеръ, — съ полгода.

— У нихъ, я полагаю, меланхолія была, началъ было буфетчикъ, но квартальный осадилъ его, обругавъ дуракомъ.

— Отвѣчай на вопросъ, а не ораторствуй, замѣтилъ онъ ему.

Буфетчикъ сконфузился. Вошелъ полицейскій врачъ, полный старикъ въ черномъ фракѣ, съ пряжкою за двадцать пять лѣтъ, съ лицомъ цвѣта перезрѣвшей малины; за нимъ вошли трое „добросовѣстныхъ“ (особенный родъ людей; ихъ видишь только при описяхъ имуществъ, при случаяхъ скоропостижной смерти; больше нигдѣ ихъ не видать; гдѣ они скрываются и обитаютъ — одинъ Богъ вѣдаетъ). Докторъ пожалъ руку квартальному и сказалъ что сейчасъ пріѣдетъ частный.

— Надо вотъ этихъ молодцовъ допросить, пріосанившись замѣтилъ квартальный, кивнувъ на прислугу переминавшуюся съ ноги на ногу, въ почтительномъ отдаленіи отъ властей.

— Помилуйте, сударь; мы сами-то не опомнимся, началъ было камердинеръ.

— Знаемъ мы вашу братью; мастера вы зубы заговаривать, перебилъ квартальный.

— Это не то что васъ подозрѣваютъ, а.... порядокъ требуетъ, замѣтилъ сиплымъ теноркомъ одинъ изъ добросовѣстныхъ, не купецъ, не мѣщанинъ, въ длинномъ суконномъ сюртукѣ, съ заспаннымъ рябоватымъ лицомъ и рѣденькою бородкой.

Наконецъ бойко загремѣлъ экипажъ, и въ комнату влетѣлъ частный, красивый, полный, бѣлокурый человѣкъ; квартальный вскочилъ; изъ величавой осанистой фигуры его сдѣлалась подобострастная; нагнувшись весь напередъ, онъ ходилъ точно въ кадрили, на носкахъ, подшаркивалъ, обдергивалъ воротникъ и для чего-то помпутно покашливалъ, заслоняя при этомъ ротъ рукою и отворачиваясь въ сторону.

— Прикажете приступить? спросилъ онъ мягкимъ голоскомъ частнаго.

— Да.... Чего же ждать? Есть слесарь? отвѣчалъ частный.

— Есть, ваше высокоблагородіе, отозвался хожалый, появившійся какъ-то внезапно въ дверяхъ.

Хожалый вышелъ и тотчасъ возвратился съ длиннымъ и худымъ, одѣтымъ въ засаленный ситцевый халатъ, малымъ лѣтъ двадцати; малый, вытащивъ изъ-за пазухи связку крюч-

ковъ, начальъ, ломинутно встряхивая падающими на глаза волосами, хлопотать около замочной скважины, наконецъ замокъ глухо прогудѣлъ, дверь отворилась: на орѣховой рѣзной перегородкѣ висѣлъ въ своемъ атласномъ голубомъ халатѣ адвокатъ; сѣдая опущенная внизъ голова его склонялась нѣсколько направо; лѣвая рука судорожно сжимала полу шлафрока; частный отодвинулъ тяжелую гардину окна; солнечные лучи, ворвавшись въ комнату, озарили страшную уже и въ полусвѣтѣ картину; подлѣ оттолкнутаго, вѣроятно ногою, табурета блестѣла шитая серебромъ туфля, свалившаяся съ лѣвой ноги; новая бичевка была привязана вдвое къ верхней перекладинѣ; докторъ оглядѣлъ трупъ, пощупалъ пульсъ и обратившись къ частному произнесъ: „готовъ; вѣроятно, часа три, четыре, какъ.... скончался."

На третій день послѣ описанной тяжелой сцены, богатый гробъ адвоката, безъ лѣнія, молча уставили на дроги и вывезли за заставу; за балдахиномъ ѣхали въ каретѣ адвоката камердинеръ, и прочіе люди Аристархова; поклонившись одинокой, вырытой въ полѣ за кладбищемъ могилѣ, они отправились въ ближній трактиръ помянуть покойника. Общество потолковало съ недѣлю объ этомъ странномъ случаѣ и позабыло; профессоръ душевныхъ болѣзней прибавилъ студентамъ новый примѣръ въ свою лекцію объ ипохондріи.

Проводивъ за границу Варвару Тимоѳеевну и свою осиротѣвшую сосѣдку, Владиміръ Лучаниновъ однажды, проходя на службу, увидалъ нагруженный мебелью возъ; это швея перевозила къ себѣ мебель Топоровской. Лучаниновъ остановился. „Вотъ коммодъ, думалъ онъ, на которомъ стоялся букетъ цвѣтовъ и сахарница; овальный столъ, у котораго сидѣлъ я въ первый день знакомства, перебирая старыя бумаги; зеркальцо, предъ которымъ рисовалась въ бабушкиномъ чепцѣ ребенокъ-дѣвушка."

— Adieu! крикнулъ онъ вышедшей изъ калитки швеѣ.—Не забывайте меня.

— Вы меня не забывайте, Herr Secretaire, отвѣчала добрая Нѣмка,—я къ вамъ непремѣнно приду за адресомъ фрейлейнъ Топоровской; вы сдѣлали доброе дѣло; Богъ васъ наградитъ.

— Ужъ это не я, а именно Богъ помогъ.... Устроилось-то, кажется, недурно, отвѣчалъ Лучаниновъ.—До свиданія!

Возъ тронулся, швея поплелась за вещами; Лучаниновъ, нанявъ извощика, поѣхалъ въ канцелярію. Психологъ-унтеръ

уже успѣлъ разказать кой-кому изъ чиновниковъ что Лучанинов, схоронивъ старуху, отправилъ сосѣдку за границу со знакомою барыней; нѣкоторые изъ чиновниковъ, сбѣгавъ въ католическую церковь, познакомили своихъ товарищей, какъ могли, съ наружностью сосѣдки. „Лакомый кусочекъ,“ говорилъ одинъ страшный волокита-писецъ, затягиваясь папироской. „Пустое дѣло, господа, красота,“ отвѣтилъ на это, понюхавъ неторопливо табаку, психологъ „старшой“, „вотъ кабы у нея домъ былъ, да тысчонокъ двадцать-тридцать въ ломбардѣ, вотъ тогда бы можно про нее точно что сказать: это-лакомый кусочекъ.“

— Не-сьмо вашему благородію, произнесъ онъ, снимая съ Лучанинова пальто,—надо полагать изъ Петербурга.

Лучаниновъ, поглядѣвъ на адресъ, узналъ почеркъ Барскаго; повидавшись съ правителемъ, онъ взялъ бумаги для перевода и уѣхалъ домой; онъ вспомнилъ что велѣлъ придти писарю-Еврею, сдѣлавшемуся его коммиссіонеромъ по части починки, передѣлки платья, бѣлья и закупки сигаръ, которыя Еврей почему-то всегда приносилъ подъ полою. Сегодня нужно было Лучанинову посовѣтоваться съ нимъ насчетъ починки платья и передѣлки стараго, полинявшаго пиджака. Дорогой, въ пролеткѣ, онъ распечаталъ письмо.

„Пишу вамъ нѣсколько строкъ (гласило письмо, дѣйствительно отъ Барскаго), чтобъ увѣдомить васъ о внезапной смерти Васильія Савельевича Аристархова. Говорятъ, онъ оставилъ записку, гдѣ проситъ никого не винить въ его смерти. (Далѣе слѣдовало описаніе страшной кончины.) Мнѣ пришло въ голову: не передали ли вы ему какихъ-либо бумагъ по вашему дѣлу, когда были у него; домъ, вещи и бумаги опечатаны, но у васъ столько радѣльщиковъ что, пожалуй, и этимъ воспользуются дабы повредить вамъ. Страшный былъ человѣкъ Аристарховъ, но жаль мнѣ его и какъ человѣка, и какъ послѣднюю надежду на поправку вашихъ дѣлъ; я все надѣялся что онъ, раскаявшись, возьмется за дѣло и поможетъ вамъ возвратить имѣніе. Васъ просто преслѣдуетъ судьба; тяжко думать это, но какъ не думать, видя какъ она васъ угощаетъ! Не унывайте все-таки, если можно.

„Весь вашъ З. Барскій.“

Никакихъ бумагъ не было Лучаниновымъ передано адвокату, но смерть его все-таки, кромѣ ужаса, навела на него думы и о себѣ; отчасти и самъ Лучаниновъ, почему-то, раздѣлялъ надежды Барскаго. Теперь вмѣстѣ съ Аристарховымъ, какъ

свидѣтелемъ брака, похоронилъ разорившійся богачъ послѣднюю слабую надежду на то что „авось-либо когда-нибудь откроется истина“.

Писарь съ портнымъ, курчавымъ старикомъ, Евреемъ, приглашеннымъ на совѣщаніе касательно полинялаго пиджака, уже стояли, покуривая папиросы, на крыльцѣ, когда Владиміръ Алексѣевичъ подъѣхалъ къ своему дому.

— Вотъ портной, Владиміръ Алексѣевичъ, говорилъ писарь приподнявъ шапку,—онъ вамъ все сдѣлаетъ что̀ нужно.

— А что̀ вамъ нужно, господинъ секретарь? спросилъ по-русски Еврей, входя за Лучаниновымъ въ комнату.

— Да волервыхъ, нужно мнѣ переворотить, если возможно, пиджакъ; онъ выгорѣлъ, но, кажется, еще не такъ плохъ чтобы...., отвѣчалъ Лучаниновъ,—потомъ вычистить пару лѣтнихъ жилетовъ и сюртукъ, прибавилъ онъ, отпирая коммодъ и вытаскивая платье.

Портной глядѣлъ на него молча и улыбался; писарь закурилъ другую папиросу.

— А скоро, господинъ секретарь, началъ съ нѣкоторою таинственностью портной, — вамъ не нужно будетъ выворачивать пиджакъ и чинить ваши старые жилеты.

— Почему? спросилъ Лучаниновъ.

Писарь поглядѣлъ ему съ увѣренностью въ глаза, какъ будто подтверждая слова старика Еврея.

— Почему же не нужно?

— А потому что не нужно, отвѣчалъ, таинственно улыбаясь, Еврей.—Скоро Herr Secretaire сошьетъ себѣ у первѣйшаго портнаго такой пиджакъ что вай! Когда пойдетъ господинъ секретарь прогуливаться по бульвару въ этомъ пиджакѣ, всѣ скажутъ: „вай, этотъ пиджакъ, мы видимъ, сшитъ у наилучшаго, первѣйшаго портнаго!“

— Ну, у первѣйшаго-то мнѣ не по карману пока, а вотъ не угодно ли вамъ посмотрѣть: можно ли что̀-нибудь сдѣлать? перебилъ его Лучаниновъ, развернувъ пиджакъ.

„Откуда знаютъ все эти Евреи?“ подумалъ въ то же время онъ. На дняхъ, приломилъ онъ, правитель канцеляріи сказалъ что черезъ мѣсяцъ, много полтора, его назначатъ столоначальникомъ, вмѣсто одного переведеннаго въ таможню чиновника, и дадутъ жалованье. „Но вѣдь все это сказано въ четырехъ стѣнахъ; откуда они знаютъ?“ Портной между тѣмъ,

надѣвъ серебряныя очки, дѣлалъ подробное изслѣдованіе пиджаку; писарь стоялъ у окна, покуривая папироску.

— Ну что? спросилъ Лучаниновъ.

— Можно перевернуть. Трико отличное, отвѣчалъ портной,— новыя пуговицы, подкладку, и пиджакъ пойдетъ заново; надѣвай хоть баронъ Ротшильдъ; никто не скажетъ что онъ вороченый. Но у меня, Herr Secretaire, рубашки! Was feinstes! Вай! Привезъ недавно мнѣ пріятель шесть дюжинъ. Aber merkwürdig! поднявъ лѣвую кисть руки и съежившись, говорилъ Еврей то по-нѣмецки, то по-русски.—Когда пріятель развернулъ мнѣ ихъ, „вай, сказалъ я пріятелю, это носить какому-нибудь графу, барону.... Груди всѣ въ наимельчайшихъ складкахъ, Herr Secretaire.... Leinwand—батистъ! Онѣ вотъ здѣсь неподалеку, проговорилъ онъ, взявшись за картузъ.—Я принесу.

— Не безпокойтесь, мнѣ не надобно; я не при деньгахъ теперь, остановилъ его Лучаниновъ.

— На сто же деньги, Herr Secretaire? Возьмите такъ, а будутъ у господина секретаря деньги, Herr Secretaire отдастъ деньги Еврею.

— Когда еще будутъ, отбивался Лучаниновъ.

— Вай! Скоро будутъ, и большія деньги! съёжившись въ три погибели, восторженно проговорилъ Еврей.

Писарь опять утвердительно взглянулъ на Лучанинова, выразивъ ясно безъ словъ: „онъ правду говоритъ, у васъ будутъ большія деньги“. Онъ сообщилъ Лучанинову справку полученную изъ Петербурга по дѣлу Толоровской.

— А фрейлейнъ уѣхала за границу? спросилъ онъ.

— Да. Въ случаѣ понадобится вамъ на расходы, обращайтесь ко мнѣ; вообще все что нужно сообщить ей, передавайте мнѣ; у меня будетъ ея адресъ, проговорилъ Лучаниновъ немного краснѣя.

Портной завязалъ пиджакъ, жилеты и вышелъ въ сѣни вмѣстѣ съ писаремъ.

— Но рубашки, господинъ секретарь, не утерпѣвъ и заглянувъ-таки еще разъ черезъ дверь въ комнату, проговорилъ портной. — Feinste Leinwand! Шитье, фасоны! Merkwürdig! закончилъ онъ, надѣвъ картузъ и уходя наконецъ вслѣдъ за писаремъ.

По отъѣздѣ сосѣдки, временемъ чувствовалось Лучанинову что чего-то не достаетъ; расхаживая по своей комнатѣ, онъ останавливался часто противъ окна, смотрѣлъ на полукруглое

окно сосѣдокъ. Бѣлой гардины, горшковъ съ цвѣтами не было. Съ другой стороны, какъ-то успокоительно повліяла на него эта сдача дѣвушки на руки Варвары Тимоѳеевны; подсаживая ее въ дорожную карету, онъ чуялъ сердцемъ что сей будетъ тамъ уютно, какъ въ родной семьѣ, подлѣ добрѣйшей, несравненной (какъ онъ звалъ Варвару Тимоѳеевну), милой кумушки; старшая дочь уже не отходила отъ Маріанны Александровны и отстояла-таки позволеніе сѣсть рядомъ съ нею въ экипажѣ, между ней и матерью. „Ей будетъ хорошо у нихъ“, думалъ Владиміръ Алексѣевичъ, „именно Богъ послалъ такъ вовремя кумушку!“ Иногда навѣщала молодаго человѣка еще одна мысль: „А что если она тамъ на водахъ въ кого-нибудь влюбится? Что въ нее можно влюбиться, объ этомъ нечего и толковать. Впрочемъ, можетъ-быть, одному мнѣ кажется она такою? Ну, нѣтъ. А докторъ-то, докторъ; ужъ на что какой стыдливый, красная дѣвушка, однако не вытерпѣлъ, чтобы не сказать: „aber sehr, sehr hübsch ist sie.“ Эта послѣдняя мысль всегда сопровождалась чѣмъ-то въ родѣ ревности; кровь приливала къ сердцу, Лучаниновъ дѣлался задумчивъ, неговорливъ, разсѣянъ иногда на цѣлый день.

Вечеромъ, усѣвшись за письменный столъ, Лучаниновъ принялся переводить данную правителемъ бумагу; въ ней дѣло шло о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ. „А стало вѣдь нѣсколько свѣтать у насъ, думалъ онъ, вотъ и крестьянъ освобождаютъ, цензурный уставъ, говорятъ, измѣнится, обѣщаютъ новый, гласный судъ. Вѣдь вотъ и казнокрадовъ не щадятъ....“ При этомъ припомнился ему Тарханковъ. „Копилъ, жадничалъ, хваталъ чужое, и чѣмъ кончилъ? А Аристарховъ-то? А? Страшный конецъ!“ Окончивъ переводъ бумаги, Лучаниновъ всталъ, потянулся; былъ часъ девятый вечера: хозяинъ внесъ по обыкновенію самоваръ, пропищавъ своимъ тоненькимъ голосомъ: „schön guten Abend“. Лучаниновъ пригласилъ его напиться съ нимъ чаю; хозяинъ, привыкшій къ жильцу, уже не извинялся что былъ безъ сюртука, поблагодарилъ и усѣлся на предложенное кресло.

Вдали послышался почтовый колокольчикъ, и черезъ нѣсколько минутъ почтовыя сани, парою въ дышло, остановились у подъѣзда.

— А это къ вамъ вѣдь кто-то, произнесъ хозяинъ, поглядѣвъ въ окно. Какой-то ganz junger Herr, прибавилъ онъ,

заслоняясь рукою отъ свѣта чтобы лучше разглядѣть пріѣзжаго.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ, весь занесенный снѣгомъ, въ полушубкѣ и съ мѣшкомъ черезъ плечо, Петруша.

— Владиміръ Алексѣичъ! едва могъ выговорить онъ, и заплакалъ.

— Ну? Что ты? испугавшись спросилъ Лучаниновъ.

— Вы не знаете? Вамъ не писалъ?... видимо что-то желая, но опасаясь выговорить, говорилъ, остановившись у дверей, пріѣзжій.

— Да говори же, нетерпѣливо перебилъ его Владиміръ Алексѣевичъ.

— Бумаги нашлись, проговорилъ, не вытерпѣвъ, Петруша... —Имѣнье ваше, добавилъ онъ, кинувшись цѣловать руки Лучанинова.

Обнявъ его, Лучаниновъ опустился на стулъ.

— Я ничего не понимаю, началъ онъ.—Какое имѣнье?

— Вотъ письмо, говорилъ Петруша, роясь въ мѣшкѣ....— Петръ Алексѣичъ пишетъ, и отъ графа.... Вотъ извольте; это, кажется, письмо отъ братца вамъ.

— Но что такое? Разкажи, говорилъ Лучаниновъ, глядя ему всѣ глаза на пріѣзжаго и ничего не понимая.

Хозяинъ стоялъ разинувъ ротъ посреди комнаты; Латышъ-ямщикъ внесъ небольшой чемоданъ изъ саней и чесалъ у себя въ затылкѣ.

— Вы знаете что Аристарховъ, началъ Петруша....

— Знаю....

— Ну, у него при описи бумагъ и денегъ найденъ пакетъ съ надписью: „документы, принадлежащіе братьямъ Владиміру и Петру Алексѣевичамъ Лучаниновымъ“. Тамъ и свидѣтельство о бракѣ и все.... все....

Мальчикъ опять бросился цѣловать Лучанинова.

— Да вотъ, прочтите же письмо Петра Алексѣевича. Однако надо отпустить ямщика.... На вотъ тебѣ на водку.... Все внесъ?

— Все.... Палдесъ (благодарю), отвѣчалъ, кланяясь, ямщикъ.

Лучаниновъ принялся читать письмо брата.

„Здѣсь сотворились чудеса (писалъ Петръ Алексѣевичъ). иначе я назвать не умѣю происшедшее; наши бумаги найдены въ столѣ несчастнаго Аристархова; о страшномъ концѣ его тебѣ писалъ Захаръ Петровичъ. Я пріѣхалъ вчера въ

Читеръ, по депешѣ графа; тебѣ не телеграфировали, ты первый такой; рѣшили всѣ сообща послать Петрушу; пріѣзжай скорѣе въ Петербургъ. Насчетъ имѣнья все улажено, благодаря милѣйшему графу; онъ ѣздитъ по палатамъ и присутственнымъ мѣстамъ не зная отдыха. Намъ остается благодарить Бога, твой...."

Вишзу приписано было рукою графа охотника: „крѣпко обнимаю васъ такою-то."

Другое письмо было поздравительное отъ бывшаго товарища, секретаря, поразившаго Лучанинова своею неожиданною женитьбой; Владиміръ Алексѣевичъ не дочелъ его; хозяинъ все еще стоялъ какъ истуканъ посреди комнаты. Петруша вытряхалъ въ сѣняхъ свою шубу.

— Что же вы не сядете? обратился Лучаниновъ къ хозяину.

— Ich danke sehr, Herr Baron; я.... Ужь лучше я какъ-нибудь въ другой разъ, отвѣчалъ хозяинъ, опять со стыдливостью красавицы обдергивая свою вязаную фуфайку.—Gratifire, пропищалъ онъ въ заключеніе, раскаркнувшись и ретируясь въ сѣни.

Исторія о потерѣ имѣнія, съ прикрасами разумѣется, была извѣстна всему околотку: украшенная догадками о любви губернскаго секретаря къ сосѣдкѣ, эта исторія была любимѣйшимъ сюжетомъ бесѣдъ домохозяекъ пригорода, когда онѣ собирались гдѣ-нибудь на кофе. Хозяинъ, поэтому, опрометью побѣжалъ въ свой мезонинъ чтобы сообщить поскорѣе женѣ о неожиданной, полученной жильцемъ, радостной вѣсти.

— Гдѣ у васъ чай, Владиміръ Алексѣевичъ? спрашивалъ между тѣмъ Петруша, осматривая жилище барина.

— Въ коммодѣ.... Да ты откуда же? Изъ Москвы?

— Нѣтъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Петромъ Алексѣевичемъ; я межевалъ у Григорья Сергѣевича....

— А Корневъ гдѣ?...

— Онъ за границею; мѣсяца три какъ уѣхалъ.... Развѣ онъ не писалъ вамъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лучанновъ, все продолжая сидѣть на томъ же стулѣ.—Но разкажи ты, какъ это все случилось? Садись.

— Бумаги ваши найдены въ столѣ у Аристархова; оттуда взяты, и полиція хотѣла отправить ихъ къ вамъ по принадлежности, но въ это время графъ увѣдомилъ Петра Алексѣевича; Петръ Алексѣевичъ и получилъ ихъ. Прошеніе о вводѣ во владѣніе съ ихъ стороны подано; надо подать и вамъ;

исправникъ, судья и стряпчій, говорятъ, идутъ подъ судъ за неправильный вводъ во владѣніе прежде срока; въ консисторіи слѣдствіе.... Говорятъ, передряга идетъ страшная; замѣшаны будто бы многіе; но ваше дѣло, вы не безпокойтесь, въ порядкѣ все, благодаря Бога; отецъ мой пріѣхалъ въ Москву. Но вотъ жаль: кладовая въ Васильевскомъ съ картинами и вещами сгорѣла съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Это жаль.... Отчего?

— Да, говорятъ, отъ трубки; ночной сторожъ на крыльцѣ выколотилъ трубку, отвѣчалъ Петруша, наливая стаканы.

До разсвѣта толковали пріѣзжій и Лучаниновъ; Владиміръ Алексѣевичъ легъ наконецъ, но возбужденные неожиданною вѣстью нервы долго не могли угомониться; заснулъ онъ часовъ въ шесть утра. Солнце, пробившись въ щель не плотно завѣсившей окно гардины, ярко озаряло уже одинъ уголъ комнаты, когда онъ проснулся.

— Сколько часовъ? спросилъ онъ, надѣвъ халатъ.

— Одиннадцатаго четверть, отвѣчалъ Петруша.—Какой-то Еврей васъ спрашиваетъ?

— Какой Еврей?

Выйдя изъ спальни въ первую комнату, Лучаниновъ увидалъ старика портнаго; подъ мышкой у него былъ узелъ.

— Вы приказали принести рубашки, Herr Baron? спросилъ онъ.

— Я вамъ не говорилъ. Мнѣ не нужны.

— Aber merkwürdig.... Батистъ! Взгляните, приставалъ Еврей, развязывая узелъ.... А что, неправду я говорилъ вамъ что вы будете скоро богаты, подкравшись, на ухо спросилъ онъ вдругъ Лучанинова.

— Почемъ вы это узнали? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Еврей все знаетъ, gnädiger Herr.... На то ужъ онъ Еврей, отвѣчалъ обладатель необыкновенныхъ рубашекъ.

Лучаниновъ насилу отдѣлался отъ него, купивъ, чтобъ отвязаться, полдюжины рубашекъ, съ такими диковинными складками и узорами, въ какіе могъ бы облечь свою грудь развѣ какой-нибудь комми, отправленный ловкимъ хозяиномъ магазина на гулянье въ качествѣ афиши, или ходячей вывѣски.

Петруша, по уходѣ Еврея, пересматривалъ платье Владиміра Алексѣевича, чистилъ, складывалъ сюртуки, убиралъ, какъ будто онъ съ бариномъ не разставался; былъ какъ дома. „И пуговицы оборваны всѣ у рубашекъ; ужъ эти прачки“, толко-

валъ онъ про себя, не обращая вниманія на сидѣвшаго у письменнаго стола Владиміра Алексѣевича. Написавъ письмо къ Варварѣ Тимоѳеевнѣ „въ Кисингемъ до востребованія“, Лучаниновъ одѣлся, и отдавъ въ почтамтъ письмо, поѣхалъ въ ту самую церковь гдѣ служилъ когда-то панихиду по Коноплянскомъ, отслужить молебенъ. Онъ былъ пораженъ неожиданнымъ, мгновенно почти совершившимся превращеніемъ снова въ богача. „Въ самомъ дѣлѣ чудеса“, думалъ онъ, оглядываясь мысленно назадъ и припоминая всю нить потрясающихъ событій.... „Отецъ убитый вѣстью объ измѣнѣ, трагическая смерть адвоката?“ Какъ тутъ не видѣть, во всемъ этомъ, всемогущей руки, направившей все, самое зло, ко благу? Тутъ путемъ опыта, эмпирическимъ способомъ, доходишь до убѣжденія что есть высочайшій разумъ. Не вѣрятъ же потому, можетъ-быть, что имъ покуда, почему-либо, не дано убѣдиться, не предложено данныхъ, изъ которыхъ, съ поразительною очевидностью, выводится истина. Или же они изъ гордости отвертываются, намѣренно не хотятъ видѣть ее? Идутъ на ломочахъ, какъ дѣти, а воображаютъ что идутъ сами, что сзади нѣтъ никого; нянька смѣется, чай, поглядывая какія выкрутасы и колѣна дѣлаетъ ножками чудакъ, ея питомецъ; а мальчикъ думаетъ: „какимъ молодцомъ я хожу и даже прыгаю“.

И думалось ему: „еще міръ взыщетъ мудрости древнихъ; пренебрегаетъ наше гордое поколѣніе опытомъ вѣковъ, а придетъ время, догадается человѣчество что истины добытыя опытомъ неколебимы, тверды „какъ гвоздіе вонзено“, по выраженію ветхозавѣтнаго мыслителя“.

Отслуживъ молебенъ, Лучаниновъ заѣхалъ взять отпускъ; онъ объявилъ одному правителю о неожиданной перемѣнѣ его дѣлъ и поѣхалъ сдѣлать прощальные визиты; самого начальника въ городѣ не было. Часу въ одиннадцатомъ вечера почтовые сани тройкой уже были готовы, и Лучаниновъ, простившись со своимъ плаксивымъ домохозяиномъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ Петрушей въ Петербургъ. Легкіе санки понеслись по ровному первопутку и скоро вылетѣли за заставу нѣмецкаго, средневѣковаго города.

XXVI.

Было майское утро, какія рѣдко, но бываютъ въ Петербургѣ; на пристани стояла толпа народа, въ ожиданіи парохода; впереди толпы стоялъ Владиміръ Лучаниновъ, графъ, Петруша и Гаврило Алексѣевъ; за толпой стояла куча пустыхъ экипажей.

— Идетъ никакъ, произнесъ одинъ изъ кучеровъ, приподнявшись на ноги на козлахъ и приставивъ руку къ шляпѣ въ родѣ козырька.

Вдали показался дымокъ надъ тихою, водною синевой.

— А шибко идетъ, замѣтилъ графъ.—Что-то, ѣдутъ ли наши?

— Должны быть съ этимъ пароходомъ, по письму изъ Берлина. Развѣ опоздали какъ-нибудь на пароходъ, отвѣчалъ Лучаниновъ съ замѣтнымъ волненіемъ.

— До какой хитрости, теперича, ваше сіятельство, народъ дошелъ, толковалъ Гаврило Алексѣевъ, — бывало паруса, весла, лямкой тянутъ, а нонче самоваръ везетъ.

— Да, братъ, хитеръ народъ сдѣлался, отозвался графъ.

— Опять теперича желѣзная дорога, продолжалъ Гаврило Алексѣевъ, обращаясь къ стоявшей толпѣ,—сидишь, теперича, ровно у себя дома, на скамейкѣ, а летишь стрѣлой; вѣдь это, теперича, ума помраченіе.

— На то разумъ, глубокомысленно отозвался толстый, рябоватый купецъ, отирая выступившій потъ на лицѣ;—всякую вещь видятъ, къ чему она и что въ ней есть, какая въ ней. напримѣръ, сила; взять теперь, хоша вотъ, телеграфъ.

— Такъ что телеграфъ? Телеграфъ опять другое, возразилъ худой, блѣдный фабричный; — ты вотъ скажи что везетъ? Вонъ онъ, летитъ пароходъ-отъ. Что везетъ-то?

— Что везетъ, отвѣчалъ купецъ, немного растерявшись: — понимай: „что“.

— Да чего понимать-то?

— То и понимай, отвѣчалъ купецъ.

— Да тя скажи мнѣ: что?

— Что? Вишь труба, порѣшилъ рябоватый купецъ.

Допрашивающій почему-то удовлетворился этимъ объясненіемъ и ступевался въ толпѣ, промолвивъ въ полголоса: „Труба; труба и на избѣ бываетъ, да не ѣдетъ же изба; мало

что, труба!“ Боялся ли онъ сплошать (сплошать, разыграть безтолковаго, неуча, бѣда русскому человѣку; лучше ужъ онъ притворится что попялъ какую угодно безсмыслицу, но не сплошалъ), или же просто не хотѣлъ продолжать спора, на народѣ, изъ опасенія профанировать высокую тему предъ непосвященными, Богъ его знаетъ.

— Изволили слышать, ваше сіятельство, физики, теперича, какіе, обратился, разсмѣявшись и кивнувъ на разговаривавшихъ, Гаврило Алексѣевъ.

Онъ былъ удивительно веселъ, потчивалъ табакомъ стоявшихъ подлѣ него незнакомцевъ, даже хожалаго, отъ скуки выравнивавшаго толпу.

Пароходъ подлеталъ ближе и ближе. Лучаниновъ навелъ бинокль.

— Кажется, они, сказалъ онъ графу, уставляя стекла бинокля.

До слуха наконецъ сталъ долетать шумъ колесъ парохода.

— Они, произнесъ, весь вспыхнувъ и не отводя глазъ отъ лорнета, Лучаниновъ.

На возвышеніи, какое дѣлается обыкновенно на пароходахъ для наблюденій, стояли двѣ дѣвушки; одна лѣтъ двѣнадцати, бѣлокурая, въ голубомъ кисейномъ дѣтскомъ платьицѣ, другая взрослая, въ свѣтло-лиловомъ, тоже кисейномъ платьѣ и соломенной шляпѣ, поля которой загнулись отъ несущихся встрѣчу бѣгущаго парохода, волнъ воздуха; изъ-подъ шляпы выбивались вьющіеся локоны, оттѣняя открытое, улыбающееся личико пассажирки. Капитанъ, не молодой, но еще бодрый человѣкъ, съ кокардою на синей, полувоенной фуражкѣ, вошелъ на возвышеніе, скомандовалъ что-то, и пароходъ, убавивъ ходу, ловко подлетѣлъ къ пристани.

— Не позабудьте вашего обѣщанія, Gnädige Fräulein, произнесъ капитанъ, помогая молодымъ путешественницамъ спуститься съ лѣсенки балкона.

— Какого? спросила дѣвушка постарше.

— Вотъ видите, забыли, отвѣчалъ капитанъ.—А вашу фотографическую карточку?

— Сейчасъ.... Нѣтъ, не забыла, проговорила молодая пассажирка, доставъ изъ прицѣпленнаго къ поясу бархатнаго мѣшечка и передавъ капитану свою карточку.

— Ich.... je dirai.... Ihre Frau.... ich werde sagen, говорила молодая дама, подходя къ дѣвушкѣ и погрозивъ зонтикомъ капитану.

— Die Frau ist weit, отвѣчалъ ей капитанъ, сдѣлавъ молодецки подъ козырекъ и уложивъ бережно карточку въ бумажникъ.

Пассажиры столпились около выхода съ мѣшками; пароходъ шипѣлъ, выпуская пары; капитанъ скомандовалъ; барьеръ подняли, и пріѣхавшая толпа повалила на берегъ по накинутымъ на пароходъ широкимъ подмосткамъ. На берегу начались объятія, обычные при встрѣчахъ вопросы и отвѣты; кто плакалъ, кто смѣялся, смотря по условіямъ при какихъ встрѣчались знакомцы. Наконецъ, подъ руку съ Топорковскою и старшею дочерью, выбѣжала на берегъ своею проворною походкой Варвара Тимоѳеевна.

— Поосторожнѣе, пляя, говорила Топоровская, оборотившись къ старухѣ ведшей за руку мальчика въ русской рубашкѣ и пятилѣтнюю дѣвочку.

Мужъ кумушки несъ за нею на рукахъ четырехъ-лѣтняго сына.

— А вещи? спросила снова кумушка.

— Сейчасъ несутъ; благодаря протекціи Маріанны Александровны, капитанъ помогъ мнѣ выручить ихъ первому, отвѣчалъ ломѣщикъ. — Здравствуйте Владиміръ Алексѣевичъ... Графъ, вотъ не ожидалъ.... Батюшки, да все знакомые.... Алексѣичъ! Ты какъ сюда попалъ, крикнулъ съ подмостокъ мужъ Варвары Тимоѳеевны.

Владиміръ Алексѣевичъ представилъ Топоровской графа Варвара Тимоѳеевна и мужъ ея были давно знакомы съ нимъ по Васильевскому; Петруша хлопоталъ около сундуковъ пріѣзжихъ. Гаврило Алексѣевъ побѣжалъ за экипажами.

— Подъѣзжайте братцы, теперича, поближе, тарантилъ онъ, обращаясь къ извощикамъ.

— Да видишь, не пускаютъ, отозвался одинъ изъ извощиковъ, указывая на стоящаго полицейскаго.

Между тѣмъ всѣ проходящіе пассажиры прощались съ кумушкой и Маріанной Александровной какъ со старыми знакомыми.

— Прощайте, madame, Fräulein, прощайте.

— Прощайте, отвѣчали имъ кумушка и Топоровская.—Ну что, вашъ сакъ-вояжъ цѣлъ? Прошла ли головная боль? спрашивала Варвара Тимоѳеевна какую-то старушку.—Такъ продолжайте же примачивать темя моимъ спиртомъ, совѣтовала кумушка.

— Представьте, графъ, меня въ Германіи, говорилъ между

тѣмъ помѣщикъ, мужъ Варвары Тимоѳеевны,—вѣдь это Китаецъ въ Римѣ. Ты какъ попалъ сюда, Алексѣичъ?

— Да вотъ, насчетъ введе во владѣніе теперича. отвѣчалъ, оправляя воротничекъ жилета, управляющій.

— Ахъ, я и не поздравилъ васъ, перебилъ, обратившись къ Лучанинову, помѣщикъ. — Давайте-ка, обнимемся еще разокъ, поздравляю. добавилъ онъ, передавая Гавриѣ Алексѣеву ребенка. Правда-то, видно, какъ масло. по пословицѣ. на верхъ всплываетъ, рано ли, поздно ли.

— А экипажи? спрашивала кумушка.

— Готовы, пожалуйте, отвѣчалъ Петруша, уже уложившій въ коляскахъ вещи.

— Здравствуй, Петруша.... А номера. Владиміръ Алексѣевичъ?

— Наняты. Варвара Тимоѳеевна, отвѣчалъ Лучанинъ.

— Неправный комиссіонеръ. отвѣчала, пожавъ ему руку, кумушка. — Пойдемте, Маріанна Александровна. да бросьте ребятишекъ: няня отведетъ ихъ.... Ни. ни. не подымайте, пожалуйте, прибавила она, взявъ поть руку Топоровскую, которая хотѣла было взять на руки мальчика.

Наконецъ пріѣзжіе разсѣлись по экипажамъ: Петруша вскочилъ на козла и повезъ ихъ въ отель. Владиміръ Алексѣевичъ сѣлъ съ графомъ въ его карету, давъ слово быть черезъ часъ у Варвары Тимоѳеевны.

— Славныя какія дѣтки у вашей кумушки, началъ графъ, когда карета тронулась; названіе кумушки. данное Варварѣ Тимоѳеевнѣ покойнымъ Лучаниновымъ (онъ крестилъ у нея сына) осталось за нею; почти всѣ знакомые, особенно заглазно, звали ее почему-то „кумушкой“. Очень мила и ея гувернантка, прибавилъ графъ.

Лучаниновъ покраснѣлъ отъ удовольствія: дѣвушка. вѣроятно вслѣдствіе утомленія, была блѣднѣе нѣсколько. была задумчива, что̀ очень шло къ ней.

— Я готовъ биться о закладъ что она выросла безъ руководства гувернантокъ и въ деревнѣ. прибавилъ графъ.

— Вы угадали, отвѣчалъ Лучаниновъ.

Графъ задумался.

— Кто она? Она не похожа на гувернантку, спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

„Влюбится“. подумалъ Лучаниновъ. искоса поглядывая на задумавшагося сосѣда: онъ былъ и радъ что̀ графъ подтвердилъ вѣрность впечатлѣнія произведеннаго на него нѣкото-

рою перемѣной въ Толоровской, и боялся; „а что̀ если влюбилась она за границей въ кого-нибудь? оттого, можетъ-быть, и задумчива такъ, даже какъ-то поэтична сдѣлалась вся ея фигура: все можетъ быть?“ подумалъ молодой ревнивецъ.

— Она не гувернантка, отвѣчалъ онъ графу, — а....

И онъ разсказалъ въ короткихъ словахъ жизнь Толоровской, потерю бабушки, и какъ она попала къ кумушкѣ.

— А добрѣйшее существо ваша кумушка! Люблю я такихъ людей какъ она, говорилъ графъ, внимательно выслушавъ разсказъ Лучаниновa. — Вы не договорили одного, простите мою нескромность, прибавилъ онъ улыбнувшись и пожавъ руку разсказчика

— Чего же? спросилъ Лучаниновъ, нѣсколько догадываясь о чемъ спрашиваетъ графъ.

— Не бойтесь; я умѣю цѣнить чувство и.... не оскорблю его, но.... я бы солгалъ еслибъ умолчалъ о своей догадкѣ, говорилъ графъ. — Вы любите ее?

— Не знаю самъ еще, отвѣчалъ Лучаниновъ, смотря въ окно кареты, — я не увѣренъ въ этомъ.

— Ну, такъ могу васъ увѣрить: вы влюблены, и сильно

— Вы полагаете? спросилъ, все продолжая пристально смотрѣть въ окошко, Лучаниновъ.

— Да чего же тутъ полагать? Я убѣжденъ. Какой вы, однако, осторожный: повезъ меня встрѣчать куму, ни слова о другой путешественницѣ, говорилъ графъ,—впрочемъ, такъ и надо; съ чувствомъ, какъ съ бабочкой, надо обходиться осторожно, не хватать другимъ въ руки; тотчасъ измнутъ, сотрутъ съ крылышекъ цѣтную пыль и.... Это вы хорошо дѣлаете. Чувствую что и мнѣ не слѣдовало говорить вамъ о своей догадкѣ

— Вамъ можно, отвѣчалъ, разсмѣявшись, Лучаниновъ, въ свою очередь пожавъ графу руку.—Кажется, я ее люблю, добавилъ онъ, взглянувъ уже прямо въ глаза сосѣду и доставая папиросу. — Но вотъ вопросъ, она....

— Съ вашего позволенія теперь, перебилъ его, улыбаясь, графъ, — такъ какъ вамъ угодно, говоря о себѣ, прибавлять зачѣмъ-то: „кажется“, то я скажу по-вашему: „кажется“, и она васъ любитъ

— Это почему вы предполагаете?

— Да потому, отвѣчалъ графъ,—что протягивая руку мнѣ, напримѣръ, она была очень покойна, не зардѣлась, не расте-

рялась.... А вы заговорили съ нею, тутъ и дѣти, и Варвара Тимоѳеевна зачѣмъ-то ей понадобились вдругъ, и няня.... Вотъ будетъ штука: введя васъ во владѣніе, что̀ если я же поведу васъ подъ вѣнецъ?

— Ну, это еще.... большой вопросъ, опять уставясь въ окошко, проговорилъ Лучаниновъ.

— Рѣшите же его скорѣе. Чего вы дожидаетесь? совсѣмъ обернувшись къ Лучанинову, оживленно произнесъ графъ.

Лучаниновъ совсѣмъ высунулся изъ окошка; онъ былъ не прочь, подобно Подколесину, чтобы скрыть свое смущеніе, выскочить на ходу изъ кареты.

— Нѣтъ, дверцы запираются плотно, не выскочите, разсмѣявшись и угадывая его состояніе, говорилъ графъ. — А кромѣ того, я сегодня вечеромъ приглашенъ пить чай къ Варварѣ Тимоѳеевнѣ.

— Ну, нѣтъ ужь, графъ, быстро повернувшись къ нему, началъ Лучаниновъ, — ни слова тамъ, пожалуста.

— Такъ не уполномочиваете?

— Никакъ; нужно сначала мнѣ.... и потомъ....

— Простите; вы чистѣйшій Подколесинъ, перебилъ графъ,— а во мнѣ зашевелился Кочкаревъ.... Какъ вѣрно однакожь Гоголь-то....

Лучаниновъ смѣшался нѣсколько, но скоро осилилъ внутреннее волненіе и разсмѣялся замѣчанію графа.

— Впрочемъ, оставя шутки, уже серіозно продолжалъ графъ,— я понимаю васъ; тутъ дѣйствительно нужно дѣйствовать осмотрительно и деликатно, иначе....

— То-то и есть, подтвердилъ Лучаниновъ, угадавъ недоговоренное графомъ.

— А прекрасная дѣвушка. Боюсь я одного.... началъ графъ.

— Чего же вы боитесь?

— Да много дашныхъ въ ней, особенно при большихъ доходахъ, много средствъ блистать, говорилъ графъ. — Сохрани Богъ какъ начнутъ ей кадить со всѣхъ сторонъ; вы сами даже; она приметъ эти похвалы, не такъ какъ слѣдуетъ конечно, къ свѣдѣнію, и начнетъ, помимо лучшихъ силъ, развивать одни мишурныя свои достоинства. И выйдетъ изъ нея одна изъ такъ-называемыхъ „обворожительнѣйшихъ“ (а для меня препротивныхъ) женщинъ, которыхъ вся ворожба состоитъ въ заученыхъ взглядахъ, улыбкѣ, извѣстныхъ пожатіяхъ руки, кивкахъ однимъ и почтительныхъ

книксенахъ другимъ знакомымъ; словомъ, въ такъ-называемыхъ хорошихъ манерахъ, пустыхъ формахъ безъ всякаго содержанія. Простите. У меня,—я никому не говорю этого, но вамъ скажу,—это у меня плоды горькаго опыта. Какая прелесть, еслибы вы знали, была жена моя въ дѣвушкахъ.... И кто жъ ее испортилъ? Свѣтъ, льстецы, которые надъ нею сами же теперь смѣются.

— А гдѣ теперь графиня?

— Въ Парижѣ, кажется; вертитъ столы и вызываетъ тѣни; возится со спиритами, отвѣчалъ графъ, уставясь, въ свою очередь, въ окошко.—Примите во вниманіе что̀ я вамъ говорилъ сейчасъ: у вашей красавицы тоже есть опасная возможность рисоваться; отъ этого есть, правда, лѣкарство: дѣти.... У насъ вотъ дѣтей нѣтъ.

— Кромѣ дѣтей есть средства; если женщина вѣрустъ, другое средство есть, и вѣрное: молитва, перебилъ Лучаниновъ.

— Да, отвѣчалъ графъ,—но какъ тутъ молиться, когда красивой женщинѣ то и дѣло шепчутъ въ оба уха: „какъ вы хороши!“

Лучаниновъ, вспомнивъ что ему нужно заѣхать въ одинъ изъ книжныхъ магазиновъ за заказанною книгой, простился съ графомъ и вышелъ изъ кареты на половинѣ Невскаго.

— Въ третьемъ часу не забудьте пріѣхать въ гражданскую палату, крикнулъ ему изъ окна кареты графъ.

— Пріѣду, отвѣчалъ Лучаниновъ.

„Какъ бы это половчѣе переговорить съ нею,“ думалъ онъ, шагая по тротуару. „Какъ однако опошлились у насъ эти признанія въ любви!“ И ему представилась при этомъ почему-то одна изъ многихъ иллюминованныхъ литографій, которыми увѣшиваются окошки магазиновъ: на диванѣ сидитъ дѣвица, потупивъ глаза; предъ нею на одномъ колѣнѣ стоитъ щеголь, съ усиками и бородкой, съ лицомъ какія бываютъ у восковыхъ движущихся фигуръ выставляемыхъ парикмахерами; подлѣ дѣвицы лежитъ непремѣнно собачка; на столикѣ ваза съ цвѣтами и вѣеръ, или книжка; въ окнѣ открывается видъ съ рѣкою и готическимъ куполомъ вдали, напоминающимъ курительную свѣчку. „Потомъ это глупѣйшее положеніе жениха; всѣ указываютъ на тебя: это женихъ,“ думалъ Лучаниновъ; „эти сидѣнья вдвоемъ; маменьки и папеньки, наблюдая искоса, намѣренно удаляются отъ блаженствующей пары; эти ежедневные букеты, подарки.... Глупо

какъ-то; неужели это нельзя сдѣлать какъ-нибудь проще? А свахи? Ну, ужь это просто безобразіе.“ Вспомнилась ему вдругъ, почему-то, свадьба отцовскаго камердинера, вдовца; она устроилась дѣйствительно уже черезчуръ просто: старикъ явился разъ утромъ одѣвать барина, необыкновенно сердитый. „Что ты такой нахмуренный сегодня?“ спросилъ его Алексѣй Андреевичъ. „Да помилуйте, сударь, проходу нѣтъ отъ ребятъ.“—„Какихъ ребятъ?“—„Да отъ лакеевъ: одолѣли: ты ухаживаешь за Прасковьей Никитишной (ключницей, вдовою, тоже лѣтъ пятидесяти). Позвольте мнѣ ужь лучше на ней жениться.“ Алексѣй Андреевичъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза. „Да она-то пойдетъ ли?“ спросилъ онъ. „Пойдетъ,“ отвѣчалъ, убирая бритвы, камердинеръ. „Ужь лучше, Алексѣй Андреичъ. А то, помилуйте, уши прожужжали бездѣльники.“ Черезъ недѣлю ключница надѣла новое шерстяное платье, чистый чепецъ и пошла въ церковь. Камердинеръ вышелъ въ дѣвичью. „Ушла что ли?“ спросилъ онъ горничныхъ. „Ушла,“ отвѣчали онѣ. „Ну, такъ и я сейчасъ,“ проговорилъ, понюхавъ табаку, шестидесятилѣтній женихъ, „вотъ только сбѣгаю перемѣню манишку.“

Заѣхавъ изъ магазина въ свой номеръ (въ той же гостиницѣ гдѣ остановилась Варвара Тимоѳеевна), Лучаниновъ нашелъ у себя Барскаго. (Мы не успѣли сказать что онъ уже видѣлъ его нѣсколько разъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.)

— Не хотите ли сегодня вечеромъ послушать пѣвицу-самоучку? спросилъ музыкантъ.

— Кто это такая?

— Это одна изъ пѣвицъ Подмостьевской оперной труппы, отвѣчалъ, улыбаясь, Барскій, — я нарочно пригласилъ ее сегодня къ себѣ чтобъ угостить васъ. Послушайте что за голосъ, чудо!

Лучаниновъ поблагодарилъ

— Но вотъ досада, прибавилъ онъ,—я далъ слово провести вечеръ у однихъ пріѣзжихъ.... Да вы ихъ знаете немного.... Помните въ Васильевскомъ кумушку?

— Развѣ она здѣсь? спросилъ Барскій.

— Здѣсь; она съ мужемъ возвращается изъ-за границы.

— Я бы желалъ ее видѣть.

— Пойдемте; они живутъ въ этомъ же корридорѣ, пригласилъ Лучаниновъ; — если угодно, я сейчасъ предупрежу ее.

— У меня урокъ сейчасъ, но все-таки предупредите; такъ

черезъ часъ я заѣду къ нимъ, говорилъ музыкантъ.—Если она извинитъ что жена моя не сдѣлаетъ ей предварительно визита, и если не очень утомилась съ дороги, я бы попросилъ и ее, съ мужемъ, послушать пѣвицу.

Лучаниновъ отвѣчалъ что онъ передастъ приглашеніе и отправился къ пріѣзжимъ; Барскій уѣхалъ на урокъ, обѣщавъ черезъ часъ быть у Варвары Тимоѳеевны. Когда Лучаниновъ вошелъ, Маріанна Александровна разливала чай, Варвара Тимоѳеевна, переодѣвъ дѣтей, вышла ему навстрѣчу; мужъ ея спалъ у себя въ номерѣ.

— Маріанна Александровна разкажетъ вамъ какъ я объяснялась по-нѣмецки, начала, усаживая гостя, кумушка.

— Послѣднее время вы понимали уже все и говорили, сказала дѣвушка, передавая стаканъ Лучанинову.

— Отлично говорила. Geben Sie mir, шляпа, обращаюсь вдругъ къ служанкѣ. Забыла какъ шляпа по-нѣмецки. Та глядитъ на меня. „Какъ, говоритъ, schlafen? Да вѣдь вы сейчасъ встали," разказывала Варвара Тимоѳеевна, прерывая разказъ своимъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ.

— У меня былъ сейчасъ Захаръ Петровичъ Барскій, началъ Лучаниновъ. — Онъ приглашаетъ васъ и меня сегодня вечеромъ къ себѣ чтобы послушать одну пѣвицу-самоучку, нашу землячку. Онъ самъ хотѣлъ быть у васъ черезъ часъ.

— Ахъ, Барскій.... Онъ вѣдь освобожденъ? отвѣчала Варвара Тимоѳеевна.—Не знаю какъ мужъ.... я очень рада. Вы не устали, Маріанна Александровна?

— Нѣтъ: я спала какъ дома въ каютѣ, отвѣчала Толоровская.

— Я тоже выспался, отвѣчалъ, входя въ номеръ, мужъ Варвары Тимоѳеевны; — часика два однако я, должно-быть, отдернулъ, добавилъ онъ, взглянувъ на часы. За это, Маріанна Александровна, позвольте мнѣ стаканчикъ чаю.

Въ это время вошелъ въ комнату Барскій. Хозяйка и мужъ встрѣтили его какъ стараго знакомаго. Всѣ усѣлись около самовара.

— Такъ будете? спрашивалъ музыкантъ.—Простите мою жену что она не успѣла къ вамъ явиться первая.

— Полноте, ради Бога; мы вѣдь изъ лѣсу. Вы не глядите что мы были за границей, отвѣчала хозяйка.

— И вы? спросилъ Барскій, обратясь къ Толоровской.

Дѣвушка поблагодарила.

Всѣ ужь нагрянемъ; позвольте и старшую мою дѣвочку взять, говорила Варвара Тимоѳеевна.

Лучаниновъ сказалъ что онъ закажетъ четверомѣстную коляску.

— А какъ фамилія пѣвицы? спросилъ помѣщикъ.

— Не знаю до сихъ поръ; примадонна безъ фамиліи, отвѣчалъ Барскій.—Я зову ее до сихъ поръ, какъ звалъ въ деревнѣ. „Груша". Но талантъ громадный; мы ее пристроили отлично къ одному пріятелю моему, контрабасисту оперы; хотимъ оба приняться учить ее; она была въ театральномъ училищѣ, но, говорятъ, будто бы отбилась отъ рукъ, непонятлива.

Лучаниновъ слушалъ и не слыхалъ половины рѣчей музыканта, любуясь исподлобья красивою головкой облокотившейся на столъ дѣвушки. Его состояніе.... Но оно вѣрно знакомо всякому кто былъ влюбленъ; стоитъ вспомнить тѣ [illegible] когда еще не знаетъ влюбленный есть или нѣтъ отвѣтъ [illegible] чтобы понять это состояніе. Очень молодые люди, чтобы разрѣшить вопросъ, гадаютъ въ это время на бѣлыхъ цвѣткахъ ромашки, астръ, обрывая лепестки и толкуя про себя слова: „любитъ, не любитъ, любитъ". И я видалъ какъ цѣлый день иная ходитъ, опустивъ хорошенькую головку, если при послѣднемъ лепесткѣ придется вдругъ произнести: „не любитъ".

Почти тридцатилѣтній герой нашего разказа не гадалъ [illegible] его несвязныя думы, читатель, прочитавъ рукопись, непремѣнно бы замѣтилъ: „да вѣдь онъ совершенная институтка; вѣдь онъ тоже гадаетъ, только не на цвѣтахъ: лю[illegible] его, или не любитъ".

— А графъ-то? Вѣдь и Варвара Тимоѳеевна забыла, начала Лучаниновъ, выходя на улицу вмѣстѣ съ музыкантомъ.— [illegible] пригласила его къ себѣ пить чай сегодня вечеромъ.

— [illegible]: я позову и его: только онъ, кажется, не любитъ [illegible]ки, отвѣчалъ Барскій.

— [illegible] ѣхать [illegible] ствія провести вмѣстѣ съ вами вечеръ и послушать хорошо [illegible] и ужь не отстану отъ васъ [illegible] [illegible]пку, говорилъ Лучаниновъ.

— Ну, такъ ѣдемъ къ нему; садитесь; у меня дрож[illegible] [illegible]силъ Барскій.—А не застанемъ, оставимъ [illegible].

— [illegible] отвѣчалъ Лучаниновъ.—онъ ждетъ меня.

Молодые люди усѣлись и поѣхали къ [illegible].

Часу въ десятомъ вечера, въ уютной квартирѣ Барскаго собрались гости; подлѣ хозяйки, у чайнаго стола, сидѣли Варвара Тимоѳеевна со своею старшею дочерью и Топоровская. Лучанновъ разсматривалъ скрипку музыканта; мужъ кумушки и графъ сидѣли, со стаканами грога, у отдѣльнаго столика и играли въ шахматы.

— Какова? спрашивалъ Барскій Лучанинова, поворачивая за ручку свою чудную скрипку.—Что же это, однако, не ѣдутъ наши? говорилъ онъ, посматривая на часы. — Наконецъ-то, прибавилъ онъ, заслышавъ звонокъ у двери.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу вошелъ въ своемъ длинномъ сюртукѣ Иванъ Евстафьевичъ; за нимъ вошла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, въ ситцевомъ, новенькомъ платьѣ; хозяйка встала, и поцѣловавъ вошедшую, представила ее гостямъ.

— Садись же.... Вотъ тебѣ чай, Груша, пригласила пѣвицу хозяйка.

Дѣвушка, поправивъ черные какъ смоль волосы и поглядывая исподлобья на новыхъ знакомокъ, усѣлась къ чайному столу. Иванъ Евстафьевичъ протягивалъ, по очереди, руку дамамъ и мущинамъ, съ которыми знакомилъ его Барскій, произнося при каждомъ рукожатіи: „очень пріятно“.

— Что вы такъ поздно? спросилъ его Барскій.

— Да задержалъ меня, пріѣхалъ какой-то Французъ смотрѣть мой италіянскій контрабасъ; съ нимъ и проваландался. А вы поигрываете видно? спросилъ онъ, нюхая табакъ и обратившись къ Лучанинову, робко пробовавшему смычкомъ Гварнери Барскаго.

— Игралъ прежде немного, но отсталъ, отвѣчалъ Лучанновъ.

— Сначала мы вамъ сонату сыграемъ. Женѣ разрѣшили доктора, наконецъ, музыку, говорилъ Барскій, взявъ у Лучанинова и подстраивая подъ рояль скрипку. — Графъ, вы не имѣете ничего противъ сонаты?

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ графъ, переставляя пѣшку. — Я вѣдь только ничего не понимаю въ музыкѣ, но не вою во время игры; у меня сетеръ, такъ тотъ завываетъ, я жилъ однажды въ Нанси рядомъ со скрипачомъ; какъ онъ играть, мой сетеръ—вторить.

— Это очень лестно было для скрипача, разсмѣявшись, замѣтилъ Барскій.

— Не знаю лестно ли, но черезъ двѣ недѣли выѣхалъ изъ моего сосѣдства, отвѣчалъ графъ.

— А ваше сіятельство охотникъ? спросилъ, подсѣвъ къ графу со стаканомъ чаю, Иванъ Евстафьевичъ.

— Завзятый, отвѣчалъ графъ.—А вы?

— Ему жена запретила, а былъ страстный, отвѣчалъ Барскій.

— Не жена, а... вопервыхъ времени мало, вовторыхъ дорого. А въ свое время, да и теперь бы, кажется, съѣздилъ, одушевившись говорилъ Иванъ Евстафьевичъ.—Хорошо; особенно послушная собака, на дупелей бывало, или опять молодые тетерева пойдутъ, въ началѣ осени.

Старикъ понурилъ голову и задумался: нѣсколько болотныхъ, лѣсныхъ видовъ, ясныхъ и свѣжихъ осеннихъ дней пронеслись панорамой въ его воображеніи. „Хорошо“, повторилъ онъ, вздохнувъ и поставивъ на столъ стаканъ чтобы достать табатерку. Барскій усадилъ жену за рояль и, вмѣсто сонаты, заигралъ почему-то „Элегію“ Эрнста. Скрипка его жаловалась, вздыхала; гудѣлъ серебряный басокъ, долѣвая мелодію съ тою задушевною страстностью, тѣмъ энергическимъ тономъ, который искрою влетаетъ въ сердце каждаго изъ посѣтителей биткомъ набившихъ залу чтобы послушать чудную лѣвицу изъ теплыхъ странъ прилетѣвшую на нашъ, холодный только вѣдь снаружи, русскій сѣверъ.

— Подождемте, шепнулъ графъ своему партнеру, — послушаемъ.... Это хорошо.... Люблю я эту „Элегію“.

Сложивъ на груди руки, графъ отвалился къ спинкѣ кресель и слушалъ; Топоровская, сидя на диванѣ у стола, глядѣла пристально на музыканта; чудные звуки старой скрипки, послушной каждому душевному движенію мастера, заводили лѣвушку въ какой-то новый только предчувствуемый ею, но невиданный еще волшебный міръ, міръ мелодическаго ропота, любви, слезъ воплотившихся въ звуки. Вотъ тема облеклась въ яркіе, радостные, сіяющіе будто солнечный лучъ звуки; „любитъ“, точно вспыхнувшая отъ нежданной радостной вѣсти красавица, шепотомъ проговорила скрипка; черезъ мгновеніе опять задумалась она, и перейдя къ прежней тоскѣ, стихала, замирая, взбираясь выше, выше, точно къ небесамъ, въ другія лучезарныя страны, отъ непривѣтливыхъ, суровыхъ жителей нашей родной планеты.

Груша наблюдала неподлобья скрипача, взглядывая по

временамъ на Маріанну Александровну; раза два встрѣтились ихъ глаза, и взоръ пѣвицы какъ будто говорилъ: „да; слушайте; это прекрасно“. Во всей фигурѣ молодой пѣвицы было что-то дѣтское, но встрѣтившій ее на улицѣ мимоходомъ человѣкъ непремѣнно остановился бы, пораженный не красотой, а своеобразностью, миловиднаго впрочемъ, лица и подумалъ бы: „это необыкновенный ребенокъ; черные какъ уголь, большіе глаза ея, изрѣдка будто украдкою обѣжавъ сидящихъ, снова исчезали подъ густыми рѣсницами; она поминутно перебирала то складки своего передничка, то ленточку висящую у платья; голова ея и дѣтское выраженіе въ лицѣ, какое бываетъ у прикинувшейся смиренницею шалуньи, какъ-то не совсѣмъ соотвѣтствовали ея вполнѣ развившемуся торсу; графъ выразился о ней очень мѣтко: „какой милый чудакъ эта дѣвочка!“

— Славно, произнесъ графъ, улыбаясь и поднявъ голову, когда музыкантъ спустилъ на нѣтъ высокій флажолетъ, чистый какъ прозрачная струя бѣгущаго съ чуть слышнымъ звономъ ручейка, въ тиши заросшей шиловникомъ и лавиликою.

— Значитъ не совсѣмъ дурно, если даже вы, графъ, хвалите, отвѣчалъ Барскій, укладывая скрипку.—А вотъ вы говорите что не любите жалобъ въ искусствѣ. Вѣдь это жалоба.

— Да, жалоба, но въ музыкѣ другое дѣло.... Я допускаю и въ поэзіи, но требую чтобъ это не былъ писк угнетеннаго воробья; чтобъ было слышно что это плачетъ не слезливая натура, а раненый силачъ душою, окончилъ онъ, принимаясь за неоконченную партію.

— Я такъ беру у васъ коня, замѣтилъ ему партнеръ.

— Ахъ, виноватъ; расчувствовался и совралъ было, отвѣчалъ графъ, отодвинувъ обратно фигуру.

— Что же ты привезла съ собою, Груша? Соловья? Ты его любишь, кажется? спрашивалъ Барскій.

Груша улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

— Ни, ни, отвѣчалъ за нее Иванъ Евстаѳьевичъ; — это надо на время позабыть, всѣ эти трели и фокусы; кромѣ простой мелодіи и гаммъ, покуда я ей ничего не даю.

— Вотъ за это спасибо, дѣдушка, замѣтилъ Барскій;—это дѣло. Однако что же она намъ споетъ?

— Да вотъ спой пожалуй этотъ романсъ Садовникова: какъ онъ? обратясь къ пѣвицѣ сказалъ контрабасистъ.

— Осень? спросила Груша.

— Да.... Потомъ еще что-нибудь.... Елизавета Николаевна,

пожалуйте, обратился къ хозяйкѣ Иванъ Евстаѳьевичъ;—ноты у васъ остались.

— Сейчасъ, только заверну на одну минуту въ дѣтскую, отвѣчала хозяйка.—Извините что я на минуту васъ оставлю, схожу къ дочкѣ.

— Ступайте, ступайте, отвѣчала ей Варвара Тимоѳеевна.—Это и за нами водится.

Топоровская разсматривала портреты музыкантовъ на стѣнахъ.

— Это знаменитый Глинка, объяснялъ Лучаниновъ; — вотъ вы услышите его оперы.

Задавъ шахъ и матъ своему противнику, графъ закурилъ новую сигару и попросилъ еще стаканъ грогу; всѣ усѣлись въ кружокъ, исключая Груши разсматривавшей альбомъ съ фотографическими карточками. Разговоръ пересыпался анекдотами изъ прошлаго; Лучаниновъ скопировалъ мастерски краснолицаго, представляя какъ онъ ходитъ около пѣсенниковъ, то вдругъ задумываясь, то будто пробудившись, какъ вскрикиваетъ онъ: „ахо, молодцы“, и вслѣдъ за этимъ возгласомъ кидаетъ въ хоръ пятирублевую. Весь образъ руссофила такъ живо выступалъ въ мастерской копировкѣ Лучанинова что Маріанна Александровна и Груша, не видавшія его, не могли однако не смѣяться.

— Двѣ капли, говорила съ звонкимъ смѣхомъ Варвара Тимоѳеевна. — Какъ вы его похоже представляете! А вѣдь добрякъ.

— А я жду пѣнія, перебилъ графъ. — Вы меня превратили въ меломана, прибавилъ онъ, обратясь къ Барскому.

— Дѣло, пожалуй, кончится тѣмъ, что вы у меня начнете брать уроки, отвѣчалъ Барскій.

— Ну, нѣтъ ужь. А сетеръ-то? Вѣдь ужъ тогда не такъ онъ взвоетъ какъ отъ сосѣда музыканта, говорилъ разсмѣявшись графъ.

Въ это время вошла Елизавета Николаевна; отыскавъ ноты, она усѣлась за рояль и позвала Грушу; Иванъ Евстаѳьевичъ понюхалъ табаку и что-то прошепталъ хозяйкѣ; пѣвица подошла къ роялю какъ гимназистъ подходитъ, на экзаменѣ, къ столу брать билетъ.

— А робѣетъ, бѣдняжка, замѣтилъ вполголоса графъ подсѣвшему къ нему контрабасисту.

— Кто? Она робѣетъ? Это до первой ноты: вотъ вы послу-

шайте, отвѣчалъ, тоже шепотомъ, старикъ;—это герой, прибавилъ онъ, давъ знакъ Елизаветѣ Николаевнѣ чтобы начинать.

Піанистка начала.

Отдѣльные, одинокіе звуки, точно листья, тихо падали одинъ за другимъ; вотъ покатились они грустною вереницей по аллеѣ, и свившись въ облако, поднялись было, но скоро упали съ шелестомъ на кучку прошлогоднихъ, сухихъ, уже отжившихъ, товарищей.

„Осень“, начала пѣвица.

Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ.
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ;
Лишь вдали красуются, тамъ на днѣ долинъ...

„Тамъ на днѣ долинъ,“ точно отдаленный колоколъ, повторили басы рояля.

Кисти ярко красныя вянущихъ рябинъ,

потупивъ очи совсѣмъ въ полъ, съ глубокою тоской произнесла пѣвица, и вдругъ, зазвенѣвъ всею дѣвственною, широкою грудью и озаривъ огненнымъ взоромъ слушателей, залилась она, закинувъ назадъ свою хорошенькую головку:

Весело и горестно сердцу моему....

При второмъ словѣ голосъ упалъ и зазвенѣлъ внизу, будто серебряный басокъ Гварнери.

„Молча твои рученьки!...“ робко поднимаясь съ ласковымъ трепетомъ чувства, любованья, залѣлъ голосъ далѣе:

Молча, твои рученьки грѣю я и жму;
Въ очи тебѣ глядючи, молча слезы лью;
Не умѣю высказать какъ тебя люблю!...

звонкимъ тономъ баловня-мальчика, вдругъ кинувшагося на шею молодой матери, допѣла пѣвица, уставивъ черные глаза свои куда-то въ уголъ, какъ бы стыдясь полноты чувства которымъ дышалъ каждый звукъ ея мягкаго и широкаго голоса.

Всѣ слушали еще съ минуту, когда пѣвица кончила и, понуривъ головку, точно провинившійся шалунъ, стояла переминаясь съ ноги на ногу у стула піанистки; графъ пристально глядѣлъ на „чудака-дѣвочку“; Барскій поцѣловалъ ее въ голову; при послѣднемъ стихѣ взоръ Топоровской, вѣроятно, случайно встрѣтился со взглядомъ Лучанинова; Маріанна

Александровна быстро отвернулась, но Лучаниновъ замѣтилъ навернувшіяся у нея слезы.

— Вотъ, сударь, какія есть у насъ, на матушкѣ святой Руси, сокровища, шепнулъ графу, понюхавъ табаку, Иванъ Евстаѳьевичъ.—Будь-ка она Италіянка! прибавилъ онъ, вздохнувъ.

Варвара Тимоѳеевна кинулась цѣловать пѣвицу.

— Нельзя ли повторить? голубчикъ Захаръ Петровичъ, попросите ее, умолялъ мужъ Варвары Тимоѳеевны.

— Погодите, говорилъ Барскій;—она взволнована; надо ей дать вздохнуть. Груша, выпей-ка чаю.

Дѣвочка усѣлась къ чайному столу и принялась уписывать булочки съ чашкою сливокъ предложенною ей хозяйкой. Лучаниновъ подсѣлъ къ ней и началъ ее разспрашивать о чемъ-то, поглядывая искоса на Маріанну Александровну; Топоровская говорила то съ графомъ, то съ хозяйкой, но по задумчивому взору и разгорѣвшемуся лицу не трудно было догадаться что дѣвушка думала вовсе не о томъ о чемъ болтала.

— Чьи слова этого романса? спрашивала Барскаго Варвара Тимоѳеевна.

— Не знаю, отвѣчалъ Барскій;—гдѣ-то досталъ Садовниковъ. Имя извѣстнаго теперь нашего русскаго поэта хранилось еще, въ тѣ года, подъ спудомъ.

Пѣвица, допивъ чашку, сидѣла потупившись на своемъ мѣстѣ у стола.

Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ натуръ которыя загораются чужимъ, будто своимъ собственнымъ, чувствомъ; часто не приголубленныя въ жизни никѣмъ, онѣ радуются чужою радостью, плачутъ глядя на другихъ, любятъ вмѣстѣ со влюбленными. Семья, друзья, родимый уголъ у нихъ въ душѣ, въ собственномъ сердцѣ, въ воображеніи; имъ благоухаетъ нарисованная клеевою краской на полотнѣ сирень, лишь долети до нихъ въ это время прочувствованное слово поэта, звукъ вырвавшійся прямо отъ сердца пѣвца, музыканта; а жизнь, съ ея шумомъ и звономъ, дворцы, подчасъ сама природа, кажутся нерѣдко этимъ страннымъ людямъ ничтожною, плохою декораціей. Одиноки эти люди, но они не промѣняютъ своего одиночества, своего внутренняго волшебнаго міра ни на какой другой, ни на богатство, ни на славу.

Съ послѣднимъ аккордомъ пѣсни, Лучанинову и Топоровской какъ-то неловко было говорить другъ съ другомъ. Графъ и контрабасистъ шептались у окна. „Я поѣду; буду просить,

придутъ", говорилъ оживленно графъ. „Погодите", возразилъ ему контрабасистъ, „рано."

- Вы ее учите? Это вы научили ее такъ декламировать? спрашивалъ графъ, превратившійся вдругъ въ меломана.

- Ничему не учу, отвѣчалъ Иванъ Евстаѳьевичъ:—я только берегу ее; гаммы заставляю пѣть, и только. А декламаціи гдѣ мнѣ ее учить? Она меня поучитъ: ей вотъ сыграйте вы мелодію, романсъ, арію, она выслушаетъ, попроситъ иное повторить и уйдетъ безъ нотъ, безо всего: вотъ и начнетъ мурлыкать про себя; кормитъ цыплятъ, а сама знай, напѣваетъ себѣ подъ носъ; иногда уйдетъ въ другую комнату подальше, или на чердакъ, возьметъ двѣ или три фразы во весь голосъ. Чрезъ день, два спросишь: „ну что, выучила?"—„Выучила", отвѣтитъ потупившись, станетъ около фортепіано и запоетъ; и ужъ вы не узнаете арію: такъ все отдѣлано: каждое слово, нотку оттѣнитъ, говорилъ старикъ, уведя графа въ другую комнату. Вотъ это какая злодѣйка, ваше сіятельство, прибавилъ онъ, доставая табакерку.

— Ее бы въ Италію, замѣтилъ подойдя къ нимъ Лучининовъ.

— Боюсь... Да опять нужны средства, отвѣчалъ контрабасистъ.

— Ну, это бы можно какъ-нибудь, перебилъ графъ.

— Боюсь: храни Богъ попадетъ на руки нашимъ лѣвцамъ которые тамъ совершенствуются: одну нельзя отправить... Да, Богъ дастъ, выучимъ и безъ Италіи, окончилъ старикъ.

Маріанна Александровна съ Грушею, обнявшись, перелистывали у стола виды Швейцаріи подаренные Барскому графомъ: какъ будто разсматривая картины, дѣвушки шутили другъ друга, перекидываясь незначущими, короткими фразами.

— Какъ вы славно поете! начала Топоровская.

— А вы хорошенькая, улыбнувшись и взглянувъ на нее своими черными глазами, какъ будто для того чтобъ отблагодарить, произнесла вдругъ Груша.

Топоровская сконфузилась; въ это время подошелъ Лучининовъ и сѣлъ подлѣ пѣвицы.

— Спойте что-нибудь еще, Аграфена Васильевна... Повторите „Осень", началъ онъ. -Вамъ нравится? спросилъ онъ Маріанну Александровну.

— Да, нравится, отвѣчала, уставившись въ альбомъ, Топоровская.

Черные глаза Груши перебѣгали украдкой то на него, то на перелистывающую картинки дѣвушку.

— Если вамъ нравится, я спою, сказала пѣвица, обнявъ за талію Маріанну Александровну.

Она шепнула что-то подошедшей хозяйкѣ и подошла къ роялю.

Silenza, произнесла Елизавета Николаевна, усаживаясь за инструментъ.

Всѣ стихли.

Опять западали и зашумѣли листья; опять зазвенѣлъ голосъ въ словѣ: „весело“ и упалъ на словахъ: „и горестно сердцу моему“; но при послѣднемъ куплетѣ: „молча твои рученьки грѣю я и жму“, пѣвица вдругъ взглянула на Лучанинова, и попрежнему закинувъ головку, но, казалось влюбленнымъ, съ едва замѣтною улыбкой, косясь на нихъ, еще живѣй и жарче прежняго пропѣла: „не умѣю высказать какъ ее люблю!“

— Тебя, а не „ее“ люблю, поправила по окончаніи піесы Елизавета Николаевна.

— Да; я ошиблась; надо: „тебя люблю“, скромно извинилась пѣвица.

— Ошиблась-то какъ ловко; а? шепнулъ графъ Лучанинову, взявъ его подъ руку.—Вотъ случай объясниться.

— Графъ, ради Бога, ни слова объ этомъ, остановилъ его совсѣмъ растерявшійся отъ намека пѣвицы молодой человѣкъ;—иначе я сейчасъ уѣду.

— Не буду, не буду, отвѣчалъ графъ.

Груша пропѣла „Лучинушку“; это была копія съ игры этой пѣсни Барскаго, но копія предъ которою блѣднѣетъ оригиналъ, какъ блѣднѣетъ звукъ инструмента предъ звукомъ человѣческаго голоса.

Сѣли за ужинъ. Разговоръ шелъ о заграничной жизни; графъ смѣшилъ разказами о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ; Иванъ Евстаѳьевичъ таялъ отъ восторга, слушая охотничьи разказы графа. Лучаниновъ и Маріанна Александровна были молчаливы; дѣвушка жаловалась на головную боль и была блѣдна. Груша усѣлась между нею и дочерью кумушки она опять гладѣла ребенкомъ; мастеръ исчезъ, за дѣтскими

манерами „милаго чудака", какъ прозвалъ ее графъ. Послѣ ужина гости распрощались и вышли. Ночь была лунная.

— Пройдемтесь пѣшкомъ немного: славная ночь! сказалъ графъ, предложивъ руку Варварѣ Тимоѳеевнѣ.

Лучининовъ подалъ руку Маріаннѣ Александровнѣ; мужъ Варвары Тимоѳеевны шелъ съ дочерью, разговаривая съ пѣвицей и контрабасистомъ.

„А какъ похожа на Сафо теперь", подумалъ Лучининовъ, поглядывая искоса на освѣщенное лунною задумчивое лицо идущей съ нимъ подъ руку дѣвушки, безъ шляпы (она сняла ее), съ развѣвающимися отъ легкаго вѣтерка кудрями. „Вѣтъ копіи воды Сафо у Рафаэля", продолжалъ думать влюбленный, осторожно поддерживая руку Маріанны Александровны.

Обѣ молчали.

— Какой превосходный голосъ! началъ наконецъ Лучининовъ.

— Удивительный... Я не слыхивала такого: правда что я мало слышала, отвѣчала спутница. — Что жъ мы ее оставили?

— Маріанна Александровна, началъ Лучининовъ, испугавшись что ихъ нагонитъ общество; — позвольте мнѣ быть откровеннымъ съ вами... Я... Вы не разсердитесь? спросилъ онъ тотчасъ же подумавъ про себя: „какъ глупо... Боже мой! Какъ глупо, но надо кончить."

Дѣвушка или притворялась что не слышитъ, или не слыхала дѣйствительно вопроса и шла молча.

— Я хотѣлъ вамъ сказать... что... я люблю васъ, сквозь зубы проговорилъ Лучининовъ отъ волненія.

Маріанна Александровна, не отвѣтивъ ничего, продолжала идти тѣмъ же шагомъ, но Лучининовъ слышалъ, какъ задрожавшей вдругъ рукѣ, какъ она вся взволновалась: онъ мысленно обругалъ себя и остановился.

— Вы не сердитесь? спросилъ онъ однако.

Дѣвушка молчала: въ эту минуту подошли къ нимъ графъ и Варвара Тимоѳеевна.

— Простите, пробормоталъ Лучининовъ, мысленно продолжая бранить себя: „какъ человѣку-то: чортъ знаетъ какъ глупо вышло; какую же нелѣпость сдѣлалъ я!"

— Что вы остановились? спросилъ графъ.

— Мы ждемъ васъ, отвѣчала Маріанна Александровна.

Всѣ перешли черезъ улицу. Лучининовъ продолжалъ идти подъ руку съ Маріанной Александровной: рука ея дрожала.

меньше, но она шла не оборачиваясь, точно мраморная статуя; лицо было блѣдно и неподвижно; Лучаниновъ, по временамъ украдкою взглядывая на нее, щелъ точно по горячимъ угольямъ: такъ ему жутко было, послѣ неудачнаго объясненія, идти подъ руку съ безмолвною, будто окаменѣвшею вдругъ красавицей.

Наконецъ стали садиться въ коляску; контрабасистъ сѣлъ съ пѣвицей на извощика.

— Прощайте, милый чудакъ; благодарю васъ, говорилъ графъ, пожимая руку пѣвицы. — Владиміръ Алексѣевичъ, крикнулъ онъ усѣвшись въ свои дрожки,—вашъ адвокатъ напоминаетъ вамъ что завтра въ одиннадцать часовъ онъ ждетъ васъ чтобъ ѣхать въ палату.

— Знаю, отвѣчалъ Лучаниновъ;—благодарю васъ.

Графъ уѣхалъ.

— Что вы это къ концу вечера вдругъ такъ нахмурились? спросила Варвара Тимоѳеевна Лучанинова, сидѣвшаго противъ, рядомъ съ мужемъ ея, въ колескѣ.

— Нѣтъ, голосъ-то, голосъ! толковалъ помѣщикъ, еще не опомнившійся отъ пѣнія.—Маріанна Александровна? Каковъ голосъ-то?

— Отличный голосъ, и какая она миленькая! отвѣчала дѣвушка, потирая себѣ лобъ.

— Что у васъ, головная боль? спросила Варвара Тимоѳеевна.

— Да, немного болитъ, отвѣчала Топоровская. — Дремлетъ, [illegible] прибавила она, приласкавъ дочь Варвары Тимоѳеевны.

— Напрасно я взяла ее; она устала съ дороги.

Коляска подъѣхала къ отелю; Лучаниновъ проводилъ ихъ до дверей и ушелъ къ себѣ; Петруша еще не спалъ.

— Что, уѣхалъ Гаврила Алексѣичъ? спросилъ Лучаниновъ.

— Уѣхалъ, отвѣчалъ Петруша.

Управляющій уѣхалъ въ Москву чтобъ отправиться въ Васильевское, гдѣ Лучаниновъ предполагалъ начать, этимъ же лѣтомъ, стройку дома.

На другой день утромъ, предъ тѣмъ какъ ѣхать съ графомъ въ палату, Лучаниновъ не вытерпѣлъ, зашелъ къ Варварѣ Тимоѳеевнѣ. Она уже была одѣта.

— Какъ головная боль у Маріанны Александровны? спросилъ онъ.

— Сегодня лучше. Она сидитъ у моей дѣвочки, отвѣчала кумушка.—Я думаю, не лѣніе ли ее вчера разстроило?

— Можетъ-быть.... А что? спросилъ, весь вспыхнувъ, Лучининовъ.

— Да вдругъ вчера, возвратясь, расплакалась.... Я спрашиваю: что такое? Ничего не говоритъ. Потомъ легла, слышу въ постели опять тихонько плачетъ.... Но сегодня, слава Богу, лучше ей, озабоченно говорила Варвара Тимоѳеевна.

— Могу я васъ попросить удѣлить мнѣ четверть часа, Варвара Тимоѳеевна? началъ Лучининовъ.

— Да: хорошо. Что такое? спрашивала Варвара Тимоѳеевна, поднимаясь съ дивана.

Лучининовъ взялъ ее подъ руку и отвелъ въ противоположный уголъ комнаты.

— Только прошу васъ никому не только не говорить, не намекнуть даже какъ-нибудь ненарочно что вы знаете, началъ онъ шепотомъ. — Да лѣтъ, впрочемъ, лучше не говорить.... Извините.... Я не скажу, окончилъ онъ, опустивъ руку Варвары Тимоѳеевны.

— Должны сказать. Что? что такое? съ живостью допрашивала его кумушка.

Лучининовъ не зналъ что по истребуя женское любопытство, уже безполезно пятиться: не отдѣлаешься, сказешь какъ ни отбивайся, если намекнулъ женщинѣ что у тебя есть тайна.

— Нѣтъ, не скажу, отвѣчалъ Лучининовъ, взявъ шляпу, — да мнѣ пора.... Что же я? прибавилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Даю вамъ честное слово, буду какъ могила молчать... Скажите же, наступила на него кумушка.

— Нѣтъ, послѣ....

— Теперь скажите: это, извините, Богъ знаетъ что, такъ скрытничать съ друзьями.... Э.... догадалась, проговорила она шепотомъ, замѣтивъ что Лучининовъ поглядываетъ на притворенную дверь сосѣдней комнаты.

— Если догадываетесь, то нечего и говорить.

— Вы ей сказали что любите, шепнула ему на ухо Варвара Тимоѳеевна.

Лучининовъ стоялъ, повертывая шляпу, съ выраженіемъ въ лицѣ похожимъ на мину пѣвицы Груши послѣ пѣнія.

— Что, угадала?

— Угадала, прошепталъ Лучининовъ. — Но ради Бога...

— Пойдемте.... Пойдемте.... Ахъ какъ я рада и за васъ за нее, взявъ его подъ руку, начала кумушка.

— Куда? спросилъ перепугавшись Лучаниновъ.

Какъ куда? Къ ней.

Что вы это? Ни за что, выдернувъ руку и выбираясь въ переднюю, говорилъ Лучаниновъ.

Кумушка схватила его точно жена Пентефрія Іосифа, за руку и не пускала; хорошо что мужа ея не было дома: онъ могъ, увидѣвъ эту сцену, приревновать жену къ Лучанинову.

— Зачѣмъ же вы сказали ей? [illegible] кумушка.— Зачѣмъ? Какъ вамъ не стыдно.

— Какъ зачѣмъ? спросилъ растерявшись Лучаниновъ.

— Съ какою цѣлью, я васъ спрашиваю, вы нарушили, быть-можетъ, душевный покой дѣвушки? допрашивала, уже вспыливъ не на шутку, кумушка. — Изъ глупаго желанія узнать прелестны ли вы? Нравитесь ли женщинамъ? Это не похоже на васъ; но кто васъ знаетъ послѣ этого...

— Варвара Тимоѳеевна, началъ, поблѣднѣвъ, Лучанинов...

Если вы начали, такъ нужно кончить.

— Что же мнѣ дѣлать? Не надо было говорить, я согласен... но уже сказано; слѣдовательно дѣло непоправимое....

— Совершенно поправимо, перебила Варвара Тимоѳеевна.— Вѣдь вы сказали для того чтобы.... я иначе не понимаю; для того чтобы спросить согласна ли она за васъ выйти?

Лучаниновъ покраснѣлъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, подумавъ тутъ же про себя: „как... однакожь, пытка!"

Слѣдовательно.... Маріанна Александровна, могу я васъ попросить? крикнула она вдругъ.

Лучаниновъ замеръ.

Дѣвушка вошла и молча поклонилась ему.

— Маріанна Александровна. отходя отъ Лучанинова, ска-зала кумушка, взявъ подъ руку дѣвушку;—я не могу, не заслужила еще права называть васъ дочерью, но люблю васъ, вѣрьте мнѣ, какъ свою дочь. Я знаю что васъ.... не пугайтесь, любитъ нашъ давнишній другъ, Владиміръ Алексѣевичъ.

Лучаниновъ смотрѣлъ въ окно.

Варвара Тимоѳеевна, отведя еще дальше дѣвушку, спросила ее шепотомъ: „любите ли вы его?" Дѣвушка опять превратилась въ мраморную. Лучаниновъ, искоса взглянувъ на

нее, почувствовалъ себя снова на горячихъ угольяхъ. Въ это время вошедшій слуга доложилъ что пріѣхалъ графъ.

— Досадно, прошептала Варвара Тимоѳеевна,—не звалъ и его мужъ однако? Дѣлать нечего, проси.

Послушайте, почтеннѣйшій кліентъ, началъ графъ, ложимая руки хозяйкѣ и Маріаннѣ Александровнѣ,—развѣ здѣсь гражданская палата?

Лучаниновъ улыбнулся въ родѣ того какъ улыбался плаксивый хозяинъ его квартиры въ нѣмецкомъ городѣ.

— Я хотѣлъ сейчасъ же ѣхать; извините меня, отвѣчалъ онъ.

– Теперь ужъ незачѣмъ; вотъ всѣ коліи которыя были заказаны вами; заѣзжайте завтра росписаться, произнесъ графъ, передавая Лучанинову бумаги.

Лучаниновъ, ничего не понимая, сунулъ въ карманъ коліи. Графъ уѣхалъ скоро; вслѣдъ за нимъ ушелъ въ свой нумеръ и Лучаниновъ.

Оставшись вдвоемъ вечеромъ, Варвара Тимоѳеевна толковала съ Маріанной Александровной почти до свѣту. Дѣвушка со слезами призналась, наконецъ, что боится какъ-то Лучанинова, „или онъ слишкомъ ученъ для меня, или серіозенъ," говорила она; говорила что она бѣдна и потому ему не ровня. Варвара Тимоѳеевна не унывала: трое сутокъ вела она неутомимые переговоры то съ ней, то съ нимъ, и наконецъ одинъ вечеромъ, выйдя изъ себя, объявила имъ обоимъ что вынуждена принять мѣры строгости, такъ какъ видитъ что ласкою дѣйствовать безполезно. Эта шутка и порѣшила наконецъ дѣло. Лучаниновъ кинулся цѣловать руки у Маріанны Александровны; дѣвушка вспыхнула, потупилась, но не отнимала рукъ. Варвара Тимоѳеевна кричала мужу, побѣжавшему за образомъ: „скорѣй же! Ахъ, какой ты! Скорѣй!" Мужъ принесъ образъ, и кумушка благословила жениха и невѣсту. Графъ совѣтовалъ на другой день Варварѣ Тимоѳеевнѣ все-таки присматривать за Лучаниновымъ до свадьбы чтобы не выскочилъ въ окошко.

— Онъ-то не выскочитъ, а вотъ у меня бѣдовая, замѣчала на это Варвара Тимоѳеевна, указывая на невѣсту.

– Неужели вы думаете выпрыгнуть въ окно, Маріанна Александровна? спрашивалъ графъ.

Но дѣвушкѣ было не до шутокъ, хоть она и старалась отшучиваться; предъ отъѣздомъ въ церковь она расплакалась.

Лучаниновъ перепугался и хотѣлъ ѣхать за докторомъ; Варвара Тимоѳеевна остановила его.

— Это дѣло обыкновенное, говорила она;—въ такую минуту мало ли какія думы навѣстятъ дѣвушку: и мысль о дѣтствѣ, одиночествѣ, страхъ неизвѣстности за будущее.... Пусть ее поплачетъ, окончила она, подходя къ двери комнаты гдѣ одѣвали невѣсту.

Какая поэзія, красота, въ самомъ дѣлѣ, въ душевномъ состояніи идущей подъ вѣнецъ, съ любимымъ человѣкомъ, дѣвушки! Чего не проплыветъ подобно облачку чрезъ хорошенькую юную головку въ этотъ день; чего не налетитъ на сердце, въ грудь дѣвичью!

Лучаниновъ вѣнчался, черезъ двѣ недѣли послѣ музыкальнаго вечера, въ той самой церкви, за городомъ, гдѣ вѣнчался отецъ его: это было верстахъ въ десяти отъ Петербурга. Извощичьи четверки, со звономъ, понесли поѣзжанъ и взволнованную, свѣжую какъ сельскій полевой цвѣтокъ, невѣсту; съ ней рядомъ сидѣла Груша въ бѣломъ платьицѣ, въ цвѣтахъ и лентахъ: она тоже влюбилась въ Маріанну Александровну и дорогою поминутно шептала ей: „какая ты хорошенькая!“ Дѣвушки и Варвара Тимоѳеевна накануѣ выпили „швестершафтъ“ и дали слово говорить съ этой минуты „ты“ другъ другу; дочери кумушки сидѣли противъ невѣсты, въ четверомѣстной колескѣ.

— Что, неправду я сказалъ что повезу васъ подъ вѣнецъ? говорилъ графъ, сидя въ колескѣ съ Лучаниновымъ, Барскимъ и контрабасистомъ.

— Да вы ли уладили дѣло? говорилъ Лучаниновъ.

— Ну, ужъ если пошло на правду, отвѣчалъ графъ;—я вѣдь шепнулъ Маріанѣ Александровнѣ на вечерѣ что вы влюблены въ нее какъ селезень.

— И вамъ не стыдно? А слово-то? перебилъ Лучаниновъ.

— Не давалъ я вамъ слова; вы припомните: я сказалъ что сумѣю не профанировать чувства.

— Ваше вмѣшательство, можетъ-быть, и затянуло дѣло, замѣтилъ Лучаниновъ.

— Очень надолго, разсмѣявшись отвѣчалъ графъ.

Въ двумѣстной колескѣ, сзади ихъ, ѣхала кумушка съ женою Барскаго; у нихъ на козлахъ возсѣдалъ Петруша. Экипажи подъѣхали наконецъ къ деревянной, старой церкви, стоящей въ началѣ села, той самой гдѣ былъ бракъ Алексѣя

Андреевича Лучанинова; причтъ былъ новый и, конечно, не слыхивалъ о бракѣ отца Лучанинова, но Владиміръ Алексѣевичъ съ благоговѣніемъ вошелъ въ старинную дверь храма. Молодой священникъ встрѣтилъ брачущихся, и начался обрядъ. Быть-можетъ, въ вышинѣ вились двѣ неразлучныя, благословляющія тѣни? Быть-можетъ, были онѣ тутъ, незримыя? И тѣнь старушки не вилась ли надъ своею питомицей, не любовалась ли ею? А было чѣмъ полюбоваться. Дѣвушка была хороша въ бѣломъ, легкомъ, какъ воздухъ, платьѣ, съ миртою и бѣлыми цвѣтами въ роскошныхъ, вьющихся волосахъ, съ букетомъ бѣлыхъ розъ въ рукѣ...

Въ отворенныя окна церкви несся благовонный, весенній воздухъ; вѣтерокъ игралъ бѣлою, прозрачною фатой невѣсты, колебалъ яркое пламя вѣнчальныхъ свѣчъ... Обрядъ кончился. На другой день уѣхала старушка съ мужемъ и дѣтьми, а Лучаниновъ съ женою поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Москву; на станціи ихъ провожалъ графъ. Поѣхали съ ними и Груня. Владиміръ Алексѣевичъ [illegible] съ Васильевскимъ покончилъ [illegible] на время съ Вѣрою [illegible] отъ Васильевскаго, [illegible] Петръ Алексѣевичъ.

[illegible]

[illegible]

давно готовъ; расположеніе комнатъ было точь-въ-точь такое какъ и въ старомъ; разросшійся на волѣ, спасенный Семеномъ Ивановымъ отъ порубки, садъ, заглядывалъ вѣтвями сиреней, липъ и березъ въ новыя окна дома; старикъ камердинеръ опять усѣлся съ Гавриломъ Алексѣевымъ играть въ передней „въ свои козыри“; но въ домѣ было другое: все дышало молодостію и надеждой; оставшіеся старики толковали: „наше время миновало, ихъ начинается“. Звонкій голосъ (уже знаменитой русской пѣвицы — фамилію ея назвать мы не уполномочены) Груши, всякое лѣто прилетавшей гостить сюда, звенѣлъ въ просторномъ новомъ домѣ; она все попрежнему была влюблена въ молодую хозяйку; повторяя любимую Лучаниновою „Осень“, она теперь брала обыкновенно за руки Маріанну Александровну, и „глядючи ей въ очи“, пѣла: „молча твои рученьки грѣю я и жму.“ А въ концѣ: „не умѣю высказать какъ тебя люблю“, шалунья кидалась цѣловать свою подругу. Лучанинова тоже крѣпко любила ее; да и нельзя было не любить это чистое, доброе существо, готовое обнять дружески весь міръ, еслибъ это было возможно.

Барскій.... Его предчувствіе, къ изумленію друзей, сбылось: онъ овдовѣлъ; Елизавета Николаевна скончалась, годъ спустя послѣ свадьбы Лучанинова, воспаленіемъ въ легкихъ, оставивъ мужу четырехлѣтнюю дочь, на которую музыкантъ, какъ говорится, не могъ надышаться. Онъ постарѣлъ значительно, но все сидѣлъ въ оркестрѣ, только уже рядомъ съ солистомъ. Въ игрѣ его ясно отразились событія; особенно жизненны, правдивы были въ ней печальные, задумчивые звуки.... Лѣтомъ онъ живалъ по мѣсяцу, по два съ дочерью въ Васильевскомъ; Лучаниновъ въ квартетѣ,—квартетъ нерѣдко составлялся въ Васильевскомъ,—игралъ вторую скрипку. Освобожденіемъ своимъ, какъ увѣрялъ Корневъ, музыкантъ былъ обязанъ Жуковскому; но подробности этого дѣла такъ и остались неизвѣстными.

Лучаниновы.... Загляднемъ не надолго въ новоотстроенное помѣстье, въ разросшійся, убранный новыми цвѣтами, садъ съ рѣчкою, прудомъ и линіей дали, мѣстами синѣющей между вѣтвями липъ и клена.

Былъ Троицынъ день; сіяло благоуханное, лѣтнее утро; по широкой липовой аллеѣ, украшенной точно узоромъ улегшеюся тѣнью листьевъ на пескѣ, шла пестрая, нарядная, толпа къ обѣднѣ; надъ садомъ гудѣлъ благовѣстъ. Впереди шла молодая

хозяйка, въ бѣломъ платьѣ, съ роскошнымъ букетомъ въ рукѣ; задумчивый взоръ ея ломинутно обращался къ ребенку, котораго несла красивая кормилица, въ цвѣтномъ сарафанѣ, кружевномъ фартукѣ и расшитой золотомъ повязкѣ; мальчикъ лѣтъ трехъ, въ русской, полотняной рубашонкѣ, шелъ подлѣ старушки-няни, слегка придерживаясь за ея платье.

— Ты встань подлѣ меня, кормилица, говорила Лучанинова, оправляя чепчикъ ребенка.

— Слушаю, Маремьяна Александровна, отвѣчала крестьянка; только окно прикажите затворить; я не встаю тутъ оттого что сквозной вѣтеръ.

Лучанинова подозвала шедшаго сзади Петрушу.

— Подите впередъ, пожалуста, и посмотрите чтобы не было сквознаго вѣтра гдѣ мы станемъ, приказала она, положивъ руку на плечо уже не мальчика, а молодаго человѣка, въ очкахъ, съ небольшою свѣтлорусою бородкой.

Петруша помогалъ теперь отцу въ управленіи имѣніями.

Лучанинова мало перемѣнилась; вся фигура ея, тѣлодвиженія, походка сдѣлались, правда, какъ-то мягче, плавнѣе, спокойнѣе (еслибъ я не боялся упрека въ вычурности выраженія и употребленіи чужаго слова, я бы сказалъ: „гармоничнѣе") чѣмъ прежде. Это дается людямъ перенесшимъ много въ жизни, во дни посѣтившаго ихъ наконецъ полнаго счастія. Это спокойствіе изрѣдка нарушалось въ ней не надолго, когда ребенокъ, раскапризясь, рвалъ рубашку или швырялъ кусокъ хлѣба: тогда вся вспыхивала Маріанна Александровна.

— Это даръ Божій; какъ ты смѣешь кидать его! говорила она, напугавшись и взявъ за руку сына.—Знай что твоя мать, крестясь, ѣла, когда ей Богъ посылалъ кусокъ, да и не такого, чернаго хлѣба, ѣла крестясь, отломивъ половинку голодной бабушкѣ. Помни же это. Слышишь? Не будешь кидать?

— Не буду, шепталъ сквозь слезы пристыженный ребенокъ.

— Оставь, уговаривалъ обыкновенно ее Владиміръ Алексѣевичъ.—Какъ можно говорить такія вещи дѣтямъ?

— Какъ можно не говорить имъ такихъ вещей? возражала жена, отирая выступившія слезы.

Русая, переплетенная, густая коса, обвивъ задумчивую голову молодой женщины, была у ней единственнымъ, всегдашнимъ уборомъ. Лучанинову догоняла своимъ торопливымъ шагомъ кумушка, окруженная попрежнему Ванями, Катеньками и Тимошами.

Аграфена Васильевна этотъ годъ жила во Флоренціи; Лучаниновы ждали ея въ Васильевское; ея двѣ комнаты на антресоляхъ, окнами въ садъ, съ роялемъ и балкономъ, не занимались никѣмъ; онѣ были любимымъ пребываніемъ дѣтей кумушки, кормилицы и сына Лучанинова, когда лѣвица жила въ Васильевскомъ; дѣтей Аграфена Васильевна любила до безумія; усѣвшись съ ними на коврѣ, она готова была играть въ куклы и болтать съ ними цѣлые часы; куколъ привозила она съ собою изъ Петербурга цѣлые ящики.

— Ты ихъ балуешь, Груша, говорили ей Лучанинова и Варвара Тимоѳеевна.

— Не ваше дѣло; здѣсь я хозяйка, царица; здѣсь мое кукольное царство, отвѣчала обыкновенно на это „чудакъ-дѣвушка".

Вслѣдъ за женщинами шелъ Лучаниновъ въ парусиномъ сюртучкѣ и панамской шляпѣ, тоже съ цвѣтами въ рукѣ, такъ какъ была Троица; подлѣ него шагалъ графъ, Петръ Алексѣевичъ въ черной лодденкѣ и въ рубашкѣ, и краснолицый руссофилъ въ ополченномъ казакинѣ.

-Вы знаете кого мы ждемъ на недѣлѣ, графъ? спросилъ Лучаниновъ, взявъ графа подъ руку.

— Кого же?

— Корнева, отвѣчалъ Лучаниновъ.

— Я очень радъ увидать наконецъ его; и вы, и Маріанна Александровна, впрочемъ, уже познакомили меня съ нимъ. Что, онъ не получилъ до сихъ поръ ни мѣста, ни каѳедры? спросилъ графъ.

— Ни того, ни другаго.... Да врядъ и получитъ когда-нибудь, отвѣчалъ Лучаниновъ.—Я говорю вамъ: „мы эксизы", прибавилъ онъ.

Графъ засмѣялся.

— Если продолжать ваше сравненіе, такъ я, выйдетъ, ненужная, здоровая каріатида, неизвѣстно только отъ какого зданія.... Лежишь эдакъ, валяешься въ травѣ; прохожій смотритъ на тебя и думаетъ: „а, вѣдь, это откуда-нибудь свалилось; ничего; порядочная штука, но куда ее придѣлаешь?"

— Ну, а я что, если такъ, по-вашему? спросилъ краснолицый.

— Вы? сфинксъ, отвѣчалъ Петръ Лучаниновъ.

Всѣ засмѣялись.

— Смѣйтесь.... Поживете съ мое, сами сдѣлаетесь.... Какъ

ты меня назвалъ-то? говорилъ, добродушно улыбаясь, краснолицый.

Въ это время нагналъ ихъ нахмуренный студентъ, (читатель видѣлъ его въ Васильевскомъ), а нынѣ предводитель уѣзда гдѣ жили Лучаниновы; поздоровавшись съ хозяевами и гостями, онъ зѣвнулъ и обругалъ Петра Лучанинова „чортомъ" за то что онъ разбудилъ его.

— Хоть бы вы его безъ обѣда оставляли иногда, Марiанна Александровна, говорилъ нахмуренный, подходя къ хозяйкѣ; — помилуйте, дурню тридцать лѣтъ, а дурачится точно мальчишка; ихъ пара съ Аграфеной Васильевной.

— Отъ этого-то, отвѣчала хозяйка, остановившись въ концѣ аллеи и распуская зонтикъ,—онъ и просилъ ея руки; вы это знаете?

— Нѣтъ, не зналъ.... Да что вы? говорилъ нахмуренный.

— Неправда; лжетъ она, крикнулъ Петръ Лучанинов.

— Что же, что Аграфена Васильевна? спрашивалъ нахмуренный. — Это любопытно.

— Что Груша? Вы, вѣдь, знаете ее.... Стегнула его по носу перчаткой, сдѣлала гримасу и убѣжала въ свое „кукольное царство", отвѣчала Лучанинова намѣренно громко.

Петръ Лучанинов покраснѣлъ, и подбѣжавъ, ударилъ сестру по плечу своимъ букетомъ. Нахмуренный хохоталъ.

— Это въ Малороссiи называютъ: „гарбузъ поднесла", произнесъ, тоже разсмѣявшись, краснолицый.

Всѣ вошли въ церковь, убранную березками, гирляндами и цвѣтами; пахло травой, черемухой; Лучанинов съ гостями встали у праваго клироса.

— Какъ я люблю въ этотъ день церковь убранную зеленью, шепнулъ Лучанинов женѣ.

Она утвердительно кивнула ему головой и понесла дочь приложить къ образамъ; она въ этотъ день хотѣла причастить дѣтей; нянька повела мальчика; знакомый нѣсколько читателю священникъ, уже съ просѣдью въ свѣтлорусыхъ волосахъ, началъ обѣдню; въ храмѣ было все чисто, прибрано, устлано коврами, какъ при старикѣ Лучанинов. Хоръ пѣвчихъ (но уже не крѣпостныхъ) стройно запѣлъ: „благослови душе моя Господа". Семенъ Иванов, ложавъ руки Лучаниновой и мужу, разставлялъ свѣчи (онъ былъ подстаростою Васильевской церкви, старостой былъ самъ старшiй Лучанинов): Василiй Семеновъ, облюбившiй чердакъ у Гаврила

Алексѣева въ Васильевскомъ, вышелъ, опять въ синемъ сюртукѣ, читать Апостолъ.

По окончаніи длинной, извѣстной троицкой вечерни съ колѣнопреклоненіемъ, Лучаниновы и гости ихъ пошли изъ церкви; священникъ съ женою обѣщали у нихъ обѣдать; Маремьяна Александровна (такъ будемъ называть ее) здоровалась съ крестьянками, распрашивала ихъ о дѣтяхъ, цѣловала ребятъ.

— Вы знаете что мужъ вашъ былъ влюбленъ въ нее, шепнулъ Лучаниновой нахмуренный, кивнувъ на подошедшую къ ней поздороваться красивую женщину съ грудным ребенкомъ.

— Знаю, отвѣчала Маремьяна Александровна;—она, всѣ говорятъ, похожа на меня; поэтому я не ревную.

Крестьянка, въ самомъ дѣлѣ, разительно была похожа на Лучанинову; еслибы не было загара на ея лицѣ, это былъ бы двойникъ Маремьяны Александровны.

Еслибы знали знатныя, богатыя, женщины, какъ хороши онѣ бываютъ когда обходятся привѣтливо, дружески, со своею бѣдною сестрой, ласкаютъ ея ребенка, онѣ бы перестали смотрѣть свысока на бѣдняковъ.

На другой день, часовъ въ шесть, все общество и священникъ съ женою отправились въ экипажахъ на мельницу къ Семену Иванову удить и пить чай. Гусаръ, сослуживецъ Петра Лучанинова, подвелъ ему верховую лошадь стариннаго, Лучаниновскаго завода.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Палашовѣ, о Павлѣ Ивановичѣ Тарханковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ нашего разказа. Палашовъ жилъ въ Москвѣ; съ отнявшимися ногами, онъ сидѣлъ въ своемъ волтеровскомъ креслѣ, бесѣдуя съ навѣщавшими его изрѣдка пріятелями и музыкантами; по временамъ у него устраивались квартеты, что̀ было праздникомъ для Сергѣя Александровича. Слуга съ нависшими бровями состоялъ неизмѣнно при немъ. Полученное Палашовымъ неожиданно наслѣдство, послѣ какой-то тетки, помогло уплатить часть долговъ и поддерживало „прозябеніе“ (какъ онъ называлъ жизнь свою). Барскій всегда навѣщалъ его, проѣзжая Москвой.

Павлу Ивановичу было дозволено жить въ своемъ губернскомъ городѣ; онъ жилъ анахоретомъ, купивъ и отдѣлавъ загородный домъ, который занималъ когда-то Палашомъ. (Старый

домъ былъ имъ заброшенъ.) Онъ измѣнился значительно, и къ лучшему; даже лицо его, обросшее сѣдою бородой, стало благообразнѣе. Братья Лучаниновы бывали изрѣдка у него; когда Владиміръ Алексѣевичъ въ первый разъ навѣстилъ его, старикъ хотѣлъ броситься на колѣни, но племянникъ удержалъ его, и они обнялись. „Ямного виноватъ предъ братомъ“, могъ только произнести Павелъ Ивановичъ, и зарыдалъ горькими слезами. Камердинеръ, оставшійся при немъ, разказывалъ Владиміру Алексѣевичу что старецъ иногда цѣлую ночь молится и горько плачетъ.

Слѣдствіе по дѣлу кончилось отставкой судьи, исправника и ссылкой одного изъ консисторскихъ, подскобливша книги; чиновникъ похороненный купцомъ на станціи, оказался писцомъ консисторіи, почему-то, по происканъ Аристархова, выключеннымъ изъ службы. Не къ нему ли ужъ шелъ онъ въ Петербургъ? Вдова его и незамужняя дочь получали отъ Лучаниновыхъ небольшую пенсію.

Анонимное письмо покойному Лучанинову было писано, по всей вѣроятности, Васильемъ Семеновымъ.

Объ имѣніи оставшемся послѣ Аристархова затѣялась между явившимися откуда-то родственниками адвоката тяжба. Иванъ Евстаѳьевичъ все продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ въ оперѣ со своимъ великаномъ-инструментомъ; каждый годъ онъ собирался съ Барскимъ прикатить въ Васильевское на дупелей, но не могъ собраться: „его“, какъ выражался Барскій, „одолѣли куры“. Садовниковъ (гобоистъ) управлялъ оркестромъ губернскаго театра; губернское общество слышало ораторію Гайдна: „Сотвореніе міра“, исполненную имъ при помощи архіерейскаго хора пѣвчихъ; онъ лѣтомъ бывалъ въ Васильевскомъ и продолжалъ сердиться когда Аграфена Васильевна передразнивала какъ онъ запинался на своемъ гобоѣ. Изрѣдка появлялся какъ комета Долгушинъ; жилъ съ недѣлю и уходилъ опять неизвѣстно куда; времени его появленія не могли вычислить ни Корневъ, ни другіе математики.

Владиміръ Лучаниновъ не служилъ ни въ земствѣ, ни гдѣ; онъ и компанія были какіе-то люди „не у дѣлъ“, какъ бывали въ старые годы, кажется, стряпчіе, а между тѣмъ нельзя сказать чтобъ и тѣ и другіе ничего не дѣлали. Употребляя модное выраженіе, „цивилизующее вліяніе“ ихъ на окружающую среду врядъ ли было не посильнѣе чѣмъ людей то и дѣло

устраивающихъ школы и бесѣды съ крестьянами; съ пріѣздомъ Лучаниновыхъ въ деревню, крестьяне сдѣлались замѣтно нравственнѣе и благообразнѣе внутренно и наружно; вокругъ такихъ людей какъ Лучаниновъ, Корневъ, графъ, я замѣчалъ, все какъ-то незамѣтно „русѣетъ“. Не говорю уже что живописцы, музыканты, писатели налетали отдыхать въ Васильевское, и сколько свѣжаго, живаго выносилось оттуда тѣмъ, другимъ.... У хозяина не было тупой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, хозяйка была привѣтлива, нецеремонна; этюды зелени, народнаго наряда есть.... А что жъ болѣе нужно живописцу лѣтомъ? Вечеромъ гремѣлъ квартетъ, лѣвица, другъ хозяйки, оглашала и домъ, и садъ своимъ роскошнымъ голосомъ....

— Отчего вы не печатаете своихъ сочиненій? спросилъ разъ Лучанинова губернаторъ, тоже весьма охотно навѣщавшій Васильевское.

— Да для того чтобы не поднять въ васъ другаго вопроса: „зачѣмъ я ихъ печатаю?“ отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Петръ Алексѣевичъ занимался хозяйствомъ (какъ онъ выражался всегда); главными же занятіями его, сказать по правдѣ, были: закупка винъ и ѣзда верхомъ съ пѣвицей и Маремьяной Александровной; привычку кутить онъ бросилъ, но не прочь былъ подгулять если подбиралась склонная къ тому компанія.

Зимой на мѣсяцъ, на два, Лучаниновы ѣздили въ Москву; отцовскій домъ ихъ на Садовой былъ отдѣланъ заново. Процессъ Лучаниновой кончился; она дѣйствительно получила одно изъ имѣній душъ въ восемьдесятъ и сбиралась выстроить въ немъ, къ ужасу мѣстнаго ксендза, православную церковь во имя Ивана Предтечи (какъ была прадѣдовская). Озирая свое и мужнино грозное прошлое, молодая богачка ночью, уложивъ дѣтей, нерѣдко опускалась на колѣни предъ кіотою съ наслѣдственными образами и долго плакала, не горькими, а благодарными слезами, подобными вешнему, теплому дождю, сквозь солнце орошающему ниву, чтобы зеленѣть ей, радуя селянъ надеждою обильной жатвы.

Н. ЧАЕВЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ИРЛАНДІИ

I.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи французскіе энциклопедисты, видя безвыходность положенія Франціи, съ удивленіемъ взирали на сосѣднюю свободную Англію, и Монтескье находилъ англійскую конституцію образцомъ совершенства. Для политическихъ теоретиковъ настоящаго времени конституція эта должна служить предметомъ еще бо́льшаго удивленія по своей упругости и способности примѣняться къ измѣняющимся требованіямъ времени и народнаго духа. Дѣйствительно, если сравнить настоящія учрежденія Англіи съ тѣмъ чѣмъ они были за сто лѣтъ тому назадъ, то нельзя не замѣтить поразительной и во многихъ отношеніяхъ почти радикальной разницы, и нельзя не подивиться энергіи англійскаго народа, можетъ-быть, болѣе всякаго другаго дорожащаго преданіями, но въ то же время смѣло рѣшающагося на реформы и нововведенія, когда ясно сознается ихъ настоятельная потребность. Едва ли что̀ можетъ быть интереснѣе и поучительнѣе исторіи законодательной дѣятельности британскаго парламента въ настоящемъ столѣтіи. Въ подтвержденіе такого

мнѣнія достаточно указать что въ теченіе менѣе чѣмъ сорока лѣтъ два раза были предприняты и успѣшно исполнены такія, напримѣръ, мѣры какъ акты о парламентской реформѣ 1832 и 1867 годовъ, почти радикально измѣнившія характеръ народнаго представительства. Но при всемъ блескѣ этой изумительной и по энергіи, и по результатамъ законодательной дѣятельности, всегда было достаточно одного слова чтобъ унизить гордость Англичанъ утверждавшихъ что они указываютъ примѣръ всѣмъ другимъ странамъ. Слово это: Ирландія. Оно постоянно было чернымъ пятномъ, помрачавшимъ блескъ величія націи. Въ одномъ этомъ словѣ таилась бездна необъяснимыхъ противорѣчій. Какимъ образомъ нація ранѣе всѣхъ другихъ завоевавшая свободу, широко раскинувшая свои колоніи и даровавшая имъ самую широкую автономію могла поступать деспотически и несправедливо въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій съ завоеваннымъ народомъ? Какимъ образомъ могло быть что когда, наконецъ, притѣсненія и насилія прекратились, то великіе государственные люди и представители страны въ парламентѣ не могли придумать пригодныхъ мѣръ для возрожденія Ирландіи и примиренія ея народа съ Англіей? Какимъ образомъ могли они такъ долго терпѣть и допускать существованіе хронически больнаго мѣста въ государствѣ находящемся въ полномъ развитіи могущества, не пытаясь залѣчить его? Еслибы даже дѣйствительно задача была невозможна, то во всякомъ случаѣ было и недостойно великой націи, и несогласно съ духомъ англійскаго народа не сдѣлать, по крайней мѣрѣ, смѣлой попытки для ея разрѣшенія.

Нельзя, конечно, сказать чтобы сами Англичане не сознавали всей важности своихъ неудовлетворительныхъ отношеній къ Ирландіи. Со временъ Питта, геній коего былъ такъ всеобъемлющъ что даже теперь нѣтъ почти ни одного важнаго вопроса затрогиваемаго въ парламентѣ по поводу коего не приводилось бы его мнѣніе, и до настоящаго времени постоянно предпринимались различныя мѣры и законоположенія для Ирландіи. Но по странному фатализму, какъ замѣтилъ г. Гладстонъ въ своей рѣчи при внесеніи имъ 15го февраля сего года въ палату общинъ ирландскаго поземельнаго билля, мѣры эти не достигали цѣли. „Еслибы мы вѣрили въ астрологію, сказалъ онъ, или еслибы мы придерживались мнѣній фаталистовъ, то, разсматривая вліяніе многихъ нашихъ законодательныхъ

мѣръ на Ирландію, можно бы подумать что надъ нашею страной витало какое-либо мрачное созвѣздіе которое, по скольку это касается ирландскихъ крестьянъ, направляло дѣла наперекоръ стараніямъ самаго благодѣтельнаго законодательства.“ Мы не станемъ перечислять всѣхъ этихъ мѣръ и замѣтимъ только что неудача можетъ быть зависѣла отъ того что столь застарѣлое зло требовало полнаго и почти исключительнаго вниманія. Рѣшеніе ирландской задачи должно было поставить на первомъ планѣ, а для сего не было случая, такъ какъ вниманіе британскаго правительства постоянно отвлекалось другими важными дѣлами.

Событія послѣднихъ немногихъ лѣтъ всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстны. Фенійскій заговоръ, быстро развившійся до обширныхъ размѣровъ въ то самое время когда междуусобная война въ Америкѣ поставила Англію въ натянутое положеніе къ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ пріютились милліоны Ирландцевъ питающихъ ненависть къ Великобританіи, заставилъ англійскій парламентъ въ теченіе трехъ сессій пріостанавливать дѣйствіе акта *Habeas Corpus* въ Ирландіи. Не страшный для могущества имперіи, заговоръ этотъ поразилъ глубоко гордость Англичанъ, принужденныхъ среди общаго развитія благосостоянія, отразившагося и въ Ирландіи, пріостанавливать въ этой странѣ конституціонныя гарантіи въ то самое время когда и въ палатѣ, и на народныхъ трибунахъ велись горячія пренія о болѣе демократической реформѣ народнаго представительства. Феніи не могли потрясти могущество Англіи, но они грозили постоянными нарушеніями спокойствія и порядка, и могли причинять громадный ущербъ жизни и собственности. Въ самой Англіи, гдѣ только находилось много Ирландцевъ, тамъ гнѣздилась измѣна. 19го сентября 1867 года въ Манчестерѣ были насильственно освобождены изъ рукъ полиціи два фенія, которые послѣ такъ и не могли быть найдены. Хотя трое феніевъ участвовавшихъ въ этомъ освобожденіи были арестованы, судимы и казнены 23го ноября, но въ Ирландіи они были прославлены какъ мученики. 13го декабря того же года былъ произведенъ взрывъ Клеркенвельской тюрьмы въ Лондонѣ для освобожденія заключенныхъ феніевъ, а 15го и 16го декабря въ Лондонѣ были три пожара приписываемые феніямъ. Случаи эти такъ налугали что были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности, и изъ обывателей набраны отряды спеціальныхъ констеблей.

Несправедливо однако было бы думать что только одинъ страхъ принудилъ англійское правительство и парламентъ обратить серіозное вниманіе на Ирландію. Англійскіе правители неоднократно имѣли случай показывать что они умѣютъ энергически подавлять мятежи, какъ тому были примѣры и въ Индіи, и въ самой Ирландіи. Даже въ настоящемъ году, одновременно съ ирландскимъ поземельнымъ биллемъ, былъ внесенъ кабинетомъ Гладстона и утвержденъ парламентомъ билль о разрѣшеніи чрезвычайныхъ мѣръ въ Ирландіи противъ умножившихся случаевъ аграрныхъ насилій. Но фенійскій заговоръ показалъ какъ глубоко коренилось зло. Онъ обнаружилъ живучесть ирландской вражды и ненависти, и необходимость принять радикальныя мѣры. Онъ убѣдилъ массу англійскаго народа въ настоятельной необходимости посвятить все вниманіе ирландскимъ дѣламъ.

Поэтому при открытіи парламентской сессіи 1868 года, всѣ ожидали ирландскихъ ночей, то-есть преній въ палатѣ общинъ о положеніи Ирландіи. Послѣ того какъ въ 1867 году былъ проведенъ г. Дизраэли билль о парламентской реформѣ, не было на ряду ни одного вопроса который могъ бы заслонить ирландскій и служить поводомъ къ горячей борьбѣ партій. Обѣимъ партіямъ, вигамъ и торіямъ, или, какъ ихъ теперь называютъ, либераламъ и консервативамъ, ряды коихъ въ вопросѣ объ избирательной реформѣ перепутались, смѣшались и разстроились, предстояло выбрать лозунгъ по которому приверженцы той и другой партіи могли бы узнавать другъ друга, знамя около котораго они могли бы собраться. Консервативы находились во власти, либералы въ оппозиціи. Обѣ партіи выжидали, остерегаясь преждевременно обнажить оружіе и обнаружить свои планы. Но медлить долѣе было нельзя, и 10го марта ирландскій членъ палаты общинъ г. Мегвайеръ предложилъ немедленно заняться положеніемъ Ирландіи. Это былъ вызовъ торійскому правительству чтобъ оно высказало что̀ оно намѣрено сдѣлать для Ирландіи. Пренія о предложеніи г. Мегвайера были только рекогносцировкой, которая расчистила поле битвы. Г. Дизраэли, въ предыдущемъ году ловкимъ маневромъ убѣдившій своихъ послѣдователей согласиться на довольно радикальный билль о реформѣ народнаго представительства, не могъ надѣяться на возможность повторенія подобной тактики. Консервативы были встревожены, опасаясь слишкомъ быстраго хода нововведеній въ демократическомъ духѣ. Масса партіи созна-

вала что если реформы необходимы, если общественное мнѣніе ихъ требуетъ, то ея дѣло не проводить ихъ, а сдерживать быстроту потока, спасая что можно изъ прежнихъ учрежденій. Въ торійскомъ кабинетѣ было не мало членовъ съ довольно либеральными взглядами, считая въ томъ числѣ и самого главу правительства, г. Дизраэли. Но на этотъ разъ онъ не могъ увлечь на путь реформъ своихъ послѣдователей, а самъ долженъ былъ соображаться съ ихъ взглядами изъ опасенія быть низложеннымъ. Поэтому заявленія правительства были неясны, неопредѣленны и главное нерѣшительны. Оно отрицало безотлагательную надобность коренныхъ реформъ, оспаривало значительность неудовольствія въ Ирландіи и неудовлетворительность ея положенія, и предлагало лишь запоздалыя уступки, вродѣ устройства католическаго университета. Ясно было что у него или не было общаго плана, или оно не имѣло смѣлости его провозгласить. Положеніе либераловъ было иное. Всѣ они болѣе или менѣе раздѣляли сочувствіе къ реформамъ, а недавній опытъ научилъ ихъ что раздоры по поводу менѣе важныхъ подробностей только ослабляютъ ихъ силы. Для либеральной партіи, имѣющей призваніемъ указывать путь прогресса, болѣе чѣмъ для консервативной была необходима программа, и потому всѣ оттѣнки партіи плотно сомкнулись вокругъ г. Гладстона, когда онъ провозгласилъ лозунгомъ: справедливость въ отношеніи къ Ирландіи. Его практическій умъ побудилъ ограничиться на первый разъ церковнымъ вопросомъ, и онъ потребовалъ упраздненія государственной англиканской церкви въ Ирландіи, служащей внѣшнимъ символомъ завоеванія и оскорбляющей чувство католическаго большинства населенія. Палата общинъ 30го апрѣля большинствомъ 65 голосовъ высказалась въ его пользу. Торіи противились немедленной отмѣнѣ учрежденія государственной церкви, требуя отложить вопросъ до общихъ выборовъ, и нашли поддержку въ палатѣ лордовъ. Но осенью послѣдовали общіе выборы, и страна съ энтузіазмомъ привѣтствовала политику возвѣщенную г. Гладстономъ, большинство коего въ палатѣ общинъ возразло до 115 голосовъ. Министерство г. Дизраэли подало въ отставку и было замѣнено министерствомъ г. Гладстона. Здѣсь не мѣсто разказывать какимъ образомъ въ прошедшемъ году былъ проведенъ билль объ отмѣнѣ ирландской церкви. Довольно только напомнить что актъ этотъ вступаетъ въ силу съ 1го января будущаго 1871 года, и

тогда окончательно прекратится всякая связь между церковью и государствомъ въ Ирландіи, и англиканское духовенство не будетъ имѣть никакого преимущества предъ католическимъ.

Всѣ знали что этимъ дѣло не ограничится и что теперь, по устраненіи церковнаго вопроса, выступаетъ на очередь вопросъ поземельный. Онъ давно уже обращалъ на себя вниманіе мыслящихъ людей обѣихъ партій и былъ для нихъ камнемъ преткновенія. При этомъ слѣдуетъ обратить должное вниманіе на характеристическую черту всегда обозначающую въ Англіи эпоху реформъ. Какъ только въ общественномъ мнѣніи созрѣваетъ убѣжденіе въ необходимости преобразованія, оно тотчасъ становится предметомъ самаго широкаго гласнаго обсужденія. Г. Гладстонъ въ своей рѣчи засвидѣтельствовалъ признательность пособію, которое дано было разъясненію вопроса современною литературой. Дѣйствительно, хотя и прежде много было писано объ этомъ предметѣ, но въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго года возникла по поводу его цѣлая особая литература. И должно замѣтить что книги, брошюры, письма, корреспонденціи и статьи въ газетахъ писались не людьми кабинетными, рѣшающими вопросы умозрительно, а людьми свѣдущими и заинтересованными, землевладѣльцами и фермерами, ирландскими юристами, членами парламента, посвятившими вакаціонное время поѣздкѣ по Ирландіи и личному знакомству съ положеніемъ дѣлъ. Газета *Times* отрядила особаго спеціальнаго коммиссара *(commissioner)*, который въ три мѣсяца объѣздилъ почти всю Ирландію и въ замѣчательно талантливомъ, ясномъ и безпристрастномъ изложеніи въ 29 письмахъ изобразилъ положеніе различныхъ мѣстностей. Слѣдуетъ еще упомянуть что литература эта, при всемъ различіи взглядовъ авторовъ, отличается замѣчательно спокойнымъ тономъ и, за ничтожными исключеніями, полнымъ отсутствіемъ раздражительной полемики. Этою литературой и преимущественно письмами корреспондента *Times* и статьями въ журналахъ *Edinburgh Review*, *Quarterly Review* и *Westminster Review* мы и воспользовались для настоящихъ очерковъ положенія поземельнаго вопроса въ Ирландіи.

II.

Ирландія, по причинѣ своего географическаго положенія, имѣетъ нѣсколько болѣе высокую среднюю температуру чѣмъ другіе британскіе острова и, кромѣ того, есть страна болѣе влажная, вслѣдствіе болѣе частыхъ дождей. Ея берега изборождены утесами, въ особенности на сѣверѣ и на западѣ. При общемъ склонѣ поверхности къ югу и юго-западу, возвышенныя плоскости и холмы подымаются въ направленіи къ центру и сѣверу. Западный округъ страны, отъ мыса Клира до бухты къ Киллала, включающій за этою линіей бо́льшую часть графствъ Керри и Клера, и береговую часть графствъ Гальвея и Мео, имѣетъ видъ суровый; вдоль берега онъ изрытъ глубокими бухтами; вообще лишенъ равнинъ и, исключая устья Шаннона, не пересѣкается значительными рѣками. Въ этомъ округѣ обитаетъ ирландско-кельтское племя, но мѣстами и большею частію въ селеніяхъ занимающихся рыболовствомъ встрѣчаются небольшія общины тевтонскаго, и вообще скандинавскаго происхожденія. Центральная и южная часть, отъ Лонгфорда и Мита въ направленіи къ сѣверу до Корка, Ватерфорда и Вексфорда, омывается рѣками Шаннономъ, Барро и Сьюромъ, съ ихъ притоками. Хотя мѣстность эта представляетъ большое разнообразіе и заключаетъ нѣсколько важныхъ горныхъ группъ, но преимущественно состоитъ изъ богатыхъ равнинъ и долинъ, климатъ и почва коихъ удивительно удобны для земледѣлія. Здѣсь преобладаетъ ирландско-кельтское племя, видоизмѣненное въ южныхъ графствахъ примѣсью бельгійскихъ переселенцевъ и примѣсью англо-саксонскаго населенія на западѣ. Сѣверная часть страны, которую можно разсматривать какъ сопредѣльную съ Ульстерскою провинціей, есть страна холмовъ и озеръ, а мѣстами она расширяется въ широкія равнины заключающія много прекрасныхъ земледѣльческихъ округовъ въ достаточной степени орошаемыхъ рѣками. Она соединяетъ въ себѣ характеръ западнаго и центральнаго округа, но черты перваго преобладаютъ. Отсюда первобытное кельтское населеніе было вытѣснено шотландскими и аглійскими колонистами, не говоря уже о вторженіяхъ Датчанъ, которые въ весьма отдаленное время селились вдоль линіи берега. Восточное побе-

режье, гдѣ находятся многіе важнѣйшіе города острова, по преимуществу страна возвышенная, но въ центрѣ представляетъ обширныя равнины; здѣсь рядомъ съ чисто земледѣльческою дѣятельностію находятся и главные центры промышленности и торговли. Вдоль всей этой линіи преобладаютъ племена датское и англо-норманское. Какъ и слѣдуетъ ожидать, чистое ирско-кельтское племя обитаетъ на той сторонѣ острова которая наиболѣе удалена отъ центровъ откуда шло переселеніе, то-есть въ провинціи Коннотъ и графствѣ Керри. Въ Коркѣ, Ватерфордѣ, Типперери, графствѣ короля, въ графствѣ королевы, Вестмитѣ и Лонгфордѣ живетъ смѣшанное кельтское и тевтонское племя, причемъ преобладаетъ первый элементъ. Въ Ульстерѣ отношеніе обратное; а на восточномъ и южномъ берегу, въ Митѣ, Дублинѣ, Викло, Векфордѣ и Ватерфордѣ живетъ еще болѣе смѣшанное населеніе и древній ирскій элементъ подвергся еще бо́льшимъ перемѣнамъ и колебаніямъ. Обширные и цвѣтущіе города находятся, безъ исключенія, на берегу или близь онаго.

Главная и почти исключительная промышленность страны есть земледѣліе. Ирландецъ, по выраженію г. Кемпбелла въ его брошюрѣ, * тяготѣетъ къ землѣ. Онъ *adscriptus glebae*. Изъ пяти съ половиной милліоновъ жителей не менѣе четвертой части занимаются въ качествѣ фермеровъ и работниковъ воздѣлываніемъ почвы и промыслами находящимися въ связи съ этимъ трудомъ. Изъ 20 милліоновъ акровъ поверхности болѣе трехъ четвертей находятся подъ пашнями, пустошами и лугами. Въ Англіи же и Вельсѣ при такомъ же, и вѣроятно даже большемъ пространствѣ земли посвященномъ земледѣлію, имъ занимается едва одна двадцатая часть населенія. Разница происходитъ отъ того что въ Ирландіи нѣтъ такой какъ въ Англіи обширной мануфактурной промышленности которая отвлекала бы избытокъ населенія отъ почвы и снабжала его работой. Ирландскій работникъ долженъ зависѣть отъ земли, потому что на нее только онъ можетъ разчитывать. Прежде однако чѣмъ описывать настоящее положеніе ирландскаго земледѣльческаго класса и отношенія его къ землевладѣльцамъ (лэндлордамъ), не мѣшаетъ бросить бѣглый взглядъ на историческое развитіе этихъ отношеній.

Ирландія страна завоеванная и притомъ завоеваніе ее

---

* *The Irish Land.* By George Campbell, Chief Commissioner of the Central Provinces of India. London. 1869.

повторялось не одинъ разъ, а нѣсколько. Каждое завоеваніе сопровождалось конфискаціями и отчужденіемъ земель, такъ что постепенно бо́льшая часть поземельной собственности перешла въ руки племени чуждаго массѣ земледѣльческаго населенія. Насильственнымъ разрушеніемъ кельтской кланной системы объясняется, хотя только до нѣкоторой степени, слишкомъ очевидная враждебность ирландскихъ крестьянъ къ англійскимъ учрежденіямъ и законамъ и къ настоящему устройству поземельной собственности. При всемъ варварствѣ среднихъ вѣковъ, ирландскіе вожди были любимы народомъ, а со временъ Плантагенетовъ и до послѣдняго Стюарта англійскіе завоеватели употребляли всѣ правыя и неправыя средства къ уничтоженію самыхъ формъ жизни наиболѣе согласныхъ съ инстинктами и духомъ ирландскаго народа. Ирландцы не легко подчинились чуждому господству и чуждымъ правамъ и обычаямъ. Неразъ они возставали противъ своихъ притѣснителей, и каждое возстаніе усмирялось потоками крови. Съ возмутительною несправедливостью при этомъ обыкновенно земли цѣлаго рода подвергались конфискаціи, которою наказывалась измѣна вождей. Къ племенному антагонизму присоединился еще религіозный. Реформація еще болѣе отчудила лэндлордовъ принявшихъ протестантизмъ отъ сохранившихъ католическую религію крестьянъ. Извѣстно что религіозныя войны отличались всегда болѣе ожесточеннымъ характеромъ чѣмъ гражданскія междуусобицы, а въ Ирландіи онѣ велись съ безпощадною жестокостью. Въ Англіи мѣнялись правительства и династіи, но система управленія Ирландіей оставалась одна и та же. При Стюартахъ и при Кромвелѣ конфискаціи повторялись систематически въ громаднѣйшихъ размѣрахъ, и цѣлыя колоніи Англичанъ и Шотландцевъ были насаждены на земляхъ прежде принадлежавшихъ Ирландцамъ. Воспоминаніе объ этихъ конфискаціяхъ напечатлѣлось въ памяти народа и оставило до сего времени слѣды въ слишкомъ обычной наклонности Ирландцевъ къ безправію и беззаконіямъ. Корреспондентъ *Times* обращаетъ вниманіе на многознаменательный фактъ что аграрныя насилія паичаще встрѣчались въ тѣхъ округахъ которые въ теченіе многихъ вѣковъ были смущаемы междуусобіями и насильственными перемѣнами землевладѣнія, и въ которыхъ, притомъ, примѣсь тевтонской крови сообщила страстность и смѣлость живому и безпокойному характеру Кельтовъ. Можно сказать, впрочемъ, что поземель-

ная система Ирландіи совершенно установилась не ранѣе какъ послѣ революціи 1688 года. Этимъ событіемъ закончились вѣковыя войны и завершилась эпоха завоеванія Ирландіи. Господство Англіи утвердилось вполнѣ, и поземельное устройство впервые было поставлено на прочныхъ основаніяхъ. Въ провинціяхъ Ленстерѣ, Манстерѣ и Коннотѣ аристократія завоевавшая страну и въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній удерживавшая въ своихъ рукахъ господство, все еще ненадежное и прерываемое по временамъ возмущеніями, теперь прочно утвердила свою власть надъ покореннымъ народомъ, а могущественныя колоніи насажденныя въ Ульстерѣ вскорѣ пріобрѣли окончательное преобладаніе. За исключеніемъ немногихъ уцѣлѣвшихъ собственниковъ католиковъ, въ значительнѣйшей части юга такимъ образомъ жили рядомъ сословія раздѣляемыя другъ отъ друга различіемъ происхожденія, религіозными разногласіями и вѣковыми распрями, и только въ одной Ульстерской провинціи особенныя условія, о коихъ будетъ сказано ниже, давали надежду на болѣе благопріятный порядокъ вещей. Постоянныя взаимныя сношенія, постепенная привычка, развитіе торговли, быть-можетъ, могли бы въ недолгій періодъ сгладить эту племенную разрозненность и враждебность господствующей и подчиненной кастъ въ Ирландіи, еслибы варварское законодательство не препятствовало цѣлительному процессу времени. Но жестокій уголовный ирландскій кодексъ постоянно поддерживалъ зло, и главная цѣль его была направлена къ тому чтобы поддерживать господство протестантскаго меньшинства, обезпечивать за нимъ вѣчное владѣніе землей, разсѣять послѣдніе остатки поземельной собственности оставшіеся еще въ рукахъ римско-католическихъ семействъ и держать массу народа въ безнадежномъ рабствѣ и униженіи. Такъ какъ одни только протестанты имѣли право владѣть или пользоваться землей на свободныхъ условіяхъ (*freehold*), то возникъ цѣлый особый классъ среднихъ владѣльцевъ—миддльменовъ—снимавшихъ пожизненно или на долгіе сроки земли у ландлордовъ и сдававшихъ ихъ отъ себя въ аренду фермерамъ крестьянамъ. Такой порядокъ вещей содѣйствовалъ развитію абсентіизма, поставилъ между аристократіей и крестьянами особый классъ притѣснителей и закрѣпилъ крестьянъ въ землѣ въ приниженномъ положеніи, весьма опасномъ для общественнаго спокойствія.

Система безпощадной несправедливости продолжалась безъ

измѣненія до 1778 года. Какъ ни былъ однако гибеленъ для Ирландіи по своимъ результатамъ въ нравственномъ отношеніи ея жестокій уголовный кодексъ, за то, съ другой стороны, въ теченіе первыхъ трехъ четвертей прошедшаго столѣтія страна впервые вкусила блага непрерывнаго мира. Населеніе быстро возрастало, а такъ какъ въ Ирландіи не было ни торговли, ни мануфактуръ, то поземельные участки страны, которая до половины прошедшаго столѣтія была населена рѣдко, стали незамѣтно подраздѣляться. Процессъ этотъ происходилъ на всемъ пространствѣ Ирландіи и къ концу столѣтія онъ развился неудержимо. Съемщики небольшихъ арендъ значительно расширили пространство обрабатываемой земли, воздѣлали холмы и равнины, и этимъ трудомъ постепенно пріобрѣли нѣкоторое моральное право на землю, не признанное закономъ, но тѣмъ не менѣе бывшее естественнымъ наслѣдіемъ ирландскаго крестьянства. Такимъ-то образомъ Ирландія постепенно стала страной небольшихъ поземельныхъ участковъ, и въ умахъ крестьянъ укоренилась мысль о правѣ собственности на землю которую они сами расчистили, воздѣлали и сдѣлали приносящею доходъ. Угнетеніе и притѣсненіе было часто неизбѣжно при тогдашнихъ отношеніяхъ между ландлордами и фермерами, и потому тогда уже во многихъ графствахъ случались аграрныя насилія. Между тѣмъ много разныхъ причинъ, совпавшихъ вмѣстѣ, содѣйствовали возрастанію населенія и ускоряли процессъ дробленія участковъ. Вопервыхъ, поощрялось разведеніе картофеля какъ весьма дешевой пищи. Затѣмъ, когда актомъ 1793 года даны были избирательныя права католикамъ, ландлорды для расширенія своего политическаго вліянія сами поощряли дробленіе земли, охотно давая пожизненныя аренды дабы увеличить число фригольдеровъ въ 40 шиллинговъ, имѣвшихъ право голоса на выборахъ. Въ то же время продолжительная война съ Франціей подняла цѣны на всѣ земледѣльческіе продукты и вліяніемъ этой причины еще болѣе ускорилось развитіе мелкаго крестьянскаго хозяйства. Менѣе чѣмъ въ теченіе 30 лѣтъ населеніе Ирландіи удвоилось, и говоря вообще, конечно за многими исключеніями, на всемъ островѣ преобладала система небольшихъ фермъ. При возраставшей конкурренціи въ спросѣ на землю ренты возвысились, и ландлорды получали большіе доходы, между тѣмъ какъ при системѣ мелкихъ арендъ не они, а фермеры производили улучшенія,

строили сельско-хозяйственныя зданія, запахивали пустопорожнія земли, и такимъ образомъ въ громадной степени возвысили цѣнность земли.

Одновременно и параллельно съ видимымъ прогрессомъ зрѣли, однако, элементы смутъ и бѣдствій, обнаружившіеся во всей силѣ когда наступило время ликвидаціи. При быстромъ увеличеніи населенія, существованіе коего исключительно зависѣло отъ земли, вначалѣ незамѣтно, но потомъ быстро развивалась страшная нищета. Расточительность ландлордовъ привыкшихъ къ безпечному образу жизни возрастала быстрѣе возрастанія ихъ ренты, и многія помѣстья были безвыходно обременены долгами. Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ по окончаніи войнъ съ Франціей повергъ въ нищету тысячи бѣдныхъ фермеровъ, и тогда только ирландскіе ландлорды, большею частью кругомъ задолжавшіе, стали находить невыгодною систему небольшихъ фермъ и приступили къ ихъ округленію, изгоняя мелкихъ и слѣдовательно самыхъ бѣдныхъ фермеровъ по мѣрѣ истеченія сроковъ ихъ контрактовъ. Единственнымъ благопріятнымъ результатомъ этого процесса было постепенное исчезновеніе посредствующаго класса между ландлордами и крестьянами, тѣхъ миддльменовъ о коихъ было сказано выше, но за то безчисленное множество фермеровъ, улучшившихъ земли своихъ господъ и построившихъ на нихъ жилища, лишились всего что по нравственному праву, хотя не по закону, несомнѣнно принадлежало имъ. Понятно что раздраженіе народа достигло крайней степени. Прежняя племенная и сословная вражда, не стихшая еще со времени завоеванія и проявлявшаяся въ различныхъ формахъ съ перемѣной обстоятельствъ, теперь проявилась съ новою силой и приняла дикое и страстное выраженіе. Безумныя возстанія, подавляемыя сильнымъ правительствомъ и преслѣдуемыя съ безпощадною строгостью, давно прекратились, но духъ вражды не угасъ, а явился въ новой формѣ. Вслѣдствіе сознанія несправедливости закона въ народѣ составилось понятіе о своемъ особаго рода кодексѣ, который охранялъ предполагаемыя права крестьянъ убійствами и преступленіями. Съ того времени начинается лѣтопись аграрныхъ насилій. Невѣдомые трибуналы предписывали условія поземельныхъ отношеній крестьянъ къ ландлордамъ, и обширный заговоръ „Бѣлыхъ мальчиковъ“ (*Whiteboys*) приводилъ приговоры эти въ исполненіе. Этотъ періодъ смутъ продолжался около 15 лѣтъ послѣ

заключенія міра съ Франціей, но много разныхъ причинъ поддерживали неудовольствіе крестьянъ и послѣ того. Нельзя не сознаться, говоритъ корреспондентъ *Times*, что ирландскіе ландлорды, какъ сословіе, противились всѣмъ реформамъ которыя съ 1825 до 1840 года предпринимались различными правительствами для блага ирландскаго народа. Крестьяне начали возмущаться противъ господства и вліянія ландлордовъ, коимъ доселѣ они повиновались, хотя и не любили ихъ, и отдались въ руки демагога О'Коннеля и духовенства, не имѣвшаго никакихъ поводовъ любить и почитать протестантскихъ собственниковъ. Кромѣ бѣдствій послѣдовавшихъ за прекращеніемъ войны, отмѣна актомъ 1829 года избирательныхъ правъ фригольдеровъ въ 40 шиллинговъ также содѣйствовала прекращенію нѣкоторой обезпечности которую имѣли фермеры для пользованія своими участками. Такъ какъ послѣ этой отмѣны политическое вліяніе ландлордовъ ослабѣло, то они не имѣли болѣе интереса давать срочныя аренды (*leases*) и постепенно стали замѣнять ихъ безсрочными (*tenancy at will*), сохраняя такимъ образомъ за собой право изгонять фермеровъ и возвышать арендную плату по своему произволу.

Въ сороковыхъ годахъ общественное положеніе Ирландіи было весьма опасно, какъ о томъ свидѣтельствовалъ рядъ документовъ представленныхъ парламенту, завершенный докладомъ коммиссіи лорда Девона. Сэръ-Робертъ Пиль, бывшій тогда первымъ министромъ откровенно сознавался что Ирландія была для него главнымъ затрудненіемъ. Коммиссія лорда Девона собрала цѣлую массу цѣнныхъ свѣдѣній и представила въ своемъ докладѣ также множество соображеній которыми, къ несчастію, въ то время не пришлось воспользоваться для законодательства. Прежде чѣмъ мы упомянемъ о событіи имѣвшемъ огромное вліяніе на перемѣну въ положеніи Ирландіи, слѣдуетъ еще указать на два обстоятельства содѣйствовавшія распространенію нищеты и подготовившія катастрофу. Кромѣ массы мелкихъ фермеровъ, въ Ирландіи существовалъ болѣе многочисленный чѣмъ въ Англіи классъ земледѣльческихъ работниковъ, и эти работники, жившіе въ грязныхъ шалашахъ, обыкновенно получали въ придачу къ заработной платѣ клочокъ земли или огородъ для разведенія картофеля, коимъ и поддерживали существованіе своихъ семействъ. Другою причиною развитія нищеты была слишкомъ

сильная, вслѣдствіе размноженія населенія, конкурренція на аренду земли, такъ что цѣна ренты, можно сказать, опредѣлялась конкурренціей нужды и нищеты, а не конкурренціей капитала.

III.

Въ 1846 и въ 1847 годахъ Ирландію посѣтило страшное бѣдствіе голода. Два года сряду случился неурожай картофеля, которымъ только и существовало обнищалое ирландское крестьянство. Безчисленныя массы несчастныхъ бѣдняковъ бѣжали съ предательской земли отказывавшей имъ въ средствахъ существованія, и быстро, въ теченіе немногихъ недѣль, столпились въ городахъ, безнадежно ища пособія отъ голода у благотворительности. Но хотя благотворительность, какъ частная, такъ и государственная, щедро и ревностно расточала пособія, ихъ было недостаточно для цѣлаго народа, и для большой части страдальцевъ смерть была единственнымъ исходомъ. Эпидемическія болѣзни, всегда сопровождающія голодъ, ускоряли работу смерти, и каждый день кладбища укрывали въ своихъ гостепріимныхъ нѣдрахъ изможденные и обезображенные страданіями трупы скорѣе призраковъ чѣмъ людей, между тѣмъ какъ остававшіеся въ живыхъ съ нѣмымъ отчаяніемъ получали ежедневно скудную долю пропитанія поддерживавшую ихъ жалкое существованіе, какъ будто покорялись тому что это пропитаніе давалось имъ въ послѣдній разъ. Чтобы дать понятіе о громадномъ переворотѣ совершенномъ страшнымъ бѣдствіемъ корреспондентъ *Times*, между прочимъ, указываетъ что одно селеніе въ сосѣдствѣ Скибберина совершенно исчезло, и даже имя его было вычеркнуто изъ офиціальныхъ отчетовъ. Онъ приводитъ что по офиціальнымъ даннымъ населеніе трехъ мѣстечекъ числившееся въ 1841 году въ 711 душъ въ 1861 году упало до 156. Трудно найти другой подобный примѣръ такого быстраго упадка населенности гдѣ-либо въ Европѣ въ теченіе настоящаго столѣтія.

Первымъ послѣдствіемъ голода была эмиграція въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: Ирландцы массами бросились переселяться въ Америку. Въ нѣкоторыхъ графствахъ выселилось громадное число жителей. Такъ въ графствѣ королевы (*Queen's county*) въ 1841 году было жителей 153.792, а въ 1861 году

цифра населенія понизилась до 90.650, и на такое уменьшеніе, по мнѣнію корреспондента *Times*, несомнѣнно имѣло вліяніе изгнаніе лэндлордами фермеровъ съ ихъ участковъ. По его же свидѣтельству, число жителей въ Митѣ уменьшилось на 82 процента, въ Кильдерѣ немного болѣе чѣмъ на одну треть, а въ Викло около половины. По этимъ даннымъ можно вообще судить о степени уменьшенія населенія Ирландіи съ того времени. Грустно подумать что улучшеніе въ положеніи страны было произведено такими прискорбными обстоятельствами какъ голодъ и выселеніе цѣлыхъ массъ изъ родины на чужбину, но это несомнѣнный фактъ. Эти событія, однако, хранятся въ памяти Ирландцевъ и ставятся ими на счетъ Англіи. Этимъ объясняется непримиримая враждебность къ Англіи тѣхъ Ирландцевъ которые нашли себѣ въ Соединенныхъ Штатахъ не только гостепріимный пріютъ, но и обезпеченное положеніе. Хотя они, достигая матеріальнаго благосостоянія, часто содѣйствовали пособіями для переселенія своихъ оставшихся въ Ирландіи родственниковъ, но память о покинутой родинѣ не покидаетъ ихъ, и эту родину они воображаютъ себѣ раемъ, который они принуждены были оставить по злобѣ Англіи. Они-то, гораздо болѣе страстно чѣмъ сами жители Ирландіи, мечтаютъ о невозможномъ освобожденіи этой страны и объ устройствѣ въ ней независимой реслубликн. Не подлежитъ также сомнѣнію что фенійскій заговоръ былъ порожденіемъ мечтаній американскихъ Ирландцевъ, и что они постоянно и всячески старались поддерживать агитацію въ Ирландіи. Такимъ образомъ, даже эмиграція, избавившая страну отъ бремени избытка населенія, стала новымъ поводомъ къ затаенной враждебности противъ Англіи.

Во всякомъ случаѣ, однако, съ того времени начинается значительное улучшеніе въ положеніи Ирландіи. Избытокъ населенія, отъ коего только увеличивались бѣдствія удручавшія Ирландію, былъ удаленъ навсегда, и вся система поземельной собственности была потрясена внезапнымъ ударомъ. Въ 1849 и 1850 годахъ былъ утвержденъ парламентомъ актъ о заложенныхъ помѣстьяхъ (*Encumbered Landed Estates Act*) значительно облегчившій ихъ продажу. Этимъ актомъ были ослаблены оковы въ коихъ дотолѣ держалась поземельная собственность: задолжавшіе кругомъ лэндлорды окончательно разорились, и имѣнія ихъ перешли въ другія руки, а классъ миддльменовъ почти совершенно исчезъ. Введенное на до-

вольно строгихъ, но вообще довольно справедливыхъ законахъ попечительство о бѣдныхъ (*Poor Law*) заботилось чтобы нищета вновь не привилась въ странѣ и благоразумно ускоряло эмиграцію земледѣльческихъ батраковъ. Уроки опыта и бѣдствій не были забыты и землевладѣльческимъ классомъ, и ирландское джентри настоящаго поколѣнія значительно отличается отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Вообще оно стало благоразумнѣе и бережливѣе. Многіе изъ нихъ показываютъ блестящіе примѣры въ исполненіи обязанностей связанныхъ съ владѣніемъ землей. Абсентизмъ высшаго сословія до нѣкоторой степени также сталъ уменьшаться. Государственное казначейство въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ссудами введенію улучшеній въ поземельной собственности, и законодательство многими принятыми мѣрами усиливалось упрочить и преобразовать арендованіе земли, и привлечь въ страну капиталы. Послѣ многолѣтнихъ усилій, коимъ много пособили событія голода, англійская система большихъ фермъ была до нѣкоторой степени введена въ Ирландіи, и дробленіе участковъ уменьшилось, хотя вообще система мелкихъ фермъ до сихъ поръ преобладаетъ и хотя, что въ высшей степени замѣчательно, прогрессъ въ послѣднее время былъ наиболѣе очевиденъ именно въ тѣхъ округахъ гдѣ нормальный ирландскій типъ земледѣлія наименѣе подвергался перемѣнамъ, и былъ слабѣе именно тамъ гдѣ слишкомъ поспѣшно дѣлались усилія ввести систему большихъ фермъ.

Вообще со времени великаго голода матеріальное состояніе Ирландіи улучшилось въ удивительной степени, и земледѣліе сдѣлало значительные и быстрые успѣхи, хотя оно и теперь далеко еще отстало отъ другихъ странъ гдѣ оно было усовершенствовано въ послѣднее время: сотни тысячъ акровъ въ Ирландіи еще требуютъ дренажа, цѣлые участки способные давать жатву остаются еще не огороженными и не воздѣланными, и вообще во многихъ мѣстахъ средства почвы развиты еще весьма несовершенно. Но тѣмъ не менѣе прогресса отрицать нельзя, и общей нищеты теперь не существуетъ. Даже въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами произошла въ общемъ значительная перемѣна къ лучшему въ короткій періодъ жизни одного поколѣнія. Общія изгнанія фермеровъ, бывшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизбѣжными результатами событій 1846 года, прекратились, и процессъ округленія фермъ, порождавшій много злобы и неудовольствій

также естественно сталъ приходить къ концу. Актъ о продажѣ заложенныхъ имѣній имѣлъ, правда, и свою дурную сторону, такъ какъ, при переходѣ имѣній въ другія руки, появилось множество новыхъ небольшихъ землевладѣльцевъ, часто жестокосердыхъ, которые, пріобрѣтя земли въ видахъ выгоднаго предпріятія, не хотѣли знать прежнихъ отношеній фермеровъ и обращались съ ними немилосердно, или требуя съ нихъ болѣе высокой ренты, или изгоняя ихъ и тѣмъ лишая всего положеннаго ими на улучшеніе земель. Но, говоря вообще, элементы на конхъ основана поземельная система въ Ирландіи теперь, повидимому, все-таки болѣе согласны чѣмъ были нѣкогда, и случаи несправедливостей со стороны лендлордовъ стали гораздо рѣже чѣмъ прежде, въ періодъ не слишкомъ еще отдаленный. Даже аграрныя преступленія случаются теперь много рѣже чѣмъ въ старину. Однимъ словомъ, многое изъ вопіющей неправды и зла прошедшаго исчезло или уменьшилось.

Въ то же время ирландскіе крестьяне сдѣлали значительные успѣхи въ образованіи. Они стали трудолюбивѣе и самоувѣреннѣе, и было бы ошибкой судить о нихъ безъ сравненія съ прежнимъ поколѣніемъ. Въ особенности замѣчательно улучшилось положеніе земледѣльческихъ работниковъ или батраковъ. Прежде они находились въ самомъ жалкомъ униженіи и едва имѣли возможность влачить свое существованіе, зарабатывая не болѣе четырехъ шиллинговъ въ недѣлю. Они жили въ тѣсныхъ, грязныхъ шалашахъ, по конмъ ихъ и прозывали коттерами. Слишкомъ часто коттеры и даже фермеры находились почти что въ крѣпостной зависимости отъ лендлорда и всю жизнь напрасно боролись съ безвыходною нуждой. Теперь заработная плата земледѣльческихъ работниковъ среднимъ числомъ почти что удвоилась и въ иныхъ мѣстахъ измѣняется отъ 6 до 9, а въ другихъ отъ 7 до 10 шиллинговъ въ недѣлю. Тамъ гдѣ они имѣютъ постоянную работу круглый годъ, ихъ матеріальное положеніе до такой степени улучшилось что оно бываетъ даже предметомъ зависти фермеровъ слишкомъ мелкихъ участковъ. Явнымъ признакомъ улучшившагося положенія массы народа можетъ служить уже одно то обстоятельство что въ 1841 году жилищъ перваго класса считалось въ Ирландіи только 304.264, а двадцать лѣтъ спустя ихъ было уже болѣе 416.000. Кромѣ того, хотя въ теченіе этого періода населеніе убавилось съ восьми мил-

ліоновъ до 5.790.000 душъ, но потребленіе почти всѣхъ предметовъ служащихъ роскошью для низшихъ классовъ увеличилось въ чрезвычайной степени. Есть и другія данныя указывающія на сильное возрастаніе благосостоянія Ирландіи. Вся поверхность ея, въ круглыхъ числахъ, исчисляется въ 21 милліонъ акровъ, и хотя пятая часть ея до сихъ поръ еще остается въ запустѣніи, но не менѣе двухъ милліоновъ акровъ были воздѣланы и огорожены съ 1841 года. Цѣнность скота въ Ирландіи въ 1841 году составляла нѣсколько болѣе 21 милліона фунтовъ стерлинговъ; въ 1861 году она возвысилась до 33.500.000 фунтовъ стерлинговъ, считая по прежнимъ цѣнамъ, а при разчетѣ на текущія цѣны превышала 45 милліоновъ. Общая цифра ренты въ Ирландіи въ 1841 году, вѣроятно, не превышала 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Теперь же она достаетъ 15 милліоновъ, и въ то же время лежитъ сравнительно гораздо менѣе тяжкимъ бременемъ на земледѣльческомъ населеніи чѣмъ прежде, и уплачивается обыкновенно также хорошо какъ въ Англіи и Шотландіи. Въ 1845 году коммиссія лорда Девона въ своемъ докладѣ могла сказать только что положеніе крупныхъ фермеровъ было довольно сносно, а положеніе мелкихъ фермеровъ было крайне бѣдственно. Теперь же, какъ полагаютъ, совокупныя сбереженія этихъ классовъ простираются до 20.000.000 фунтовъ стерлинговъ, и они вообще пользуются сравнительнымъ довольствомъ, исключая только самыхъ мелкихъ арендаторовъ. „Сотни небольшихъ фермеровъ, замѣчаетъ г. Кемпбеллъ, воспитываютъ плотныхъ и здоровыхъ дѣтей, платятъ ренту, не попадаютъ въ рабочіе дома для бѣдныхъ, и вообще живутъ какъ самые независимые люди.“ Параллельно съ возрастаніемъ благоденствія шло ослабленіе пауперизма, и число бѣдныхъ теперь на двѣ трети менѣе чѣмъ въ 1851 году, то-есть четыре года послѣ голода. Наконецъ и эмиграція стала быстро уменьшаться съ 1863 года, и теперь выселяется на 40.000 человѣкъ менѣе чѣмъ въ послѣднемъ упомянутомъ году.

Несмотря однако на столь значительный общій прогрессъ Ирландіи съ 1841 года, есть нѣкоторыя указанія что въ послѣднія нѣсколько лѣтъ прогрессивное движеніе націи было не велико, и этотъ фактъ былъ указанъ самимъ г. Гладстономъ въ его рѣчи при внесеніи поземельнаго билля. Всѣ внутренніе города страны, почти безъ исключенія, повидимо-

му, приходятъ въ упадокъ. Между тѣмъ какъ въ промежутокъ времени между 1849 и 1860 годами заработная плата во всей Ирландіи замѣтно возвысилась, въ иныхъ мѣстахъ на 30 процентовъ, въ другихъ на 50, а мѣстами даже на 100 процентовъ, въ послѣднія десять лѣтъ она вообще не измѣнялась. Далѣе замѣчательно что какъ ни велико было увеличеніе общаго богатства страны, но поверхность почвы, вообще посвященная земледѣлію, по словамъ корреспондента *Times*, въ промежутокъ между 1855 и 1868 годами, уменьшилась на 140.000 акровъ, а г. Гладстонъ указалъ въ своей рѣчи на другой процессъ имѣвшій весьма неблагопріятное вліяніе на развитіе благосостоянія рабочаго класса, именно на довольно быстро производимое превращеніе пахатныхъ земель въ луга. Такъ между 1860 и 1868 годами количество луговъ Ирландіи увеличилось на 560.000 акровъ, а пространство пахатной земли въ то же время уменьшилось на 400.000 акровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдніе годы замѣтно также небольшое усиленіе пауперизма. Къ 1860 году число бѣдныхъ получавшихъ пособія, которыхъ въ 1849 году можно было считать милліонами, упало до 170.000, но въ 1868 году цифра эта возрасла до 289.000. Вообще развитіе народнаго благосостоянія въ Ирландіи не шло параллельно съ таковымъ же развитіемъ въ Англіи и Шотландіи, и эта остановка въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ какъ будто указываетъ что благодѣтельная перемѣна, замѣченная начиная съ 1850 года, постепенно утрачивала свою силу. Понятно что еслибы положеніе страны было удовлетворительно, то не зачѣмъ было бы принимать законодательныя мѣры. Но извѣстно что неудовольствіе въ странѣ по прежнему сильно, и что важнѣйшая причина сего неудовольствія есть неудовлетворительность поземельныхъ отношеній. Чтобъ объяснить въ чемъ заключается это недовольство крестьянскаго класса своимъ положеніемъ, обнаруживающееся аграрными насиліями, необходимо ознакомиться съ подробностями дѣйствующей нынѣ системы поземельной собственности въ Ирландіи и обратить преимущественное вниманіе на особенности коими она отличается.

IV.

Въ одномъ отчетѣ представленномъ парламенту въ 1866 году значится что поверхность земли въ Ирландіи способной къ производству занимаетъ немного болѣе 20 милл. акровъ. За исключеніемъ усадебъ сельскихъ джентльменовъ и пустопорожнихъ земель, земля эта находится въ пользованіи около 609.000 лицъ, коихъ, такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ слова соотвѣтствующаго англійскому *occupier*, мы назовемъ общимъ именемъ владѣльцевъ. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на два большіе класса, которые, хотя они разсѣяны по всей странѣ, часто рядомъ другъ съ другомъ, слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно, ибо ихъ положеніе совершенно различно. Вопервыхъ, есть около 36.000 владѣльцевъ (причисляя сюда и собственниковъ лично занимающихся обработкой своихъ земель) коихъ лучше всего обозначать именемъ капиталистовъ фермеровъ и которые занимаютъ болѣе четвертой части земель. Они владѣютъ или имѣютъ въ своемъ пользованіи участки въ 50 фунтовъ стерлинговъ ежегодной стоимости и выше, и на каждый участокъ среднимъ числомъ приходится по 150 акровъ. Земли находящіяся въ пользованіи этого класса разсѣяны во всѣхъ графствахъ, но болѣе всего ихъ находится въ сосѣдствѣ Дублина, нѣкоторыхъ изъ цвѣтущихъ городовъ сѣвера и въ луговыхъ мѣстностяхъ Мита, Вестмита и Лимерика, такъ какъ эти округа болѣе всего благопріятны или для хозяйства большихъ фермъ, или для обширнаго травосѣянія. Положеніе этихъ фермеровъ мало чѣмъ отличается отъ положенія англійскихъ или шотландскихъ фермеровъ, и про нихъ вообще можно сказать что они владѣютъ землей на основаніи англійской системы пользованія. Въ ихъ арендахъ или всѣ вообще улучшенія почвы были произведены самими землевладѣльцами, или же качество почвы было таково что и не требовало никакихъ улучшеній. Многіе, а можетъ-быть и большинство фермеровъ этого класса, пользуются землей срочно, по опредѣленнымъ контрактамъ, и фермы ихъ вообще слишкомъ обширны чтобы могли стать предметомъ большой конкурренціи и вслѣдствіе того подпасть вліянію ирландскихъ обычаевъ. За исключеніемъ этихъ капиталистовъ-фермеровъ, составляющихъ менѣе одной шестой всѣхъ

владѣльцевъ, всѣ остальные, въ числѣ около 573.000, имѣющіе въ своемъ пользованіи около трехъ четвертей земель острова, принадлежатъ ко второму классу и могутъ-быть обозначены какъ фермеры-крестьяне. Ихъ положеніе совершенно несогласно съ англійскими понятіями о фермерствѣ. Весь этотъ классъ фермеровъ-крестьянъ, можно сказать, владѣетъ землей на основаніи ирландской системы временнаго пользованія, которая идетъ въ разрѣзъ съ закономъ основаннымъ на англійскихъ понятіяхъ и не признается послѣднимъ. Такъ какъ на сѣверѣ, въ Ульстерской провинціи, обычай установилъ особенныя условія поземельныхъ отношеній, получившія названіе ульстерскаго фермерскаго права, то объ этихъ условіяхъ мы сообщимъ отдѣльно послѣ, а теперь разсмотримъ положеніе крестьянъ-фермеровъ въ трехъ остальныхъ провинціяхъ: Ленстерѣ, Манстерѣ и Коннотѣ.

О положеніи земледѣльческихъ рабочихъ, не имѣющихъ земли въ своемъ пользованіи, здѣсь нѣтъ надобности пускаться въ подробности. Мы уже говорили что положеніе ихъ стало во многихъ отношеніяхъ несравненно лучше прежняго, хотя достовѣрно что и до сихъ поръ они не вездѣ пользуются довольствомъ; въ особенности тамъ гдѣ они не имѣютъ постоянной работы, имъ часто приходится бѣдствовать. Къ тому же эти земледѣльческіе рабочіе часто сыновья или родственники мелкихъ фермеровъ и числятся у нихъ въ батракахъ, такъ что многое что будетъ сказано о крестьянахъ-фермерахъ можетъ относиться и къ классу батраковъ. Прежде всего замѣтимъ что классъ фермеровъ-крестьянъ владѣетъ небольшими поземельными участками, тѣми мелкими фермами которыя составляютъ особенность поземельной системы Ирландіи. Такъ изъ всѣхъ занятыхъ ими поземельныхъ участковъ около 120.000 имѣютъ не болѣе пяти акровъ, и вообще около 300.000 фермеровъ имѣютъ участки отъ одного до пятнадцати акровъ. Далѣе, всѣ эти мелкіе фермеры владѣютъ арендами не по контрактамъ и не на болѣе или менѣе долгіе сроки, а на волѣ ландлорда (*tenants at will*) и потому постоянно могутъ опасаться отказа отъ аренды съ полученіемъ повѣстки, или предварительнаго извѣщенія о томъ за шестимѣсячный срокъ (*notice to quit*). Право отказа отъ аренды есть несомнѣнно право нераздѣльное съ земдевладѣніемъ, и оно не возбуждаетъ никакого неудовольствія или агитаціи въ Англіи, гдѣ

бо́льшая часть фермеровъ также снимаютъ аренды безъ срочныхъ контрактовъ. Нѣкоторые изъ защитниковъ настоящихъ поземельныхъ порядковъ въ Ирландіи не находящіе надобности въ спеціальномъ по сему предмету законодательствѣ, утверждали будто ирландскіе фермеры сами виноваты въ необезпеченности своего положенія, по той причинѣ что они не любятъ никакихъ письменныхъ условій и предпочитаютъ довѣряться на слово землевладѣльца. Но при этихъ возраженіяхъ обыкновенно опускается изъ виду слѣдующее обстоятельство, представляющее главную характеристическую особенность поземельной системы Ирландіи. Въ Англіи, гдѣ господствуетъ система большихъ фермъ, всѣ сельско-хозяйственныя улучшенія производятся самими землевладѣльцами. Въ Ирландіи же, совершенно напротивъ, улучшенія эти производятся фермерами, пріобрѣтающими такимъ образомъ нѣкоторыя права на свои аренды, и хотя встрѣчаются, какъ исключенія, такія помѣстья, какъ напримѣръ лорда Безборо, гдѣ и при сохраненіи мелкихъ арендъ, всѣ улучшенія дѣлаются самимъ землевладѣльцемъ, но вообще почти всѣ авторы писавшіе объ ирландскомъ поземельномъ вопросѣ признаютъ фактъ улучшенія земель фермерами. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ г. Кердъ: *

„Есть двѣ особенности въ обычныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцемъ и фермеромъ въ Ирландіи: вопервыхъ, въ Ирландіи было правиломъ предоставлять фермеру исполненіе на его счетъ всѣхъ постоянныхъ улучшеній на его фермѣ; вовторыхъ, масса фермеровъ снимаютъ участки безъ всякаго письменнаго контракта съ землевладѣльцемъ.“

То же самое свидѣтельствуетъ и г. Кемпбеллъ:

„Хотя справедливо что нѣкоторые современные ландлорды сдѣлали многое въ дѣлѣ улучшеній, но безспорно что вообще въ Ирландіи фермеръ, а не землевладѣлецъ, расчищалъ землю, строилъ себѣ усадьбу, ставилъ загороди и сдѣлалъ бо́льшую часть всего что̀ было сдѣлано.“

Въ этомъ не было бы еще большой бѣды, еслибы фермеры были за то обезпечены извѣстнымъ срокомъ пользованія своими арендами и еслибы за ними признано было право требовать возврата потраченныхъ ими денегъ на эти улучшенія. Изъ приведенной выписки г. Кемпбелла видно что подъ эти-

* *The Irish Land Question.* By James Caird. M. P. London. 1869.

ми улучшеніями, по большей части разумѣются не болѣе какъ расчистка земель и постройка сельско-хозяйственныхъ зданій; а вовсе не введеніе усовершенствованныхъ способовъ земледѣлія. На этотъ фактъ было обращено должное вниманіе еще коммиссіей лорда Девона, которая въ своемъ докладѣ замѣтила что обыкновенно въ Ирландіи подъ общимъ словомъ „улучшенія“ разумѣются жилые дома, хозяйственныя зданія и даже устройство загородей, то-есть такія необходимыя приспособленія къ фермѣ безъ которыхъ въ Англіи или Шотландіи ни одинъ фермеръ не взялъ бы ее въ аренду. Такимъ-то образомъ ирландскіе фермеры пріобрѣтали нѣкоторое нравственное право на владѣніе землей, сопряженное съ правомъ собственности землевладѣльца. Интересъ прикрѣпляетъ фермеровъ землѣ, а между тѣмъ они не имѣютъ никакого обезпеченія въ томъ что не могутъ лишиться своей собственности. Корреспондентъ *Times* приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ улучшеній. Такъ близъ Ненагжена одного фермера разказала ему что и домъ, стоившій около 150 фунт. стерл., и всѣ прилежащія службы были построены ея мужемъ изъ ея приданаго, хотя ея мужъ арендуетъ безъ срока, на произволъ владѣльца. На вопросъ почему ея мужъ рѣшился положить капиталъ въ чужую землю она отвѣчала, указавъ на развалившуюся хижину, что иначе имъ негдѣ было помѣститься. Срочная же аренда только тогда могла бы вознаградить потраченныя деньги, еслибъ она была дана не на 21 годъ, а на 50 или 60 лѣтъ. Поэтому ея мужъ и предпочитаетъ довѣриться слову ландлорда, довольствующагося рентой по справедливой оцѣнкѣ. Владѣлецъ этой фермы, г. Стаффордъ О'Брайнъ извѣстенъ какъ одинъ изъ популярнѣйшихъ ландлордовъ въ Типперери и пользуется вообще уваженіемъ народа, хотя обыкновенно не живетъ въ своемъ помѣстьѣ. Въ другой разъ, въ графствѣ Коркѣ, корреспондентъ, замѣтивъ хорошій домъ, спросилъ фермера какимъ образомъ онъ ему достался, и узналъ что домъ этотъ былъ построенъ не имъ, а его предмѣстникомъ, которому было отказано отъ аренды за неуплату годичной ренты около 28 ф. стерл. и который такимъ образомъ лишился дома стоившаго ему 100 фунт., не получивъ никакого вознагражденія. Въ письмахъ корреспондента *Times* упоминается много такихъ разительныхъ примѣровъ несправедливости.

Само собой разумѣется, и всѣми безпристрастными свидѣтельствами подтверждается, что вообще ландлорды, какъ классъ, не отличаются теперь наклонностью къ притѣсненіямъ. Вообще замѣчено даже что чѣмъ крупнѣе поземельная собственность тѣмъ лучше положеніе на ней фермеровъ, ибо богатые магнаты легче могутъ обходиться безъ возвышенія ренты и весьма часто не только сами производятъ многія улучшенія, но и заботятся о положеніи своихъ фермеровъ. Такъ, покойный графъ Дерби заявилъ въ палатѣ лордовъ что въ теченіе сорока пяти лѣтъ онъ не взялъ ни одного шиллинга со своихъ обширныхъ ирландскихъ помѣстій, постоянно употребляя получаемую имъ ренту на улучшеніе своихъ фермъ и положенія крестьянъ. Поступать такимъ образомъ могли, конечно, одни только такіе богачи какъ лордъ Дерби, обладающіе огромными богатствами не только въ Ирландіи, но и въ Англіи. Корреспондентъ *Times* свидѣтельствуетъ о хорошемъ положеніи фермеровъ на земляхъ, напримѣръ, герцога Девонширскаго или лорда Корка, пользующихся полнымъ довѣріемъ крестьянъ. Лордъ Дофферинъ, занимающій должность канцлера Ланкастерскаго герцогства въ настоящемъ министерствѣ г. Гладстона, самъ ирландскій землевладѣлецъ, еще въ 1867 году написалъ книгу * въ которой онъ защищалъ и оправдывалъ ирландскихъ ландлордовъ и настоящіе поземельные законы. Каковы бы ни были его взгляды, на его книгу часто ссылаются люди разныхъ партій и, слѣдовательно, въ правдивости его не можетъ быть сомнѣнія когда онъ говоритъ что онъ истратилъ болѣе 30.000 фунт. ст. на улучшенія своихъ земель и, кромѣ того, 10.000 ф. ст. на выкупъ улучшеній сдѣланныхъ фермерами. Г. Тренчъ, давая показанія коммиссіи маркиза Кланрикарда, сообщилъ много подробныхъ свѣдѣній о четырехъ различныхъ имѣніяхъ, находившихся подъ его управленіемъ, въ коихъ рента въ совокупной сложности давала 54.000 ф. ст. и изъ этой суммы ежегодно среднимъ числомъ тратилось болѣе 9.000 фунт. на улучшенія. Крупные землевладѣльцы вообще охотнѣе даютъ и долгосрочныя аренды. Но такихъ ландлордовъ все-таки меньшинство, а главное, фермеры все-таки принуждены довѣряться ихъ чести, не имѣя никакого законнаго обезпеченія своихъ

* *Irish. Emigration, and the Tenure of Land in Ireland.* By Lord Dufferin. London. 1867.

правъ. При такихъ условіяхъ продажа имѣнія или переходъ его въ другія руки по наслѣдству всегда можетъ грозить фермеру разореніемъ, какъ тому бывали неоднократно примѣры. Правительство, приготовляя ирландскій поземельный билль, собрало чрезъ инспекторовъ попечительства о бѣдныхъ (*Poor Law Inspectors*) много свѣдѣній, которыя теперь обнародованы и вообще сходятся съ показаніями корреспондента *Times*, свидѣтельствуя о необезпеченномъ положеніи фермеровъ. Въ докладахъ всѣхъ инспекторовъ говорится что въ послѣдніе годы вообще нѣтъ обыкновенія возвышать ренту вслѣдствіе улучшеній земель фермерами; но при переходѣ собственности въ другія руки рента возвышается безъ вниманія къ тому по какой причинѣ возвысилась цѣнность земли. Инспекторъ Гамильтонъ пишетъ:

„Около шестой части воздѣланной земли въ Ирландіи перемѣнила владѣльцевъ по рѣшеніямъ суда заложенныхъ помѣстій и суда поземельныхъ владѣній (*Encumbered Estates Court and Landed Estates Court*). Какая доля вырученной отъ продажи суммы по справедливости принадлежала фермерамъ никогда, вѣроятно, не будетъ узнано. Какова бы она ни была, продавшій владѣлецъ одинъ только воспользовался возвышенною цѣнностью; фактъ что покупатели уплачивали за улучшенія несомнѣнно приводилъ къ возвышенію ренты на такой собственности и, я полагаю, былъ причиной большаго неудовольствія господствующаго во многихъ мѣстахъ.“

Въ то же время г. Гамильтонъ говоритъ что онъ не видалъ случая чтобы фермеръ былъ несогласенъ платить справедливую ренту. Другой инспекторъ, О'Брайнъ, указываетъ что, кромѣ вышеприведенной причины, случаи возвышенія ренты бываютъ въ тѣхъ помѣстьяхъ гдѣ имѣется обыкновеніе періодической переоцѣнки оной, а также тамъ гдѣ улучшенія были сдѣланы подъ обезпеченіе лишь краткосрочной аренды. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ:

„Одинъ мировой судья, живущій въ Митскомъ графствѣ, знакомый на опытѣ съ практическимъ земледѣліемъ, сообщилъ мнѣ два поразительные примѣра извѣстные ему, которые я приведу его словами. Онъ говоритъ; „Я знаю одну ферму въ 300 акровъ сданную двумъ фермерамъ, около 150 ак. каждому, по 30 шиллинговъ за ирландскій акръ, на 21 годъ. Въ 18 лѣтъ А вылахалъ свой участокъ и возвратилъ себѣ цѣну своихъ улучшеній; Б, довѣряя чести ландлорда, не сдѣлалъ этого. По исте-

ченіи 21 года посланы были оцѣнщики, которые оцѣнили земли въ ихъ тогдашнемъ положеніи, и А взялъ снова аренду на 21 годъ по 25 шиллинговъ, а съ Б было положено 35 шиллинговъ". „Въ другомъ случаѣ А заплатилъ 70 фунтовъ за передачу ему фермы въ 20 акровъ по 27 шиллинговъ ренты, которой оставалось шесть лѣтъ аренды, съ согласія ландлорда обѣщавшаго возобновить аренду; ферма была въ плохомъ состояніи, и А истратилъ около 200 фунтовъ на улучшенія. По окончаніи шести лѣтъ, ландлордъ отказался дать срочную аренду, но возвысилъ ренту до 40 шиллинговъ".

Уже изъ этихъ примѣровъ не трудно убѣдиться въ несправедливости поземельныхъ законовъ въ Ирландіи, признающихъ, согласно со взглядами господствующими въ Англіи и Шотландіи, полное и неограниченное право собственности земледѣльца и не дающихъ фермерамъ никакого права на капиталъ и трудъ положенные ими въ землю. Невольно возникаетъ вопросъ какимъ образомъ ирландскіе фермеры, по большой части снимающіе мелкіе участки и слѣдовательно не богатые, могли такъ рисковать своею собственностью при отсутствіи договоровъ съ владѣльцами для ея обезпеченія. На это часто отвѣчали что Ирландцы вообще не любятъ письменныхъ контрактовъ, предпочитая довѣряться обычаямъ и слову ландлорда. На свободѣ договора въ особенности настаивали противники поземельной реформы въ Ирландіи, утверждая что посягательство на эту свободу законодательнымъ опредѣленіемъ поземельныхъ отношеній противорѣчитъ здравымъ экономическимъ принципамъ, и въ примѣръ указывали на Англію, гдѣ, при полной свободѣ контрактовъ, земледѣліе находится въ замѣчательно цвѣтущемъ положеніи. Но Ирландія, какъ было показано, находится совсѣмъ въ особенныхъ условіяхъ. Ирландцы довольствуются ненадежнымъ пользованіемъ своими арендами не изъ одной нелюбви къ письменнымъ контрактамъ, а потому что, какъ говорилъ инспекторъ Гамильтонъ, для нихъ нѣтъ другаго выбора. Корреспондентъ *Times* неоднократно завѣряетъ что во многихъ мѣстахъ фермеры охотно взяли бы долгосрочныя аренды на 31 годъ или на 60 лѣтъ, которыя обезпечили бы имъ возвратъ капитала потраченнаго на улучшенія, еслибы не опасались неизбѣжной при этомъ переоцѣнки земель и возвышенія ренты. Въ настоящее время, какъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ писатели лично посѣтившіе въ прошломъ году Ирландію, рента на

этомъ островѣ вообще не высока, хотя она и возвысилась со времени доклада коммиссіи лорда Девона. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, конечно, и теперь раздаются справедливыя жалобы на вынужденія ландлордами чрезмѣрной ренты (*rackrent*), но эти случаи вообще рѣдки. Г. Маклаганъ * находитъ что земля въ Ирландіи обложена слишкомъ низкою рентой. Г. Кердъ указываетъ что въ Ирландіи рента возвышалась гораздо медленнѣе чѣмъ въ Англіи и Шотландіи, а г. Самюэльсонъ ** замѣчаетъ что въ случаѣ общей безпристрастной переоцѣнки въ большинствѣ случаевъ рента была бы возвышена, мѣстами не менѣе чѣмъ на 30 процентовъ. Конечно, причиной низкой оцѣнки ренты, по всѣмъ вѣроятіямъ, было именно то обстоятельство что фермерамъ самимъ приходилось улучшать арендуемые участки, но потому-то они при настоящихъ законахъ, не дающихъ имъ никакихъ правъ, и опасаются переоцѣнки. Свобода контракта, въ томъ видѣ какъ она успѣшно дѣйствуетъ въ Англіи, невозможна еще въ Ирландіи, потому что здѣсь спросъ не соотвѣтствуетъ предложенію, и конкурренція на землю, при неразвитости всякой другой промышленности, все еще слишкомъ велика, даже послѣ чрезмѣрной эмиграціи во время голода и тотчасъ послѣ него, такъ что на каждый участокъ земли и теперь, приблизительно въ общей сложности, существуетъ не менѣе двухъ конкурентовъ. Между ландлордами, напротивъ, вообще болѣе преобладаетъ наклонность къ постепенному округленію фермъ, къ уничтоженію слишкомъ мелкихъ участковъ и сліянію ихъ въ болѣе крупные. Хотя дознано что въ Ирландіи мелкія фермы не препятствовали развитію благосостоянія страны, и даже авторы пристрастные къ англійской системѣ крупныхъ фермъ допускаютъ возможность мелкаго хозяйства въ Ирландіи, но вообще для землевладѣльцевъ крупныя фермы выгоднѣе: во-первыхъ, они привлекаютъ людей болѣе зажиточныхъ и надежныхъ, а вовторыхъ, избавляютъ отъ затрудненій и сокращаютъ расходы при сборѣ ренты.

Мы упоминали уже о двухъ обстоятельствахъ служащихъ

---

* *Land Culture and Land Tenure in Ireland.* By Peter Maclagan M. P. London. 1869.

** *Studies of Land and Tenantry in Ireland.* By B. Samuelson. M. P. London. 1869.

ломѣхой удовлетворительнымъ отношеніямъ между фермерами и ландлордами: о племенной и религіозной разрозненности обонхъ сословій и объ абсентизмѣ. Прибавимъ только что эта рознь до сихъ поръ оказываетъ вліяніе, и не такъ давно еще бывали случаи когда ландлорды предпочитали сдавать земли въ аренду протестантамъ и давали имъ болѣе выгодныя условія. Тамъ гдѣ нѣтъ племенной розни поземельныя отношенія гораздо лучше. Это справедливо не только для протестантскихъ колоній Ульстера, о конхъ мы сейчасъ будемъ говорить, но и для болѣе раннихъ норманскихъ и фламандскихъ колоній въ Векефордѣ, которыя сохранили католическую вѣру, но менѣе другихъ мѣстностей были смущаемы продолжительными междуусобными войнами. Точно также въ графствѣ Керри, гдѣ католическіе ландлорды сохранили значительную долю территоріальнаго вліянія, одного этого факта достаточно для ослабленія результатовъ несчастнаго общественнаго явленія разъединяющаго классы въ Ирландіи религіозною рознью. Фактъ этотъ ослабляетъ даже зависть католическаго крестьянина къ тому что онъ зоветъ „ландлордизмомъ", и въ Керри объ аграрныхъ преступленіяхъ почти не бываетъ слышно. Правда, въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ графствѣ королевы, католическіе ландлорды не менѣе нелюбимы чѣмъ протестанты, но это бываетъ оттого что тамъ католикъ землевладѣлецъ по большей части человѣкъ новый, купившій землю изъ коммерческихъ разчетовъ, на основаніи акта о заложенныхъ помѣстьяхъ, и потому бываетъ слишкомъ взыскателенъ, но это замѣчаніе не относится къ католическимъ джентльменамъ древняго происхожденія, которые почти всегда любимы народомъ.

Абсентизмъ въ свою очередь препятствовалъ установленію добрыхъ отношеній между поземельными классами въ Ирландіи. Въ такой странѣ какъ Ирландія зло это главнымъ образомъ вредно по нравственному вліянію отсутствія владѣльца, но кромѣ того абсентизмъ приноситъ нѣкоторый вредъ и въ экономическомъ отношеніи, отвлекая значительныя суммы отъ производительнаго помѣщенія ихъ въ странѣ на непроизводительную растрату ихъ внѣ оной.

V.

Въ провинціи Ульстеръ поземельныя отношенія находятся совершенно въ особыхъ условіяхъ. Въ ней еще въ царствованіе Іакова I были насаждены могущественныя протестантскія колоніи, получившія хартіи на земли поступившія за измѣну во владѣніе короны. Эти колоніи отличались ото всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ колоній въ другихъ мѣстахъ тѣмъ что въ нихъ соблюдалась система. Англійскіе и шотландскіе поселенцы были размѣщены какъ бы стратегически; имъ были отведены всѣ лучшія мѣста, и они должны были построить укрѣпленныя жилища въ тѣсной связи; въ то же время имъ было поставлено условіемъ чтобъ они привели съ собой достаточное число фермеровъ, которые притомъ не должны были быть безсрочными арендаторами, а должны были сдѣлаться зажиточнымъ сельскимъ населеніемъ связаннымъ со своими господами единствомъ племени и религіи. Завоеванные Ирландцы также не были совершенно оставлены безъ вниманія и доведены до безумнаго отчаянія. Но тогдашнему вѣку съ ними поступили милостиво, оставляя за ними обширные участки земли, гдѣ они жили однако въ положеніи приниженномъ, держась въ сторонѣ отъ своихъ чужеземныхъ сосѣдей. Правда, имъ было отказано въ свободномъ отправленіи требованій ихъ исповѣданія, хотя Бекопъ убѣдительно отстаивалъ ихъ дѣло, и вообще съ ними обращались какъ съ подчиненнымъ племенемъ, но во всякомъ случаѣ ихъ жребій былъ несравненно лучше участи Ирландцевъ на остальныхъ частяхъ острова. Нѣкоторыя колоніи переселенцевъ принадлежали не частнымъ лицамъ, а цѣлымъ корпораціямъ, а именно въ графствѣ Дерри почти вся земля была роздана различнымъ корпораціямъ города Лондона владѣющимъ ею и теперь, отчего и самая столица графства стала называться Лондондерри.

Результатами этого общаго поселенія было то что значительныя англійскія и шотландскія колоніи прочно укоренились на почвѣ Ульстера, образовали общины связанныя другъ

съ другомъ самыми тѣсными и прочными узами, пересилили вліяніе туземнаго населенія и постепенно устроили положеніе общества такимъ образомъ что оно рѣзко отличается отъ остальной Ирландіи сравнительнымъ спокойствіемъ и удобствомъ. Туземцы, конечно, неохотно мирились съ перемѣной своего положенія. Дважды, когда еще это насильственное поселеніе около нихъ чужеземцевъ было свѣжо въ памяти, въ 1641 и 1688 годахъ, возставали они противъ своихъ властителей, но оба раза были усмиряемы, и съ этого времени они не только воздерживались отъ возмущеній, но вообще жили болѣе мирно чѣмъ ихъ братья въ другихъ провинціяхъ острова. Колонисты же съ самаго начала, какъ владѣльцы, такъ и крестьяне, при счастіи и невзгодѣ крѣпко держались другъ друга. Имѣя одинаковые интересы, они жили между собой въ добромъ согласіи и поставили Ульстеръ во главѣ цивилизаціи въ Ирландіи. Замѣчательно далѣе и то что хотя потомки этихъ колонистовъ имѣютъ мало общаго съ туземнымъ племенемъ и обращаются съ нимъ какъ съ особою кастою, хотя религіозное разногласіе часто ведетъ къ насиліямъ и распрямъ, но тѣмъ не менѣе всѣ поземельныя отношенія отличаются въ этой провинціи замѣчательною прочностію, которою воспользовалось и католическое кельтское населеніе ея.

Поземельныя отношенія въ Ульстерской провинціи основаны на такъ-называемомъ обычномъ фермерскомъ правѣ *(tenant right)*, не признанномъ законодательствомъ, но издавна утвердившимся и имѣющемъ всю силу мѣстнаго неписаннаго закона. Какимъ образомъ возникло и утвердилось это обычное право сказать трудно, но оно несомнѣнно имѣетъ весьма давнее происхожденіе. Колонистъ-фермеръ, построивши домъ на дикой пустынѣ гдѣ онъ поселился, которую онъ огородилъ и воздѣлалъ, естественно считалъ что пріобрѣлъ собственность; колонистъ-лендлордъ, его братъ по оружію и другъ его въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній признавалъ справедливость такого убѣжденія; и оно постепенно распространилось по всей провинціи и породило фермерское право, получившее силу нерушимаго обычая. Согласно этому праву фермеръ, если пожелаетъ сдать землю лендлорду, или если послѣдній самъ откажетъ ему, имѣетъ право на полученіе денежной уплаты не только за улучшенія имъ сдѣланныя, но и за право пользованія *(good-will)* коего лишается. Плата эта обыкновенно

вносится новымъ фермеромъ замѣняющимъ прежняго. Каждая перемѣна арендующаго лица происходитъ съ вѣдома и согласія ландлорда. Фермеръ желающій сдать аренду проситъ позволенія продать свой интересъ въ ней, и получаетъ разрѣшеніе съ условіемъ одобренія новаго фермера ландлордомъ или его агентомъ. Рента назначается ландлордомъ обыкновенно по оцѣнкѣ въ такомъ размѣрѣ чтобы ею не поглощалась стоимость улучшеній сдѣланныхъ фермеромъ. Если фермеръ умираетъ, то ландлордъ или его агентъ рѣшаетъ кому изъ членовъ оставшагося семейства должна достаться ферма, и она не можетъ быть раздѣлена безъ согласія владѣльца. Обыкновенно ферму получаетъ кто-либо одинъ изъ семейства, съ обязательствомъ уплатить остальнымъ нѣкоторую сумму.

Примѣненіе на практикѣ фермерскаго обычнаго права крайне разнообразно. Прежде всего должно замѣтить что, кромѣ признанія за фермеромъ нѣкотораго права на пользованіе землей, всѣ остальныя права ландлорда остаются неприкосновенными, и какъ вездѣ онъ имѣетъ полное право отказывать фермерамъ за неплатежъ ренты или другія провинности. Обычное право не можетъ воздерживать ландлордовъ отъ изгнанія фермеровъ, потому что покупная сумма за право пользованія уплачивается не имъ, а новымъ фермеромъ. Точно также ульстерское право не мѣшаетъ возвышенію ренты, и въ такомъ случаѣ цѣна за передачу пользованія землей измѣняется въ обратномъ отношеніи къ цѣнѣ ренты. Во многихъ случаяхъ ландлорды старались ограничивать это обычное право фермеровъ на распоряженіе ихъ земельными участками, или выкупая сами стоимость права пользованія и освобождая такимъ образомъ свои помѣстья отъ всякихъ претензій со стороны крестьянъ, или опредѣляя наивысшую цѣну продажи права какую они согласны признавать, или, наконецъ, вовсе не признавая фермерскаго права иначе какъ если будетъ доказано что земля была улучшена во время владѣнія ею фермеромъ. Такія дѣйствія всегда возбуждали ропотъ и порождали жалобы что фермерское право стѣсняется и подкапывается всевозможными способами. Тѣмъ не менѣе оно существуетъ какъ фактъ, и едва ли какой ландлордъ рѣшился бы прямо его нарушить, или изгоняя фермера безъ всякой уплаты ему, или уничтожая сущность права неожиданнымъ требованіемъ болѣе высокой ренты съ желающаго перекупить участокъ у прежняго фермера. Подобные случаи, можетъ-быть, изрѣдка

и бывали, но они строго осуждаются общественнымъ мнѣніемъ, и если такія попытки были сдѣланы въ обширныхъ размѣрахъ, то, по мнѣнію корреспондента *Times*, онѣ были бы тотчасъ же остановлены неотразимымъ противодѣйствіемъ всѣхъ классовъ. Что касается до стоимости фермерскаго права въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то она такъ разнообразна что ее почти невозможно выразить въ средней сложности, такъ какъ она опредѣляется множествомъ побочныхъ обстоятельствъ. Иногда платятся громадныя суммы по 20, 30 и 40 фунт. стерл. за акръ. Полагаютъ вообще что покупная сумма рѣдко бываетъ менѣе трехгодичной сложности ренты и возвышается до шести и восьмилѣтней сложности ренты и даже выше.

Нѣчто подобное ульстерскому фермерскому праву существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ Ирландіи, гдѣ ландлорды допускаютъ продажу фермерами права пользованія ихъ арендами, а иные даже поощряютъ такую практику. И тамъ, гдѣ ферма разъ перешла въ руки арендатора чрезъ покупку, фермерское право обыкновенно уважается и впослѣдствіи. Но на югѣ эти обычаи не получили такой общей силы и не имѣютъ той опредѣленности какъ въ Ульстерѣ.

Фермерское право вызываетъ, однако, много возраженій, и ландлорды вообще тяготятся имъ. Лордъ Дофферинъ засвидѣтельствовалъ предъ коммиссіей г. Мегвайера что онъ до такой степени былъ убѣжденъ въ неудобствахъ и вредѣ этой системы что издержалъ большія суммы на выкупъ своей собственности отъ всякихъ ограниченій фермерскими правами. Главное возраженіе противъ практики ульстерскаго права обыкновенно основывается на экономическихъ принципахъ. Такъ возражаютъ что фермеръ, пріобрѣтая аренду и будучи долженъ уплатить значительную сумму своему предшественнику, лишается непроизводительно капитала который онъ могъ бы употребить на землю, часто входитъ въ неоплатные долги, вовлекается въ недоимки и разоряется, между тѣмъ какъ ландлордъ терпитъ ущербъ, не имѣя возможности улучшить свою землю. Но еслибы было такъ, то Ульстерская провинція должна бы быть въ худшемъ положеніи чѣмъ другія, а этого на дѣлѣ нѣтъ. Въ ней какъ и во всей Ирландіи преобладаютъ мелкія фермы, а между тѣмъ въ ней земледѣліе не только не хуже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а напротивъ, поземельныя отношенія сельскихъ классовъ отличаются большею прочностью и удовлетво-

рительностью. На дѣлѣ, слѣдовательно, ульстерскій обычай имѣетъ благопріятные экономическіе и соціальные результаты: фермерамъ онъ даетъ ту обезпеченность которая въ Ирландіи считается первымъ условіемъ успѣха земледѣлія и общественнаго благосостоянія и мира, а ландлордамъ обезпечиваетъ вѣрное полученіе ренты, такъ какъ недоимки всегда прежде всего вычитаются изъ покупной суммы.

Мы изложили причины неудовлетворительности поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Въ слѣдующихъ главахъ покажемъ какими признаками эта неудовлетворительность выражалась въ послѣднее время и какіе планы предлагались и предлагаются для ея устраненія.

Д.

(До слѣд. №).

КАНОНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ

Въ концѣ опубликованнаго въ послѣдніе дни минувшаго года извлеченія изъ всеподданнѣйшаго отчета г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1868 годъ, было сказано что въ настоящее время наступила очередь заняться рѣшеніемъ весьма важнаго и сложнаго церковнаго вопроса: объ устройствѣ духовнаго суда въ епархіяхъ и о пересмотрѣ устава духовныхъ консисторій. Вскорѣ послѣ того газеты извѣстили объ учрежденіи при св. синодѣ особаго комитета для преобразованія судебной части въ духовномъ вѣдомствѣ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ мнѣ кажется не безполезнымъ и вполнѣ современнымъ огласить составленныя мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ краткія замѣтки о церковномъ устройствѣ и управленіи, на основаніи древнихъ соборныхъ правилъ вселенской церкви.

Въ замѣткахъ моихъ нѣтъ ничего новаго, такъ какъ онѣ составляютъ лишь извлеченіе изъ древнихъ соборныхъ правилъ, подобранное въ послѣдовательномъ порядкѣ и строгой связи. Имѣю однако основаніе думать что воспроизведенное такимъ способомъ изображеніе церковнаго зданія — представитъ многимъ изъ читателей нѣчто новое и доселѣ имъ неизвѣстное, и основываю мою увѣренность на томъ что, вслѣдствіе разнаго рода причинъ, у насъ не существуетъ вполнѣ вѣрнаго понятія о правильномъ устройствѣ церковнаго управленія.

Для большей ясности раздѣляю настоящій обзоръ на нѣсколько отдѣльныхъ главъ, изъ коихъ каждая обнимаетъ опредѣленную часть всего предмета.

I. О подраздѣленіи церковнаго управленія.

Помѣстною церковью называется каждая отдѣльная часть христіанскаго общества находящаяся подъ управленіемъ своего епископа и составляющая самостоятельную единицу въ общемъ составѣ православной церкви. Эта самостоятельность происходитъ отъ того что каждый епископъ, по преемству отъ св. апостоловъ, получилъ полное уполномочіе на учрежденіе церковнаго общества, рукоположеніе для него пастырей и распоряженіе въ немъ дѣлами вѣры.

Такъ какъ обязанности епископа по отношенію къ церкви весьма многосложны и трудны, то вполнѣ успѣшное ихъ выполненіе возможно только при томъ условіи чтобы епископія состояла не изъ слишкомъ значительнаго числа приходовъ. На этомъ основаніи вошло въ обычай, съ первыхъ временъ христіанства, когда распространеніе новой вѣры требовало особенныхъ трудовъ, чтобъ епископіи учреждались необширныя, а число епископовъ было значительное.

Нѣсколько приходовъ въ селеніяхъ и малыхъ городахъ, принадлежавшихъ къ одному мѣстному составу гражданскаго управленія, соединялись также и въ одно церковное управленіе, называемое въ соборныхъ канонахъ: *παροικία* (городъ съ округомъ), подъ предстоятельствомъ своего епископа, имѣвшаго пребываніе въ главномъ городѣ, отъ имени котораго принимала свое названіе его каѳедра.

Нѣсколько παροικιй составляли въ совокупности *ἐπαρχίαν* или *μητρόπολιν*, подъ главнымъ управленіемъ старшаго епископа, носившаго наименованіе митрополита, но съ тѣмъ вмѣстѣ управлявшаго παροικίею его собственной каѳедры.

Нижеслѣдующія соборныя правила опредѣляютъ порядокъ управленія въ παροικіяхъ и ἐπαρχіяхъ, а также отношенія между епископами и начальствующимъ надъ ними митрополитомъ. *

---

* При выпискѣ соборныхъ правилъ, я нашелся вынужденнымъ дѣлать нѣкоторыя исправленія въ переводѣ ихъ на славяно-русскій языкъ, изданномъ по распоряженію святѣйшаго синода, потому что переводчики дозволили себѣ передавать невѣрно нѣкоторыя самыя существенныя выраженія греческаго подлинника, а изъ сего вышло что по ихъ переводу никакъ нельзя составить себѣ яснаго и пра-

„Епископамъ всякаго рода подобаетъ знати *перваго изъ нихъ*, и признавати его *яко главу*, и ничего *превышающаго ихъ власть* не творити безъ его разсужденія; творити же каждому что касается до его *парикіи* и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый да *ничего не творитъ безъ разсужденія* всѣхъ. Ибо такъ будетъ единомысліе“ (Апостольск. пр. 34).

Это правило, установленное на практикѣ самими св. апостолами и вошедшее въ изданный въ послѣдствіе времени древнѣйшій сборникъ церковныхъ постановленій, подъ названіемъ: *Правила св. апостолъ*, есть самый важный изъ всѣхъ каноновъ по части церковнаго благочинія. Оно положило краеугольное основаніе церковнаго управленія — основаніе *единоначалія* въ каждой помѣстной части церкви и *соборности* въ общемъ ея составѣ. По силѣ его, всѣ епископы должны управлять въ единомысленномъ согласіи, соборнѣ; но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ имѣетъ право, въ размѣрѣ данной ему власти, распоряжаться самостоятельно въ томъ удѣлѣ который ввѣренъ его личному управленію. Съ другой стороны, главное завѣдываніе общимъ порядкомъ дѣлъ и наблюденіе за исполненіемъ соборныхъ опредѣленій сосредоточивается въ *одномъ начальствующемъ лицѣ*.

Подробный смыслъ сего правила весьма отчетливо разъясненъ въ слѣдующемъ опредѣленіи Антіохійскаго собора.

„Въ каждой *епархіи* епископамъ должно вѣдати епископа въ *митрополіи* начальствующаго и имѣющаго попеченіе о своей *епархіи*, такъ какъ въ митрополію отовсюду стекаются всѣ кто имѣютъ дѣло. Посему разсуждено чтобы онъ и честью преимуществовалъ, и чтобы прочіе епископы ничего осо-

—

вильнаго понятія о каноническомъ устройствѣ церковнаго управленія. Такъ, напримѣръ, выраженіе *парикія* было ими совершенно отвергнуто и замѣнено названіемъ *епархія*, а отъ такого искаженія лишились всякаго смысла тѣ каноны въ коихъ говорится объ этихъ двухъ помѣстныхъ подраздѣленіяхъ церкви. Это отступленіе отъ греческаго подлинника было сдѣлано его переводчиками съ тою цѣлью чтобы приспособить каноны къ установившемуся у насъ въ Россіи церковному подраздѣленію, въ которомъ существуютъ только однѣ епархіи. Греческій текстъ, напечатанный рядомъ съ славянорусскимъ переводомъ, наглядно изобличаетъ произволъ переводчиковъ. Вообще переводъ сдѣланъ слишкомъ свободно, мѣстами невѣрно, да притомъ еще не всегда хорошимъ языкомъ.

бенно важнаго не дѣлали безъ него, по древле принятому отъ отцевъ нашихъ правилу, кромѣ того токмо что̀ относится до *паркіи* принадлежащія каждому изъ нихъ и до селеній состоящихъ въ ея предѣлахъ. Ибо каждый епископъ имѣетъ власть въ своей *паркіи*, и да управляетъ сію съ подобающимъ каждому благоговѣніемъ, и да имѣетъ попеченіе о всемъ округѣ подвѣдомомъ его граду, и да рукополагаетъ пресвитеровъ и діаконовъ, и да разбираетъ каждое дѣло съ разсужденіемъ. Далѣе же да не покушается что-либо творити безъ епископа *митрополіи*; а также и сей безъ согласія прочихъ епископовъ" (пр. 9). *

Это основаніе *единоначалія* одного лица въ каждой помѣстной части церкви подтверждается всѣми соборными правилами. Такъ въ епархіи или митрополіи избраніе каждаго паркіальнаго епископа должно совершаться по соглашенію всѣхъ епископовъ этой епархіи, но право утвержденія общаго выбора предоставлено митрополиту (I Всел., пр. 4); это избраніе совершается большинствомъ голосовъ; но безъ изъявленія на него согласія митрополитомъ выборъ будетъ недѣйствителенъ и поставленный такимъ образомъ „не долженъ быти епископомъ" (I Всел., пр. 6); когда жители паркіи желаютъ имѣть епископомъ извѣстное лицо, то должны просить о томъ митрополита (Карѳ., пр. 66); епископы созываются на соборы чрезъ посланія митрополита (Антіох., пр. 19); они собираются въ томъ мѣстѣ гдѣ назначитъ митрополитъ (IV Всел., пр. 19); за несозваніе установленнаго ежегоднаго собора въ епархіи подлежитъ канонической епитиміи митрополитъ; епископы не могутъ составлять собора безъ своего митрополита (Антіох., пр. 20).

Митрополитъ пользуется въ епархіи *исполнительною* властію; что̀ же касается до власти *законодательной*, то вопервыхъ, безъ согласія прочихъ епископовъ онъ не можетъ ничего постановлять; вовторыхъ, помѣстнымъ соборамъ предоставлено право составлять опредѣленія согласныя съ основными вселенскими законоположеніями; но дѣлать въ отмѣну

* Изъ содержанія этого правила вполнѣ уясняется: 1) что *паркія* состоитъ изъ одного главнаго города съ приписаннымъ къ нему округомъ; 2) что названія *епархія* и *митрополія* тождественны и что послѣднимъ изъ этихъ двухъ наименованій обозначался также и тотъ городъ гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе митрополитъ; 3) что каждая епархія должна быть составлена изъ нѣсколькихъ паркій

нимъ какія-либо новыя постановленія въ церкви—они не могутъ. Это заключеніе прямо вытекаетъ изъ того что вселенскіе соборы завѣщали всѣмъ церквамъ строгое сохраненіе постановленныхъ ими правилъ.

Для осуществленія на дѣлѣ соборности управленія и для доставленія паріакіальнымъ епископамъ возможности принимать участіе въ общемъ распоряженіи дѣлами митрополіи, установлено апостольскимъ правиломъ и подтверждено вселенскими опредѣленіями чтобы въ каждой епархіи всѣ епископы *собирались ежегодно на помѣстный соборъ:* „Дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія“ (Апост. пр. 37). „Къ симъ соборамъ да приступаютъ пресвитеры и діаконы, и всѣ почитающіе себя обиженными, и отъ собора да пріемлютъ судъ. Но никому да не будетъ позволено составляти соборы по себѣ, безъ тѣхъ епископовъ коимъ ввѣрены митрополіи“ (Антіох., пр. 20). Первый вселенскій соборъ подтвердилъ это *основное* законоположеніе церковнаго управленія (пр. 5), и православная церковь бдительно и постоянно слѣдила за неуклоннымъ его соблюденіемъ. Отцы IV вселенскаго собора изрекли: „Дошло до нашего слуха что въ епархіяхъ не бываетъ установленныхъ правилами соборовъ епископовъ, и *отъ сего* многія церковныя дѣла *требующія исправленія остаются въ небреженіи.* Посему опредѣлилъ святый соборъ, согласно съ правилами св. отецъ, чтобы въ каждой епархіи епископы дважды въ году собирался во едино, гдѣ назначитъ епископъ митрополіи, и *исправляли все что откроется.* А епископамъ которые не пріидутъ на соборъ, хотя находятся въ своихъ градахъ, и притомъ пребываютъ въ здравіи и свободны отъ всякаго необходимаго и неотложнаго занятія, братолюбно сказати слово прещенія“ (пр. 19). Это правило повторено отъ слова до слова отцами VI вселенскаго собора, но дополнено разрѣшеніемъ собираться епархіальнымъ соборамъ только *одинъ* разъ въ годъ: „Какъ по причинѣ набѣговъ варваровъ и по инымъ случайнымъ препятствіямъ, предстоятели церквей не имѣютъ возможности составляти соборы дважды въ году, то разсуждено: для возникающихъ церковныхъ дѣлъ, какъ и бываетъ въ каждой епархіи, всемѣрно быти собору вышеречennыхъ епископовъ единожды въ лѣто, между святымъ праздникомъ Пасхи и исходомъ мѣсяца октоврія“ (пр. 8). Особенно

важно и достойно вниманія опредѣленіе по этому предмету отцевъ VII вселенскаго собора. Въ немъ указано, съ одной стороны, что кругъ занятій епархіальныхъ соборовъ ограничивается разсмотрѣніемъ вопросовъ каноническаго и догматическаго содержанія, а изъ сего слѣдуетъ что епископамъ запрещено поднимать на соборахъ сужденія о дѣлахъ гражданскаго и политическаго порядка; но, съ другой стороны, въ огражденіе законныхъ правъ церкви, объяснено что *никакая міpская власть не въ правѣ препятствовать епископамъ собираться на предписанные имъ ежегодные въ епархіяхъ помѣстные соборы* для занятія дѣлами относящимися исключительно до вѣры: „Преподобные отцы шестаго собора.... опредѣлили, *безъ всякаго уклоненія и извиненія*, единожды въ лѣто быти собору и погрѣшительное исправляти; то и мы сіе правило возобновляемъ, и аще обрящется нѣкій начальникъ сіе возбраняющій, да будетъ онъ отлученъ. Аще же кто изъ митрополитовъ вознерадитъ быти сему, не по нуждѣ и насилію, и не по какому-либо благословному предлогу, таковой да подлежитъ епитиміямъ каноническимъ. Когда же будетъ соборъ о предметахъ каноническихъ и евангельскихъ, тогда собравшимся епископамъ надлежитъ думать и позаботиться о сохраненіи божественныхъ и животворящихъ заповѣдей Божіихъ" (пр. 6).

Итакъ, сами св. апостолы и за ними *всѣ* вселенскіе соборы утвердили *единогласно и неуклонно* что ежегодныя помѣстныя собранія епископовъ *безусловно необходимы и непремѣнно, безотговорочно должны происходить*, такъ какъ въ нихъ заключается *единственное средство* къ поддержанію церковнаго благочинія, исправленію упущеній и неизмѣнному сохраненію священныхъ преданій.

Управленіе *епархіальнаго* митрополита подчиняется высшей іерархической власти въ помѣстномъ распредѣленіи церковнаго управленія—власти *областнаго* митрополита. *Область (діѣкисисъ)* составляется изъ нѣсколькихъ *епархій*, подвѣдомыхъ начальствованію старшаго митрополита, принимающаго названіе *экзарха;* по этой причинѣ церковная область называется также *экзархатомъ*. Вліятельнѣйшіе въ древности пять экзарховъ получили почетное названіе *патріарховъ*. Каждый экзархъ управляетъ непосредственно паркіею занимаемой имъ каѳедры.

Это высшее областное управленіе старѣйшихъ архіеписко-

ловъ, какъ видно, учредилось издревле, такъ какъ отцы Iго вселенскаго собора (въ 325 году) выразились о немъ такъ: „Да хранятся *древніе обычаи* принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. Понеже и римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи и въ иныхъ *областяхъ* да сохраняются преимущества церквей" (пр. 6).

Отцы Iго вселенскаго собора подтвердили это правило: „*Областные* епископы да не простираютъ своея власти на запредѣльныя церкви и да не смѣшиваютъ церквей; но, по правиламъ, александрійскій епископъ да распоряжается церквами токмо египетскими; епископы анатолійскіе да управляютъ токмо въ Анатоліи, съ сохраненіемъ старшинства Антіохійской церкви, правилами Никейскими признаннаго; также епископы *области* Асійскія да распоряжаются токмо въ Асіи; епископы понтійскіе токмо въ Понтіи, ѳракійскіе токмо во Ѳракіи.... При сохраненіи же сего правила объ *областныхъ управленіяхъ, явно есть*, яко дѣла каждой епархіи благоучреждати будетъ соборъ тоя же *епархіи*, какъ опредѣлено въ Никеи" (пр. 2).

Эти послѣднія слова объ епархіальныхъ соборахъ чрезвычайно важны и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Изъ нихъ видно что, не взирая на учрежденіе высшихъ центровъ церковнаго управленія при областныхъ экзархахъ и патріархахъ, тѣмъ не менѣе *краеугольнымъ основаніемъ* къ сохраненію порядка въ распоряженіи дѣлами области остается все же *самостоятельное, нестѣсненное управленіе каждой* изъ ея епархій, *посредствомъ ежегоднаго созванія епархіальнаго собора на мѣстѣ, изъ всѣхъ мѣстныхъ епископовъ*, — а не гдѣ-нибудь на дальнихъ разстояніяхъ, изъ епископовъ чужихъ епархій и въ центрахъ обширныхъ высшихъ церковныхъ управленій, гдѣ дѣла не могутъ быть иначе разсматриваемы какъ заочно, на бумагѣ, не довольно обстоятельно и отчасти послѣпно, по причинѣ накопленія ихъ въ значительномъ количествѣ. Православное устройство церкви не допускаетъ ни такого поглощенія жизни и самостоятельности ломѣстныхъ частей ея, ни такого сосредоточенія власти въ явный ущербъ успѣшному ходу дѣлъ. Древнее учрежденіе экзархатныхъ управленій содѣйствовало къ скрѣпленію единства церкви, но не подавляло въ ней свободное развитіе жизни. Мысль о полной централизаціи власти въ церковномъ управленіи могла возник-

путь только въ головахъ слѣпыхъ властолюбцевъ или узкихъ бюрократовъ. Вотъ что говорятъ всему православному міру отцы IIIго вселенскаго собора, по поводу посягательства подобнаго рода: „Да не преступаются правила отецъ; да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія, и да не утратимъ по малу, непримѣтно, тоя свободы которую даровалъ намъ кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель всѣхъ человѣковъ. Итакъ святому и вселенскому собору угодно чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся. *Аще же кто предложитъ постановленіе противное тому что нынѣ опредѣлено, угодно всему святому и вселенскому собору, да будетъ оно недѣйствительно*“ (пр. 8).

Для созванія соборовъ въ экзархатѣ положены иныя правила. Имъ не положено собираться ежегодно и въ назначенное время, но только въ случаѣ принесенія жалобъ на неправильное рѣшеніе епархіальнаго собора или при появленіи важныхъ безпорядковъ въ церкви; въ этихъ обстоятельствахъ учреждается высшій судъ областнаго собора, подъ предсѣдательствомъ экзарха и по его приглашенію. Въ опредѣленіяхъ IIго вселенскаго собора сказано: „Святый соборъ повелѣваетъ: первоначально представити свои обвиненія епископамъ епархіи и предъ ними подтверждати доводами свои доносы на епископа подвергшагося отвѣту. Аще же сіи епископы епархіи не въ силахъ будутъ возстановити порядокъ, тогда приступаютъ къ бо́льшему собору епископовъ оной области, по ея причинѣ созываемыхъ“ (пр. 6). Вообще, по жалобамъ всякаго рода на епархіальнаго митрополита, судъ долженъ производиться предъ лицомъ экзарха, облеченнаго высшею властью въ порядкѣ церковной іерархіи: „Аще на митрополита имѣетъ неудовольствіе той епархіи епископъ или клирикъ, да обращается къ экзарху области и предъ нимъ да судится“. (IVго всел., пр. 9 и 17.)

Сами экзархи и патріархи были подсудны соборамъ, на которыхъ присутствовали всѣ митрополиты подчиненной имъ области и ближайшіе экзархи и патріархи; такъ было установлено церковною практикой примѣнительно къ общему духу каноническаго законодательства.

На основаніи того общаго коренаго апостольскаго правила что: „первый да ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ,“

экзархи и патріархи точно также не имѣли права чинить судъ и распоряжаться дѣлами области единоличною своею властью, но были обязаны приглашать къ участію нѣсколькихъ изъ ближайшихъ имъ подчиненныхъ епископовъ, а въ случаяхъ важныхъ даже созывать на соборъ всѣхъ митрополитовъ ихъ области. Мы находимъ тому свидѣтельство въ 6мъ правилѣ Шго вселенскаго собора—относительно судопроизводства, въ 28мъ пр. IV вселенскаго собора — относительно избранія и постановленія епископовъ, и въ слѣдующихъ словахъ каноническаго посланія Св. Кирилла Александрійскаго къ патріарху антіохійскому Домну, по поводу неправильнаго отрѣшенія отъ должности одного епископа: „Аще восхощетъ онъ судиться съ тѣми кои возлагали на него преступленія, то да судится *по принятому обычаю*, то-есть предъ твоимъ благочестіемъ, *въ присутствіи подчиненныхъ тебѣ благочестивѣйшихъ епископовъ*“ (пр. 1).

Таковы основанія помѣстнаго церковнаго устройства и управленія. Простота, правильная стройность, основательность и практичность общаго состава этихъ правилъ—очевидны.

Все церковное управленіе подраздѣляется на три постепенные іерархическіе удѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ инстанціи суда: *парикія*, *епархія* или *митрополія*, *экзархатъ* или *патріархатъ*. Въ младшемъ и по пространству меньшемъ удѣлѣ учреждено *личное* управленіе одного епископа; въ двухъ высшихъ установлено *соборное* управленіе и притомъ такимъ образомъ что основа къ поддержанію общаго порядка заключается не въ дѣйствіи высшей и отдаленной инстанціи, но въ распоряженіи средней инстанціи, то-есть въ управленіи митрополіи, при коемъ положено ежегодно собираться собору.

Смыслъ этого законодательства чрезвычайно разуменъ. Малообширныя *парикіи* учреждены именно съ тою цѣлью чтобы начальствующій въ каждой изъ нихъ епископъ имѣлъ полное удобство часто обозрѣвать свою немногочисленную паству, лично узнавать всѣ нужды ея, разсматривать всѣ дѣла ея, успѣшно слѣдить за духовнымъ ея состояніемъ; въ благоустройствѣ частей заключается основное условіе благоустройства цѣлаго зданія, слѣдовательно въ парикіяхъ всего необходимѣе личный и близкій надзоръ самого епископа—такъ оно и есть. Не менѣе разумно назначеніе ежегоднаго собранія епископовъ въ *епархіяхъ*, а не при управленіи *экзархата*. Во-первыхъ, епархія занимаетъ меньшее пространство чѣмъ эк-

зархатъ, состоящій изъ нѣсколькихъ епархій, слѣдовательно епископамъ и всѣмъ лицамъ имѣющимъ дѣло до церковнаго суда гораздо удобнѣе прибыть въ ближайшій епархіальный городъ, нежели пускаться въ дальній путь до областнаг управленія; вовторыхъ, по одной епархіи накопляется меньшее число дѣлъ, вслѣдствіе чего обсужденіе ихъ можетъ быть исполнено обстоятельнѣе и скорѣе, безъ напраснаго продержанія на долгое время всѣхъ съѣхавшихся лицъ.

Распоряженіе дѣлами въ церковномъ управленіи вполнѣ ограждено отъ всякаго произвола личной власти, ибо постановлено чтебы оно было соборное (коллегіальное), большинствомъ голосовъ и гласное; изъ церковной исторіи извѣстно что, начиная съ перваго собора въ Іерусалимѣ, при св. апостолахъ, міряне допускались присутствовать въ этихъ собраніяхъ и даже принимали участіе въ рѣшеніи нѣкотораго рода вопросовъ. Каждый епископъ въ своемъ удѣлѣ имѣетъ свободное отправленіе опредѣленной ему власти,—но злоупотреблять ею не можетъ противъ всякаго неправильнаго рѣшенія установлены ближайшія двѣ аппелляціонныя инстанціи высшаго суда. Распоряженіе парикіальныхъ епископовъ подвергается разсмотрѣнію епархіальнаго митрополита и потомъ областнаго экзарха. Дѣла начинающіяся предъ митрополитомъ разбираются экзархомъ и могутъ восходить на судъ собора нѣсколькихъ экзарховъ. Распоряженіе экзарха или патріарха подлежитъ сужденію другихъ экзарховъ и митрополитовъ, а въ случаяхъ особенной важности поступаетъ на окончательное рѣшеніе вселенскаго собора, или многочисленнаго собранія представителей отъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ народныхъ церквей.

Всѣ дѣла рѣшаются общимъ приговоромъ членовъ собора; но созываетъ епископовъ на соборъ, предсѣдательствуетъ между ними, объявляетъ и приводитъ въ исполненіе рѣшенія, осуществляетъ въ церкви единство дѣйствія—начальствующее лицо, облеченное для сего преимуществомъ чести и высшею властью. На всѣхъ ступеняхъ церковнаго управленія строго соблюдается это предсѣдательствованіе высшей власти: только соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита можетъ судить епископа; только соборъ подъ предсѣдательствомъ экзарха можетъ судить митрополита; только соборъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ старѣйшихъ экзарховъ судитъ экзарха. Это постепенное единоначаліе въ церковномъ управленіи узаконено такъ твердо что даже при богослуженіяхъ указано

пресвитеру возносить имя своего епископа, епископу — своего митрополита, а всѣмъ имъ вмѣстѣ имя ихъ экзарха или патріарха. (Соб. Двукр., пр. 14 и 15.)

Для прегражденія пути ябедѣ и проволочкамъ въ рѣшеніи дѣлъ на церковномъ судѣ, постановлено что *единое и согласное* рѣшеніе всѣхъ епископовъ на соборѣ должно пребывать твердымъ и не подлежитъ пересмотру высшаго собора (Антіох., пр. 14 и 15).

Для предотвращенія пристрастныхъ рѣшеній, разрѣшается подсудимымъ просить объ удаленіи отъ участія въ судѣ тѣхъ епископовъ которыхъ они подозрѣваютъ въ личномъ къ нимъ недоброжелательствѣ. Это истинно благодѣтельное право засвидѣтельствовано въ приведенномъ выше каноническомъ посланіи Св. Кирилла Александрійскаго къ антіохійскому патріарху Домну, относительно одного отрѣшеннаго епископа, о которомъ сказано: „да судится онъ, по принятому обычаю, предъ твоимъ благочестіемъ, въ присутствіи подчиненныхъ тебѣ епископовъ, *кромѣ тѣхъ которыхъ не пріиметъ, какъ имъ подозрѣваемыхъ.* Мы не полагаемъ чтобы кто-либо изъ благочестивѣйшихъ епископовъ имѣлъ враждебныя мысли противъ брата; но дабы сей предлогъ не послужилъ къ ослабленію силы имѣющаго быти суда, аки бы сей неправедно произведенъ былъ, то ни мало не будетъ оскорбительно аще нѣкоторые, по сомнѣнію въ ихъ безпристрастіи, не будутъ въ судебномъ собраніи“ (пр. 1).

Въ заключеніе остается сказать о томъ правилѣ которое относится до самаго распредѣленія церковныхъ управленій. Такъ какъ церковь, то-есть общество христіанъ, не есть учрежденіе которое имѣло бы свое внѣшнее существованіе, отдѣльное отъ государственнаго; такъ какъ каждый членъ церкви есть съ тѣмъ вмѣстѣ и членъ государства, и живетъ двоякою жизнію, духовною и гражданскою, въ совокупномъ подчиненіи законамъ церковнымъ и гражданскимъ; такъ какъ церковное управленіе не только ни въ чемъ не поперечитъ государственному управленію, но во многихъ случаяхъ непосредственно содѣйствуетъ ему своимъ нравственнымъ вліяніемъ; такъ какъ государственное управленіе бываетъ всегда подраздѣлено на помѣстные удѣлы (уѣзды, губерніи, округи), то по всѣмъ этимъ причинамъ постановлено чтобы распредѣленіе церковнаго управленія послѣдовало за подраздѣленіемъ гражданскаго управленія и зависѣло не отъ распоряженія церковной

власти, но отъ воли царя. Въ канонахъ сказано: „По каждой епархіи, въ селахъ или предградіяхъ, сущіе приходы должны неизмѣнно пребывати подъ властію завѣдывающихъ оными епископовъ.... Но аще царскою властью вновь устроенъ, или впредь устроенъ будетъ градъ: то распредѣленіе церковныхъ парикій да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку". (IV Всел., пр. 17.) „Гражданскимъ и земскимъ распредѣленіямъ да слѣдуетъ и распредѣленіе церковныхъ дѣлъ". (VI Всел., пр. 38.)

Такимъ образомъ, когда государь признаетъ нужнымъ сдѣлать измѣненіе въ центрахъ гражданскаго управленія и вознамѣрится образовать новыя митрополіи, тогда никто изъ епископовъ не имѣетъ права жаловаться что отъ него отходятъ нѣкоторыя части въ управленіе другаго архіерея; въ противномъ случаѣ это было бы нарушеніемъ порядка государственнаго, чего быть не должно, потому что церковь есть духовно-нравственная сила государства и опора къ поддержанію въ немъ законнаго порядка, но не орудіе безпорядковъ и ослабленія правительственной власти.

II. Кругъ дѣйствія епископской власти.

Кругъ самостоятельнаго дѣйствія каждаго епископа, въ чертѣ управляемаго имъ ломѣстнаго удѣла, опредѣленъ ясно и положительно въ церковныхъ канонахъ.

Эта часть церковнаго законодательства заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи что отъ правильнаго и нестѣсненнаго распоряженія епископовъ въ своихъ удѣлахъ зависитъ непосредственно поддержаніе общаго порядка въ цѣлой народной церкви. Всякое противоканоническое ограниченіе самостоятельнаго распоряженія епископовъ на мѣстахъ ихъ управленія, а также всякое не требуемое основательною нуждой сосредоточеніе власти въ отдаленныхъ, высшихъ центрахъ управленія наноситъ явный ущербъ общему ходу дѣлъ, усложняя ихъ производство, требуя больше времени и труда на переписку, возбуждая лишнія сношенія, а главное, отнимая возможность вести дѣло хорошо и практично, такъ какъ для того чтобы распоряжаться основательно и сообразно съ находящимися подъ руками средствами прежде всего надобно имѣть свободу распоряжаться.

1) *Паріхіальные епископы.*

Всѣ епископы имѣютъ въ управляемыхъ ими паріхіяхъ слѣдующій кругъ независимаго распоряженія:

Ввѣренная имъ власть составляетъ дѣйствительное и самостоятельное начальствованіе. Въ окружномъ посланіи III вселенскаго собора сказано что каждый епископъ въ управляемомъ имъ удѣлѣ „принимаетъ на себя *священноначальственное* попеченіе и ему *подобаетъ удерживать оное съ духовною кротостію*“. Этими словами какъ нельзя лучше характеризуется епископская власть, которая отнюдь не есть только внѣшняя и повелѣвающая, но преимущественно съ кротостію и любовію руководящая.

Епископъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, также о сиротахъ, вдовахъ и вообще призрѣваемыхъ церковію (IV Всел., пр. 3).

Подъ его вѣдѣніемъ находятся приходы, приходскіе и домовые храмы (IV Всел., пр. 17; VI Всел., пр. 25 и 31; Двукр., пр. 12) и монастыри (IV Всел., пр. 4; Двукр., пр. 1).

Онъ имѣетъ право разрѣшать построеніе храмовъ и монастырей, * но подъ условіемъ чтобы предпринимающіе эти благочестивыя дѣла имѣли всѣ нужныя средства къ ихъ довершенію (IV Всел., пр. 4; VII Всел., пр. 17; Двукр., пр. 1); онъ освящаетъ храмы (VII Всел., пр. 7).

Епископу вполнѣ подчинены всѣ клирики и монашествующіе (Апост. пр. 39; IV Всел., пр. 4 и 8; VI Всел., пр. 41; Двукр., пр. 4 и 6); онъ имѣетъ право давать имъ порученія въ другіе церковные удѣлы и грады, также переводить ихъ съ одного мѣста служенія на другое и назначать ихъ къ различнымъ церковнымъ должностямъ (Лаодик., пр. 42; IV Всел., пр. 3; Двукр., пр. 4); безъ его разрѣшенія никто изъ нихъ не долженъ переходить на другія мѣста или въ чужія епископіи (IV Всел., пр. 13; VI Всел., пр. 17).

Епископъ имѣетъ главный надзоръ за желающими поступить на служеніе церкви и въ монашеское отшельничество (Василія Вел. пр. 89; VI Всел., пр. 41; Двукр., пр. 2). Онъ рукополагаетъ клириковъ, ставитъ игуменовъ и настоятелей (Апост. пр. 2 и 35; Антіох., пр. 9; VI Всел., пр. 37; VII Всел., пр. 14).

* То были малыя и бѣдныя обители на нѣсколько человѣкъ, какія еще и теперь существуютъ на Востокѣ; но очевидно что это правило никогда не можетъ быть примѣнимо къ учрежденію нашихъ монастырей, многолюдныхъ, дорогихъ по сооруженію и содержанію, и собирающихъ значительное подаяніе по всему государству.

Епископъ разбираетъ и судитъ частные споры и жалобы между клириками и монашествующими (IV Всел., пр. 9).

Неповинующіеся ему клирики и монашествующіе, или строящіе противъ него ковы подвергаются лишенію своего сана (Апост. пр. 55; IV Всел., пр. 18; VI Всел., пр. 34). Но для предупрежденія произвольныхъ и несправедливыхъ приговоровъ со стороны епископа положено что лишеніе священнослужителей сана не должно производиться самимъ епископомъ, который можетъ только на время удалить виновнаго отъ исправленія должности; а самое изслѣдованіе этого рода дѣлъ поступаетъ на судъ ежегодно собираемаго въ епархіи собора (I Всел., пр. 5; Антіох., пр. 6), и считающій себя обиженнымъ имѣетъ право обращаться съ прошеніемъ о защитѣ къ митрополиту (Антіох., пр. 12; Сард., пр. 14; Карѳ., пр. 139).

За ошибочное рѣшеніе дѣла не должно быть нареканія епископамъ, „аще не могутъ быти обличены яко или по враждѣ, или по пристрастію осудили, или нѣкимъ угожденіемъ прельщены были“ (Карѳ., пр. 16); но если откроется что епископомъ руководила „нѣкая страсть“ или корысть, то онъ „долженъ подверженъ быти тому чему подвергалъ другаго“ (VII Всел., пр. 4). Строго запрещается епископамъ требовать какого бы то ни было приношенія или воздаянія отъ подчиненныхъ имъ клириковъ и монашествующихъ (тамъ же).

Епископамъ предоставлена власть оказывать всѣмъ нарушителямъ постановленій церкви, по испытаніи ихъ раскаянія, человѣколюбивое снисхожденіе и облегченіе взысканій, положенныхъ въ церковныхъ правилахъ (Аркирс., пр. 2, 5 и 7).

Распоряженіе принадлежащими епископіи церковными имуществами и доходами ввѣрено епископу; но въ этомъ отношеніи онъ не получилъ права единоличнаго и полновластнаго распоряженія. Церковные каноны по этому предмету заслуживаютъ особаго нашего вниманія, потому что у насъ ихъ понимаютъ невѣрно и толкуютъ пристрастно, а между тѣмъ этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ по общему закону вещей обезпеченіе благосостоянія церкви непосредственно зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ которыми она можетъ располагать.

Главное распоряженіе по употребленію церковныхъ доходовъ на содержаніе духовенства, на благотворительныя дѣла и всѣ

надобности церкви принадлежитъ епископу. Вотъ что сказано объ этомъ предметѣ въ 41мъ Апостольскомъ правилѣ: „Подобаетъ епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще „бо драгоцѣнныя человѣческія души ему ввѣрены быть должны, „то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно чтобъ онъ „всѣмъ распоряжалъ по своей власти и требующимъ чрезъ „пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божіимъ; „такожде (аще потребно) и самъ заимсвовалъ на необходи„мыя нужды свои и странноприимныхъ братій.“ Но епископу строго воспрещается присвоивать себѣ что-либо изъ принадлежащаго церкви, или передавать своимъ родственникамъ, или продавать церковное имущество подъ тѣмъ предлогомъ что оно не приноситъ дохода; за такіе поступки епископъ изгоняется изъ епископіи (Апост. пр. 38; VII Всел., пр. 12).

Для предупрежденія неправильнаго употребленія церковнаго имущества, распоряженіе епископа подвергнуто гласности, контролю и отвѣтственности: „*Да будетъ явно* принадлежащее церкви, и *открыто* окружающимъ епископа пресвитерамъ и діаконамъ, такъ чтобы они знали и не оставались въ невѣдѣніи о томъ что собственно принадлежитъ церкви, и *ничто* отъ нихъ не было сокрыто“ (Антіох., пр. 24). Если же епископъ „обращаетъ вещи на свои потребности, и доходы церкви, или плоды принадлежащихъ ей полей *не по согласію пресвитеровъ и діаконовъ употребляетъ*, и предоставляетъ надъ оными власть своимъ домашнимъ и родственникамъ, таковый да представитъ отчетъ собору тоя епархіи. И аще *инако донос будетъ на епископа и на состоящихъ при немъ пресвитеровъ* что они принадлежащее церкви обращаютъ въ свою пользу, съ причиненіемъ нареканія и безславія домостроительству церковному и правящимъ оное такимъ образомъ: то таковые да пріимутъ приличное исправленіе, по разсужденію святаго собора“ (Антіох., пр. 25).

Это постановленіе собора Антіохійскаго (въ 341 г.) составляетъ болѣе подробное и согласное съ церковною практикою разъясненіе приведеннаго выше первоначальнаго Апостольскаго 41 правила.

Основываясь на томъ что въ Апостольскомъ правилѣ употреблено выраженіе *по своей власти*, въ нашемъ духовенствѣ утвердилось мнѣніе будто бы епископы могутъ распоряжаться церковными имуществами вполнѣ независимо и безотчетно предъ церковью, то-есть обществомъ вѣрующихъ. Это совер-

шенно невѣрно. Всѣмъ извѣстно что во время св. апостоловъ новоучреждаемое общество вѣрующихъ было еще чрезвычайно малочисленно, бѣдно матеріальными средствами и не имѣло возможности собирать значительныя подаянія на удовлетвореніе церковнымъ нуждамъ; сверхъ того, въ продолженіи долгаго времени христіане подвергались всякаго рода гоненіямъ, и при этомъ условіи церковь не могла владѣть никакими видимыми богатствами и имѣніями, но должна была довольствоваться полученіемъ однихъ *денежныхъ* приношеній. Вотъ почему въ 41 Апостольскомъ правилѣ говорится исключительно только о *деньгахъ*, которыя первые христіане приносили въ руки св. апостоловъ и ближайшихъ ихъ преемниковъ для употребленія на нужды всей братіи; по той же самой причинѣ въ 38 Апостольскомъ правилѣ сказано только что епископъ имѣетъ попеченіе о церковныхъ *вещахъ*. Но когда въ началѣ IV вѣка христіанство сдѣлалось господствующею вѣрою и церковь получила въ государствѣ офиціальное положеніе, съ правомъ владѣть всякаго рода имуществами, то немедленно явилась потребность оградить правильное употребленіе этихъ богатствъ и постановить болѣе точныя правила по управленію церковными *имѣніями*. Самое содержаніе постановленія Антіохійскаго собора явно доказываетъ что въ то время (341 г.) нѣкоторые епископы и окружавшіе ихъ пресвитеры уже далеко не были подражателями св. апостоловъ и въ корыстныхъ видахъ начали злоупотреблять ввѣренною имъ властью: это и вынудило принятіе мѣръ къ ограниченію ихъ распоряженія церковнымъ достояніемъ, которое принадлежало не епископамъ, не духовенству, а *церкви*, то-есть *всему въ совокупности полнѣстному обществу христіанъ*. Вѣдь даже въ 41 пр. Апостольскомъ указано что церковныя деньги должны быть употребляемы не только на необходимыя нужды самаго епископа, но вообще всѣхъ требующихъ пособія и страннопріимныхъ братій; а въ 25 пр. Антіохійскаго собора еще опредѣлительнѣе объяснено что епископы и духовенство не должны обращать въ свою пользу *принадлежащее церкви* и что такого рода покушенія *причиняютъ нареканія и безславія домостроительству церковному и правящимъ оное*. Для воспрепятствованія злоупотребленіямъ этого рода, Антіохійскій соборъ постановилъ чтобы распоряженіе всѣми доходами церкви какъ денежными, такъ и получаемыми натурою съ принадлежащихъ ей полей (то-есть съ недви-

жимыхъ церковныхъ имуществъ), производилось *явно и открыто* лицамъ окружающимъ епископа, стало-быть, гласно и подъ контролемъ; затѣмъ, неправильное распоряженіе подвергнуто обжалованію на ежегодно собирающемся соборѣ, стало-быть, подчинено отвѣтственности; наконецъ, право принесенія жалобы собору предоставляется не только тѣмъ пресвитерамъ и діаконамъ которые окружаютъ епископа и должны вмѣстѣ съ нимъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ, но даже постороннимъ лицамъ,—„*аще инако будетъ донос*ъ“ на епископа и *на состоящихъ при немъ пресвитеровъ*, если они будутъ вмѣстѣ съ нимъ распоряжаться неправильно. Эти слова: *инако будетъ донос*ъ явно относятся къ тѣмъ жалобамъ которыя могли быть подаваемы ото всѣхъ прочихъ членовъ помѣстной церкви, не принимавшихъ участія въ распоряженіи ея церковными имуществами.

Дальнѣйшее соборное законоположеніе по этому предмету обнаруживаетъ что въ нѣкоторыхъ церквахъ продолжались злоупотребленія со стороны епископовъ и вслѣдствіе того было признано необходимымъ опредѣлять особыхъ экономовъ для управленія церковными имуществами; нужно полагать что это новое учрежденіе состоялось вскорѣ послѣ Антіохійскаго собора, потому что сто лѣтъ позднѣе, въ 451 году, отцы IV вселенскаго собора издали правило слѣдующаго содержанія: „Поелику въ нѣкоторыхъ церквахъ, яко же намъ сдѣлалось гласнымъ, епископы управляютъ церковнымъ имуществомъ безъ экономовъ, того ради разсуждено всякой церкви имѣющей епископа имѣти *изъ собственнаго клира* экономa, который бы управлялъ церковнымъ имуществомъ по распоряженію своего епископа, дабы домостроительство церкви *не безъ свидѣтелей было, дабы отъ сего не расточалося* ея имущество, и дабы не падало нареканія на священство“ (пр. 26). Отцы VII вселенскаго собора предписали экзархамъ и митрополитамъ назначать ихъ собственною властью экономовъ въ тѣ изъ подчиненныхъ имъ епископій гдѣ не исполняютъ сего правила (пр. 11). Самое назначеніе экономa должно производиться не иначе какъ по соглашенію епископа съ окружающимъ его духовенствомъ (Ѳеофила Алекс. пр. 10).

Замѣтимъ здѣсь пока вскользь что должность экономa, подобно многимъ другимъ должностямъ по управленію *внѣшними церковными дѣлами*, могла быть поручаема не однимъ только духовнымъ лицамъ, но и мірянамъ, *сопричисленнымъ*

къ епископскому клиру, на время ихъ нахожденія при церковныхъ дѣлахъ. Объ этомъ будетъ сказано въ подробности дальше въ главѣ: о составѣ епископскихъ управленій.

Епископъ не могъ продавать церковнаго имущества безъ самой крайней нужды, и не иначе какъ по совѣщаніи о томъ съ своимъ митрополитомъ и нѣсколькими другими епископами его епархіи; въ случаѣ чрезвычайной и безотлагательной надобности сдѣлать продажу, епископъ былъ обязанъ пригласить въ свидѣтели нѣсколько ближайшихъ епископовъ, а въ послѣдствіи представить о томъ объясненіе ежегодному помѣстному собору. (Карѳ., пр. 35 и 42.)

Имущества монастырей составляютъ *ихъ частную собственность и не входятъ въ общій составъ тѣхъ имуществъ* которыя въ канонахъ называются *церковными* и составляютъ собственность всей помѣстной церкви. Монастырскія имущества не состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи епископа, но только находятся подъ его надзоромъ; епископъ обязанъ имѣть у себя подробную опись монастырскимъ имуществамъ и наблюдать за правильнымъ ихъ употребленіемъ (Двукр., пр. 1), требуя назначенія монастырскихъ экономовъ для управленія ими (VII Всел., пр. 11).

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ правилъ, законно принадлежащая власть каждому епископу въ чертѣ ввѣренной его управленію паркіи, опредѣляется такъ:

Независимое и самостоятельное распоряженіе, *не обращаясь къ разрѣшенію никакой высшей іерархической власти*, по слѣдующимъ дѣйствіямъ: избраніе и рукоположеніе клириковъ съ повышеніемъ и перемѣщеніемъ ихъ; принятіе въ монашество; опредѣленіе должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ церковнаго управленія и назначеніе монастырскихъ начальствъ; удаленіе отъ должности провинившихся съ представленіемъ о нихъ доклада на судъ ежегоднаго епархіальнаго собора; смягченіе эпитимій раскаявающимся; выдача дозволенія строить храмы, когда на сооруженіе и содержаніе ихъ представлены достаточныя средства; всѣ распоряженія по пріятію иновѣрцевъ въ православіе и по дѣламъ брачнымъ, что вытекаетъ изъ общаго смысла многочисленныхъ каноновъ по этимъ предметамъ.

Ограниченное распоряженіе по употребленію церковныхъ доходовъ и управленію церковными имуществами, которое епископъ былъ обязанъ производить не иначе какъ по согла-

шенію съ окружавшими его пресвитерами, діаконами и экономомъ, то-есть съ членами епископскаго управленія; право продажи церковнаго имущества было отнято у епископа и онъ долженъ былъ просить на это разрѣшеніе собора. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не существовало никакой стѣснительной регламентаціи для самаго употребленія церковныхъ доходовъ, лишь бы они были обращены на необходимыя церковныя надобности.

Въ канонахъ не упомянуто особо о томъ чтобы содержимыя на мѣстныя церковныя средства училища состояли подъ завѣдываніемъ епископа; но это послѣднее заключеніе явно и положительно вытекаетъ изъ общей мысли и связи слѣдующихъ правилъ: епископъ имѣетъ прямую обязанность учить вѣрѣ свою паству (Апост. пр. 58; VI Всел., пр. 19); ему содѣйствуютъ пресвитеры, получающіе священство чтобы учить отроковъ и домочадцевъ Божественному писанію (VII Всел., пр. 10); епископъ обязанъ заботиться о приготовленіи священнослужителей (Василія Вел. пр. 89); онъ имѣетъ начальствованіе надъ всѣми вообще церковными учрежденіями въ своемъ удѣлѣ (IV Всел., пр. 3 и 8).

2. *Епархіальные митрополиты.*

По единоличному управленію своею собственною паріикіей митрополитъ пользуется общими правами паріикіальныхъ епископовъ.

Въ соборномъ управленіи епархіею митрополитъ имѣетъ предсѣдательство и преимущество чести, но „ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ епископовъ“ (Апост. пр. 34; Антіох. пр. 9, 16 и 20), которые соборнѣ рѣшаютъ всѣ дѣла епархіи большинствомъ голосовъ (I Всел., пр. 6).

Митрополиту ввѣрена вся начальственная исполнительная власть: назначеніе мѣста для ежегоднаго собора и собраніе его (Антіох., пр. 19 и 20; IV Всел., пр. 19; VI Всел., пр. 8; VII Всел., пр. 6); утвержденіе опредѣленій собора (I Всел., пр. 4 и 6); подписаніе и объявленіе кому слѣдуетъ соборныхъ рѣшеній отъ имени всѣхъ епископовъ (Карѳ., пр. 96); приносимыя собору жалобы и прошенія подаются на имя митрополита (Карѳ., пр. 66 и 139; IV Всел., пр. 17); на митрополита возложена обязанность заботиться о замѣщеніи въ трехмѣсячный срокъ открывающихся епископскихъ каѳедръ (IV Всел., пр. 25); онъ испытываетъ въ ученіи вѣры вновь избираемыхъ епископовъ предъ ихъ поставленіемъ (VII Всел., пр. 2); онъ надзираетъ за сохраненіемъ въ цѣлости церковна-

го имущества послѣ смерти епископа и за передачей его новому предстоятелю (VI Всел., пр. 35); митрополитъ имѣетъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ епископами всѣхъ церковныхъ постановленій и обязанность понуждать ихъ къ тому (VII Всел., пр. 11).

Когда митрополитъ разошлетъ епископамъ своей епархіи приглашеніе явиться на соборъ, то они обязаны всѣ прибыть, кромѣ тѣхъ которые будутъ задержаны уважительными причинами (IV Всел., пр. 19; VI Всел., пр. 8); не явившіеся епископы должны прислать митрополиту письменное объясненіе о причинѣ ихъ отсутствія (Карѳ., пр. 87); они могутъ, если считаютъ нужнымъ, прислать отъ себя на соборъ мѣстоблюстителей, „дабы составившееся собраніе могло имѣти совершенное полномочіе“ (Карѳ., пр. 27); постановленія собора посылаются отсутствовавшимъ епископамъ, которые обязаны имъ подчиниться (III Всел., пр. 1 и 2) и прислать митрополиту письменное изъявленіе своего согласія (I Всел., пр. 4; Антіох., пр. 19).

Соборное судопроизводство. Соборъ принимаетъ жалобы и доносы не всякаго рода и не отъ всѣхъ лицъ, но съ благоразумною разборчивостью и отъ людей вѣры достойныхъ. Второй вселенскій соборъ постановилъ что по жалобамъ частнаго содержанія не должно принимать въ разсужденіе лица и вѣры просителя, „подобаетъ бо всячески и совѣсти епископа „быти свободною, и объявляющему себя обиженнымъ обрѣсти „правосудіе, какія бы вѣры онъ ни былъ“. Но въ отношеніи обвиненій по церковнымъ проступкамъ, запрещается принимать жалобы отъ нижеслѣдующихъ лицъ: отъ еретиковъ отлученныхъ отъ церковнаго общенія; отъ самовластно вышедшихъ изъ-подъ власти епископа; отъ подвергнувшихся за проступки церковнымъ эпитиміямъ; исключенныхъ изъ клира; отъ гласно опороченныхъ (Карѳ., пр. 8); отъ всѣхъ кого гражданскіе законы не допускаютъ къ доносамъ (Карѳ., пр. 143). Всѣ обвинители должны подтверждать свои доносы ясными доказательствами (II Всел., пр. 6).

Къ свидѣтельству по обвиненіямъ не допускаются тѣ лица отъ которыхъ положено не принимать жалобъ, также домашніе обвинителя и не достигшіе 14ти-лѣтняго возраста (Карѳ., пр. 146)

При обвиненіи епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ по

церковнымъ дѣламъ, должно представить свидѣтелей (I Всел., пр. 2) и обвинители обязаны находиться налицо во время разсмотрѣнія соборомъ принесенной ими жалобы, чтобы по требованію собора предстать на судъ; въ противномъ случаѣ, если доноситель не представитъ уважительной причины своего отсутствія, то дѣло прекращается; обвиняемые же не явившіеся по вызову на судъ собора подвергаются послѣдствіямъ приговора (Карѳ., пр. 28 и 29). При обвиненіи епископа должно быть представлено не менѣе двухъ свидѣтелей (Апост. пр. 75).

Клирики удаленные отъ исправленія должности и міряне отлученные отъ церковнаго общенія по приговору своего епископа должны оставаться въ этомъ положеніи до разсмотрѣнія ихъ дѣла на соборѣ (Антіох., пр. 6; Сард., пр. 14; Карѳ., пр. 38).

Діаконъ судится тремя, а пресвитеръ не менѣе какъ пятью епископами (Карѳ., пр. 14). Епископъ судится всѣми епископами той епархіи къ которой онъ принадлежитъ (I Всел., пр. 5; II Всел. пр. 6; правило Констант. помѣст. соб.).

Относительно призванія епископовъ на судъ, постановлено въ Апостольскихъ правилахъ что епископъ „*необходимо самъ „долженъ быти призванъ епископами*, и аще предстанетъ и „признается, или обличенъ будетъ, да опредѣлится эпитимія;“ но если онъ не послушается перваго вызова, то приглашается вторично и въ третій разъ; „аще же, и сего не уважая, не предстанетъ, соборъ по благоусмотрѣнію своему да произнесетъ о немъ рѣшеніе, да не мнится выгоду имѣти, бѣгая отъ суда“ (пр. 74). Это постановленіе вполнѣ мудро и справедливо: оно утверждаетъ уваженіе къ сану епископа, котораго достоинство такъ высоко въ церкви что даже соборъ не смѣетъ *судить его заочно*, а тѣмъ менѣе подвергать его взысканію по какимъ-нибудь *тайнымъ доносамъ*; но съ тѣмъ вмѣстѣ лишаетъ епископа возможности безотвѣтственно злоупотреблять ввѣренною ему властью и уклоняться отъ суда.

По всѣмъ церковнымъ дѣламъ, проступкамъ и обвиненіямъ рѣшительно и подъ строжайшимъ взысканіемъ запрещается обращаться къ свѣтскимъ судилищамъ и къ распоряженію гражданской власти (II Всел., пр. 6; IV Всел., пр. 9; Карѳ., пр. 15).

Изъ приведенныхъ каноновъ видно что власть митрополита въ соборномъ управленіи епархіею состоитъ въ надзорѣ за точнымъ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ правилъ со сто-

роны подчиненныхъ ему епископовъ и въ самостоятельномъ отправленіи исполнительной власти; что же касается распоряженія общими дѣлами митрополіи и постановленія судебныхъ приговоровъ, то митрополитъ не можетъ ничего дѣлать безъ согласія подначальныхъ ему епископовъ, и пользуется на соборѣ равнымъ голосомъ съ ними.

3. *Областные экзархи.*

Экзархи соединяютъ въ рукахъ своихъ также двѣ власти: одну единоличную, по управленію своею собственною паркіею, и на общихъ правахъ, а другую соборную, по начальствованію въ экзархатѣ.

Какъ митрополиты имѣютъ въ епархіяхъ предсѣдательство, исполнительную власть и надзоръ за епископами, такъ точно экзархи имѣютъ тѣ же права и обязанности относительно имъ подчиненныхъ митрополитовъ (VII Всел., пр. 11), которымъ они утверждаютъ и ставятъ на должность (IV Всел. пр. 28) и судятъ (IV Всел., пр. 9 и 17).

По неправильнымъ рѣшеніямъ епархіальныхъ соборовъ дѣла переносятся на пересмотръ областнаго собора, созываемаго экзархомъ (II Всел., пр. 6); но при этомъ опредѣлено: 1) что единогласныя рѣшенія епархіальныхъ соборовъ не могутъ быть переносимы на судъ областнаго собора (Антіох., пр. 15); 2) что лица не получившія удовлетворенія на епархіальномъ соборѣ не иначе могутъ просить о пересмотрѣ ихъ жалобы въ областномъ соборѣ, „какъ письменно поставивъ себя подъ страхомъ одинаковаго наказанія съ обвиняемымъ, ащобы по производству дѣла оказался клевещущими на обвиняемаго епископа“ (II Всел., пр. 6).

Епископы, пресвитеры и діаконы осужденные епархіальнымъ соборомъ къ лишенію сана и просившіе о пересмотрѣ ихъ дѣла предъ экзархомъ, не должны осмѣливаться совершать какое-либо священнодѣйствіе до оправданія ихъ на областномъ соборѣ, подъ страхомъ потери права на возстановленіе въ священный чинъ (Антіох., пр. 4).

Всѣ митрополиты непремѣнно обязаны являться на областные соборы, или присылать мѣстоблюстителей отъ своихъ епархій (Карѳ., пр. 27).

Экзархъ имѣетъ право давать всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ разрѣшеніе на временную отлучку изъ ихъ епископій (Карѳ., пр. 32) и также возлагать на нихъ различныя порученія по церковнымъ дѣламъ (Двукр., пр. 16).

Кругъ дѣйствія всѣхъ епископовъ ограничивается слѣдующими общими правилами:

Епископы обязаны „неукоснительно быти при церковныхъ дѣлахъ“ и не принимать никакого участія въ дѣлахъ гражданскаго управленія, подъ страхомъ лишенія сана (Апост. пр. 81); они не должны принимать на себя попеченія о дѣлахъ мірскихъ и житейскихъ, не будучи къ тому призваны законною властью (IV Всел., пр. 3); ни ходатайствовать по дѣламъ этого рода предъ мірскими властями (Сард., пр. 7).

При своемъ посвященіи въ архіерейскій санъ, епископы произносятъ клятвенное обѣщаніе *хранить и соблюдать неизмѣнно вселенскія постановленія святыхъ соборовъ и отцевъ.*

III. Объ избраніи епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ.

Названіемъ *церковь* обозначается вся помѣстная церковная община, составленная нераздѣльно изъ всѣхъ ея членовъ, пастырей и пасомыхъ. Одни изъ нихъ безъ другихъ не составляютъ *церкви*.

Вокругъ пастырей церкви сосредоточивается духовная жизнь христіанской общины. Имъ, *по своему свободному убѣжденію и по собственной волѣ*, вручаютъ прочіе члены общины религіозное руководительство ихъ совѣстью.

Естественно что избраніе пастырей, въ особенности епископовъ, имѣетъ самое важное значеніе для всей церковной общины, а потому это избраніе и должно совершаться непремѣнно при участіи представителей отъ цѣлой общины и по общему соглашенію.

Вотъ почему начало избранія на всѣ церковныя должности въ церкви было положено въ основу и введено въ практику при самомъ утвержденіи церкви святыми апостолами. Это мы видимъ въ избраніи всѣми присутствовавшими 120 братіями новаго двѣнадцатаго апостола Матѳія на мѣсто Іуды-предателя (Дѣяніе I); въ избраніи самими братіями, въ присутствіи апостоловъ, первыхъ семи діаконовъ (Дѣян. VI, 2—6); въ принятомъ общемъ рѣшеніи братіями въ Антіохіи

отправить апостоловъ Павла и Варнаву, и съ ними еще нѣкоторыхъ другихъ уполномоченныхъ, съ порученіемъ по церковнымъ дѣламъ къ апостоламъ и пресвитерамъ находившимся въ Іерусалимѣ (Дѣян. XV, 1—2); въ томъ участіи которое принимали вѣрующіе разныхъ помѣстныхъ церквей въ назначеніи къ апостолу Павлу и его ученикамъ сотрудниковъ въ дѣлѣ благовѣствованія (2 Коринѳ. VIII, 16—23).

Въ древнихъ церковныхъ памятникахъ сохраняется свидѣтельство что установленный самими св. апостолами порядокъ относительно непосредственнаго участія вѣрующихъ въ дѣлѣ избранія своихъ духовныхъ пастырей соблюдался въ первобытной церкви неуклонно и повсемѣстно. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ.

Св. Климентъ, епископъ римскій и ученикъ апостола Павла, въ своемъ первомъ посланіи къ церкви Коринѳской, называетъ этотъ обычай преданіемъ апостольскимъ и говоритъ что дальнѣйшіе преемники апостоловъ „были поставляемы съ согласія всей церкви.

Св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, говоритъ карѳагенскому клиру и народу: „При поставленіи клириковъ, я имѣю обыкновеніе прежде совѣтоваться съ вами, возлюбленные братія, и по общему совѣщанію оцѣнивать нравственность и заслуги каждаго“ (посланіе 32). Въ другомъ посланіи онъ объясняетъ божественное установленіе этого обычая, также называетъ его преданіемъ апостольскимъ и говоритъ что поставленіе епископа не иначе должно быть совершаемо какъ въ присутствіи собраннаго народа, дабы всѣ могли свидѣтельствовать въ пользу качествъ избираемаго и „чтобы такимъ образомъ поставленіе было справедливо и законно, какъ основанное на общемъ приговорѣ и судѣ. Поэтому тщательно надобно соблюдать, по божественному преданію и апостольскому примѣру установленный обычай, который соблюдается также у насъ и почти во всѣхъ областяхъ, чтобы для поставленія въ церкви епископа собирались ближайшіе епископы той же области, и чтобы онъ былъ избираемъ въ присутствіи народа, которому вполнѣ извѣстна жизнь и дѣла избираемаго“.

Въ одномъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ церковныхъ постановленій и преданій, извѣстномъ подъ названіемъ: *Апостольскихъ постановленій*, изображается въ слѣдующемъ видѣ порядокъ избранія епископовъ: „Епископомъ долженъ быть

поставленъ тотъ кто безпороченъ и избранъ всѣмъ народомъ. Когда онъ будетъ названъ и одобренъ, то весь народъ, собравшись въ присутствіи епископовъ и пресвитеровъ, долженъ дать свое согласіе." Послѣ того старшій изъ присутствующихъ епископовъ долженъ трикратно вопрошать священнослужителей и народъ: „Тотъ ли этотъ кого они желаютъ имѣть предстоятелемъ, и всѣ ли свидѣтельствуютъ что онъ достоинъ сего великаго начальствованія?" (кн. VIII, 4).

Это право христіанскаго общества на принятіе участія въ избраніи своихъ епископовъ подтверждается многими свидѣтельствами древнихъ церковныхъ историковъ.

Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской, разказываетъ что избраніе Фабіона Римскаго совершилось провозглашеніемъ всего народа собравшагося во храмѣ (кн. VI, гл. 29); Александръ Іерусалимскій былъ возведенъ на этотъ престолъ по соглашенію братіи съ сосѣдними епископами (кн. VI, гл. 11).

Созоменъ пишетъ что епископъ Максимъ былъ удержанъ въ Іерусалимѣ и сдѣлался тамъ преемникомъ Макарія, по желанію и настоянію іерусалимскаго народа (кн. II, гл. 20). По поводу избранія Павлина Антіохійскаго, онъ дѣлаетъ замѣчаніе что оно совершилось не по единодушному согласію народа, какъ должно бы быть (кн. V, гл. 13). Св. Амвросій Медіоланскій, будучи гражданскимъ правителемъ этой области, былъ избранъ въ архіепископы совершенно внезапно, по единодушному провозглашенію и неотступнымъ просьбамъ собравшагося во храмѣ народа (кн. VI, гл. 24; то же засвидѣтельствовано Сократомъ, кн. VI, гл. 30, и Ѳеодоритомъ, кн. IV, гл. 6). Св. Іоаннъ Златоустъ былъ избранъ на престолъ Константинопольской патріархіи по соглашенію народа съ духовенствомъ и съ утвержденія императора (кн. VIII, гл. 2).

Не малое число такого рода примѣровъ можно бы указать и въ исторіи Русской церкви.

Эти порядки и обычаи, по избранію и рукоположенію церковныхъ пастырей, вошли въ содержаніе соборныхъ правилъ.

Поставленіе священнослужителей въ церкви состоитъ изъ двухъ совершенно между собою отдѣльныхъ и разнородныхъ дѣйствій: избранія совершаемаго всею церковною общиной и рукоположенія, составляющаго священное таинодѣйствіе, которое совершается одними епископами.

Въ правилахъ Ѳеофила Александрійскаго сказано: „О имѣющихъ рукоположитеся сей да будетъ уставъ: Весь соборъ

священнослужителей да согласится и да изберетъ, и тогда епископъ да испытаетъ избраннаго и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви, въ присутствіи народа и при возглашеніи епископа, аще можетъ и народъ свидѣтельствовати о немъ. Тайно же да не бываетъ рукоположеніе" (пр. 7). Въ 89 правилѣ Св. Василія Великаго говорится о полеченіяхъ которыя обязаны принимать пресвитеры и діаконы для испытанія и одобренія желающихъ поступить въ клиръ; но ничего не сказано о самомъ способѣ ихъ избранія.

Въ 13 правилѣ Лаодикійскаго собора постановлено: „Да не будетъ позволяемо *сборищу черни* избирати имѣющихъ ставится во священство."

Принятіе этой мѣры предосторожности противъ безпорядковъ и злоупотребленій со стороны своевольно собиравшихся сборищъ черни нисколько не устраняетъ, а напротивъ того подтверждаетъ законное участіе народа при выборахъ производящихся правильнымъ образомъ, въ присутствіи и подъ руководствомъ духовенства.

Въ 16 правилѣ Антіохійскаго собора мы читаемъ что если какой-нибудь епископъ займетъ вакантный престолъ безъ полученія установленнаго для сего согласія отъ митрополита и другихъ епископовъ этой митрополіи, то „хотя бы его избиралъ весь народъ", онъ долженъ быть извергенъ. Это опредѣленіе составляетъ несомнѣнное свидѣтельство въ пользу принадлежащаго народу права, но съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ что народное избраніе остается недѣйствительнымъ если оно не получитъ утвержденія отъ собора мѣстныхъ епископовъ.

Въ 61 правилѣ Карѳагенскаго собора положено что избраніе епископа должно совершаться „при народѣ къ которому избираемый имѣетъ быти поставленъ.... и когда явится чистымъ предъ лицомъ народа, тогда уже да рукоположится."

Въ 6 правилѣ Сардикійскаго собора опредѣляется что когда „множество людей будутъ просити да поставится требуемый ими епископъ.... то подобаетъ удовлетворити желанію народа".

Въ 66 правилѣ Карѳагенскаго собора объясняется что каждая помѣстная церковь имѣетъ право просить своего митрополита о поставленіи для нея епископа изъ числа пресвитеровъ принадлежащихъ даже къ чужимъ парикіямъ и епархі-

ямъ, если это лицо извѣстно просителямъ своими достоинствами; точно также разрѣшается удовлетворять просьбамъ народа относительно поставленія пресвитеровъ и діаконовъ.

Такъ какъ иногда могутъ встрѣтиться разнаго рода уважительныя обстоятельства и причины по которымъ представится необходимость поставить епископа безъ предварительнаго спроса согласія мѣстнаго духовенства и народа, то на этотъ случай находится слѣдующее постановленіе въ 36 прав. Апостольскомъ: если отправленный къ мѣсту назначенія епископъ не будетъ принятъ тамошнею паствой, не по своей винѣ, а по злобѣ народа, то онъ долженъ оставаться епископомъ, но члены клира того мѣста должны быть лишены церковнаго общенія за то что не учили невѣжественнаго народа и допустили его до такого своеволія.

Наконецъ мы имѣемъ полное удостовѣреніе въ правѣ народа выражать свое желаніе при назначеніи для него епископовъ,—въ окружномъ посланіи перваго вселенскаго собора къ церквамъ александрійскимъ, египетскимъ и ливійскимъ, помѣщенномъ въ церковныхъ исторіяхъ Сократа (кн. I, гл. 9) и Ѳеодорита (кн. I, гл. 9). Св. отцы разрѣшаютъ замѣщеніе открывающихся епископскихъ каѳедръ такими лицами которыя будутъ признаны достойными этого высокаго сана и избраны народомъ, съ утвержденіемъ выбора властью главноначальствующаго епископа александрійскаго.

Живой отголосокъ этого церковнаго преданія сохранился до сего дня и у насъ, — въ обрядѣ посвященія священнослужителей: діаконы, приводящіе новопоставляемаго къ вратамъ царскимъ, возглашаютъ: „*повели, повелите, повели, преосвященнѣйшій владыко!*“ Второе *повелите* относится къ присутствующимъ прихожанамъ, безъ согласія коихъ епископы не должны были рукополагать приходскихъ служителей алтаря. А при нареченіи нашихъ епископовъ въ залѣ присутствія святѣйшаго синода, открытъ входъ туда всѣмъ желающимъ мірянамъ.

Окончательное избраніе паркіальнаго епископа, изъ числа указанныхъ нѣсколькихъ кандидатовъ, должно совершаться по общему соглашенію всѣхъ епископовъ епархіи и утверждаться митрополитомъ. „Епископа поставляти наиболѣе приличнo всѣмъ той епархіи епископамъ. Аще же сіе неудобно, или по надлежащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутству-

ющіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ, и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой епархіи подобаетъ ея митрополиту“ (I Всел., пр. 4). „Вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ будетъ епископомъ, о такомъ великій соборъ опредѣлилъ что онъ не долженъ быти епископомъ. Аще же общее всѣхъ избраніе будетъ благословно и согласно съ правиломъ церковнымъ, но два или три, по собственному любопренію, будутъ прекословити: да превозмогаетъ мнѣніе бо́льшаго числа избирающихъ“ (I Всел., пр. 6 и VII Всел., пр. 3).

Повсемѣстно сохраняемое постановленіе чтобы рукоположеніе епископа совершалось не менѣе какъ тремя епископами было основано на 1мъ Апостольскомъ правилѣ, въ которомъ сказано: „епископа да поставляютъ два или три епископа.“

Избраніе епархіальнаго митрополита производится всѣми паріікіальными епископами этой епархіи и утверждается областнымъ экзархомъ или патріархомъ; отсутствующіе епископы присылаютъ свои избирательныя грамоты къ экзарху.

Избраніе экзарховъ и патріарховъ совершается на соборѣ всѣхъ митрополитовъ, которые обязаны явиться лично или прислать своихъ мѣстоблюстителей. Объясненіе этихъ обычаевъ читается въ 28 прав. IV Вселенскаго собора, гдѣ сказано: „Митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Ѳракійскія да поставляются отъ святѣйшаго престола Константинопольской церкви; сирѣчь, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ епархіальными епископами, должны поставити епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ рѣчено, константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненію согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго.“

Въ дополненіе къ приведеннымъ здѣсь соборнымъ постановленіямъ нужно еще присовокупить слѣдующее объясненіе. Когда, съ принятіемъ императорами христіанской вѣры, кругъ церковной дѣятельности получилъ значительное расширеніе и царскою властью были дарованы многія права епископскимъ управленіямъ, то въ церковной практикѣ утвердился обычай чтобъ избраніе предстоятелей на важнѣйшія каѳедры, какъ то митрополитовъ, экзарховъ и патріарховъ, поступало на соизволеніе и утвержденіе главы государства. Иногда предста-

вляли царю списокъ нѣсколькихъ кандидатовъ, предварительно избранныхъ церковью, и между ними онъ избиралъ кого ему угодно. *

Этотъ обычай совершенно основателенъ, ибо для сохраненія полнаго согласія въ постоянныхъ и многосторонних отношеніяхъ между властью церковною и властью государственною, необходимо чтобы главные правители всѣхъ церковныхъ удѣловъ пользовались довѣріемъ и расположеніемъ главы государства, который есть законный охранитель внѣшняго церковнаго порядка и благосостоянія. Такой обычай не нарушаетъ свободное дѣйствіе выборнаго начала въ церкви, потому что голосъ помѣстной церковной общины выражается при первоначальномъ указаніи кандидатовъ на открывшуюся каѳедру, затѣмъ избраніе совершается соборомъ епископовъ и, наконецъ, сдѣланный ими выборъ поступаетъ на окончательное утвержденіе главы народа. Такимъ образомъ порядокъ избранія достигаетъ совершенной полноты: въ немъ послѣдовательно принимаютъ участіе народъ съ духовенствомъ, высшая церковная іерархія и главы государства.

Разсмотрѣвъ правила избранія клириковъ и епископовъ, необходимо упомянуть и о тѣхъ каноническихъ постановленіяхъ которыми обусловливается право на это избраніе.

Въ Св. Писаніи сказано что призваніе къ служенію алтарю Божіему есть *жребій, который указываетъ Господь, Сердцевѣдецъ всѣхъ* (Дѣян. I, 24), и на этомъ основаніи, святое право священнослуженія въ церкви принадлежитъ равно всѣмъ ея членамъ.

Но это право обусловливается строгимъ и довольно продолжительнымъ испытаніемъ въ вѣрѣ, твердости призванія, и благочестіи и чистотѣ жизни; *никакія научныя богословскія познанія*, никакія достоинства не должны быть принимаемы въ уваженіе къ возведенію въ священный санъ, если образъ жизни избираемаго не даетъ ему на то права (Сардик., пр. 10; Двукр., пр. 17; Лаодик., пр. 12). „Во епископа, или въ какую бы то ни было степень клира поставляемыхъ.... не по испытанію и избранію за образъ жизни, повелѣваемъ извергати, такожде и тѣхъ коими они поставлены“ (VI Всел., пр. 22). Седьмой вселенскій соборъ присовокупилъ чтобъ избранные на епи-

* *Созоменъ*, Церк. ист. кн. VII, гл. 8, *Сократъ*, Церк. ист. кн. IV гл. 30; VI, гл. 2, *Евсевій*, Жизнь Константина, кн. III, гл. 61.

скопскую степень были подвергаемы испытанію въ знаніи Священнаго Писанія и въ ихъ усердіи къ исполненію пастырскихъ обязанностей (пр. 2). Отцы VI вселенскаго собора подтвердили древнее законоположеніе относительно возраста поставляемыхъ священнослужителей: „Правило св. отцевъ нашихъ да соблюдается и въ семъ: дабы во пресвитера прежде тридесяти лѣтъ не рукополагати, *аще бы человѣкъ и весьма достоинъ былъ*, но отлагати до установленныхъ лѣтъ; ибо Господь Іисусъ Христосъ въ тридесятое лѣто крестился и началъ учити. Подобно и діаконъ прежде двадесяти-пяти лѣтъ да не поставляется“ (пр. 14). „Иподіаконъ да поставляется не прежде двадесяти лѣтъ возраста. Аще же кто, *въ какую бы то ни было священную степень, постановленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ: да будетъ изверженъ*“ (пр. 15).

Нельзя не оцѣнить мудрости этихъ постановленій, рѣшительно воспрещающихъ ставить молодыхъ людей на должность духовно-нравственныхъ руководителей и наставниковъ христіанскаго общества, хотя бы они и *весьма достойны были*, такъ какъ они справедливо признаются не довольно еще зрѣлыми, опытными и недостаточно испытанными для исполненія высокихъ и трудныхъ пастырскихъ обязанностей. Впрочемъ, на основаніи наставленій апостола Павла Тимоѳею (I къ Тимоѳ. IV, 12), церковь можетъ, въ особенныхъ обстоятельствахъ, дѣлать исключенія въ пользу лицъ вполнѣ достойныхъ и испытанныхъ, не взирая на ихъ юный возрастъ.

Кромѣ того, запрещается возводить въ священный санъ: лицъ вступившихъ во второй бракъ (Апост. пр. 17), женатыхъ на вдовѣ, на разведенной съ первымъ мужемъ и на женщинѣ развратнаго поведенія (Апост. пр. 18).

Пресвитерамъ и діаконамъ предоставлено на ихъ собственный выборъ вступать въ бракъ до ихъ рукоположенія, или же оставаться навсегда безбрачными; но послѣ совершенія надъ ними таинства рукоположенія, они уже не имѣютъ права вступать въ бракъ (Апост.; пр. 16 и 26; Никес., пр. 1; VI Всел., пр. 6).

Въ первенствующей церкви дозволялось быть брачнымъ епископамъ. Но впослѣдствіи, по собственному желанію многихъ епископовъ, шестой вселенскій соборъ (въ 680 году) постановилъ чтобы на будущее время посвященіе женатыхъ священниковъ въ епископскій санъ было обусловлено разлученіемъ ихъ съ женами и поступленіемъ этихъ послѣднихъ въ монастырь (пр. 48).

Никакихъ другихъ особенныхъ условій и обътовъ не требуется отъ женатаго священника для его возведенія въ епископскій санъ; а отъ безбрачнаго священника ровно *ничего не требуется*. Это потому что епископство составляетъ третью и высшую степень неразрывно связанныхъ между собою трехъ степеней священства: діаконства, пресвитерства и епископства. Послѣдовательный переходъ отъ низшей степени къ высшей обусловливается единственно испытаніемъ образа жизни, усердія и способностей возводимаго въ высшій санъ.

IV. О составѣ епископскаго управленія.

Въ церкви существуютъ дѣла и должности двоякаго рода, соотвѣтственно двоякой жизни церкви, духовной и внѣшней. Для исполненія обязанностей духовныхъ требуется полученіе духовнаго уполномочія и освященія особою благодатью Св. Духа, которыя посему и преподаются церковнымъ пастырямъ, при совершеніи надъ ними св. таинства рукоположенія; но для исправленія различнаго рода занятій по внѣшнему церковному управленію, каковы напримѣръ сношенія съ обществомъ и государственными властями, веденіе дѣлопроизводства, хозяйственное завѣдываніе церковными имуществами и т. п., не требуется въ ихъ исполнителяхъ ничего болѣе кромѣ способности, честности и усердія.

На этихъ логическихъ основаніяхъ издревле учредился въ церкви тотъ обычай что для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей епископы имѣли при себѣ ближайшихъ сотрудниковъ изъ пресвитеровъ и діаконовъ, а для облегченія ихъ заботъ по веденію внѣшнихъ церковныхъ дѣлъ избирались къ нимъ помощники изъ всѣхъ членовъ церкви безразлично, какъ изъ клириковъ, такъ равно изъ мірянъ.

Въ первые три вѣка христіанства, когда оно распространялось понемногу и подвергалось гоненію языческаго общества и правительства, существованіе церкви сосредоточивалось преимущественно въ жизни духовной, внутренней, и кругъ ея внѣшнихъ дѣйствій былъ весьма незначителенъ; но когда свѣтъ христіанства восторжествовалъ надъ мракомъ язычества и, въ царствованіе императора Св. Константина, ученіе Христово сдѣлалось вѣроисповѣданіемъ самого правительства и господствующимъ во всей имперіи, тогда церковь получила

официальное положеніе въ государствѣ, число христіанъ быстро и значительно увеличилось во всѣхъ ея помѣстныхъ частяхъ; въ ея владѣніе поступило много имуществъ, императоры предоставили церковному суду различнаго рода права и преимущества по разбирательству дѣлъ между христіанами, возникли постоянныя и многообразныя сношенія между церковью и мірскими властями. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ кругъ внѣшняго церковнаго дѣйствія чрезвычайно расширился и значительно увеличилось количество церковныхъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ явилась надобность учредить въ епископскихъ управленіяхъ опредѣленныя должности для разныхъ областей занятій, по образцу должностей учрежденныхъ при гражданскихъ управленіяхъ. Учредителемъ этихъ церковныхъ должностей былъ императоръ Св. Константинъ, который съ принятіемъ христіанской вѣры прилагалъ самое ревностное и благочестивое попеченіе къ благоустроенію всей церковной жизни. Положительное и драгоцѣнное свидѣтельство объ этомъ важномъ фактѣ сохранилось въ указѣ константинопольскому патріарху отъ царя Михаила Палеолога (1261 — 1282 г.), по случаю производства этимъ послѣднимъ нѣкоего діакона Ѳеодора Скутаріоти на церковную должность *дикеофилакса*. Михаилъ говоритъ: „Кого, по справедливости, почтила царственность моя, того должна почтить и святыня твоя.... ибо, *по образцу должностей при дворѣ царскомъ, были учреждены и церковныя должности приснопамятными и благочестивыми царями*, какъ это ясно изложено въ священномъ постановленіи перваго христіанскаго царя, великаго и святаго Константина, посланномъ отъ него блаженному Сильвестру (епископу римскому); этому первому постановленію и слѣдуетъ подражать.“ * Далѣе царь Михаилъ упоминаетъ о бывшемъ въ то время въ Константинопольской патріархіи *протекдикѣ* изъ мірянъ. Этимъ документомъ несомнѣнно доказывается вопервыхъ, что должности по завѣдыванію внѣшними церковными дѣлами имѣютъ *церковно-гражданское происхожденіе* и были занимаемы *безразлично мірянами и членами духовенства*; вовторыхъ, что право назначенія къ нимъ принадлежало не одной только духовной власти, но также и царской, подъ

* Книга *Апостольскихъ и Соборныхъ правилъ*, изданная въ Аѳинахъ (1852 г.), Ралли и Потли, съ одобреніемъ Константинопольской церкви и синода Аѳинскаго, ч. V, стр. 328.

условіемъ полученія послѣ того обычнаго благословенія во храмѣ отъ мѣстнаго архипастыря.

Въ соборныхъ правилахъ сказано весьма мало объ этихъ должностяхъ, и это слѣдуетъ приписать именно тому что онѣ не имѣютъ непосредственнаго церковнаго значенія; однако даже тѣ немногія указанія которыя находятся въ канонахъ совершенно достаточны для уясненія вопроса и вполнѣ подтверждаютъ сказанное о немъ выше.

Въ правилахъ Антіохійскаго собора (въ 341 г.) упоминается въ первый разъ о какихъ-то должностныхъ лицахъ въ церкви которыя не принадлежатъ къ числу клириковъ и не имѣютъ сего названія, но, какъ видно, въ извѣстномъ отношеніи *сопричисляются къ клиру*. Въ пр. 11 сказано: „Аще епископъ, или пресвитеръ, или вообще кто-либо изъ *канониковъ* (ὁ τοῦ κανόνος) и пр.“ Для каждаго человѣка хотя немного знакомаго со способомъ изложенія и слогомъ церковныхъ правилъ очевидно что это выраженіе относится не до низшихъ клириковъ, которыхъ *никогда* и *нигдѣ* не называютъ этимъ именемъ. Непонятно почему въ сдѣланномъ у насъ переводѣ правилъ на славяно-русскій языкъ переводчикъ дозволилъ себѣ передать это совершенно спеціальное выраженіе словомъ „клирикъ“. Названіе „ὁ τοῦ κανόνος“ обозначаетъ совершенно *особый разрядъ* должностныхъ лицъ, установленный согласно вошедшему въ обычай *правилу* или *канону*, такъ сказать, *разрядъ каноническій церковныхъ сановниковъ*. Такой способъ употребленія этого выраженія отцами Антіохійскаго собора, безъ всякаго объясненія что̀ за лица были означенные каноническіе сановники, служитъ яснымъ доказательствомъ тому что ихъ существованіе въ церкви было уже всѣмъ извѣстно ранѣе изданія сего правила; но между тѣмъ въ правилахъ I вселенскаго собора (въ 325 г.) ничего не было о нихъ сказано; это обстоятельство подтверждаетъ справедливость вышеприведенныхъ словъ царя Михаила Палеолога, который приписываетъ учрежденіе церковныхъ сановниковъ царю Константину скончавшемуся въ 337 году. Слѣдовательно можно заключить съ полною основательностью что учрежденіе церковно-гражданскихъ должностей при епископскихъ управленіяхъ состоялось между 325 и 335 г., потому что римскій епископъ Сильвестръ, къ которому писалъ царь Константинъ, умеръ въ этомъ послѣднемъ году.

Въ правилахъ Карѳагенскихъ соборовъ (419—426 г.) гово-

рится объ испрошеніи дозволенія царя на учрежденіе церковныхъ ученыхъ *экдиковъ*, которые имѣли бы обязанностью защищать разныхъ притѣсненныхъ лицъ и ходатайствовать по церковнымъ дѣламъ въ гражданскихъ судилищахъ, и видно что они могли быть изъ мірянъ (пр. 86) и изъ клириковъ (пр. 109). Изъ этого обстоятельства вновь подтверждается церковно-гражданское происхожденіе и значеніе этихъ должностей.

На IV вселенскомъ соборѣ (въ 451 г.) постановлено слѣдующее замѣчательное опредѣленіе: „Аще который епископъ.... за деньги *рукоположитъ* епископа, или пресвитера, или діакона, или кого-либо отъ числящихся въ клирѣ, или *произведетъ* за деньги въ экономa, или экдика, или параномарія, или вообще кого-либо *разряда каноническаго* (ὁ τοῦ κανόνος), * таковый да будетъ подверженъ лишенію собственной *степени*, и поставленный имъ отнюдь да не пользуется купленнымъ *рукоположеніемъ* или *производствомъ*, но да будетъ чуждъ *достоинства* или *занятія*“ (пр. 2).

Вникая въ смыслъ этихъ словъ, ясно и положительно представляется что здѣсь идетъ рѣчь о двухъ разнородныхъ и отдѣльныхъ разрядахъ служащихъ лицъ въ церкви, между которыми ведется параллельно различіе отъ самаго начала и до конца рѣчи. Одни изъ нихъ имѣютъ церковную *степень* или *достоинство*, получаемое черезъ *рукоположеніе* (χειροτονία), это епископы, пресвитеры, діаконы и къ нимъ присоединены даже низшіе руковозлагаемые клирики, такъ что послѣ такого перечисленія, изъ клира больше никого не остается; затѣмъ говорится о новыхъ лицахъ, не имѣющихъ церковной степени, но получающихъ въ церковномъ управленіи *занятіе*, на которое ихъ опредѣляютъ не чрезъ рукоположеніе, а чрезъ *производство* (προβολή), это экономы, экдики, параномаріи и другія должностныя лица *разряда каноническаго*, церковные сановники. Слѣдовательно очевидно что эти послѣдніе подведены подъ правило не въ качествѣ клириковъ, но какъ лица

* Въ изданномъ у насъ переводѣ сказано: „въ какую-либо *церковную должность*,“ хотя это выраженіе гораздо лучше, чѣмъ слово *клирикъ*, вставленное переводчикомъ правилъ Антіохійскаго собора, но все же оно не довольно вѣрно и опредѣлительно, потому что церковною должностью можно назвать въ обширномъ смыслѣ должность каждаго клирика, тогда какъ здѣсь идетъ рѣчь не о нихъ, ибо рѣшительно всѣ клирики были уже перечислены прежде въ началѣ сего правила.

только сопричисленныя къ епископскому клиру, по исполненію ими въ церковномъ управленіи различныхъ занятій, не требующихъ отъ ихъ исполнителей полученія духовнаго сана.

Въ замѣчаніяхъ на это правило Вальсамонъ сказалъ что оно относится до лицъ трехъ разрядовъ, между коими епископы, хорепископы, пресвитеры и діаконы были *рукоположенные*; пѣвцы, чтецы, архонты и другіе *руковозложенные*; экономы, хартуларіи, параномаріи и другіе *произведенные*,—ясно, неоспоримо ясно что эти послѣдніе, не имѣвшіе даже руковозложенія, были міряне, временно сопричисляемые къ клиру.

Остается разъяснить слѣдующій вопросъ: избирались ли церковные сановники предпочтительно изъ мірянъ или изъ клириковъ, или безразлично изъ тѣхъ и другихъ? Ключъ къ разрѣшенію вопроса находится въ самомъ правилѣ. Въ немъ поименованы только три должности: экономa, экдика и параномарія, а всѣ другія, непоименованныя, *подведены подъ одно правило съ ними*; изъ сего слѣдуетъ что порядокъ назначенія на всѣ эти должности *одинаковый*. Но мы видѣли что по правиламъ Карѳагенскихъ соборовъ, экдиками могли быть какъ міряне, такъ и клирики; слѣдовательно остается сдѣлать это же самое заключеніе относительно вообще всѣхъ должностей церковныхъ сановниковъ. *

---

* Въ поименованной книгѣ *Соборныхъ правилъ*, изданія Ралли и Потли, помѣщено разсужденіе Вальсамона объ обязанностяхъ протекдика (ч. VI, стр. 531) и въ немъ сдѣлано слѣдующее объясненіе: „15 неара (новелла) царя Іустиніана (VI вѣка) гласитъ: экдиковъ избирать *поочередно изъ жителей каждаго города*, хотя бы они были свѣтлѣйшіе и сіятельные, и исполнять имъ эту службу только „два года".

Въ двухъ *спискахъ клира* церквей Константинопольской и Влахернской, утвержденныхъ царемъ Ираклiемъ (въ VII в.), опредѣлено сперва число клириковъ и сказано чтобы болѣе сего штата *не рукополагать*, послѣ того назначено число церковныхъ сановниковъ: „канкелларіевъ 12, экдиковъ 10, референдаріевъ 12, нотаріевъ 40, „скевофилаксовъ (ризничихъ) 10, изъ *пресвитеровъ* 4, а изъ *діаконовъ* 6,"—ясно что только эти послѣдніе 10 должны быть лица духовныя, по самому роду возложенной на нихъ должности, а всѣ остальные могли быть изъ мірянъ. Въ спискѣ Влахернской церкви, послѣ перечисленія церковныхъ сановниковъ, сказано чтобы къ положенному числу болѣе никого *не прибавлять*, но не сказано *не рукополагать*, какъ это было сдѣлано въ первомъ спискѣ относительно штата клириковъ (тамъ же, ч. V, стр. 231—238). Необходимо

Въ 26мъ правилѣ того же IV вселенскаго собора положено чтобы для завѣдыванія церковными имуществами епископы назначали экономa изъ членовъ „*собственнаго клира*,“ но это выраженіе не слѣдуетъ толковать въ смыслѣ *клирика* (какъ то дѣлается многими лицами нашего духовенства), ибо мы теперь знаемъ что къ составу епископскаго клира сопричисляются церковные сановники изъ мірянъ и что назначеніе экономa подведено подъ одно общее правило съ назначеніемъ эконома. Въ подтвержденіе справедливости сего заключенія можно еще сказать что это постановленіе объ экономахъ было подтверждено на VII вселенскомъ соборѣ (пр. 11) безъ добавленія даже выраженія *изъ клира*, а слѣдуетъ замѣтить что во всѣхъ канонахъ относящихся до духовныхъ лицъ вселенскіе соборы всегда выражались съ полною подробностью и точностью, непремѣнно перечисляя всѣ клировыя степени, до коихъ правило относится.

Въ 5 правилѣ VII вселенскаго собора (въ 787 г.) повторено разсмотрѣнное нами 2е правило IV вселенскаго собора, съ тѣмъ же самымъ положительнымъ различіемъ двухъ разрядовъ должностей въ церкви, духовныхъ и не духовныхъ и безъ всякаго дополнительнаго къ тому объясненія, хотя къ восьмому вѣку число опредѣлительныхъ должностей по вѣшнему церковному управленію значичельно умножилось Изъ устъ самихъ отцовъ VII вселенскаго собора мы слышимъ окончательное и рѣшительное свидѣтельство что должности церковныхъ сановниковъ, по роду присвоенныхъ имъ занятій, принадлежатъ къ мірскимъ должностямъ и признаются вселенскою церковью *мірскими*. Въ 7мъ правилѣ сего собора говорится о діаконахъ, которые, занимая при епископахъ высокія должности церковныхъ сановниковъ, вздумали по этой причинѣ требовать себѣ и высшаго почета предъ простыми священниками, не имѣвшими такихъ должностей; отцы собора отвергаютъ это требованіе и объясняютъ „что *духовное* превосходнѣе *достоинствъ мірскихъ*“, въ томъ смыслѣ что духовная обязанность священника, по своему существу и высокому значенію, превосходнѣе мірской должности церковнаго сановника. Въ книгѣ соборныхъ правилъ, из-

---

замѣтить что помѣщеніе церковныхъ сановниковъ изъ мірянъ въ спискахъ церковнаго клира явно доказываетъ временное сопричисленіе ихъ къ нему.

данной у насъ по распоряженію св. синода, сдѣлано къ этимъ словамъ слѣдующее совершенно правильное примѣчаніе: „то„есть должность пресвитера важнѣе должности великаго эко„нома или экдика".

Итакъ голосъ церкви согласуется съ царскимъ словомъ Михаила Палеолога—и вопросъ объ учрежденіи въ церкви каноническихъ сановниковъ изъ мірянъ, на всѣ безъ исключенія должности по завѣдыванію внѣшними церковными дѣлами, для насъ рѣшенъ.

Въ соборныхъ правилахъ ничего больше не сказано объ этомъ предметѣ. Для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній о составѣ и дѣйствіи епископскихъ управленій остается обратиться къ обзору церковной практики.

Число церковныхъ должностей бывало не вездѣ и не всегда одинаково, но учреждалось сообразно обширности дѣлъ и матеріальнымъ средствамъ епископій; относительно замѣщенія тѣхъ должностей которыхъ занятія не имѣли ничего общаго съ обязанностями священнослужителей помѣстныя церкви поступали различно, принимая на видъ способности и усердіе избираемыхъ лицъ. Церковные сановники избирались по совѣщанію епископа со своимъ совѣтомъ и съ представителями отъ мѣстнаго духовенства и общества *, а послѣ того они утверждались въ должности архипастырскимъ благословеніемъ во храмѣ; иногда нѣкоторые изъ нихъ назначались православными государями. Избраніе на эти должности всегда почиталось въ православномъ обществѣ высокимъ почетомъ и люди достаточные служили безмездно, изъ одного усердія. Всѣ церковные сановники составляли совѣтъ епископа, въ которомъ обсуждались и рѣшались всѣ дѣла по внѣшнему церковному управленію; безъ совѣщанія со своимъ совѣтомъ епископъ не дѣлалъ ничего. Въ обширныхъ митрополіяхъ назначались къ церковнымъ сановникамъ помощники, но эти послѣдніе не участвовали въ епископскомъ совѣтѣ.

Я не имѣю подъ руками необходимыхъ историческихъ матеріаловъ для представленія полнаго доказательства вѣрности

---

* Въ 10мъ правилѣ Ѳеофила Александрійскаго сказано что экономъ долженъ быть назначаемъ съ согласія всего священства. На основаніи закона Іустиніана, экдики избирались обществомъ изъ всѣхъ способныхъ жителей города. На практикѣ все это логично слилось вмѣстѣ.

сдѣланнаго мною очерка древняго устройства православныхъ епископскихъ управленій; этихъ матеріаловъ у насъ на Руси сыскать невозможно; однако могу представить нѣсколько самыхъ положительныхъ и доказательныхъ свѣдѣній по этому предмету, почерпнутыхъ мною изъ весьма любопытныхъ записокъ одного нашего ученаго и извѣстнаго духовнаго лица, написанныхъ имъ во время путешествій его по Востоку.

Въ „кодексѣ (книгѣ протоколовъ засѣданій епископскаго совѣта) святѣйшей митрополіи Ларисской, въ Ѳессаліи, начатомъ 12го октября 1688 года", записано между прочимъ что „1711 года въ день Святыя Пасхи, ларисскій митрополитъ Парѳеній II избралъ новыхъ церковныхъ сановниковъ изъ духовнаго и мірскаго званія"; въ спискѣ значится 37 лицъ, въ числѣ коихъ только пять духовныхъ и между ними экономъ, а прочіе всѣ міряне и въ томъ числѣ сакеллій (казначей), хартофилаксъ, номофилаксъ, протопотарій, протекдикъ и логоѳетъ. Въ другихъ актахъ той же митрополіи назначеніе измѣняется, напримѣръ, въ одномъ актѣ 1542 г. протекдикомъ показано духовное лицо, а согласно другому въ 1402 г. экономъ былъ изъ мірянъ.

Изъ этого кодекса и другихъ актовъ видно что по древнему обычаю въ Ларисской митрополіи и входившихъ въ ея составъ епископіяхъ состояли съ давняго времени разныхъ названій церковные сановники духовные и міряне, которые производились на должность въ день Св. Пасхи, съ благословеніемъ епископа. Общее собраніе этихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ и начальствомъ епископа, принимало непосредственное и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ епископіи; оно разсматривало дѣла брачныя, бракоразводныя, приходо-расходныя по духовнымъ завѣщаніямъ, вкладамъ и пожертвованіямъ на церковныя надобности, по содержанію церковныхъ школъ, разнаго рода слѣдственныя, словомъ всѣ дѣла внѣшняго церковнаго управленія. Производство дѣлъ въ совѣтѣ было *словесное* и краткія записки о рѣшеніяхъ вносились въ кодексъ.

Четыре протокола засѣданій совѣта Ларисской епархіи были на выдержку выписаны изъ кодекса для образца; вотъ ихъ содержаніе: Первый, 27го іюля 1735 г., по прошенію отъ городскихъ торговокъ, занимавшихся выдѣлкою мыла; въ опредѣленіи сказано: „быть имъ подъ покровительствомъ клира и церковныхъ сановниковъ." Второй, 11го февраля 1742 г., о

поддержаніи училища въ городѣ Трикке и назначеніи жалованья учителямъ; положено собирать пособіе отъ городскихъ доходовъ и отъ четырехъ церквей. Третій, 25го апрѣля 1765 г., по дѣлу о завѣщанныхъ деньгахъ на школу и богоугодныя заведенія. Четвертый, отъ того же числа, о пожертвованіи трикскимъ епископомъ полнаго архіерейскаго облаченія въ собственность церкви. Всѣ протоколы подписаны всѣми участвовавшими въ совѣтѣ клириками и церковными сановниками.

Вотъ слѣдовательно что̀ открываетъ свидѣтельство церковной исторіи, вотъ какъ дѣло происходило, какъ оно должно быть и какъ слѣдуетъ понимать смыслъ соборныхъ каноновъ. Еслибъ у насъ захотѣли собрать другія, болѣе древнія и многочисленныя подобнаго рода свидѣтельства изъ древнихъ актовъ и рукописей, сохраняющихся въ архивахъ епископскихъ каѳедръ на Востокѣ, то, какъ меня увѣряли, нашли бы ихъ тамъ не малое число. *

Представлю еще два свидѣтельства того что церковные сановники назначались изъ мірянъ, были сопричисляемы къ епископскому клиру и вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ принимали непосредственное участіе въ рѣшеніи важныхъ церковныхъ дѣлъ.

Въ *Описаніи Синайской горы*, изданномъ въ 1817 году на греческомъ языкѣ въ Венеціи, помѣщена (на стр. 156—161) синодальная грамота объ учрежденіи въ 1575 году Синайскаго архіепископства. Подъ этою грамотою подписались три патріарха, константинопольскій Іеремія II, антіохійскій Іоакимъ, іерусалимскій Германъ, 23 митрополита и епископа, а послѣ нихъ: „великій экономъ Анастасій *іерей*, великій логоѳетъ Іераксъ (міряпинъ), великій сакелларій, великій скевофилаксъ, великій хартофилаксъ, великій экклесіархъ, великій протосинкелъ (всѣ эти подписи безъ имени), великій риторъ Лигеросъ (міряпинъ), протекдикъ, риторъ, номофилаксъ (также безъ имени), Андрей логоѳетъ, Георгій дикеофилаксъ, Ѳеодосій протонотарій, Діонисій архидіаконъ“. Въ числѣ этихъ подписей, сдѣланныхъ или списанныхъ весьма небрежно, мы достовѣрно видимъ что двѣ изъ нихъ, обозначенныя фамиліями Іе-

* Кажется что стоило бы поручить нашимъ духовнымъ миссіямъ и консульствамъ на Востокѣ заняться собраніемъ этого рода свѣдѣній. Оно будетъ не трудно.

ракъ и Лигеросъ, принадлежатъ мірянамъ—этого для насъ довольно, ибо тутъ дѣло состоитъ не въ числѣ примѣровъ, а въ самомъ правилѣ. *

Въ книгѣ Ралли и Потли (ч. V, стр. 572 — 573) помѣщены два примѣра повышеній по церковнымъ должностямъ, сдѣланныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Хрисанѳомъ въ XVIII столѣтіи. Онъ произвелъ одного мірянина изъ дикеофилакса въ протекдика, съ предоставленіемъ ему почета и права *засѣдать во всѣхъ собраніяхъ сановныхъ лицъ церковнаго клира*; въ другой разъ одного иномниматографа, изъ мірянъ, находившагося въ Букуретшѣ, онъ повысилъ заочно на должность великаго ритора, съ правомъ засѣдать въ *церковныхъ и синодальныхъ собраніяхъ*, какъ *сопричисленнаго къ клиру патріаршаго престола*". Это послѣднее выраженіе для насъ важно, потому что вполнѣ подтверждаетъ ту неопровержимую истину что церковные сановники *сопричислялись къ епископскому клиру*. Я потому указываю такъ на это обстоятельство что въ нашемъ русскомъ духовенствѣ укоренилась мысль и нерѣдко высказывается желаніе отстранить мірянъ отъ всякаго участія въ распоряженіи церковными имуществами и доходами, на томъ ошибочномъ заключеніи будто бы употребленное въ канонахъ выраженіе о назначеніи *эконома изъ членовъ епископскаго клира* обозначаетъ исключительно духовное лицо.

Предоставленіе церковныхъ имуществъ въ исключительное распоряженіе духовенства, съ отстраненіемъ помѣстнаго христіанскаго общества, ведетъ къ тому чтобы оттолкнуть мірянъ отъ духовенства и ослабить въ обществѣ сочувствіе и усердіе къ нуждамъ церкви. Слѣдуетъ помнить примѣръ свв. апостоловъ и древнихъ епископовъ, которые, по распоряженію внѣшнею жизнію церкви, ничего не совершали безъ соучастія всѣхъ братій.

Участіе всего христіанскаго общества въ дѣлахъ церкви необходимо: оно располагаетъ духовенство къ правильному

* Въ газетѣ *Βὐζαντις*, органѣ Константинопольской патріархіи, было напечатано въ 1866 году что святѣйшій патріархъ возвелъ въ санъ великаго ритора Константинопольской церкви извѣстнаго Валаха г. Скерлата Росетиса, желая вознаградить оказанныя имъ услуги патріархіи. Нашъ извѣстный духовный писатель Андрей Николаевичъ Муравьевъ состоитъ церковнымъ сановникомъ Іерусалимской патріархіи.

веденію дѣлъ и въ то же время служитъ ему защитою отъ несправедливыхъ нареканій въ злоупотребленіяхъ; оно содѣйствуетъ къ сближенію духовенства съ обществомъ; оно всего успѣшнѣе способствуетъ къ пріобрѣтенію средствъ на обезпеченіе всѣхъ нуждъ церкви. Мы видимъ очевиднѣйшее доказательство этой необходимости у насъ самихъ—въ учрежденіи церковныхъ старостъ, блюстителей духовно-учебныхъ заведеній, церковныхъ братствъ и новѣйшихъ приходскихъ попечительствъ, хотя въ этихъ послѣднихъ права членовъ прихода по распоряженію доходами церкви получили неправильное ограниченіе. Что̀ сдѣлаетъ одно духовенство безъ полученія во всемъ и постоянно пособія отъ общества? Не требуетъ ли справедливость чтобы приносящіе не были устраняемы отъ участія въ распоряженіи тѣмъ что̀ они приносятъ?

Нѣтъ надобности входить въ подробное перечисленіе всѣхъ когда-либо существовавшихъ должностей церковныхъ сановниковъ, такъ какъ многія изъ нихъ были совершенно безполезны; достаточно будетъ указать только наиболѣе необходимыя:

1. *Скевофилаксъ*—ризничій, для завѣдыванія церковною утварью и вещами принадлежащими епископской каѳедрѣ.

2. *Архонтъ* (благочинный) *церквей* находящихся въ епископіи, для надзора за исправнымъ ихъ содержаніемъ и за служеніемъ приходскаго клира.

3. *Архонтъ* (благочинный) *монастырей*, для наблюденія за ихъ содержаніемъ, порядкомъ управленія и за житіемъ монашества.

4. *Архонтъ* (благочинный) *свѣтовъ*, заботившійся о приготовленіи новопросвѣщаемыхъ къ принятію св. крещенія и раздававшій свѣчи клирикамъ при богослуженіи.

5. *Архонтъ* (благочинный) *благотворительныхъ заведеній*, содержимыхъ церковью.

6. *Архипресвитеръ* или каѳедральный протоіерей.

7. *Архидіаконъ*.

8. *Періодевтъ* — обходящій, обозрѣвающій священникъ; объ обязанностяхъ этой должности будетъ сказано дальше.

Очевидно что эти должности поручались только лицамъ духовнаго званія. Но всѣ слѣдующія могли быть занимаемы мірянами:

9. *Сакелларій* или *сакеллій*—казначей.

10. *Хартофилаксъ*—хранитель церковныхъ актовъ.

11. *Экономъ*—управляющій церковными имуществами.

12. *Номофилаксъ*—блюститель законовъ, ловѣрявшій и подводившій законы по дѣлопроизводству.

13. *Иполниматографъ*—составитель записки о рѣшеніяхъ.

14. *Нотарій*—завѣдывающій входящими и исходящими бумагами, также докладывающій дѣла.

15. *Экдикъ*—защитникъ обиженныхъ предъ судомъ гражданскимъ и ходатай по тяжбамъ церковнымъ.

16. *Логоѳетъ* (слово-излагатель), чрезъ котораго производились всѣ сношенія между церковью и государствомъ; онъ передавалъ церкви порученія и приказанія царя, онъ же наблюдалъ чтобы духовная власть не выходила изъ своихъ законныхъ предѣловъ и ошибкою не нарушила государственныхъ узаконеній.

Когда по значительному накопленію дѣлъ въ обширныхъ митрополіяхъ, или для вящей внѣшней льшности патріаршихъ управленій, къ этимъ сановникамъ назначались помощники, которые принимали тѣ же усвоенныя ихъ должностямъ названія, то въ отличіе отъ нихъ, первые стали называться: великій логоѳетъ, великій хартофилаксъ, великій экономъ и т. д., или протекдикъ, протонотарій и т. д.

Въ заключеніе необходимо обратить особое вниманіе на должность *періодевтовъ*. Въ древней православной церкви при епископахъ состояли пресвитеры, называвшіеся періодевтами, которыхъ обязанность состояла въ томъ чтобы по порученію архипастыря *обходить* и *обозрѣвать* всѣ приходы епископіи для наблюденія за состояніемъ въ нихъ вѣры и христіанской нравственности, для наставленія и утвержденія во святомъ ученіи прихожанъ и самихъ клириковъ, для противодѣйствія распространенію ересей, для надзора за образомъ жизни монашества и за содержаніемъ храмовъ, монастырей, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, для осмотра церковныхъ имѣній; они доносили обо всемъ епископу. На нихъ преимущественно возлагались должности начальниковъ (архонтовъ) церквей, монастырей и благотворительныхъ заведеній. Они избирались преимущественно изъ священниковъ безбрачныхъ, которые, будучи свободны отъ семейныхъ заботъ, могутъ посвятить себя исключительно на служеніе церкви, и притомъ изъ людей одаренныхъ нужными качествами къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, а именно, имѣвшихъ основательныя богословскія познанія, даръ слова, священный огонь вѣры, любовь и усердіе къ дѣлу. Періодевты

были ближайшими сотрудниками епископа въ дѣлѣ пастырства; чрезъ нихъ епископъ узнавалъ все что происходило въ управляемой имъ церкви и получалъ возможность удовлетворять всѣмъ ея нуждамъ. Учрежденіе періодевтовъ можно назвать учрежденіемъ истинно апостольскимъ, такъ какъ мы знаемъ изъ Св. Писанія что свв. апостолы имѣли при себѣ сослужителей и сотрудниковъ въ дѣлѣ благовѣствованія, на которыхъ они возлагали порученія совершенно сходныя съ обязанностями періодевтовъ.

Отъ учрежденія періодевтовъ достигается величайшая польза для церкви: эти священнослужители, которые и образомъ ихъ жизни и трудами дѣлаются истинными подражателями свв апостоловъ, пріобрѣтаютъ обширный навыкъ учительства, узнаютъ духовно-нравственное состояніе жителей всѣхъ приходовъ, сближаются съ ними, имѣютъ возможность заслужить уваженіе, любовь и довѣріе народа. Очевидно что изъ нихъ должны выходить истинно-достойные и испытанные преемники служенія апостольскаго. Ни ограниченный кругъ пастырскаго дѣйствія приходскаго священника, ни благочестивое житіе монаха въ стѣнахъ монастыря, ни ученыя занятія благословскими науками, ни завѣдываніе духовнымъ училищемъ, ни даже всѣ эти труды вмѣстѣ взятые далеко не могутъ доставить той практической духовной опытности, того знанія людей, изученія жизни и сближенія съ обществомъ, которыя пріобрѣтаются исполненіемъ апостольскихъ трудовъ періодевта. Слѣдовательно учрежденіе періодевтовъ представляетъ самое существенное и вѣрное средство къ приготовленію испытанныхъ и достойныхъ епископовъ.

На Востокѣ и въ настоящее время существуютъ при нѣкоторыхъ епископахъ *проповѣдники*, назначаемые изъ безбрачныхъ священниковъ (*рясофоровъ*), которыхъ обязанности сходствуютъ съ должностью періодевтовъ. У насъ нѣкогда также существовали въ юго-западныхъ епархіяхъ особые проповѣдники, изъ среды коихъ украсили русское епископство Св. Димитрій Ростовскій и Лазарь Барановичъ.

Изъ всего здѣсь сказаннаго объ устройствѣ епископскаго управленія вытекаетъ что оно было учреждено на *общихъ* и *коренныхъ* началахъ церковной жизни: управленіе всѣми дѣлами производилось коллегіальнымъ порядкомъ, при участіи представителей отъ всѣхъ членовъ церкви, клириковъ и мірянъ, подъ предсѣдательствомъ и начальствомъ епископа, ко-

тороиу принадлежитъ власть утвержденія рѣшеній. Назначеніе къ церковнымъ должностямъ происходило различно, иногда по собственному выбору епископа, иногда властію царя, а чаще по избранію почетнѣйшихъ членовъ мѣстнаго общества, но всегда утверждалось епископомъ. Епископъ дѣйствуетъ своею единоличною властью только въ распоряженіяхъ относящихся до его святительскихъ обязанностей.

V. Отношеніе церкви къ государственной власти.

Мы видѣли съ какою рѣшительностью церковные каноны отстраняютъ вмѣшательство мірской власти въ распоряженіе дѣлами вѣры и внутренняго управленія церковью. Но такъ какъ церковь живетъ въ то же время внѣшнею жизнію, неразрывно связанною съ существованіемъ государства; такъ какъ члены церкви состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членами государства, и всѣ они, пастыри и пасомые, въ своей гражданской жизни подчинены власти государственной; такъ какъ, наконецъ, церковь не имѣетъ вещественной силы для огражденія спокойствія, независимости и порядка своего внѣшняго существованія отъ покушеній со стороны враговъ, но охраняется покровительствомъ и защитою государственной власти, то по всѣмъ этимъ причинамъ постановлены церковныя правила опредѣляющія обязанности и отношенія церкви къ государственной власти.

Для церкви эта власть олицетворяется въ особѣ царя, пріявшаго отъ нея святое помазаніе на царство и который, какъ *глава народа* и *первенецъ церкви*, есть законный, Богомъ данный покровитель церковнаго порядка и защитникъ завѣщанныхъ отъ святыхъ отцовъ святыни вѣры и церковныхъ постановленій.

Во исполненіе божественной заповѣди воздавать кесарево кесарю, церковь свято чтитъ власть царя и установила правила осѣняющія и ограждающія права ея помазанника въ кругѣ церковной жизни.

Въ правилахъ апостольскихъ сказано: „Аще кто досадитъ царю или князю, не по правдѣ, да понесетъ наказаніе. И аще таковой изъ клира, да будетъ извергенъ отъ священнаго чина; аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ отъ общенія цер-

ковнаго“ (пр. 84). Такимъ образомъ за нарушеніе должнаго повиновенія царской власти церковь караетъ всѣхъ своихъ чадъ самымъ строгимъ изъ своихъ наказаній.

Помѣстное распредѣленіе епископій и всего управленія церковными дѣлами должно слѣдовать гражданскимъ и земскимъ распредѣленіямъ, установляемымъ властью царя (IV всел., пр. 17 и 38).

При нарушеніи епископами и клириками церковныхъ постановленій и непокорности церковной власти, для возстановленія порядка положено обращаться къ защитѣ правительственной власти и просить „повелѣнія славнѣйшихъ царей“ (Карѳ., пр. 59 и 64: Антіох., пр. 5; Двукр., пр. 9). Вообще царь есть защитникъ правъ клира и блюститель правосудія въ церкви; всѣ считающіе себя обиженными имѣютъ право просить царя о повелѣніи епископамъ вновь соборнѣ пересмотрѣть ихъ дѣло: „Аще кто изъ клира будетъ отъ царя просить себѣ суда епископскаго, отнюдь не возбранится ему сіе“ (Карѳ., пр. 117).

Царю принадлежитъ право созывать чрезвычайные соборы (сверхъ ежегодно положеннаго въ каждой епархіи) для предложенія ихъ рѣшенію всякаго рода церковныхъ вопросовъ. Это право подтверждаетъ, между прочимъ, третье правило шестаго вселенскаго собора, которое начинается словами: „Благочестивый и христолюбивый царь нашъ предложилъ сему святому и вселенскому собору“, и соборъ исполнилъ волю царя. Исторія церкви свидѣтельствуетъ что когда представлялась надобность къ созванію вселенскаго и вообще чрезвычайнаго собора для разрѣшенія важныхъ церковныхъ дѣлъ, то епископы обращались съ просьбой о томъ къ православнымъ царямъ.

Въ первомъ правилѣ того же VI вселенскаго собора сказано что вѣроисповѣданіе изложенное святыми отцами „вящшую крѣпость пріяло, когда благочестивый царь постановленіе собора своей печатью, ради достовѣрности, на всѣ вѣки утвердилъ“. Отсюда видно что для удостовѣренія народа въ подлинности соборныхъ постановленій и для засвидѣтельствованія что они были изложены тѣмъ самымъ соборомъ который былъ созванъ царемъ, послѣдній утверждаетъ своею печатью (или подписью) достовѣрность постановленій чрезвычайнаго собора. Очевидно что въ этомъ случаѣ царь утверждаетъ не самую истинность вѣроученія или же каноническую

правильность распоряженія, но только ихъ подлинность для объявленія народу и приведенія въ исполненіе.

Царь наблюдаетъ за пребываніемъ епископовъ на ихъ мѣстахъ и за исполненіемъ ими возложенныхъ на нихъ обязанностей; онъ имѣетъ право давать имъ порученія по церковнымъ дѣламъ и вызывать ихъ къ себѣ для объясненій или отвѣта (Двукр., пр. 16).

Для установленія законныхъ порядковъ по дѣламъ смѣшаннымъ, которыя могутъ подлежать церковному и гражданскому суду, подобаетъ обращаться къ царской власти (Карѳ., пр. 70). Для учрежденія новыхъ должностей по внѣшнимъ занятіямъ въ церковномъ управленіи испрашивается царское повелѣніе (Карѳ., пр. 86 и 109).

Для запрещенія въ народѣ обычаевъ противныхъ христіанскому ученію, „подобаетъ просити христіанскихъ царей“ (Карѳ., пр. 69, 71 и 72). Для принужденія христіанъ къ соблюденію основныхъ правилъ христіанской жизни и нравственности, какъ напримѣръ, о невступленіи въ двойные браки (а слѣдовательно и по расторженію браковъ), „потребно просити да будетъ изданъ о семъ царскій законъ“ (Карѳ., пр. 115).

Вмѣстѣ съ тѣмъ на царѣ лежитъ священный долгъ быть охранителемъ православія и правъ церкви противъ враждебныхъ посягательствъ на нихъ со стороны всякихъ *еретиковъ* и *иновѣрцевъ*: „Царскому человѣколюбію предлежитъ попещися чтобы каѳолическая церковь, *благочестною утробой родившая ихъ* (двухъ императоровъ, восточнаго и западнаго) *и крпостію вѣры воспитавшая*, была ограждена ихъ промышленіемъ.... Посему противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ (донатистовъ) просимъ дати намъ божественную помощь, не необычайную и не чуждую святымъ писаніямъ, ибо апостолъ Павелъ, какъ показано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ побѣдилъ воинскою помощію. Итакъ, мы просимъ о томъ да неукоснительно подается охраненіе каѳолическимъ членамъ церквей въ каждомъ городѣ и разныхъ мѣстахъ. Подобаетъ вкупѣ о семъ просити благочестивѣйшихъ самодержцевъ, да соблюдаютъ законъ изданный блаженныя памяти отцомъ ихъ Ѳеодосіемъ“ (Карѳ., пр. 104).

Итакъ, царь имѣетъ обширныя права для охраненія мира, благосостоянія и независимости „благочестивою утробой родившей и кротостію вѣры воспитавшей“ его святой матери церкви; но эти права не простираются на измѣненіе догма-

товъ вѣры или коренныхъ законовъ церковнаго устройства, потому что на немъ возлежитъ долгъ ихъ сохранять, а не измѣнять; къ тому же онъ дѣйствуетъ въ церкви не собственною властію, но чрезъ посредство соборовъ. Съ другой стороны, такая власть главы народа составляетъ самый вѣрный оплотъ для государства противъ могущихъ возникнуть въ духовенствѣ честолюбивыхъ замысловъ и стремленій къ злоупотребленію ввѣренною ему властію.

VI. Общіе выводы.

Внимательное обсужденіе изложенныхъ здѣсь постановленій и преданій вселенской церкви по устройству церковнаго управленія несомнѣнно приводитъ къ тому заключенію что общій строй этого законоположенія по справедливости заслуживаетъ названіе *совершеннаго*. Причина этого совершенства церковныхъ узаконеній разъясняется если обратимъ вниманіе на ихъ происхожденіе и способъ изданія. Вселенскіе соборы, состоявшіе изъ представителей ото всѣхъ помѣстныхъ частей церкви, не преслѣдовали никакихъ частныхъ видовъ при изданіи своихъ постановленій; они излагали правила имѣвшія цѣлію утвердить благосостояніе церкви у всѣхъ вообще народовъ, на однихъ общихъ и равноправныхъ для всѣхъ ихъ основаніяхъ. Въ составленіи соборныхъ правилъ почти не было дано воли человѣческому произволу, ибо они излагались на основаніи начертанныхъ въ Св. Писаніи законовъ божественныхъ и преданій отъ св. апостоловъ изустно принятыхъ и неприкосновенно сохраняемыхъ. Соборы не признавали за собою права самовластно законодательствовать, но провозглашали свою обязанность быть только свидѣтелями, толкователями, примѣнителями и охранителями на вѣки данныхъ церкви основныхъ божественныхъ законовъ.

Приломнимъ въ бѣгломъ обзорѣ *основныя начала* церковнаго устройства и управленія.

Выборное начало въ назначеніяхъ на всѣ безъ исключенія должности и занятія въ церкви.

Участіе въ выборахъ *всѣхъ* членовъ церкви, духовныхъ и мірянъ, въ лицѣ своихъ представителей.

Огражденіе правильности выборовъ отъ вліянія всякаго рода происковъ и насилій, опредѣленіемъ недѣйствительности такимъ способомъ достигнутыхъ назначеній.

Доступъ къ священнослуженію обусловленъ достиженіемъ опредѣленной зрѣлости лѣтъ и строгимъ испытаніемъ образа жизни.

Церковныя должности подраздѣлены на два разряда: должности духовныя, коихъ исправленіе требуетъ посвященія въ духовный санъ, и мірскія, по занятіямъ дѣлами внѣшняго церковнаго управленія, на которыя могутъ быть безразлично назначаемы какъ духовныя лица, такъ и міряне.

Все церковное управленіе, по отношенію къ кругу епископскаго дѣйствія, подраздѣлено на три іерархическія степени съ подчиненіемъ младшихъ начальствованію старшихъ: *парикія* или малая епископія; *митрополія* или *епархія*, состоящая изъ нѣсколькихъ парикій; *экзархатъ* или *патріархатъ*, составляющій церковную область изъ совокупленія нѣсколькихъ митрополій.

Церковныя дѣла поручаются соборному управленію епископовъ, подъ предсѣдательствомъ и надзоромъ первенствующаго изъ нихъ, но съ предоставленіемъ всѣмъ равнаго права голоса въ рѣшеніи дѣлъ.

Въ соборномъ управленіи прегражденъ путь произволу и самовластію, чрезъ установленіе что въ каждомъ помѣстномъ удѣлѣ церкви все должно совершаться по общему согласію епископовъ, а начальствующій между ними имѣетъ только власть исполнительную и надзоръ за точнымъ соблюденіемъ всѣми прочими своихъ обязанностей.

Верховная законодательная власть въ церкви принадлежитъ исключительно вселенскимъ соборамъ, какъ представителямъ вѣры и власти всей церкви.

Помѣстныя и самостоятельныя церкви имѣютъ право издавать у себя только такія постановленія которыя, при удовлетвореніи мѣстнымъ потребностямъ, *состоятъ въ согласіи съ основными законоположеніями вселенской церкви.*

Обязанность неприкосновеннаго храненія залога вѣры и точнаго соблюденія основныхъ постановленій вселенскихъ соборовъ принадлежитъ въ каждомъ изъ помѣстныхъ церковныхъ удѣловъ *всей церкви*, то-есть всѣмъ ея членамъ въ совокупности, паствѣ и ею избраннымъ пастырямъ. Съ чьей бы стороны ни появилось нарушеніе этой священной обязанности, прочіе члены помѣстной церкви имѣютъ долгъ воспротивиться тому и принести жалобу высшей духовной власти, въ послѣдовательномъ іерархическомъ порядкѣ церковнаго управ-

ленія. Когда нарушеніе произведено высшею іерархическою властью въ самостоятельной народной церкви, то жалоба приносится вселенской церкви, въ лицѣ старшихъ предстоятелей другихъ самостоятельныхъ народныхъ церквей, которые въ такомъ случаѣ обязаны собраться на соборъ и постановить рѣшеніе. Церковный судъ подраздѣленъ на инстанціи, сообразно съ подраздѣленіемъ помѣстныхъ округовъ церковнаго управленія. Для переноса дѣлъ изъ низшей инстанціи въ высшую постановлены справедливыя ограниченія.

Судъ производится соборнѣ, гласно, словесно, съ присутствіемъ по возможности на лицо обвинителей, подсудимыхъ и свидѣтелей.

Жалобы, доносы и свидѣтельства принимаются не отъ всякаго лица, но съ благоразумною разборчивостью и съ требованіемъ подкрѣпленія обвиненій положительными доказательствами. Ложный обвинитель подвергается тому самому взысканію подъ которое онъ подводилъ лицо несправедливо имъ обвиненное.

Обвиняемымъ дано право отводить судей подозрѣваемыхъ ими въ лицепріятіи.

По всякаго рода дѣламъ дозволено просителямъ и обвиняемымъ избирать для себя защитниковъ (екдиковъ).

Безъ соборнаго обсужденія и опредѣленія никто не можетъ быть лишенъ занимаемой имъ должности въ церкви; но справедливо допускается заблаговременное удаленіе провинившихся отъ должности, до окончательнаго рѣшенія ихъ дѣла на соборѣ.

Управленіе внѣшними дѣлами паріхіальной церкви хотя и производится единоличною властью ея епископа, но не иначе какъ по совѣщанію съ членами епископскаго совѣта, состоящаго изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, сопричисляемыхъ къ составу епископскаго клира, на время исполненія ими церковныхъ должностей.

Таковы каноническія основы церковнаго устройства. Нельзя не пожелать чтобы вездѣ они были вполнѣ сохраняемы и примѣняемы.

Наша церковь никогда не имѣла *полнаго* каноническаго устройства. Одна изъ причинъ этого упущенія заключается въ томъ что правильное церковное устройство основано на достаточномъ числѣ епископовъ и на ихъ помѣстномъ соборномъ управленіи; у насъ же, при чрезвычайно обширномъ

пространствѣ государства и многочисленномъ населеніи, постоянно находилось весьма малое число епископовъ. Вслѣдствіе сего никогда не существовало въ Русской церкви подраздѣленія на паріикіи и епархіи, и не могли учредиться положенные въ епархіяхъ ежегодные помѣстные соборы, которые *составляютъ краеугольное основаніе* каноническаго церковнаго управленія и, прибавимъ, источникъ церковной жизни, ея духа, силы, дѣятельности, общенія, развитія, совершенствованія, процвѣтанія. Только съ 1785 года, при разграниченіи у насъ епархій по предѣламъ губерній, стало постепенно умножаться число епископскихъ каѳедръ и по штату 1799 г. состояло 36 епархій, не считая присоединенное въ 1783 г. къ синодальному управленію грузинское экзархатство съ 13 епархіями, по коихъ число было въ послѣдствіи сокращено до четырехъ. По причинѣ такого недостатка въ епископахъ, у насъ всегда приходилось ограничиваться созваніемъ соборовъ только отъ времени до времени, въ особенно необходимыхъ случаяхъ: а съ учрежденіемъ св. синода даже совсѣмъ прекратилось созваніе соборовъ.

Въ настоящее время благотворныхъ преобразованій по всѣмъ частямъ государственнаго строя, усовершенствованіе начинаетъ касаться церковной почвы. Принято нѣсколько важныхъ мѣръ, между которыми занимаетъ самое видное мѣсто уничтоженіе противоканоническаго сословія потомственнаго духовенства. Наконецъ, духовное вѣдомство нынѣ само признало безотлагательную необходимость приступить къ правильному устройству церковнаго суда и къ преобразованію духовныхъ консисторій, гдѣ теперь сосредоточивается епархіальное управленіе. Въ виду этихъ благопріятныхъ явленій нельзя не желать, чтобы преобразованія совершились не въ половину только, но на полномъ и точномъ каноническомъ основаніи.

Современное религіозное движеніе умовъ предвѣщаетъ не въ далекомъ будущемъ великій переворотъ въ христіанскомъ обществѣ и великое торжество православію: папизмъ потатнулся и съ каждымъ шагомъ все болѣе приближается къ своему паденію: протестантизмъ ищетъ якоря спасенія въ обрѣтеніи непрекословеннаго ученія вѣры и истинной церкви, а для удовлетворенія этой потребности взоры многихъ искреннихъ христіанъ въ Англіи и Америкѣ обратились съ любовію и надеждою къ православной церкви. Видимо что для православной церкви наступаетъ радостный и торжественный день. Къ

этому великому дню она обязана достойно приготовиться и украситься во славу Божію, чтобы, по словамъ апостола, *представить себя церковью славною, не имѣющею пятна или порока, ни чего-либо подобнаго* (Ефес. V, 27).

Устройство нашей церкви на точныхъ каноническихъ основаніяхъ можетъ быть исполнено безъ малѣйшихъ затрудненій и совершенно удобно.

Изъ числа трехъ установленныхъ подраздѣленій церковнаго управленія мы уже имѣемъ у себя два, низшій и высшій: единоличное управленіе нашихъ епархіальныхъ архіереевъ совершенно соотвѣтствуетъ управленію паркіальныхъ епископовъ, а нашъ св. синодъ осуществляетъ управленіе областнаго экзарха или патріарха.

Посему намъ только остается учредить еще одно среднее подраздѣленіе церковнаго устройства, а именно достаточное число митрополій, которыя могли бы образоваться чрезъ соединеніе между собою нѣсколькихъ нашихъ епархій.

У насъ даже есть готовый образецъ этихъ митрополій:—грузинскій экзархатъ, состоящій изъ четырехъ епархій: Картлійской, Имеретинской, Мингрельской и Гурійской.

Соображаясь съ географическимъ пространствомъ занимаемымъ нашими епархіями и съ путями сообщенія между ними, думается что было бы всего удобнѣе учредить еще около восьми митрополій, кромѣ существующихъ экзархата грузинскаго и митрополичьихъ каѳедръ Петербургской, Московской и Кіевской.

Съ учрежденіемъ этихъ митрополій и установленіемъ въ нихъ каноническаго соборнаго управленія, чрезъ ежегодное созываніе при митрополитахъ кратковременныхъ соборовъ изъ всѣхъ подначальныхъ имъ епархіальныхъ епископовъ, было бы осуществлено вполнѣ правильное церковное устройство и управленіе.

Новое устройство потребовало бы преобразованія св. синода. У насъ принято что св. синодъ замѣнилъ и представляетъ собой упраздненное управленіе патріарха. Этотъ взглядъ едва ли точенъ. Св. синодъ замѣнилъ въ церкви только верховную *власть* патріарха, но отнюдь не *управленіе* его. Какъ наши патріархи, такъ и бывшіе до нихъ всероссійскіе митрополиты управляли дѣлами всей Русской церкви не единоличною своею властью, но соборнѣ съ епископами, въ средѣ коихъ они имѣли только *начальственное председательство* и

исполнительную власть. Слѣдовательно, если святѣйшій синодъ, въ полномъ его составѣ, представляетъ въ собирательномъ смыслѣ единое лицо патріарха, то естественно спросить: гдѣ же тотъ соборъ епископовъ, безъ коихъ патріархъ не можетъ управлять? Если намъ скажутъ что святѣйшій синодъ именно и есть этотъ самый соборъ, тогда мы спросимъ: гдѣ же его *предсѣдатель*, безъ котораго не бываетъ православный соборъ? а также гдѣ представители отъ всѣхъ помѣстныхъ удѣловъ Русской церкви, присутствіе которыхъ требуется для правильнаго состава собора?

При учрежденіи святѣйшаго синода, Петръ I установилъ въ немъ званіе предсѣдателя, подъ наименованіемъ *президента*; но указомъ 1726 года президентъ этотъ былъ переименованъ *первенствующимъ членомъ*, ничѣмъ уже не отличавшимся отъ прочихъ членовъ. Такъ осталось и до нынѣшняго дня. Отсутствіе въ святѣйшемъ синодѣ *предсѣдательствующаго* епископа, имѣющаго право собственнаго почина по всѣмъ церковнымъ дѣламъ и власть исполнительную для обнародованія въ церкви установленнымъ порядкомъ и приведеніе въ дѣйствіе синодальныхъ постановленій, — составляетъ, по нашему мнѣнію, недостатокъ весьма существенный.

Самый составъ святѣйшаго синода не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ вселенскаго законоположенія. Вопервыхъ, въ верховномъ соборномъ управленіи всей народной церкви непремѣнно должны присутствовать представители отъ всѣхъ ея помѣстныхъ удѣловъ, въ лицѣ митрополитовъ или уполномоченныхъ отъ нихъ мѣстоблюстителей. Вовторыхъ, никакое духовное лицо не управляющее епископіею или же не имѣющее уполномочія отъ предстоятеля епископіи не имѣетъ ни повода, ни права засѣдать въ числѣ членовъ собора и пользоваться голосомъ въ составленіи опредѣленій; такого рода лица могли бы присутствовать въ собраніи только съ голосомъ совѣщательнымъ. Втретьихъ, никакихъ *пожизненныхъ* членовъ въ соборѣ не допускается. Извѣстно что въ синодѣ допущены отступленія отъ этихъ правилъ.

Но исправленіе этихъ недостатковъ не представило бы затрудненія. Митрополиты имѣютъ право назначать своими мѣстоблюстителями на соборѣ не однихъ только епископовъ, но также архимандритовъ и протоіереевъ. Тому есть множество примѣровъ въ древней церковной практикѣ и, между прочимъ, даже на первомъ вселенскомъ соборѣ мѣстоблюсти-

телями епископа римскаго были оба пресвитеры: Викентій и Витонъ. Такое же право назначенія мѣстоблюстителей принадлежитъ равномѣрно и епархіальнымъ епископамъ которымъ было бы затруднительно лично отправляться на ежегодный соборъ при митрополитѣ. Церковною практикой даже допускается чтобы отсутствующіе епископы передавали свое уполномочіе кому-нибудь изъ присутствующихъ членовъ собора или другимъ духовнымъ лицамъ живущимъ въ мѣстонахожденіи собора. При такихъ удобствахъ въ назначеніи мѣстоблюстителей легко сохранить правильный составъ святѣйшаго синода и помѣстныхъ соборовъ при митрополитахъ.

Наконецъ, необходимо правильное и согласное съ древнею церковною практикой устройство управленій епархіальныхъ епископовъ. Нынѣ существующія консисторіи нельзя оставить ни по ихъ составу, ни по образу веденія въ нихъ дѣлъ, ни съ ихъ латинскимъ наименованіемъ. При епископѣ долженъ находиться совѣтъ изъ членовъ духовныхъ и мірскихъ, которые, въ качествѣ выборныхъ представителей отъ всей епархіальной церкви, будутъ состоять при немъ помощниками и исполнителями по завѣдыванію дѣлами епископіи.

Въ составѣ нынѣшнихъ консисторій заслуживаетъ вниманія должность секретаря, поставленная въ непадлежащія условія. Въ сущности значеніе секретаря должно быть ниже значенія членовъ консисторіи, но на дѣлѣ онъ имѣетъ надъ ними преобладательное вліяніе; съ другой стороны, секретарь долженъ бы находиться въ подчиненіи у епископа, а между тѣмъ онъ непосредственно подчиненъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, состоитъ какъ бы повѣреннымъ отъ него лицомъ при епархіальномъ управленіи, обязанъ обо всемъ прямо доносить ему и назначается на должность его властью. Такого рода секретари не могутъ оставаться при епископскомъ совѣтѣ.

Но такъ какъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, око царя при церковномъ управленіи, есть лицо надзирающее за охраненіемъ общихъ государственныхъ узаконеній, слѣдящее за тѣмъ чтобы церковная власть не превышала своихъ предѣловъ, заботящееся о томъ чтобы знать нужды церкви, доносить о нихъ царю, передавать святѣйшему синоду царскія повелѣнія и быть посредникомъ во всѣхъ сношеніяхъ между церковью и государственными властями, то для удовлетворенія всѣмъ этимъ важнымъ требованіямъ представляется совершенно необходимымъ чтобы оберъ-прокуроръ имѣлъ сво-

его непосредственнаго повѣреннаго при управленіи каждой помѣстной церкви и особенно въ митрополіяхъ, гдѣ будутъ ежегодно собираться соборы. Вслѣдствіе сего надобно учредить въ каждой епархіи должность *епархіальнаго прокурора*, подчиненнаго только одному синодальному оберъ-прокурору и являющагося его представителемъ въ кругу епархіальнаго управленія. Такого рода учрежденіе было бы совершенно согласно съ церковною практикой, такъ какъ должность нашего синодальнаго оберъ-прокурора во многомъ соотвѣтствуетъ должности *логовета* въ православной восточной церкви, а логоѳеты находились во всѣхъ митрополіяхъ и церковныхъ областяхъ.

Набросавъ очеркъ главныхъ и основныхъ мѣръ къ установленію въ Русской церкви вполнѣ каноническаго устройства и управленія, не считаю пока нужнымъ входить въ обсужденіе второстепенныхъ частностей по этому преобразованію.

Заключу надеждой что значительное большинство православныхъ читателей настоящаго обзора примутъ къ сердцу изложенныя въ немъ мысли и пожелаютъ ихъ осуществленія.

СЕРГѢЙ СУШКОВЪ.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА XXV.

Прощаніе

Бланка нашла своего жениха готовымъ какъ и всегда исполнять ея малѣйшія желанія, но далеко не въ свойственномъ ему хорошемъ расположеніи духа. Онъ оправдывалъ свое унынie усталостью отъ долгаго ожиданія на перекресткѣ. Пока еще была надежда помириться съ Джофри, ему не хотѣлось говорить Бланкѣ о своей ссорѣ съ нимъ. Но надежда становилась все слабѣе и слабѣе по мѣрѣ того какъ вечеръ подходилъ къ концу. Арнольдъ предложилъ отправиться въ билліардную и присоединился съ Бланкой къ игрѣ, съ намѣреніемъ дать Джофри возможность сказать нѣсколько миролюбивыхъ словъ, которыя сдѣлали бы ихъ опять друзьями. Но Джофри не сказалъ ему ни слова и упорно не замѣчалъ его присутствія въ комнатѣ.

За карточнымъ столомъ вистъ продолжался безъ конца. Леди Лунди, сэръ-Патрикъ и докторъ были всѣ неутомимые игроки. Смитъ и Джонсъ, присоединявшіеся къ игрѣ попеременно, служили поддержкой висту точно такъ же какъ всегда служили поддержкой разговору. Такою же скромною ролью

отличались эти два человѣка во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни.

Время зашло за полночь. Въ Виндгетсѣ ложились поздно и вставали поздно. Подъ этою гостепріимною кровлей никакіе намеки въ родѣ подсвѣчниковъ разставляемыхъ на боковыхъ столахъ не торопили гостя въ его комнату; никогда безжалостный звонокъ не поднималъ его утромъ съ постели и не настаивалъ чтобъ онъ завтракалъ въ извѣстный часъ. Въ жизни много неизбѣжныхъ непріятностей, зачѣмъ же прибавлять къ нимъ добровольно непріятность неумолимаго правленія звонка?

Четверть перваго леди Лунди встала съ самоотверженіемъ изъ-за карточнаго стола и объявила что наконецъ кто-нибудь долженъ подать примѣръ отправляться спать. Сэръ-Патрикъ и Смитъ, докторъ и Джонсъ согласились на послѣдній робберъ. Бланка исчезла и скрывалась пока мачиха могла видѣть ее, и появилась опять въ гостиной когда леди Лунди отдалась въ руки своей горничной. Никто не послѣдовалъ примѣру хозяйки кромѣ Арнольда. Онъ вышелъ изъ билліардной вполнѣ убѣжденный что между нимъ и Джофри все кончено. Даже притяженіе Бланки не было достаточно сильно чтобъ удержать его. Онъ отправился въ постель.

Въ половинѣ втораго, когда послѣдній робберъ и счеты за карточнымъ столомъ были уже окончены, и докторъ въ сопровожденіи Смита и Джонса ушелъ въ билліардную, вошелъ наконецъ Дунканъ съ телеграммой въ рукѣ.

Бланка отвернулась отъ ясной, спокойной осенней луны, которая привлекла ее къ окну, и взглянула черезъ плечо дяди, когда онъ распечаталъ теллеграмму.

Она прочла первую строчку, и этого было достаточно. Всѣ надежды, основанныя на этомъ листикѣ бумаги, исчезли въ одно мгновеніе. Поѣздъ изъ Пиркандрю въ Эдинбургъ пришелъ въ обыкновенное время. Полиція видѣла всѣхъ пассажировъ, но никто изъ нихъ не подходитъ подъ описаніе Анны.

Сэръ-Патрикъ указалъ на двѣ послѣднія фразы телеграммы: — телеграфировано въ Фалкирнъ. Отвѣтъ будетъ вамъ извѣстенъ.

— Будемъ надѣяться на лучшее, Бланка. Они, очевидно, подозрѣваютъ что она вышла при соединеніи двухъ дорогъ. Намъ теперь не помочь дѣлу. Идите спать, дитя мое, идите спать.

Бланка ушла, поцѣловавъ молча дядю. Старикъ видѣлъ въ

первый разъ безнадежное горе на ея ясномъ, молодомъ лицѣ. Прощальный взглядъ племянницы произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе и мучилъ его когда онъ пришелъ въ свою комнату съ вѣрнымъ Дунканомъ.

— Плохо дѣло, Дунканъ. Я не сказалъ этого миссъ Лунди, но, кажется, гувернантка перехитрила насъ.

— Кажется что такъ, сэръ-Патрикъ. Какъ бѣдная-то барышня страдаетъ объ немъ.

— И всѣ замѣтили это? Она провела всю жизнь съ миссъ Сильвестеръ, и между ними образовалась сильная привязанность. Я безпокоюсь за племянницу, Дунканъ. Боюсь что это горе будетъ имѣть на нее сильное вліяніе.

— Она молода, сэръ-Патрикъ.

— Да, другъ мой, она молода, но у молодыхъ (когда они годны на что-нибудь) горячія сердца. Зима еще не охладила ихъ, Дунканъ. Они горячо чувствуютъ.

— Мнѣ кажется, сэръ, есть причина надѣяться что миссъ Лунди перенесетъ горе легче чѣмъ вы предполагаете.

— Какая же это причина, позвольте спросить.

— Человѣкъ въ моемъ положеніи не можетъ говорить свободно о такомъ щекотливомъ предметѣ.

Сэръ-Патрикъ заворчалъ, полушутя, полусердито, какъ всегда.

— Что это, упрекъ мнѣ, старый грубіянъ? Развѣ я не другъ вамъ столько же какъ и господинъ? Развѣ я имѣю привычку смотрѣть свысока на своихъ ближнихъ? Мнѣ противенъ современный либерализмъ, но тѣмъ не менѣе я всю жизнь протестовалъ противъ безчеловѣчнаго раздѣленія классовъ. Въ этомъ отношеніи — какъ мы ни хвастаемся нашими національными добродѣтелями—мы самый не-христіанскій народъ цивилизованнаго міра.

— Извините меня, сэръ-Патрикъ.

— Боже мой! Я разговорился о политикѣ въ такое время ночи. Эта ваша вина, Дунканъ. За что вы начали попрекать меня моимъ положеніемъ? Развѣ я виноватъ что не могу надѣть удобно ночнаго колпака пока вы не расчешете моихъ волосъ? Стоило бы за это встрепать хорошенько ваши. Ну! Будетъ! Я безпокоюсь о племянницѣ, Дунканъ, я сдѣлался ужасно раздражителенъ, вотъ и все. Такъ скажите же что вы хотѣли сказать о миссъ Лунди. Чешите мнѣ волосы и не ворчите.

— Я хотѣлъ напомнить вамъ, сэръ-Патрикъ, что у миссъ

Лунди есть другой интересъ въ жизни. Если исторія съ миссъ Сильвестеръ кончится неудачей — а, признаюсь, похоже что такъ и будетъ — я на вашемъ мѣстѣ ускорилъ бы свадьбу племянницы. Ручаюсь что это утѣшило бы ее.

Сэръ-Патрикъ встрепенулся.

— Дѣльное замѣчаніе, сказалъ онъ.—Дунканъ, вы—что я называю—разумный человѣкъ. Стóитъ подумать, старый другъ. На всякій случай стóитъ подумать.

Не въ первый разъ здравый смыслъ Дункана выводилъ изъ затрудненія его господина. Но тогда не случалось ему дѣлать такой ошибки какую онъ сдѣлалъ теперь, внушивъ сэръ-Патрику роковую мысль ускорить бракъ Арнольда съ Бланкой.

Положеніе дѣлъ въ Виндигетсѣ теперь, — когда Анна скрылась не оставивъ никакихъ слѣдовъ по которымъ бы можно было найти ее, — начинало принимать серіозный оборотъ. Открытіе тайны Арнольда зависѣло отъ случайности. При такихъ обстоятельствахъ, сэръ-Патрикъ рѣшился, — если ничто не успокоитъ Бланку въ теченіи недѣли,—отпраздновать свадьбу не въ концѣ осени, какъ сначала предполагалось, но въ первой половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Такая перемѣна сокращала три мѣсяца остававшіеся до свадьбы въ три недѣли.

Наступило слѣдующее утро. Бланка начала его неосторожнымъ поступкомъ, уничтожившимъ одинъ изъ шансовъ къ открытію истины, шансъ на который можно было надѣяться даже послѣ полученія эдинбургской телеграммы прошлаго вечера.

Бланка провела безсонную ночь, страдая лихорадкою души и тѣла и думая часъ за часомъ только объ Аннѣ. На разсвѣтѣ такое состояніе стало ей невыносимо. Ея самообладаніе истощилось окончательно. Она встала съ намѣреніемъ не дать уйти Джофри не сдѣлавъ попытки вывѣдать отъ него то что онъ знаетъ объ Аннѣ. Такой самовольный поступокъ былъ прямою измѣной сэръ-Патрику. Она знала что поступаетъ дурно, и стыдилась за свой поступокъ. Но демонъ безразсудства, вселяющійся въ женщинъ въ критическія минуты ихъ жизни, овладѣлъ ею, и она исполнила свое намѣреніе.

Джофри рѣшилъ накануѣ что, позавтракавъ рано утромъ, отправится къ брату пѣшкомъ, и пришлетъ за своимъ багажемъ слугу.

Онъ надѣлъ уже шляпу и стоялъ въ залѣ, вынимая изъ

кармана вторую половину себя, свою трубку, когда Бланка появилась неожиданно и стала между нимъ и выходною дверью.

— Уже встали, сказалъ Джофри.—Я отправляюсь къ брату.

Она не отвѣтила. Онъ взглянулъ на нее пристальнѣе. Глаза дѣвушки всматривались въ его лицо съ такою смѣлою откровенностью что даже онъ не осмѣлился подумать что она остановила его по какому-нибудь недостойному побужденію.

— Какое-нибудь порученіе? спросилъ онъ.

Въ этотъ разъ она отвѣтила ему.

— Я хочу сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

Онъ любезно улыбнулся и открылъ свой мѣшокъ съ табакомъ. Онъ былъ свѣжъ и силенъ послѣ ночнаго отдыха, здоровъ, красивъ и веселъ. Горничныя въ это утро любовались имъ и пожелали подобно Дездемонѣ—съ небольшою разницей—чтобы „небо сдѣлало ихъ всѣхъ трехъ такимъ муциной“.

— Ну, спросилъ онъ,—какой же вопросъ?

Она сдѣлала свой вопросъ безъ одного слова предисловія, нарочно чтобы смутить его.

— Мистеръ Деламенъ, знаете вы гдѣ находится сегодня Анна Сильвестеръ?

Онъ набивалъ трубку когда она произнесла эти слова, и просыпалъ часть табаку на полъ. Онъ подобралъ сначала табакъ и потомъ уже отвѣтилъ ей съ угрюмымъ самообладаніемъ и однимъ только словомъ:

— Нѣтъ.

— Вы ничего не знаете о ней?

Онъ углубился въ набиваніе своей трубки.

— Ничего.

— Честное слово джентльмена?

— Честное слово джентльмена.

Онъ положилъ мѣшокъ съ табакомъ въ карманъ. Его красивое лицо было непроницаемо какъ камень. Его свѣтлые голубые глаза вызывали всѣхъ англійскихъ дѣвушекъ вмѣстѣ взятыхъ проникнуть въ его душу.

— Кончили вы, миссъ Лунди? спросилъ онъ съ насмѣшливою вѣжливостью въ тонѣ голоса и взглядѣ.

Бланка поняла безнадежность попытки, поняла что повредила своимъ интересамъ такимъ отчаяннымъ поступкомъ. Теперь, когда было уже поздно, она вспомнила предостереженіе сэръ-Патрика: „мы сдѣлаемъ большую ошибку если дадимъ ему замѣтить что наблюдаемъ за нимъ“.

— Да, сказала она,—я кончила.

— Теперь моя очередь, возразилъ Джофри. — Вы желаете знать гдѣ миссъ Сильвестеръ. Почему вы спрашиваете у меня?

Бланка сдѣлала все что̀ было въ ея силахъ чтобы поправить ошибку. Она скрыла правду отъ Джофри точно такъ же какъ Джофри скрылъ правду отъ нея.

— Я случайно узнала что миссъ Сильвестеръ уходила вчера изъ того мѣста гдѣ она жила въ то самое время когда вы гуляли. Я подумала, не видали ли вы ея.

— А! Такъ вотъ почему, сказалъ Джофри улыбаясь.

Улыбка задѣла за живое вспыльчивую натуру Бланки. Но она сдѣлала отчаянное усиліе и сдержала свое негодованіе.

— Мнѣ нечего болѣе сказать вамъ, мистеръ Деламенъ.

Она повернулась къ нему спиной и затворила за собой дверь.

Джофри вышелъ изъ дому и закурилъ трубку. Онъ ни на минуту не усомнился въ причинѣ побудившей Бланку предложить ему вопросъ объ Аннѣ. Онъ былъ увѣренъ что Арнольдъ, чтобъ отомстить ему за его вчерашнее поведеніе, разказалъ Бланкѣ о своемъ посѣщеніи Крегъ-Ферни. Дѣло, конечно, немедленно дойдетъ до сэръ-Патрика, и сэръ-Патрикъ первый объяснитъ Арнольду положеніе въ которое Арнольдъ поставилъ себя относительно Анны. Отлично! Сэръ-Патрикъ будетъ превосходнымъ свидѣтелемъ, къ которому можно будетъ обратиться когда разразится скандалъ и придетъ время назвать требованіе Анны безстыдною дерзостью замужней женщины. Онъ беззаботно раскурилъ трубку и отправился своимъ плавнымъ, твердымъ шагомъ къ брату.

Бланка осталась одна въ комнатѣ. Надежда узнать истину посредствомъ того что̀ сказалъ бы Джофри обратившись опять за совѣтомъ къ сэръ-Патрику была теперь погибшая надежда. Бланка стала въ отчаяніи къ окну. Оно выходило на небольшую боковую площадку, которая была любимымъ мѣстомъ прогулки Анны во время ея пребыванія въ Виндгетсѣ. Грустнымъ взглядомъ, съ тоскою на сердцѣ, бѣдная дѣвушка смотрѣла на знакомое мѣсто, и спрашивала себя, съ горькимъ, но позднимъ раскаяніемъ, не уничтожила ли она послѣдней возможности найти Анну.

Она сидѣла уныло у окна пока не увидѣла почтальйона. Прежде чѣмъ слуга успѣлъ взять сумку съ письмами, она была уже въ залѣ и взяла ее сама. Неужели въ ней есть извѣстіе объ Аннѣ? Перебирая письма, она увидѣла письмо на свое

нимя, адресованное рукою Анны, съ почтовою отмѣткой Киркандрю.

Она разорвала конвертъ и прочла слѣдующія строки:

„Я разсталась съ вами на вѣки, Бланка. Да благословитъ и да вознаградитъ васъ Богъ! Дай вамъ Богъ быть счастливою женой въ продолженіе всей вашей жизни. Вы сочтете меня жестокою, моя милая, но я никогда не была такъ истинно вашею сестрой какъ теперь. Я могу сказать вамъ только одно: я никогда не скажу вамъ болѣе. Простите и забудьте меня. Съ этого дня наша жизнь пойдетъ порознь."

Сойдя къ завтраку въ свой обыкновенный часъ, сэръ-Патрикъ не нашелъ Бланки, которую привыкъ видѣть въ это время ожидающею его у стола. Комната была пуста; остальные члены домашняго кружка уже кончили завтракъ. Сэръ-Патрикъ не любилъ завтракать въ уединеніи. Онъ послалъ Дункана съ порученіемъ къ горничной Бланки.

Горничная явилась сама. Миссъ Лунди не можетъ выйти изъ своей комнаты. Она посылаетъ сэръ-Патрику письмо и проситъ прочесть его.

Сэръ-Патрикъ развернулъ письмо и прочелъ то что̀ Анна писала Бланкѣ.

Онъ подождалъ немного, очевидно мучаясь прочитаннымъ, потомъ распечаталъ свои письма и постепенно просмотрѣлъ подписи. Между ними не было ни извѣстія изъ Эдинбурга, ни телеграммы съ желѣзной дороги. Наканунѣ онъ рѣшилъ подождать еще недѣлю прежде чѣмъ вступить въ переговоры о свадьбѣ Бланки. Происшествія этого утра побудили его не ждать ни одного дня. Дунканъ вошелъ въ комнату чтобы налить ему кофе. Сэръ-Патрикъ послалъ его со вторымъ порученіемъ.

— Знаете вы гдѣ найти леди Лунди, Дунканъ?

— Знаю, сэръ-Патрикъ.

— Мой поклонъ леди Лунди. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нею черезъ часъ, если она не будетъ занята.

ГЛАВА XXVI.

Покинута.

Не веселъ былъ завтракъ сэръ-Патрика. Отсутствіе Бланки пугало его. Письмо Анны удивляло.

Онъ перечелъ его, какъ ни было оно коротко, во второй и

въ третій разъ. Если въ немъ можно было понять что-нибудь, такъ только то что причиной побудившею Анну къ бѣгству было намѣреніе пожертвовать собой для счастія Бланки. Она разсталась навсегда съ его племянницей для счастія его племянницы. Что это значитъ? И что общаго имѣетъ это съ положеніемъ Анны, какъ его описала мистрисъ Инчбаръ?

Проницательность сэръ-Патрика и опытность сэръ-Патрика не могли найти никакого отвѣта на эти вопросы.

Онъ все еще думалъ надъ письмомъ когда въ комнату вошли Арнольдъ и докторъ.

— Вы слышали о Бланкѣ? спросилъ Арнольдъ взволнованнымъ голосомъ.—Теперь она внѣ опасности. Худшее прошло.

Докторъ заговорилъ прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ успѣлъ обратиться къ нему съ вопросомъ.

— Мистеръ Бриквортъ, изъ участія къ миссъ Лунди, преувеличиваетъ опасность. Я навѣстилъ ее по желанію леди Лунди и могу васъ увѣрить что нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться за ея здоровье. У ней былъ нервный припадокъ, устуливший самымъ простымъ домашнимъ средствамъ. Но вы должны подумать о будущемъ. Она страдаетъ какимъ-то нравственнымъ недугомъ, который до меня не касается, но который друзья ея должны отстранить. Если вы обратите ея мысли отъ печальнаго предмета, что бы это ни было, на которомъ онѣ остановились теперь, на что-нибудь другое, вы сдѣлаете все что надо сдѣлать.

Онъ взялъ со стола газету и ушелъ въ садъ, оставивъ сэръ-Патрика и Арнольда вдвоемъ.

— Слышали вы что онъ сказалъ? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Вы думаете что онъ правъ? возразилъ Арнольдъ.

— Правъ? А вы думаете что человѣкъ составляетъ себѣ репутацію ошибками? Вы принадлежите къ новому поколѣнію, мистеръ Арнольдъ. Вы всѣ можете смотрѣть на знаменитаго человѣка не чувствуя не малѣйшаго уваженія въ его славѣ. Еслибы между вами появился самъ Шекспиръ и сталъ бы говорить о трагедіяхъ, первый встрѣчный которому случилось бы сидѣть противъ него за обѣдомъ сталъ бы противорѣчить ему также равнодушно какъ мнѣ или вамъ. Благоговѣніе умерло для васъ, и вы похоронили его не положивъ камня на его могилу. Но довольно объ этомъ. Возвратимся къ Бланкѣ. Вы вѣроятно знаете какое горе мучаетъ ее. Миссъ Сильвестеръ перехитрила меня и эдинбургскую полицію. Вчера

вечеромъ Бланка узнала о нашей неудачѣ, а сегодня получила вотъ это письмо.

Онъ протянулъ Арнольду черезъ столъ письмо Анны.

Арнольдъ прочелъ его и возвратилъ не сказавъ ни слова. Взглянувъ на письмо съ новой точки зрѣнія послѣ ссоры съ Джофри на дорогѣ, онъ вывелъ изъ него только одно заключеніе: Джофри бросилъ ее.

— Ну? спросилъ сэръ-Патрикъ.—Что же вы поняли изъ этого письма?

— Я понялъ горе Бланки когда она прочла его.

Онъ не сказалъ ничего болѣе. Ему было ясно, что еслибъ онъ даже имѣлъ право сообщить сэръ-Патрику то что знаетъ объ Аннѣ, это не помогло бы отыскать ее при настоящихъ обстоятельствахъ. Къ несчастію, теперь ничто не побуждало его выдать тайну которую онъ свято хранилъ до сихъ поръ, и къ несчастію же, онъ никогда не чувствовалъ въ себѣ столько силы сохранить тайну, еслибы даже представилось искушеніе, какъ въ эту минуту.

Двѣ сильныя причины заставлявшія его молчать до сихъ поръ — уваженіе къ репутаціи Анны и нежеланіе разказать Бланкѣ о фальшивой роли которую онъ вынужденъ былъ разыграть въ Крегъ-Ферни—подкрѣплились третьею причиной. Выдать тайну Джофри было бы вдвойнѣ безчестно послѣ того какъ Джофри лично оскорбилъ его. Арнольдъ по характеру своему былъ неспособенъ къ такому подлому мщенію которое, не поколебавшись ни на минуту, приписалъ ему другъ. Онъ никогда не былъ такъ твердъ въ своемъ намѣреніи сохранить тайну какъ въ эту минуту, когда будущность его зависѣла отъ того чтобы сэръ-Патрикъ узналъ объ его участіи въ происшествіяхъ случившихся въ Крегъ-Ферни.

— Да, конечно, возразилъ нетерпѣливо сэръ-Патрикъ.—Огорченіе Бланки очень понятно. Но племянница моя очевидно была причиной исчезновенія миссъ Сильвестеръ. Не знаете ли вы какимъ образомъ это касается моей племянницы?

— Бланка сама ничего не понимаетъ. Могу ли я знать?

Онъ отвѣтилъ совершенно искренно. Смутное опасеніе Анны за ихъ поступки въ гостиницѣ не произвело на него тогда большаго впечатлѣнія, онъ даже не понялъ его. Вслѣдствіе этого у него не было теперь ни малѣйшаго подозрѣнія о настоящей причинѣ побудившей Анну на ея поступокъ.

Сэръ-Патрикъ положилъ письмо въ свой бумажникъ, потерявъ всякую надежду объяснить себѣ его настоящій смыслъ.

— Пора, и давно пора бросить безполезныя догадки, сказалъ онъ.—Мнѣ ясно только одно, послѣ случившагося сегодня на верху: мы должны покориться желанію миссъ Сильвестеръ. Съ этой минуты я отказываюсь отъ дальнѣйшихъ попытокъ найти ее.

— Это будетъ большимъ горемъ для Бланки, сэръ-Патрикъ.

— Не спорю, но мы должны покориться необходимости.

— Если вы увѣрены что нельзя ничего сдѣлать, то конечно надо покориться.

— Я въ этомъ совсѣмъ не увѣренъ, мистеръ Арнольдъ.— Есть еще два средства открыть тайну, средства, которыхъ не можетъ отнять у насъ миссъ Сильвестеръ.

— Такъ почему же не воспользоваться ими, сэръ-Патрикъ? Не жестоко ли покинуть миссъ Сильвестеръ въ ея трудномъ положеніи?

— Мы не можемъ помочь ей противъ ея воли, возразилъ сэръ-Патрикъ.—И мы не имѣемъ права рисковать здоровьемъ Бланки, подвергая ее дальнѣйшему ожиданію новаго припадка. Я вмѣшался въ это дѣло изъ расположенія къ Бланкѣ, и теперь перемѣнилъ намѣреніе и не хочу волновать ее попытками, которыя по всей вѣроятности кончились бы другими неудачами, опять таки изъ расположенія къ ней. Другой побудительной причины у меня не было. Можетъ-быть у меня много слабостей, но между ними нѣтъ тщеславнаго желанія отличиться въ качествѣ полицейскаго слѣдователя. Съ полицейской точки зрѣнія дѣло далеко не проиграно. Но я отказываюсь отъ него ради Бланки. Вмѣсто того чтобы поддерживать ея грусть, мы должны прибѣгнуть къ цѣлительному средству на которое указалъ докторъ.

— Какое же это средство? спросилъ Арнольдъ.

Лицо сэръ-Патрика начало оживляться его веселымъ юморомъ.

— Развѣ у нея нѣтъ въ будущемъ чего-нибудь такого о чемъ интереснѣе думать чѣмъ о потерянной подругѣ? спросилъ онъ.—Излѣченіе Бланки зависитъ отчасти отъ васъ, мой юный другъ. Вы одно изъ лѣкарствъ нравственнаго рецепта. Развѣ вы не догадываетесь что вы должны сдѣлать?

Арнольдъ вскочилъ, просіявъ отъ радости.

— Можетъ-быть вы не хотите торопиться? замѣтилъ сэръ-Патрикъ.

— Не хочу! Если Бланка согласится, я поведу ее въ церковь какъ только она сойдетъ внизъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ сэръ-Патрикъ сухо. — Мистеръ Арнольдъ Бринквортъ, еслибы вы во всемъ такъ охотно торопились какъ теперь! Сядьте пожалуста, и не говорите пустяковъ. Если Бланка согласится (какъ вы говорите), и если адвокаты поторопятся, вамъ можно будетъ жениться недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ.

— Какое дѣло адвокатамъ до нашей свадьбы?

— Вѣдь это свадьба не въ романѣ, другъ мой. Вашъ бракъ одинъ изъ самыхъ не романическихъ. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, оба богаты, оба пара другъ другу по происхожденію и характеромъ, онъ совершеннолѣтній, она дѣйствуетъ съ полнаго согласія своего опекуна. Что же должно быть слѣдствіемъ такого прозаическаго положенія вещей? Само-собой разумѣется, адвокаты и контрактъ.

— Пойдемте въ библіотеку, сэръ-Патрикъ. Я въ одну минуту приготовлю вамъ контрактъ! Клочокъ бумаги и каплю чернилъ. „Я, нижеподписавшійся, отдаю все что у меня есть, до послѣдней копѣйки, моей дорогой Бланкѣ.“ Подпишу, приложу печать, придавлю пальцемъ, вотъ вамъ и контрактъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да вы, я вижу, природный законовѣдъ. Вы создаете и излагаете свою систему не переводя духа. Вашу руку, Моисей, Юстиніанъ, Магометъ! Во всемъ что вы сказали есть атомъ смысла. „Пойдемте въ библіотеку“ есть предложеніе достойное вниманія. Въ дополненіе ко всему не имѣется ли у васъ и адвоката?

— У меня есть два. Одинъ въ Лондонѣ, другой въ Эдинбургѣ.

— Мы воспользуемся ближайшимъ изъ двухъ, потому что намъ надо спѣшить. Кто вашъ эдинбургскій адвокатъ? Прингль? Лучшаго человѣка намъ и не надо. Пойдемте, напишите ему. Вы изложили мнѣ брачный контрактъ съ краткостью древняго Римлянина. Но я не уступлю законовѣду-дилеттанту. Вотъ вамъ мое изложеніе: вы справедливы и великодушны къ Бланкѣ; Бланка справедлива и великодушна къ вамъ; оба вы хотите быть справедливыми и великодушными къ вашимъ дѣтямъ. Вотъ образцовый контрактъ. Сообразуясь съ нимъ вы

должны написать Приглю. Можете вы сдѣлать это сами? Нѣтъ? конечно нѣтъ. Ну, постарайтесь же по крайней мѣрѣ понять меня. Обращайте вниманіе на пункты и на порядокъ въ которомъ они будутъ слѣдовать одинъ за другимъ. Вы намѣрены жениться; называете на комъ; прибавляете что я ея опекунъ; даете адресъ моего эдинбургскаго адвоката; излагаете ваши инструкціи какъ можно яснѣе, и какъ можно короче, и предоставляете ему подробности; поручаете ему обратиться къ моему адвокату; просите чтобы контрактъ былъ приготовленъ какъ можно скорѣе и даете вашъ адресъ, въ этотъ домъ. Вотъ главное. Можете вы написать теперь? Нѣтъ? О молодое поколѣніе! О прогрессъ нашего просвѣщеннаго времени! Да. Вы можете жениться на Бланкѣ, можете сдѣлать ее счастливою, можете увеличить населеніе, и все это не умѣя писать по-англійски. Я могу только повторить съ ученымъ Беворискіемъ, смотрѣвшимъ въ окно на безграничную любовь воробьевъ: какъ милостиво небо къ своимъ созданіямъ! Берите перо. Я продиктую вамъ. Я продиктую.

Сэръ-Патрикъ прочелъ письмо, одобрилъ его и отправилъ на почту. Онъ строго запретилъ Арнольду говорить съ Бланкой о свадьбѣ безъ его разрѣшенія.

— Надо получить согласіе одной особы прежде чѣмъ просить его у Бланки.

— Леди Лунди?

— Да, леди Лунди. Строго судя, я единственный авторитетъ. Но свояченица моя мачиха Бланки и назначена ея опекуншей въ случаѣ моей смерти. Надо спросить его согласія изъ вѣжливости, если не по закону. Намѣрены вы сдѣлать это?

Лицо Арнольда вытянулось. Онъ взглянулъ на сэръ-Патрика съ безмолвнымъ замѣшательствомъ.

— Что? Вы даже не рѣшаетесь поговорить съ такою уступчивою особой какъ леди Лунди? На морѣ вы можетъ-быть были полезнымъ человѣкомъ, но такого безпомощнаго молодаго человѣка на землѣ я не встрѣчалъ. Отправляйтесь въ садъ къ другимъ воробьямъ. Кто-нибудь долженъ же поговорить съ леди Лунди. Если вы не можете, я беру это на себя.

Вытолкнувъ Арнольда въ садъ, онъ задумчиво обратился къ набалдашнику своей трости. Веселости его и слѣда не осталось, когда онъ остался одинъ. Его знакомство съ характеромъ леди Лунди предупреждало его что попытка получить ея согласіе на ускореніе свадьбы Бланки не легкое дѣло.

„Бѣдный Томъ, вѣроятно, зналъ какое-нибудь средство держать ее въ повиновеніи“, подумалъ онъ. „Желалъ бы я знать какъ онъ это дѣлалъ? Еслибъ она была жена каменьщика, она такого рода женщина которую мужъ могъ бы держать въ полномъ повиновеніи сильнымъ и регулярнымъ употребленіемъ кулака. Но бѣдный Томъ былъ не каменьщикъ. Желалъ бы я знать какъ онъ жилъ съ ней?“ Подумавъ нѣсколько минутъ объ этомъ вопросѣ, сэръ-Патрикъ оставилъ его какъ вопросъ неразрѣшимый. „Надо заставить ее дать согласіе“, подумалъ онъ, „и мой собственный умъ долженъ помочь мнѣ.“

Въ такомъ самоотверженномъ настроеніи онъ вышелъ изъ библіотеки и постучался въ дверь будуара леди Лунди.

ГЛАВА XXVII.

Перехитрилъ.

Сэръ-Патрикъ нашелъ свою свояченицу погруженною въ хозяйственныя заботы. Корреспонденція сіятельной леди и списокъ ея визитовъ; хозяйственные счеты и домовая книга ея свѣтлости; дневникъ или памятная книга (въ красномъ сафьянномъ переплетѣ); письменный столъ, письменныя принадлежности, спичечница и подсвѣчникъ (все изъ чернаго дерева и серебра); сама сіятельная леди предсѣдательствующая надъ своими дѣлами, въ безупречномъ утреннемъ костюмѣ, наслаждающаяся здоровьемъ тѣла и принциповъ, недоступная ни одному пороку, въ высшей степени добродѣтельная,—все это вмѣстѣ представляло глазамъ всякаго здравомыслящаго смертнаго самое назидательное зрѣлище изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣчеству,—зрѣлище британской матроны на ея тронѣ обращающейся ко всему міру вообще съ вопросомъ: когда ты представишь что-нибудь равное мнѣ?

— Боюсь не помѣшалъ ли я вамъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.— Я совершенно свободенъ. Не зайти ли мнѣ попозже?

Леди Лунди приложила руку ко лбу и слабо улыбнулась.

— Легкое давленіе здѣсь, сэръ-Патрикъ. Прошу васъ, садитесь. Долгъ всегда находитъ меня способною, долгъ находитъ меня доброю, долгъ находитъ меня доступною. Отъ слабой женщины долгъ не можетъ требовать большаго. Въ чемъ

же дѣло теперь? (Леди Луиди обратилась къ своей сафьянной записной книгѣ.) У меня здѣсь все раздѣлено на параграфы, отмѣченные заглавными буквами. П.—помощь бѣлымъ. Не то. Я. М.—языческія миссіи. Не то. О. Г.—ожидаемые гости. Не то. Т. С. П.—тайное свиданіе съ Патрикомъ. Вотъ оно. Вы простите мнѣ маленькую безвредную фамильярность? Я пропустила вашъ титулъ. Благодарю васъ. Я къ вашимъ услугамъ, если вамъ угодно начать. Если это что-нибудь непріятное, не затрудняйтесь. Я совершенно готова.

Послѣ такого предисловія леди Луиди откинулась на спинку кресла, облокотилась локтями на ручки и скрестила пальцы. „Ну“, сказала она вопросительно. Сэръ-Патрикъ отдалъ тайную дань сожалѣнія своему покойному брату и началъ:

— Не скажу чтобъ это было непріятное дѣло. Мы назовемъ его семейнымъ безпокойствомъ. Бланка....

Леди Луиди издала слабый стонъ и закрыла глаза руками.

— Неужели это необходимо? воскликнула леди Луиди тономъ трогательнаго упрека.—О, сэръ-Патрикъ, неужели это необходимо?

— Да, это необходимо.

Прекрасные глаза леди Луиди обратились за помощью къ штукатуркѣ потолка. Потолокъ отверзся и показалъ леди Луиди „долгъ“ написанный крупнѣйшими прописными буквами.

— Продолжайте, сэръ-Патрикъ. Девизъ женщинъ—самопожертвованіе. Вы не увидите какъ я буду страдать. Продолжайте.

Сэръ-Патрикъ продолжалъ, не выказавъ ни малѣйшихъ признаковъ симпатіи или удивленія:

— Я хотѣлъ напомнить вамъ о нервномъ припадкѣ Бланки. Позвольте спросить, знаете ли вы чему приписываютъ его?

— О! воскликнула леди Луиди, внезапно выпрямившись на стулѣ и внезапно возвративъ свои вокальныя способности.—Единственный предметъ о которомъ я боялась говорить. Жестокій, жестокій, жестокій поступокъ о которомъ я хотѣла умолчать! А сэръ-Патрикъ намекаетъ на него! Неумышленно,—надо отдать справедливость,—неумышленно намекаетъ на него!

— На что я намекаю, сударыня?

— На поведеніе Бланки относительно меня. На безсердечную скрытность Бланки. На непочтительное молчаніе Бланки. Повторяю мои слова: на безсердечную скрытность Бланки, на непочтительное молчаніе Бланки.

— Позвольте, леди Лунди.

— Позвольте мнѣ, сэръ-Патрикъ. Одному Богу извѣстно какъ неохотно я говорю объ этомъ. Одному Богу извѣстно что я никогда не намекнула бы объ этомъ еслибы вы сами не принудили меня къ этому. Какъ хозяйка дома, какъ христіанка, какъ вдова вашего незабвеннаго брата, я обязана разказать вамъ объ ея поступкѣ. Я понимаю ваше участіе. Я понимаю что вы хотите пощадить меня. Напрасно! Я обязана разказать вамъ объ ея поступкѣ.

Сэръ-Патрикъ покорился и поклонился. (Еслибъ онъ былъ каменьщикъ! Еслибы леди Лунди не была тѣмъ чѣмъ ея свѣтлость безспорно была, сильнѣйшимъ существомъ изъ двухъ!)

— Позвольте мнѣ, ради васъ самихъ, опустить завѣсу на ужасы,—при всемъ желаніи пощадить васъ, я не могу назвать этого иначе,—на ужасы происходившіе наверху. Лишь только я услыхала о болѣзни Бланки, я поспѣшила исполнить долгъ. Долгъ будетъ находить меня всегда готовою, сэръ-Патрикъ, до послѣдней минуты моей жизни. Я спокойно присутствовала при воплях и рыданіяхъ моей падчерицы. Я старалась не слышать ея вульгарныхъ выраженій. Я, какъ Англичанка и хозяйка дома, показала ей достойный примѣръ. Но когда я услыхала что Бланка произнесла имя которое не должно никогда произноситься въ моемъ домашнемъ кружкѣ, я перепугалась не на шутку. Я сказала моей горничной: Голкинсъ, это не истерика. Это дьявольское навожденіе. Принесите хлороформу.

Употребленіе хлороформа какъ заклинательнаго средства было неслыханною новостью для сэръ-Патрика. Онъ съ трудомъ сохранилъ серіозный видъ. Леди Лунди продолжала.

— Голкинсъ хорошая женщина, но у Голкинсъ есть языкъ. Она встрѣтила въ корридорѣ нашего просвѣщеннаго друга, доктора, и сказала ему о приладкѣ. Онъ былъ такъ добръ что подошелъ къ двери. Мнѣ было ужасно неловко обратиться къ его профессіи, когда онъ почетный гость въ моемъ домѣ. И къ тому же Бланка, по моему мнѣнію, нуждалась болѣе въ помощи священника чѣмъ доктора. Но нечего было дѣлать послѣ языка Голкинсъ. Я попросила нашего знаменитаго друга удостоить насъ прогнозисомъ. (Кажется, такъ настоящій ученый терминъ?) Онъ взглянулъ на приладокъ съ чисто-матеріальной точки зрѣнія, чего и надо ожидать отъ человѣка его профессіи. Правильно я выразилась сказавъ

пр гнозисъ? Не діагнозисъ ли? Привычка выражаться правильно такъ необходима, сэръ-Патрикъ. И мнѣ такъ не хотѣлось бы ввести васъ въ заблужденіе.

— Все равно, леди Лунди. Я слышалъ мнѣніе доктора. Не трудитесь повторять его.

— Не трудитесь повторять его! сказала леди Лунди.—Ахъ, сэръ-Патрикъ! Какое нетерпѣніе! Воображаю какъ часто вы уступали ему, и какъ часто приходилось вамъ раскаиваться въ этомъ!

— Дорогая леди Лунди, если вамъ хочется повторить слова доктора, вы бы такъ и сказали мнѣ. Я не буду торопить васъ. Такъ поговоримъ о прогнозисѣ.

Леди Лунди покачала головой съ сожалѣніемъ и улыбнулась съ ангельскимъ снисхожденіемъ.

— Наши маленькіе вседневные грѣхи, сказала она.—Мы рабы нашихъ маленькихъ вседневныхъ грѣховъ. Пройдите по комнатѣ, право, пройдитесь.

Другой человѣкъ потерялъ бы терпѣніе, но сэръ-Патрикъ, не выказавъ ни малѣйшаго раздраженія, переложилъ пріятственный пластырь своей свояченицы съ себя на нее.

— Какъ вы проницательны! сказалъ онъ.—Я дѣйствительно страдаю нетерпѣніемъ. Мнѣ хочется знать что сказала вамъ Бланка когда ей сдѣлалось лучше.

Британская матрона окаменѣла въ одно мгновеніе.

— Ничего, отвѣчала леди Лунди, злобно щелкнувъ зубами точно хотѣла прикусить слово, когда онъ вылетало изъ ея рта.

— Ничего! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.

— Ничего, повторила леди Лунди выразительнымъ тономъ и съ выразительнымъ взглядомъ.—Я собственными руками дала ей лѣкарство; я перерѣзала ей ножницами снуровку; я обливала ей голову холодною водой; я ждала пока она не успокоилась; тогда я выслала всѣхъ изъ комнаты, обняла ее, прижала къ груди и сказала: „дорогое дитя мое, довѣрьтесь мнѣ“. И чѣмъ отплатила она мнѣ за мои заботы я уже сказала вамъ: безсердечною скрытностью, непочтительнымъ молчаніемъ.

Сэръ-Патрикъ слегка пожалъ пластырь.

— Она, вѣроятно, боялась сказать.

— Боялась? О! воскликнула леди Лунди, не довѣряя своимъ ушамъ.—И вы могли это сказать! Я можетъ-быть не разслышала? Вы не сказали: боялась?

— Я сказалъ: она можетъ-быть боялась....

— Остановитесь. Я не позволю говорить мнѣ въ глаза что я не исполнила моего долга относительно Бланки. Нѣтъ, сэръ-Патрикъ! Я могу вынести многое, но этого я не могу вынести. Я была болѣе чѣмъ матерью дочери вашего дорогаго брата; я была старшею сестрой Бланки; я много трудилась, да, сэръ-Патрикъ, я много трудилась надъ развитіемъ ума Бланки (никогда не забывая прелестнаго выраженія поэта: прекрасна обязанность развивать молодой умъ и давать направленіе молодой мысли!); я дѣлала все что̀ могла: не далѣе какъ вчера посѣщеніе одного изъ интереснѣйшихъ памятниковъ феодальныхъ временъ Пертшейра,—и послѣ всѣхъ моихъ жертвъ сказать мнѣ будто я обращалась съ Бланкой такъ что она боится довѣриться мнѣ, немного жестоко. У меня чувствительная, до крайности чувствительная натура, дорогой сэръ-Патрикъ. Простите мнѣ что я содрагаюсь отъ раны. Простите мнѣ что я такъ глубоко чувствую рану нанесенную мнѣ человѣкомъ котораго я уважаю.

Леди Лунди приложила платокъ къ глазамъ. Другой человѣкъ снялъ бы пластырь. Сэръ-Патрикъ пожалъ его еще сильнѣе.

— Вы не поняли меня, сказалъ онъ.—Я хотѣлъ сказать что Бланка боялась сказать вамъ настоящую причину своей болѣзни. Настоящая причина—безпокойство о миссъ Сильвестеръ.

Леди Лунди издала второй стонъ,—громкій стонъ въ этотъ разъ, и закрыла глаза въ ужасѣ.

— Я могу убѣжать изъ дому, дико воскликнула она.—Я могу убѣжать на край земли, но я не могу слышать этого имени. Нѣтъ, сэръ-Патрикъ! Не въ моемъ присутствіи! Не въ моей комнатѣ! Не въ то время пока я хозяйка Виндигетса.

— Очень жаль что мнѣ приходится говорить вамъ непріятное, леди Лунди. Но дѣло по которому я пришелъ сюда принуждаетъ меня коснуться, по возможности слегка, происшествія случившагося въ вашемъ домѣ безъ вашего вѣдома.

Леди Лунди внезапно открыла глаза и превратилась въ образецъ вниманія. Случайный зритель могъ бы подумать что она не совсѣмъ недоступна вульгарному чувству любопытства.

— Вчера, въ то время когда мы завтракали, въ Виндигетсѣ была гостья, продолжалъ сэръ-Патрикъ.—Она....

Леди Лунди схватила записную книжку и остановила сэръ-Патрика. Слѣдующія слова вырвались изъ устъ ея спазмодически.

— Я берусь, какъ женщина привыкшая управлять собой, я берусь выслушать васъ, съ однимъ только условіемъ: я не хочу знать ни имени, ни пола. „Особа“, если вамъ угодно. „Особа“, продолжала леди Лунди, раскрывъ книгу и взявъ въ руки перо,—„совершила вчера дерзкое вторженіе въ мои владѣнія.“

Сэръ-Патрикъ поклонился. Леди Лунди вписала въ книгу свои слова, сердито царапая перомъ бумагу и начала допрашивать свояка какъ свидѣтеля.

— Въ какую часть моего дома вторгнулась „особа“? Будьте, пожалуста, точны, сэръ-Патрикъ. Я намѣрена обратиться къ покровительству мироваго судьи. Въ библіотеку, говорите вы? Такъ точно, въ библіотеку?

— Прибавьте, сказалъ сэръ-Патрикъ, нажимая опять пластырь,—что особа имѣла въ библіотекѣ свиданіе съ Бланкой.

Перо леди Лунди воткнулось въ бумагу и окружилось чернильными брызгами.

— Въ библіотекѣ, повторила она задыхающимся голосомъ.— Я постараюсь владѣть собой, сэръ-Патрикъ. Что̀ пропало изъ библіотеки?

— Ничего не пропало, леди Лунди, кромѣ самой „особы“. Она....

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ! Я такъ не могу. Я не хочу слышать имя моего пола.

— Извините, пожалуста, я забылъ что „она“ запрещенное мѣстоименіе въ настоящемъ случаѣ. Особа написала Бланкѣ прощальное письмо и скрылась неизвѣстно куда. Безпокойство, которое всѣ эти происшествія причинили Бланкѣ, было единственною причиной случившагося сегодня утромъ. Припомнивъ ваше собственное мнѣніе о миссъ Сильвестеръ, вы поймете почему Бланка не рѣшилась довѣриться вамъ.

Онъ остановился и ждалъ отвѣта. Но леди Лунди была такъ углублена въ свою записную книгу что не замѣчала его присутствія.

— Чтобы карета была подана послѣ завтрака, сказала она, повторяя вслухъ заключительныя слова своей записки.—Обратиться къ ближайшему мировому судьѣ и отдать Виндигетское ломѣстье подъ покровительство закона. Ахъ, извините, воскликнула она, вспомнивъ о сэръ-Патрикѣ.—Не забыла ли я чего-нибудь особенно непріятнаго? Пожалуста, напомните если я забыла.

— Вы не пропустили ничего что̀ имѣетъ хоть малѣйшее

значеніе, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.—Я сообщилъ вамъ факты которые вы имѣете право знать. Теперь мы можемъ возвратиться къ мнѣнію доктора о болѣзни Бланки. Вы, кажется, намѣревались удостоить меня повтореніемъ прогнозиса?

— Діагнозиса, сэръ-Патрикъ, замѣтила леди Лунди съ досадой.—Я тогда забыла, но теперь я вспомнила. Прогнозисъ совсѣмъ другое.

— Устулаю, леди Лунди. Діагнозисъ.

— Вы сообщили мнѣ, сэръ-Патрикъ, что вамъ уже извѣстенъ діагнозисъ. Для чего же мнѣ повторять вамъ его?

— Я хотѣлъ повѣрить мое заключеніе, сравнивъ его съ вашимъ.

— Вы очень добры. Вы ученый человѣкъ, а я несвѣдущая женщина. Я не могу поправить вашего заключенія.

— Такъ вотъ мое заключеніе, леди Лунди. Нашъ другъ, докторъ, предписываетъ нравственное, а не медицинское средство для поправленія здоровья Бланки. Если мы отвратимъ ея мысли отъ печальнаго предмета, на которомъ онѣ остановились, мы сдѣлаемъ все что̀ надо сдѣлать. Это его слова, какъ я ихъ понялъ. Согласны вы съ моимъ заключеніемъ?

— Могу ли я спорить съ вами, сэръ-Патрикъ? Вы славитесь утонченною ироніей, я это знаю. Боюсь что вся ваша иронія выльется на меня.

Адвокатское терпѣніе устояло.

— Я считаю ваши слова подтвержденіемъ моего заключенія, леди Лунди. Благодарю васъ. Теперь о способѣ исполнить совѣтъ нашего доктора. Способъ, кажется, очень простъ. Все что̀ надо сдѣлать, это обратить мысли Бланки на что-нибудь менѣе печальное чѣмъ то о чемъ она думаетъ теперь. Согласны вы со мной до сихъ поръ?

— Для чего вы хотите сложить всю отвѣтственность на меня? спросила леди Лунди.

— Изъ глубочайшаго уваженія къ вашему мнѣнію, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ. — Строго говоря, вся отвѣтственность лежитъ конечно на мнѣ. Я опекунъ Бланки.

— Слава Богу, воскликнула леди Лунди набожнымъ тономъ.

— Я слышу восклицаніе благоговѣйной благодарности, сказалъ сэръ-Патрикъ. — Долженъ ли я понять его за выраженіе сомнѣнія съ вашей стороны въ возможности заставить Бланку повиноваться при настоящихъ обстоятельствахъ?

Леди Лунди опять вышла изъ себя, какъ и ожидалъ ея своякъ.

— Вы должны принять его, сказала она,—за выраженіе моего убѣжденія что взявшись за воспитаніе Бланки я обременила себя неисправимо безсердечною, упрямою и самовластною дѣвушкой.

— Вы, кажется, сказали „неисправимо“?

— Я сказала: неисправимо.

— Если дѣло такъ безнадежно какъ вы говорите, я, какъ опекунъ Бланки, долженъ найти средство освободить васъ отъ нея.

— Никто не можетъ освободить меня отъ долга за который я взялась, воскликнула леди Лунди.—Я не брошу своей обязанности, хотя бы мнѣ пришлось умереть на моемъ посту.

— Но предположите что самъ долгъ требуетъ чтобы вы оставили свой постъ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Предположите что это будетъ подвигомъ „самоложертвованія“, которое есть „девизъ женщинъ“.

— Я не понимаю васъ, сэръ-Патрикъ. Сдѣлайте одолженіе, объяснитесь.

Сэръ-Патрикъ принялъ на себя новую роль, роль не рѣшающагося человѣка. Онъ бросилъ на свояченицу почтительно вопросительный взглядъ, вздохнулъ и покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.—Это было бы слишкомъ много. Даже съ вашимъ высокимъ понятіемъ о долгѣ это было бы слишкомъ много.

— Все чего вы потребуете отъ меня во имя долга не будетъ слишкомъ много.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Позвольте напомнить вамъ что человѣческая природа имѣетъ границы.

— Долгъ христіанки не имѣетъ границъ.

— О, право, имѣетъ!

— Сэръ-Патрикъ! послѣ моихъ словъ ваше упорное сомнѣніе равняется оскорбленію.

— Что вы говорите! Позвольте мнѣ объясниться. Предположите что счастіе другой особы зависитъ отъ того чтобы вы сказали: да, когда всѣ ваши убѣжденія побуждаютъ васъ сказать: нѣтъ. Неужели вы способны попрать ногами всѣ ваши убѣжденія только потому что отвлеченное понятіе о долгѣ требуетъ отъ васъ такой жертвы?

— Да, сказала леди Лунди, вскакивая на пьедесталъ добродѣтели.—Да, безъ малѣйшаго колебанія.

— Я преклоняюсь, леди Лунди. Вы одобряете меня продолжать. Позвольте мнѣ спросить, послѣ того что̀ я сейчасъ слышалъ, считаете ли вы своимъ долгомъ относительно Бланки исполнить совѣтъ одного изъ величайшихъ авторитетовъ Англіи?

Леди Лунди признала это своимъ долгомъ и отложила противорѣчіе до болѣе удобнаго случая.

— Хорошо, продолжалъ сэръ-Патрикъ.—Предположивъ что Бланка подобна всѣмъ прочимъ смертнымъ и можетъ утѣшиться надеждой на счастіе, если мы укажемъ ей на эту надежду; не обязываетъ ли насъ нравственный долгъ поступить по совѣту доктора и указать ей на эту надежду?

Онъ устремилъ вѣжливо убѣдительный взглядъ на леди Лунди и ждалъ съ самымъ невиннымъ видомъ отвѣта.

Еслибы леди Лунди не была вынуждена, раздраженіемъ до котораго довелъ ее своякъ, оспаривать каждое его слово, она можетъ-быть замѣтила бы западню которую онъ ей готовилъ. Но въ такомъ состояніи она не замѣтила въ его послѣднихъ словахъ ничего кромѣ повода унизить Бланку и поспорить съ нимъ.

— Еслибъ у моей падчерицы была дѣйствительно въ виду надежда на счастіе, я, конечно, сказала бы: да. Но Бланка извращенная натура. Извращенная натура не можетъ имѣть надежды на счастіе.

— Извините, сказалъ сэръ-Патрикъ.—У Бланки есть надежда на счастіе. Иными словами, у Бланки есть надежда выйти замужъ. И кромѣ того, Арнольдъ Бринквортъ готовъ жениться на ней какъ только будетъ готовъ контрактъ.

Леди Лунди привскочила въ креслѣ, побагровѣла отъ ярости и открыла уже ротъ чтобы возразить, но сэръ-Патрикъ всталъ и заговорилъ не давъ ей сказать ни одного слова.

— Я хочу освободить васъ, леди Лунди, при помощи того средства которое вы сейчасъ сочли своимъ долгомъ принять, отъ дальнѣйшихъ заботъ о неисправимой дѣвушкѣ. Въ качествѣ опекуна Бланки, я имѣю честь предложить вамъ ускорить свадьбу и назначить какой-нибудь день въ первой половинѣ будущаго мѣсяца.

Такими словами онъ закрылъ западню въ которую заманилъ свою сволченицу, и ждалъ что̀ будетъ дальше.

Мстительная женщина способна въ высшей степени раздраженія ложертвовать всѣми разчетами неодолимой потребности удовлетворить свою месть. Было только одно средство отмстить сэръ-Патрику, и леди Лунди воспользовалась имъ. Она ненавидѣла его въ эту минуту такъ сильно что надежда настоять на своемъ обѣщала ей только слабое удовлетвореніе въ сравненіи съ наслажденіемъ побить сэръ-Патрика его собственнымъ оружіемъ.

— Дорогой мой сэръ-Патрикъ, сказала она съ серебристымъ смѣхомъ,—вы потеряли много драгоцѣннаго времени и много краснорѣчивыхъ словъ стараясь заставить меня хитростію дать согласіе которое вы могли бы получить безъ всякаго труда. Я считаю ваше намѣреніе ускорить свадьбу Бланки превосходнымъ намѣреніемъ. Я съ наслажденіемъ передаю попеченіе о такой особѣ какъ моя падчерица несчастному молодому человѣку который беретъ ее у меня добровольно. Чѣмъ менѣе онъ будетъ имѣть времени узнать ея характеръ, тѣмъ болѣе можно надѣяться что онъ исполнитъ свое обѣщаніе жениться на ней. Пожалуста, поторопите адвокатовъ, сэръ-Патрикъ, и назначьте свадьбу еще недѣлей раньше, если хотите угодить мнѣ.

Леди Лунди величественно встала и сдѣлала реверансъ, который былъ торжествомъ вѣжливой сатиры въ безмолвномъ проявленіи. Сэръ-Патрикъ отвѣтилъ низкимъ поклономъ и улыбкой ясно выражавшею: „Я вѣрю каждому слову вашего прекраснаго отвѣта. Прощайте, удивительная женщина.“

Такъ единственная особа, оппозиція которой могла бы принудить сэръ-Патрика согласиться на временную отсрочку, принуждена была молчать ловкимъ обращеніемъ съ недостатками ея характера. Такъ, вопреки самой себѣ, леди Лунди должна была дать согласіе на ускореніе брака Арнольда съ Бланкой.

ГЛАВА XXVIII.

Утаилъ.

Правдѣ свойственно обнаруживаться. Въ періодъ между побѣдой сэръ-Патрика надъ леди Лунди правда стремилась пробиться по разнымъ направленіямъ сквозь окружавшій ее мракъ и показаться людямъ. Не было недостатка и въ признакахъ волненія подъ поверхностью, свидѣтельствовавшихъ

о работѣ какого-то тайнаго вліянія. Но въ Виндигетсѣ не доставало пророческой способности которая могла бы истолковать значеніе этихъ признаковъ.

Въ тотъ день когда сэръ-Патрикъ своимъ искреннымъ объясненіемъ со свояченицей сгладилъ путь къ ускоренію брака, возникло препятствіе со стороны самой Бланки. Къ полудню она настолько успокоилась что могла принять Арнольда въ своей маленькой пріемной; свиданіе было очень непродолжительное. Черезъ четверть часа Арнольдъ съ отчаніемъ на лицѣ возвратился къ сэръ-Патрику, который сидѣлъ въ саду, грѣясь на солнцѣ. Бланка съ негодованіемъ отказалась даже думать о свадьбѣ въ такое время когда сердце ея разбито открытіемъ что Анна разсталась съ ней на вѣки.

— Вы сами позволили мнѣ поговорить съ ней объ этомъ, неправда ли, сэръ-Патрикъ? сказалъ Арнольдъ.

Сэръ-Патрикъ повернулся, подставилъ спину подъ солнце и согласился что дѣйствительно далъ позволеніе.

— Еслибъ я только зналъ, я отрѣзалъ бы себѣ языкъ, а не сказалъ бы ни слова. Какъ, вы думаете, она приняла это? Расплакалась и выгнала меня изъ комнаты.

Было прекрасное утро. Свѣжій вѣтерокъ умѣрялъ жаръ солнца, птицы пѣли, и садъ былъ въ самомъ праздничномъ видѣ. Сэръ-Патрикъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Всѣ мелкія жизненныя непріятности удалились отъ него на приличное разстояніе. Онъ положительно отказался подозвать ихъ къ себѣ.

— Вотъ міръ, сказалъ старикъ, поворачиваясь на солнце,— міръ который милосердый Создатель наполнилъ прекрасными видами, гармоническими звуками, благовонными запахами; и вотъ существа одаренныя чувствами нарочно созданными чтобы наслаждаться этими видами, звуками, запахами, не говоря уже о любви, что̀ въ придачу ко всему. И эти же самыя существа ненавидятъ, голодаютъ, проводятъ безсонныя ночи на своихъ подушкахъ, не видятъ ничего пріятнаго, не слышатъ ничего пріятнаго, не обоняютъ ничего пріятнаго, проливаютъ горькія слезы, говорятъ жестокія слова, заболѣваютъ тяжелыми болѣзнями, изнуряются, старятся, умираютъ. Какой тутъ смыслъ, Арнольдъ? И долго ли будетъ такъ продолжаться?

Тонкое сходство между слѣпотой Бланки, не хотѣвшею воспользоваться благами брака, и слѣпотой человѣчества, не

пользующагося благами существованія, было очевидно для престарѣлой философіи грѣвшейся на солнцѣ, но совершенно невидимо для Арнольда. Онъ не обратилъ вниманія на обширный вопросъ поднятый сэръ-Патрикомъ, и спросилъ что̀ ему дѣлать съ Бланкой.

— Что̀ вы дѣлаете съ огнемъ когда не можете потушить его? Оставляете его горѣть пока онъ самъ не потухнетъ. Что̀ надо сдѣлать съ женщиной когда она не хочетъ успокоиться? Оставить ее волноваться пока она не успокоится.

Арнольдъ не понялъ благоразумнаго совѣта заключавшагося въ этомъ отвѣтѣ.

— Я думалъ что вы поможете мнѣ, сказалъ онъ.

— Я и такъ помогаю вамъ. Оставьте Бланку въ покоѣ. Не заговаривайте о свадьбѣ когда увидите ее. Если она сама заговоритъ, извинитесь и скажите что больше не будете надоѣдать ей этимъ предложеніемъ. Я повидаюсь съ ней черезъ часъ или два и буду дѣйствовать точно также. Вы вложили мысль въ ея голову, дайте ей созрѣть тамъ. Не давайте пищи ея безпокойству о миссъ Сильвестеръ. Не усиливайте его противорѣчіемъ или попыткой унизить въ ея глазахъ потерянную подругу. Предоставьте времени приблизить ее понемногу къ ожидающему ее мужу и, ручаюсь вамъ, она будетъ готова къ тому времени когда будетъ готовъ контрактъ.

Предъ завтракомъ сэръ-Патрикъ повидался съ Бланкой и примѣнилъ къ дѣлу свою систему. Она совершенно успокоилась прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ ушелъ отъ нея. Немного позже Арнольдъ былъ прощенъ. Еще немного позже проницательный старикъ замѣтилъ что племянница какъ-то особенно задумчива и взглядываетъ на Арнольда съ совершенно новымъ интересомъ, стыдливо скрываемымъ отъ вниманія Арнольда. Сэръ-Патрикъ пошелъ одѣваться къ обѣду съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ что встревожившія его затрудненія наконецъ улаживаются. Сэръ-Патрикъ никогда такъ не ошибался какъ въ этотъ разъ.

Одѣванье подходило къ концу. Дунканъ только что освѣтилъ какъ слѣдуетъ зеркало, а старый джентльменъ былъ на той критической точкѣ своей дневной жизни когда вопросъ шелъ о достиженіи или недостиженіи абсолютнаго совершенства въ завязываніи галстука. Въ ту минуту какой-то варваръ, незнакомый съ первыми правилами одѣванья шеи джентльмена, дерзнулъ постучать въ дверь. Ни баринъ, ни

слуга не обернулись и не дохнули пока узелъ галстука не былъ приведенъ въ безопасное отъ случайности положеніе. Тогда сэръ-Патрикъ бросилъ взглядъ послѣдней оцѣнки въ зеркало и перевелъ духъ.

— Стиль нѣсколько неестественъ, Дунканъ. Но не дурно, принявъ въ соображеніе помѣху.

— Конечно не дурно, сэръ-Патрикъ.

— Посмотрите кто тамъ.

Дунканъ отворилъ дверь и возвратился къ своему барину съ извиненіемъ за помѣху, въ формѣ телеграммы.

Сэръ-Патрикъ содрогнулся при видѣ нежеланной гостьи, съ очевиднымъ отвращеніемъ. „Распишитесь въ полученіи, Дунканъ,“ сказалъ онъ, разрывая конвертъ. Такъ и есть! Извѣстіе о миссъ Сильвестеръ въ тотъ самый день когда онъ рѣшился не предпринимать дальнѣйшихъ попытокъ найти ее. Вотъ что говорилось въ телеграммѣ:

„Получено извѣстіе изъ Фалькирка сегодня утромъ. Дама подходящая подъ описаніе сошла съ поѣзда въ Фалькиркѣ вчера вечеромъ. Отправилась сегодня съ первымъ поѣздомъ въ Гласго. Ждемъ дальнѣйшихъ инструкцій.“

— Пошлете какой-нибудь отвѣтъ съ посланнымъ, сэръ-Патрикъ.

— Нѣтъ. Надо еще подумать какъ поступить. Если сочту нужнымъ, я самъ пошлю на станцію. Извѣстіе о миссъ Сильвестеръ, Дунканъ, продолжалъ онъ, когда ушелъ посланный.— Ее прослѣдили до Гласго.

— Гласго большое мѣсто, сэръ-Патрикъ.

— Да. Если они даже телеграфировали въ Гласго и поручили слѣдить за ней (чего они, повидимому, не сдѣлали), она можетъ легко скрыться отъ нихъ въ Гласго. Я, конечно, не боюсь взять на себя какой угодно трудъ, но признаюсь, я дорого далъ бы чтобъ эта телеграмма не приходила въ нашъ домъ. Она задала такой трудный вопросъ какого мнѣ давно не приходилось рѣшать. Подайте мнѣ сюртукъ. Надо подумать! Надо подумать!

Сэръ-Патрикъ сошелъ къ обѣду далеко не въ хорошемъ расположеніи духа. Неожиданное открытіе слѣда миссъ Сильвестеръ серіозно безпокоило его.

Въ этотъ день обѣденное общество, собравшееся пунктуально къ звонку, принуждено было ждать четверть часа появленія хозяйки.

Леди Лунди, войдя въ библіотеку, объявила, извинялась, что ее задержали гости пріѣхавшіе въ необычайно поздній часъ. Мистеръ и мистрисъ Деламенъ, находясь близь Виндигетса, удостоили ее визитомъ на обратномъ пути и оставили пригласительный билетъ на праздникъ который они даютъ въ своемъ помѣстьѣ.

Леди Лунди была въ восторгѣ отъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Они включили въ число приглашенныхъ всѣхъ Виндигетскихъ гостей. Они держали себя такъ дружески и просто какъ старые друзья. Мистрисъ Деламенъ привезла самое милое порученіе отъ своей гостьи, мистрисъ Гленармъ: она помнитъ что встрѣчалась съ леди Лунди въ Лондонѣ, при жизни сэръ-Томаса, и очень будетъ рада возобновить знакомство. Мистеръ Юлій Деламенъ разказывалъ очень забавно о своемъ братѣ: Джофри послалъ въ Лондонъ за учителемъ, и весь домъ сгораетъ нетерпѣніемъ увидать великолѣпное зрѣлище атлета готовящагося къ бѣгу. Дамы, съ мистрисъ Гленармъ во главѣ, трудятся надъ изученіемъ глубокаго и сложнаго вопроса о человѣческомъ бѣгѣ, о мускулахъ входящихъ въ него, о приготовленіяхъ необходимыхъ для него, о герояхъ прославившихся въ немъ. Всѣ мущины были заняты сегодня утромъ помогая Джофри отмѣрить пространство въ милю для его упражненій въ отдаленной части сада, гдѣ есть бесѣдка, которую готовятъ для пріема учителя. „Проститесь съ моимъ братомъ,“ сказалъ Юлій своимъ гостямъ. „Онъ скоро удалится въ атлетическое уединеніе, съ однимъ интересомъ въ жизни — слѣдить за исчезновеніемъ излишняго мяса своего тѣла“. Въ продолженіи всего обѣда леди Лунди была въ утомительно хорошемъ расположеніи духа и воспѣвала хвалы своимъ новымъ знакомымъ. Сэръ-Патрикъ, напротивъ, никогда не былъ такъ молчаливъ какъ въ этотъ день. Онъ говорилъ съ трудомъ, и слушалъ съ еще бо́льшимъ трудомъ. Отвѣтить или не отвѣтить на телеграмму лежащую въ его карманѣ? Исполнить или не исполнить намѣреніе предоставить миссъ Сильвестеръ дѣйствовать какъ ей угодно? Эти неотвязчивые волросы не выходили у него изъ головы.

Бланка, не присутствовавшая за обѣдомъ, появилась послѣ обѣда въ гостиной.

Сэръ-Патрикъ пришелъ съ мущинами къ чаю все еще не рѣшивъ какъ поступить съ телеграммой. Одинъ взглядъ на грустное лицо Бланки и на измѣнившіяся манеры Бланки

рѣшилъ вопросъ. Каковы были бы послѣдствія еслибъ онъ возбудилъ новую надежду найти миссъ Сильвестеръ и потерпѣлъ неудачу во второй разъ? Ему стоило взглянуть на племянницу чтобы понять каковы были бы послѣдствія. Даютъ ли ему право какія бы то ни было причины поддерживать въ ней воспоминаніе о потерянной подругѣ, въ то время когда есть надежда что она утѣшится бракомъ? Никакія причины не даютъ ему права на это и ничто не заставитъ его сдѣлать это.

Разсуждая такимъ образомъ, правильно съ своей точки зрѣнія, сэръ-Патрикъ рѣшился не посылать никакихъ инструкцій своему другу въ Эдинбургъ. Вечеромъ онъ приказалъ Дункану молчать о полученіи телеграммы, и для безопасности сжегъ ее собственными руками въ своей комнатѣ.

Проснувшись на другое утро и взглянувъ въ окно, сэръ-Патрикъ увидалъ Арнольда и Бланку въ ту минуту когда они переходили лугъ. Арнольдъ обнималъ талію Бланки, и они говорили наклонивъ другъ къ другу голову. „Вотъ она ужъ и сдается,“ подумалъ старикъ, когда пара скрылась за кустами „Слава Богу! Наконецъ все уладилъ.“

Между украшеніями комнаты сэръ-Патрика былъ видъ одного изъ шотландскихъ водопадовъ. Еслибъ онъ отвернувшись отъ окна взглянулъ на картину, онъ можетъ-быть обратилъ бы вниманіе на то что рѣка, представляющая въ данную минуту картину невозмутимаго спокойствія, можетъ въ слѣдующую минуту представить картину сильнѣйшаго волненія, и вспомнилъ бы, можетъ-быть, что теченіе рѣки было съ давнихъ временъ принято, по всемірному соглашенію человѣчества, за эмблему жизни человѣческой.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ПЯТАЯ. ГЛАСГО.

ГЛАВА XXIX.

Анна у адвокатовъ.

Въ тотъ день когда сэръ-Патрикъ получилъ вторую телеграмму изъ Эдинбурга, четыре почтенные жителя города Гласго были потрясены появленіемъ интереснаго предмета на монотонномъ горизонтѣ ихъ вседневной жизни.

Особы, получившія полезный толчокъ были мистеръ и мистрисъ Карнеги, содержатели гостиницы „Баранья голова“, и мистеръ Кампъ, и мистеръ Крумъ, адвокаты.

Въ тотъ день утромъ въ гостиницу „Баранья голова“ пріѣхала съ желѣзной дороги дама. Багажъ ея заключался въ черномъ чемоданѣ и старомъ кожаномъ мѣшкѣ. Имя на чемоданѣ (недавно написанное, судя по цвѣту чернилъ и бумаги ярлыка) было очень хорошее въ своемъ родѣ имя, очень обыкновенное какъ въ Шотландіи, такъ и въ Англіи. На ярлыкѣ было написано: „мистрисъ Грагамъ.“

Увидавъ у входа въ гостиницу хозяина, мистрисъ Грагамъ спросила себѣ спальную комнату, и была передана по принадлежности служанкѣ. Мистеръ Карнеги возвратился въ маленькую комнатку за конторку, гдѣ велись счеты, и удивилъ свою супругу необыкновенно оживленными манерами и свѣтлымъ взглядомъ. На вопросъ супруги, мистеръ Карнеги (успѣвшій оглянуть хозяйскимъ взглядомъ черный чемоданъ въ коридорѣ) объявилъ что сейчасъ пріѣхала въ гостиницу нѣкто мистрисъ Грагамъ, и что ее надо внести въ книгу какъ обитательницу № 17го. Послѣ строгаго замѣчанія что этотъ отвѣтъ не объясняетъ почему онъ, повидимому, такъ заинтересовался совершенно незнакомою ему женщиной, мистеръ Карнеги принужденъ былъ сказать что мистрисъ Грагамъ обладаетъ такою пріятною наружностію какой ему давно не случалось видѣть, но что она, кажется, очень больна.

Послѣ такого отвѣта глаза мистрисъ Карнеги расширились, а румянецъ мистрисъ Карнеги усилился. Она встала и объявила что считаетъ нужнымъ присутствовать лично при водвореніи мистрисъ Грагамъ въ ея комнатѣ и лично удостовѣриться можно ли позволить ей поселиться въ гостиницѣ „Баранья голова“. Мистеръ Карнеги сдѣлалъ то что̀ всегда дѣлалъ: онъ согласился со своею женой.

Мистрисъ Карнеги скрылась на нѣсколько минутъ. Когда она возвратилась, въ глазахъ ея было выраженіе тигрицы при взглядахъ на мужа. Она приказала подать чаю и легкую закуску въ № 17, потомъ, обратившись къ супругу, безъ малѣйшаго, повидимому, раздраженія объявила:

— Мистеръ Карнеги, ты глупъ.

Мистеръ Карнеги спросилъ:

— За что̀, душа моя?

Мистрисъ Карнеги отвѣчала:

— За ея красоту. Если ты не видывалъ красивыхъ женщинъ, такъ и молчи.

Мистеръ Карнеги согласился съ женой.

Ни слова болѣе не было сказано пока не пришелъ слуга съ подносомъ. Мистрисъ Карнеги отослала его, не осмотрѣвъ, противъ обыкновенія, подноса, съ шумомъ сѣла на стулъ и сказала мужу:

— Съ чего ты выдумалъ что она больна? Какая это болѣзнь! Это душевное разстройство.

Мистеръ Карнеги спросилъ:

— Неужели?

Мистрисъ Карнеги возразила:

— Когда я скажу что-нибудь, я считаю за оскорбленіе если меня спросятъ: „неужели“.

Мистеръ Карнеги согласился съ женой.

Послѣдовало вторичное молчаніе. Мистрисъ Карнеги написала счетъ съ видимымъ отвращеніемъ. Мистеръ Карнеги смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Мистрисъ Карнеги неожиданно спросила его зачѣмъ онъ тратитъ на нее свои взгляды, когда онъ скоро будетъ имѣть удовольствіе смотрѣть на мистрисъ Грагамъ. Мистеръ Карнеги поспѣшилъ поправиться и устремилъ глаза на свои сапоги. Мистрисъ Карнеги пожелала узнать, неужели послѣ двадцатилѣтняго супружества она не заслужила отъ мужа чести получать отвѣты на свои слова. Еслибы съ ней обращались вѣжливо (бо́льшаго она и не требуетъ), она, можетъ-быть, сказала бы что мистрисъ Грагамъ собирается выѣхать, можетъ-быть даже сообщила бы что мистрисъ Грагамъ предложила ей очень замѣчательный, дѣловой вопросъ, во время ихъ свиданія наверху. Но при настоящихъ обстоятельствахъ уста мистрисъ Карнеги запечатаны, и пусть мистеръ Карнеги отвергнетъ, если смѣетъ, что онъ заслужилъ это. Мистеръ Карнеги согласился съ женой.

Черезъ полчаса мистрисъ Грагамъ сошла внизъ и попросила послать за извощикомъ. Мистеръ Карнеги остался изъ осторожности въ своемъ углу. Мистрисъ Карнеги подошла къ нему и спросила какъ онъ смѣетъ такъ поступать? Неужели онъ осмѣливается послѣ двадцатилѣтняго супружества думать что жена его ревнива?

— Иди, невѣжа, посади мистрисъ Грагамъ въ экипажъ.

Мистеръ Карнеги послушался. Онъ спросилъ у окна экипажа въ какую часть города приказать извощику ѣхать.

Отвѣтъ увѣдомилъ его что извощикъ долженъ везти мистрисъ Грагамъ въ контору мистера Кампа, адвоката. Предположивъ что мистрисъ Грагамъ пріѣхала въ Гласго въ первый разъ и вспомнивъ что мистеръ Кампъ былъ адвокатъ мистера Карнеги, можно было догадаться что замѣчательный вопросъ который мистрисъ Грагамъ предложила хозяйкѣ имѣлъ цѣлью узнать гдѣ можно найти хорошаго адвоката.

Возвратившись въ комнатку за конторкой, мистеръ Карнеги нашелъ тамъ дочь. Мистрисъ Карнеги ушла въ свою комнату въ справедливомъ негодованіи на вѣроломное поведеніе своего супруга.

— Старая исторія, папенька, замѣтила миссъ Карнеги совершенно спокойно.—Маменька, вѣроятно, сама велѣла вамъ посадить мистрисъ Грагамъ въ экипажъ, а теперь говоритъ что вы оскорбили ее при всей прислугѣ. Удивляюсь какъ вы это переносите.

Мастеръ Карнеги взглянулъ на свои сапоги и отвѣчалъ:

— Я самъ удивляюсь, душа моя.

Миссъ Карнеги спросила:

— Неужели вы теперь пойдете къ маменькѣ?

Мистеръ Карнеги поднялъ глаза съ сапогъ и отвѣчалъ:

— Нельзя не идти, душа моя.

Мистеръ Кампъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ погрузившись въ бумаги. Какъ ни были многочисленны окружавшіе его документы, число ихъ, повидимому, не удовлетворяло мистера Кампа. Онъ позвонилъ и приказалъ принести еще.

Писарь возвратился съ новою кипой бумагъ и съ извѣстіемъ что какая-то дама, рекомендованная мистрисъ Карнеги, хозяйкою гостиницы „Баранья голова“, желаетъ посовѣтоваться съ мистеромъ Кампомъ. Мистеръ Кампъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Введите даму черезъ десять минутъ.

Черезъ десять минутъ дама вошла, сѣла на стулъ и подняла вуаль. То же самое что̀ почувствовалъ увидавъ ее мистеръ Карнеги, почувствовалъ и мистеръ Кампъ. Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ онъ заинтересовался совершенно незнакомою ему женщиной. Было ли что-нибудь особенное въ ея манерахъ, но онъ почувствовалъ къ ней симпатію и, къ величайшему своему удивленію, съ нетерпѣніемъ желалъ узнать что̀ ей нужно.

Дама объявила тихимъ, мягкимъ голосомъ и грустнымъ

тономъ что дѣло ея касается до шотландскихъ брачныхъ законовъ, и что ея спокойствіе и счастіе очень дорогой ей особы зависятъ отъ того что̀ скажетъ ей мистеръ Кампъ, когда она сообщитъ ему факты.

И она разказала ему факты, не называя именъ: почти то же самое что̀ разказалъ Джофри сэръ-Патрику Лунди въ Виндигетсѣ, съ тою только разницей что дама призналась что она та женщина которая желаетъ знать замужняя она по шотландскому закону или нѣтъ.

Предложивъ нѣсколько вопросовъ и выслушавъ отвѣты, мистеръ Кампъ выразилъ свое мнѣніе, которое рознилось отъ мнѣнія, высказаннаго сэръ-Патрикомъ въ Виндигетсѣ. Онъ тоже сослался на слова знаменитаго судьи лорда Деза, но вывелъ изъ нихъ свое собственное заключеніе.

— Въ Шотландіи согласіе составляетъ бракъ, сказалъ онъ.— Согласіе можетъ быть доказано слѣдствіемъ. Я нахожу очевидное брачное согласіе въ фактахъ которые вы разказали мнѣ, и говорю что вы замужняя женщина.

Этотъ приговоръ произвелъ на даму такое ужасное впечатлѣніе что мистеръ Кампъ принужденъ былъ послать наверхъ за своею женой, и мистрисъ Кампъ, въ первый разъ въ своей жизни, вошла въ кабинетъ мужа въ дѣловые часы дня. Когда дама, благодаря стараніямъ мистрисъ Кампъ, нѣсколько успокоилась, мистеръ Кампъ послѣшилъ утѣшить ее. Онъ сообщилъ ей объ ужасной неопредѣленности шотландскаго брачнаго закона.

— Побывайте у моего товарища, мистера Крума, сказалъ онъ, давъ ей карточку, на которой написалъ нѣсколько словъ;—здѣсь написано что я посылаю васъ къ нему.

Поблагодаривъ мистера Кампа и его жену, дама тотчасъ же отправилась въ контору мистера Крума.

Мистеръ Крумъ былъ старше и суше мистера Кампа, но и онъ поддался впечатлѣнію которое эта женщина производила на всѣхъ мущинъ. Онъ слушалъ ее съ терпѣніемъ, которое было ему несвойственно, и предлагалъ ей вопросы съ мягкостію, которая была ему еще менѣе свойственна. Когда онъ вполнѣ познакомился съ фактами, онъ высказалъ о нихъ мнѣніе совершенно противоположное мнѣнію мистера Кампа.

— Никакого брака, сударыня, сказалъ онъ положительно.— Есть обстоятельства изъ которыхъ можно вывести бракъ,

если вы захотите чтобъ его признали вашимъ мужемъ. Но, какъ мнѣ кажется, вы этого-то именно и не хотите.

Душевное облегченіе которое дама почувствовала послѣ этихъ словъ почти пересилило ее. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ она не могла произнести ни одного слова. Мистеръ Крумъ сдѣлалъ то чего никогда не дѣлалъ во все время своей адвокатской практики. Онъ потрепалъ кліентку по плечу и, что̀ еще важнѣе, позволилъ ей воспользоваться его временемъ.

— Подождите и успокойтесь немного, сказалъ мистеръ Крумъ, примѣняя къ дѣлу законъ человѣколюбія.

Дама успокоилась.

— Мнѣ надо предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ мистеръ Крумъ, примѣняя законъ страны.

Дама поклонилась.

— Я понялъ изъ вашего разказа что вы не намѣрены требовать чтобъ онъ былъ признанъ вашимъ мужемъ, сказалъ мистеръ Крумъ.—Мнѣ надо знать намѣренъ ли онъ требовать чтобы вы были признаны его женой.

На этотъ вопросъ послѣдовалъ самый положительный отвѣтъ. Онъ даже не подозрѣваетъ о своемъ положеніи, и кромѣ того, онъ помолвленъ съ самою дорогою подругой дамы.

Мистеръ Крумъ вытаращилъ глаза, подумалъ и предложилъ слѣдующій вопросъ такъ деликатно, какъ только умѣлъ:

— Вамъ, можетъ-быть, было бы тяжело разказать мнѣ какимъ образомъ этотъ джентельменъ попалъ въ такое неловкое положеніе?

Дама призналась что ей было бы невыносимо тяжело отвѣтить на этотъ вопросъ.

Мистеръ Крумъ далъ ей совѣтъ въ формѣ вопроса.

— Вамъ, можетъ-быть, было бы менѣе тяжело разказать факты,—въ интересахъ будущности джентельмена, — какому-нибудь достойному довѣрія человѣку (адвокату было бы лучше), который былъ бы вамъ обоимъ не чужой, какъ я?

Дама отвѣчала что при такихъ условіяхъ она готова принести жертву для счастія своей подруги, какъ бы жертва ни была тяжела.

Мистеръ Крумъ опять подумалъ и высказалъ совѣтъ прямо.

— При настоящемъ положеніи дѣла я могу только сказать вамъ что̀ вы должны сдѣлать прежде всего. Увѣдомьте джентельмена немедленно, словесно или письменно, объ его положеніи,

и поручите ему разказать дѣло человѣку извѣстному вамъ обоимъ и способному рѣшить какъ вамъ надо поступить. Знаете вы такого человѣка?

Дама отвѣчала что знаетъ.

Мистеръ Крумъ спросилъ назначенъ ли день свадьбы джентельмена.

Дама отвѣчала что она сама освѣдомлялась объ этомъ въ послѣдній разъ когда видѣлась съ невѣстой джентельмена. Свадьба будетъ въ концѣ осени, но день еще не назначенъ.

— Это счастливое обстоятельство, сказалъ мистеръ Крумъ.— У васъ есть еще время впереди. А время въ настоящемъ случаѣ очень дорого, постарайтесь не терять его даромъ.

Дама отвѣчала что она возвратится немедленно въ свою гостиницу и въ этотъ же день напишетъ джентельмену письмо, въ которомъ объявитъ ему объ его положеніи и попроситъ его обратиться къ компетентному и достойному довѣрія другу, извѣстному имъ обоимъ.

Вставъ чтобы выйти изъ комнаты, она вдругъ почувствовала головокруженіе и внезапное страданіе, и страшно поблѣднѣвъ, опустилась опять на стулъ. У мистера Крума не было жены, но была экономка, и онъ предложилъ послать за ней. Дама отвѣчала отрицательнымъ знакомъ. Она выпила немного воды и превозмогла боль.

— Извините что я встревожила васъ, сказала она.—Теперь мнѣ лучше.

Мистеръ Крумъ подалъ ей руку и посадилъ ее въ экипажъ. Она была такъ блѣдна и слаба что онъ предложилъ послать съ ней свою экономку. Нѣтъ: до гостиницы только пять минутъ ѣзды. Дама поблагодарила его и уѣхала.

— Письмо! воскликнула она, когда осталась одна.—Еслибъ у меня хватило жизни только чтобы написать это письмо!

ГЛАВА XXX.

Анна въ газетахъ.

Мистрисъ Карнеги была женщина недалекая и съ несноснымъ характеромъ, легко раздражавшаяся и не легко успокоивавшаяся. Но такъ какъ мистрисъ Карнеги была, какъ и всѣ мы въ различной степени, соединеніемъ разнородныхъ качествъ, то и у ней были свои человѣческія достоинства, какъ и свои человѣческіе недостатки. Задатки очень хорошихъ

качествъ таились гдѣ-то далеко въ ея природѣ, и ждали только случая который вызвалъ бы ихъ наружу. Такой благодѣтельный случай представился когда извощикъ привезъ въ гостиницу кліентку мистера Крума. Лицо усталой, страдающей женщины, когда она медленно проходила по залѣ, пробудило все что̀ было хорошаго въ душѣ мистрисъ Карнеги и сказало ей какъ бы словами: „ревновать къ такому разбитому существу? О жена и мать, развѣ здѣсь нѣтъ призыва къ твоей женственности?“

— Вы, кажется, слишкомъ утомили себя, сударыня. Позвольте мнѣ прислать вамъ чего-нибудь наверхъ.

— Пришлите мнѣ перо, чернилъ и бумаги, сказала дама. — Мнѣ надо написать письмо, и написать немедленно.

Споромъ нельзя было ничего взять. Она согласилась принять все что̀ ей предлагали, съ тѣмъ только условіемъ чтобы прежде всего прислали ей письменныя принадлежности. Исполнивъ ея желаніе, мистрисъ Карнеги сдѣлала собственными руками смѣсь изъ лицъ и горячаго вина, приготовленіемъ которой славилась гостиница „Баранья голова“, и послала ее наверхъ съ дочерью.

Не прошло минуты, какъ вдругъ въ верхнемъ этажѣ послышался испуганный крикъ. Мистрисъ Карнеги узнала голосъ дочери и послѣшила на верхъ.

— Маменька! Взгляните на нее! Взгляните на нее!

Начатое письмо лежало на столѣ. Женщина опрокинулась на диванѣ со страшно исказившимся лицомъ и прикусивъ стиснутыми зубами носовой платокъ. Мистрисъ Карнеги приподняла ее немного, посмотрѣла на нее внимательно, измѣнилась въ лицѣ и выслала дочь изъ комнаты, поручивъ ей послать немедленно за докторомъ.

Оставшись одна съ больною, мистрисъ Карнеги перенесла ее на постель. Когда она положила ее, лѣвая рука больной свѣсилась съ постели. Мистрисъ Карнеги вдругъ удержала слово сочувствія, навернувшееся на ея языкъ, послѣшно подняла свѣсившуюся руку, и взглянула съ безпокойствомъ на третій палецъ. На немъ было кольцо. Лицо мистрисъ Карнеги тотчасъ же смягчилось, и сочувственное слово, пріостановленное на минуту, вылетѣло свободно. „Бѣдная,“ сказала хозяйка, успокоившись насчетъ нравственности. „Гдѣ вашъ мужъ, милая моя? Постарайтесь сказать мнѣ.“

Докторъ пришелъ и отправился наверхъ къ больной.

Время шло; мистеръ Карнеги и дочь его, занимаясь хозяйственными дѣлами гостиницы, получили сверху порученіе свидѣтельствовавшее о чемъ-то необыкновенномъ. Въ порученіи передавались имя и адресъ опытной сидѣлки и просьба отъ доктора къ мистеру Карнеги послать за ней немедленно.

Сидѣлку отыскали и послали наверхъ.

Время шло, и хозяйственныя дѣла гостиницы шли своимъ порядкомъ, и было уже поздно когда мистрисъ Карнеги вернулась въ комнату за конторкой. Лицо хозяйки было торжественно, и въ манерахъ хозяйки была сдержанность. „Очень, очень больна,“ было все что она отвѣтила на вопросъ дочери. Но оставшись наединѣ съ мужемъ, она передала верхнія новости подробнѣе. „Родила мертваго ребенка,“ сказала она несвойственнымъ ей мягкимъ тономъ. „И сама, бѣдная, умираетъ, насколько я могу судить.“

Немного позже докторъ сошелъ внизъ.

— Умерла?

— Нѣтъ.

— Есть надежда на выздоровленіе?

— Ничего неизвѣстно.

Докторъ приходилъ два раза въ продолженіи ночи, и оба раза у него былъ только одинъ отвѣтъ: подождите до завтра.

Наступилъ слѣдующій день. Ей сдѣлалось немного лучше. Къ полудню она начала говорить. Она не выразила ни малѣйшаго удивленія увидавъ чужихъ возлѣ своей постели; мысли ея путались. Скоро она впала опять въ безпамятство и бредъ. Докторъ сказалъ: это можетъ продолжаться нѣсколько недѣль или окончиться внезапною смертью. Постарайтесь отыскать ея друзей.

(Ея друзей! Она разсталась на вѣки со своимъ единственнымъ другомъ.)

Пригласили мистера Кампа чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Онъ прежде всего спросилъ неоконченное письмо.

Оно было испачкано чернилами и написано неразборчиво во многихъ мѣстахъ. Съ большимъ трудомъ удалось разобрать обращеніе въ началѣ и нѣсколько словъ послѣдующихъ строкъ. Письмо начиналось: „Дорогой мистеръ Бринквортъ.“ Потомъ почеркъ становился постепенно все неразборчивѣе. Вотъ что можно было разобрать: „Я дурно отплатила бы“.... „счастіе Бланки“.... „Ради Бога“.... „Обо мнѣ

не думайте“.... За этимъ слѣдовало еще нѣсколько строкъ, но въ нихъ нельзя было разобрать ни одного слова.

Имена написанныя въ письмѣ были, по словамъ доктора и сидѣлки, тѣ же самыя которыя больная безпрестанно повторяла въ бреду. „Мистеръ Бринквортъ“ и „Бланка“ ни на минуту, повидимому, не выходили у нея изъ ума. Въ связи съ этими именами она упоминала о письмѣ. Она постоянно старалась, старалась, старалась отнести неоконченное письмо на почту и никакъ не могла. Иногда почта стояла за моремъ. То на вершинѣ неприступной горы. То была окружена высокими стѣнами. Иногда какой-то жестокій человѣкъ останавливалъ больную, когда она уже подходила къ своей цѣли, и принуждалъ ее вернуться назадъ, за тысячу миль. Она раза два произнесла имя этого человѣка. Окружающіе разобрали „Джофри“.

Не узнавъ ея имени ни изъ неоконченнаго письма, ни изъ безсознательныхъ словъ которыя она произносила, рѣшились осмотрѣть ея багажъ и платье въ которомъ она пріѣхала. Черный чемоданъ доказалъ очевидно что онъ только что купленъ. Во внутренности нашли клеймо Гласговскаго сундучнаго мастера. Бѣлье тоже было новое и не мѣченное. При немъ нашли прейсъ-курантъ магазина въ которомъ оно было куплено. Справились въ обоихъ магазинахъ, и оказалось что бѣлье и чемоданъ куплены въ тотъ же день когда дама пріѣхала въ гостиницу.

Вслѣдъ за чемоданомъ открыли кожаный мѣшокъ. Сумма денегъ въ восемьдесять или девяносто фунтовъ въ билетахъ англійскаго банка, нѣсколько простыхъ туалетныхъ вещей, принадлежности шитья и фотографическій портретъ молодой дѣвушки въ надписью „Аннѣ отъ Бланки“, были найдены въ мѣшкѣ. Но въ немъ не оказалось ни писемъ и ничего такого по чему можно было бы узнать имя обладательницы. Осмотрѣли карманъ ея платья и нашли въ немъ кошелекъ, пустой футляръ для карточекъ, и новый, не мѣченный носовой платокъ.

Мистеръ Кампъ покачалъ головой.

— Женскій багажъ безъ писемъ, сказалъ онъ, — означаетъ, по моему мнѣнію, что женщина имѣетъ причину держать въ тайнѣ свои дѣйствія. Я подозрѣваю что она съ этою цѣлью уничтожила свои письма и карточки.

Мистрисъ Карнеги, осмотрѣвъ бѣлье въ которомъ пріѣхала такъ-называемая „мистрисъ Грагамъ“, подтвердила мнѣніе доктора. Мѣтки были вырѣзаны. Мистрисъ Карнеги начала

сомнѣваться имѣетъ ли больная законное право носить обручальное кольцо.

Оставалось только одно средство найти или, скорѣе, попытаться найти ея друзей. Мистеръ Кампъ послалъ объявленіе во всѣ Гласговскія газеты. Если которая-нибудь изъ этихъ газетъ попадется кому-нибудь изъ ея друзей, къ ней, по всей вѣроятности, пріѣдетъ кто-нибудь. Въ противномъ случаѣ останется только ждать ея выздоровленія или смерти. Деньги ея были заперты въ денежный ящикъ хозяина.

Объявленіе появилось. Ждали три дня, но никто не откликнулся на него. Въ этотъ періодъ въ состояніи больной не произошло никакой важной перемѣны. На третій день вечеромъ мистеръ Кампъ зашелъ въ гостиницу и сказалъ:

— Мы сдѣлали все что̀ могли. Теперь осталось только ждать.

Далеко въ Пертшейрѣ этотъ третій вечеръ ознаменовался радостнымъ событіемъ въ Виндигетсѣ. Бланка выслушала благосклонно просьбу Арнольда и написала въ Лондонъ письмо съ порученіемъ приготовить вѣнчальное платье.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ. СВАНГАВЕНЪ.

ГЛАВА XXXI.

Сѣмена будущаго. (Первый посѣвъ.)

— Не такъ великъ какъ виндигетскій. А вѣдь красивъ Джонсъ?

— И удобенъ, Смитъ. Я съ вами совершенно согласенъ.

Таково было сужденіе высказанное двумя хористами о шотландскомъ домѣ Юлія Деламена. Какъ и всѣ сужденія Смита и Джонса, это было здравое сужденіе. Свангавенскій домъ былъ вполовину меньше виндигетскаго, но онъ существовалъ еще за два столѣтія предъ тѣмъ какъ былъ заложенъ фундаментъ виндигетскаго, и обладалъ всѣми преимуществами своихъ лѣтъ не наслѣдовавъ ихъ недостатковъ. Старый домъ какъ-то дружески прилаживается къ характеру человѣка, какъ старая шляпа дружески прилаживается къ головѣ человѣка. Гости, покидая Свангавенъ, чувствовали то же самое что̀ чувствуютъ

люди покидая родной домъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ домовъ которые пріобрѣтаютъ всеобщую симпатію. Окружавшіе его цвѣтники по величинѣ и великолѣпію уступали виндзегетскимъ, но паркъ былъ красивъ, — не такъ правиленъ, но и не такъ монотоненъ какъ англійскій паркъ. Озеро на сѣверной сторонѣ помѣстья, славившееся водившимися на немъ лебедями, было достопримѣчательностью мѣста. Домъ имѣлъ свою исторію, соединявшую его съ нѣсколькими славными шотландскими именами, написанную и иллюстрированную Юліемъ Деламеномъ. Посѣтители Свангавена получали неминуемо экземпляръ его исторіи (собственность издателя). Одинъ изъ двадцати прочитывалъ ее, другіе были въ „восхищеніи“ и разсматривали картинки.

Былъ послѣдній день августа, домашній праздникъ мистера и мистрисъ Деламенъ.

Смитъ и Джонсъ, составлявшіе съ другими виндзегетскими гостями свиту леди Лунди, обмѣнялись мнѣніями о достоинствахъ дома стоя на площадкѣ противъ задней стороны дома, выходившей въ садъ. Они составляли авангардъ гостей появлявшихся по двое и по трое изъ пріемныхъ комнатъ дома. Всѣ намѣревались сходить посмотрѣть на лебедей прежде чѣмъ начнутся удовольствія дня. Юлій Деламенъ сталъ во главѣ перваго отряда гостей, завербовалъ Смита и Джонса и другихъ холостяковъ, и повелъ ихъ къ озеру. Минуты двѣ площадка была пуста. Потомъ двѣ дамы, во главѣ новаго отряда гостей, вышли изъ-подъ стараго каменнаго портика, осѣнявшаго съ этой стороны входъ въ домъ. Одна изъ нихъ была скромная, милая, маленькая особа, очень просто одѣтая. Другая, высокая, видная женщина, одѣтая необыкновенно нарядно. Первая была мистрисъ Деламенъ. Вторая леди Лунди.

— Восхитительно! воскликнула леди Лунди, разсматривая старинныя рамы оконъ, обвитыя плющомъ, и каменные контрфорсы, выступавшіе мѣстами изъ стѣнъ дома и окруженные цвѣтами.—Какъ жаль что сэръ-Патрикъ лишился такого удовольствія.

— Вы, кажется, сказали, леди Лунди, что сэръ-Патрикъ отправился въ Эдинбургъ по семейному дѣлу?

— Да, по дѣлу которое мнѣ, какъ члену семейства, очень непріятно. Оно испортило всѣ мои планы на осень. Свадьба моей падчерицы будетъ на слѣдующей недѣлѣ.

— Такъ скоро! Можно узнать кто ея женихъ?

— Мистеръ Арнольдъ Бриквортъ.

— Мнѣ почему-то знакомо это имя.

— Вы, вѣроятно, слышали о немъ какъ о наслѣдникѣ шотландскаго имѣнія миссъ Бриквортъ?

— Именно. Надѣюсь что вы привезли къ намъ мистера Брикворта?

— Я привезла его извиненіе. Онъ уѣхалъ съ сэръ-Патрикомъ въ Эдинбургъ третьягодня. Адвокаты обѣщали приготовить контрактъ въ два или три дня при личныхъ переговорахъ. Сэръ-Патрикъ счелъ самымъ удобнымъ взять съ собой мистера Брикворта чтобы кончить дѣло сегодня. Завтра мы присоединимся къ нимъ и отправимся на югъ.

— Вы покидаете Виндзоръ въ такое прекрасное время года?

— Весьма неохотно! Но правдѣ сказать, мистрисъ Деламенъ, я нахожусь въ зависимости отъ моей падчерицы. Дядя ея имѣетъ надъ нею власть какъ опекунъ, но онъ употребляетъ свою власть на то чтобы потакать ей во всемъ. Только въ послѣднюю пятницу она позволила назначить день свадьбы, и тогда же прибавила, какъ непремѣнное условіе, чтобы свадьба ея была не въ Шотландіи. Капризъ, конечно! Но что я могу сдѣлать? Сэръ-Патрикъ покорился, и мистеръ Бриквортъ покорился. Я считаю своимъ долгомъ присутствовать на свадьбѣ, и потому жертвую собой. Завтра мы отправляемся въ Лондонъ.

— Неужели свадьба миссъ Лунди будетъ въ Лондонѣ въ такое время года?

— Нѣтъ. Мы будемъ въ Лондонѣ только проѣздомъ въ кентское помѣстье сэръ-Патрика, помѣстье которое перешло къ нему вмѣстѣ съ титуломъ, помѣстье гдѣ скончался мой незабвенный мужъ. Это большое испытаніе для меня. Свадьба будетъ праздноваться тамъ гдѣ я сдѣлалась вдовой. Моя старая рана откроется въ понедѣльникъ только вслѣдствіе того что падчерица моя не взлюбила Виндзора.

— Такъ свадьба будетъ ровно черезъ недѣлю?

— Да, ровно черезъ недѣлю. Были причины заставившія поторопиться, причины о которыхъ слѣдуетъ умолчать. Никакими словами нельзя передать какъ я желаю чтобы все было кончено поскорѣе. Однако, какъ безразсудно съ моей стороны, дорогая мистрисъ Деламенъ, надоѣдать вамъ моими семейными непріятностями! Но вы такъ симпатичны. Это мое

единственное извиненіе. Я не буду отнимать васъ долѣе у вашихъ гостей. Я могла бы простоять на этомъ мѣстѣ всю мою жизнь. Гдѣ мистрисъ Гленармъ?

— Право, не знаю. Я потеряла ее изъ виду когда мы вышли сюда. Мы, вѣроятно, найдемъ ее у озера. Угодно вамъ видѣть озеро, леди Лунди?

— Я обожаю красоты природы, мистрисъ Деламенъ, въ особенности озера.

— А наше озеро замѣчательно еще тѣмъ что на немъ водятся лебеди. Мужъ мой отправился туда съ нѣкоторыми изъ гостей, и, кажется, они ожидаютъ что все общество, ознакомившись съ домомъ, послѣдуетъ за ними.

— И что̀ за домъ, мистрисъ Деламенъ! Историческія воспоминанія въ каждомъ углу. Когда я буду далеко отъ этого прекраснаго мѣста, воображеніе мое будетъ населять его отшедшими обитателями его и дѣлить горе и радости прошлыхъ вѣковъ.

Когда леди Лунди возвѣстила такимъ образомъ о своемъ намѣреніи присоединиться къ людямъ прошлаго, изъ-подъ портика появился послѣдній отрядъ гостей. Между ними были Бланка и подруга ея, однихъ съ нею лѣтъ, которую она встрѣтила въ Свангавенѣ. Онѣ шли рука въ руку, отставъ отъ другихъ, и толковали, конечно, о свадьбѣ.

— Почему же, милая Бланка, свадьба ваша будетъ не въ Виндигетсѣ.

— Я ненавижу Виндигетсъ, Жанета. Съ нимъ соединены для меня самыя непріятныя событія. Не спрашивайте какія. Теперь главное усиліе моей жизни не думать о немъ. Только бы поскорѣе уѣхать изъ Виндигетса. Что же касается до свадьбы, я поставила непремѣннымъ условіемъ чтобы моя свадьба была не въ Шотландіи.

— Чѣмъ заслужила бѣдная Шотландія такое нерасположеніе отъ васъ, Бланка?

— Бѣдная Шотландія, Жанета, такое мѣсто гдѣ люди не знаютъ женаты они или нѣтъ. Я объ этомъ много слышала отъ дяди, и знаю одну особу которая сдѣлалась жертвой, невинною жертвой шотландскаго брачнаго закона.

— Что̀ за пустяки, Бланка! Вы говорите о тайныхъ бракахъ и вините Шотландію за затрудненія въ которыя попадаютъ люди не смѣющіе сказать правду.

— Я говорю не пустяки. Я говорю о моемъ самомъ дорогомъ другѣ. Еслибы вы знали....

— Не забывайте, Бланка, что я сама Шотландка. Я увѣрена что вы можете также безопасно выйти замужъ въ Шотландіи какъ и въ Англіи.

— Я ненавижу Шотландію.

— Бланка!

— Я нигдѣ не была такъ несчастна какъ въ Шотландіи, и никогда не пріѣду сюда въ другой разъ. Я рѣшила что моя свадьба будетъ въ Англіи, въ миломъ, старомъ домѣ, гдѣ я выросла. Лэдя согласенъ. Онъ понимаетъ меня и сочувствуетъ мнѣ.

— Вы хотите сказать что я не понимаю васъ и не сочувствую вамъ? Въ такомъ случаѣ не лучше ли мнѣ, Бланка, избавить васъ отъ моего общества?

— Можетъ-быть и лучше если вы намѣрены говорить со мной такимъ образомъ.

— Развѣ я могу слышать какъ бранятъ мою родину и не сказать ни слова въ защиту.

— О! Вы, Шотландцы, ужъ слишкомъ превозносите свою родину.

— Мы, Шотландцы? Вы сами шотландскаго происхожденія, и вамъ стыдно такъ говорить. Желаю вамъ добраго утра.

— Желаю вамъ успокоиться!

Минутой раньше двѣ дѣвушки напоминали двѣ розы на одномъ стеблѣ. Теперь онѣ разошлись съ красными щеками, враждебными чувствами и язвительными словами. Какъ вспыльчива молодость! Какъ невообразимо хрупка женская дружба!

Толпа гостей послѣдовала за мистрисъ Деламенъ на берега озера. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ площадка была пуста. Потомъ подъ портикомъ появился мущина съ цвѣткомъ во рту и съ опущенными въ карманы руками. То былъ сильнѣйшій человѣкъ въ Свангавенѣ, иначе Джофри Деламенъ.

За нимъ, спустя минуту, появилась дама, подкрадывавшаяся къ нему неслышными шагами. Она была одѣта великолѣпно, по самой послѣдней и самой дорогой парижской модѣ. Брошь на ея груди была цѣльный бриліантъ, необыкновенной величины и необыкновеннаго блеска. Вѣеръ въ ея рукѣ былъ художественнымъ произведеніемъ Индіи. Она казалась тѣмъ чѣмъ и была, женщиной обладающею большимъ запасомъ лишнихъ денегъ и небольшимъ запасомъ умственныхъ способностей. То была бездѣтная вдова великаго желѣзнаго заводчика, мистрисъ Гленармъ.

Богатая женщина кокетливо ударила сильнаго человѣка по плечу своимъ вѣеромъ.

— А, вотъ вы гдѣ, негодный, сказала она съ притворною досадой. — Наконецъ-то я нашла васъ!

Джофри медленно подвигался по площадкѣ, оставляя даму идти за собой, съ сознаніемъ своего дикаго превосходства надъ всѣми цивилизованными правилами обращенія съ женскимъ поломъ. Онъ взглянулъ на часы.

— Я сказалъ что приду сюда черезъ полчаса, сказалъ онъ, безпечно переворачивая цвѣтокъ въ зубахъ. — Полчаса прошло, и я здѣсь.

— Вы пришли сюда чтобы видѣть гостей, или чтобы видѣть меня?

Джофри любезно улыбнулся и перевернулъ цвѣтокъ зубами.

— Васъ, конечно.

Вдова взяла его подъ руку и взглянула на него, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ освѣщавшемъ ея лицо, какъ можетъ взглянуть только молодая женщина.

Общепринятое англійское понятіе о женской красотѣ можетъ быть выражено тремя словами: молодость, здоровье, полнота. Духовная прелесть ума и живости, утонченная привлекательность красивыхъ чертъ лица, изящество подробностей мало цѣнятся массой мущинъ на этомъ островѣ. Иначе нельзя объяснить странной слѣпоты которую обнаруживаютъ (мы приведемъ только одинъ примѣръ) девять изъ десяти Англичанъ любывавшихъ во Франціи, объявляя что они не видали ни одной красивой женщины ни въ Парижѣ, ни во всей странѣ. Нашъ національный типъ красоты можно видѣть во всякой лавкѣ гдѣ продаются иллюстрированныя изданія. Все та же полная дѣвушка съ безсмысленною улыбкой и безъ всякаго выраженія въ лицѣ является во всевозможныхъ иллюстраціяхъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, круглый годъ. Желающій знать какова была мистрисъ Гленармъ можетъ выйти на улицу, остановиться у любой книжной лавки и увидать портретъ ея въ первомъ иллюстрированномъ изданіи гдѣ изображена молодая женщина. Единственная особенность чисто матеріальной красоты мистрисъ Гленармъ, особенность удивлявшая всякаго наблюдательнаго и развитаго человѣка, была ея необыкновенная дѣвственность во взглядѣ и манерахъ. Человѣкъ незнакомый съ этою женщиной, которая была женой въ двадцать лѣтъ, а теперь двадцатичетыр-

рехлѣтнею вдовой, заговоривъ съ ней не назвалъ бы ея иначе какъ „миссъ“.

— Такъ-то вы обращаетесь съ цвѣткомъ который я дала вамъ! сказала она. — Жуете его точно вы лошадь.

— Если хотите, возразилъ Джофри, — я и въ самомъ дѣлѣ больше похожъ на лошадь чѣмъ на человѣка. Готовлюсь къ бѣгу, а публика держитъ за меня пари. Ха! ха! ха! Пять противъ четырехъ.

— Пять противъ четырехъ! Онъ, кажется, ни о чемъ другомъ не думаетъ кромѣ пари. Большое, тяжелое животное, нѣтъ никакой возможности сдвинуть васъ. Развѣ вы не видите что я, какъ и всѣ, хочу идти къ озеру. Нѣтъ! Я не выпущу вашу руку. Вы поведете меня.

— Не могу. Перри ждетъ меня черезъ полчаса.

Перри былъ выписанный изъ Лондона учитель. Онъ пріѣхалъ раньше чѣмъ его ожидали, и три дня тому назадъ началъ готовить Джофри.

— Не смѣйте говорить мнѣ о Перри! Бросьте его. Не хотите? Такъ вы предпочитаете Перри мнѣ?

— За меня ставятъ пять противъ четырехъ, моя милая мистрисъ Гленармъ. А бѣгъ будетъ черезъ мѣсяцъ.

— Ну, такъ отправляйтесь же къ вашему возлюбленному Перри. Я ненавижу васъ. Дай Богъ чтобы вы проиграли бѣгъ. Оставайтесь въ своей бесѣдкѣ, не приходите сюда. И смотрите, впередъ не смѣйте называть меня своею милою.

— На это не надо большой смѣлости. Дайте мнѣ покончить съ бѣгомъ, и тогда я осмѣлюсь жениться на васъ.

— Вы! Состаритесь пока будете ждать чтобъ я сдѣлалась вашею женой. Нѣтъ ли сестры у Перри? Вы бы освѣдомились. Она была бы вамъ пара.

Джофри повернулъ цвѣтокъ въ зубахъ и взглянулъ такъ какъ будто поданная мысль показалась ему достойною вниманія.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Готовъ сдѣлать все что вамъ угодно. Я спрошу у Перри.

Онъ повернулся какъ будто хотѣлъ сейчасъ же идти исполнить свое намѣреніе. Мистрисъ Гленармъ протянула маленькую ручку, восхитительно обтянутую ярко-красною перчаткой, положила ее на атлетическую руку и тихо ущипнула желѣзные мускулы.

— Удивительный вы человѣкъ, сказала она.—Я такого никогда не встрѣчала.

Вся тайна власти которую Джофри пріобрѣлъ надъ нею заключалась въ этихъ словахъ.

Они были вмѣстѣ не болѣе десяти дней, и въ это время онъ успѣлъ покорить ее. Наканунѣ дня праздника, въ одинъ изъ промежутковъ между упражненіями съ Перри, онъ подошелъ къ ней когда она была одна, и спросилъ ее, безъ всякихъ предисловій, хочетъ ли она быть его женой. Примѣровъ въ подтвержденіе того что женщину можно покорить въ десять дней, надѣюсь, не надо приводить. Но не видано примѣра чтобы женщина захотѣла сдѣлать это всѣмъ извѣстнымъ. Вдова желѣзнаго заводчика, прежде чѣмъ дать согласіе, потребовала чтобъ оно было сохранено въ тайнѣ. Джофри обѣщалъ молчать, и мистрисъ Гленармъ, безъ дальнѣйшаго колебанія, сказала „да“. Надо замѣтить что въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ она сказала „нѣтъ“ по крайней мѣрѣ полдюжинѣ искателей ея руки, которые была выше Джофри во всевозможныхъ отношеніяхъ, кромѣ физической красоты и силы.

Всему есть причина, и этому была причина.

Какъ бы упрямо ни отвергали это современные проповѣдники теоріи равенства половъ, тѣмъ не менѣе останется истиной, ясно доказанною всею исторіей человѣчества, что самое естественное состояніе женщины видѣть въ мущинѣ господина. Взгляните на лицо всякой женщины которая не живетъ въ прямой зависимости отъ мущины и, также ясно какъ вы видите солнце на безоблачномъ небѣ, вы увидите по лицу такой женщины что она несчастна. Потребность имѣть господина есть ихъ сильнѣйшая, безсознательная потребность; обладаніе господиномъ есть, безсознательно для нихъ самихъ, необходимое дополненіе ихъ жизни. Въ девяносто девяти случаяхъ изо ста этотъ врожденный инстинктъ есть причина необъяснимой иначе жертвы которую приноситъ женщина добровольно соединяясь съ недостойнымъ ея человѣкомъ. Этотъ же врожденный инстинктъ былъ причиной необъяснимой иначе легкости съ которою сдалась мистрисъ Гленармъ.

Вплоть до встрѣчи съ Джофри молодая вдова занимала только одно положеніе въ своихъ сношеніяхъ съ міромъ,—положеніе властительницы. Въ короткій шестимѣсячный періодъ ея замужней жизни съ человѣкомъ которому она могла быть—и должна бы была быть—внучкой, ей стоило шевельнуть пальцемъ чтобъ ея желаніе было исполнено. Влюбленный старый мужъ былъ добровольнымъ рабомъ своей молодой,

капризной жены. Въ позднѣйшій періодъ, когда общество встрѣтило тройнымъ привѣтомъ ея красоту, происхожденіе и богатство, вездѣ куда бы она ни поѣхала, она бывала предметомъ униженнаго ухаживанія искателей ея руки. Встрѣтивъ Джофри Деламена, она въ первый разъ встрѣтила человѣка съ собственною волей.

Занятія Джофри въ то время способствовали какъ нельзя болѣе столкновеніямъ между женскимъ заявленіемъ своихъ требованій и мужскимъ заявленіемъ своей воли.

Пріѣхавъ въ домъ брата, Джофри, еще до пріѣзда учителя, подчинилъ себя всѣмъ необходимымъ условіямъ физической дисциплины которая должна была приготовить его къ бѣгу. Онъ уже зналъ по предварительнымъ опытамъ какое ему надо дѣлать движеніе, и въ какіе часы, отъ какой пищи воздерживаться. Мистрисъ Гленармъ пробовала не разъ заставить его нарушить правила дисциплины, но каждый разъ власть ея надъ мущинами, не встрѣчавшая до сихъ поръ сопротивленія, не имѣла никакого вліянія на Джофри. Все что̀ она ни дѣлала, все что̀ она ни говорила, не могло поколебать этого человѣка. Пріѣхалъ Перри, и неподатливость Джофри на всевозможныя попытки обольстительной женской тиранiи, предъ которою преклонялись всѣ, сдѣлалась еще оскорбительнѣе и непоколебимѣе. Мистрисъ Гленармъ начала ревновать его къ Перри какъ къ женщинѣ. Она сердилась, плакала, кокетничала съ другими мущинами, угрожала уѣхать. Все напрасно! Джофри никогда не пропускалъ условленнаго свиданія съ Перри, никогда не прикасался, какъ бы она его ни просила, къ такой пищѣ или такому питью которыя запрещалъ ему Перри. Никакія занятія не враждебны въ такой степени женскому вліянію какъ атлетическія. Никто болѣе не свободенъ отъ женскаго вліянія чѣмъ люди посвятившіе жизнь свою атлетическому поприщу. Джофри сопротивлялся мистрисъ Гленармъ безъ малѣйшаго труда. Случайно и безсознательно онъ заслужилъ ея удивленіе и уваженіе. Она влюбилась въ него какъ въ героя; она отдалялась отъ него какъ отъ животнаго; она боролась съ нимъ, подчинялась ему, ненавидѣла его, обожала его въ одно и то же время. Всѣ эти непонятныя съ перваго раза противорѣчія объясняются простымъ фактомъ: мистрисъ Гленармъ нашла себѣ господина.

— Проводите меня къ озеру, Джофри, попросила она, пожавъ его руку ярко-красною ручкой.

Джофри взглянулъ на часы.

— Перри ожидаетъ меня черезъ двадцать минутъ.

— Опять Перри!

— Да.

Мистрисъ Гленармъ подняла вѣеръ, со внезапною вспышкой гнѣва, и переломила его, ударивъ имъ по лицу Джофри.

— Что! воскликнула она, топнувъ ногой.—Мой бѣдный вѣеръ сломался. Все вы виноваты, чудовище!

Джофри спокойно взялъ сломанный вѣеръ и положилъ его въ карманъ.

— Я выпишу вамъ изъ Лондона другой, сказалъ онъ.—Перестаньте. Поцѣлуемся и помиримся.

Онъ оглянулся чтобъ увѣриться что никого нѣтъ, поднялъ мистрисъ Гленармъ съ земли (а она была не легка), поддержалъ ее въ воздухѣ какъ ребенка, и звонко поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Съ искреннимъ почтеніемъ отъ преданнаго вамъ, сказалъ онъ, захохотавъ и поставилъ ее на землю.

— Какъ вы смѣете, закричала мистрисъ Гленармъ.— Я пожалуюсь мистрисъ Деламенъ, если вы будете оскорблять меня такимъ образомъ. Я никогда не прощу вамъ этого, милостивый государь!

Произнося эти полныя негодованія слова, она смотрѣла на него взглядомъ вполнѣ опровергавшимъ слова. Въ слѣдующую минуту она уже облокачивалась на его руку и смотрѣла на него, по крайней мѣрѣ въ тысячный разъ, съ удивленіемъ, какъ на невиданную для нея новость въ мужской половинѣ человѣческаго рода.

— Какъ вы грубы, Джофри, сказала она ласково.

Онъ улыбнулся на этотъ безыскусственный комплиментъ мужественной добродѣтели его характера. Увидавъ улыбку, она тотчасъ же сдѣлала опять попытку взять верхъ надъ ненавистнымъ Перри.

— Бросьте его, сказала дочь Евы, соблазняя Адама яблокомъ.—Пойдемте, Джофри, милый, забудьте о Перри. Проводите меня къ озеру.

Джофри взглянулъ на часы.

— Перри ожидаетъ меня черезъ четверть часа.

Негодованіе мистрисъ Гленармъ выразилось въ новой формѣ: она расплакалась. Джофри посмотрѣлъ на нее съ величайшимъ удивленіемъ, потомъ взялъ ее за обѣ руки и потрясъ ее.

— Послушайте, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ,—можете вы приготовить меня къ бѣгу?

— Я приготовила бы еслибы могла.

— Въ этомъ мало пользы. Можете вы помочь мнѣ выиграть бѣгъ? Да или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ осушите ваши глаза и предоставьте это Перри.

Мистрисъ Гленармъ осушила глаза и сдѣлала еще усиліе.

— Я не могу показаться въ такомъ видѣ, сказала она.—Я такъ взволнована, я не знаю что̀ съ собой дѣлать. Войдемте въ домъ, Джофри. Выпьемъ по чашкѣ чаю.

Джофри покачалъ головой.

— Парри запрещаетъ чай въ серединѣ дня, сказалъ онъ.

— Невѣжа! воскликнула мистрисъ Гленармъ.

— Вы хотите чтобъ я продолжалъ бѣгъ? сказалъ Джофри.

— Да.

Съ этимъ отвѣтомъ она наконецъ оставила его и убѣжала въ домъ.

Джофри прошелся по площадкѣ, подумалъ, остановился и взглянулъ на дверь въ которую скрылась раздраженная вдова. „Десять тысячъ годоваго дохода“, сказалъ онъ, думая объ опасности угрожавшей его брачнымъ надеждамъ. „И чертовски легко даются“, прибавилъ онъ, и пошелъ къ дому съ намѣреніемъ успокоить мистрисъ Гленармъ.

Оскорбленная женщина сидѣла на диванѣ въ пустой гостиной. Джофри сѣлъ рядомъ съ ней. Она отвернулась. „Не глупите,“ сказалъ онъ своимъ самымъ убѣдительнымъ тономъ. Мистрисъ Гленармъ закрыла глаза платкомъ, Джофри безъ церемоніи взялъ у нея платокъ. Мистрисъ Гленармъ встала чтобъ уйти изъ комнаты. Джофри остановилъ ее силой. Мистрисъ Гленармъ погрозила призвать слугъ. Джофри сказалъ: „зовите. Пусть всѣ узнаютъ что я люблю васъ“. Мистрисъ Гленармъ взглянула на дверь. „Тише, ради Бога!“ шепнула она. Джофри взялъ ее подъ руку и сказалъ: „пойдемте-ка со мной. Мнѣ надо сказать вамъ кое-что.“ Мистрисъ Гленармъ отдернула руку и покачала головой. Джофри обнялъ ее за талію и вывелъ изъ комнаты, потомъ изъ дома, и пошелъ по направленію къ сосновой рощѣ. Войдя въ рощу, онъ остановился и сказалъ оскорбленной вдовѣ:

— Вы именно такого рода женщина которая мнѣ нравится, и нѣтъ человѣка который любилъ бы васъ въ половину такъ

какъ я васъ люблю. Перестаньте надоѣдать мнѣ съ Перри, а я для васъ вотъ что̀ сдѣлаю: я позволю вамъ посмотрѣть на мое упражненіе.

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и устремилъ на нее свои большіе голубые глаза, и взглядъ его говорилъ ясно: „ни одна женщина не удостоивалась еще такого счастія какого удостоитесь вы“. Любопытство мгновенно взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами мистрисъ Гленармъ.

— На какое упражненіе, Джофри? спросила она.

— На короткій бѣгъ съ высочайшею степенью моей быстроты. Ни одной живой душѣ въ Англіи, кромѣ васъ, я не позволилъ бы взглянуть на это. Вы скажете и теперь что я невѣжа?

Мистрисъ Гленармъ была побѣждена по крайней мѣрѣ въ сотый разъ.

— О, Джофри, еслибы вы были всегда такой, сказала она ласково. Она смотрѣла на него восторженно, сама взяла его подъ руку и съ любовью прижала ее къ себѣ.—Вы въ самомъ дѣлѣ любите меня? спросила она.

— Неужели же нѣтъ? отвѣчалъ герой. Примиреніе совершилось, и они пошли дальше.

Пройдя рощу, они вышли на открытое мѣсто поднимавшееся и опускавшееся красивыми холмами. Послѣдній изъ холмовъ опускался въ красивую равнину, съ рядомъ деревьевъ на противоположной сторонѣ, съ маленькою каменною бесѣдкой посреди деревьевъ, и съ маленькимъ, подвижнымъ человѣкомъ, ходившимъ заложивъ руки за спину взадъ и впередъ предъ бесѣдкой. Равнина была сценой упражненій героя, бесѣдка была мѣстомъ отдохновенія героя, а маленькій человѣкъ былъ учителемъ героя.

Если мистрисъ Гленармъ ненавидѣла Перри, то Перри тоже, повидимому, не угрожала опасность влюбиться въ нее. Когда Джофри подошелъ къ нему со своею спутницей, учитель остановился, и не сказавъ ни слова, устремилъ на нее удивленный взглядъ. Мистрисъ Гленармъ, съ своей стороны, дѣлала видъ что не замѣчаетъ существованія и присутствія такого субъекта какъ учитель.

— Сколько времени? спросилъ Джофри.

Перри взглянулъ на свои часы, показывавшіе время до пятой доли секунды, и отвѣчалъ Джофри, не спуская глазъ съ мистрисъ Гленармъ:

— Вамъ остается еще пять минутъ.

— Покажите мнѣ куда вы побѣжите; мнѣ такъ хочется видѣть, сказала съ жаромъ вдова, держа обѣими руками руку Джофри.

Онъ повелъ ее къ мѣсту гдѣ стоялъ шестъ съ привязаннымъ къ нему флагомъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ бесѣдки. Она шла рядомъ съ нимъ переваливающеюся походкой, которая, казалось, довершила негодованіе Перри. Когда они удалились на столько чтобы не слыхать его, онъ призвалъ громъ и молнію на красиво убранную голову мистрисъ Гленармъ.

— Стойте здѣсь, сказалъ Джофри, поставивъ ее у шеста.— Когда я пробѣгу мимо васъ.... — Онъ замолчалъ и взглянулъ на нее съ добродушнымъ, мужественнымъ сожалѣніемъ.—Чортъ возьми, продолжалъ онъ,—какъ мнѣ объяснить это вамъ. Слушайте. Когда я пробѣгу мимо васъ, это будетъ,—какъ вы сказали бы еслибъ я былъ лошадь,—полный галопъ. Молчите, я еще не все сказалъ. Слѣдите за мной до того мѣста гдѣ уголъ бесѣдки пересѣкаетъ деревья. Когда я скроюсь за стѣной, знайте что я уже пробѣжалъ триста ярдовъ отъ флага. Вы попали въ счастливый день. Перри пробуетъ меня сегодня на большомъ разстояніи. Поняли вы что вы должны стоять здѣсь? Хорошо, пустите же меня переодѣться.

—Увижу я васъ, Джофри?

— Развѣ я не говорилъ вамъ что вы увидите какъ я побѣгу?

— Да; но потомъ?

— Потомъ меня вытрутъ губкой, и я буду отдыхать въ бесѣдкѣ.

— Вы придете къ намъ вечеромъ?

Онъ кивнулъ головой и ушелъ. Лицо Перри выражало невыразимыя словами чувства, когда Джофри подошелъ къ нему.

— Позвольте спросить васъ, мистеръ Деламенъ, нуженъ я вамъ или нѣтъ?

— Конечно нуженъ.

— Что я сказалъ когда пріѣхалъ сюда? продолжалъ мрачно Перри.—Я сказалъ: я не позволяю никому смотрѣть на упражненія человѣка котораго я готовлю. Я не хочу имѣть зрителей. Я не хочу чтобы кто-нибудь слѣдилъ за вами, кромѣ меня. Я не хочу чтобъ о вашихъ успѣхахъ провозглашали въ газетахъ. Я хочу чтобы ни одна живая душа, исключая васъ и меня, не была посвящена въ тайну того что вы можете сдѣлать и чего не можете. Говорилъ я это, мистеръ Деламенъ, или не говорилъ?

— Ну, хорошо.

— Говорилъ я это или не говорилъ?

— Конечно говорилъ.

— Такъ не приводите же сюда женщинъ. Это прямо противъ правилъ. Я этого не допускаю.

Всякій другой смертный, заговоривъ съ Джофри такимъ тономъ, скоро бы раскаялся. Но самъ Джофри боялся разсердиться на Перри. Въ виду предстоящаго бѣга, первѣйшій изъ британскихъ атлетовъ не смѣлъ шутить съ первѣйшимъ изъ британскихъ учителей.

— Она не придетъ сюда въ другой разъ, сказалъ Джофри.— Она уѣдетъ отсюда черезъ два дня.

— Я поставилъ за васъ все что у меня есть за душой, продолжалъ Перри, впадая въ чувствительность. — И признаюсь, я былъ уязвленъ въ самое сердце когда увидѣлъ что за вами идетъ женщина. Это измѣна противъ его сторонниковъ, сказалъ я самъ себѣ. Это измѣна.

— Ну, будетъ, сказалъ Джофри. — Пойдемте, помогите мнѣ выиграть ваше пари.

Онъ растворилъ дверь бесѣдки, и атлетъ и учитель исчезли изъ виду.

Прождавъ нѣсколько минутъ у флага, мистрисъ Гленармъ увидала приближавшихся къ ней отъ бесѣдки Джофри и его учителя. Одѣтый въ легкій, эластичный костюмъ, удобный для всякаго движенія и примѣненный ко всѣмъ необходимымъ при бѣгѣ условіямъ, Джофри, съ его физическими достоинствами, являлся въ своемъ лучшемъ видѣ. Голова его гордо и свободно поднималась на бѣлой открытой шеѣ. Возвышеніе его могучей груди, когда онъ глубоко вдыхалъ въ себя душистый лѣтній воздухъ; свободныя, эластичныя движенія его прямыхъ, стройныхъ ногъ были торжествомъ физической мужественности. Мистрисъ Гленармъ пожирала его глазами въ безмолвномъ восторгѣ. Онъ походилъ на молодаго миѳологическаго бога, на статую оживленную краской и жизнью. „О, Джофри!“ воскликнула она, когда онъ прошелъ мимо нея. Онъ не отвѣтилъ и не обернулся. Ему теперь было не до нѣжныхъ пустяковъ. Онъ собирался съ силами, ротъ его былъ полуоткрытъ, кулаки слегка сжаты. Перри сталъ на свое мѣсто, угрюмый и безмолвный, съ часами въ рукахъ. Джофри приблизился къ флагу, собираясь съ силами чтобы, пройдя его, пуститься во весь опоръ. „Ну“, сказалъ Перри, и

Джофри полетѣлъ (какъ показалось возбужденному воображенію мистрисъ Глеспармъ) какъ стрѣла изъ лука. Бѣгъ его былъ безукоризненъ. Все меньше, меньше и меньше становился онъ въ глазахъ слѣдившихъ за его бѣгомъ; все также легко касался земли, все также твердо держался прямой линіи, и скоро исчезъ за стѣной бесѣдки. Часы учителя возвратились на свое мѣсто въ его карманъ.

Сгорая нетерпѣніемъ узнать о результатѣ, мистрисъ Глеспармъ забыла свою ненависть къ Перри.

— Сколько времени онъ бѣжалъ? спросила она.

— И безъ васъ нашлось бы много охотниковъ узнать это, отвѣчалъ Перри.

— Мистеръ Деламенъ мнѣ все-равно скажетъ, грубіянъ.

— Это зависитъ отъ того скажу ли я ему.

Съ этими словами Перри поспѣшилъ въ бесѣдку.

Ни одного слова не было произнесено пока учитель ухаживалъ за своимъ ученикомъ, а ученикъ переводилъ духъ. Когда Джофри былъ тщательно вытертъ и переодѣлся въ свое обыкновенное платье, Перри выдвинулъ изъ угла покойное кресло. Джофри скорѣе упалъ чѣмъ сѣлъ въ кресло. Перри взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Ну, сказалъ Джофри,—сколько же времени я бѣжалъ? Долго, скоро или посредственно?

— Очень скоро, отвѣчалъ Перри.

— А какъ скоро?

— Черезъ сколько времени, мистеръ Деламенъ, сказали вы уѣдетъ барыня?

— Черезъ два дня.

— Ну, черезъ два дня я и скажу вамъ сколько времени вы бѣжали сегодня.

Джофри не сдѣлалъ попытки настоять на немедленномъ отвѣтѣ. Онъ слабо улыбнулся. Минутъ черезъ десять онъ вытянулъ ноги и закрылъ глаза.

— Засыпаете? спросилъ Перри.

Джофри съ трудомъ открылъ глаза.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, и тотчасъ же опять закрылъ глаза.

— Вотъ-те на! сказалъ Перри, смотря на него. — Мнѣ это совсѣмъ не нравится.

Онъ подошелъ ближе къ стулу. Не могло быть никакого сомнѣнія, Джофри спалъ.

Перри издалъ тихій, протяжный свистъ и осторожно пощу-

палъ пульсъ Джофри. Пульсъ былъ медленный, тяжелый, неровный,—пульсъ несомнѣнно истощеннаго человѣка.

Учитель поблѣднѣлъ и прошелся по комнатѣ. Потомъ отворилъ шкафъ и вынулъ изъ него свой дневникъ за предыдущій годъ. Записки о послѣднемъ случаѣ когда онъ готовилъ Джофри къ бѣгу заключали мельчайшія подробности. Онъ нашелъ отчетъ о первомъ опытѣ въ триста ярдовъ съ полною скоростью. Тогда Джофри бѣжалъ одною или двумя секундами долѣе чѣмъ въ этотъ разъ, но результатъ былъ совершенно иной. Вотъ что̀ значилось въ прошлогодней запискѣ: „Пульсъ хорошъ. Человѣкъ въ возбужденномъ состояніи. Готовъ пробѣжать еще разъ, еслибъ ему позволить.“

Перри взглянулъ теперь на того же человѣка, въ изнеможеніи уснувшаго въ креслѣ.

Онъ досталъ изъ шкафа перо, чернилъ и бумаги, и написалъ два письма, оба помѣченные надписью „секретно“. Первое было адресовано къ доктору, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ у учителей атлетическихъ упражненій. Второе къ лондонскому агенту Перри, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ. Въ письмѣ онъ поручилъ агенту поставить за соперника Джофри такую же сумму какую Перри поставилъ за Джофри. „Если вы поставили за него и свои деньги“, оканчивалось письмо, „то послѣдуйте моему примѣру и не говорите никому ни слова“.

— Вотъ и другой надорвался, сказалъ Перри, опять взглянувъ на Джофри.—Онъ проиграетъ бѣгъ.

ГЛАВА XXXII.

Сѣмена будущаго. (Второй посѣвъ.)

Что̀ же сказали гости о лебедяхъ?

Они сказали: „о, какъ ихъ много!“ что̀ было единственнымъ замѣчаніемъ которое могли сдѣлать люди незнакомые съ естественною исторіей водяныхъ птицъ.

А что̀ сказали гости объ озерѣ?

Одни сказали: „Какъ торжественно!“ Другіе сказали: „Какъ поэтично!“ Нѣкоторые ничего не сказали и подумали: „Какъ мрачно!“

Здѣсь опять общество высказало въ немногихъ словахъ все

что можно было сказать. Озеро было окружено сосновымъ лѣсомъ. Исключая средины, освѣщаемой солнцемъ, вода казалась черною подъ темною тѣнью деревьевъ. Единственная просѣка въ лѣсу была на отдаленномъ концѣ озера. Единственнымъ признакомъ жизни было плавное движеніе лебедей на мертвенно тихой водной поверхности. Картина была торжественна, какъ они сказали, и поэтична, какъ они сказали, и мрачна, какъ они подумали. Цѣлыя страницы посвященныя описанію озера не могли бы выразить болѣе; поэтому здѣсь не будетъ страницъ съ описаніемъ.

Пресытившись лебедями, пресытившись озеромъ, общее любопытство обратилось на просѣку и было поражено искусственнымъ предметомъ вкравшимся въ картину въ видѣ широкаго краснаго занавѣса, повѣшеннаго между двумя высокими соснами и заслонявшаго видъ вдаль. Любопытство обратилось за удовлетвореніемъ къ Юліи, и получило въ отвѣтъ что тайна объяснится только тогда когда придетъ мистрисъ Деламенъ съ гостями замѣшкавшимися въ домѣ.

Пришла мистрисъ Деламенъ съ остальными гостями, и соединенное общество прошло берегомъ озера и остановилось въ просѣкѣ противъ краснаго занавѣса. Юлій Деламенъ вывелъ двухъ дѣвочекъ, дочерей сестры своей жены, и указавъ имъ на золотые снурки висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ занавѣса, поручилъ имъ дернуть снурки и посмотрѣть что изъ этого выйдетъ. Племянницы Деламена исполнили порученіе съ дѣтскимъ усердіемъ, занавѣсъ раздѣлился посерединѣ, и крикъ всеобщаго удивленія и восторга привѣтствовалъ открывшуюся картину.

Въ концѣ широкой сосновой аллеи обширная равнина разстилалась зеленымъ ковромъ среди окружавшаго ее лѣса. На отдаленномъ концѣ равнина превращалась въ гору, и внизъ по откосу бѣжалъ между старыми гранитными скалами свѣтлый ручеекъ. На правой сторонѣ равнины стояли рядами столы, покрытые бѣлоснѣжными скатертями и кушаньями ожидавшими гостей. На противоположной сторонѣ помѣщался оркестръ, заигравшій въ ту минуту когда открылся занавѣсъ. Такой чудный сюрпризъ приготовилъ Юлій Деламенъ своимъ гостямъ. Только въ подобныя минуты, или играя сонаты въ скромной музыкальной комнатѣ Свангавена, бывалъ вполнѣ счастливъ старшій сынъ лорда Гольчестера. Онъ въ душѣ роптalъ на обязанности которыя возлагало на него его положеніе и стра-

далъ отъ высокихъ привилегій своего класса и богатства, считая ихъ самою тяжелою формой соціальнаго мученичества.

— Мы сначала пообѣдаемъ, сказалъ Юлій, — а потомъ будемъ танцовать. Вотъ и вся программа.

Онъ взялъ подъ руки двухъ ближе стоявшихъ къ нему дамъ и повелъ ихъ къ столу, не разбирая принадлежатъ ли онѣ къ высшему классу или нѣтъ, и къ удивленію леди Лунди, сѣлъ на первый попавшійся стулъ, нисколько, повидимому, не добиваясь почетнаго мѣста на своемъ собственномъ обѣдѣ. Гости послѣдовали примѣру хозяина и сѣли какъ попало, не разбирая старшинства. Мистрисъ Деламенъ, чувствуя особый интересъ къ молодой невѣстѣ, взяла подъ руку Бланку. Леди Лунди не приминула сѣсть по другую сторону отъ хозяйки. Мистрисъ Деламенъ употребила всѣ силы чтобы заставить Бланку разговориться, Бланка употребила всѣ силы чтобъ исполнить ея желаніе, но разговоръ не вязался, и мистрисъ Деламенъ оставила ее наконецъ въ покоѣ и обратилась къ леди Лунди, рѣшивъ что у невѣсты есть на душѣ какая-нибудь непріятность. Она не ошиблась. Ссора Бланки съ подругой на площадкѣ и ея неспособность оживиться были слѣдствіемъ одной и той же причины. Она скрывала это отъ дяди и отъ Арнольда, но ея безпокойство и тоска объ Аннѣ ни мало не уменьшились, и она ждала (вопреки всему что говорилъ сэръ-Патрикъ) первой возможности возобновить поиски за своею потерянною подругой.

Между тѣмъ обѣдъ и разговоръ шли очень весело. Оркестръ игралъ лучшія піесы своего репертуара, слуги постоянно подливали стаканы, и на всѣхъ столахъ царствовали оживленіе и свобода. Единственный разговоръ въ которомъ говорившіе не сочувствовали другъ другу былъ тотъ который происходилъ возлѣ Бланки между ея мачихой и мистрисъ Деламенъ.

Между другими совершенствами леди Лунди, способность дѣлать непріятныя открытія занимала очень видное мѣсто. Она не преминула замѣтить то чего другіе, повидимому, не замѣтили,—отсутствіе свояка хозяйки и, что еще важнѣе, исчезновеніе мистрисъ Глепармъ.

— Не ошибаюсь ли я? сказала леди Лунди, прикладывая лорнетъ къ глазамъ.—Кажется, не достаетъ одного члена нашего общества. Я не вижу мистера Джофри Деламена.

— Джофри обѣщалъ быть здѣсь. Но вы, вѣроятно, по опыту знаете что онъ не придаетъ большаго значенія такимъ

обѣщаніямъ. Приготовленіе къ бѣгу для него выше всего, мы видимъ его теперь очень мало.

Мистрисъ Деламенъ хотѣла перемѣнить разговоръ, но леди Лунди опять вооружилась лорнетомъ и еще разъ оглянула столы.

— Извините, продолжала она,—но, кажется, не достаетъ еще одной особы. Я не вижу мистрисъ Гленармъ. Впрочемъ, это невозможно, она конечно здѣсь. Мистрисъ Гленармъ вѣдь не готовится къ бѣгу. Не видите ли вы ея? Я не вижу.

— Я не видала ея съ тѣхъ поръ какъ мы вышли изъ дома.

— Не странно ли это, однако, дорогая мистрисъ Деламенъ?

— У насъ въ Свангавенѣ, леди Лунди, гости могутъ дѣлать все что̀ имъ угодно.

Такимъ отвѣтомъ мистрисъ Деламенъ надѣялась положить конецъ непріятному разговору, но непоколебимая любознательность леди Лунди не смущалась даже такими прямыми намеками. Поддавшись, по всей вѣроятности, наплыву чрезмѣрнаго веселія, леди Лунди выказала неожиданный запасъ шутливости. Разсудокъ отказывается вѣрить, но тѣмъ не менѣе достовѣрно что эта величественная женщина засмѣялась.

— Это что-то подозрительно, сказала леди Лунди съ тяжелою, необыкновенно странною шутливостью.—Съ одной стороны мистеръ Деламенъ, молодой неженатый человѣкъ, съ другой — мистеръ Гленармъ, молодая вдова. Со стороны молодаго человѣка общественное положеніе, со стороны молодой вдовы—богатство. И оба таинственно скрываются въ одно и то же время отъ такого пріятнаго общества. Не ошибусь я, мистрисъ Деламенъ, предположивъ что въ вашемъ семействѣ будетъ въ скоромъ времени свадьба?

Мистрисъ Деламенъ, казалось, досадовала. Она всѣмъ сердцемъ вошла въ планъ женить Джофри на мистрисъ Гленармъ. Но ей не хотѣлось объявлять что податливость мистрисъ Гленармъ (очевидная вопреки всѣмъ усиліямъ скрыть ее) доставила такой блистательный успѣхъ ихъ плану въ десять дней.

— Я не посвящена въ ихъ тайны, отвѣчала она сухо.

Тяжелое тѣло приходитъ въ движеніе медленно и останавливается медленно. Шутливость леди Лунди, необыкновенно тяжеловѣсная, слѣдовала тому же правилу.

— О, какой дипломатическій отвѣтъ! воскликнула она.—Но

я тѣмъ не менѣе понимаю его. Маленькая птичка сказала мнѣ что въ будущій сезонъ у насъ будетъ въ Лондонѣ новая мистрисъ Деламенъ, и я нисколько не буду удивлена если мнѣ придется поздравить мистрисъ Гленармъ.

— Если ваше воображеніе такъ неудержимо, леди Лунди, я не могу помочь этому, но позвольте мнѣ *мое* воображеніе удержать въ приличныхъ границахъ.

Наконецъ и леди Лунди поняла что надо замолчать. Она улыбнулась, тайно восхищаясь своимъ необыкновеннымъ умомъ. Еслибъ ее въ эту минуту спросили кто самая блестящая изъ современныхъ англійскихъ женщинъ, она взглянула бы внутренно на себя и увидѣла бы ясно какъ въ зеркалѣ блестящую леди Лунди изъ Виндигетса.

Въ ту минуту когда завязался разговоръ о Джофри и мистрисъ Гленармъ, Бланка почувствовала сильный запахъ какого-то спиртуознаго напитка, обдававшій ее, какъ казалось, сзади и сверху. Замѣтивъ что запахъ все усиливается, она обернулась чтобы посмотрѣть не производится ли за ея стуломъ какимъ-то непонятнымъ образомъ фабрикація рома. Въ ту минуту когда она повернула головку, вниманіе ея остановилось на парѣ дрожащихъ старческихъ рукъ, предлагавшихъ ей блюдо съ паштетомъ, обильно осыпаннымъ трюфелями.

— Что это, барышня, шепнулъ ей убѣдительный голосъ,— вы хотите умереть съ голоду въ странѣ изобилія. Послѣдуйте моему совѣту, скушайте кусочекъ этого паштета.

Бланка подняла глаза.

Это былъ онъ, — человѣкъ съ хитрыми глазами, покровительственными манерами и краснымъ носомъ. Остроумный Бишопригсъ прислуживалъ на Свангавенскомъ праздникѣ.

Бланка видѣла его только мелькомъ, въ достопамятную бурную ночь, но мгновенія проведенныя въ обществѣ Бишопригса равнялись часамъ проведеннымъ въ обществѣ не столь замѣчательнаго человѣка. Бланка тотчасъ же узнала его, тотчасъ же вспомнила слова сэръ-Патрика что Бишопригсъ спряталъ письмо которое Анна потеряла въ гостиницѣ, и тотчасъ же пришла къ заключенію что встрѣча съ Бишопригсомъ даетъ ей возможность найти Анну. Она хотѣла заговорить съ нимъ, но обращенные на нее взгляды сосѣдей предостерегли ее. Она взяла кусочекъ паштета и взглянула пристально на Бишопригса. Этотъ скромный человѣкъ не подалъ вида что понялъ ее, почтительно поклонился и пошелъ дальше.

„Желала бы я знать съ нимъ ли теперь письмо“, подумала Бланка.

Письмо было не только съ нимъ, но онъ пришелъ въ Свангавенъ имѣя въ виду обратить письмо въ деньги.

Въ Свангавенѣ не держали много прислуги. Приглашая большое общество, мистрисъ Деламенъ обращалась за добавочною прислугой къ своимъ близкимъ знакомымъ и въ главную гостиницу Киркандрю. Бишопригсъ служилъ въ то время (въ ожиданіи лучшаго мѣста) сверхштатнымъ слугою въ этой гостиницѣ и вошелъ въ число слугъ уступленныхъ гостиницей Свангавенскому празднику. Имя хозяина, съ перваго раза какъ онъ услыхалъ его, показалось ему знакомымъ. Онъ навелъ справки, и потомъ обратился за добавочными свѣдѣніями къ письму поднятому на полу въ Крегъ-Ферни.

Листокъ бумаги потерянный Анной заключалъ, какъ извѣстно, два письма: одно подписанное Анной, другое съ подписью Джофри Деламена. Оба письма доказывали ясно что писавшіе ихъ были между собою въ такихъ отношеніяхъ которыя они тщательно старались скрыть отъ общества.

Считая возможнымъ, при внимательномъ наблюденіи въ Свангавенѣ, осуществить надежду извлечь денежную выгоду изъ краденой переписки, Бишопригсъ, уходя изъ Киркандрю, положилъ письмо въ карманъ. Въ Бланкѣ онъ узналъ подругу пріѣзжавшую къ Аннѣ въ гостиницу, и приплялъ это къ свѣдѣнію. Кромѣ того онъ подслушалъ разговоръ леди Лунди съ мистрисъ Деламенъ о женитьбѣ Джофри на мистрисъ Глепармъ. Впереди было еще много часовъ до разъѣзда гостей, и Бишопригсъ надѣялся что будетъ имѣть удовольствіе поздравить себя съ исполненіемъ надежды основанной на Свангавенскомъ праздникѣ.

Наконецъ веселье, оживлявшее обѣдъ, начало мало-по-малу выказывать признаки истощенія.

Съ появленіемъ десерта, младшими членами общества и въ особенности дамами овладѣло какое-то безпокойство. Они съ нетерпѣніемъ поглядывали на свободное мѣсто равнины и били пальцами тактъ вальса который оркестръ игралъ въ то время. Замѣтивъ такіе симптомы, мистрисъ Деламенъ встала, и мужъ ея далъ знакъ музыкантамъ. Черезъ десять минутъ на лугу шла кадриль, вокругъ стояли зрители живописными группами, а слуги отправились обѣдать.

Долѣе всѣхъ оставался у покинутыхъ столовъ почтенный

Бишопригсъ. Вмѣсто того чтобы поспѣшить подобно другимъ на обѣдъ, онъ обошелъ столы, повидимому стряхивая крошки, а на самомъ дѣлѣ опоражнивая стаканы. Поглощенный своимъ занятіемъ, онъ былъ пораженъ окликнувшимъ его женскимъ голосомъ и, быстро обернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Лунди.

— Мнѣ хочется пить, сказала Бланка. — Потрудитесь почерпнуть мнѣ воды изъ ручья.

И она показала на ручеекъ, протекавшій на отдаленной сторонѣ равнины.

Бишопригсъ, казалось, изумился непритворно.

— Боже милостивый! воскликнулъ онъ.—Разстраивать себѣ желудокъ холодною водой, когда стóитъ сказать слово чтобы получить вина.

Бланка взглянула на него пристально. Въ чемъ другомъ, но въ недогадливости нельзя было упрекнуть Бишопригса. Онъ взялъ стаканъ и, моргнувъ своимъ единственнымъ глазомъ, пошелъ къ ручью. Что дѣвушкѣ захотѣлось напиться холодной воды и что слуга провожаетъ ее къ ручью, было такъ естественно что никто не удивился, а музыка мѣшала услышать разговоръ.

— Помните вы меня въ гостинницѣ въ ту ночь когда была гроза? спросила Бланка.

У Бишопригса была своя причина, тщательно спрятанная въ его бумажникѣ, не узнать Бланку съ перваго взгляда.

— Я не могу сказать что не помню васъ, сударыня. У кого хватитъ духа сказать что онъ не помнитъ такую прекрасную барышню.

Чтобъ освѣжить его память, Бланка вынула свой кошелекъ. Бишопригсъ неожиданно заинтересовался окружающимъ видомъ. Онъ взглянулъ на воду взглядомъ человѣка смотрящаго съ отвращеніемъ на непріятный напитокъ.

— Бѣжишь ты, сказалъ онъ, обращаясь къ ручью, — стремясь къ своему собственному уничтоженію, въ то озеро. Мало въ тебѣ проку, въ твоемъ первобытномъ состояніи. Говорятъ, ты символъ человѣческой жизни. Я опровергаю такую ложь. Ты символъ ничтожества, пока тебя не разогрѣютъ на огнѣ, не подсластятъ сахаромъ, не подкрѣпятъ ромомъ. Тогда ты превращаешься въ грогъ, а въ такомъ видѣ, дѣйствительно, жизнь человѣческая тебѣ кое-чѣмъ обязана.

— Я знаю васъ лучше чѣмъ вы предполагаете, продолжала

Бланка. (Она открыла кошелекъ. Бишопригсъ превратился въ образецъ вниманія.)—Вы были очень, очень добры съ дамой которая жила въ Крегъ-Ферни, продолжала она горячо. — Я слышала что за вашу доброту вы лишились мѣста въ гостиницѣ. Эта дама самая дорогая моя подруга. Я обязана благодарить васъ. Возьмите пожалуйста все что̀ я могу дать вамъ теперь.

Все сердце Бланки было въ ея глазахъ и въ ея голосѣ. Она выпорожнила кошелекъ въ подагристую, алчную, старую руку Бишопригса.

Молодая дѣвушка съ полнымъ кошелькомъ (какъ бы ни была богата молодая дѣвушка) есть комбинація не часто встрѣчающаяся въ какой бы то ни было странѣ цивилизованнаго міра. Большею частію деньги или истрачены, или забыты дома. Кошелекъ Бланки заключалъ соверенъ и шесть или семь шиллинговъ. Какъ карманныя деньги богатой наслѣдницы это было очень мало, но для Бишопригса это было блестящее вознагражденіе. Старый негодяй одною рукой положилъ деньги въ карманъ, а другою вытеръ слезы умиленія, которыхъ у него не было.

— Брось твой хлѣбъ на воду, сказалъ онъ, набожно подня̀въ глаза,—и найдешь его послѣ многихъ лѣтъ. Развѣ я не сказалъ увидѣвъ въ первый разъ бѣдную даму: я буду вамъ вмѣсто отца. Удивительно, подумаешь, какъ добрыя дѣла-то человѣка находятъ его въ нашемъ жалкомъ мірѣ. Голосъ природнаго влеченія въ моей груди былъ звученъ какъ труба, когда бѣдное созданіе взглянуло на меня въ первый разъ, продолжалъ онъ, смотря на Бланку съ безпокойнымъ ожиданіемъ.—Она сама разказывала вамъ о маленькихъ услугахъ которыя я оказывалъ ей въ гостинницѣ?

— Сама.

— Осмѣлюсь спросить гдѣ она въ настоящее время?

— Не знаю, мистеръ Бишопригсъ. Я невыразимо страдаю о ней. Она скрылась, и мы не знаемъ гдѣ она.

— О, это не хорошо. А гдѣ же ея мужъ, который одинъ день тащится за ея хвостомъ, а на другой уходитъ съ восходомъ солнца? Вмѣстѣ что ли они убѣжали?

— О немъ я ничего не знаю и никогда не видала его. Вы его видѣли, скажите какой онъ?

— Онъ? Пустой человѣкъ. Неспособенъ оцѣнить стаканъ

хорошаго хереса. Денегъ не жалѣетъ,—все что̀ я могу сказать вамъ о немъ,—денегъ онъ не жалѣетъ.

Потерявъ надежду добиться отъ Бишопригса точнаго описанія человѣка который былъ съ Анной въ гостиницѣ, Бланка приступила къ главной цѣли своего свиданія и безъ дальнихъ околичностей заговорила прямо о письмѣ.

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами, начала она. — У подруги моей въ гостиницѣ сдѣлалась пропажа.

Множество сомнѣній промелькнуло въ умѣ Бишопригса. Подруга Анны знаетъ о потерянномъ письмѣ и, мало того, она, кажется, хочетъ получить письмо.

— Да, да, началъ онъ, повидимому спокойно. — Не мудрено. Тамъ все пошло вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ какъ я ушелъ. Что̀ же у нея пропало?

— Письмо.

Въ единственномъ глазу Бишопригса выразилось опять безпокойное ожиданіе. Подозрѣваютъ или нѣтъ что письмо украдено?

— Вы сказали „пропало“. Полагаете вы что оно украдено?

Бланка поспѣшила успокоить его.

— О, нѣтъ, не украдено. Оно затерялось. Я хотѣла спросить васъ не знаете ли вы гдѣ оно?

— Почему же вы думаете что я могу знать гдѣ оно?—Онъ внимательно взглянулъ на Бланку и замѣтилъ минутное колебаніе въ ея лицѣ.—Позвольте спросить васъ, сударыня, на какомъ основаніи вы обращаетесь съ вопросомъ о пропавшемъ письмѣ вашей подруги ко мнѣ?

Вопросъ былъ рѣшителенъ. Можно сказать безъ преувеличенія что отъ отвѣта зависѣла будущность Бланки.

Еслибъ она могла дать ему денегъ и сказала прямо: „я знаю что письмо у васъ, Бишопригсъ; предлагаю вамъ за него десять фунтовъ и даю вамъ слово что это останется между нами“, договоръ по всей вѣроятности былъ бы заключенъ, и всѣ послѣдующія событія приняли бы другой оборотъ. Но у нея не осталось денегъ, и въ Свангавенѣ не было близкаго человѣка у котораго она могла бы занять десять фунтовъ не опасаясь что поступокъ ея будетъ перетолкованъ. По необходимости, Бланка покинула всякую надежду подкупить Бишопригса.

Она не могла придумать другаго способа добиться его признанія какъ только вооружиться вліяніемъ имени сэръ-

Патрика. Еслибы на ея мѣстѣ былъ мущина, онъ не рѣшился бы на такой безумный рискъ. Но Бланка, имѣя уже на душѣ одинъ неосторожный поступокъ, рискнула по-женски, не раздумывая долго, на другой. Непреодолимое стремленіе къ концу, побудившее ее распросить Джофри предъ его уходомъ изъ Виндзегетса, побудило ее теперь взять на себя переговоры съ Бишопригсомъ, вмѣсто того чтобы предоставить ихъ опытности и искусству сэръ-Патрика. Ея горячая, сестринская любовь къ Аннѣ не могла выносить долѣе неизвѣстности. Сердце шепнуло ей „рискни“, и Бланка рискнула.

— Сэръ-Патрикъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ вамъ, сказала она.

Открытая рука Бишопригса, готовившаяся вынуть письмо и получить вознагражденіе, мгновенно сжалась при этихъ словахъ.

— Сэръ-Патрикъ, повторилъ онъ. — Вы сказали о письмѣ сэръ-Патрику? И хорошо сдѣлали, это умнѣйшій человѣкъ. Такъ это онъ указалъ вамъ на меня?

Бланка замѣтила перемѣну въ его голосѣ и поспѣшила (когда было уже поздно) поправить ошибку.

— Сэръ-Патрикъ говорилъ что вы, можетъ-быть, нашли письмо, и забывъ отдать его, унесли съ собой изъ гостиницы.

Но Бишопригсъ зналъ по личному опыту что сэръ-Патрикъ неспособенъ смотрѣть на исчезновеніе письма такъ простодушно какъ говорила Бланка. „Старый чортъ меня знаетъ,“ подумалъ онъ.

— Ну что же? спросила Бланка петерпѣливо.—Правъ сэръ-Патрикъ?

— Правъ,отвѣтилъ Бишопригсъ грубо.—Въ его словахъ нѣтъ капли правды.

— Вы ничего не знаете о письмѣ?

— Отъ васъ впервые слышу.

Сердце Бланки упало. Неужели и второю попыткой она только повредила своей цѣли и отняла у сэръ-Патрика возможность дѣйствовать? Не можетъ быть! Есть еще надежда что Бишопригсъ отдастъ сэръ-Патрику письмо которое онъ не рѣшается довѣрить незнакомой дѣвушкѣ, подумала она. Надо только постараться проложить путь вліянію и благоразумію сэръ-Патрика. Съ этой цѣлью она возобновила разговоръ.

— Очень жаль что сэръ-Патрикъ ошибся, начала она.—Подруга моя очень безпокоилась о письмѣ, когда я видѣла ее

въ послѣдній разъ. Я думала, не знаете ли вы гдѣ она. Но во всякомъ случаѣ, правъ или не правъ сэръ-Патрикъ, онъ хочетъ непремѣнно видѣться съ вами, и я очень рада что нашла случай сообщить вамъ объ этомъ. Онъ оставилъ письмо на ваше имя въ гостинницѣ Крегъ-Ферни.

— Долго же придется письму пролежать въ гостинницѣ, если оно будетъ ждать чтобъ я пришелъ туда.

— Въ такомъ случаѣ, поспѣшно возразила Бланка, — дайте мнѣ адресъ по которому сэръ-Патрикъ могъ бы написать вамъ. Вы, вѣроятно, не захотите чтобъ я сказала ему что видѣлась съ вами и что вы отказались имѣть съ нимъ дѣло.

— Сохрани Богъ, воскликнулъ Бишопригсъ. — Я не положу пятна на мою неизмѣнную преданность сэръ-Патрику. Осмѣлюсь вручить вамъ сію карточку. Въ настоящее время я не имѣю мѣста (ужасное положеніе для человѣка моихъ лѣтъ), но сэръ-Патрикъ можетъ всегда узнать обо мнѣ, если я буду ему нуженъ, вотъ по этому адресу.

И онъ протянулъ Бланкѣ грязную карточку съ именемъ и адресомъ какого-то мясника въ Эдинбургѣ.

— Самуэль Бишопригсъ, сударыня. Спросить у Давида Доу, мясника, близь Коровьихъ воротъ въ Эдинбургѣ. Это мой Патмосъ среди дикой пустыни на будущее время.

Бланка взяла карточку съ невыразимымъ облегченіемъ: она послужитъ ей оправданіемъ въ томъ что она вторично взялась не за свое дѣло.

— Вы скоро увидитесь съ сэръ-Патрикомъ, сказала она, и кивнувъ ласково головой, возвратилась къ обществу.

— Увижусь съ сэръ-Патрикомъ! повторилъ Бишопригсъ когда она ушла. — Сэръ-Патрикъ совершитъ чудо если найдетъ меня у Коровьихъ воротъ.

Онъ самодовольно засмѣялся и ушелъ въ глубь лѣса чтобы тамъ взглянуть еще разъ на краденую переписку.

Правда сдѣлала попытку выйти изъ окружавшаго ее мрака, но Бланка опять безсознательно помѣшала ей.

ГЛАВА XXXIII.

Сѣмена будущаго. (Третій посѣвъ.)

Прочитавъ внимательно оба письма, Бишопригсъ легъ подъ дерево чтобъ обдумать хорошенько свое положеніе.

Выгодная передача краденой переписки Бланки не входила уже болѣе въ его разчеты. Что же касается до переговоровъ съ сэръ-Патрикомъ, онъ рѣшилъ избѣгать Коровьихъ воротъ и гостиницы мистрисъ Инчбаръ пока будетъ хоть слабая надежда передать переписку кому-нибудь другому, потому что ни одному смертному не удалось бы купить ее такъ дешево какъ сдѣлалъ бы это сэръ-Патрикъ. „Не отдамся я въ лапы стараго чорта, подумалъ онъ,—не попытавшись нельзя ли добиться толку у обыкновенныхъ смертныхъ.“ Онъ далъ себѣ слово не обращаться къ сэръ-Патрику не переговоривъ сначала съ другими лицами которымъ обладаніе перепиской могло принести пользу, и которые, по всей вѣроятности, щедро заплатятъ вору укравшему ее.

Кто же эти другія лица на которыхъ онъ разчитывалъ?

Послѣ подслушаннаго разговора леди Лунди съ мистрисъ Деламенъ не трудно было найти лицо которое имѣло прямой интересъ въ пріобрѣтеніи письма. Джофри Деламенъ намѣревался жениться на мистрисъ Глепармъ. Тотъ же Джофри Деламенъ обѣщалъ письменно жениться на Аннѣ Сильвестеръ не дальше какъ двѣ недѣли тому назадъ.

Каково бы ни было положеніе Джофри между двумя женщинами, но что онъ не отказался бы взять назадъ свое письмо къ Аннѣ было выше всякаго сомнѣнія. Слѣдовательно прежде надо было добиться свиданія съ Джофри. Еслибы свиданіе не повело ни къ чему другому, оно во всякомъ случаѣ рѣшило бы очень важный для Бишопригса вопросъ. Дама за которою онъ ухаживалъ въ гостиницѣ была несомнѣнно Анна Сильвестеръ. Но былъ ли тотъ мущина который назвался ея мужемъ Джофри Деламенъ, или нѣтъ?

Бишопригсъ вскочилъ на свои подагристыя ноги и пошелъ распросить какъ найти Джофри. Онъ обратился не къ мужской половинѣ прислуги, которая по всей вѣроятности не отпустила бы его отъ себя, а къ женской, которую нашелъ въ пустомъ домѣ.

Онъ безъ труда узналъ какъ найти бесѣдку. Но его предупредили что учитель мистера Джофри Деламена не позволяетъ никому приближаться къ бесѣдкѣ, и что его непремѣнно прогонятъ лишь только онъ покажется.

Принявъ къ свѣдѣнію это предостереженіе, Бишопригсъ сдѣлалъ большой обходъ чтобы подойти къ бесѣдкѣ съ задней стороны, подъ прикрытіемъ деревьевъ. На первый разъ онъ

хотѣлъ удовольствоваться однимъ взглядомъ на Джофри Деламена.

Онъ стоялъ въ нерѣшимости на опушкѣ рощи, когда услыхалъ повелительный голосъ раздавшійся у фасада бесѣдки. „Скоро ли вы, мистеръ Деламенъ? Пора!“ Другой голосъ отвѣчалъ „сейчасъ“, и чрезъ нѣсколько минутъ Джофри вышелъ изъ бесѣдки и направился къ флагу, отъ котораго имѣлъ обыкновеніе начинать свою урочную миллю.

Бишопригсъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ чтобы хорошенько разглядѣть Джофри, но проницательный взглядъ учителя тотчасъ же примѣтилъ его.

— Кто тамъ? закричалъ Перри.—Что тебѣ здѣсь понадобилось?

— Какого еще чорта сюда принесло, заревѣлъ Джофри.

Перри отвѣтилъ на вопросъ по собственному соображенію.

— Шпіонъ, мистеръ Деламенъ. Пришелъ подсматривать за вами.

Джофри поднялъ могучій кулакъ и бросился къ Бишопригсу, но Перри удержалъ его.

— Не дѣлайте этого. Онъ и такъ еле живъ отъ старости. Не бойтесь, въ другой разъ не придетъ. Вы отбили у него охоту подсматривать.

Перри былъ вполнѣ правъ. При взглядѣ на кулакъ Джофри, къ Бишопригсу возвратилась бодрость юности. Онъ пустился бѣжать, въ первый разъ послѣ двадцати лѣтъ, и только тогда вспомнилъ о своей болѣзни и перевелъ духъ когда бесѣдка скрылась изъ виду.

Онъ сѣлъ отдохнуть, утѣшая себя мыслію что хоть въ одномъ отношеніи цѣль достигнута. Свирѣпый дикарь, съ огненнымъ взглядомъ и смертоноснымъ кулакомъ, былъ ему совершенно незнакомъ, слѣдовательно *не* Джофри Деламенъ назвался мужемъ Анны въ гостинницѣ.

Въ то же время было совершенно ясно что Джофри Деламенъ скомпрометтированъ подозрительною перепиской. Но послѣ взгляда на его кулакъ и при нѣжной заботливости Бишопригса о цѣлости своей особы, возможность отдать Джофри переписку на выгодныхъ условіяхъ была уже немыслима. Осталась слѣдовательно одна особа (къ счастію для Бишопригса, особа слабаго пола) къ которой можно было обратиться съ предложеніемъ купить письмо. Мистрисъ Гленармъ была въ Свангавенѣ. Она имѣла прямой интересъ разъяснить вопросъ о правахъ другой женщины на Джофри Деламена.

А разъяснить этотъ вопросъ она могла не иначе какъ завладѣвъ перепиской.

— Хвала Провидѣнію за всѣ его милости, произнесъ Бишопригсъ вставая, и пошелъ отыскивать мистрисъ Гленармъ.

Танцы на лугу дошли до высшей степени оживленія, когда Бишопригсъ явился на сцену. Число гостей во время его отсутствія увеличилось тою самою особой, приблизиться къ которой было теперь его главною цѣлью.

Выслушавъ смиренно выговоръ отъ главнаго слуги за свое долгое отсутствіе, Бишопригсъ занялся разнесеніемъ мороженаго и прохладительныхъ напитковъ, неустанно наблюдая своимъ проницательнымъ окомъ.

Вниманіе его скоро сосредоточилось на двухъ особахъ которыя, каждая по-своему, выдавались изъ общества.

Первая особа былъ привѣтливый, оживленный старикъ. Онъ упорно отвергалъ неоспоримый фактъ своей старости, называя его скандальною сплетней распространенною временемъ. Онъ былъ превосходно затянутъ и навяченъ. Его волосы, зубы и цвѣтъ лица были замѣчательными образцами искусственной юности. Когда онъ отставалъ отъ молодыхъ мущинъ (что случалось очень рѣдко), онъ приставалъ исключительно къ молодымъ женщинамъ. Онъ не пропускалъ ни одного танца. Два раза онъ упалъ, но это не смущало его. Онъ вставалъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подходилъ къ другой дамѣ. Освѣдомившись кто этотъ пылкій господинъ, Бишопригсъ узналъ что это морской офицеръ въ отставкѣ, у прислуги извѣстный подъ прозвищемъ „Татарина“, а въ обществѣ подъ именемъ капитана Ньюендина, послѣдній представитель одной изъ древнѣйшихъ англійскихъ фамилій.

Другая особа, игравшая повидимому главную роль между танцорами, была дама.

На взглядъ Бишопригса она была чудомъ красоты, облеченнымъ въ нарядъ который самъ по себѣ могъ бы осчастливить бѣднаго человѣка. Ни одна изъ присутствовавшихъ женщинъ не обращала на себя такого усиленнаго вниманія мущинъ какъ это прекрасное существо. Она сидѣла обмахиваясь несравненнымъ произведеніемъ искусства, замѣнявшимъ носовой платокъ и изображавшимъ островъ батиста среди океана кружевъ. Ее окружала свита поклонниковъ которые, какъ хорошо выдрессированныя собаки, бросались по одному ея знаку исполнять ея порученія. Одинъ

бѣжалъ принести ей лимонаду, котораго она требовала только для того чтобъ отказаться когда его приносили. Другой бѣжалъ узнать что̀ будутъ танцовать, что̀ ее ужасно интересовало въ минуту когда посланный уходилъ, и къ чему она теряла всякій интересъ когда онъ возвращался. Всѣ выразили единодушное сожалѣніе когда, на вопросъ почему она не была за обѣдомъ, она отвѣчала: „мои бѣдные нервы“. Всѣ сказали: „что̀ же съ нами-то было бы безъ васъ?“ когда она сказала что ей и вовсе не слѣдовало бы приходить. Освѣдомившись кто эта счастливая особа, Бишопригсъ узналъ что это племянница неукротимаго старика питавшаго такую непреодолимую страсть къ танцамъ, сама мистрисъ Гленармъ.

При всей своей безграничной дерзости, Бишопригсъ сталъ въ тупикъ когда задалъ себѣ вопросъ какимъ образомъ вступить въ сношенія съ мистрисъ Гленармъ.

Переговорить съ ней при такихъ обстоятельствахъ для человѣка въ его положеніи было просто невозможно. И, не говоря уже о настоящемъ, надежда передать ей письмо на выгодныхъ условіяхъ, когда бы то ни было, была окружена серіозными препятствіями.

Если найдется средство сообщить ей о положеніи Джофри, что̀ сдѣлаетъ она получивъ предостереженіе? Она обратится къ которому-нибудь изъ двухъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ мущинъ. Если она обратится прямо къ человѣку который намѣренъ жениться на ней вопреки обѣщанію жениться на другой, Бишопригсу придется имѣть дѣло съ обладателемъ кулака, ужаснаго кулака который только что привелъ его въ трепетъ. Если же она обратится къ своему дядѣ, чего можно ожидать отъ него? Бишопригсу стоило только взглянуть на капитана чтобы понять чего можно ожидать отъ человѣка который былъ долженъ жизни шестидесятилѣтній долгъ, но открыто отказывался заплатить его.

Что̀ же было дѣлать имѣя въ виду такія препятствія? Другаго выбора не было какъ только обратиться къ мистрисъ Гленармъ письменно, подъ защитой инкогнито.

Дойдя до такого заключенія, Бишопригсъ рѣшилъ узнать отъ прислуги куда намѣрена отправиться мистрисъ Гленармъ покинувъ Свангавенъ, потомъ поразить ее анонимными предостереженіями и предложить ей вести переговоры при помощи газеты. При такомъ образѣ дѣйствій можно было разчитывать навѣрное встревожить ее и не повредить себѣ

Думала ли мистрисъ Гленармъ, когда остановила слугу проносившаго лимонадъ, что презрѣнный старикъ протянувшій ей подносъ замышлялъ вступить съ ней въ сношенія въ качествѣ ея „доброжелателя“ и „друга“?

Начинало смеркаться. Поверхность озера почернѣла. Все рѣже и рѣже, какъ призраки, показывались лебеди. Старшіе члены общества начали думать объ отъѣздѣ; младшіе (за исключеніемъ капитана Ньюендша) начинали утомляться танцами. Мало-по-малу привлекательная перспектива дома, чая, кофе, теплыхъ, свѣтлыхъ комнатъ произвела свое дѣйствіе: гости покинули рощу, и успокоились наконецъ пальцы и легкія музыкантовъ.

Леди Лунди и ея свита уѣхали раньше всѣхъ; отъѣздъ изъ Виндигетса, назначенный на слѣдующій день, былъ достаточнымъ предлогомъ чтобы подать примѣръ къ разъѣзду. Еще черезъ часъ въ Свангавенѣ остались только тѣ гости которые гостили тамъ.

Когда общество разъѣхалось, слуги присланные изъ Пиркандрю получили вознагражденіе и были тотчасъ же отпущены.

Безмолвіе Бишопригса на обратномъ пути удивило его товарищей. „У меня есть свои соображенія которыя надо обдумать“, отвѣчалъ онъ на ихъ вопросы. Въ число этихъ соображеній входило намѣреніе уйти на слѣдующій же день изъ Пиркандрю, сказавъ тамъ чтобы въ случаѣ надобности за справками о немъ обращались въ мясную лавку у Коровьихъ воротъ, въ Эдинбургѣ. Дѣйствительною его цѣлью былъ Пертъ. Въ окрестности этого города богатая вдова, по словамъ ея собственной горничной, намѣревалась отправиться черезъ два дня. Въ Пертѣ Бишопригсъ надѣялся безъ труда найти временное занятіе, и рѣшилъ сдѣлать тамъ первое анонимное нападеніе на мистрисъ Гленармъ.

Остальная часть вечера прошла въ Свангавенѣ очень тихо. Утомленные гости дремали. Мистрисъ Гленармъ ушла къ себѣ рано. Въ одиннадцать часовъ въ нижнемъ этажѣ дома не было уже никого кромѣ Юлія Деламена. Предполагалось что онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и готовитъ адресъ къ своимъ избирателямъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ въ музыкальной комнатѣ и, пользуясь уединеніемъ, игралъ на своей любимой скрипкѣ.

Въ бесѣдкѣ Перри въ этотъ вечеръ случилось странное происшествіе, доставившее матеріалъ для его дневника.

Джофри выдержалъ во вторую половину дня новый опытъ, не обнаруживъ признаковъ истощенія послѣдовавшихъ за первымъ, болѣе труднымъ опытомъ. Перри, честно старавшійся,—несмотря на то что пари его было обезпечено,—сдѣлать все возможное чтобы приготовить Джофри къ бѣгу, запретилъ ему идти въ этотъ вечеръ въ домъ и отправилъ его спать раньше обыкновеннаго. Учитель сидѣлъ одинъ, перечитывая свои записки и придумывая какую бы произвести перемѣну въ діэтѣ и упражненіяхъ слѣдующаго дня, когда былъ пораженъ стонами въ комнатѣ гдѣ отдыхалъ Джофри.

Онъ вошелъ въ спальню и увидѣлъ что Джофри мечется съ искаженнымъ лицомъ, сжатыми кулаками и выступившимъ на лбу потомъ, очевидно страдая подъ вліяніемъ какого-нибудь страшнаго сна.

Перри окликнулъ его и поднялъ на постели. Джофри вскрикнулъ и проснулся. Онъ устремилъ на Перри глаза съ непонятнымъ ужасомъ и заговорилъ какъ безумный:

— Что ты видишь своими страшными глазами за моимъ плечомъ? воскликнулъ онъ. — Убирайся къ чорту со своею проклятою доской.

Перри остановилъ его.

— Вамъ что-нибудь приснилось, мистеръ Деламенъ.—О какой доскѣ вы говорите?

Джофри поспѣшно оглянулъ комнату и глубоко вздохнулъ.

— Я былъ увѣренъ что она смотритъ на меня изъ-за грушевыхъ деревьевъ, сказалъ онъ.—Ничего, теперь все прошло.

Перри, приписавшій страшный сонъ разстройству желудка, далъ ему вина съ водой и хотѣлъ уйти чтобы не мѣшать ему спать. Джофри испуганнымъ голосомъ велѣлъ ему оставить свѣчку.

— Боитесь темноты, сказалъ Перри, засмѣявшись.

Нѣтъ. Онъ боялся что ему опять покажется виндигетская нѣмая кухарка.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ. ГАМФЕРМЪ.

ГЛАВА XXXIV.

Наканунѣ.

Время — день наканунѣ свадьбы. Мѣсто — помѣстье сэръ-Патрика въ Кентскомъ графствѣ.

Адвокаты сдержали слово. Конграктъ былъ подписанъ два дня тому назадъ.

За исключеніемъ доктора и одного изъ трехъ студентовъ, виндигетскіе гости переселились на югъ чтобы присутствовать на свадьбѣ. Кромѣ этихъ джентльменовъ, сэръ-Патрикъ пригласилъ нѣсколько дамъ, родственницъ, изъ которыхъ три были выбраны въ вѣнчальныя подруги Бланки. Два или три сосѣда были приглашены къ завтраку. Вотъ и все свадебное общество.

Домъ сэръ-Патрика не отличался никакими архитектурными особенностями. Гамфермъ не обладалъ ни роскошью Виндигетса, ни живописною прелестью старины Свангавена. Это была самая обыкновенная англійская сельская усадьба, окруженная самою обыкновенною англійскою мѣстностью. Уютное однообразіе охватываетъ васъ когда вы входите въ домъ, уютное однообразіе встрѣчаетъ васъ когда вы подходите къ окну.

Оживленія и разнообразія, которыхъ не доставало Гамферму, не внесло туда и прибывшее общество. Въ послѣдствіи говорили что другой такой скучной свадьбы никто и не видывалъ.

Сэръ-Патрикъ, не связанный съ этимъ мѣстомъ никакими воспоминаніями, признался откровенно что кентскій домъ производилъ тяжелое впечатлѣніе на его расположеніе духа, и что онъ охотно предпочелъ бы ему комнату въ гостиницѣ. Его попытка сохранить свою всегдашнюю живость не встрѣтила сочувствія въ окружающихъ лицахъ и обстоятельствахъ. Преданность леди Лунди памяти покойнаго сэръ-Томаса такъ упорно и съ такою тщеславною откровенностью заявляла о себѣ въ домѣ гдѣ онъ умеръ, что самъ терпѣливый сэръ-Патрикъ съ трудомъ сохранялъ самообладаніе. Бланка, мучимая тайнымъ безпокойствомъ объ Аннѣ, не расположена была веселиться въ послѣдніе, дни своей дѣвичьей жизни. Арнольдъ, сдѣлавшійся жертвой, — по настоя-

тельному требованію леди Лунди — страннаго обычая запрещающаго жениху ночевать въ послѣднее время предъ свадьбой въ одномъ домѣ съ невѣстой, лишался каждый вечеръ права на гостепріимство сэръ-Патрика и отсылался на ночь въ гостиницу. Онъ переносилъ свою участь съ покорностью, простиравшею свое сдерживающее вліяніе на его веселый характеръ. Старшія изъ дамъ находились въ состояніи хроническаго протеста противъ леди Лунди, а младшія были поглощены разсматриваніемъ и сравненіемъ своихъ свадебныхъ нарядовъ. Два студента совершали подвиги по части зѣвоты въ антрактахъ между подвигами на бильярдѣ. „Въ этомъ домѣ видно суждено скучать, Джонсъ," сказалъ Смитъ. Джонсъ вздохнулъ и согласился со Смитомъ.

Въ воскресенье вечеромъ, наканунѣ свадьбы, скука, какъ и слѣдовало ожидать, дошла до крайней степени.

Изъ всѣхъ занятій которымъ люди могутъ предаваться въ продолженіи недѣли, только два считаются позволительными въ воскресенье, по англо-христіанскимъ понятіямъ укоренившимся на этотъ счетъ въ англо-саксонской расѣ. *Не* грѣшно заниматься религіозными спорами, и *не* грѣшно дремать надъ религіозными книгами. Дамы въ Гамфермѣ провели воскресный вечеръ по этой высоконравственной программѣ. Старшія занимались воскреснымъ спорами, а младшія зѣвали надъ воскресными книгами. Что же касается мущинъ, то само собой понятно что младшіе изъ нихъ курили когда не зѣвали, и зѣвали когда не курили. Сэръ-Патрикъ сидѣлъ въ кабинетѣ сортируя старыя письма и старые счеты. Каждый чувствовалъ на себѣ гнетъ безсмысленнаго лишенія которому всѣ подчинялись добровольно. Но каждый пришелъ бы въ ужасъ если-бы кто-нибудь спросилъ прямо: мы знаемъ что это мученіе нашего собственнаго изобрѣтенія; мы знаемъ что мы не вѣримъ въ необходимость его; мы знаемъ что оно намъ тяжело,—для чего же мы выносимъ его? Самый свободный народъ цивилизованнаго міра есть единственный народъ который не рѣшается взглянуть прямо на этотъ вопросъ.

Вечеръ подходилъ медленно къ концу; вожделѣнная минута отхода ко сну приближалась. Арнольдъ безмолвно размышлялъ, въ послѣдній разъ, о приближающейся ссылкѣ въ гостиницу, когда замѣтилъ что сэръ-Патрикъ дѣлаетъ ему знаки. Онъ всталъ и послѣдовалъ за своимъ хозяиномъ въ пустую столовую. Сэръ-Патрикъ заперъ дверь. Что это значитъ?

Насколько это касалось Арнольда, это значило что секретное объясненіе нарушитъ однообразіе воскреснаго вечера.

— Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, Арнольдъ, прежде чѣмъ вы сдѣлаетесь женатымъ человѣкомъ, началъ старикъ.— Можете вы припомнить вчерашній разговоръ за обѣдомъ о Свангавенскомъ праздникѣ?

— Конечно.

— Помните что̀ сказала тогда леди Лунди?

— Она сказала невѣроятную вещь, сэръ-Патрикъ. Она сказала что Джофри женится на мистрисъ Гленармъ.

— Да. Я замѣтилъ что вы были поражены ея словами. Когда вы сказали что она по всей вѣроятности ошибается, мнѣ показалось по вашему взгляду и тону что вы возмущены этою новостью. Можетъ-быть, я ошибся.

— Нѣтъ, сэръ-Патрикъ. Вы не ошиблись.

— Можно узнать что̀ было причиной вашего негодованія?

Арнольдъ колебался.

— Васъ, можетъ-быть, удивляетъ что я интересуюсь этимъ?

Арнольдъ отвѣчалъ утвердительно, со своею обычною прямотой.

— Въ такомъ случаѣ я лучше скажу вамъ прямо въ чемъ дѣло, и предоставлю вамъ судить самому есть ли что-нибудь общее между моимъ вопросомъ и тѣмъ что̀ я скажу вамъ. Когда я кончу, вы отвѣтите или не отвѣтите на мой вопросъ, смотря по вашему благоусмотрѣнію. Милый другъ мой, я хочу поговорить съ вами о миссъ Сильвестеръ.

Арнольдъ вздохнулъ. Сэръ-Патрикъ взглянулъ на него пристально и началъ.

— У моей племянницы есть недостатки и ошибочныя понятія, но одно изъ многихъ другихъ ея достоинствъ искупаетъ всѣ ея недостатки и будетъ основаніемъ вашего семейнаго счастія. Бланка постоянна. Разъ полюбивъ человѣка, она никогда не разлюбитъ его. Понимаете что̀ я хочу сказать? Бланка молчитъ, Арнольдъ, но она не поколебалась ни на одну минуту въ своемъ намѣреніи соединиться опять, во что̀ бы то ни стало, со своимъ другомъ, миссъ Сильвестеръ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ на которые вамъ придется отвѣтить послѣ завтра будетъ вопросъ: одобряете ли вы намѣреніе вашей жены отыскать свою подругу.

Арнольдъ отвѣчалъ не задумавшись ни на одну минуту.

— Мнѣ самому очень жаль подругу Бланки, сэръ-Патрикъ.

Жена моя будетъ имѣть мое полное одобреніе если захочетъ воротить къ себѣ миссъ Сильвестеръ, и я сдѣлаю все что̀ будетъ зависѣть отъ меня чтобы помочь ей въ этомъ.

Онъ произнесъ эти слова горячо и очевидно отъ чистаго сердца.

— По моему мнѣнію, вы ошибаетесь, сказалъ сэръ-Патрикъ.— Вы поощрите Бланку къ безнадежной попыткѣ и проложите ей путь къ разочарованію, которое омрачитъ счастливѣйшее время вашей жизни. Но это не мое дѣло. Послѣ вашихъ словъ я вижу ясно какъ мнѣ слѣдуетъ поступить. Хотите, я дамъ вамъ нѣсколько указаній къ отысканію миссъ Сильвестеръ?

— Если вы можете указать намъ съ чего начать, сдѣлайте это для Бланки и для меня, сэръ-Патрикъ.

— Хорошо. Помните что̀ я сказалъ вамъ однажды утромъ въ Виндзегетсѣ, когда мы говорили о миссъ Сильвестеръ?

— Вы сказали что рѣшились предоставить ей дѣйствовать какъ ей угодно.

— Именно! Въ тотъ же день вечеромъ меня увѣдомили что миссъ Сильвестеръ видѣли въ Гласго. Вы сами поймете почему я не сообщилъ объ этомъ ни вамъ, ни Бланкѣ. Теперь я передаю вамъ это единственное точное свѣдѣніе которое я имѣю о ней. Есть еще два шанса найти ее, которыми можно будетъ воспользоваться, если два человѣка (съ обоими трудно ладить) согласятся сказать то что̀ они знаютъ о ней. Одинъ изъ нихъ нѣкто Бишопригсъ, нѣкогда слуга въ гостинницѣ Крегъ-Ферни.

Арнольдъ вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ. Сэръ-Патрикъ (молча наблюдая его) разказалъ обстоятельства относившіяся къ потерянному письму и прибавилъ свое убѣжденіе что оно украдено Бишопригсомъ.

— Бланка, къ несчастію, нашла возможность переговорить съ Бишопригсомъ въ Сванганенѣ. Въ Эдинбургѣ она показала мнѣ карточку которую далъ ей Бишопригсъ. Онъ сказалъ что это адресъ по которому мы можемъ найти его, и Бланка умоляла меня повидаться съ нимъ прежде чѣмъ мы уѣдемъ изъ Шотландіи. Я объявилъ ей что она сдѣлала большую ошибку взявъ на себя переговоры съ Бишопригсомъ, и предсказывалъ къ какому результату приведетъ насъ его адресъ. Бланка не хотѣла вѣрить что Бишопригсъ обманулъ ее. Я понялъ что она не успокоится если я не исполню ея желанія.

и отправился въ то мѣсто куда посылалъ адресъ. Какъ я предсказывалъ, такъ и случилось. Человѣкъ къ которому адресъ привелъ меня не только не зналъ о настоящемъ мѣстопребываніи Бишопригса, но уже нѣсколько лѣтъ ничего не слыхалъ о немъ. Бланка сдѣлала только то что Бишопригсъ началъ избѣгать насъ. Если вамъ случится встрѣтить его когда-нибудь, не говорите объ этомъ женѣ, а сообщите мнѣ. Я отказываюсь помогать вамъ преслѣдовать миссъ Сильвестеръ, но я не прочь отнять у вора украденное. Теперь о другомъ человѣкѣ который можетъ сообщить кое-что о миссъ Сильвестеръ.

— Кто же это?

— Другъ вашъ, мистеръ Джофри Деламенъ.

Арнольдъ вскочилъ съ мѣста въ безпредѣльномъ удивленіи

— Я, кажется, удивилъ васъ? замѣтилъ сэръ-Патрикъ.

Арнольдъ сѣлъ, и молча ждалъ что̀ будетъ дальше.

— Мнѣ удалось случайно узнать, сказалъ сэръ-Патрикъ,—что мистеру Деламену извѣстна тайная причина настоящаго затруднительнаго положенія миссъ Сильвестеръ. Какое участіе онъ принималъ въ этомъ самъ, и какъ ему удалось узнать тайну миссъ Сильвестеръ, я не могъ открыть. Моё открытіе начинается и кончается простымъ фактомъ что мистеру Деламену извѣстна тайна миссъ Сильвестеръ.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ, сэръ-Патрикъ.

— Какой?

— Какъ вамъ удалось узнать это?

— Долго разказывать, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ,—и притомъ вамъ нѣтъ никакой необходимости знать объ этомъ. Я хотѣлъ только сказать вамъ (и подъ секретомъ, не забудьте) что тайна миссъ Сильвестеръ не тайна для Джофри Деламена и предоставить вамъ извлечь какую сумѣете пользу изъ этого свѣдѣнія. Вы знаете теперь о миссъ Сильвестеръ столько же сколько знаю я. Возвратимся къ вопросу который я предложилъ вамъ когда мы вошли въ эту комнату. Находите вы теперь какое-нибудь соотношеніе между моимъ вопросомъ и тѣмъ что̀ я сейчасъ разказалъ вамъ.

Арнольдъ не отвѣчалъ. Онъ думалъ объ открытіи сэръ-Патрика, и удивлялся какъ случилось что положеніе Джофри относительно Анны открыто хоть отчасти, а объ участіи его, Арнольда, даже не подозрѣваютъ.

— Я спросилъ васъ, началъ опять сэръ-Патрикъ, думая

ломочь ему,—почему васъ такъ поразило извѣстіе что Джофри намѣренъ жениться на мистрисъ Гленармъ, а вы не рѣшились отвѣтить мнѣ. Вы и теперь не рѣшаетесь?

— На вашъ вопросъ не легко отвѣтить, сэръ-Патрикъ.

— Дадимъ вопросу другую форму.—Я предполагаю что вашъ взглядъ на намѣреніе мистера Деламена зависитъ отъ знакомства съ нѣкоторыми обстоятельствами жизни мистера Деламена, — такими обстоятельствами которыя неизвѣстны намъ; справедливо мое предположеніе?

— Совершенно справедливо.

— Имѣетъ ли то что̀ вы знаете о мистерѣ Деламенѣ какое-нибудь соотношеніе съ чѣмъ-нибудь изъ того что̀ мы знаемъ о миссъ Сильвестеръ?

Еслибъ Арнольдъ счелъ себя въ правѣ отвѣтить на этотъ вопросъ, его отвѣтъ подтвердилъ бы подозрѣніе сэръ-Патрика, и сэръ-Патрикъ вывѣдалъ бы отъ него всю истину до дня свадьбы.

Время приближалось къ полночи. Наступалъ день свадьбы. Правда сдѣлала послѣднюю попытку пробиться на свѣтъ. Арнольдъ поколебался, отчаянно поколебался. Сэръ-Патрикъ ждалъ отвѣта. Часы въ залѣ пробили три четверти двѣнадцатаго.

— Я не могу отвѣтить вамъ, сказалъ Арнольдъ.

— Это тайна?

— Тайна.

— Ввѣренная вашей чести?

— Вдвойнѣ ввѣренная моей чести.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Я хочу сказать что мы поссорились съ Джофри послѣ того какъ онъ ввѣрилъ мнѣ свою тайну. Слѣдовательно я вдвойнѣ обязанъ сохранить ее.

— Причина вашей ссоры тоже тайна?

— Да.

Сэръ-Патрикъ поглядѣлъ пристально въ лицо Арнольду.

— Я почуствовалъ непреодолимую антипатію къ мистеру Деламену съ самаго начала нашего знакомства. Прошу васъ отвѣтить мнѣ только на одинъ вопросъ. Имѣете вы причину полагать что мое мнѣніе о немъ, которое я высказалъ вамъ въ первый день нашего знакомства въ виндзетской бесѣдкѣ, оправдалось наконецъ?

— Я горько разочаровался въ немъ, сэръ-Патрикъ. Это все что̀ я могу сказать вамъ.

— Вы очень неопытны, Арнольдъ, продолжалъ сэръ-Патрикъ,—и сейчасъ сами признались что ошиблись въ вашемъ другѣ. Увѣрены ли вы вполнѣ что поступаете благоразумно скрывая тайну вашего друга? Увѣрены ли вы вполнѣ что не будете раскаиваться въ этомъ въ послѣдствіи? Подумайте, Арнольдъ, прибавилъ онъ съ участіемъ.—Подумайте хорошенько прежде чѣмъ отвѣтите.

— Его тайна ввѣрена моей чести, сказалъ Арнольдъ.—Никакія соображенія не дадутъ мнѣ права выдать ее.

Сэръ-Патрикъ всталъ.

— Такъ намъ больше не о чемъ говорить. Съ этими словами онъ подалъ руку Арнольду и дружески простился съ нимъ.

Арнольдъ вышелъ въ залу и увидалъ Бланку смотрѣвшую на барометръ.

— Барометръ показываетъ „ясно“, голубчикъ мой, сказалъ онъ.—Прощай въ послѣдній разъ.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Въ ту минуту когда онъ выпустилъ ее, она всунула ему въ руку записочку.

— Прочти, сказала она,—когда придешь въ гостиницу.

И они разстались наканунѣ дня свадьбы.

ГЛАВА XXXV.

Свадьба.

Предсказаніе барометра сбылось. Солнце свѣтило ясно въ день свадьбы Бланки.

Въ девять часовъ утра началось первое дѣйствіе дня. Оно было запрещеннаго свойства. Женихъ и невѣста нарушили запретъ законныхъ авторитетовъ и устроили свиданіе за нѣсколько часовъ предъ свадьбой въ гостиной Гамферма.

— Прочелъ ты мое письмо, Арнольдъ?

— Я пришелъ отвѣтить тебѣ, Бланка. Почему ты не сказала мнѣ прямо? Съ какой стати писать?

— Потому что я такъ долго откладывала сказать, и потому что не знала какъ сказать, и по разнымъ причинамъ. Все равно! Теперь я открылась тебѣ, и у меня нѣтъ тайны кото-

рой бы ты не зналъ. Еще есть время разойтись, Арнольдъ, если ты думаешь что въ моемъ сердцѣ не должно быть мѣста ни для кого кромѣ тебя. Дядя говоритъ что я изъ глупаго упрямства не хочу отказаться отъ Анны. Если ты съ нимъ согласенъ, Арнольдъ, скажи мнѣ это пока я еще не жена твоя.

— Сказать тебѣ что̀ я отвѣтилъ вчера сэръ-Патрику?

— На этотъ же вопросъ?

— Да. Но въ чемъ ты мнѣ открылась (какъ ты говоришь) въ твоемъ миломъ письмѣ, есть то же самое о чемъ говорилъ вчера со мной въ столовой сэръ-Патрикъ. Онъ сказалъ мнѣ что ты намѣрена соединиться во что̀ бы то ни стало съ миссъ Сильвестеръ, и спросилъ меня какъ я буду смотрѣть на это когда мы будемъ мужемъ и женой.

— И ты отвѣчалъ?

Арнольдъ повторилъ свой отвѣтъ сэръ-Патрику, прибавивъ къ первоначальнымъ выраженіямъ приличныя минутѣ восторженныя украшенія. Восторгъ Бланки выразился двумя неприличными нарушеніями общественныхъ правилъ, быстро послѣдовавшими одно за другимъ. Она обняла Арнольда и сама поцѣловала его, тремя часами раньше чѣмъ церковь и законъ дали ей право на такіе поступки. Содрогнемся, читатель, но не будемъ осуждать ее. Таковы послѣдствія свободныхъ учрежденій.

— Теперь моя очередь обратиться къ леру и бумагѣ, сказалъ Арнольдъ. — Мнѣ тоже надо написать прежде чѣмъ мы обвѣнчаемся, съ тою только разницей что ты должна помочь мнѣ.

— Кому ты будешь писать?

— Моему эдинбургскому адвокату. Я не успѣю если не напишу теперь. Вѣдь мы отправимся въ Швейцарію сегодня, неправда ли?

— Да.

— Хорошо. Я хочу успокоить тебя прежде чѣмъ мы уѣдемъ. Тебѣ вѣроятно будетъ пріятно знать что въ то время когда мы будемъ заграницей, миссъ Сильвестеръ будутъ искать. Сэръ-Патрикъ сказалъ мнѣ до какого мѣста ее прослѣдили, а адвокатъ мой поручитъ кому слѣдуетъ продолжать поиски. Пойдемъ, помоги мнѣ написать хорошенько.

— О, Арнольдъ, буду ли я когда-нибудь въ силахъ любить тебя такъ чтобы вознаградить за твое великодушіе!

— Это мы рѣшимъ въ Швейцаріи, Бланка.

Они смѣло проникли рука объ руку въ кабинетъ сэръ-Патрика, гдѣ могли разчитывать на полное уединеніе въ такой ранній часъ дня. Перомъ сэръ-Патрика и на бумагѣ сэръ-Патрика они написали письмо съ порученіемъ возобновить поиски, которые высшее благоразуміе сэръ-Патрика сочло нужнымъ прекратить. Адвоката просили не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ и немедленно принять мѣры къ отысканію Анны (начавъ съ Гласго). Отчеты о результатахъ поисковъ поручалось адресовать въ домъ сэръ-Патрика на имя Арнольда. Когда они кончили письмо, было уже десять часовъ. Бланка ушла отъ Арнольда, оскорбивъ еще разъ общественныя приличія послѣдствіями свободныхъ учрежденій.

Второе дѣйствіе дня было общественнаго и духовнаго свойства, и всѣ сопровождающіе его обычаи были соблюдены со строгою точностью.

Сельскія нимфы усыпали цвѣтами путь въ церковь (и прислали счетъ въ тотъ же день). Сельскіе юноши звонили въ колокола (и пропили заработанныя деньги въ тотъ же день). Была и обычная, страшная пауза, когда женихъ ждетъ невѣсту въ церкви. Не обошлось и безъ обычнаго, безжалостнаго смотрѣнья со стороны женскаго пола, когда невѣсту вели къ алтарю. Былъ и предварительный взглядъ священника на брачное свидѣтельство, — взглядъ долженствовавшій означать офиціальную предосторожность, не обошлось и безъ предварительнаго взгляда причетника,—взгляда долженствовавшаго означить намекъ на офиціальное вознагражденіе. Всѣ женщины, казалось, были въ своей сферѣ, и всѣ мущины, казалось, были внѣ своей сферы.

Начался вѣнчальный обрядъ,—судя строго, самая страшная изъ всѣхъ человѣческихъ церемоній,—обрядъ обязующій два существа прожить всю жизнь вмѣстѣ, пока смерть не разлучитъ ихъ, обрядъ который своимъ смысломъ, если не словами, говоритъ: прыгните во мракъ; я благословляю, но не ручаюсь.

Церемонія прошла благополучно, и никакія непредвидѣнныя случайности или зловѣщіе признаки не испортили ея эффекта.

Послѣднія слова обряда были произнесены. Они вписали свои имена въ метрическую книгу; новобрачнаго поздравляли, новобрачную цѣловали. Они вернулись домой по усыпанной цвѣтами дорогѣ. Свадебный завтракъ прошелъ очень скоро, свадебные спичи были коротки; нельзя было терять

времени потому что новобрачнымъ надо было слѣшить на поѣздъ желѣзной дороги.

Черезъ часъ послѣ бракосочетанія они уѣхали на станцію, сопровождаемые прощальными привѣтствіями гостей. Молодые, счастливые, влюбленные другъ въ друга,—какая счастливая будущность была предъ ними! Ихъ бракъ сопровождался полнымъ одобреніемъ семейства и освященіемъ церкви. Могло ли кому-нибудь придти въ голову что тѣмъ не менѣе настанетъ время когда начало ихъ счастія будетъ возмущено страшнымъ вопросомъ: дѣйствительно ли вы мужъ и жена?

(*До слѣд.* №.)

ОЧЕРКИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Одинъ изъ немногихъ еще остающихся въ живыхъ ветерановъ политической жизни Англіи нынѣшняго столѣтія, лордъ Джонъ Россель, издалъ недавно сборникъ заключающій избранныя мѣста изъ своихъ рѣчей и депешъ (*Selection from Speeches of Earl Russel*, 1817 *to* 1841, *and from Despatches*, 1859 *to* 1865. With Introductions. 2 vols. London. 1870). Сборникъ этотъ, какъ видно изъ заглавія, не обнимаетъ всей политической жизни лорда Росселя, такъ какъ онъ ограничивается только рѣчами произнесенными лордомъ Росселемъ въ палатѣ общинъ до 1841 года, а между тѣмъ и послѣдующая дѣятельность его была не менѣе важна: послѣ того онъ былъ два раза первымъ министромъ, онъ видѣлъ какъ довѣріе къ нему его партіи постепенно ослабѣвало и вынужденъ былъ уступить предводительство ею въ другія руки, затѣмъ онъ возведенъ былъ въ перы и, перемѣнивъ шумную и живую арену палаты общинъ, въ которой онъ провелъ болѣе сорока лѣтъ, на мѣсто въ болѣе спокойномъ и подъ часъ скучномъ собраніи, онъ и въ палатѣ лордовъ не успокоился на лаврахъ, и даже до сихъ поръ продолжаетъ принимать живое участіе во всѣхъ вопросахъ интересующихъ его партію и страну. Можетъ быть лордъ

Россель, ограничившись на первый разъ вышеуказаннымъ срокомъ, предполагаетъ въ послѣдствіи издать обзоръ и остальной части своей политической дѣятельности. Но и настоящій сборникъ, при всей неполнотѣ его, представляетъ большой интересъ. Никто другой изъ современниковъ лорда Росселя не былъ такъ неразрывно какъ онъ связанъ съ борьбой, успѣхами и неудачами либеральной или, какъ прежде ее называли, вигской партіи. Вигъ по рожденію и по убѣжденіямъ, онъ всегда оставался вигомъ, и такимъ же остается и теперь. Другіе англійскіе государственные люди постепенно съ годами мѣняли свои убѣжденія и переходили изъ одного лагеря въ другой. Переходъ этотъ, должно оговориться, рѣдко происходилъ по капризу или изъ разчетовъ, но по большей части былъ слѣдствіемъ искренняго убѣжденія. Доказательство сего можно видѣть на покойномъ графѣ Дерби, который, начавъ свою карьеру на одной скамьѣ съ Росселемъ и будучи одною изъ надежныхъ опоръ вигской партіи, впослѣдствіи разошелся съ нею и, перейдя потомъ на сторону торіевъ сталъ ихъ любимымъ вождемъ и пользовался безграничнымъ довѣріемъ. Обратный примѣръ мы видимъ на нынѣшнемъ первомъ министрѣ, г. Гладстонѣ, который вмѣстѣ съ знаменитымъ сэръ-Робертомъ Пилемъ отпалъ отъ торійской партіи и теперь достигъ положенія главы либеральнаго кабинета. Извѣстно также что и покойный лордъ Пальмерстонъ началъ свою государственную службу въ рядахъ торіевъ. Но лордъ Россель всегда былъ тѣмъ же самымъ лордомъ Росселемъ какимъ онъ вступилъ въ парламентъ: относительно всѣхъ великихъ политическихъ вопросовъ онъ всегда стоялъ на одной и той же почвѣ, вѣрилъ въ ту же школу какъ и въ началѣ своей дѣятельности. При такомъ постоянствѣ ему дѣлаетъ честь что многіе изъ его стремленій имѣли успѣхъ, большая часть его взглядовъ съ теченіемъ времени оказались вѣрными и были одобрены его соотечественниками, что̀ лучше всего свидѣтельствуетъ о его просвѣщенномъ умѣ и благородствѣ его побужденій. Первыя пятнадцать лѣтъ изъ періода обнимаемаго сборникомъ представляютъ одну изъ весьма интересныхъ эпохъ политической исторіи Англіи, эпоху борьбы вигской партіи за необходимыя реформы. Лордъ Россель былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ и неутомимыхъ ратниковъ этой борьбы идей и стремленій, имѣвшей огромное вліяніе и на весь строй европейской жизни. Издавая

свои рѣчи произнесенныя имъ въ то время, лордъ Россель приложилъ нѣчто вродѣ историческаго вступленія къ каждому изъ вопросовъ въ нихъ обсуждаемому. Эти объяснительныя вступленія, занимающія до 220 страницъ, наполнены множествомъ интересныхъ воспоминаній, и хотя автору приходится часто говорить о своей собственной дѣятельности, но онъ дѣлаетъ это съ рѣдкою скромностью. Бывшій первый министръ не считаетъ унизительнымъ для своей гордости заявить въ своей книгѣ что онъ всегда сознавалъ себя по способностямъ ниже великихъ государственныхъ людей Англіи прошедшаго времени, и присовокупляетъ: „Я дѣлалъ много погрѣшностей, и нѣкоторыя изъ нихъ были грубыми ошибками“. Вообще лордъ Россель весьма живо въ этихъ введеніяхъ къ своимъ рѣчамъ описываетъ политическую исторію Англіи со времени окончанія войны съ Франціей до 1841 года, когда виги принуждены были удалиться отъ власти. Устройство либеральной партіи въ той формѣ въ какой она потомъ добилась преобладанія совершилось именно въ то время которымъ начинается книга лорда Росселя, ибо хотя крупныя черты основанія этой партіи и были указаны геніемъ Фокса, но при его жизни сама партія не успѣла пустить сильныхъ корней въ убѣжденіи націи. Когда лордъ Джонъ Россель вступилъ въ парламентъ въ 1813 году, великая европейская борьба быстро приближалась къ концу. Лордъ Россель съ великодушіемъ и гордостью говоритъ объ успѣхахъ Веллингтона, главную квартиру коего въ Испаніи онъ еще до того посѣщалъ два раза: въ 1810 и въ 1813 году. Прошло еще два года и долгая война смѣнилась еще болѣе долгимъ общимъ миромъ, но первое время его было печально и мрачно. Миръ не принесъ съ собой благодѣтствія. Торговля, направленная во время войны искусственными путями, медленно принимала снова свое естественное теченіе. Финансовое и торговое разстройство оставляли рабочихъ безъ занятій, а бѣдствія нищеты и голода поддерживали политическое недовольство. Въ рядахъ тогдашнихъ торійскихъ правителей не было никого кто могъ бы вполнѣ сознать и отвратить слишкомъ очевидную опасность. По крайней мѣрѣ ни лордъ Ливерпуль, ни лордъ Кастльри не обладали для сего ни широтой взглядовъ, ни необходимою рѣшительностью. Такимъ образомъ случай поправить бѣдствія былъ потерянъ, и политикой правительства было стремленіе подавить недовольство, а не утишить его уступками

народнымъ требованіямъ: такъ протекли тринадцать лѣтъ, съ 1815 до 1828, въ теченіе коихъ не было принято парламентомъ ни одной полезной мѣры, и неудовольствіе народа все усиливалось. Лордъ Джонъ Россель съ жаромъ сталъ на сторону приверженцевъ реформы, и ему первому принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ, когда въ 1819 году онъ предложилъ чтобы бургъ Грампаундъ за укоренившіеся въ немъ подкупы былъ лишенъ права представительства, и чтобы такъ же было поступаемо со всѣми бургами уличенными въ подкупахъ, и ихъ права были передаваемы или большимъ графствамъ, или большимъ бургамъ не имѣвшимъ представительства. Произнесенная имъ при этомъ рѣчь, которою начинается сборникъ, была первою гдѣ онъ коснулся парламентской реформы. Много лѣтъ спустя, когда наконецъ власть досталась въ руки виговъ, имъ же былъ внесенъ въ 1831 году великій биль о парламентской реформѣ, но хотя этотъ актъ увѣнчалъ славой лорда Росселя и одного его было бы достаточно чтобы дать ему заслуженную извѣстность, но не должно забывать что эта слава была плодомъ постоянства и неблагодарныхъ работъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Послѣ 1831 года уже легко было быть либеральнымъ. Разказъ лорда Росселя объ участи биля о реформѣ, какъ до его внесенія въ палату общинъ, такъ и послѣ, весьма интересенъ; приводимъ изъ него слѣдующее небольшое извлеченіе, гдѣ говорится объ участіи самого лорда Джона Росселя въ составленіи означеннаго биля:

„Когда министерство такимъ образомъ устроилось, то первымъ и важнѣйшимъ предметомъ на который обратилось его вниманіе былъ великій вопросъ о парламентской реформѣ. Лордъ Дургамъ, по желанію лорда Грея, пригласилъ меня для совѣщанія съ нимъ о сформированіи комитета съ цѣлью составить планъ биля. Лордъ Дургамъ предложилъ чтобы герцогъ Ричмондскій былъ членомъ комитета, но такъ какъ герцогъ никогда не былъ приверженцемъ реформы, то я воспротивился этому предложенію, и мы условились пригласить сэръ-Джемса Грагама и лорда Дунканнона составить съ нами комитетъ для означенной цѣли. Лордъ Дургамъ и сэръ-Джемсъ Грагамъ были въ кабинетѣ; лордъ Дунканнонъ и я не были. Лордъ Альторпъ не былъ членомъ комитета. Очеркъ плана реформы, о которомъ я уже упоминалъ, былъ предложенъ мною и съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ комитетомъ. По предложенію лорда Дургама, въ планъ была включена тайная подача голосовъ, и вся схема была представлена лорду Грею. Въ кабинетѣ лорда Грея было весьма немного членовъ которые поддерживали

предложенія о реформѣ парламента. Самъ лордъ Грей и лордъ Дургамъ вносили прежде въ палату предложенія о семъ предметѣ. Лордъ Брумъ и лордъ Альторпъ горячо поддерживали принципъ реформы, не склоняясь въ пользу никакого опредѣленнаго плана. Лордъ Дургамъ предлагалъ внести билль раздѣляющій страну на равные избирательные участки, а лордъ Брумъ, сколько я помню, на одномъ собраніи членовъ палаты общинъ въ домѣ лорда Альторпа объяснялъ планъ предлагавшій отнять по одному члену у нѣкотораго числа небольшихъ бурговъ. Лордъ Пальмерстонъ и г. Грантъ, вмѣстѣ съ лордомъ Мельборномъ, слѣдовали за г. Каннингомъ въ его оппозиціи парламентской реформѣ. Лордъ Ландсаунъ и лордъ Голландъ никогда не имѣли горячаго сочувствія къ этому дѣлу, но обстоятельства страны требовали рѣшительныхъ мѣръ, и лордъ Грей былъ убѣжденъ что только широкою реформой парламента можно было предотвратить революцію. Кабинетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и принялъ нашъ планъ, но безъ тайной подачи голосовъ. Я былъ до такой степени убѣжденъ что страна съ энтузіазмомъ отвѣтитъ согласіемъ на широкую мѣру реформы что умолялъ лорда Грея убѣдить его товарищей въ необходимости хранить планъ въ тайнѣ, дабы онъ могъ подѣйствовать на публику всею свѣжестью новизны и съ цѣлью лишить нашихъ противниковъ возможности сдѣлать приготовленія для отраженія перваго приступа на хорошо укрѣпленный лагерь врага. До такой степени пративная партія была мало приготовлена къ биллю что за нѣсколько дней предъ первымъ марта, сэръ-Робертъ Пиль въ старательно составленной рѣчи осмѣивалъ все что̀ было сдѣлано по вопросамъ о мирѣ и экономіи, и предсказывалъ что когда будетъ обнаруженъ планъ реформы, то онъ разочаруетъ незначительностью своихъ размѣровъ и ничтожностью предлагаемыхъ перемѣнъ. Поэтому эффектъ плана открытаго 1го марта былъ изумительный..... Но недовѣріе было преобладающимъ чувствомъ, какъ между умѣренными вигами, такъ и въ массѣ торіевъ. Одни радикалы были въ восторгѣ и торжествовали. Г. Джозефъ Юмъ, когда я встрѣтилъ его на улицѣ день или два спустя, увѣрялъ меня въ его горячемъ содѣйствіи правительству. Онъ сказалъ, по другому поводу, въ публичной рѣчи что готовъ былъ назвать черное бѣлымъ чтобы только провести билль о реформѣ. Лордъ Дургамъ говорилъ мнѣ что онъ готовъ былъ сомнѣваться въ дѣйствительности того что̀ происходило у него предъ глазами.“

За реформой народнаго представительства быстро послѣдовали другія реформы. Слѣдующія десять лѣтъ администраціи либеральной партіи прошли не безъ славы, и въ 1841 году лордъ Россель имѣлъ возможность указать на длинный рядъ весьма важныхъ и полезныхъ мѣръ, включая въ то число

отмѣну невольничества и мѣры для народнаго образованія въ Ирландіи. Но затѣмъ народное увлеченіе начало стихать, вслѣдствіе чего и либеральное большинство постепенно уменьшалось и наконецъ вовсе исчезло, такъ что десять лѣтъ спустя по утвержденіи акта о реформѣ, сильное торійское правительство снова захватило власть въ свои руки. Здѣсь прерывается сборникъ рѣчей лорда Росселя. Этотъ періодъ былъ временемъ самой славной дѣятельности лорда Росселя, но имъ далеко не закончилась его политическая карьера, ибо онъ уже послѣ того достигъ высшихъ почестей, былъ два раза первымъ министромъ и наконецъ возведенъ въ перы. Можетъ быть современемъ онъ издастъ и сборникъ остальныхъ своихъ рѣчей и приложитъ къ нимъ такія же интересныя вступительныя замѣчанія какія читатели могутъ найти въ настоящей книгѣ. Изъ нея же мы приведемъ еще что, по мнѣнію лорда Росселя, періодъ времени отъ 1820 до 1827 года былъ самымъ блестящимъ, на его памяти, по краснорѣчію ораторовъ въ палатѣ общинъ. То было время Каннинга, Плонкетта и Брума. Онъ съ большою похвалой отзывается также о краснорѣчіи своего соперника, а тогдашняго товарища, покойнаго лорда Дерби, называвшагося въ то время еще просто г. Стаплеемъ, и приводитъ о немъ слѣдующій разказъ. Правительствомъ, въ виду неудовлетворительности положенія Ирландіи, былъ внесенъ билль объ ограниченіи свободы *(Coercion Bill)*, но вождь палаты общинъ, лордъ Альторпъ, защищалъ эту мѣру такъ слабо что либеральное большинство было разочаровано, недовольно и готово возмутиться противъ своего вождя. Видя это, г. Стаплей, сидѣвшій рядомъ съ лордомъ Росселемъ, сказалъ ему: „Я не хотѣлъ говорить до завтра, но теперь вижу что доженъ говорить сегодня“. Онъ взялъ у лорда Альторпа официальныя бумаги, удалился въ боковую комнату чтобы просмотрѣть ихъ на свободѣ, и вернувшись два часа спустя въ палату, произнесъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе и самыми живыми красками изображала тревожное положеніе Ирландіи.

„Палата была изумлена и возмущена при видѣ страшной картины которую онъ развилъ предъ ея глазами“, говоритъ лордъ Россель, „она была поражена господствомъ убійцъ и грабителей. Произведя ужасающее впечатлѣніе этими описаніями, ораторъ обратился къ О'Коннелю, который велъ оппозицію противъ предложенной мѣры и, казалось, недолго

предъ тѣмъ былъ близокъ къ побѣдѣ въ пользу мятежа и анархіи. Онъ напомнилъ палатѣ что недавно на публичномъ митингѣ О'Коннель говорилъ о палатѣ какъ о 658 негодяяхъ. Въ порывѣ гнѣва и негодованія онъ возбудилъ гнѣвъ палаты, которая за два часа предъ тѣмъ казалась готовою уступить великому агитатору, а теперь готова была разорвать его на части. Онъ сѣлъ на мѣсто среди бури возбужденной его словами, одержавъ одну изъ величайшихъ побѣдъ когда-либо выигранныхъ въ народномъ собраніи даромъ слова."

Дипломатическая часть сборника касается четырехъ смутныхъ вопросовъ, въ которыхъ лорду Росселю пришлось принимать участіе въ бытность его статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, а именно: италіянскаго, датскаго, польскаго, и американскаго. Въ этой части онъ старается оправдать всѣ свои дипломатическія дѣйствія и высказываетъ общіе взгляды, изъ коихъ наиболѣе интересны тѣ въ коихъ онъ касается Италіи.

II.

Въ послѣднее время вышло на англійскомъ языкѣ нѣсколько интересныхъ книгъ касающихся Индіи, и прежде всего мы упомянемъ объ оконченномъ въ прошедшемъ году роскошномъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Народы Индіи* (*The People of India*, A Series of Photographic Illustrations, with Descriptive Letterpress, of the Races and Tribes of Hindustan. Edited, under the authority of the Secretary of State for India, by Forbes Watson and William Kaye. 4 vols. London. India Museum. 1868—1869). Поводомъ къ изданію этой книги, какъ сказано въ предисловіи къ ней, было желаніе бывшаго вице-короля Индіи, лорда Каннинга и его супруги взять съ собой, по окончаніи ихъ пребыванія на Востокѣ, полные и наглядные памятники особенностей индійской жизни. Страшное потрясеніе 1857 — 58 года навремя замедлило исполненіе артистическихъ и научныхъ трудовъ для предположеннаго изданія, но за то это же самое событіе дало новый толчекъ къ изученію этнографіи Индіи, доказавъ Англичанамъ необходимость болѣе близкаго знакомства съ характеромъ туземцевъ. По усмиреніи возстанія силаевъ, вскорѣ же собрано было такое множество фотографическихъ снимковъ съ типическихъ представителей различныхъ племенъ что оно превзошло раз-

мѣры частной коллекціи, и лордъ Каннингъ, сознавая важность собраннаго матеріала, счелъ полезнымъ дать изданію офиціальный характеръ. Вслѣдствіе сего изданіе было исполнено при Индійскомъ музеѣ, и такъ какъ одни фотографическіе снимки сами по себѣ не представляли бы большаго интереса, то въ большинствѣ случаевъ къ нимъ приложенъ объяснительный текстъ, составленный авторами хорошо знакомыми съ различными племенами Индіи. Это роскошное изданіе заключаетъ въ себѣ 226 фотографій, которыя самымъ наглядымъ образомъ указываютъ на разнообразіе племенъ населяющихъ Индію. А между тѣмъ даже и эта богатая коллекція не обнимаетъ всей обширной территоріи принадлежащей Англичанамъ, такъ какъ она не касается мѣстностей лежащихъ къ югу отъ Аллагабада или Чоты Нагпора, и слѣдовательно не представляетъ образцовъ ни одной изъ интересныхъ разновидностей племенъ встрѣчающихся въ Бомбейскомъ и Мадрасскомъ президентствахъ. Впрочемъ должно замѣтить что, несмотря даже на эту неполноту, изданіе представляетъ огромный интересъ, ибо едва ли гдѣ различные типы имѣютъ такія рѣзко обозначенныя черты какъ въ Индіи, и фактъ этотъ зависитъ отъ того что нигдѣ кастовый бытъ не укоренился такъ глубоко и не охватилъ до такой степени своими мельчайшими развѣтвленіями всего строя общественной жизни. А такъ какъ кастовый бытъ, какъ извѣстно, господствовалъ уже въ Индіи болѣе 3000 лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ еще не утратилъ своей жизненности и силы, то вліяніе его на характеръ населенія было такъ глубоко какъ ни въ одной другой странѣ. Каждое занятіе или профессія вездѣ и всегда невольно кладетъ свою печать на характеръ человѣка, но легко себѣ представить какъ велико должно быть это вліяніе на образованіе характера тамъ гдѣ, какъ въ Индіи, профессіи передавались отъ отца къ сыну чрезъ безчисленные ряды поколѣній и гдѣ эти занятія раздѣляютъ людей на отдѣльные кружки общества, такъ что по большей части всѣ родные и даже сосѣди и близкіе знакомые человѣка занимаются одинаковою съ нимъ профессіей и слѣдовательно подчиняются тѣмъ же самымъ общественнымъ вліяніямъ. Многія изъ фотографій въ упоминаемой книгѣ превосходно изображаютъ не только типическія особенности различныхъ племенъ, но также и эти характеристическія черты различныхъ кастъ, а въ объяснительномъ текстѣ можно найти любопытныя подробности о ихъ занятіяхъ и

отличительныхъ особенностяхъ. Напримѣръ, одна изъ фотографій въ IIмъ томѣ изображаетъ хорошо одѣтаго банкира съ умнымъ и важнымъ лицомъ. Это Шади Сетъ, членъ Банніевъ, касты замѣчательной своимъ отвращеніемъ лишать жизни какое-либо животное. Шади Сетъ, конечно, питается одною растительною пищею, но даже и эту послѣднюю совѣсть не всегда дозволяетъ ему употреблять спокойно. Свѣчей или другаго искусственнаго свѣта его каста не употребляетъ изъ опасенія лишить жизни какихъ-либо насѣкомыхъ. Членъ этой касты, несмотря ни на какую усталость не рѣшится ѣсть въ темнотѣ и скорѣе ляжетъ спать голодный чѣмъ рискнетъ возможностью хотя неумышленно убить какую-нибудь улитку. Въ постелѣ же онъ кротко переноситъ нападенія многочисленныхъ паразитовъ, и не только не прихлопаетъ ихъ, но поутру прежде всего заботится какъ бы, надѣвая платье, не причинить вредъ ни одному изъ этихъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Иногда, впрочемъ, религіозное суевѣріе принимаетъ въ Индіи противоположное направленіе и дѣлаетъ кровопролитіе необходимымъ занятіемъ. Такъ для душителей (туговъ), прежде чѣмъ они были искоренены усиліями Англичанъ, убійство было правильнымъ занятіемъ и священною обязанностью. Обычай *сутти* или сжиганія вдовы вмѣстѣ съ прахомъ умершаго мужа, также упраздняемый британскимъ правительствомъ, по большей части былъ самоубійствомъ. Вдова вѣрила что, соглашаясь на смерть, она искупаетъ всѣ свои грѣхи, а отказываясь отъ нея, она могла лишиться всякаго уваженія. Объ этомъ обычаѣ помѣщенъ въ текстѣ книги любопытный разказъ какъ одинъ индійскій дипломатъ сумѣлъ избавиться коварнымъ образомъ отъ безпокойной соперницы. По смерти ея мужа возникло сомнѣніе обязана ли она была рѣшиться на сожженіе вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ она была изъ племени Мараттовъ. Дипломатъ, однако, разрѣшилъ это сомнѣніе, отправивъ ко вдовѣ учтивое письмо, въ которомъ весьма тонко и вмѣстѣ насмѣшливо выражалъ надежду что она ни въ какомъ случаѣ не пожертвуетъ собой. Эта насмѣшка привела вдову въ такое негодованіе что она рѣшилась сгорѣть на кострѣ.

Кастовое устройство общества въ особенности сильно содѣйствовало развитію аскетизма, который едва ли гдѣ былъ доводимъ до такихъ крайностей какъ въ Индіи. Скитающіеся аскеты встрѣчаются тамъ повсюду, и самые замѣчательные

изъ нихъ суть Бераги и Джоги. Спеціальная цѣль первыхъ есть умерщвленіе всѣхъ земныхъ страстей, а послѣдніе стремятся достигнуть единенія съ божествомъ путемъ созерцанія. Еще болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ тому назадъ удивительная способность этихъ фанатиковъ къ самоумерщвленію плоти приводила въ изумленіе греческихъ философовъ. Вся жизнь истинно строгаго Бераги есть непрерывная борьба съ плотью. Онъ постоянно побораетъ ее, подвергая то палящему зною солнца, то дѣйствію мороза и снѣга. Иной даетъ обѣтъ отправиться на богомолье за нѣсколько сотъ миль, непрерывно измѣряя путь длиной своего тѣла. Онъ ложится на землю, вытягиваетъ правую руку и дѣлаетъ пальцемъ замѣтку, затѣмъ встаетъ, доходитъ до замѣтки и повторяетъ то же самое. И такъ съ ранняго утра и до вечера, безъ отдыха, не обращая вниманія ни на погоду, ни на состояніе пути. Бываютъ такіе обѣты чтобы стоять нѣсколько дней сряду по горло въ водѣ въ самое холодное время года, не принимая другой пищи кромѣ подаваемой благотворительными прохожими. Иные же, давъ обѣтъ не пить воды, окружаютъ себя огнемъ въ самую жаркую погоду. Есть наконецъ и такіе что зарываютъ себя на нѣсколько дней въ землю по горло, и это считается самымъ тяжелымъ испытаніемъ. Истощенный лѣтами или изможденный болѣзнями, Бераги обыкновенно кончаетъ жизнь бросаясь подъ колесницу везомаго идола, или въ священной водѣ Ганга, стоя въ ней пока не будетъ потопленъ приливомъ. Джоги предается не менѣе суровымъ и набожнымъ упражненіямъ для достиженія главной и постоянной цѣли своей жизни,—такого полнаго отвлеченія ума чтобы быть способнымъ безъ всякой разсѣянности созерцать божественную природу. Для этого онъ долженъ сосредоточить свой умъ такъ чтобы онъ не блуждалъ далѣе носа, онъ долженъ дышать такъ чтобы дуновеніе ограничивалось разстояніемъ не болѣе ширины двѣнадцати пальцевъ ото рта и направлять глаза на кончикъ носа.

Другая любопытная книга касающаяся Индіи есть вышедшее на англійскомъ языкѣ описаніе путешествія по Бенгаліи и Верхней Индіи Индуса по имени Болонота Чандера, члена Бенгальскаго Азіатскаго Общества (*The Travels of a Hindoo to various parts of Bengal and Upper India.* By Bholanauth Chunder, Member of the Asiatic Society of Bengal. With an

Introduction by Talboys Wheeler). Одно появленіе такой книги есть уже само по себѣ замѣчательная литературная новость, и авторъ ея, хотя и свободный отъ многихъ индійскихъ предразсудковъ, тѣмъ не менѣе, какъ Индусъ, смотритъ немного съ индійской точки зрѣнія, хотя замѣтно старается глядѣть на все туземное глазами Англичанина. Поэтому въ его книгѣ можно найти указанія на идеи и стремленія молодой Индіи, если можно такъ выразиться, а съ другой стороны въ ней высказываются отношенія его соплеменниковъ къ мусульманскому населенію страны. Въ своемъ путешествіи образованный Индусъ слѣдовалъ вверхъ по теченію великой рѣки Ганга, отъ своей родины Калькутты до прежней столицы Великаго Могола. При сравненіи англійскаго владычества съ магометанскимъ онъ несомнѣнно выражаетъ свое сочувствіе первому, а о послѣднемъ отзывается слѣдующимъ образомъ:

„Никакая кара поражавшая родъ человѣческій никогда не была такъ вредоносна какъ магометанское владычество. Мусульманскій наплывъ, подобно бурнымъ волнамъ, своимъ наводненіемъ уничтожалъ всѣ великія творенія древняго могущества и древней мудрости, и погрузилъ міръ въ состояніе варварства, которое увѣковѣчило деспотизмъ, невѣжество и анархію на многія столѣтія. Мусульманинъ всегда былъ ни кто иной какъ мрачный энтузіастъ, ненавидящій, проклинающій и убивающій всѣхъ кто не вѣритъ въ его пророка. Его исторія вся состоитъ изъ пожаровъ, убійствъ и грабежей“.

Вотъ какъ напротивъ того выражается Болнотъ Чандеръ объ англійскомъ владычествѣ:

„Быть обязаннымъ чѣмъ-либо правительству Англичанъ значитъ быть обязаннымъ не столько управленію этой націи сколько управленію просвѣщеннаго законодательства, науки и цивилизаціи XIX столѣтія. Съ такой точки зрѣнія ни одинъ здравомысленный Индусъ не долженъ чувствовать чтобы его самоуваженіе ослаблялось подчиненіемъ чужеземному правленію“.

Весьма естественно что автору приходится часто упоминать о мятежѣ, который онъ осуждаетъ какъ гибельную ошибку. Несмотря однакоже на это осужденіе, просвѣщенный Индусъ относится къ Англичанамъ повидимому гораздо болѣе съ уваженіемъ чѣмъ съ привязанностью. Еслибъ возможно было замѣнить англійское правительство туземнымъ, которое дало бы всѣ высшія мѣста Индусамъ, то почти несомнѣнно можно быть увѣреннымъ что Болнотъ Чандеръ привѣтствовалъ бы такую

перемѣну съ радостью. Но такъ какъ онъ видитъ что объ этомъ не можетъ быть рѣчи, то и довольствуется тѣмъ что остается вѣрноподданнымъ предержащей власти. Онъ особенно сильно настаиваетъ что мятежъ сипаевъ былъ чисто военнымъ, а вовсе не національнымъ движеніемъ, и въ доказательство сего указываетъ на незначительность времени которое потребовалось для возстановленія англійской власти и на то что теперь безоружные Европейцы снова повсюду могутъ путешествовать по Индіи съ полною безопасностью. Безусловно осуждая жестокости которыя были совершаемы мятежниками, онъ не скрываетъ притомъ своего мнѣнія что и въ наказаніи ихъ гораздо болѣе имѣла мѣсто месть чѣмъ правосудіе. Мы не имѣемъ возможности слѣдить здѣсь за описаніями различныхъ мѣстностей и городовъ посѣщенныхъ авторомъ, и потому ограничимся только замѣчаніемъ что многія изъ его описаній интересны, и наиболѣе тѣ которыя касаются индусскихъ мѣстностей, хотя онъ подробно описываетъ также и мусульманскіе города и ихъ архитектурные памятники. Все это конечно можно найти и въ другихъ описаніяхъ путешествій, и въ настоящей книгѣ главный интересъ представляетъ личный взглядъ просвѣщеннаго Индуса, который, описывая священныя мѣста, умышленно легкомысленнымъ топомъ, какъ кажется, старается оградить себя отъ подозрѣнія въ энтузіазмѣ. Изъ всѣхъ его описаній ограничимся только указаніемъ на замѣчательную легкость передвиженія городовъ въ Индіи. Такъ, нѣкоторые изъ самыхъ тѣсныхъ кварталовъ Бенареса были не такъ еще давно пустырями, между тѣмъ какъ прежнія помѣщенія теперь, напротивъ, покрываются кустарникомъ и превращаются въ пустыри. То же самое происходитъ и въ Агрѣ, а новый Дели стоитъ въ 11 миляхъ отъ мѣста прежней столицы, и пространство между ними усѣяно изломанными колоннами, гробницами, мечетями и домами во всей наготѣ разрушенія.

Десять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ какъ управленіе Индіей совершенно перешло отъ остъ-индской компаніи въ руки короны, и эти десять лѣтъ, конечно, были знаменательны для страны. Начало этого періода совпало съ послѣдними военными кампаніями, заключившими усмиреніе великаго мятежа сипаевъ, а въ теченіе его пришлось почти все преобразовать вновь, такъ что еслибъ кто покинулъ Индію въ 1857 году тотъ едва могъ бы узнать ее вернувшись въ 1869. Въ

чиселѣ перемѣнъ онъ увидалъ бы новое правительство, преобразованную армію, переустроенное судопроизводство, новые налоги, новыя финансовыя приспособленія, обширныя земледѣльческія перемѣны, и наконецъ громадный приливъ капиталовъ въ страну. Лица интересующіяся этимъ предметомъ могутъ найти любопытный матеріалъ въ описаніи управленія Индіей за этотъ періодъ, изданномъ недавно г. Причардомъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *The Administration of India, from 1859 to 1868: the First Ten Years of Administration under the Crown.* By Thomas Prichard. Кромѣ того мы можемъ указать на другую книгу, изданную еще въ 1868 году г. Чезнеемъ объ индійской политикѣ и о системѣ администраціи въ Индіи. (*Indian Polity: a View of the System of Administration in India. By George Chesney.*) Въ этой послѣдней книгѣ преимущественно говорится объ управленіи Индіи въ послѣднія пять лѣтъ, во время намѣстничества лорда Лоренса. Наконецъ, объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Индіи лучше всего можетъ дать понятіе изданный въ нынѣшнемъ году, по порученію Кобденова клуба, вмѣстѣ со многими другими трудами касающимися поземельнаго вопроса, очеркъ г. Кемпбелла о поземельномъ владѣніи въ Индіи (*Tenure of Land in India* By George Campbell. London. 1870.) Чтобы указать читателямъ на множество интересныхъ данныхъ заключающихся въ этихъ достойныхъ трудахъ, мы представимъ, на основаніи ихъ, въ возможно сжатыхъ очеркахъ, нѣсколько наиболѣе крупныхъ фактовъ. Прежде всего напомнимъ о самой важной перемѣнѣ, а именно о перемѣнѣ въ управленіи. Намѣстничество лорда Каннинга, ознаменованное самымъ страшнымъ потрясеніемъ, окончилось такъ же мирно какъ и началось, и при концѣ своей карьеры онъ былъ преимущественно занятъ организаціей новаго устройства. Послѣдующее за нимъ правленіе лорда Элгина было слишкомъ кратковременно, такъ что главнымъ образомъ въ слѣдующее затѣмъ управленіе лорда Лоренса были осуществлены тѣ великія перемѣны на которыя указано выше. Задачи управленія Индіей давно уже превысили тѣ размѣры при коихъ лордъ Дальгаузи могъ непосредственно вѣдать всѣми департаментами, и потому при лордѣ Каннингѣ былъ введенъ планъ устройства высшаго правительства нѣсколько сходный съ системой англійскаго кабинета. При вице-королѣ состоитъ, подъ его предсѣдательствомъ, исполнительный совѣтъ изъ двухъ граждан-

скихъ членовъ, одного военнаго, одного финансоваго, одного судебнаго и главнокомандующаго арміей. Дѣла управленія распредѣлены между этими лицами слѣдующимъ образомъ. Самъ вице-король управляетъ иностраннымъ департаментомъ, который вѣдаетъ сношенія Британской Индіи съ Кабуломъ, Авой, Мускатомъ, Занзебаромъ и съ племенами Персидскаго залива и на границѣ Синда. Ему также подчинены всѣ дѣла касающіяся Низама, Маратскихъ домовъ еще сохраняющихъ независимость въ Гваліорѣ и Индорѣ, и множества мелкихъ данниковъ, а также вассальныхъ или медіатизованныхъ князьковъ. Вѣдѣнію военнаго члена совѣта, совершенно независимо отъ главнокомандующаго, принадлежитъ все касающееся до казармъ, содержанія арміи, санитарныхъ мѣръ, обмундировки, пенсій, жалованья и продовольствія войскъ. Одинъ изъ гражданскихъ членовъ совѣта управляетъ публичными работами, а другой завѣдуетъ департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, куда поступаютъ изъ восьми губернаторствъ всѣ вопросы внутренней политики, какъ-то объ образованіи, полиціи, управленіи тюремъ, отправленіи правосудія, законодательныхъ реформахъ и тому подобные. Финансовый членъ совѣта завѣдуетъ финансами страны. Судебный членъ занятъ разсмотрѣніемъ, обсужденіемъ и приготовленіемъ различныхъ проектовъ кодексовъ и постановленій, а главнокомандующему арміей принадлежитъ забота о дисциплинѣ и благосостояніи британскаго и туземнаго войска. Эти два послѣдніе члены совѣта не имѣютъ спеціальныхъ департаментовъ. Всѣ важнѣйшія дѣла докладываются вице-королю и разсматриваются въ полномъ совѣтѣ. Объяснивъ такимъ образомъ въ главныхъ чертахъ нынѣшнее управленіе Индіи, укажемъ на результаты достигнутые въ послѣднее десятилѣтіе. Объ иностранныхъ дѣлахъ говорить много нечего. Какъ въ управленіи лорда Лоренса, такъ и теперь, при его преемникѣ лордѣ Мео, главное вниманіе индійскихъ политиковъ обращено на Афганистанъ и Среднюю Азію. Лорду Лоренсу стоило большихъ трудовъ отстоять свою политику, несовсѣмъ точно прозванную политикой невмѣшательства, противъ сильнаго давленія нѣкоторыхъ его совѣтниковъ, изъ которыхъ одни, опасаясь расширенія Россіи въ Средней Азіи, высказывали желаніе чтобы и индійское правительство приняло дѣятельныя мѣры и заняло какой-либо стратегическій постъ въ Афганистанѣ, а другіе требовали чтобы, по крайней мѣрѣ, правительство на-

значило спеціальнаго дипломатическаго агента въ Кабулъ, а также отрядило англійскихъ офицеровъ для обученія и организаціи афганскихъ войскъ. Всѣ эти предложенія лордъ Лоренсъ имѣлъ твердость отклонить. Но тѣмъ не менѣе его политику никакъ нельзя назвать политикой невмѣшательства. Онъ зорко слѣдилъ за кровавыми усобицами раздиравшими Кабулъ, и какъ только стало ясно что счастіе повернуло на сторону Ширъ-Али, онъ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться этимъ для утвержденія прочнаго правительства въ Кабулѣ и далъ ему значительную субсидію деньгами и оружіемъ. Кромѣ того имъ же былъ придуманъ планъ, исполненный уже его преемникомъ, устроить свиданіе съ афганскимъ эмиромъ въ Индіи, для чего послѣдній имѣлъ проѣхать значительное пространство по англійскимъ владѣніямъ, дабы во-очію убѣдиться въ могуществѣ англійской власти. Этимъ свиданіемъ имѣлось также въ виду еще болѣе утвердить власть Ширъ-Али, какъ законнаго владѣтеля Афганистана, признаннаго и поддерживаемаго Англіей, и ея союзника. Всѣ эти мѣры конечно далеко нельзя назвать невмѣшательствомъ, и притомъ онѣ вовсе не служатъ ручательствомъ чтобы политика англо-индійскаго правительства не могла измѣниться съ перемѣной дѣлъ въ самомъ Кабулѣ, то-есть чтобъ Англія окончательно и навсегда отказалась отъ всякихъ дальнѣйшихъ присоединеній къ своимъ и безъ того громаднымъ индійскимъ владѣніямъ.

Но главныя и важнѣйшія изъ реформъ были совершены въ послѣднія десять лѣтъ во внутренней администраціи. Телеграфное управленіе было совершенно преобразовано при лордѣ Лоренсѣ. Безграмотные служители были замѣнены молодыми людьми знакомыми съ телеграфнымъ дѣломъ и выдержавшими экзаменъ. Для всей Индіи введенъ новый тарифъ, отличающійся такою простотой что депеша въ десять словъ можетъ быть доставлена за два шиллинга изъ Калькутты въ Бараклоръ или изъ Калькутты въ Бомбей. Къ линіямъ бывшимъ уже въ 1863 году прибавлено новыхъ болѣе чѣмъ на 2.500 миль, а число проволокъ на прежнихъ линіяхъ почти удвоено. Еще важнѣе чѣмъ это обезпеченіе быстраго сообщенія были произведены громадныя публичныя работы, на которыя въ послѣднія пять лѣтъ было издержано нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Ни въ одинъ годъ правленія лорда Лоренса не тратилось на нихъ менѣе $4\frac{1}{2}$ милліоновъ, помимо желѣзныхъ дорогъ, и независимо отъ полуто-

ра почти милліона мѣстныхъ налоговъ на мѣстныя потребности. Въ семи главнѣйшихъ военныхъ стоянкахъ построены великолѣпныя казармы со всѣми приспособленіями для удобства солдатъ, съ читальнями, банями, мастерскими и гимнастикой. На большихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ устроены укрѣпленные посты, куда, въ случаѣ возмущенія, могли бы укрываться женщины и дѣти, и гдѣ небольшой гарнизонъ могъ бы держаться нѣкоторое время до полученія подкрѣпленія. Случаи страшнаго голода, по временамъ повторяющагося въ Индіи при сильныхъ засухахъ, вызвали обширные планы ирригаціонныхъ работъ и расширенія каналовъ. Эти работы простираются отъ округа Дели до Мадрасскаго президентства и одновременно будутъ еще производиться въ Орисѣ, гдѣ сотни тысячъ жителей умерли отъ голода въ 1866 году, въ Пенджабѣ, въ Бомбеѣ, на берегахъ Инда и на границахъ Непала. Значительныя суммы издерживаются также въ другихъ частяхъ страны на ограждение набережными тѣхъ мѣстъ которыя при изобиліи дождей бываютъ подвержены опустошительнымъ наводненіямъ. Желѣзныя дороги были предметомъ особенной заботливости администраціи. Въ правленіе лорда Лоренса было проведено болѣе 1.500 миль желѣзныхъ дорогъ и истрачено на нихъ до 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, такъ что теперь Индія имѣетъ 5.000 миль желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того предполагается въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ издержать на эти работы еще 100 милліоновъ, и тогда въ Индіи будетъ 20.000 миль рельсоваго пути. Не довольствуясь довершеніемъ старыхъ и открытіемъ новыхъ линій, лордъ Лоренсъ настоялъ также на улучшеніи желѣзно-дорожнаго управленія. Улучшена была отчетность, цѣны за проѣздъ понижены, и обращено вниманіе на удобство пассажировъ третьяго класса, къ коимъ въ Индіи принадлежитъ бо́льшая часть путешественниковъ. Департаментъ публичныхъ работъ озаботился также охраненіемъ лѣсовъ и составилъ для этой цѣли правила приспособленныя къ потребностямъ различныхъ провинцій. Въ этомъ отношеніи Индія представляетъ удивительное разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Бенгаліи собственно, въ Пенджабѣ и даже въ Ауде ощущается большой недостатокъ лѣса. Въ иныхъ округахъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль не встрѣчается ни рощи, ни даже кустарника, гдѣ бы могли скрываться дикіе звѣри или пріютиться дичь. Въ другихъ же мѣстамъ, напротивъ, путнику приходится проби-

раться по густымъ лѣсамъ, встрѣчая кое-гдѣ жалкія селенія, жители коихъ живутъ въ непрестанномъ страхѣ отъ нападеній дикихъ слоновъ или тигровъ. Но какъ ни обширны даже еще остающіяся заросли, безпечность туземцевъ грозила бы имъ конечнымъ истребленіемъ еслибы не были приняты вовремя мѣры, такъ какъ огромныя пространства лѣса сожигались невѣжественными крестьянами для расчистки пашни всего на одинъ годъ чтобы потомъ бросить ее. Правительство, поэтому, поспѣшило принять мѣры, озаботясь охраненіемъ и разсадкой вновь цѣнныхъ деревъ, выписавъ изъ Шотландіи и Германіи практическихъ лѣсоводовъ и издавъ обязательныя правила для рубки лѣса. Наконецъ, на народное образованіе во всѣхъ его отрасляхъ правительствомъ было обращено самое серіозное вниманіе, и лордъ Лоренсъ, видя что высшіе классы имѣютъ уже достаточныя средства въ существующихъ англійскихъ школахъ, коллегіяхъ и университетѣ, поднялъ вопросъ объ образованіи крестьянъ въ Бенгалѣ. Въ другихъ президентствахъ также приняты мѣры для образованія низшихъ классовъ, и недавно мы читали въ газетахъ какъ герцогъ Эдинбургскій при въѣздѣ въ Мадрасъ былъ привѣтствованъ національнымъ англійскимъ гимномъ пропѣтымъ 9000 мальчиковъ и дѣвочекъ изъ различныхъ школъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о поземельныхъ реформахъ предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ. Надо замѣтить что, послѣ подавленія мятежа, лордъ Каннингъ, будучи пораженъ положеніемъ которое въ то время было принято людьми имѣвшими значительные поземельные интересы въ Аудской провинціи, рѣшился поднять многочисленный классъ богатыхъ талукдаровъ, закрыть глаза на прежнія заблужденія, щедро вознаградить заслуги и на столько привязать ихъ къ правительству чтобы никакія обѣщанія интригановъ не могли поколебать ихъ вѣрности. Для этой цѣли и приняты были мѣры расширившія права земледѣльческаго класса. Но этотъ планъ представлялъ несомнѣнно и большія опасности, и лордъ Лоренсъ, по своей проницательности, вскорѣ убѣдился что, даруя права и привилегіи высшему классу и стараясь превратить азіятскаго деспота въ англійскаго сельскаго дворянина, правительство рисковало оставить безъ вниманія или даже нарушить права низшаго, но весьма полезнаго класса, и пожалуй подготовить такимъ образомъ опасность гораздо бо́льшую чѣмъ не-

довольство или измѣна индусскаго или магометанскаго князька, владѣющаго 20.000 акровъ земли. Рѣшимость лорда Лоренса оказать справедливость земледѣльческому классу и оградить его права вызвала сильную оппозицію и борьбу не только со стороны земиндаровъ и талукдаровъ, но также и со стороны нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ. Борьба эта продолжалась во все время его правленія почти во всѣхъ провинціяхъ. Постепенно, однако, различными актами и рѣшеніями судовъ земледѣльцы были вездѣ почти болѣе или менѣе обезпечены въ пользованіи землей и ограждены отъ произвольнаго возвышенія ренты.

III.

Появленіе новаго романа бывшаго англійскаго перваго министра, г. Дизраэли, надѣлало много шуму. Имя автора извѣстно въ литературномъ мірѣ не менѣе чѣмъ въ политическомъ: онъ началъ свою карьеру въ области литературы, и какъ романистъ пріобрѣлъ извѣстность гораздо прежде чѣм достигъ первенствующаго положенія въ рядахъ политиковъ и заслужилъ довѣріе руководимой имъ нынѣ торійской партіи. Всѣ полагали однако что онъ навсегда простился съ волше- ною областью фантазіи съ тѣхъ поръ какъ ему пришлось посвятить свое вниманіе исключительно суровой дѣйствительности и заботиться объ интересахъ своей партіи. Правда, эт не первый случай что англійскіе государственные люди посвящаютъ свой досугъ отъ занятій дѣлами государства и партій литературной дѣятельности, но до сихъ поръ они обыкновенно ограничивались высокими областями исторіи и класс- ческой древности, и сколько помнимъ, не было примѣра чтоб они снисходили до болѣе легкаго рода литературы. Поэтому, когда было возвѣщено объ ожидаемомъ выходѣ новаго романа г. Дизраэли, подъ заглавіемъ: *Лотарь*, то это извѣстіе произвело изумленіе смѣшанное съ недовѣріемъ. Такъ какъ самое заглавіе ничего не говорило насчетъ содержанія романа, то предположеніямъ и догадкамъ не было конца, а иные просто-на-просто не хотѣли вѣрить въ новость произведенія. остроумно утверждали что *Лотарь* будетъ не что иное как изданіе давно написанной рукописи автора, слишкомъ дол залежавшейся въ его портфелѣ. Не упоминая о разныхъ др гихъ не менѣе остроумныхъ догадкахъ, скажемъ только чт

ло выходѣ книги ни одна изъ нихъ не оправдалась, и всего менѣе вышеупомянутая. *Лотарь* оказался романомъ самымъ современнымъ, дѣйствіе коего происходитъ едва не въ настоящую минуту и который во всякомъ случаѣ только что вышелъ изъ-подъ пера его автора, хотя въ немъ нѣтъ ни одной черты набросанной слишкомъ поспѣшно, ни одной небрежно написанной фразы. Напротивъ, онъ отличается тщательною, и въ иныхъ мѣстахъ даже мелочною отдѣлкой. Г. Дизраэли доказалъ что 25 лѣтъ посвященныхъ имъ исключительно политикѣ нисколько не ослабили его художественнаго таланта, и новое произведеніе его, подобно прежнимъ, отличается рѣдкою оригинальностью, разнообразіемъ и свѣжестью. Въ основу романа положена борьба различныхъ религіозныхъ вліяній и этими вліяніями въ той или другой формѣ опредѣляется судьба героя. Несмотря однако на задачу такого рода, романъ не только не скученъ, но даже религіозные споры принадлежатъ къ интереснѣйшимъ мѣстамъ его. Содержаніе романа слѣдующее. Герой его, Лотарь, молодой человѣкъ знатнаго рода и обладающій огромнымъ богатствомъ. Онъ остался сиротой подъ присмотромъ двухъ опекуновъ, изъ коихъ одинъ его родственникъ, лордъ Куллоденъ, шотландскій пресвитеріанинъ, который болѣе всего на свѣтѣ ненавидитъ папистовъ, а другой англиканскій церковникъ перешедшій въ католичество и являющійся въ разказѣ уже достигшимъ высшей почести кардинала, онъ носитъ имя кардинала Грандисона. Лотарь, еще не вышедшій изъ коллегіи Христа въ Оксфордѣ, посѣщаетъ Брентамъ, одинъ изъ многочисленныхъ дворцовъ и замковъ одного гостепріимнаго герцога, у котораго пять дочерей: четыре изъ нихъ уже вышли замужъ, а пятая только что достигла возраста невѣсты. Это леди Коризанда, одна изъ героинь романа. Юноша тотчасъ же влюбляется въ нее и проситъ у герцогини, ея матери, позволенія предложить ей свою руку. Герцогиня очень ласково отклоняетъ Лотаря отъ его намѣренія поговорить объ этомъ съ Коризандой, убѣждая его что онъ еще очень молодъ и что характеръ ея дочери еще не сформировался. Благоразуміе и осторожность герцогини оправдались, потому что изъ Брентама Лотарь попадаетъ въ домъ лорда Сентъ-Джерома, гдѣ онъ также принятъ какъ родной. Лордъ Сентъ-Джеромъ представитель старшаго римско-католическаго рода, и у него въ домѣ постоянно бываютъ кардиналъ Грандисонъ, монсиньйоръ Бер-

викъ и патеръ Кольманъ. Католическіе прелаты, при пособіи прелестной дочери лорда Сентъ-Джерома, Клары Аронделъ, направляютъ всѣ усилія чтобы привлечь въ лоно Римской церкви богатаго наслѣдника, и Лотарь почти готовъ уступить ихъ искушеніямъ. Восторженная набожность и страстно воспріимчивая натура Клары поражаютъ Лотаря. Онъ боготворитъ ея небесную красоту и совершенно поддается ея вліянію. Религія почти исключительный предметъ ихъ разговоровъ, и ея энтузіазмъ онъ принимаетъ за вдохновеніе. Лотарь, которому надоѣли толки о его страшномъ богатствѣ, который не знаетъ что̀ съ нимъ дѣлать, и прежде для леди Коризанды готовъ былъ строить сколько угодно церквей, школъ и дешевыхъ жилищъ для бѣдныхъ, теперь, въ угоду Кларѣ Аронделъ, намѣренъ построить въ Лондонѣ католическій соборъ. Онъ начинаетъ думать о двухъ великихъ идеяхъ: о примиреніи христіанства и о вліяніи архитектуры на религію. Всѣ полагаютъ что Лотарь готовъ перейти въ католичество, но его спасаетъ встрѣча и знакомство съ третьею женщиной, Теодорой Кампіанъ, Римлянкой по рожденію и женой южноамериканскаго генерала. Здѣсь является на сцену новое вліяніе. Теодора воплощаетъ въ себѣ духъ прогресса и революціи, она душа тайныхъ обществъ поставившихъ своимъ призваніемъ борьбу противъ тиранніи во всякомъ видѣ. Лотарь платонически, но страстно влюбляется въ эту очаровательную женщину. Клара Аронделъ и постройка католическаго собора забыты, и назначенныя было для послѣдней цѣли 200.000 фунтовъ стерлинговъ посвящаются на организацію кампаніи противъ Рима, окончившейся печальною катастрофой на полѣ Ментаны. Противъ непогрѣшимости выступаетъ революція. Вожди тайныхъ обществъ, съ одной стороны, и посланцы Ватикана, съ другой, изо всѣхъ силъ интригуютъ чтобъ обезпечить нейтралитетъ или пособіе императора Французовъ. Замыслы и планы революціонеровъ изображены у г. Дизраэли не менѣе хорошо чѣмъ и интриги католическаго духовенства. Энтузіазмъ лоборниковъ прогресса вполнѣ соотвѣтствуетъ не менѣе горячей ревности его противниковъ. И тѣ и другіе краснорѣчивы, хотя краснорѣчіе ихъ разнаго рода. Превратности краткой римской кампаніи, со всѣми сопровождавшими ее интригами и тайными дипломатическими переговорами, описаны весьма живо. Теодора, организовавшая движеніе, руководитъ и направляетъ атаки волонтеровъ, а Лотарь, облекшись въ му-

диръ ѣдетъ въ штабѣ командующаго генерала. Въ одной изъ стычекъ съ папскими зуавами, Теодора, раненая на смерть, умираетъ на рукахъ Лотаря, и предъ смертію беретъ съ него обѣщаніе что онъ никогда не приметъ католической религіи. Самъ Лотарь, также раненый, попадаетъ въ госпиталь въ Римъ, гдѣ его снова окружаютъ его прежніе друзья: лордъ и леди Сентъ-Джеромъ, Клара Аронделъ, кардиналъ Грандисонъ и монсиньйоръ Бервикъ. Онъ скоро выздоравливаетъ отъ раны и снова подвергается самымъ утонченнымъ искушеніямъ. Съ нимъ обращаются какъ бы съ человѣкомъ пользующимся особенною Божіею милостію. Чтобы сдѣлать удовольствіе Кларѣ Аронделъ, онъ присутствуетъ при благодарственномъ молебствіи въ іезуитской церкви, и на другой день читаетъ въ офиціальной газетѣ подробный разказъ о томъ какъ онъ сражался при Ментанѣ за папу и былъ раненъ за святое дѣло, о явленіи Дѣвы Маріи Кларѣ Аронделъ чтобъ отправить ее въ госпиталь къ умирающему Англичанину, и наконецъ о его принятіи въ лоно католической церкви. Изумленный Лотарь упрекаетъ кардинала Грандисона за эту продѣлку и находится въ крайнемъ смущеніи. Опутанный сѣтями и не находя въ себѣ силы разорвать ихъ, Лотарь предается самымъ мрачнымъ мыслямъ и въ отчаяніи бродитъ по улицамъ вѣчнаго города. Разъ вечеромъ, сидя на развалинахъ Колизея, онъ видитъ при лунномъ свѣтѣ призракъ Теодоры и слышитъ тихій, нѣжный голосъ произнесшій одно только слово: помни! Это видѣніе спасаетъ его. Его находятъ безъ чувствъ, и призванный лордомъ Сентъ-Джеромомъ докторъ требуетъ для больнаго перемѣны воздуха. Нечего дѣлать. Лотарь отпускается подъ строгимъ духовнымъ присмотромъ въ Сицилію, и тамъ онъ ускользаетъ отъ своихъ непрошенныхъ опекуновъ. Онъ отправляется въ Мальту, затѣмъ на греческіе острова, и наконецъ попадаетъ въ Іерусалимъ. Путешествіе возстановляетъ его здоровье, и въ свѣжей атмосферѣ колыбели христіанской вѣры его духъ возвращаетъ прежнюю бодрость, потерянную имъ въ разслабляющей атмосферѣ Рима. Онъ возвращается въ Англію, опровергаетъ разнесшіеся тамъ уже слухи объ его отступничествѣ отъ англиканской церкви и женится на предметѣ первой своей привязанности, леди Коризандѣ.

Этотъ простой разказъ о приключеніяхъ героя, конечно можетъ дать лишь самое слабое понятіе о достоинствахъ романа. Нѣкоторые англійскіе критики хотятъ непремѣнно ви-

дѣть въ немъ поучительную цѣль, и утверждаютъ что глава консервативной партіи въ Англіи имѣлъ въ виду въ популярной формѣ представить двѣ опасности грозящія современному обществу: со стороны ничѣмъ не смущаемыхъ притязаній Римской церкви и со стороны революціи. Но такое мнѣніе едва ли вѣрно, и нельзя не признать что автору вполнѣ удалось избѣгнуть скучнаго дидактическаго тона, а если въ его романѣ и есть поучительная цѣль, то она скрыта весьма искусно, и весь его разказъ отличается рельефностью и объективностью. Характеръ героя, дѣйствительно, немного блѣденъ, но эта слабая сторона встрѣчается подчасъ и у многихъ болѣе великихъ романистовъ. Въ пассивномъ подчиненіи неопытнаго и впечатлительнаго юноши вліяніямъ другихъ, впрочемъ, нѣтъ ничего неестественнаго. Дѣйствительный характеръ Лотаря, притомъ, до нѣкоторой степени остается загадкой. Онъ кажется уступчивымъ, иногда до слабости, но онъ даетъ также при случаѣ доказательства твердой рѣшимости и вѣрнаго сужденія. Главная же его черта заключается въ томъ что онъ легко увлекается своими чувствами и воображеніемъ. Женскіе типы особенно хороши. Коризанда, которая изображена нѣсколько блѣдиѣе другихъ героинь, держится того убѣжденія что благороднѣйшія женскія стремленія могутъ найти себѣ удовлетвореніе въ семейномъ кругу. Она Англичанка чистѣйшаго типа. Двѣ другія женщины отдали себя на служеніе идеямъ, которымъ преданы до самоположертвованія: Теодора умираетъ на полѣ битвы за свободу, а набожная Клара идетъ въ монастырь. Женственная природа этихъ обѣихъ героинь нѣсколько страдаетъ отъ чрезмѣрнаго фанатизма, но за то черты ихъ выступаютъ гораздо рельефиѣе и ярче чѣмъ черты Коризанды. Преимущество должно отдать Теодорѣ. Клара кажется слишкомъ святою для земной привязанности, а красота, умъ, смѣлость и энтузіазмъ Теодоры совершенно извиняютъ страстное увлеченіе Лотаря. Но и Теодора едва ли принадлежитъ міру сему, и какъ она ни прекрасна, но ея чистый и возвышенный энтузіазмъ не допускаетъ другаго чувства кромѣ платонической страсти въ ея поклонникахъ, преклоняющихся у ея ногъ, такъ что даже мужъ ея кажется не болѣе какъ ея другомъ. Кромѣ главныхъ лицъ, въ романѣ множество превосходно изображенныхъ второстепенныхъ. Таковъ напримѣръ г. Фебъ, гасконскій дворянинъ по происхожденію, ставшій Англичаниномъ, и артистъ по профессіи. Этотъ типъ,

при всей его невѣроятности, изображенъ блестящими красками. Онъ оригиналъ во всемъ, и имѣетъ безгранично высокое мнѣніе о себѣ и своемъ талантѣ. Онъ артистъ, и рѣшительно на все земное и небесное смотритъ съ исключительно артистической точки зрѣнія, и религіозное чувство замѣняется въ немъ страстнымъ поклоненіемъ прекрасному въ природѣ. Другой замѣчательный типъ есть лордъ Сентъ-Альдегондъ, наслѣдникъ богатѣйшаго герцогства въ Англіи и мужъ очаровательнѣйшей женщины. Этотъ типъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, заимствованъ изъ жизни. Лордъ Сентъ-Альдегондъ противникъ всѣхъ привилегій и даже стоитъ противъ всякихъ различій между людьми, исключая герцоговъ, которые необходимы; онъ точно также сильно расположенъ въ пользу равнаго раздѣла всякой собственности, кромѣ поземельной. Болѣе всего на свѣтѣ онъ опасается скуки, и его жена только тѣмъ и занята какъ бы отвратить это страшное бѣдствіе. Фебъ и лордъ Сентъ-Альденгодъ — двѣ самыя яркія личности изъ второстепенныхъ лицъ романа, но и про другихъ должно сказать что они очерчены живо. Въ особенности это относится къ католическимъ монсиньёрамъ. Весьма любопытны сцены которыя имѣютъ особый интересъ вслѣдствіе высокаго положенія, какое занималъ самъ авторъ какъ первый министръ англійской королевы. Таковы, напримѣръ, переговоры монсиньёра Бервика, отправленнаго изъ Рима ходатайствовать о возвращеніи французскихъ войскъ, съ однимъ джентльменомъ, котораго не трудно признать за французскаго посла въ Англіи. Монсиньёръ весьма откровенно говоритъ о критическомъ положеніи дѣлъ въ Римѣ и вопреки спокойному тону папскихъ официальныхъ органовъ, весьма не прочь получить матеріальную помощь. Въ особенности онъ настаиваетъ въ разговорѣ съ своимъ собесѣдникомъ на необходимости указать англійскимъ министрамъ что королева Викторія имѣетъ интересъ въ поддержаніи свѣтской власти папы, ибо ей необходимо содѣйствіе святѣйшаго отца противъ фенісвъ, а Франція потому только и колеблется-де вмѣшательствомъ что сомнѣвается въ намѣреніяхъ Англіи. „Если Римъ упадетъ, убѣждаетъ монсиньёръ, ни одна царствующая династія не продержится и пяти лѣтъ.“ Французскій посолъ предлагаетъ чтобы папа согласился ограничиться храмомъ Св. Петра и Ватиканомъ, предоставивъ остальную часть Рима заботамъ свѣт-

скихъ властей. Въ такомъ случаѣ посолъ ручался за неприкосновенность папы.

„Non possumus, сказалъ сурово Бервикъ, остановивъ его. Пусть лучше опять явится Аттила, констабль де-Бурбонъ и кощунственныя orgii красной республики! Впрочемъ, это борьба церкви противъ тайныхъ обществъ. Это двѣ единственныя силы въ Европѣ, и онѣ переживутъ королей, императоровъ и парламенты.“

Не менѣе характеристичны и интриги тайныхъ обществъ, цѣль и планы которыхъ Теодоръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

„Вожди общества собирались на совѣтъ и рѣшили что если Франція откажется отъ вмѣшательства, то не будетъ никакихъ попытокъ вызвать внутреннія смуты въ теченіе настоящаго царствованія. Они сообщили это рѣшеніе въ главную квартиру. Онъ * вѣритъ имъ. Онъ знаетъ что они честные люди. Они уже поступили такимъ образомъ предъ италіянскою войной, когда онъ колебался стать во главѣ арміи изъ опасенія революціи внутри страны. Желая достигнуть освобожденія Италіи, они извѣстили его что если онъ лично выступитъ въ поле, то они поручатся за спокойствіе у него дома. Обязательство было свято исполнено.“

IV.

Г. Равессонъ, одинъ изъ хранителей библіотеки Парижскаго Арсенала, издалъ на дняхъ четвертый томъ своихъ *Archives de la Bastille*, въ которомъ описывается время отъ 1663 года до 1678, и сообщаются преимущественно подробности объ отравителяхъ и о дѣлѣ Бренвилье. Многочисленнымъ документамъ напечатаннымъ въ этомъ томѣ издатель предпослалъ предисловіе, въ которомъ яркими чертами обрисовывается эпоха къ коей относятся означенные документы. Отравленія пошли въ ходъ тотчасъ послѣ Фронды, подобно страшной, необъяснимой эпидеміи, не щадившей никого, и орудіями ихъ были по бо́льшей части женщины, и даже высшаго класса. Во время Фронды мущины, слишкомъ занятые войной, принуждены были предоставить своимъ женамъ небываную прежде свободу которая, конечно, прекратилась по окончаніи войны. Мужья возвращались постарѣвшіе, загрубѣв-

* Императоръ Наполеонъ.

шіе въ бояхъ, привыкшіе къ безусловному повиновенію своихъ подчиненныхъ и въ добавокъ заразившіеся ревностью отъ долгаго пребыванія въ Испаніи; при такой обстановкѣ невозможно было думать о кроткихъ семейныхъ отношеніяхъ, и къ тому же невѣрность женщины подвергалась самымъ страшнымъ карамъ; все это должно было напугать женщинъ и довести ихъ до отчаянія. Астрологія въ то время была въ большомъ почетѣ и въ колдовство вѣрили почти всѣ. Женщины въ особенности увлекались этими вѣрованіями и прибѣгали въ затруднительныхъ случаяхъ къ помощи колдуновъ и колдуній; сначала онѣ спрашивали у нихъ совѣта какимъ образомъ укрощать ревность и строптивый нравъ мужей, потомъ привыкли подмѣшивать въ кушанье послѣднихъ различныя зелья, которымъ приписывалась чудодѣйная сила. Разъ вступивъ на такой скользкій путь, женщины не останавливались уже ни предъ чѣмъ, и безъ ужаса стали выслушивать предложенія ворожей, снабжавшихъ ихъ удобными средствами скоро и безъ шума избавляться отъ ненавистныхъ тиановъ. Невозможно себѣ представить сколько людей погибло въ то время отъ яда, но онъ служилъ орудіемъ не одной ненависти или любви,— имъ пользовалось также корыстолюбіе: нетерпѣливые наслѣдники обращались нерѣдко къ ядопродавцамъ чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ слишкомъ скупыхъ и долго зажившихся родственниковъ, и въ началѣ, то-есть во время г-жи де-Бренвилье и Сентъ-Круа, послѣднее случалось такъ часто что за смертоноснымъ снадобьями долгое время оставалось названіе: *poudre de succession* (порошокъ наслѣдства).

При этомъ большую роль играло суевѣріе. Г. Равессонъ излагаетъ подробно гнусные обряды, съ помощію которыхъ вызывали дьявола, и серіозно совершались самыя ужасныя кощунства которымъ трудно было бы повѣрить еслибъ о томъ не свидѣтельствовали самые достовѣрные документы. Рядомъ съ этими ужасами встрѣчаются и самые потѣшные факты, поразительные своею грубою наивностью въ эпоху славившуюся образованіемъ и обиліемъ умныхъ людей. Нѣкоторые игроки заставляли благословлять свои карты; другіе платили дорого колдунамъ чтобы добыть себѣ „летучую монету“, то-есть такую которая всегда возвращалась бы въ карманъ своего владѣльца; женщины занимавшіяся игрой носили для счастья такъ-называемую *main de gloire*, то-есть руку висѣльника высушенную на солнцѣ или въ печи; дуэлисты заставля-

ли служить панихиды по своимъ противникамъ чтобы вѣрнѣе убить ихъ; военные запасались талисманами которые должны были сохранять ихъ здравыми и невредимыми во время похода..

Когда Людовикъ XIV устроилъ слѣдственную коммиссію, носившую названіе *Chambre ardente*, то онъ самъ изумился громадности зла которое онъ возпамѣрился искоренить во что бы то ни стало. Отравители были многочисленны, ловки, смѣлы, умѣли искусно притворяться, и уличать ихъ было очень трудно. Розыски продолжались четыре года, отъ 1678 до 1682, когда король рѣшился распустить коммиссію изъ опасенія чтобы Франція, въ виду этой публичной кары, не упала слишкомъ низко въ глазахъ иностранцевъ. Къ тому же и члены коммиссіи не оправдали ожиданій правительства и публики. Главные преступники принадлежали къ дворянству и судебному сословію; почти у каждаго изъ нихъ были родственники или друзья въ палатѣ, члены коей не хотѣли предавать позору дорогія для нихъ семейства; въ этомъ отношеніи они слѣдовали, впрочемъ, примѣру своего короля, который освободилъ многихъ причастныхъ къ дѣлу; вообще строгой карѣ подвергнуты были продавцы ядовъ, и легкому взысканію покупщики оныхъ. „Съ этой точки зрѣнія, говоритъ г. Равессонъ, *chambre ardente* не исполнила своего назначенія до конца, но нравственное вліяніе ея все-таки было огромно. Невыразимый страхъ напалъ на виновныхъ; одни бѣжали за границу, другіе удалились въ уединеніе и употребляли всѣ усилія чтобъ о нихъ позабыли; если пагубная манія къ ядамъ не была совершенно искоренена, то зло лишилось уже того значенія которое ислугало современниковъ и приводитъ въ ужасъ потомство; сначала оно было страшною эпидеміей, грозившею гибелью обществу, но послѣ розысковъ коммиссіи обратилось въ отдѣльную болѣзнь, приладки коей становились все рѣже и рѣже.“

Другая книга, относящаяся къ описанію тюремъ инаго назначенія и иной эпохи, появилась въ началѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: *Les Prisons de Paris sous la Révolution (Парижскія тюрьмы во время революціи)*. Авторъ ея, г. Добанъ, воспользовался разказами современниковъ и въ яркомъ, живомъ очеркѣ представилъ изображеніе той кровавой и безотрадной эпохи которую нынѣшніе ораторы парижскихъ пуб-

личныхъ собраній, безпощадно искажая исторію, стараются представить своимъ слушателямъ самымъ блестящимъ временемъ, какимъ-то безграничнымъ торжествомъ демократіи и свободы. Въ этомъ отношеніи книга г. Добана появилась какъ нельзя болѣе кстати и можетъ принести значительную пользу парижской молодежи, которую революціонные ораторы и красныя газеты усиливаются сбить съ толку, отуманивая ей умы ложными разказами и изображеніемъ въ привлекательной формѣ событій самыхъ прискорбныхъ и возмутительныхъ.

Г. Добанъ разсматриваетъ въ началѣ при какихъ обстоятельствахъ, въ какомъ духѣ и съ какою цѣлію были составлены революціонные законы, какъ они примѣнялись, и затѣмъ переходитъ къ изображенію участи тѣхъ кого они поражали. Въ то время парижскія тюрьмы представляли зрѣлище невиданное въ исторіи: въ нихъ господствовало смѣшеніе всѣхъ партій, всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ и половъ, въ средѣ котораго, по меткому выраженію автора, недоставало только главной и существенной принадлежности всѣхъ тюремъ—*преступленія*. То было совершенно отдѣльное общество, особый тюремный міръ, въ которомъ въ теченіи тридцати мѣсяцевъ перебывало все что̀ Парижъ и Франція имѣли самаго знаменитаго и почтеннаго. Внѣ тюремъ употреблялись всѣ старанія и хитрости чтобъ укрыться отъ агентовъ террора, но какъ только тѣ же люди попадали въ тюрьму, то смѣло поднимали свое знамя: близость смерти, безполезность всякаго сопротивленія придавали узникамъ то равнодушіе къ ожидавшей ихъ участи, ту беззаботность которыя приводятъ въ изумленіе читателя. Ріуфъ, сидя въ душной тюрьмѣ, воспѣвалъ прелести жатвы; г-жа Лашабосьеръ, съ которою обращались съ страшною жестокостью, сочиняла романсы; поэтъ Руше писалъ письма о ботаникѣ и объ англійской литературѣ; иные ухаживали за хорошенькими узницами, и не мало романовъ разыгралось за желѣзными рѣшетками, во глубинѣ мрачныхъ корридоровъ Консьержери. Когда подъѣзжала къ тюрьмѣ роковая телѣга, которая должна была отвезти несчастныхъ на мѣсто казни, то они прощались со своими товарищами по заключенію, какъ бы разставаясь на временную разлуку.

Въ предисловіи г. Добанъ разказываетъ съ большими подробностями о страшной кончинѣ г-жъ де-Сентъ-Амарантъ—матери и дочери, которыя, увлекаясь фанатизмомъ къ свободѣ,

сблизились съ Робеспьеромъ, сначала принявшимъ ихъ подъ свое покровительство, а потомъ предавшимъ ихъ въ руки революціоннаго трибунала. Въ заключеніе онъ говоритъ слѣдующее о Фукье-Тенвиллѣ:

„Повидимому этотъ злодѣй съ особенною радостью помышлялъ о казни несчастныхъ женщинъ. Отправить этихъ беззаботныхъ на гильйотину, провести этихъ блестящихъ красавицъ съ обрѣзанными волосами, съ обнаженною шеей, со связанными за спиной руками по улицамъ, посреди грубой черни, отдать эти великолѣпныя тѣла на потѣху кровопійцы Самсона и его слугъ, казалось ему мастерскимъ дѣломъ. Публичный обвинитель не могъ устоять противъ подобнаго искушенія. Онъ наслаждался страхомъ, который производилъ трибуналъ, когда его помощникъ Льёдонъ произносилъ обвинительную рѣчь, и когда постановленъ былъ безпощадный приговоръ; онъ желалъ насладиться и самою агоніей. Онъ сталъ у окна выходившаго на маленькій дворъ Консьержери, куда приставала обыкновенно телѣга: онъ могъ оттуда разсмотрѣть въ подробности обреченныхъ на казнь женщинъ и слѣдить за трепетаніемъ ихъ груди. Г-жи де-Сентъ-Амарантъ появились въ дверяхъ, твердою поступью перешли дворикъ, сѣли въ телѣгу и обвели вокругъ себя спокойный и самоувѣренный взглядъ. Не того хотѣлось Фукье-Тенвиллю. Его лишали зрѣлища казни, настоящей казни, то-есть предсмертной агоніи. Онъ заревѣлъ отъ бѣшенства. „Посмотрите на этихъ негодяекъ!“ воскликнулъ онъ, обращаясь къ своимъ приставамъ, „до какой степени онѣ безстыдны! Я непремѣнно пойду посмотрѣть какъ онѣ взойдутъ на эшафотъ чтобъ убѣдиться останутся ли онѣ и тамъ также спокойны; пойду непремѣнно, хоть бы мнѣ даже пришлось прогулять обѣдъ“.

Въ книгѣ г. Добана находятся извлеченія изъ всевозможныхъ тюремныхъ архивовъ Парижа и много другихъ неизданныхъ документовъ; одинъ изъ нихъ, относящійся къ Бомарше, считаемъ не лишнимъ сообщить читателямъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Предъ самою революціей, кабинетъ документовъ королевской библіотеки имѣлъ главнымъ хранителемъ своимъ аббата де-Жевинье, который безъ зазрѣнія совѣсти обратилъ его себѣ въ доходную статью. Онъ до такой степени мало церемонился съ порученными ему документами что хранитель королевской библіотеки, аббатъ Бипьйонъ, счелъ своимъ долгомъ извѣстить о томъ полицію. Началось слѣдствіе, и аббатъ де-Жевинье не придумалъ въ свое оправданіе ничего лучше какъ заявить что портфелей нѣтъ потому что содержавшіеся въ нихъ документы сгнили, и онъ принужденъ былъ ихъ сжечь. Полицейскій ком-

миссаръ Ленуаръ не удовольствовался такимъ показаніемъ, произвелъ домовый обыскъ у главнаго хранителя и открылъ громадное количество документовъ, которые и были немедленно возвращены въ кабинетъ. Не малое также количество ихъ оказалось отправленнымъ въ Англію, гдѣ оно и по сю пору находится въ Оксфордской Бодлеевской библіотекѣ. Полиція продолжала однако свои розыски и открыла два магазина, нарочно нанятые у капуциновъ и якобинцевъ для храненія украденныхъ документовъ до отсылки ихъ за границу. Съемщикомъ этихъ двухъ магазиновъ былъ Каронъ де-Бомарше, который принужденъ былъ сдаться безъ боя, и адресовалъ Ленуару слѣдующее письмо:

„Парижъ, 12го мая 1785.

„М. Г. Имѣю честь отправить къ вамъ моего племянника и одного изъ моихъ прикащиковъ съ ключами отъ магазиновъ у капуциновъ и якобинцевъ. Они получатъ ваши приказанія относительно дня когда будутъ распечатаны магазины. Тогда они приступятъ къ переноскѣ и къ взвѣшиванію со всевозможною послѣшностью. Если въ новомъ складѣ не окажется удобнаго мѣста для устройства большихъ вѣсовъ, то взвѣсить бумаги можно будетъ въ прежнихъ магазинахъ до отправленія повозокъ. Я поручилъ моему племяннику нанять и удовлетворить поденщиковъ, необходимыхъ для этой работы. Отъ васъ нуженъ только одинъ человѣкъ для пріема, или для помощи тѣмъ которыхъ я посылаю, чтобъ дѣло пошло живѣе, если это нужно. Умоляю только васъ объ одномъ, чтобы эта перевозка *осталась тайной для всѣхъ*, если только возможно, во избѣжаніе *послѣдствій молвы*. Оба мои посланные люди самые скромные и не разболтаютъ ни о людяхъ, ни о дѣлѣ.“

Протоколъ взвѣшиванія свидѣтельствуетъ что изъ этихъ магазиновъ увезено 71.082 фунта пергамента. Аббатъ де-Жевиньe, какъ оказывается, не даромъ былъ хранителемъ кабинета, да и Бомарше любилъ спекуляціи въ большихъ размѣрахъ. „Какъ видите, замѣчаетъ г. Добанъ, онъ былъ человѣкъ безъ предразсудковъ. Деньги были для него всегда деньгами, каковъ бы ни былъ у нихъ запахъ.“

Вышелъ третій томъ изданія г. Керара: *Supercheries littéraires dévoilées* (*Разоблаченные литературные подлоги*), посвященаго различнымъ сочиненіямъ и брошюрамъ, авторы которыхъ остались неизвѣстными или имѣли въ виду какую-нибудь противузаконную цѣль. Въ этомъ томѣ помѣщена между прочимъ біографія нѣкоего Петра-Михаила, настоящее имя коего

Эженъ Вентра (Eugène Vintras), духовидца, производителя чудесъ, и даже пророка во мнѣніи его послѣдователей. Пророкъ этотъ родился въ Нормандіи въ 1807 году. Молодость его была тяжелая; онъ женился на прачкѣ, сдѣлался разносчикомъ, но дѣла его шли плохо, и онъ опредѣлился въ лакеи. Въ 1837 году онъ вступилъ въ сношенія съ бывшимъ нотаріусомъ изъ Пуатье, который открылъ контору для тяжебныхъ дѣлъ, и сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ Пруссака Наундорфа. Послѣдній, выдававшій себя за Лудовика XVII, пользовался сочувствіемъ и деньгами простодушныхъ жителей департамента Обѣихъ-Севръ. Нотаріусъ въ свою очередь употреблялъ въ свою пользу дружбу столь злополучнаго принца, но это его не удовлетворяло: онъ вступилъ въ общество носившее названіе *Trois Maries de l'Evangile* (Трехъ евангельскихъ Марій), но вмѣстѣ съ тѣмъ занимался различными выгодными промышленными предпріятіями. Наконецъ онъ открылъ однажды что Вентра — настоящій святой, что его часто посѣщаютъ Св. Михаилъ, Св. Іосифъ, и даже сама Богородица, и что они поручили ему возстановить на престолѣ Лудовика XVII.

Братъ Іоаннъ—такъ назывался нотаріусъ — приступилъ къ дѣлу, собралъ вокругъ себя нѣсколько разстриженныхъ священниковъ, и секта организовалась. Петръ-Михаилъ (то-есть Вентра) былъ ея ораторомъ, и довольно искусно подбирая цитаты изъ разныхъ писателей, и преимущественно изъ Массильйона, проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ, придумалъ особую религію и возвѣщалъ царство Духа Святаго, коего себя объявлялъ мессіей. Весьма почтенные жители Кальвадоса увлеклись новымъ ученіемъ. Главнымъ мѣстомъ собраній былъ желѣзный заводъ Тильи, гдѣ засѣдала *священная седьмица*, къ коей принадлежали два аббата, которымъ Петръ-Михаилъ обѣщалъ митру и кардинальскую шапку, два адвоката, медикъ, токарь, и одна дама носившая названіе *патріархини (la patriarche)*. Эта седьмица подчинена была верховному совѣту, состоявшему изъ Петра-Михаила, бывшаго нотаріуса и его сына. Когда встрѣчалось какое-либо затрудненіе, то прибѣгали къ самому быстрому и вѣрному средству: Петръ-Михаилъ приходилъ въ восторженное состояніе, тотчасъ же являлся Св. Іосифъ, рѣшавшій дѣло, и всякая оппозиція исчезала.

И эта секта, до такой степени нелѣпая, успѣла привлечь къ

себѣ во Франціи, въ 1839 году, до двухъ тысячъ послѣдователей! Она добыла себѣ достаточно денегъ чтобы печатать свои бредни, но это и испортило все дѣло. Займы болѣе или менѣе насильственные обратили на себя вниманіе правосудія, которое отправило въ тюрьму пророка и брата Іоанна. По прошествіи пяти лѣтъ, послѣдній получилъ свободу, и съ трудомъ можно повѣрить что въ то самое время когда его прежніе адепты забыли о немъ и примкнули къ его преемнику, какому-то Поляку, котораго выгнала потомъ полиція, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ набрать себѣ новыхъ послѣдователей, и даже между высшими классами общества. Слухи носятся что новый мессія измѣнилъ свою роль и придумалъ какую-то новую секту еще нелѣпѣе.

Нельзя не подивиться что въ XIX вѣкѣ во Франціи возможны еще подобныя явленія; но книга г. Керара не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ его разказа, который дополненъ исчисленіемъ множества брошюръ изданныхъ по этому предмету.

Въ той же книгѣ находимъ слѣдующій анекдотъ о Наполеонѣ I, по поводу сочиненія Пиго-Лебрёна *Citateur*, направленнаго противъ папства и въ высшей степени запальчиваго. Анекдотъ этотъ сообщенъ очевидцемъ баропомъ де-Поммерёлемъ:

„5го января 1811 года, рано утромъ, императоръ созвалъ государственный совѣтъ. Лицо его пылало гнѣвомъ и члены совѣта, не знавшіе о причинѣ этого, трепетали отъ страха. Вдругъ онъ съ раздраженіемъ обратился къ графу Парталису, который завѣдывалъ дѣлами печати и не сумѣлъ остановить въ Парижѣ обнародованія папскаго бреве относительно кардинала Мори; онъ осыпалъ его упреками и ругательствами, несовсѣмъ приличными въ устахъ императора, и наконецъ вытолкалъ его изъ залы засѣданій. Легко можно себѣ представить какъ опешомлены были всѣ присутствовавшіе. Но къ этой поразительной сценѣ примѣшалось нѣчто весьма забавное. Императоръ, взволнованный произведеннымъ имъ изгнаніемъ, большими шагами расхаживалъ по залѣ совѣта, произносся отрывочныя слова, между которыми повторялось слово *bigot* (ханжа). Слыша это, министръ исповѣданій, г. Биго де-Преаменё, каждый разъ низко кланялся императору, когда тотъ проходилъ мимо его, произнося это слово. Когда гнѣвъ Наполеона укротился, то онъ завелъ рѣчь о смѣщеніи Портали са. Баронъ де-Поммерёль понялъ что такъ какъ онъ принадлежалъ къ философской партіи совѣта, то вслѣдствіе прошедшей реакціи, онъ легко можетъ обратать на себя внима-

ніе своего повелителя. Такъ и случилось; ему тутъ же поручено было завѣдываніе печатью, и дано странное приказаніе—пустить въ публику сто тысячъ экземпляровъ *Citateur*."

V.

Извѣстный историкъ *Цезарей*, графъ де-Шампаньи, издалъ продолженіе своего замѣчательнаго труда, который онъ прежде уже довелъ до смерти Марка Аврелія. Новое сочиненіе носитъ заглавіе: *Les Césars du troisième siècle* (*Цезари третьяго вѣка*) и обнимаетъ періодъ времени отъ смерти Марка Аврелія до вступленія на престолъ Константина Великаго.

Авторъ начинаетъ изложеніемъ царствованія Коммода, открывающаго кровавую эру анархіи, затѣмъ повѣствуетъ о первыхъ военныхъ революціяхъ, о возвышеніи и быстромъ паденіи Пертинакса, о покупкѣ имперіи Дидіемъ Юліаномъ. Въ сжатомъ очеркѣ онъ изображаетъ намъ однообразный рядъ заговоровъ и возмущеній, когда побѣжденные смѣнялись побѣдителями, и ни тѣ ни другіе не возбуждали къ себѣ ни малѣйшаго участія, и когда естественная смерть императора казалась для народа какимъ-то чудомъ. Каждая глава представляетъ полную біографію цезарей того времени: Каракалла, Септимій Северъ, Александръ Северъ, Авреліанъ проходятъ передъ глазами читателя, какъ главныя лица, причемъ г. де-Шампаньи исправляетъ много ошибокъ и ложныхъ сужденій, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ писателей занимавшихся этою эпохой. Замѣчательныя строки посвящаетъ авторъ тогдашнему римскому сенату; онъ ярко выставляетъ эту жалкую пародію на сенатъ древняго Рима, собраніе недостойное, слабое, униженное и раболѣпное, которое императоры сохраняли какъ покорное орудіе, имѣвшее еще нѣкоторое обаяніе для толпы и вносившее безпрекословно въ свои регистры самые возмутительные и нелѣпые декреты. Не менѣе замѣчательны страницы посвященныя авторомъ описанію военной анархіи. Но выше всего та часть его сочиненія гдѣ онъ говоритъ о христіанствѣ и изображаетъ окончательное устройство христіанской церкви. Онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ описываетъ преслѣдованія и ереси удручавшія юную церковь, и какъ бы ощущаетъ безпокойство при видѣ истинной вѣры выдерживающей борьбу съ двумя врагами, изъ коихъ одинъ стремился уничтожить ее матеріальными силами, другой иска-

зить ея чистоту ложными ученіями. Но христіанство не могло погибнуть, и чѣмъ неистовѣе были нападенія тѣмъ блистательнѣе была его побѣда.

„И наконецъ, говоритъ г. де-Шампаньи, въ этой борьбѣ между двумя партіями, изъ коихъ одна наносила смерть, а другая принимала оную, умирающій восторжествовалъ надъ своимъ убійцей. Мечъ раздробился о груди которыя подставлялись подъ его удары. Фактъ единственный въ исторіи міра! Никогда не бывало другаго примѣра, ни столь общаго самоотверженія, ни мужества столь геройскаго, никогда не видано было подобнаго торжества добытаго смертью. Не очевидно ли что эта побѣда надъ всѣми человѣческими силами могла быть только дѣломъ силы божественной? Вопросъ о средствахъ доставлявшихъ торжество христіанству разрѣшаетъ вопросъ о его происхожденіи: оно побѣдило здѣсь потому что исходило свыше. Заключеніе это очевидно, и фактъ на которомъ онъ основывается до такой степени неоспоримъ что еслибъ я пожелалъ доказать его, то мнѣ не нужно было бы посвящать ему столько труда, ни излагать столько историческихъ событій, ни возбуждать столько вопросовъ. Но я имѣлъ въ виду не доказывать истину христіанства, а писалъ для того чтобы поставить на видъ причины заставляющія полюбить его всею душой“.

Вообще можно сказать что г. де-Шампаньи въ своемъ новомъ сочиненіи, также какъ и въ прежнихъ, является самымъ безпристрастнымъ историкомъ Римской имперіи. Въ паденіи языческаго Рима онъ видитъ торжество христіанства и слѣдовательно цивилизаціи. Весьма справедливо замѣтилъ одинъ изъ его критиковъ что до него всѣ писатели видѣли въ послѣднихъ дняхъ Римской имперіи закатъ солнца посреди мрачныхъ тучъ, а г. де-Шампаньи видитъ въ нихъ совершенно основательно первый проблескъ зари прекраснаго дня.

Другое замѣчательное сочиненіе относящееся къ римской исторіи принадлежитъ перу ученаго непремѣннаго секретаря французской Академіи Искусствъ г. Бёле, статьи котораго часто появляются на страницахъ *Revue des deux Mondes*. Оно носитъ заглавіе *Titus et sa dynastie* и служитъ продолженіемъ трудовъ по римской исторіи того же автора, которые самъ онъ называетъ „процессомъ цезарей.“ Послушаемъ что онъ говоритъ о Титѣ, этомъ государѣ котораго намъ представляютъ всегда въ такомъ привлекательномъ видѣ, какъ образецъ кротости и милосердія:

„Титъ назначенный въ соправители Веспасіана не пропускалъ ни одного случая для удовлетворенія корыстолюбія, которое казалось было у него въ крови, и своихъ страстей. Послѣ чудовищной тираніи императоровъ его предшественниковъ, Римлянъ ничѣмъ уже нельзя было удивить. Онъ торговалъ мѣстами и милостями, только за деньги допускалъ къ императору, а такъ какъ поприщемъ его хищеній былъ цѣлый міръ, то онъ вскорѣ собралъ несмѣтное богатство, которое и присоединилъ потомъ къ богатству своего отца. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предавался разврату, воспоминаніе о которомъ въ послѣдствіи императоръ Юліанъ заклеймилъ по заслугамъ; онъ окружилъ себя евнухами и безстыдными людьми, онъ созывалъ самыхъ распутныхъ Римлянъ на ночныя оргіи, которыя отнюдь не противорѣчили его связи съ Вероникой. Кровосмѣшеніе съ Домиціей, женой его брата, дополнило эту развратную жизнь. Жестокость, алчность къ золоту и страсть къ наслажденіямъ идутъ обыкновенно объ руку, и одновременно охватываютъ сердца сильныхъ земли. Титъ не представилъ исключенія изъ этого общаго правила: онъ былъ кровожаденъ, корыстолюбивъ, сладострастенъ, и былъ таковымъ публично, безъ ложнаго стыда и какъ бы выполняя свою обязанность. Веспасіанъ былъ популяренъ и любимъ, тѣмъ болѣе боялись и ненавидѣли его сына. Въ немъ угадывали будущаго Нерона. Никогда чаемый наслѣдникъ престола не пользовался бо́льшимъ могуществомъ, и никогда не возбуждалъ къ себѣ такой ненависти своихъ будущихъ подданныхъ. Но за то, когда отецъ его умеръ, то онъ не вступилъ на тронъ, а остался занимать его попрежнему. Не было ни перехода, ни потрясенія. Онъ только продолжалъ царствовать.“

Тогда совершилось необыкновенное явленіе. Не мало примѣровъ что наслѣдники престола скрываютъ свои недостатки и дурныя наклонности, выказываютъ любовь къ добродѣтели и къ справедливости, но по вступленіи на престолъ забываютъ данныя обѣщанія и думаютъ только о себѣ. Титъ извратилъ эту роль, и поведеніе его въ этомъ случаѣ до сихъ поръ еще составляетъ загадку. Принимая корону, Титъ имѣлъ уже 38 лѣтъ отъ роду, привыкъ уже къ власти, понималъ ходъ дѣлъ, пресытился величіемъ. Значитъ, онъ не могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ неожиданнаго увлеченія; очевидно онъ въ эту минуту надѣлъ или сбросилъ маску: или пороки его были дѣломъ разчета, или добрыя качества его были притворствомъ. Когда же онъ притворялся—до вступленія своего на престолъ или потомъ? Который изъ двухъ характеровъ былъ въ его натурѣ? Г. Бёле, не обинуясь, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ что Титъ несомнѣнно былъ кротокъ и добръ и что одно только честолю-

бiе побудило его принять на себя ту роль которую онъ разыгрывалъ когда былъ наслѣдникомъ престола и которую оставилъ сдѣлавшись императоромъ. „Счастiе быть всѣми любимымъ, послѣ той ненависти которую онъ возбуждалъ къ себѣ, превзошло его ожиданiя. Натура Тита, долгое время насилуемая, отмстила за себя: то что было прежде разчетомъ стало серiознымъ увлеченiемъ; императоръ не зналъ никакой мѣры—то была безпрерывная оргiя доброты и щедрости“....

Послѣ Тита вступилъ на престолъ Домицiанъ, одинъ изъ ужаснѣйшихъ римскихъ тирановъ, и съ нимъ исчезла династiя основанная съ такими усилiями Титомъ; послѣ 27ми лѣтняго бытiя, она угасла посреди потоковъ крови. Вотъ какимъ образомъ г. Бёле характеризуетъ дѣятельность Тита:

„Веспасiану служитъ извиненiемъ то что онъ не добивался порфиры; но Титъ стремился къ ней съ неистовою страстью и что же онъ сдѣлалъ чтобы заслужить ее? Онъ создалъ себѣ роль и хорошо разыгралъ ону, принявъ за образецъ самого основателя имперiи :онъ не создалъ никакой новой системы, ни даже никакого новаго учрежденiя. Какъ настоящiй эгоистъ, онъ считалъ дозволенными всѣ средства для удовлетворенiя своего честолюбiя. Онъ то поражалъ, то ласкалъ людей не для того чтобы ихъ исправить или сдѣлать лучшими; онъ поражалъ ихъ для того чтобы казаться сильнымъ, и ласкалъ для того чтобъ ихъ обезоружить. До тѣхъ поръ пока того требовали его личные интересы, онъ былъ жестокъ, дерзокъ, жаденъ, хладнокровно разчитывая сколько могущества доставятъ ему преступленiя, на сколько утонченный развратъ усилитъ его обаяniе, и какiя средства доставитъ ему грабежъ; онъ укрывался за отвѣтственностью другаго. Какъ только онъ почувствовалъ одного себя отвѣтственнымъ, онъ сталъ льстить толпѣ и сдѣлался служителемъ ея удовольствiй. Кротость одинаковая для всѣхъ, щедрость безъ различiя, снисходительность, которая успокоивала дурныхъ людей болѣе чѣмъ честныхъ, безумные расходы, раздача денегъ, нескончаемыя празднества, какъ будто поглощавшiя все царствованiе, все это для такого развращеннаго народа какъ Римляне было новымъ источникомъ разврата. Неистощимая доброта императора доходила на слабость отца семейства, прощающаго своимъ дѣтямъ все на свѣтѣ, лишь бы они любили его. На добротѣ нельзя ничего основать. Доброта есть случайность, такъ какъ злость есть болѣзнь: ни та, ни другая не могутъ быть наслѣдственными, онѣ даже непостоянны въ одномъ и томъ же государѣ.... Еслибы Титъ имѣлъ къ своему народу менѣе своекорыстную любовь, то онъ болѣе озаботился бы его будущностью. Онъ зналъ Домицiана, онъ понималъ его энергическую и безпокойную душу, и вѣроятно угадывалъ въ немъ тирана. Онъ ничего

не сдѣлалъ чтобы предохранить Римъ отъ его тиранiи, подобно Августу утѣшался эгоистическою мыслью что оставляетъ преемника который заставитъ сильнѣе пожалѣть о немъ, и не понималъ что Домицiанъ пребудетъ навсегда живымъ для него укоромъ. Правленiе его было господствомъ произвола; родъ его ничего не явилъ міру кромѣ нѣсколькихъ дней кротости, изглаженныхъ вскорѣ изъ памяти кровавыми неистовствами. Фамилiя Флавiевъ просто-на-просто воспользовалась системой основанною въ пользу фамилiи Юлiи; она усвоила себѣ тлетворное могущество, которое вообразило могуществомъ боговъ; она вела людей какъ покорное стадо. Стадо было разсѣяно; она дала ему возможность сомкнуться снова, чтобы разсѣять его въ свою очередь. Титъ надѣлилъ до излишества своихъ подданныхъ милостынями, банями и зрѣлищами; онъ не далъ имъ ни правильной свободы, ни законныхъ средствъ къ защитѣ, ни тѣни какой-либо гарантiи для будущаго. Итакъ, онъ былъ только авантюристомъ на тронѣ, какъ отецъ его былъ выходцемъ, братъ узурпаторомъ. Ни одинъ изъ нихъ не основалъ ничего что бы могло возстановить и укрѣпить ихъ отечество. Они не имѣли никакой политической идеи и стремились только къ наслажденiямъ. Если народъ до такой степени унизился что не можетъ требовать своихъ правъ, то и тогда справедливость дѣйствуетъ помимо его воли и отмщаетъ за него: всякая династiя безъ принциповъ есть мертвая, и первая буря унесетъ ее, какъ листокъ до времени высохшiй".

Альфонсъ Эскиросъ, авторъ многихъ замѣчательныхъ этюдовъ англiйской жизни, издалъ нынѣ любопытную книгу *L'Emile du dix-neuvième siècle*, имѣющую цѣлью, подобно извѣстному *Эмилю* Руссо, высказать нѣсколько мыслей о воспитанiи. Авторъ и въ этомъ сочиненiи обращается, съ отличающею всѣ его труды любовью, къ англiйскимъ учрежденiямъ, къ изученiю семейной жизни и первоначальныхъ школъ Англiи, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнiя объ образцовомъ устройствѣ англiйскихъ *дѣтскихъ*, обнаруживая при этомъ такое знанiе дѣла которое, по словамъ его лондонскихъ критиковъ, рѣдко и у многихъ матерей Англичанокъ; онъ слѣдитъ за воспитанiемъ мальчика въ школѣ и даже, бѣгло озирая годы его возмужалости, доводитъ его до брака. Избѣгая сухости изложенiя, которая могла бы отвратить многихъ отъ чтенiя его книги, авторъ избралъ почти романическую форму разказа, разнообразя ее время отъ времени перепиской между дѣйствующими лицами; онъ даже ввелъ въ свой трудъ обычную любовную завязку, благополучно разрѣшающуюся въ концѣ. Эта легкая форма дала ему возможность свободно

высказывать различныя мысли и соображенія, проникнутыя желаніемъ перерожденія французскаго общества. Исполненный недовольства и скорби надъ паденіемъ родной жизни, онъ ищетъ спасенія въ заимствованіяхъ у Англіи, такъ точно какъ другіе его современники обращаютъ свои взоры за море и ищутъ поученія въ американской жизни. Главнѣйшій упрекъ, который ему дѣлаетъ критика, состоитъ въ излишнемъ, хотя и извинительномъ пристрастіи къ формамъ англійской жизни.

Молодой французскій ученый Огюстъ Браше (Brachet) издалъ прекрасный и обширный этимологическій словарь французскаго языка (*Dictionnaire étymologique de la langue Française*). Этотъ трудъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ замѣчательнымъ работамъ Литтре и Дица по французской этимологіи. Онъ имѣетъ цѣлью показать повинуясь какимъ законамъ латинскій языкъ постепенно принималъ формы французской рѣчи. Настоящее сочиненіе г. Браше тѣсно связано съ его *Историческою грамматикой французскаго языка*, сразу доставившею ему извѣстность. Въ ней онъ прослѣдилъ исторію развитія грамматическихъ формъ роднаго языка: въ настоящее время онъ какъ бы дополняетъ ее этимологическою исторіей отдѣльныхъ словъ. Книгѣ его предпослано интересное предисловіе, написанное г. Эмилемъ Эггеромъ, членомъ французскаго Института. Въ предисловіи сдѣланъ общій обзоръ исторіи лингвистики во Франціи. Въ хаосъ этимологическихъ теорій прошлаго вѣка внесена была нѣкоторая стройность статьей г. Тюрго объ этимологіи въ знаменитой *Энциклопедіи*. Развитіе занятій санскритомъ дало новую силу изысканіямъ на этомъ поприщѣ. Слѣдуя за работами нѣмецкихъ филологовъ, Ренуаръ положилъ начало цѣлому ряду изслѣдованій, издавъ въ 1821 году свою *Grammaire comparée des langues latines d'Europe*. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ дѣятельность знаменитаго Бюрнуфа, его курсъ, читанный въ *Ecole normale*, труды Ампера, Форіеля, Фортуля, Полена Пари и Литтре привели, наконецъ, къ дѣятельной разработкѣ науки цѣлымъ кружкомъ молодыхъ тружениковъ, однимъ изъ лучшихъ представителей котораго служитъ авторъ новаго *Словаря*.

Большое впечатлѣніе во Франціи произвела вышедшая въ іюнѣ нынѣшняго года книга покойнаго герцога де-Брольи

подъ заглавіемъ: *Vues sur le gouvernement de France*, и она обязана этимъ, какъ имени автора, такъ и той участи которая постигла ее до появленія въ свѣтъ. Въ 1861 году, рукопись этой книги, даже не назначавшаяся для печати, возбудила подозрѣнія правительства и захвачена была у литографа, которому покойный де-Брольи поручилъ оттиснуть ее собственно для себя. Слѣдственный судья которому поручено было изслѣдованіе этого дѣла не нашелъ въ рукописи ничего противузаконнаго и возвратилъ ее автору. Сынъ покойнаго, г. Альбертъ де-Брольи, издалъ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по смерти своего отца, его книгу, и публика къ удивленію своему увидѣла что въ ней заключались предвѣщанія событій совершающихся во Франціи въ настоящее время, и что десяти лѣтъ было достаточно для осуществленія того что казалось тогда опаснымъ мечтаніемъ. Вотъ что писалъ онъ въ ту минуту когда личное правительство стояло на высотѣ своего могущества и либеральная Франція считала дѣло свое потеряннымъ:

„Если настоящее настроеніе умовъ должно продолжаться, если оно, послѣ столькихъ треволненій, должно сдѣлаться постояннымъ положеніемъ нашей страны, если Франція 1789 и 1830 годовъ, перешедши 1848, должна остановиться на 1852, если мы на будущее время должны считать своею исходною точкой эту злополучную эпоху, то намъ и говорить нечего; тогда пусть настоящее сочиненіе предано будетъ забвенію вмѣстѣ съ честью нашего прошедшаго, съ именемъ нашихъ отцевъ, съ ихъ трудами и надеждами.

„Lasciate ogni speranza, voi ch'intrate.

„Но не дай Богъ чтобы такъ случилось! Какова бы ни была ожидающая насъ будущность, не станемъ предаваться отчаянію! *Намъ остается надежда.* Надежда есть гражданская добродѣтель, также и добродѣтель богословская. Ее обязанъ хранить въ душѣ гражданинъ такъ же какъ и христіанинъ. *Намъ остается надежда и даже близкая*; ибо если правда что крайности сходятся, то мы должны вскорѣ коснуться крайности свободы“....

Вотъ что говорилъ въ 1860 году одинъ изъ лучшихъ людей Франціи, наиболѣе пораженный во всѣхъ своихъ чувствахъ и убѣжденіяхъ тогдашнимъ порядкомъ вещей. На чемъ же основывалъ онъ свои надежды? Ужели на людяхъ управлявшихъ тогда Франціей? Нѣтъ, онъ былъ убѣжденъ что они уступятъ только настоятельному требованію общественнаго мнѣнія, но что они уступятъ наконецъ ему, какъ бы они могуществен-

ны и упорны ни были. Въ этомъ заключалось его политическое вѣрованіе. Послушаемъ что̀ онъ говоритъ далѣе:

„Новая имперія сохраняетъ свободу печати. Она сохраняетъ ее *въ принципѣ*, предоставляя себѣ право стѣснять ее преградами, отдавать ее въ руки полиціи, загромождать ее грозными формальностями, которыя въ настоящую минуту (1860) заставили бы съ сожалѣніемъ вспомнить о цензурѣ. Въ настоящую минуту.... Но терпѣніе! пусть поднимется вѣтеръ либеральной реакціи,—а рано или поздно онъ все-таки поднимется, и чѣмъ позже, тѣмъ онъ будетъ сильнѣе; пусть онъ пахнетъ на эту паутину; *пусть только печать снова найдетъ себѣ опору въ общественномъ мнѣніи*, пусть только въ сердце къ ней возвратится нѣсколько пламени, нѣсколько увлеченія и надежды, и тогда наступитъ ея торжество! Пусть только отростутъ волосы у Самсона, онъ разорветъ новыя веревки Филистимлянъ, сорветъ ворота Газы и взвалитъ ихъ себѣ на плечи.

„Чѣмъ болѣе вдумываешься въ свойства и условія этого учрежденія, такъ называемаго монархическаго, конституціоннаго и консервативнаго, налагаемаго на насъ силой вещей можетъ-быть гораздо болѣе чѣмъ волей одного человѣка, тѣмъ болѣе убѣждаешься *что оно не опирается ни на что̀ и что у него нѣтъ будущности*, что основанное исключительно на утопіи постояннаго внутренняго мира, на всеобщемъ и безкорыстномъ самоотверженіи, на полномъ и вѣчномъ согласіи между общественными властями, между властью и публикой, оно можетъ пасть отъ перваго камня преткновенія; если при наступленіи первой грозы, первыхъ серіозныхъ затрудненій, перваго переворота фортуны, *глава государства не будетъ имѣть благоразумія сдѣлать заранѣе и изъ предусмотрительности* то что̀ первый императоръ сдѣлалъ только по необходимости, и въ послѣднюю минуту; если онъ не сложетъ новую *конституцію имперіи* въ склепъ, гдѣ хранятся прочія, если онъ не послѣшитъ замѣнить ее *добавочнымъ актомъ*, задуманнымъ по плану и принципамъ совершенно отличнымъ, чтобы не сказать противуположнымъ, то мы на всѣхъ парусахъ полетимъ къ революціи; мы увидимъ что это вавилонское столпотвореніе рухнетъ въ свою очередь, вслѣдствіе смѣшенія языковъ, раздора и разсѣянія рабочихъ его воздвигнувшихъ. Когда мы дойдемъ до этого, — говоря *мы*, я разумѣю конечно Францію, страну именемъ которой будутъ дѣйствовать тѣ что̀ станутъ распоряжаться нашими судьбами, ибо тутъ не можетъ быть рѣчи о какой-либо политической партіи или какой-либо королевской фамиліи, — когда мы дойдемъ до этого, что̀ же будемъ дѣлать тогда, предполагая даже что люди разумные, добрые граждане и истинные друзья націи въ состояніи будутъ сдѣлать что-нибудь?

Выписываемъ еще изъ сочиненія герцога де-Брольи слѣдующее сужденіе его о свободѣ печати:

„На ярмарочныхъ подмосткахъ въ старое доброе время, когда хорошій тонъ не преграждалъ къ нимъ доступа, появлялся арлекинъ, раздававшій дѣтямъ флейты, трубы, тамбурины и приговаривавшій: „Забавляйтесь, милыя дѣти, но только не шумите“.

„Арлекинъ этотъ—законодатель, имѣющій претензію ввести въ своей странѣ свободу печати, настоящую свободу, и между тѣмъ ограничивающій ее предѣлами приличія, справедливости и разума. Употреблять во зло можно все на свѣтѣ, все и употребляется во зло болѣе или менѣе; свободенъ логически и *de facto* только тотъ кто можетъ все употреблять во зло; и обыкновенно уголовное законодательство предупреждаетъ злоупотребленіе, наказывая оное по мѣрѣ учиненнаго имъ вреда. Но злоупотребленіе печати не имѣетъ другихъ границъ кромѣ бумаги; по самому свойству своему, печать съ самаго начала дѣлаетъ отчаянный скачокъ, доходитъ до крайности и упорно остается на ней; по самому свойству своему, она гораздо болѣе нападаетъ на хорошее, чѣмъ на дурное, на лицъ достойныхъ уваженія болѣе чѣмъ на тѣхъ которыя этого уваженія не заслуживаютъ. Разказываютъ что одинъ греческій живописецъ созвалъ къ себѣ друзей чтобы показать имъ одну изъ своихъ картинъ. „*Отдерни занавѣсъ*,“ сказали они ему.—„*Занавѣсъ и есть картина*“, отвѣчалъ живописецъ. Въ дѣлѣ печати злоупотребленіе, крайнее злоупотребленіе и есть самая суть дѣла, и кара надъ нимъ большею частью бываетъ призрачная. Кто этого не знаетъ и требуетъ свободы печати, тотъ самъ не знаетъ что онъ хочетъ; а кто не знаетъ этого вводитъ ее тотъ не понимаетъ самъ что онъ дѣлаетъ.

„Итакъ, вопросъ не въ томъ какой системой предосторожностей и кары слѣдуетъ руководиться для устраненія опасностей и проступковъ свободы печати,—все это мечты утописта, попытки новичка; вопросъ въ томъ, если печать дѣйствительно то что она есть, привилегированная куртизанка (*chartered libertine*, какъ называлъ ее лордъ Чатамъ), если свобода ея, доведенная до крайности, большею частью безнаказанная, никогда не подвергаемая серіозной карѣ, дозволяетъ себѣ всяческія злоупотребленія, то лучше ли система свободы, несмотря на все это, системы противуположной?

„*На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ, не колеблясь, да, тысячу разъ да*; и по самой простой причинѣ: безъ свободы печати нѣтъ политической свободы. Развязывая языкъ, невозможно связывать перо; поработить тотъ или другое можно только при соучастіи страха публики и ея низости, той *abjecta servientium patientia*, которая наполняла отвращеніемъ душу Тиберія.

„Къ тому же безмолвіе уже несвойственно этому міру. Свобода печати всегда существуетъ для кого-нибудь и для чего-

нибудь. Если не для всѣхъ, то для сильнѣйшаго, для его орудій и слугъ, если не въ перемежку для добра и зла, то для одного зла исключительно. „Я предпочитаю, говорилъ одинъ государственный человѣкъ, систему гдѣ осыпаютъ клеветами добродѣтель той гдѣ охраняютъ и прославляютъ пороки".

„Итакъ, необходима свобода печати, *полная и неограниченная*, для памфлетовъ, какъ и для книгъ, для журналовъ, какъ и для памфлетовъ, для ежедневныхъ газетъ, какъ и для еженедѣльныхъ изданій. *Необходимо чтобы правящіе и управляемые привыкли къ ней какъ привыкаютъ къ перемѣнамъ погоды*, къ зною и холоду, къ вёдру и непастью; чтобъ они нѣкоторымъ образомъ вдыхали ее въ себя, какъ вдыхаютъ на воздухѣ. не замѣчая того, всякаго рода міазмы, какъ проглатываютъ въ ложкѣ воды милліоны мелкихъ животныхъ. Необходимо чтобъ обычныя увлеченія печати находили себѣ противоядіе въ презрѣніи ими внушаемомъ, въ равнодушіи общественныхъ дѣятелей и здравомыслящихъ людей; сдерживать ихъ должно весьма рѣдко, когда мѣра переполнится, когда негодованіе становится общимъ, когда публика, настоящая публика, требуетъ возмездія.

„Въ такомъ-то смыслѣ, въ виду такихъ идей, подъ вліяніемъ такихъ соображеній должно быть предпринимаемо и составляемо всякое законодательство о печати. Оно должно рѣшительно стремиться къ двоякой цѣли—чтобы преслѣдованія начинались какъ можно рѣже и чтобы кара была какъ можно вѣрнѣе, чтобы пріучить къ огню всякаго кто долженъ выдерживать его естественно или случайно, и если ему приходится въ послѣднюю минуту отвѣчать ударомъ за ударъ, то поставить его въ положеніе неприступное, дабы сдѣлать его защитникомъ *не самого себя*, а защитникомъ общества, нравственности и справедливости.

VI.

Военная исторія Франціи обогатилась двумя появившимися въ послѣднее время сочиненіями возбудившими общее вниманіе публики. Сочиненія эти: *Compagnies de l'armée d'Afrique par le duc d'Orléans, publiées par ses fils*, и *Waterloo, étude de la campagne de 1815, par le lieutenant-colonel prince Edouard de la Tour d'Auvergne.*

Первое изъ этихъ сочиненій есть разказъ написанный самимъ герцогомъ Орлеанскимъ объ его походахъ въ Алжирію, и изданный его сыновьями, графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ. Предисловіе къ этой книгѣ излагаетъ взглядъ издателей на алжирскіе походы; вотъ что въ немъ говорится между прочимъ:

„Завоеваніе Алжиріи составляетъ интересный эпизодъ въ нашей обильной событіями военной исторіи. Оно не можетъ

сравниться съ великими военными драмами республики и первой имперіи, съ битвами, театромъ которыхъ въ наше время были Крымъ и Италія, но оно имѣло большое вліяніе на характеръ нашей арміи, и оставило въ преданіяхъ нашихъ славное воспоминаніе. Африканская армія пріобрѣла въ этой столь новой войнѣ драгоцѣнную опытность; главнымъ образомъ она явила собою примѣръ всѣхъ военныхъ доблестей, и заслужила тѣмъ мѣсто наряду съ тѣми арміями, преданными, скромными и честными, которыя составляли славу Франціи въ истинно геройскія эпохи ея исторіи".

Герцогъ Орлеанскій отправился въ Алжирію въ 1835 году и началъ свое боевое поприще маскарскою экспедиціей подъ начальствомъ маршала Клозеля; герцогъ участвовалъ въ этой войнѣ до 1839 года и отличился храбростью при Тлемсенѣ, Тафнѣ, Константинѣ и при Желѣзныхъ Воротахъ. Герцогъ Шартрскій изложилъ въ краткомъ очеркѣ исторію алжирской войны съ 1830 до 1835 года и представилъ положеніе колоніи въ ту минуту когда туда прибылъ его отецъ; затѣмъ уже идетъ разказъ самого герцога Орлеанскаго. Вся книга проникнута горячимъ сочувствіемъ къ дѣлу; вы понимаете что драму войны излагаетъ человѣкъ игравшій въ ней не послѣднюю роль и читаете ее все съ возрастающимъ интересомъ. Нѣкоторыя мѣста отличаются неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ; для образца мы представимъ повѣствованіе автора о взятіи Константины, имѣвшемъ, какъ извѣстно, рѣшительное вліяніе на покореніе Алжиріи.

„Полковникъ Комбъ полагаетъ конецъ всякому колебанію и возобновляетъ наступленіе, приказавъ стрѣлкамъ 47 полка взять сильныя баррикады на улицѣ Рынка, настоящемъ стратегическомъ пути во внутренность Константины. Подкрѣпленія отправлены въ городъ, постепенно и малыми колоннами, такъ чтобы пополнять убыль не загромождая мѣстности. Крикъ: „на штыки" увлекаетъ солдатъ всѣхъ отрядовъ; походъ бьютъ съ неистовствомъ; на бивакахъ арміи его повторяютъ разомъ всѣ барабаны и трубы, какъ бы очарованные неудержимымъ увлеченіемъ. Мусульмане отступаютъ, но въ эту рѣшительную минуту полковникъ Комбъ пораженъ двумя пулями въ самую грудь. Онъ отдаетъ послѣднія приказанія, потомъ подходитъ къ батареѣ на бреши, и стоя прямо съ поднятою шпагой доноситъ генералу Вале и герцогу Немурскому о положеніи битвы. „Тѣ кто не ранены смертельно, присовокупляетъ онъ, въ состояніи будутъ порадоваться такому успѣху; что же до меня касается, то я счастливъ что могъ сдѣлать еще что-нибудь для короля и для Франціи." Спокойный и хладнокровный, онъ пробирается въ свой бивакъ, ложится тамъ и умп-

раетъ. Отсутствіе его не останавливаетъ успѣха атаки: низшіе офицеры и солдаты предоставленные самимъ себѣ продолжаютъ мужественно и разумно одно изъ тѣхъ сраженій посреди городскихъ стѣнъ къ которымъ, по сознанію всѣхъ писателей, Французы необыкновенно способны. Эта Сарагосса въ маломъ видѣ, ибо здѣсь, какъ и въ Сарагоссѣ, защитники многочисленнѣе нападающихъ. Мелкія колонны, предводимыя инженерными офицерами и унтеръ-офицерами, пробираются въ этотъ лабиринтъ извилистыхъ и грязныхъ улицъ изъ коихъ состоитъ Константина. Вооруженные топорами и лѣстницами наскоро сдѣланными изъ повозокъ они осаждаютъ одинъ за другимъ отдѣльные дома безъ террассъ и раздѣленные маленькими двориками удобными для защиты, и прыгаютъ на кровли тѣхъ которые они не могли взять чрезъ двери. Послѣднее значительное усиліе было употреблено противъ казармы янычаръ, большаго трехъ-этажнаго зданія съ бойницами, построеннаго на валу, направо отъ бреши, гдѣ Турки и Кабилы защищались съ ожесточеніемъ....

„Безоружные люди съ бѣлою бумагой на концѣ палки являются къ генералу Рюльеру, поправляющему передовыхъ стрѣлковъ, и просятъ у него мира. Генералъ тотчасъ же поднимается къ Казбаху, чтобы воспрепятствовать тамошнему гарнизону продолжать сраженіе. Сопротивленіе сломано, оба кади тяжело ранены; кандъ-эдъ-даръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, вѣрный клятвѣ не пережить паденія Константины. Сынъ Бенъ-Агиссы, получившій четыре раны, увлекаетъ на брешь отца своего, удрученнаго горемъ; остатки канониpовъ и ополченія слѣдуютъ за нимъ. Самые рѣшительные изъ защитниковъ, которые до конца надѣялись на успѣхъ и не удалили ни женъ своихъ, ни дѣтей, собравшись въ Казбахъ и не разчитывая на великодушіе, къ которому они сами были бы неспособны, стараются спуститься по веревкамъ съ высоты вертикальныхъ скатовъ, воздымающихся на 400 футовъ надъ мрачною пропастью, гдѣ протекаетъ Руммель. Задніе толкаютъ переднихъ, и тѣ скатываются въ бездну; образуется страшный человѣческій каскадъ и болѣе 200 труповъ падаютъ къ подножію скалы, оставляя на всѣхъ ребрахъ ея куски мяса. Въ девять часовъ утра Константина взята, послѣ двухчасовой яростной схватки; солдаты взбираются на всѣ зданія и, обращаясь къ арміи любующейся ихъ подвигами, возвѣщаютъ о торжествѣ своемъ единодушнымъ крикомъ: *да здравствуетъ король!*“

Книга г. де-Латуръ д’Оверня относится, какъ показываетъ ея заглавіе, къ кампаніи 1815 года, описаніемъ которой занималось такое множество историковъ что исчисленіе ихъ могло бы занять цѣлыя страницы. Изъ Нѣмцевъ ее излагали между прочимъ съ прусской точки зрѣнія Мюфлингъ, Дамитцъ,

Плато, Клаузевицъ, Ванперъ, изъ Англичанъ Гуперъ, Сиборнъ и Чезни (Chesney), изъ Бельгійцевъ Бріальмонъ и ванъ-Лёбенъ Сельсъ, наконецъ изъ Французовъ, особенно многочисленныхъ, назовемъ три имени пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ,—Тьеръ, Кине и Шаррасъ. Всѣ они отвѣчаютъ различно на разсматриваемый ими вопросъ: кому принадлежитъ честь побѣды при Ватерлоо и кто виновенъ въ пораженіи Французовъ. Англійскіе историки, за исключеніемъ Чезни, приписываютъ всю честь побѣды и весь успѣхъ кампаніи герцогу Веллингтону, котораго они выставляютъ величайшимъ полководцемъ своего времени, сокрушившимъ военную славу Наполеона; по ихъ словамъ, Французы уже были разбиты, и Пруссаки подоспѣли только чтобы ломочь ихъ преслѣдованію. Прусскіе писатели, съ своей стороны, приписываютъ весь успѣхъ побѣды при Ватерлоо Блюхеру, что̀ и повело къ продолжительной и ожесточенной полемикѣ между англійскими и нѣмецкими историками.

Во Франціи вопросъ этотъ разсматривался конечно совершенно съ иной точки зрѣнія. Ни мало не заботясь о томъ кому принадлежитъ честь побѣды, французскіе историки занимались тщательнымъ изслѣдованіемъ кто былъ виновникомъ пораженія французской арміи. Самъ Наполеонъ I составилъ на островѣ св. Елены совершенно сказочный разказъ о кампаніи 1815 года; въ немъ перемѣшаны событія, дни, часы, придуманы небывалые приказы и инструкціи. По этимъ разказамъ, появившимся сначала подъ именемъ генерала Гурго, а потомъ вошедшимъ въ 8 и 9 томы *Mémorial de Ste Hélène*, Наполеонъ никогда не обнаруживалъ такой дѣятельности, прозорливости, военнаго искусства, какъ во время кампаніи 1815 года; всѣ ошибки, которыя привели къ бѣдственному результату кампаніи, падаютъ-де на его генераловъ, а именно: д'Эрлона, Нея и Груши, котораго Наполеонъ прямо называетъ измѣнникомъ, на томъ основаніи что онъ не исполнилъ будто бы приказанія посланнаго къ нему вечеромъ съ 17го на 18е іюня и потомъ вторично въ 3 часа утра занять мѣстность Шапель-сенъ-Ламберъ. Разказы эти въ продолженіи сорока лѣтъ считались во Франціи непререкаемою истиной. Въ 20 томѣ своей *Исторіи Консульства и Имперіи*, Тьеръ переработалъ ихъ въ настоящій романъ. Повѣствованіе это, сдѣлавшееся популярнымъ во Франціи, благодаря Тьеру, и принятое въ школахъ, какъ „исторія“ кампаніи 1815 года, вызвало энер-

гическій протестъ за границей. Разоблаченіе этихъ вымысловъ и возстановленіе исторіи Франціи 1815 года въ настоящемъ ея видѣ принадлежитъ полковнику Шаррасу который въ своемъ превосходномъ сочиненіи о войнахъ въ Германіи доказалъ неопровержимо, между прочимъ, что упомянутой делеши послано не было. Еще прежде Шарраса, Эдгаръ Кине сильно поколебалъ довѣріе публики къ подлинности разказовъ узника Св. Елены.

Исторія Шарраса вообще вызвала мало возраженій, да и не могла вызвать ихъ, потому что вся основана на достовѣрныхъ документахъ; Чезни, лучшій изъ англійскихъ историковъ 1815 года, почти вполнѣ включилъ ее въ ту часть своей книги которая посвящена Франціи. Настоящая книга г. де-Латуръ д'Оверня есть первая попытка опровергнуть означенныя данныя, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ пунктамъ, и вслѣдствіе этого она обратила на себя довольно большое вниманіе во Франціи, гдѣ по истеченіи 55 лѣтъ, интересъ къ означенному вопросу далеко не исчезъ. Болѣе всего замѣчательно что новый историкъ 1815 года не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки подтвердить истину наполеоновскаго повѣствованія въ *Mémorial de Ste Hélène*, и основанной на немъ исторіи Тьера Онъ прямо говоритъ въ своемъ предисловіи что разказъ Наполеона содержитъ въ себѣ много „важныхъ ошибокъ“, къ числу которыхъ принадлежатъ невѣрные разказы о дѣйствіяхъ Нея и Груши. Авторъ, ревностный и восторженный поклонникъ своего героя, ни слова не говоритъ въ его оправданіе по этому пункту. Онъ пытается только доказать что и Шаррасъ съ своей стороны зашелъ слишкомъ далеко въ обвиненіяхъ Наполеона, что стратегическія движенія послѣдняго безукоризненны, и что причиной пораженія его было неповиновеніе Груши и неумѣнье этого маршала выполнить какъ слѣдуетъ повелѣнія императора.

Вотъ еще новая книга относящаяся къ военной исторіи Франціи: *Le général Vandamme et sa correspondance*, сочиненіе г. А. дю-Касса. Авторъ воспользовался многочисленными документами бывшими у него подъ рукой, и воспроизвелъ яркими чертами личность Вандамма, одного изъ замѣчательныхъ военныхъ дѣятелей временъ революціи и первой имперіи. Наиболѣе интересная часть этой книги—первые годы дѣятельности Вандамма, причемъ авторъ обрисовываетъ положеніе въ какомъ находились генералы республики „единой и нераздѣльной“.

Вандаммъ родился 5го ноября 1770 года въ Кассель (въ сѣверномъ департаментѣ), гдѣ отецъ его былъ врачомъ; пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ военную школу, гдѣ выказалъ необыкновенныя способности, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой неукротимый характеръ что родители его, страшась за его будущность, побудили его вступить солдатомъ въ колоніальный полкъ въ Мартиникѣ. Его скоро произвели тамъ въ унтеръ-офицеры, но онъ оставилъ полкъ въ 1790 году и послѣшилъ во Францію, куда привлекало его революціонное движеніе, все болѣе и болѣе охватывавшее его отечество. По возвращеніи въ Кассель, Вандаммъ избранъ былъ капитаномъ тамошней національной гвардіи, но такое положеніе было не по его характеру, и онъ скоро записался въ 94й линейный полкъ. Генералъ де-Лабурдонне, начальствовавшій тогда войсками въ Лиллѣ, зналъ его семейство и задумалъ воспользоваться способностями молодаго Вандамма; 25го августа 1792 года онъ поручилъ ему составить роту стрѣлковъ-волонтеровъ, причемъ ему данъ былъ чинъ капитана, съ правомъ самому назначать своихъ офицеровъ. Вандаммъ собралъ сто сорокъ человѣкъ отчаянныхъ храбрецовъ, которые сначала составляли отдѣльный отрядъ, потомъ вошли въ составъ бригады Бернерона, съ которою Вандаммъ и сдѣлалъ голландскую кампанію. Тамъ, въ сраженіи при Гондшоотенѣ, во главѣ отряда въ 4.300 человѣкъ, онъ оказалъ чудеса храбрости, упрочившія его военную релутацію, и по представленію главнокомандующаго, генерала Гушара, получилъ чинъ бригаднаго генерала на 23мъ году отъ роду и назначенъ комендантомъ Дюнкирхена и начальникомъ войскъ составлявшихъ гарнизонъ этой крѣпости. Оттуда онъ тотчасъ же направилъ экспедицію противъ города Фюрна (близъ Дюнкирхена, почти на берегу моря), откуда вытѣснилъ непріятеля. Успѣхъ этотъ воспламенилъ его республиканскую ревность; въ своемъ донесеніи, онъ говоритъ „о гнусныхъ рабахъ, сокрушенныхъ мужествомъ республиканцевъ“, и возвѣщаетъ о предстоящемъ въ самомъ скоромъ времени „окончательномъ истребленіи тирановъ“. Онъ велѣлъ разстрѣлять безъ суда нѣсколькихъ эмигрантовъ, ограбилъ городъ и обложилъ его тяжкою контрибуціей. Поступковъ этихъ оправдать невозможно, но слѣдуетъ припомнить что генералу виновному въ нихъ не было еще 23 лѣтъ, и что онъ представлялъ собою типъ неукротимаго республиканца, какихъ тогда много было во Франціи. При осадѣ Ніёпорта (недале-

ко отъ Фюрна), онъ потерпѣлъ первую неудачу, а такъ какъ за неудачи революціонное правительство расправлялось очень быстро, то дивизіонный генералъ Сугенъ, начальникъ Вандамма, сложилъ голову на гильйотинѣ, но самъ Вандаммъ отдѣлался тѣмъ что у него отняли бригаду, а его самого посадили подъ арестъ. Вскорѣ потомъ онъ подалъ жалобу комитету общественной безопасности съ исчисленіемъ своихъ заслугъ, и ему дана была снова бригада въ сѣверной арміи, въ дивизіи Феррана. Особенныхъ подвиговъ тамъ совершить не было случая; къ тому же Вандаммъ нажилъ себѣ много враговъ своимъ неукротимымъ характеромъ. Характеръ этотъ и республиканскія убѣжденія онъ сохранилъ всю свою жизнь, такъ же какъ и страсть къ военному дѣлу. Онъ участвовалъ съ обычною храбростью во многихъ походахъ Наполеона, который цѣнилъ его заслуги, и въ 1808 году далъ ему графское достоинство, причемъ онъ получилъ собственноручныя поздравленія отъ королей Голландскаго, Виртембергскаго и Вестфальскаго. Въ Касселѣ, гдѣ онъ состоялъ главнокомандующимъ французскаго войска, онъ пользовался общимъ уваженіемъ, но это не мѣшало ему поступать своевольно. Раздраженный дурнымъ управленіемъ интендантства, онъ жаловался королю, и не получивъ удовлетворенія такъ скоро какъ желалъ, такъ рѣзко началъ объясняться съ королемъ что послѣдній, получивъ отъ императора позволеніе разстаться съ Вандаммомъ, отвѣчалъ что не имѣетъ ни въ чемъ упрекнуть администрацію своей арміи, а такъ какъ онъ не желаетъ мѣнять что-либо въ установленномъ порядкѣ, то и позволяетъ генералу Вандамму „удалиться“.

Вандаммъ, пораженный такимъ рѣшеніемъ, обращался ко всѣмъ, но не находилъ ни въ комъ сочувствія. Императоръ, наскучивъ его жалобами и вѣчнымъ недовольствомъ, обвинилъ во всемъ его самого, и приказалъ ему воротиться во Францію, когда французскія войска выступили въ походъ 1811 года. Въ началѣ 1813 года онъ снова получилъ назначеніе, но не имѣлъ успѣха, и подъ Кульмомъ, какъ извѣстно, былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Въ 1815 году онъ командовалъ 3мъ корпусомъ и дрался такъ храбро при Линьи что всѣ ожидали возведенія его въ маршалы, но Наполеонъ поставилъ его подъ команду Груши. Онъ сражался еще при Ватерлоо, но послѣ несчастнаго исхода кампаніи принужденъ былъ отступить къ Луарѣ, гдѣ и получилъ вѣсть о своемъ изгнаніи изъ Франціи.

VII.

Г. де-Бартелеми сообщилъ во французскій *Офиціальный Журналъ* слѣдующую замѣтку относительно Варѳоломеевской ночи, съ приложеніемъ неизданнаго письма Катерины Медичи:

„Мы нашли, пишетъ онъ, въ императорской библіотекѣ важную депешу Катерины Медичи къ г. Дюферье, французскому посланнику въ Венеціи, относительно Варѳоломеевской ночи. Документъ этотъ представляетъ на нашъ взглядъ троякій интересъ: королева объявляетъ въ немъ, безъ особенныхъ оговорокъ, что она предписала казнь, которая одна, по ея мнѣнію, могла наказать за возмущеніе и непослушаніе адмирала Колиньи и его партію, удостоиваетъ, впрочемъ, выразить сожалѣніе что „во время суматохи много другихъ лицъ ихъ вѣры были убиты католиками.“ Королева не отрицаетъ слуховъ обвинявшихъ короля Испанскаго въ гибели ея дочери; наконецъ, она ясно даетъ почувствовать что мысль возвратить себѣ свободу дѣйствій, достаточную чтобъ наказать Филиппа II, была не послѣднимъ изъ побужденій которыя вызвали рѣзню 24го августа 1572 г. „А относительно того что вы сообщаете мнѣ, говоритъ она, о человѣкѣ уморившемъ мою дочь, то дѣло это еще не доказано; а еслибы оно и было доказано, то государь сынъ мой *не могъ бы отмстить за него* въ томъ положеніи въ какомъ находилось тогда королевство; но теперь, когда оно все соединено, у него будетъ достаточно средствъ и силъ *чтобы припомнить это, когда къ тому представится случай.*“ Письмо это служитъ отвѣтомъ на депешу г. Дюферье, оригиналъ коей находится въ С.-Петербургскихъ Императорскихъ архивахъ, въ портфелѣ подъ № 110 французскихъ документовъ, гдѣ открылъ его графъ де-Лаферьеръ-Перси. Въ ученомъ докладѣ о своей миссіи въ Россію г. де-Лаферьеръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ указываетъ на письмо посланника къ матери трехъ послѣднихъ Валуа: „Я привезъ письмо его, самое „смѣлое; онъ не скрываетъ отъ Катерины Медичи что за гра„ницей ей, также какъ сыну ея, герцогу Анжуйскому, припи„сываютъ мысль о Варѳоломеевской ночи, и что всѣ удивляют„ся какимъ образомъ она стала на сторону Филиппа II, того „кто на глазахъ общественнаго мнѣнія *считается убійцей ея „дочери.*“

„Елизавета Валуа, дочь Генриха II и Катерины Медичи, родилась 13го апрѣля 1545 года; она назначена была въ супружество донъ-Карлосу, сыну Филиппа II, короля Испанскаго; но этотъ государь, овдовѣвшій вторично, попросилъ для себя руки невѣсты своего сына и вступилъ съ ней въ бракъ 22го іюля 1559. Драматическая жизнь и кончина инфанта въ 1568

году всѣмъ извѣстна. Королева, выказывавшая къ нему постоянно самую горячую нѣжность, скончалась 3го октября того же года. Слухъ распространился тотчасъ же что Филиппъ II, ревнуя ее къ сыну, велѣлъ ее отравить. Повидимому, въ началѣ этому зловѣщему слуху несовсѣмъ повѣрили при Французскомъ дворѣ. 15го сентября Катерина поручила г. Фуркево, французскому послу, тотчасъ же начать переговоры о бракѣ своей второй дочери съ Испанскимъ королемъ. „Какъ мать, я желаю, писала она ему, чтобы ея сестра заняла то же мѣсто, не для того чтобы облегчить этимъ „мою печаль; но будучи матерью и чувствуя сколько я обязана королю ихъ отцу, я должна стремиться не къ своему удовольствію (ибо при моихъ несчастіяхъ я могу пожелать себѣ „только смерти), но ко благу королевства, которому я столько обязана, и должна для сохраненія мира между обоими королями, прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ коими можно ихъ „достигнуть."

„23го ноября она снова возвращается къ этому дѣлу и пишетъ:

„Вы высказываете мнѣніе что если король Испанскій пожелаетъ взять за себя мою дочь, то онъ захочетъ узнать „одобряемъ ли мы его намѣреніе. Меня не тронутъ никакія возраженія, если я буду увѣрена что онъ женится на ней, а не хочетъ только провести насъ. Прошу васъ употребить на то „самыя лучшія средства и такъ осторожно чтобы не было замѣтно что вы дѣйствуете съ нашего согласія; ибо мущины „должны искать дѣвицъ, а предлагать ихъ не слѣдуетъ и особенно изъ такого мѣста, но вы можете подъ рукой переговорить со служителями которымъ онъ довѣряетъ."

„Интрига эта не удалась, потому что испанскіе министры нашли выгоднѣе женить своего государя на дочери императора, чѣмъ на сестрѣ Карла IX, „ибо дочери короля „Генриха слишкомъ медлятъ произведеніемъ на свѣтъ дѣтей." Эта ли неудача побудила королеву охотнѣе прислушаться къ ужасному обвиненію которое взводила молва на ея зятя? Дѣйствительное ли убѣжденіе заставляло ее высказаться такимъ образомъ? Все дѣло въ томъ что ни одинъ историкъ никогда не подумалъ ставить на видъ такую причину избіенія протестантовъ, а между тѣмъ оно ясно формуловано въ письмѣ самой Катерины. Вотъ текстъ этого письма:

„Г. Дюферье! Въ письмѣ вашемъ отъ 16го сентября вы сообщаете мнѣ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, участь постигшая адмирала и его приверженцевъ была устроена мною и „сыномъ моимъ, герцогомъ Анжуйскимъ, причемъ вамъ говорено было какъ много это обстоятельство повредило означенному сыну моему во мнѣніи протестантскихъ князей, которые такъ желали избрать его императоромъ, и что я предпочла разорить наше королевство, отмщая адмиралу, чѣмъ увеличить оное и отплатить тому кто уморилъ мою дочь и кто,

„благодаря всему этому, усилился до такой степени что одинъ „предписываетъ теперь законы всѣмъ христіанскимъ государямъ; на это я заблагоразсудила извѣстить васъ что конечно „я ничего не сдѣлала, не дозволяла и не совѣтовала въ этомъ „отношеніи, кромѣ того что̀ повелѣвали мнѣ слава Божія, обя„занность моя и любовь къ дѣтямъ, тѣмъ болѣе что означен„ный адмиралъ съ самой смерти покойнаго короля Генриха, „моего повелителя, всѣми своими дѣйствіями и поступками „стремился къ возбужденію мятежа въ государствѣ и къ отня„тію короны у государя, моего сына, и его брата, коимъ, какъ „вамъ извѣстно, она принадлежитъ по закону, и вмѣсто того „чтобы признать себя подданнымъ короля, онъ такъ твердо „основался и усилился въ этомъ королевствѣ что имѣлъ равную „съ королемъ власть надъ своими единовѣрцами; онъ силой „бралъ города и сохранялъ ихъ за собою противъ короля и его „брата, дерзнувъ дать нѣсколько сраженій, вслѣдствіе чего и „былъ причиной смерти множества людей; и даже послѣ заклю„ченія мира и изданія примирительнаго эдикта, онъ злоумыш„ленно составлялъ заговоры противъ меня, противъ короля и „его братьевъ, о чемъ вскорѣ будетъ извѣстно какъ иностран„нымъ государямъ, такъ и всѣмъ на свѣтѣ изъ процесса, уже „начатаго въ Парижскомъ парламентскомъ судѣ. И тогда, я увѣ„рена, всѣ скажутъ что король, мой сынъ, поступилъ такъ какъ „слѣдовало ему, какъ королю и верховному повелителю, и что „адмиралъ, будучи столь сильнымъ и могущественнымъ въ семъ „королевствѣ, не могъ быть иначе наказанъ за свой мятежъ и „непослушаніе какъ тѣмъ способомъ который принужденъ бы„ли употребить противъ него, какъ относительно его самого, „такъ и его приверженцевъ, причемъ, къ сожалѣнію, въ сума„тохѣ многія другія лица ихъ исповѣданія были убиты като„ликами, кои были озлоблены множествомъ грабежей, убійствъ „и другихъ злодѣяній совершенныхъ надъ ними во время быв„шихъ волненій. Но наконецъ, благодареніе Богу, все усмири„лось такимъ образомъ что въ королевствѣ нашемъ признаютъ „теперь только одного короля и его правосудіе, которое воз„дастъ каждому по долгу и справедливости; король твердо рѣ„шился не терпѣть никакой иной религіи кромѣ своей соб„ственной, а что до меня касается, то, хотя я одинаково люб„лю всѣхъ моихъ дѣтей, но всегда, какъ того требуетъ разсу„докъ, предпочту сыновей дочерямъ. Что касается до того кто „будто бы уморилъ мою дочь, то это дѣло еще не доказано, „да еслибы и было доказано, то король, сынъ мой, не могъ бы „тогда отмстить за это при томъ положеніи въ какомъ нахо„дилось его королевство, но теперь, когда оно соединено, онъ „будетъ имѣть достаточно средствъ и силы чтобы вспомнить о „томъ когда представится случай; я убѣждена что когда про„тестантскіе князья узнаютъ всю истину, то они относительно „означеннаго сына моего будутъ одушевлены тѣмъ же желаніемъ „которое они питали до того времени когда все это случилось. „Что касается англійской королевы, то король, мой сынъ, не

„имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія разрывать доброе согласіе „миръ и дружбу, существующія между нами, и оба королевства „желаютъ сохранить и поддержать оныя вполнѣ; причемъ не „слѣдуетъ опасаться чтобы папа, какъ намъ сказано было, „захотѣлъ дать королю, моему сыну, какую-либо инвеституру, „ибо онъ, король сынъ мой, не желаетъ имѣть такихъ притя„заній на земли своихъ сосѣдей, а только на королевства, об„ласти и земли на которыя онъ пріобрѣтетъ право по наслѣд„ству. Относительно того что вы извѣщаете меня о выборѣ „Польскаго короля, о томъ что̀ сдѣлано было по этому поводу „со стороны императора, а равно и о рѣчахъ сказанныхъ вамъ „легатомъ нашего святѣйшаго отца въ пользу сына моего, гер„цога Анжуйскаго, для котораго его святѣйшество сдѣлаетъ „болѣе чѣмъ для кого бы то ни было, то я прошу васъ, г. Дю„ферье, сказать ему что мы его просимъ употребить на то всю „его силу, чѣмъ его святѣйшество обяжетъ величайшею приз„нательностью какъ къ нему такъ и къ папскому престолу „всѣхъ насъ, то-есть короля, его брата и меня, и что въ бла„годарность означенному легату мы исполнимъ все чего онъ отъ „насъ потребуетъ. Что касается до первенства короля, моего „сына, то оно слѣдуетъ ему, ибо имъ пользовались мирно всѣ „короли его предшественники. И не слѣдуетъ чтобы сомнѣва„лись что король разорветъ союзъ съ Турецкимъ султаномъ и „вступитъ въ Лигу, тѣмъ болѣе что онъ желаетъ сохранить „дружбу которую имѣетъ съ нимъ, и не примется ни за какое „внѣшнее предпріятіе, прежде чѣмъ предварительно не приве„детъ въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ своего королевства, ко„торое въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ нуждается въ спо„койствіи, дабы придти въ порядокъ и укрѣпиться.

„ *Катерина.*“

Писано въ Парижѣ, октября 1го дня 1572.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

Никогда еще со времени Восточной войны русское общество всѣхъ слоевъ и оттѣнковъ не читало газетъ съ такою жадностью какъ нынѣ, слѣдя со страстнымъ участіемъ за ходомъ гигантской борьбы происходящей на Рейнѣ, и мы не ошибемся сказавъ что общественное мнѣніе у насъ настроено не въ пользу Пруссіи; неудачи французскаго оружія производятъ теперь въ русской публикѣ тяжелое впечатлѣніе. Что же это значитъ? Какъ объяснить себѣ симпатіи къ народу, съ арміей котораго мы рѣзались на смерть какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ и съ которымъ послѣ того едва не поссорились серіознымъ образомъ по польскому дѣлу? Прихоть ли это, необъяснимое ли, случайное увлеченіе, или же сознательное убѣжденіе со стороны просвѣщенной части общества, а со стороны народныхъ массъ темный инстинктъ, что новое усиленіе Пруссіи грозитъ намъ въ будущемъ серіозными опасностями, и что ослабленіе, хотя бы и временное, Франціи лишаетъ насъ въ будущемъ единственнаго въ Европѣ сильнаго естественнаго союзника?

Говорятъ, объединеніе Германіи есть событіе міровое, которое требуется ходомъ исторіи человѣчества, которому слѣдовательно не должно противиться, которое разумно, потому что оно необходимо и которое полезно, потому что оно разумно. Прекрасно, но о какомъ объединеніи говорятъ разсуждающіе подобнымъ образомъ,—культурномъ или полити-

ческомъ? Германія представляла всегда, даже во время величайшей своей раздробленности, единую интеллектуальную силу; ни въ прошломъ вѣкѣ, ни въ нынѣшнемъ никто не справлялся въ какомъ королевствѣ или герцогствѣ родились и въ службѣ какого мелкаго владѣтеля Германіи состояли тѣ великіе поэты, философы и ученые которые подвигали развитіе всемірной культуры; но всѣ знали что они Германцы. Въ Германіи искони существовали и всегда вѣролтно сохранятся многія отдѣльныя простонародныя нарѣчія, но всегда же былъ въ ней одинъ языкъ,—языкъ просвѣщенныхъ людей, одна литература, одно нераздѣльное умственное движеніе. Въ этомъ отношеніи нечего объединять, нечего централизовать; и мы не имѣемъ никакого повода ожидать чтобъ университеты, академіи, музеи и другія орудія просвѣщенія Германіи выиграли отъ того что ими будетъ современемъ завѣдывать министръ проживающій въ Берлинѣ; можно ожидать скорѣе что между центрами германской культуры прекратится то соревнованіе которое донынѣ было одною изъ главныхъ причинъ ихъ превосходства; во всякомъ случаѣ культурная сила Германіи никакъ не можетъ выиграть отъ подчиненія берлинской централизаціи. Другое дѣло сила политическая. Нѣтъ сомнѣнія что народная масса въ сорокъ и болѣе милліоновъ человѣкъ, занимающая центральное положеніе въ Европѣ, приводимая въ движеніе единою волей, представляющая въ европейской политикѣ единое цѣлое, имѣющая одну казну, одинъ флотъ и одну армію, повинующуюся одному вождю, нѣтъ сомнѣнія что такая нація можетъ составить силу которая будетъ законодательствовать на европейскомъ континентѣ. Нѣтъ сомнѣнія также что перспектива такого политическаго могущества должна льстить національному чувству Германцевъ; но почему же и другіе народы обязаны быть того же мнѣнія? Или такъ лестно для самолюбія Италіянцевъ, Французовъ, не говорю уже Русскихъ, состоять подъ гегемоніей Пруссіи?

Но оставимъ общія воззрѣнія, которыя въ политикѣ пригодны лишь на то чтобы пускать пыль въ глаза простакамъ, и постараемся стать на болѣе твердую почву. Предъ нами два изъ числа просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы, двѣ первоклассныя державы, два правительства нѣсколько лѣтъ уже приковывающія къ своимъ дѣйствіямъ вниманіе мыслящихъ людей. Что дѣлала Франція послѣ Восточной войны? Что дѣлала въ это время Пруссія? Прилагая къ дѣлу провозъ

глашенную ею идею національностей, Франція вознамѣрилась собрать воедино часть Италіи, и покрыла свое оружіе новыми лаврами при Сольферино и Маджентѣ. Но политическая ея комбинація не удалась. Не часть Италіи, а вся Италія объединилась подъ скипетромъ Савойской династіи, и рядомъ съ Франціей образовалось государство которое, правда, не обнаружило еще большаго политическаго значенія, но имѣетъ для того всѣ необходимые задатки. Въ рукахъ искуснаго политическаго вождя оно можетъ сдѣлаться опаснымъ самой Франціи. Вотъ почему императоръ Наполеонъ поспѣшилъ воспользоваться единственнымъ остававшимся ему средствомъ не допустить окончательнаго объединенія Италіи и удержалъ въ Римѣ,—естественной столицѣ новаго государства,—французскій гарнизонъ и папу. Но за то, вмѣсто признательности, онъ возбудилъ къ себѣ сильную непріязнь во всѣхъ италіянскихъ патріотахъ, которая еще усилилась присоединеніемъ Ниццы и Савоіи ко Франціи. Пруссія не вмѣшивалась въ борьбу за объединеніе Италіи, но благоволительно привѣтствовала совершившееся вскорѣ послѣ того присоединеніе южной Италіи къ сѣверной.

Затѣмъ силы Франціи были направлены на осуществленіе мечтательнаго проекта европейской монархіи въ Мексикѣ. Былъ ли этотъ проектъ дѣйствительно плодомъ собственной фантазіи императора Наполеона или же онъ былъ искуснымъ образомъ внушенъ ему враждебною Франціи политикой,—вопросъ этотъ мы оставимъ въ сторонѣ, но никто еще не забылъ что это дѣло было предпринято Франціей вмѣстѣ съ Англіей, и что послѣдняя не замедлила покинуть свою союзницу, такъ сказать, выдавая ее и раздраженному національному чувству Сѣверо-Американцевъ и неудовольствію внутреннихъ ея партій, которыя, какъ извѣстно, нашли въ мексиканской экспедиціи отличную почву для борьбы съ бонапартизмомъ.... Пруссія, между тѣмъ, лаская и щекотя національное чувство Германіи, вмѣстѣ съ Австріей, но впереди ея, сокрушала Данію и присоединяла „къ германскому отечеству“ эльбскія княжества. Для политическихъ верхоглядовъ выставлялась при этомъ нѣмецкая національность этихъ герцогствъ, но на самомъ дѣлѣ доставлялось Германіи великолѣпное положеніе на Балтійскомъ морѣ. Послѣ этого Пруссіи оставалось только стать во главѣ Германіи, и это сдѣлано было въ 1866 году. Надежный союзникъ за Альпами и господство на берегахъ Нѣмец-

каго и Балтійскаго морей, добытые для Германіи, сдѣлались пріобрѣтеніями чуть не вдвое увеличившейся Пруссіи.... Вотъ факты которые кидаются въ глаза своею яркостью, вотъ развитіе государственнаго могущества удивительное по быстротѣ съ какою оно совершилось! Но это лишь осязательная сторона явленій которыя мы переживаемъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ. Для людей которые хотя издали слѣдятъ за политикой не тайна что раздвоеніе Австрійской имперіи на Цислейтанію и Транслейтанію есть дѣло прусской политики. Эта политика воспользовалась стремленіемъ Венгерцевъ къ автономіи, поощрила, усилила ихъ и доставила имъ торжество, лишивъ Австрію всякаго значенія, всякой будущности въ Германіи. Мало того, австрійское правительство поставлено въ невозможность предпринять что-либо для возвращенія себѣ прежняго положенія въ Германіи: этому воспротивится національное чувство ея нѣмецкихъ подданныхъ, гораздо болѣе сочувствующихъ Берлину чѣмъ Вѣнѣ, и политика Мадьяръ стремящихся къ расширенію на востокъ, а отнюдь не на западъ. Эта политика, поощряемая, возбуждаемая и поддерживаемая изъ Берлина, болѣе и болѣе подчиняетъ своимъ видамъ имперское правительство и отманиваетъ его отъ Германіи, откуда вытолкнуло его прусское оружіе.... Въ одно прекрасное утро на престолѣ Румыніи очутился принцъ изъ Гогенцоллернскаго дома, въ русскихъ областяхъ сосѣдственныхъ съ Пруссіей неожиданно начинается броженіе въ духѣ германизма, въ такое именно время когда быть Русскимъ стало почетнѣе чѣмъ когда-нибудь.... Неужели все это *случайности?*... Офиціальные документы доказываютъ по крайней мѣрѣ что кандидатура принца Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ не есть игра благоволящаго къ Пруссіи случая.

Нѣтъ, нечего сваливать на счастіе или несчастіе тѣ дѣла которыя создаются умомъ и руками человѣка. Европа знаетъ теперь чьему уму и чьей рукѣ обязана Пруссія неслыханными своими удачами. Льстя страстямъ и слабостямъ людей, возбуждая духъ партій въ дружественныхъ съ Пруссіей державахъ, закупая политическіе органы, сбивая съ толку и государственныхъ людей, и общественное мнѣніе, графъ Бисмаркъ вездѣ, во всѣхъ странахъ умѣлъ найти полезныя для него силы и заставилъ ихъ служить своимъ цѣлямъ, а быстротою своихъ дѣйствій разрушалъ медленныя комбинаціи грозившія ему опасностію. Надо признаться что въ единоборствѣ съ нимъ

императора Французовъ, давно уже продолжающемся, какъ нынѣ оказывается, искусство и ловкость были не на сторонѣ послѣдняго.... Наполеону III принадлежитъ впрочемъ та честь что онъ издавна проникъ виды канцлера Сѣверной Германіи и оцѣнилъ ихъ опасность для Франціи. Но что онъ дѣлалъ для ея отвращенія? Онъ прислушивался къ краснобайству германскихъ дипломатовъ которые нашептывали ему коварныя слова о Бельгіи въ надеждѣ поссорить его съ Англіей, онъ ссорился съ Россіей то по поводу Поляковъ, то по поводу восточныхъ христіанъ, онъ собственными руками разрушалъ то сочувствіе которое эти христіане питали ко Франціи и то господство которое Франція издавна имѣла въ Египтѣ.... Странная, поистинѣ непонятная политика! Политика прискорбная, потому что послѣднія совершившіяся во Франціи внутреннія преобразованія давали основаніе надеждамъ что ея революціонный пароксизмъ приближался, казалось, къ концу, что эта такъ долго волновавшаяся страна нашла наконецъ формулу въ которой свобода соединяется съ порядкомъ, что въ ней утвердится прочное положеніе вещей, и что она явится наконецъ надежною силой, на которую можно опереться.

Оглянемся на Россію. Станемъ говорить прямо и безъ обиняковъ. Весьма можетъ-быть что при жизни нынѣшняго короля Прусскаго не послѣдуетъ столкновенія между этимъ государствомъ и Россіей. Но королю Вильгельму уже за семьдесятъ лѣтъ, а будущее царствованіе не представляетъ для насъ тѣхъ же гарантій какъ царствованіе этого близкаго родственника Русскаго Государя. Въ германской печати и даже въ германскомъ парламентѣ уже теперь были высказываемы притязанія на наши балтійскія провинціи, освященныя памятью Ярослава I и славой Петра Великаго и составляющія самую безспорную часть Россіи.... А если экспансивной силѣ германизма не было положено предѣла въ эльбскихъ княжествахъ, если Европа допуститъ его распространиться на Эльзасъ и Лотарингію, то какая же причина не обратиться ей на Востокъ? Движеніе въ эту сторону давно помѣчено въ Германіи, и на страницахъ *Русскаго Вѣстника* не разъ уже было говорено о попыткахъ Фридриха Великаго утвердить свое вліяніе въ Литвѣ. Въ этомъ отношеніи, положеніе Россіи относительно объединяемой Германіи сходно съ положеніемъ Франціи. Можно сказать даже что наше положеніе еще болѣе опасно, потому что пройдетъ немного лѣтъ, и Пруссія, надо полагать, будетъ въ

состояніи потрясать на нашихъ границахъ польскимъ знаменемъ, которое, благодаря нашимъ колебаніямъ, повидимому, не такъ скоро еще утратитъ свою возбудительную силу на нашей западной окраинѣ....

Но если такъ, если безграничное политическое возрастаніе Пруссіи грозитъ опасностію и Франціи и Россіи, если на сосѣдніе съ ними троны она возводитъ принцевъ царствующаго въ ней дома, въ угоду Англіи еще больше чѣмъ въ собственномъ интересѣ, то почему же давно уже не произошло тѣснаго сближенія между угрожаемыми державами? На это *почему* отвѣчать весьма затруднительно. Отчасти причиной тому было не вполнѣ еще прочное положеніе Наполеоновой династіи, отчасти наслѣдованное отъ прежнихъ временъ взаимное нерасположеніе Петербургскаго и Парижскаго дворовъ, а болѣе всего тѣ политическія преданія которыя издавна утвердились какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе 40 лѣтъ, до самой Восточной войны, не слѣдовала ли Россія болѣе германской нежели русской политикѣ? Съ другой стороны, пока французская политика будетъ носиться съ призракомъ Польши, Россія натурально не можетъ вступить съ ней въ тѣсное сближеніе. Немного почвы для такого сближенія останется и въ томъ случаѣ если Франція будетъ попрежнему пособлять замедленію естественнаго теченія дѣлъ на Востокѣ, и если она не откажется отъ своихъ предубѣжденій противъ славянства и христіанъ Балканскаго полуострова. Но пора бы кажется французскимъ политическимъ людямъ убѣдиться что, поддерживая Польшу, они забавляются призраками, что противодѣйствуя панславизму они служатъ графу Бисмарку, и что способствуя подавленію жизненныхъ ростковъ на Балканскомъ полуостровѣ, они въ одно и то же время дѣлаютъ дѣло недостойное тѣхъ благородныхъ принциповъ которые любитъ выставлять ихъ дипломатія, и работаютъ въ руку столь же опаснаго для нихъ какъ и для насъ соперника—Англіи.

Нѣчто таинственное, фаталистическое, глубоко смущающее душу, заключается въ томъ самодовольствіи съ которымъ цѣлыя поколѣнія повторяютъ политическіе афоризмы или вовсе лишенные основанія, или справедливые только по отношенію къ одному данному случаю, къ одной извѣстной странѣ. Таковы, между прочимъ, ходячія понятія о панславизмѣ русской политики на Востокѣ. Что панславизмъ есть сѣмя изъ

котораго должна вырости сила полагающая предѣлъ пангерманизму—это совершенно справедливо, и потому вполнѣ понятно что нѣмецкіе публицисты стараются привязать къ этой идеѣ революціонное и анти-соціальное значеніе, унизить, осмѣять, опозорить ее; но почему то же самое твердятъ и во французской печати и во французскихъ правительственныхъ сферахъ,—это можетъ понять лишь тотъ кто знаетъ что и въ самой Россіи, въ продолженіе многихъ лѣтъ, панслависты считались людьми подозрительными и опасными. Точно также не трудно объяснить себѣ почему Питтъ старшій возбудилъ подозрительность Англіи относительно русской политики на Востокѣ; но совершенно непостижимо почему эта же подозрительность могла укорениться на почвѣ Франціи? Какіе существенные интересы ея могутъ пострадать отъ этой политики, даже отъ предполагаемаго преобладанія Россіи на Востокѣ? Опасно ли ей возникновеніе тамъ молодыхъ христіанскихъ государствъ? Угрожаетъ ли ихъ существованіе ея политическому значенію, ея торговлѣ, ея флоту? Конечно нѣтъ, а въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать что и самостоятельность Египта есть опасность для Франціи. Не въ явномъ ли противорѣчіи съ провозглашаемою Франціей необходимостью поддерживать Турцію находятся ея отношенія къ Египту, и наоборотъ, не принуждена ли она была, не далѣе какъ въ прошломъ году, дѣйствовать противъ собственныхъ интересовъ, выдавъ головою египетскаго намѣстника его раздраженному сюзерену? Франція ли, спрашиваемъ, или Англія отъ того выиграла? Еще одна такая побѣда Богъ знаетъ какимъ благословеніемъ освященнаго принципа французской политики, и каналъ устроенный геніемъ Франціи между Чернымъ и Краснымъ морями поступитъ на службу Великобританіи....

Совершающіяся на Рейнѣ событія грозны; но они будутъ благодѣтельны, если откроютъ глаза Франціи и отрезвятъ ее политику....

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ЗАМѢТКИ

I. МОРАЛИСТЫ НОВОЙ ШКОЛЫ.

Вотъ уже второй десятокъ лѣтъ какъ на нашемъ литературномъ базарѣ шумно предлагается нигилистическій товаръ. Производители этого товара испытали не одно коловращеніе судьбы: было время товаръ шелъ ходко, и продавцы его высокомѣрно оглядывали остальныхъ торговцевъ рынка изъ своихъ модныхъ и пестрыхъ палатокъ; они браковали все что̀ не сами производили, какъ старый хламъ и гнилую ветошь; затѣмъ наступили тяжелые дни, товаръ объявленъ вреднымъ, и палатки опустѣли, хозяева разбрелись; но туча пронеслась, потребители почувствовали вновь охоту къ тѣмъ сластямъ которыя только-что признавали вредными, и вновь воздвиглись палатки, только не новыя уже, а запыленныя и пожелтѣвшія отъ времени, и вновь заголосили ободренные торговцы, и потекли къ нимъ падкіе на ихъ зовъ покупатели.

Но лучшіе голоса въ нигилистическомъ хорѣ умолкли навсегда. Умеръ талантливый, ѣдко-остроумный, Добролюбовъ; умеръ Писаревъ. Исчезли рьяные, пылкіе предводители, осаждавшіе годъ за годомъ твердыню старыхъ обычаевъ, понятій и вѣрованій. Начальство надъ войскомъ приняли измельчавшіе эпигоны, и прежніе лозунги повторяются при общемъ упадкѣ духа и силъ. Блокада тянется, тянется.... Въ лагерѣ осаждающихъ, утомленныхъ безконечною и безплодною борьбой, раздраженіе на неуспѣхъ срывается на своихъ же, и накопившаяся злоба ищетъ исхода во внутреннихъ раздорахъ.

Вожди горюютъ и жалуются на тяжесть и изнурительность борьбы. „Знаете ли вы, читатель“, говоритъ г. Шелгуновъ во *Внутреннемъ Обозрѣніи* журнала *Дѣло* (1870, іюнь), „что нѣтъ ничего хуже и томительнѣе занятія журналиста! Тысячу разъ и на всякіе лады повторяй ты старое и давно извѣстное, жеванное и пережеванное, только подыскивай всякій разъ новыя доказательства. Журнальное миссіонерство, можетъ-быть, самое неблагодарное изъ всѣхъ остальныхъ миссіонерствъ. Журнальный миссіонеръ капля-по-каплѣ точитъ камень и конечно не увидитъ результатовъ своего долбленія. Двинувшись было впередъ и заявивъ младенческую восторженность, мы потомъ сами испугались своей отваги, вообразили что передѣлали всѣ хорошія дѣла, и почувствовали потребность отдохнуть въ своемъ родномъ халатѣ и на своемъ родномъ сѣновалѣ.“

Слыша такія горькія жалобы, можно подумать что кампанія проиграна и войску остается только разбрестись куда глаза глядятъ. Но нѣтъ: войско, хотя и ослабленное, все еще занимаетъ прежнія позиціи. И мрачный полководецъ его, г. Шелгуновъ, объясняетъ что журнальный миссіонеръ „черпаетъ себѣ энергію на дальнѣйшій трудъ не въ очевидности успѣха, а лишь въ твердомъ убѣжденіи что прогрессивная мысль никогда не умираетъ и полезное слово никогда не пропадаетъ даромъ.“

Полезное ли, нѣтъ ли, но слово нигилизма дѣйствительно звучитъ не въ пустынѣ, и если оно безсильно убѣдить противниковъ, если люди зрѣлые образованіемъ или житейскимъ опытомъ никогда не ловятъ нигилистическимъ проповѣдямъ, за то на незрѣлыхъ и неопытныхъ, юношей и дѣвъ, которые къ чтенію поучительныхъ статей новѣйшихъ реалистовъ не приносятъ никакихъ самостоятельныхъ взглядовъ и обо всемъ почти узнаютъ только изъ этихъ статей, пропаганда имѣетъ несомнѣнное вліяніе, и напрасно сокрушается г. Шелгуновъ о той томительности съ которою онъ „на всякіе лады повторяетъ жеванное и пережеванное“. Конечно, свѣжая пища не въ примѣръ аппетитнѣе „пережеванной“, но большинство не взыскательно; оно восхищалось Добролюбовымъ, восхищалось его подражателемъ Писаревымъ, восхищается подражателемъ Писарева, г. Шулгуновымъ, и вѣроятно будетъ восхищаться когда-нибудь тѣнью г. Шелгунова, если только эта тѣнь начнетъ сочинять статьи. Самыя незатѣйливыя правоучи-

тельныя статьи съ „естественно-научно-просвѣтительнымъ“ оттѣнкомъ принимаются наивными юношами и простодушными дѣвами за глубокомысленныя откровенія, и магическія слова „молодое поколѣніе,“ „общественный идеалъ,“ „отрицательное отношеніе“ и проч., жидко разведенныя въ водицѣ болтливой морали, достаточны для того чтобы разлить надо всею статьей какое-то неотразимое обаяніе. Къ этимъ статьямъ обращаются за указаніями какъ поступать и какъ не поступать; въ нихъ ищутъ разрѣшенія частныхъ практическихъ вопросовъ; ихъ возводятъ въ какой-то новый Сводъ Законовъ, болѣе точный, болѣе требовательный, болѣе уходящій въ спеціальную регламентацію чѣмъ обыкновенный Сводъ Законовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ много было смѣху надъ тою *сигарой* которую Писаревъ дозволялъ курить „мыслящему реалисту“, запретивъ ему всякую другую роскошь и всякое наслажденіе искусствомъ. Объ этой сигарѣ говорилось въ статьѣ *Нерѣшенный вопросъ*, которая, перешедши изъ *Русскаго Слова* въ собраніе сочиненій Писарева, получила заглавіе *Реалисты. Нерѣшенный вопросъ*, несмотря на свое скромное заглавіе, данное ему впрочемъ редакціей *Русскаго Слова* помимо воли автора, представлялъ обширный кругъ рѣшенія всякихъ вопросовъ: и объ искусствѣ, и о соціальномъ строѣ, и о женщинахъ. Правилъ въ этой статьѣ было много, и нигилистическая мораль получила въ ней весьма достаточный указатель. И что же? Нынѣ оказывается что именно эта статья недостаточно практична и спеціальна, что она представляетъ лишь теоретическое обобщеніе, и что молодые люди прочитавшіе ея остаются въ недоумѣніи какъ имъ распорядиться своими ежедневными дѣйствіями, чувствами, обычаями. Отказываясь отъ всякаго наслѣдства завѣщаннаго прошлымъ, сбросивъ съ себя все способное напоминать ветхаго человѣка, новые люди въ такой мѣрѣ почувствовали себя налегкѣ что не знаютъ что съ собою дѣлать и просятъ у своихъ наставниковъ въ нигилизмѣ чтобы тѣ ихъ подчинили самой строгой и мелочной дисциплинѣ. Тотъ же г. Шелгуновъ, который такъ мрачно глядитъ на миссію журналиста, въ другой статьѣ: *Безсиліе мысли и сила жизни* (*Дѣло* 1870, май), приводитъ самыя блестящія доказательства того умственнаго деспотизма, того гнета рутины къ которому нигилистическіе вожди успѣли пріучить вѣрующую въ нихъ молодежь.

„Наше умственное младенчество, говоритъ г. Шелгуновъ, такъ велико и донынѣ что мы еще рѣшительно не въ состояніи общія основанія объективной формулы примѣнить съ твердою успокоивающею послѣдовательностью къ своей личной субъективности. Мы еще такъ молоды и неувѣрены въ дѣлѣ мысли что ищемъ оправданія личныхъ поступковъ не въ основахъ своего личнаго мышленія, а въ похвалѣ и порицаніи другихъ.... Конечно, отважные люди, способные собственными лбами испробовать крѣпость стоящей предъ ними стѣны, въ дѣлѣ общественныхъ экспериментовъ изображаютъ собою истинную прогрессивную силу, ибо на ихъ погибшихъ трупахъ восходитъ новая жизнь, которая не повторитъ ихъ ошибокъ. Но именно тому-то подобнымъ людямъ, рядомъ съ объективною формулой, должны быть предлагаемы практическія подробности, которыя помогли бы имъ произвести общественные эксперименты и выработать практическія условія новаго склада жизни. Этому-то именно условію и не могъ удовлетворить *Нерѣшенный вопросъ*; ибо, уходя въ сферу общаго, объективнаго мышленія, онъ не предлагалъ никакого точнаго критерія для провѣрки единичнаго поведенія въ каждомъ данномъ случаѣ.... Очевидно что руководящее литературное произведеніе, рядомъ съ теоретическими обобщеніями, рисующими отдаленные общественные идеалы, должно давать провѣрочныя указанія, которыми каждый стремящійся къ отдаленному идеалу человѣкъ могъ бы опредѣлить на сколько онъ послѣдователенъ въ данный моментъ. Въ этомъ смыслѣ *Нерѣшенный вопросъ* является лишь будильникомъ мысли, и для законченной полноты его прогрессивнаго вліянія требуется рядомъ другая форма изложенія, которая, какъ напримѣръ въ романѣ, даетъ ближайшее повседневное указаніе.

„При томъ умственномъ уровнѣ въ которомъ находилось и находится русское общество, самыя, повидимому, ничтожныя мелочи имѣли необычайно важное практическое значеніе. Мыслящему человѣку легко сказать: любите разумно. Но что это значитъ? Будетъ ли разумно поцѣловать женщину которую любишь, если она еще не жена? Разумно ли произвести одну безешку, или двѣ, или три? Эти вопросы могутъ показаться смѣшными, но они вовсе не смѣшны для того кто вращался среди недоумѣвающихъ людей, угорѣвшихъ въ порывѣ страстнаго стремленія къ чему-то невыясненному хорошему и желавшихъ со стальнымъ свойствомъ чтобы впереди ихъ шелъ наставникъ-наблюдатель. Эти люди хотѣли бы чтобъ имъ нарисована была полная картина практическаго поведенія, чтобъ имъ даны были всѣ внѣшніе признаки реализма, чтобъ имъ разказали въ которомъ часу слѣдуетъ вставать что пить затѣмъ—зельтерскую воду или молоко, чай или кофе, что потомъ дѣлать и какъ дѣлать, слѣдуетъ ли цѣловаться или не цѣловаться, позволяется ли выходить на улицу въ перчаткахъ, или же реалистъ долженъ имѣть руки красныя какъ гусиныя лапы, слѣдуетъ ли отрицать всѣ формы обще-

житія до того чтобы не допускать въ своемъ внѣшнемъ обращеніи никакой благопристойности и мягкости? Нужно прислушиваться, и особенно въ провинціи, къ тому о чемъ еще и нынче разсуждаетъ формирующаяся молодежь, чтобы понять какъ общія теоретическія указанія и выводы сбиваютъ людей съ толку въ ихъ повседневномъ поведеніи. Иныя силы тратятся на запальчивые споры о томъ пристойно ли реалисту благодарить своего знакомаго за услугу, позволяется ли при просьбѣ сказать „пожалуста“, или она должна быть выражена въ суровой формѣ, въ видѣ требованія не допускающаго отказа?... Милліоны вопросовъ, мелочныхъ до смѣшнаго и наивныхъ по своей дѣтской неразумности, всегда возбуждались и всегда будутъ возбуждаться въ моментъ того перелома мысли въ какой вступило современное русское общество. Всякій данный случай требуетъ своего спеціальнаго отвѣта и своего спеціальнаго рѣшенія, и каждый человѣкъ несформировавшій себѣ программы точнаго поведенія будетъ искать въ чужомъ совѣтѣ указанія для безошибочнаго выбора одной изъ нѣсколькихъ лежащихъ предъ нимъ очевидностей.“

Статья изъ которой взяты эти отрывки вообще замѣчательна какъ автокритика нигилизма. Давно уже пишутся, читаются, говорятся и слушаются поученія той школы мыслителей къ которой принадлежитъ г. Шелгуновъ. Эта школа написала цѣлые пуды печатной мудрости, и теперь въ лицѣ г. Шелгунова озирается на пройденный ею путь. Она смотритъ гордо, съ пренебреженіемъ озираетъ „отсталые“ органы, которые не участвуютъ въ „думѣ самоопредѣляющейся прогрессирующей Россіи“; но со всѣмъ тѣмъ она чувствуетъ что ей чего-то не достаетъ, и болѣе всего ее въ этомъ убѣждаютъ ея собственные аделты. Молодые люди жадно читающіе пророковъ и апостоловъ нигилизма и вполнѣ увѣровавшіе въ ихъ непогрѣшимость желали бы устроить свою жизнь такъ чтобы каждый шагъ былъ опредѣленъ соотвѣтственнымъ параграфомъ въ твореніяхъ ихъ печатныхъ учителей. И вотъ оказывается что при всей точности указаній прогрессивной морали она еще далеко недостаточно точна. Молодой человѣкъ знаетъ что играть на віолончели ребячество, а курить дозволяется. *Нерѣшенный вопросъ* рѣшилъ оба эти сомнѣнія Но какъ вести себя съ любимою женщиной, и что̀ пить за завтракомъ — объ этомъ недостаетъ правилъ, и прежде нежели „недоумѣвающіе люди“ хватились спросить объ этомъ Писарева, онъ утонулъ въ Балтійскомъ морѣ, оставивъ преемника и истолкователя, въ лицѣ г. Шелгунова. Молодежь обратилась къ преемнику съ жалобами на то, по ихъ мнѣнію,

слишкомъ „объективное мышленіе“ которое преобладаетъ у Писарева, и которое носится въ туманныхъ высяхъ „теоретическихъ обобщеній“ вмѣсто того чтобы разработывать жгучіе современные вопросы о безешкахъ, перчаткахъ и сельтерской водѣ. Г. Шелгуновъ улыбнулся тому „умственному младенчеству“ которое вдругъ предстало предъ нимъ во всей своей невинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ реальный мыслитель, онъ понялъ какъ важенъ для наставниковъ этотъ голосъ младенцевъ, какъ естественны и неотразимы ихъ потребности. „Конечно“, могъ думать г. Шелгуновъ, „читатели *Дѣла* и поклонники Писарева младенцы, но вѣдь надо же чтобы кто-нибудь взялся стирать и сушить ихъ пеленки: отчего же не приняться за этотъ трудъ самому *Дѣлу?*“ И вотъ созрѣла въ его головѣ статья о *Безсиліи мысли*, гдѣ онъ кается за себя и за единомышленниковъ въ томъ что вся ихъ пропаганда до сихъ поръ была слишкомъ идеальнаго и возвышеннаго свойства, что на крикъ дѣтей о ихъ ежедневныхъ потребностяхъ доселѣ ни *Русское Слово*, ни *Дѣло* не обращали ни малѣйшаго вниманія, и что поэтому журналы ораторствуютъ втунѣ и дѣти продолжаютъ кричать, тѣ и другіе въ разладѣ взаимнаго непониманія. Но прогрессивный публицистъ не только указываетъ на зло, онъ тутъ же предлагаетъ и исцѣленіе. Журналистика должна-де бросить обобщеніе и перейти къ частностямъ; она, говоря языкомъ г. Шелгунова, должна снабдить „самоопредѣляющуюся интеллектуальную Россію ближайшимъ повседневнымъ указаніемъ“; она, другими словами, должна устранить тѣ ежеминутныя недоразумѣнія въ которыхъ теперь мучится молодое поколѣніе.

Пеленки отнынѣ всецѣло поступятъ подъ вѣдѣніе прогрессивной журналистики. Надзоръ за малютками будутъ имѣть не какіе-нибудь отсталые родители, а просвѣщенная нянька, печать. Распредѣленіе часовъ дня, діэта, движеніе, работа, отдыхъ, мало того: всѣ желанія, всѣ страсти будутъ подчинены разумному контролю всевѣдущей печати. Она предусмотритъ всѣ частные случаи, согласитъ всѣ спорные интересы, приведетъ всѣхъ строптивыхъ подъ гладкій уровень „общественной солидарности“ и кротко и величаво выступитъ какъ „наставникъ-наблюдатель“ людей со „стаднымъ свойствомъ“, какъ самъ г. Шелгуновъ опредѣляетъ своихъ адептовъ. И всѣ эти чудеса печать совершитъ не по собственному побужденію: она быть-можетъ была бы рада заняться „теоретическимъ об-

общеніемъ", но „недоумѣвающіе люди, угорѣвшіе въ порывѣ страстнаго стремленія къ чему-то невыясненному хорошему", сами наталкиваютъ печать на то чтобъ она смотрѣла на нихъ какъ на стадо, логоняла бы ихъ длиннымъ кнутомъ и на ночь запирала бы въ безопасный хлѣвъ.

Какова роль печати и каково положеніе читателя! Какова ферула, которую на себя накликаетъ „молодое поколѣніе" и которую самъ г. Шелгуновъ не рѣшается взять въ руки безъ ироническихъ оговорокъ! Какова „самоопредѣляющаяся интеллектуальная Россія", покончившая со всѣми авторитетами и взывающая теперь о томъ чтобы г. Шелгуновъ приказалъ въ какомъ часу вставать и какіе употреблять напитки!

Эта ферула не новость: тѣ кто просятъ ея усиленія уже всецѣло стоятъ подъ ней и давно уже дисциплинированы тою особаго рода моралью которую расточали въ критическихъ статьяхъ и тенденціозныхъ повѣстяхъ и романахъ такъ-называемые „передовые люди" нашей литературы. Наши самоопредѣляющіеся юноши и дѣвы научились презирать старшихъ и не вѣрить въ преданіе, но теперь, поступивъ подъ умственный гнетъ своихъ освободителей и просвѣтителей, попали, какъ видится, изъ огня въ полымя. При той обычаемъ руководимой жизни которою они жили бы еслибы не „мыслили", они вѣрно были бы свободнѣе чѣмъ теперь, подъ ферулой нигилизма. Что̀ такое эта болѣзнь надѣвать перчатки въ жестокую сѣверную зиму какъ не послѣдствіе мелочнаго и придирчиваго житейскаго кодекса, почерпнутаго изъ романа *Что̀ дѣлать*, изъ нѣкоторыхъ статей Добролюбова, а главнымъ образомъ изъ Писарева? Новое ученіе успѣло обратиться въ средство преслѣдованія, въ систему надзора надъ частною жизнью, и какъ стѣснителенъ этотъ надзоръ свидѣтельствуютъ отмороженыя „гусиныя лапки". Есть цѣлые круги „формирующейся молодежи" гдѣ отрицаніе общественныхъ условій дошло до такого необузданнаго фанатизма что робкій и неопытный юноша, который попалъ бы въ одинъ изъ этихъ круговъ не снявши перчатокъ и не отучившись вѣжливо просить и вѣжливо благодарить за услугу, тотчасъ же былъ бы осыпанъ градомъ насмѣшекъ и ругательствъ. Онъ сейчасъ попадетъ въ „аристократы" и такъ и пробудетъ въ этомъ штрафованномъ разрядѣ пока не раскается и не огрубѣетъ окончательно. „Мыслящій реалистъ" во всѣхъ внѣшностяхъ долженъ быть вѣренъ своему прототипу Базарову.

Свидѣтельство г. Шелгунова о томъ рабскомъ отношеніи къ Писареву которое онъ наблюдаетъ въ провинціальной молодежи не можетъ быть пристрастнымъ: оно исходитъ отъ одного изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Писарева, который конечно не захочетъ преувеличивать невыгодныя стороны своихъ единомышленниковъ. А между тѣмъ изъ его словъ какъ нельзя болѣе ясно что „молодое поколѣніе“, поклоняющееся Писареву, суевѣрно не менѣе стараго, боявшагося порчи и домовыхъ, и что тутъ произошла простая замѣна однихъ божковъ другими.

„Молодое поколѣніе“, которому теперь кажется что оно покончило не только съ предразсудками отечественной старины, но и со всѣми устарѣлыми заблужденіями западной Европы, которое мнитъ что оно стоитъ на пьедесталѣ всѣхъ историческихъ вѣковъ и съ него озираетъ всѣ язвы современной культуры, въ сущности выросло на самой скудной, нездоровой, плохо воздѣланной почвѣ, и въ своемъ умственномъ развитіи не могло одолѣть неотразимыхъ вліяній этой почвы, не могло отдѣлаться отъ результатовъ своей культуры. Если исключить крайне немногочисленное меньшинство, составляющее у насъ классъ дѣйствительно образованныхъ людей—судьба развитія нашей учащейся молодежи самая печальная. Окруженная со всѣхъ сторонъ густымъ мракомъ невѣжества, она не находитъ выхода изъ него и въ школѣ: всѣ мы очень хорошо знаемъ каковы наши школы и какова та подготовка къ жизни которую можно изъ нихъ вынести. Дома предразсудки и неразвитость, въ школѣ праздность и болтовня — вотъ что̀ встрѣчаетъ на своемъ пути огромное большинство нашей молодежи. Ни дома, ни въ школѣ она не пріобрѣтаетъ привычки къ самостоятельной мысли и упорному труду, не запасается никакими элементами для прочнаго сопротивленія. Потому-то она и не можетъ возвыситься надъ отрицаемымъ ею уровнемъ преданія, а при каждой попыткѣ взмахнуть крыльями и вознестись надъ „отсталыми“ понятіями, падаетъ на̀-земь. Она не поборола устарѣлыхъ предразсудковъ ни фактическимъ знаніемъ, ни логическимъ мышленіемъ; она отрицаетъ ихъ только чувствомъ, и въ этомъ чувствѣ желаніе какъ можно скорѣй сбросить съ себя неудобныя внѣшнія формы, надзоръ старшихъ, соблюденіе ихъ требованій, обязанность выслушивать ихъ разсужденія, играетъ самую важную, нерѣдко

единственную роль. Понятно что для такой среды и для такого антагонизма *Что дѣлать* и *Нерѣшенный вопросъ* являются какъ бы завѣтомъ спасенія и искупленія. Старики совѣтуютъ, молодые ропщутъ, затѣмъ старики требуютъ, а молодые возмущаются и уходятъ жить сами-по-себѣ, это встрѣчалось и прежде въ повѣстяхъ, комедіяхъ и оперетках, но нигдѣ какъ въ *Что дѣлать* это незатѣйливое содержаніе не облекалось въ такую догматическую, прорицательную и высокомѣрную форму. И когда Писаревъ на этомъ романѣ основалъ огромную статью, гдѣ въ самой рѣзкой формѣ говорились самыя лестныя для „молодежи“ вещи и самымъ пріятнымъ для самолюбія *дѣтей* образомъ раскрывалась пропасть между ихъ реализмомъ и идеализмомъ ихъ *отцовъ*—гимназисты, кадеты, семинаристы вмѣстѣ съ очень молодыми чиновниками и прикащиками рѣшили что папаши и мамаши, наставники, начальники и хозяева не только ихъ угнетаютъ, но и дѣлаютъ это вслѣдствіе коренной противуположности между философіей стараго и философіей новаго поколѣнія. Какова эта противуположность мы можемъ любоваться теперь. Прежде нельзя было курить потому что не велитъ „старшій“, теперь нельзя носить перчатокъ потому что роскошь запрещена Писаревымъ; прежде съ невѣстой нельзя было цѣловаться до благословенія, теперь надо мучиться неизвѣстностью когда именно съ нею можно цѣловаться; прежде, однимъ словомъ, стѣсняла воля живыхъ людей, а теперь отвлеченная печатная буква. Выигрышъ сравнительно съ прежнимъ авторитетомъ заключается въ нѣсколькихъ модныхъ фразахъ и кличкахъ, которыя въ нигилистическомъ мірѣ употребляются такъ часто что потеряли уже всякій характеристическій смыслъ, тѣмъ болѣе что смыслъ ихъ никогда ясно этимъ міромъ не сознавался. Что напримѣръ значитъ *молодое поколѣніе* и *старое поколѣніе*? Если вопросъ этотъ понимать хронологически, то отвѣтъ на него очень простъ; но такой отвѣтъ едва ли удовлетворилъ бы само „молодое“ поколѣніе. Если же вопросъ этотъ касается разницы не только въ годѣ рожденія, но и въ цѣлой системѣ убѣжденій и дѣйствій, то отвѣтъ на него долженъ потеряться въ такихъ сбивчивыхъ и тонкихъ признакахъ что подъ конецъ ни одного существеннаго признака не останется, и различіе улетучится въ прахъ. Старое поколѣніе жило среди крѣпостнаго права, бумажнаго суда и административнаго произвола; новое же выросло на почвѣ созданной

крѣпостнымъ правомъ, бумажнымъ судомъ и административнымъ произволомъ, и если недуги эти одинъ за другимъ прекратились во время развитія молодаго поколѣнія, если такимъ образомъ ему приходится дѣйствовать среди болѣе благопріятной обстановки, это еще отнюдь не значитъ чтобъ оно принесло въ эту новую обстановку и соотвѣтственное болѣе чистое и высокое содержаніе. Привычки самодурства и безгласнаго подчиненія, слишкомъ глубоко засѣвшія въ нашъ бытъ при старыхъ, крѣпостныхъ условіяхъ жизни, коренятся въ немъ и теперь, коренятся крѣпко и въ тѣхъ кружкахъ гдѣ громче всего кричатъ о ихъ истребленіи. Что̀ такое самый нигилизмъ какъ не куріозный образчикъ умственнаго самодурства и умственнаго пассивнаго подчиненія?

---

2. КАКЪ ПРЕПОДАЮТЪ РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ.

Дѣтямъ не нравится латынь; они находятъ ее трудною и скучною. Еще менѣе возлюбили латынь въ школѣ тѣ наши *дѣти* которыхъ имѣлъ въ виду Тургеневъ когда онъ изображалъ *Отцовъ и Дѣтей*. Этихъ послѣднихъ дѣтей много въ нашихъ журналахъ; ихъ всегда легко узнать, пишутъ ли они повѣсть, бытовой очеркъ, экономическую или педагогическую статью. Говоря объ образованіи нашего молодаго поколѣнія, ратуя противъ ненавистнаго имъ классицизма, они съ особенною любовью занимаются роднымъ языкомъ, видя въ немъ, послѣ естествознанія, важное воспитательное средство. Это совершенно въ духѣ тургеневскихъ *дѣтей;* но кромѣ вражды къ классицизму и поощренія съ высшимъ преподаваніемъ „русской словесности,“ *дитя* имѣетъ множество признаковъ. Особенно явственно *дитя* выдается тогда когда оно касается вышеназванной повѣсти Тургенева. Если оно, говоря объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, упрекаетъ Тургенева въ непониманіи молодаго поколѣнія, въ устарѣлости взглядовъ, то въ его возрастѣ уже не можетъ быть сомнѣнія. Хотя повѣсть о Базаровѣ написана давно, но толки о ней до сихъ поръ еще порою возобновляются въ дѣтскомъ лагерѣ. Въ майской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за нынѣшній годъ есть статья *О воспитательномъ значеніи русской литературы*, подписанная буквами В. В.,гдѣ говорится между прочимъ

о тугости нашего прогресса, о нашей „прадѣдовской флегмѣ,“ и высказывается такая мысль:

„Можетъ-быть, многіе будутъ удивляться трудному созрѣванію нашей жизни и ея младенч скимъ успѣхамъ, но скорѣе подивимся что подъ тѣми вліяніями которыя насъ окружали мысль окончательно не зачахла. Будущій историкъ, конечно, скажетъ приблизительно такъ: „Русское общество въ „это время еще очень мало было знакомо съ естественными „условіями органическаго развитія, даже съ первыми основными законами мышленія; одинъ изъ лучшихъ его предста„вителей назвалъ, въ написанной имъ повѣсти, нигилизмомъ, „то-есть пустотою, стремленіемъ къ пустотѣ и къ уничтоже„нію, первыя попытки немногихъ молодыхъ людей къ само„стоятельному труду и отысканію истины. Общество при„шло въ паническій ужасъ отъ этого нигилизма, хотя молодой „человѣкъ представленный въ повѣсти на дѣлѣ ничего не „уничтожалъ, кромѣ лягушекъ; заботясь о сохраненіи лягу„шекъ, оно подвергло усиленнымъ преслѣдованіямъ этихъ ни„гилистовъ“. „Мы увѣрены что будущій историкъ больше ничего не пойметъ въ этой исторіи вреднаго нигилизма, какъ и мы ничего не понимаемъ“. (*О восп. знач. русск. лит.* стр. 108—109.)

Бѣдная лягушка! Съ твоимъ богатымъ призваніемъ къ естественнымъ наукамъ, съ твоею природною склонностью разъяснять анатомію и физіологію и помогать молодымъ людямъ въ ихъ попыткахъ „къ самостоятельному труду и отысканію истины“, ты постоянно въ нашей журналистикѣ призываешься для того чтобы замнинать вопросъ о нигилизмѣ и осмѣивать въ его противникахъ мысли и чувства которыхъ они никогда не высказывали. Будто уже въ самомъ дѣлѣ русское общество, покровительствуя лягушкамъ, которымъ угрожало нашествіе нигилистовъ, ополчилось на этихъ „немногихъ молодыхъ людей“ за жажду труда и истины? Будтобы хлёсткіе сарказмы все рѣшавшаго, со всѣми сомнѣніями покончившаго Базарова обличаютъ въ немъ „отысканіе истины“; будто бы волочиться за Одинцкой и пить шампанское у Кукшиной есть *трудъ!* Будто бы есть „самостоятельный трудъ“ и во всей этой задорной болтовнѣ, уже столько лѣтъ наводняющей наши журналы популярными компиляціями съ мнимо-либеральнымъ направленіемъ?

Кто мѣшаетъ молодежи трудиться? Кто заслоняетъ отъ нея истину?“ Г. В. В. обвиняетъ преподаваніе и преподавателей: онъ порицаетъ наше школьное образованіе за то что въ немъ

„всегда считалось вреднымъ давать понятіе о какомъ-нибудь примѣненіи идеала къ дѣйствительной жизни“, что „никакой серіозной критики, никакого сличенія изображаемаго съ дѣйствительностью тутъ не было возможно“ (стр. 104).

Указывая недугъ, почтенный педагогъ предлагаетъ и лѣкарство и развиваетъ удивительный планъ высшаго преподаванія русской словесности, долженствующій поправить зло и цѣликомъ „основанный на примѣненіи идеала къ дѣйствительной жизни“ и „сличеніи изображаемаго съ дѣйствительностію.“ Укрѣпленные гимнастикой практическаго сличенія идеала и дѣйствительности, напитанные экстрактомъ нашей новѣйшей литературы, будущіе школьники г. В. В. выдутъ въ міръ во всеоружіи обличенія, и „созрѣваніе нашей жизни“ пойдетъ какъ по маслу. „Не вдаваясь въ болѣе или менѣе забытую старину“, авторъ излагаетъ прежде всего вкратцѣ развитіе „нравственнаго и общественнаго идеала“ въ русской литературѣ отъ Пушкина до нашихъ дней. Первая ступень—Пушкинъ и Грибоѣдовъ; вторая—Лермонтовъ, Кольцовъ и Гоголь; третья—Островскій, Тургеневъ и Некрасовъ. Конечный выводъ этого историческаго обозрѣнія тотъ что въ цѣломъ своемъ развитіи, въ созданіяхъ болѣе прочныхъ и живучихъ, наша литература по мѣрѣ силъ служила *идеѣ честнаго труда и правды* (курсивъ въ подлинникѣ, стр. 103). Это очень назидательно, но невольно спрашивается: стоило ли изъ-за этого назиданія заводить цѣлую литературу? Сколько сотъ томовъ, какія обширныя библіотеки журналовъ и альманаховъ, и какой скудный результатъ! „Мы видѣли“, говоритъ нашъ авторъ (стр. 117—118) „что въ своемъ историческомъ движеніи литература пришла къ рѣшенію вопросовъ дѣйствительной жизни: она, по мѣрѣ возможности, внимательно изучаетъ всѣ слои общества, разъясняя настоящій смыслъ нашего современнаго положенія по отношенію къ тѣмъ задачамъ которыя истекаютъ изъ требованій современнаго идеала; насколько допускаютъ факты, она, по мѣрѣ возможности, собираетъ и данныя для этого идеала. Путь которымъ мы дошли до его посильнаго пониманія есть путь развитія и оглянувшись на этотъ путь.... есть дѣло полезное для жизни. Но для такой работы нужны подготовленныя силы“... Нѣсколько далѣе (стр. 122—123) излагается самый проектъ подготовленія этихъ силъ. Чтобы дать о немъ понятіе достаточно указать тѣ общіе вопросы

которые могутъ имѣть въ немъ мѣсто по мѣрѣ развитія учащихся:

„1. *Живое пониманіе красоты въ природѣ.* Здѣсь надо, по крайней мѣрѣ на первый разъ, выкинуть всѣ эти заманчивыя, но неумѣстныя описанія кавказской, крымской, италіянской природы у Пушкина и у Лермонтова. Окружающая русская природа, болѣе знакомая учащемуся, имѣетъ для него и болѣе смысла. Во-первыхъ, полезно было бы по народнымъ пѣснямъ собрать отдѣльныя живыя черты въ описаніи этой природы, и создать изъ нихъ цѣльную картину, ведущую къ пониманію народнаго взгляда на природу; для дополненія матеріала послужатъ сказки, дающія живое представленіе о животныхъ и о нѣкоторыхъ физическихъ явленіяхъ (*Теремокъ*, *Лѣшки*, *Котъ, козелъ и баранъ*, *Морозко*). Далѣе сюда войдутъ такія стихотворенія Пушкина какъ *Зимній вечеръ*, *Бѣсы*, *Капризъ* и пр., отрывки изъ описаній природы Тургенева, Кольцова, Некрасова и т. д. Вездѣ, гдѣ это возможно, преподаватель сообщаетъ для сравненія точныя, естественно-историческія описанія и разсказы, и обращаетъ особенное вниманіе на отношеніе природы къ человѣку, разъясняя ея вліяніе на чувство, на фантазію и на самый бытъ народный.

„2. *Сочувствіе къ народу*, основанное на вѣрномъ пониманіи его положенія, его нравственныхъ силъ и дѣятельности. Тутъ надо, во-первыхъ, составить не многосложный, но характерный выборъ изъ лирическихъ народныхъ пѣсенъ и былинъ, изъ сказокъ и пословицъ, для ознакомленія съ разными сторонами народной жизни. Тутъ особенно важно изображеніе общественнаго состоянія народа въ пѣсняхъ о долѣ (*Горе-злощастіе*), въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и въ удалыхъ казацкихъ пѣсняхъ. Далѣе слѣдуютъ объяснительные отрывки изъ произведеній Тургенева (*Записки охотника*), Кольцова (особенно пѣсни о долѣ), Некрасова, Щедрина, Достоевскаго, Островскаго, Рѣшетникова, Максимова и пр. Тутъ любопытно также свести для сравненія типы изъ быта земледѣльческаго, фабричнаго и купеческаго. Для провѣрки и сравненія послужатъ и обыкновенныя этнографическія описанія.

„3. *Гуманныя отношенія къ судьбѣ бѣднаго, трудящагося человѣка*, какъ они выражены въ повѣсти Пушкина *Мѣдный всадникъ* (сюда не входитъ идея о реформѣ Петра, выраженная и слабо, и недостаточно), въ повѣсти Гоголя *Шинель*, во многихъ изъ стихотвореній Некрасова, изъ драмъ Островскаго и пр. Здѣсь мы предполагаемъ постепенное ознакомленіе съ образованнымъ кругомъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго быта.

„4) *Сравненіе типовъ стараго времени въ болѣе простой формѣ*, какъ это представлено въ повѣсти Тургенева *Овсяниковъ*. Натуры непосредственныя и искаженныя ложнымъ образованіемъ (сюда еще не относятся типы Лишняго человѣка,

Рудина и пр.). Стремленіе къ простымъ типамъ и къ природѣ, и недовольство жизнію въ поэзіи Пушкина и Лермонтова.

„5. *Типы людей мечтательныхъ и удалыхъ, по образцу Манилова и Ноздрева.* Сравненіе Обломова (въ первой части романа безъ его отношеній къ Ольгѣ и Штольцу) съ Хлестаковымъ (вліяніе деревенской и столичной жизни).

„6. *Идея пріобрѣтенія*, ложное пониманіе общественныхъ отношеній. Сравненіе типовъ Фамусова и Чичикова. Герои драмы *Ревизоръ*.

„7. *Идея призванія къ лучшему долгу*, выраженная въ болѣе общей формѣ. Сравненіе стихотвореній: *Привидѣніе* (и другія романтическія піесы въ этомъ родѣ) Жуковскаго, *Муза, Пророкъ, Поэтъ* Пушкина, *Пророкъ, Поэтъ* Лермонтова, *Муза* Некрасова и т. д. Объясненіе этой идеи въ повѣсти Гоголя *Портретъ* (первая часть), въ нѣкоторыхъ легкихъ разсказахъ Тургенева и пр.“

„5 *Идеальные дѣятели стараго и новаго времени.* Первый рядъ: Онѣгинъ, Печоринъ, Чацкій; второй рядъ: Лишній человѣкъ, Рудинъ, Лаврецкій, и проч.; третій рядъ: Молотовъ, типы въ повѣсти *Жизнь Шупова*, типы Щедрина и т. д. Женскіе типы.“

Какая богатая и многообъемлющая программа! Естественная исторія, этнографія, обличительная литература, Горе-злощастіе, Жуковскій, Помяловскій и Рѣшетниковъ! И все это комментируется учителемъ съ точки зрѣнія общественнаго и нравственнаго идеала! Пусть въ народныхъ пѣсняхъ встрѣтятся эпическіе и мѣстные обороты, которыхъ не поймутъ просвѣщаемыя дѣти и которыхъ „естественно-научно мыслящій“ учитель даже не найдетъ времени объяснить; пусть герои гг. Островскаго и Рѣшетникова говорятъ почти одними солецизмами и варваризмами, къ которымъ незамѣтно пріучатся и ученики, черпающіе изъ этихъ писателей свой нравственный идеалъ; совсѣмъ не нужно чтобы дѣти понимали свой языкъ, или чтобъ они говорили чище и правильнѣе бурлаковъ: было бы только во всемъ этомъ побольше обличенія и сатиры, въ которой новый реформаторъ нашего школьнаго преподаванія видитъ „потребность нашего развитія“. Не грамматика и не красота слога отнынѣ составятъ предметъ старанія въ классѣ „русскаго языка;“ онъ будетъ занятъ разсужденіями о взяточничествѣ, о вредѣ бурсы, о „темномъ царствѣ“ купечества, о разочарованіи романтическихъ героевъ, о распутныхъ „нравахъ Растеряевой улицы,“ о „правѣ женщины на трудъ“, о каторжникахъ *Мертваго Дома*. Пусть

ученики прошедшіе этотъ плодотворный и развивающій курсъ будутъ не совсѣмъ тверды въ синтаксическомъ разборѣ: тѣмъ вернѣе они будутъ въ гражданскомъ кодексѣ. Тѣмъ глубже будутъ знать „всѣ слои общества,“ всѣ „вопросы дѣйствительной жизни“. До сихъ поръ самое высокое требованіе отъ школы было чтобъ она всѣхъ вывела *людей;* теперь этого недостаточно, требованіе сдѣлалось точнѣе и опредѣленнѣе: школа впредь будетъ воспитывать обличителей. Она сообщитъ мальчикамъ и дѣвочкамъ готовые приговоры надъ множествомъ фактовъ которыхъ они не видали въ глаза. Она будетъ обличать предъ ними общественныя язвы, прежде нежели дѣти дойдутъ до понятія о происхожденіи и строѣ общества. Она будетъ громить неравное распредѣленіе богатствъ въ обществѣ, прежде нежели маленькіе слушатели усвоятъ начальныя понятія науки о богатствѣ. Она вмѣсто склоненій, слишкомъ трудныхъ для дѣтскаго ума, займетъ этотъ нѣжный умъ легкими и вполнѣ доступными ему предметами, каковы геологія, психологія и соціалогія. Она закалитъ его добродѣтельными картинахъ разврата и преступленія. Она превратитъ школу въ клубъ, гдѣ нескончаемые дебаты политическіе и философскіе возбудятъ въ дѣтяхъ сознаніе своей общечеловѣческой миссіи и приготовятъ ихъ въ передовые публицисты.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 k., съ перес. 50 k.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Аѳ. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 k., съ пер. 1 р. 50 k.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 k. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюля Верна. М. 1870. Ц. 75 k., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 k., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 k.

— Ничего не стóитъ! Это не что̀ иное какъ серебристое вещество чешуи уклейки; его собираютъ въ водѣ и сохраняютъ въ амміакѣ. Оно ничего не стóитъ.

— Вотъ, можетъ-быть, почему Кэтъ Тендеръ и вышла за другаго, глубокомысленно замѣтилъ Недъ-Ландъ.

— Но, сказалъ я,—возвратимся къ дорогому жемчугу. Я не думаю чтобы какой-нибудь государь владѣлъ жемчужиной которая была бы лучше жемчужины капитана Немо.

— Этой, сказалъ Консель, — показывая на великолѣпную драгоцѣнную вещь запертую за стекломъ.

— Конечно, я не оппбусь, назначая ей цѣну въ два милліона....

— Франковъ! послѣшно сказалъ Консель.

— Да, сказалъ я,—два милліона франковъ, и, безъ сомнѣнія, капитану стоило только нагнуться чтобы поднять ее.

— Ахъ, вскричалъ Недъ-Ландъ,—кто знаетъ, можетъ-быть завтра, во время нашей прогулки, мы найдемъ такую же?

— Ба! произнесъ Консель.

— А почему же нѣтъ?

— Къ чему намъ милліоны на бортѣ *Кораблика?*

— На бортѣ, конечно, замѣтилъ Недъ-Ландъ,—но.... въ другомъ мѣстѣ.

— О! въ другомъ мѣстѣ! прибавилъ Консель, качая головой.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я,—Недъ-Ландъ правъ. И если мы когда-нибудь привеземъ въ Европу или Америку жемчужину стóящую нѣсколько милліоновъ, то это по крайней мѣрѣ придастъ бóльшую достовѣрность и въ то же время бóльшую цѣну разказу о нашихъ приключеніяхъ.

— Я думаю, подтвердилъ Канадецъ.

— Но, сказалъ Консель, возвращавшійся всегда къ поучительной сторонѣ вопроса,—развѣ ловля жемчуга опасна?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ живостью,—особенно если приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности.

— Чѣмъ же рискуютъ въ этомъ промыслѣ? подтвердилъ Недъ-Ландъ.—Проглотить нѣсколько глотковъ морской воды?

— Именно такъ, Недъ. Кстати, перебилъ я, стараясь принять развязный тонъ капитана Немо,—боитесь ли вы акулъ, храбрый Недъ?

— Я, отвѣчалъ Канадецъ,—китоловъ по ремеслу! мой промыселъ насмѣхаться надъ ними!

— Тутъ дѣло идетъ, сказалъ я, — не объ охотѣ за ними съ

рыболовнымъ крюкомъ, когда вы втаскиваете ихъ на палубу корабля, отрубаете имъ хвостъ ударомъ топора, вскрываете брюхо, вырываете сердце, которое послѣ бросаете въ море.

— Стало-быть дѣло идетъ о...?

— Да, именно такъ.

— Въ водѣ?

— Въ водѣ.

— Отлично, съ хорошимъ багромъ! Вы знаете, господинъ профессоръ, это животныя довольно неуклюжія. Они должны перевернуться на брюхо для того чтобы цапнуть, а въ это время....

Недъ-Ландъ какъ-то особенно произносилъ слово „цапнуть", при чемъ морозъ пробѣгалъ по спинѣ слушателя.

— Ну, а ты что же, Консель, что думаешь ты объ этихъ акулахъ?

— Я, сказалъ Консель,—я буду откровененъ съ господиномъ профессоромъ.

„Въ добрый часъ", подумалъ я.

— Если господинъ профессоръ рѣшается идти на акулъ, сказалъ Консель, — то я не знаю почему его вѣрному слугѣ не пойти вмѣстѣ съ нимъ!

ГЛАВА III.

Жемчужина въ десять милліоновъ.

Наступила ночь. Я легъ, но спалъ дурно. Въ сновидѣніяхъ моихъ главную роль играли акулы, и я находилъ очень вѣрною и въ то же время очень невѣрною этимологію производящую слово „requin" (акула) отъ „requiem" (панихида). На другой день, въ четыре часа утра, меня разбудилъ слуга, котораго капитанъ Немо назначилъ спеціально ко мнѣ въ услуженіе. Я быстро всталъ, одѣлся и вышелъ въ залу.

Капитанъ Немо дожидался меня тамъ.

— Господинъ Аронаксъ, спросилъ онъ меня,—готовы ли вы?

— Я готовъ.

— Потрудитесь слѣдовать за мной.

— А мои товарищи, капитанъ?

— Они знаютъ и дожидаются насъ.

— Надѣнемъ ли мы наши скафандры? спросилъ я.

— Нѣтъ еще. Я не хочу чтобы *Кораблика* подходилъ очень близко къ этому берегу, а мы еще довольно далеко отъ Маакарской отмели, но я велѣлъ приготовить шлюпку, которая доставитъ насъ прямо на мѣсто и избавитъ отъ довольно продолжительнаго путешествія. Наши водолазные аппараты уже въ шлюпкѣ, и мы надѣнемъ ихъ когда начнется наше подводное изслѣдованіе.

Капитанъ Немо привелъ меня къ центральной лѣстницѣ, ступеньки которой примыкали къ платформѣ. Недъ и Консель находились тамъ, восхищаясь предстоящею веселою прогулкой. Пять матросовъ *Кораблика*, съ веслами наготовѣ, дожидались насъ въ лодкѣ стоявшей у борта.

Ночь была темная. Между густыми облаками покрывавшими небо только изрѣдка видѣлись звѣзды. Я сталъ смотрѣть въ ту сторону гдѣ была земля: но тамъ выступала только неясная линія закрывавшая три четверти горизонта отъ юго-запада до сѣверо-запада. *Кораблика*, обогнувшій ночью западный берегъ Цейлона, находился къ западу отъ бухты, или скорѣе залива, образованнаго этою землей и островомъ Маароме. Тамъ, подъ темными водами, разстилалась мель жемчужныхъ раковинъ, неистощимое жемчужное поле болѣе чѣмъ въ двадцать миль длиной.

Капитанъ Немо, Консель, Недъ-Ландъ и я сѣли на кормѣ лодки. Начальникъ гребцовъ помѣстился у румпеля; четыре его товарища налегли на свои весла; стóпоръ отдали, и мы отчалили.

Лодка направилась къ югу. Гребцы не торопились. Я замѣтилъ что удары веселъ, которыми они съ силой разсѣкали воду, слѣдовали одинъ за другимъ только чрезъ десять секундъ, какъ это вообще принято на военныхъ судахъ. Въ то время какъ лодка шла своимъ ходомъ, водяные брызги съ трескомъ ударялись о черныя волны, будто пѣна расплавленнаго свинца; легкая зыбь съ открытаго моря слегка покачивала лодку, а впереди изрѣдка вздымались гребни волнъ.

Мы молчали. О чемъ думалъ капитанъ Немо? можетъ-быть о землѣ къ которой онъ приближался и которая казалась ему слишкомъ близкою, въ противоположность мнѣнію Канадца считавшаго ее еще черезчуръ отдаленною. Что же касается Конселя, онъ былъ тутъ просто въ качествѣ любопытнаго.

Около пяти съ половиной часовъ, при первомъ свѣтѣ показавшемся на горизонтѣ, верхняя линія берега обозначилась

отчетливо. Довольно плоская на востокѣ, она нѣсколько поднималась къ югу. Мы находились отъ берега на разстояніи пяти миль, и онъ еще сливался съ темною водой. Между нимъ и нами море было пустынно; ни одной лодки, ни одного водолаза. Глубокое молчаніе господствовало на аренѣ искателей жемчуга. Какъ уже замѣтилъ капитанъ Немо, мы пріѣхали мѣсяцемъ ранѣе въ эти мѣста.

Въ шесть часовъ внезапно наступилъ день, съ быстротой свойственною тропическимъ странамъ, гдѣ не бываетъ ни утренней зари, ни сумерекъ. Солнечные лучи проникли сквозь завѣсу облаковъ сколившихся на восточномъ горизонтѣ, и лучезарное свѣтило быстро поднялось.

Я видѣлъ отчетливо землю съ нѣсколькими тамъ-и-сямъ разсѣянными деревьями.

Лодка приближалась къ острову Маная́ру, который скруглялся на югѣ. Капитанъ Немо всталъ со своей скамьи и смотрѣлъ на море. По знаку его бросили якорь, но цѣпь едва затянулась; до дна было не больше одного метра, такъ какъ здѣсь находилось одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ отмели жемчужныхъ раковинъ. Лодка тотчасъ же обошла вокругъ якоря, погоняемая морскимъ отливомъ, стремившимся въ открытое море.

— Вотъ мы и пріѣхали, господинъ Аронаксъ, сказалъ тогда капитанъ Немо.—Вы видите эту узкую бухту? Здѣсь черезъ мѣсяцъ соберется множество лодокъ добывателей жемчуга, и въ этихъ самыхъ водахъ водолазы смѣло будутъ разыскивать его. Эта бухта хорошо устроена для такого рода ловли. Она укрыта отъ самыхъ сильныхъ вѣтровъ, и море здѣсь никогда не бываетъ очень бурно, обстоятельство весьма благопріятное для работы водолазовъ. Теперь мы надѣнемъ скафандры и начнемъ нашу прогулку.

Я ничего не отвѣчалъ, и вглядываясь въ эти подозрительныя волны, началъ съ помощію матросовъ надѣвать свою тяжелую морскую одежду. Капитанъ Немо и мои два товарища одѣвались тоже. Никто изъ людей *Кораблика* не долженъ былъ сопровождать насъ въ этой новой экскурсіи.

Вскорѣ мы были заключены по самую шею въ каучуковыя одежды, и воздушные аппараты были укрѣплены на нашихъ спинахъ посредствомъ ремней. Но объ аппаратахъ Румкорфа никто не упоминалъ. Собираясь надѣть на голову мѣдный колпакъ, я напомнилъ объ нихъ капитану.

— Эти аппараты намъ не нужны, отвѣчалъ мнѣ капитанъ.— Мы не пойдемъ на большія глубины, и солнечныхъ лучей будетъ достаточно для освѣщенія нашего пути. Вдобавокъ, неблагоразумно было бы брать съ собой электрическій фонарь въ этихъ водахъ. Свѣтъ его можетъ неожиданно привлечь какого-нибудь опаснаго обитателя здѣшнихъ мѣстъ.

Когда капитанъ Немо говорилъ это, я обернулся къ Конселю и Недъ-Ланду; но два друга уже заключили свои головы въ металлическіе колпаки и не могли ни слышать, ни отвѣчать.

Мнѣ оставалось предложить капитану Немо послѣдній вопросъ.

— А наше оружіе, спросилъ я его,—наши ружья?

— Ружья! на что? Ваши горцы нападаютъ же на медвѣдей съ кинжаломъ въ рукахъ, и развѣ сталь не надежнѣе свинца? Вогъ прочный клинокъ, заткните его за поясъ и пойдемте.

Я посмотрѣлъ на своихъ товарищей. Они были также вооружены какъ и мы, а Недъ-Ландъ вдобавокъ размахивалъ огромною острогой, которую онъ положилъ предъ отъѣздомъ въ лодку.

Потомъ, слѣдуя примѣру капитана, я надѣлъ тяжелый мѣдный шаръ, и наши воздушные резервуары были немедленно приведены въ дѣйствіе.

Минуту спустя, матросы высадили насъ одного за другимъ, и мы, на глубинѣ полутора метровъ, ступили на гладкій песокъ. Капитанъ Немо сдѣлалъ знакъ рукой, мы послѣдовали за нимъ по небольшой отлогости и скрылись подъ волнами.

Тамъ тревожившія меня мысли покинули меня. Я сталъ удивительно покоенъ. Легкость движеній усиливала мою увѣренность, а странное зрѣлище плѣнило мое воображеніе.

Солнце освѣщало подводные слои довольно ярко. Можно было разглядѣть самые мельчайшіе предметы. Десять минутъ спустя мы уже находились на глубинѣ пяти метровъ, и почва становилась почти ровною.

Изъ-подъ нашихъ ногъ, будто стадо бекасовъ на болотѣ, поднимались стаи интересныхъ рыбъ изъ рода monopterus, которыя не имѣютъ другихъ плавниковъ кромѣ хвостоваго. Я увидалъ виперу ивансвую, настоящую змѣю въ восемь дециметровъ длины, съ синеватымъ животомъ, которую легко можно было бы смѣшать съ морскимъ угремъ, еслибъ у ней не

было золотистыхъ полосокъ на бокахъ; изъ группы стрематендъ, тѣло которыхъ очень сплюснуто и овально, я видѣлъ ларусовъ, яркихъ цвѣтовъ, имѣющихъ спинныя плавательныя перья расположенными въ видѣ серпа; это рыбы съѣдобныя, они сушатся, маринуются и составляютъ превосходное блюдо, извѣстное подъ именемъ *karawade*; потомъ транквебаровъ, принадлежащихъ къ роду апсифороидъ, тѣло которыхъ покрыто чешуйчатыми латами изъ восьми продольныхъ полосъ.

Между тѣмъ постепенно поднимавшееся солнце все ярче и ярче освѣщало массу водъ. Почва понемногу измѣнялась. За чистымъ пескомъ слѣдовало настоящее шоссе изъ округленныхъ обломковъ скалъ, покрытыхъ ковромъ изъ моллюсковъ и зоофитовъ. Между экземплярами этихъ двухъ отдѣловъ я увидѣлъ плаценъ съ тонкими и неровными створками, изъ группы устричныхъ раковинъ, обыкновенныхъ въ Чермномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ, мощныхъ оранжевыхъ съ кругообразною раковиной, шиловокъ, нѣсколькихъ murex persica, доставляющихъ *Кораблику* удивительную краску, не мало murex cornigtus, длиной въ одиннадцать центиметровъ, поднимавшихся подъ водой какъ руки, готовыя схватить васъ, turbinella cornigera, покрытыхъ шипами, lingula hyans, anatina, раковинъ, которыми снабжены рынки Индостана, pelagia panopura, oculina flabelliformis, этихъ великолѣпныхъ вѣеровъ, представляющихъ одно изъ самыхъ роскошныхъ воспроизведеній деревьевъ въ этихъ моряхъ.

Посреди живыхъ растеній и подъ тѣнью водорослей бѣгали цѣлые легіоны неуклюжихъ суставчатыхъ, въ особенности ranina dentata, оболочка которыхъ имѣетъ форму слегка закругленнаго треугольника, bugrus, обыкновенныхъ въ этихъ мѣстахъ, parthenope horrida, отвратительныхъ на видъ. Мнѣ довелось также встрѣчать нѣсколько разъ другое отвратительное животное. Это былъ огромный краббъ, изслѣдованный Дарвиномъ. Природа одарила его инстинктомъ и необходимою силой чтобы питаться кокосовыми орѣхами; онъ взлѣзаетъ на прибрежныя деревья, отрываетъ и роняетъ орѣхъ, который раскалывается при паденіи, и открываетъ его своими мощными клещами. Здѣсь, въ этихъ прозрачныхъ волнахъ, краббъ этотъ бѣгалъ съ удивительнымъ проворствомъ, между тѣмъ какъ настоящія морскія черепахи, изъ породы часто

посѣщающей берега Малабара, медленно передвигались между скалами.

Наконецъ, около семи часовъ, мы достигли отмели жемчужницъ, на которой эти раковины воспроизводятся милліонами. Эти драгоцѣнные моллюски приростаютъ къ скаламъ и очень крѣпко соединены съ ними посредствомъ биссуса темнаго цвѣта, что̀ и препятствуетъ имъ перемѣщаться: въ этомъ отношеніи онѣ ниже настоящихъ ракушекъ, которымъ природа не совершенно отказала въ способности передвиженія.

Взрослая жемчужница, створки которой почти равны между собой, имѣетъ форму округленную, съ толстыми стѣнками, очень шероховатыми снаружи. Нѣкоторыя изъ этихъ раковинъ были покрыты наслоеніями и изборождены зеленоватыми полосами, блестѣвшими на ихъ верхушкѣ. Онѣ принадлежали молодымъ устрицамъ.

Другія же, жесткія и черныя снаружи, имѣвшія по десяти лѣтъ и болѣе, доходили до пятнадцати центиметровъ ширины.

Капитанъ Немо показалъ мнѣ рукой на это удивительное скопленіе раковинъ, и я понялъ что этотъ рудникъ дѣйствительно неисчерпаемъ, потому что творческая сила природы все-таки превышаетъ разрушительные инстинкты человѣка. Недъ-Ландъ, вѣрный этой наклонности къ разрушенію, торопился наполнить самыми лучшими моллюсками сѣтку привязанную у него съ боку.

Но мы не могли останавливаться. Надо было слѣдовать за капитаномъ, который, повидимому, шелъ по тропинкамъ только ему одному извѣстнымъ. Почва замѣтно повышалась, и иногда, поднимая руку, я доставалъ ею выше уровня моря. Потомъ уровень мели прихотливо понижался. Часто мы обходили высокія скалы, заостренныя въ видѣ маленькихъ пирамидъ. Въ ихъ мрачныхъ извилинахъ большіе морскіе раки прицѣплялись на своихъ высокихъ ногахъ какъ военныя орудія, устремляя на насъ свои неподвижные глаза, а подъ нашими ногами ползали миріяпы, глицеры, арикіи и другія аннелиды, вытягивавшіе свои усики и щупальцы.

Въ эту минуту мы подошли къ огромной пещерѣ вырытой въ живописномъ мѣстѣ между утесами, украшенными, какъ пестрыми обоями, всевозможными разнообразными экземплярами подводной флоры. Сначала эта пещера показалась мнѣ совершенно темною. Солнечные лучи въ ней какъ будто

постепенно потухали. Ея неопредѣленная прозрачность была не что иное, какъ поглощенный свѣтъ.

Капитанъ Немо вошелъ туда; мы за нимъ. Мои глаза скоро привыкли къ этой относительной темнотѣ. Я различалъ причудливые изгибы свода, который поддерживался естественными столбами, крѣпко стоявшими на гранитномъ основаніи, какъ тяжелыя колонны тосканской архитектуры. Къ чему нашъ непостижимый путеводитель привелъ насъ въ глубину этой подводной пещеры? Я скоро понялъ это.

Спустившись по довольно крутому скату, мы очутились на днѣ впадины похожей на круглый колодезь. Тутъ капитанъ Немо остановился и указалъ намъ рукой на предметъ котораго я еще не замѣтилъ.

Мы увидѣли раковину необыкновенной величины, тридакну исполинскую. Превращенная въ кропильницу, она вмѣстила бы цѣлое озеро святой воды; это былъ бассейнъ имѣвшій болѣе двухъ метровъ въ ширину и слѣдовательно превышавшій своими размѣрами бассейнъ украшавшій залу *Кораблика*.

Я приблизился къ этому чудесному моллюску. Своимъ биссусомъ онъ прикрѣплялся къ гранитному столу, и здѣсь, въ спокойныхъ водахъ пещеры, развивался одиноко. Я предположилъ что эта тридакна вѣситъ триста килограммовъ. Въ подобной раковинѣ должно содержаться пятнадцать килограммовъ мяса, и только желудокъ Гаргантуа былъ бы способенъ вмѣстить ихъ нѣсколько дюжинъ.

Капитанъ Немо, очевидно, зналъ о существованіи этой двустворчатой раковины. Уже не впервый разъ приходилъ онъ сюда, и я думалъ что приведя насъ въ это мѣсто, онъ хотѣлъ только показать намъ рѣдкое явленіе природы. Я ошибался Капитанъ Немо имѣлъ особенную причину интересоваться настоящимъ положеніемъ этой тридакны.

Обѣ створки моллюска были полуоткрыты. Капитанъ приблизился и вложилъ свой кинжалъ между створокъ чтобы помѣшать имъ закрыться; потомъ приподнялъ рукою изсѣченную по краямъ въ видѣ бахромы перепончатую оболочку, составлявшую мантію животнаго.

Тамъ, между листовидными складками, я увидѣлъ жемчужину величиной съ кокосовый орѣхъ. Ея шаровидная форма, необыкновенная чистота и изумительная вода, дѣлали изъ нея драгоцѣнность которой нѣтъ цѣны. Увлеченный любопытствомъ, я протянулъ руку чтобы схватить ее, взвѣсить и ощупать. Но

капитанъ отрицательнымъ знакомъ остановилъ меня, быстрымъ движеніемъ вынулъ свой кинжалъ, и обѣ створки вдругъ закрылись.

Я понялъ тогда намѣреніе капитана Немо. Оставляя жемчужину скрытою подъ плащемъ тридакны, онъ давалъ ей возможность увеличиваться мало-по-малу. Съ каждымъ годомъ выдѣленіе моллюска прибавляло къ ней новые концентрическіе слои. Одинъ только капитанъ Немо зналъ пещеру гдѣ созрѣвалъ удивительный плодъ природы; одинъ онъ, такъ сказать, воспитывалъ его, чтобы современемъ перенести въ свой драгоцѣнный музей. Можетъ-быть даже, по примѣру Китайцевъ и Индійцевъ, онъ самъ вызвалъ развитіе этой жемчужины, вложивъ въ складки моллюска кусочекъ стекла, или металла, который мало-по-малу покрылся перламутровымъ веществомъ. Во всякомъ случаѣ, сравнивая эту жемчужину съ видѣнными мной прежде, съ тѣми которыя блестѣли въ коллекціи капитана, я оцѣнилъ ее по крайней мѣрѣ въ десять милліоновъ франковъ. Великолѣпная рѣдкость природы, но не предметъ роскоши, потому что я не знаю какое женское ухо могло бы выдержать ее.

Посѣщеніе богатой тридакны было кончено. Капитанъ Немо оставилъ пещеру, и мы вышли на мель изъ раковинъ, посреди чистыхъ водъ, еще не взволнованныхъ работами водолазовъ.

Мы шли порознь, настоящими фланерами, каждый останавливался, или удалялся по своему произволу. Что до меня касается, то я уже болѣе не страшился опасностей, такъ глупо преувеличенныхъ моимъ воображеніемъ. Подводная гора замѣтно приближалась къ поверхности моря, и вскорѣ моя голова, при одномъ метрѣ глубины, стала выше уровня моря. Консель догналъ меня и прижавшись своимъ большимъ колпакомъ къ моему, сдѣлалъ мнѣ глазами дружеское привѣтствіе. Но эта плоская возвышенность имѣла не болѣе нѣсколькихъ саженъ, и мы скоро опять вступили въ свою стихію. Я думаю что теперь имѣю право называть ее такимъ образомъ.

Десять минутъ спустя, капитанъ Немо вдругъ остановился. Я думалъ что онъ намѣревается повернуть назадъ. Нѣтъ. Движеніемъ руки онъ приказалъ мнѣ спрятаться за него, въ глубинѣ широкой извилины. Онъ показывалъ мнѣ на одно мѣсто въ водѣ, и я сталъ внимательно смотрѣть туда.

Въ пяти метрахъ отъ меня показалась тѣнь и спустилась до дна. Тревожная мысль объ акулахъ пробѣжала въ моемъ умѣ; но я ошибся: въ этотъ разъ мы имѣли дѣло не съ чудовищами океана.

Это былъ человѣкъ, живой человѣкъ, Индіецъ, черный, водолазъ, бѣдный малый, пришедшій, безъ сомнѣнія, собирать колосья раньше жатвы. Я видѣлъ дно его лодки, стоявшей на якорѣ въ нѣсколькихъ футовъ надъ его головой. Онъ постоянно погружался и подымался. Камень вытесанный какъ голова сахару и привязанный веревкой къ его ногамъ, который онъ сжималъ ногами, помогалъ ему быстрѣе опускаться на дно моря. Въ этомъ заключались всѣ его инструменты. Достигнувъ почвы на глубинѣ пяти метровъ, онъ бросался на колѣни и наполнялъ свой мѣшокъ раковинами поднятыми наудачу. Потомъ онъ поднимался, опоражнивалъ свой мѣшокъ, опять бралъ камень и снова начиналъ свою работу, продолжавшуюся каждый разъ только тридцать секундъ.

Этотъ водолазъ не видѣлъ насъ. Тѣнь отъ скалы скрывала насъ отъ его глазъ. Да и какъ могъ этотъ бѣдный Индіецъ предположить чтобы люди, существа подобныя ему, находились подъ водой, слѣдили за его движеніями, не пропуская ни одного эпизода изъ его ловли?

Много разъ онъ такимъ образомъ поднима́лся и снова погружался, вытаскивая въ каждый пріемъ не болѣе десятка раковинъ, потому что ихъ надо было отрывать отъ мели, къ которой онѣ прикрѣплялись своими плотными биссусами. А сколько изъ нихъ были лишены жемчуга, изъ-за котораго онъ рисковалъ своею жизнью!

Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ я за нимъ. Пріемы его были правильны, и въ продолженіи получаса ему не угрожала никакая опасность. Я вполнѣ изучилъ способъ этой интересной ловли, какъ вдругъ замѣтилъ что, опускаясь на колѣни, Индіецъ неожиданно сдѣлалъ движеніе ужаса, выпрямился и устремился къ поверхности волнъ.

Я понялъ его ужасъ. Исполинская тѣнь показалась надъ несчастнымъ водолазомъ. Это была огромной величины акула, приближавшаяся діагонально, съ горѣвшими глазами и съ открытою пастью.

Я онѣмѣлъ отъ ужаса и не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

Сильнымъ ударомъ плавниковъ прожорливое животное устре-

милось на Индійца, который бросился въ сторону и избѣгъ зубовъ акулы, но не успѣлъ уклониться отъ удара ея хвоста; ударъ этотъ попалъ ему въ грудь и сшибъ его съ ногъ.

Сцена эта продолжалась только нѣсколько секундъ. Акула возвратилась и, повернувшись на спину, готовилась раздробить его на-двое, какъ вдругъ я почувствовалъ что капитанъ Немо, находившійся возлѣ меня, поспѣшно всталъ. Съ кинжаломъ въ рукѣ, онъ пошелъ прямо на чудовище, готовый сразиться съ нимъ одинъ на одинъ.

Въ ту минуту когда акула готовилась схватить несчастнаго водолаза, она увидала новаго противника, и повернувшись на брюхо, быстро направилась къ нему.

Я какъ теперь вижу позу капитана Немо. Собравшись съ силами, онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ дожидался страшной акулы, и когда она устремилась на него, капитанъ, бросившись въ сторону съ изумительною скоростью, избѣжалъ удара и вонзилъ свой кинжалъ ей въ животъ. Но не все еще было кончено: завязалась ужасная борьба.

Акула точно испустила ревъ. Кровь ручьемъ текла изъ ея раны. Море окрасилось въ красный цвѣтъ, и сквозь эту непрозрачную жидкость я не могъ ничего болѣе разсмотрѣть,— ничего, до той минуты когда кругомъ нѣсколько расчистилось, и я увидѣлъ отважнаго капитана, который схватилъ руками одинъ изъ плавниковъ животнаго и боролся съ чудовищемъ одинъ на одинъ, нанося кинжаломъ удары въ животъ своего врага, но все-таки не успѣвая нанести ему окончательный ударъ, то-есть поразить его въ самое сердце. Разъяренная акула отбивалась, страшно волнуя массу водъ, волны которыхъ грозили меня опрокинуть.

Я хотѣлъ бѣжать на помощь капитану, но, прикованный страхомъ, не могъ сдвинуться съ мѣста.

Я смотрѣлъ на нихъ, обезумѣвъ отъ ужаса. Я видѣлъ какъ ходъ борьбы видоизмѣнялся. Капитанъ упалъ на землю, опрокинутый огромною массой тяготѣвшею на немъ. Потомъ челюсти акулы открылись широко, какъ огромные рѣзцы, и все было бы кончено для капитана, еслибы Недъ-Ландъ, быстрый какъ мысль, не бросился съ острогой въ рукахъ на акулу и не поразилъ ее своимъ страшнымъ оружіемъ.

Вода обагрилась массой крови и волновалась отъ движеній акулы, которая билась съ неописаннымъ бѣшенствомъ. Недъ-Ландъ достигъ своей цѣли. Это было предсмертное

хрящѣвые чудовища. Пораженное въ сердце, оно билось въ ужасныхъ судорогахъ, причемъ волненіе моря кругомъ насъ было такъ сильно что опрокинуло Конселя.

Между тѣмъ Недъ-Ландъ освободилъ капитана. Тотъ всталъ, не раненый, прямо подошелъ къ Индійцу, быстро перерѣзалъ веревку соединявшую его съ камнемъ, взялъ его на руки и сильнымъ ударомъ ноги поднялся на поверхность моря.

Мы всѣ трое слѣдовали за нимъ и чрезъ нѣсколько минутъ, избавившись чудомъ отъ опасности, достигли до лодки водолаза.

Прежде всего капитанъ Немо позаботился возвратить несчастнаго къ жизни.

Я не зналъ достигнетъ ли онъ этого; однако надѣялся, потому что бѣдный малый недолго находился подъ водой. Но могло быть что ударомъ хвоста акула убила его до смерти.

Къ счастію, благодаря сильному трепію Конселя и капитана, къ утопленнику мало-по-малу начала возвращаться жизнь. Онъ открылъ глаза. Каково должно было быть его удивленіе и даже ужасъ, при видѣ наклонившихся надъ нимъ четырехъ большихъ мѣдныхъ головъ!

Но что̀ онъ долженъ былъ подумать когда капитанъ Немо, вынувъ изъ кармана своего платья мѣшечекъ съ жемчугомъ, положилъ ему его въ руки? Эта великолѣпная милостыня жителя водъ бѣдному Индійцу Цейлона была принята послѣднимъ дрожащими руками. Его испуганный взглядъ доказывалъ что онъ не понималъ какимъ сверхъестественнымъ существамъ обязанъ онъ въ одно время и богатствомъ, и жизнію.

По знаку капитана, мы возвратились на раковинную мель, и слѣдуя по пройденной уже дорогѣ, послѣ получасовой ходьбы, достигли якоря на которомъ стояла лодка *Кораблика*. Помѣстившись въ лодку, мы всѣ принялись, съ помощію матросовъ, освобождаться отъ своихъ тяжелыхъ череповъ.

Прежде всего капитанъ Немо обратился къ Канадцу.

— Благодарю васъ, метръ Ландъ, сказалъ онъ.

— Я отплатилъ вамъ, капитанъ, сказалъ Недъ-Ландъ.—Я у васъ былъ въ долгу.

Легкая улыбка скользнула по губамъ капитана, этимъ все и кончилось.

— Къ *Кораблику*, сказалъ онъ.

Шлюпка быстро понеслась по волнамъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы встрѣтили плавающій трупъ акулы.

По черному цвѣту оконечностей ея плавниковъ, я узналъ страшную акулу Индійскаго моря, видъ собственно акулъ. Длина ея превышала двадцать пять футовъ; огромная пасть занимала одну треть ея тѣла. Это была взрослая акула, судя по шести рядамъ ея зубовъ, расположенныхъ на верхней челюсти и имѣвшихъ форму равнобедренныхъ треугольниковъ.

Консель смотрѣлъ на нее съ совершенно научнымъ любопытствомъ, и я увѣренъ что онъ причислилъ ее, и не безъ основанія, къ отряду хрящевыхъ рыбъ, къ группѣ Plagiostoma, къ семейству squalida и къ роду squalus.

Въ то время какъ я разсматривалъ эту безжизненную массу, около нашего судна появилась цѣлая дюжина этихъ прожорливыхъ рыбъ, но онѣ не обращали на насъ вниманія и бросились на трупъ, оспаривая другъ у друга kuski его.

Въ половинѣ девятаго мы возвратились на бортъ *Кораблика*. Тамъ я сталъ размышлять о приключеніяхъ которыми сопровождалась наша экскурсія на Манаарскую мель. Изъ нихъ неизбѣжно вытекали два заключенія: одно относилось къ несравненной отвагѣ капитана Немо, другое къ его самопожертвованію ради человѣческаго существа, одного изъ представителей породы отъ которой онъ бѣжалъ въ морскія глубины. Что бы ни говорилъ этотъ странный человѣкъ, но онъ не успѣлъ убить въ себѣ состраданіе.

Когда я высказалъ ему это замѣчаніе, онъ мнѣ отвѣтилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Этотъ Индіецъ, господинъ профессоръ, житель страны угнетенныхъ, и я, въ свою очередь, всегда причисляю и буду причислять себя къ этой странѣ!

ГЛАВА IV.

Чермное море.

29го января островъ Цейлонъ скрылся за горизонтомъ, и *Кораблик* проскользнулъ со скоростью двадцати миль въ часъ въ лабиринтъ каналовъ отдѣляющихъ Мальдивскіе острова отъ Лакедивскихъ. Онъ обогнулъ коралловый островъ Киттанъ, открытый Васко-де-Гамою въ 1499 году, и одинъ изъ девятнадцати главныхъ острововъ Лакедивскаго архипелага,

лежащаго между 10° и 14°, 32′ сѣверной широты и 69° и 50°, 72′ восточной долготы.

Итакъ мы уже прошли шестнадцать тысячъ двѣсти двадцать миль, или семь тысячъ лятьсотъ льё, отъ мѣста нашего отъѣзда въ японскихъ моряхъ.

На другой день, 30го января, когда *Кораблик*ъ поднялся на поверхность океана, въ виду не было никакой земли. Онъ шелъ къ сѣверо-сѣверо-западу и направлялся къ Оманскому морю, которое находится между Аравіей и Индійскимъ полуостровомъ и служитъ входомъ въ Персидскій заливъ.

Очевидно, предъ нами разстилалось море не представлявшее никакого выхода. Куда же велъ насъ капитанъ Немо? Я не могъ этого сказать. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ Канадца, который именно въ этотъ день спрашивалъ меня куда мы идемъ.

— Мы идемъ, другъ Недъ, куда ведетъ насъ фантазія капитана.

— Эта фантазія не поведетъ насъ далеко, отвѣчалъ Канадецъ.—Персидскій заливъ не имѣетъ выхода, и если мы войдемъ въ него, то должны будемъ возвратиться назадъ.

— Ну что̀ же, мы возвратимся, метръ Ландъ, а если послѣ Персидскаго залива *Кораблику* вздумается побывать въ Черномъ морѣ, Бабельмандебскій проливъ попрежнему на своемъ мѣстѣ и откроетъ ему свободный доступъ.

— Я не стану объяснять вамъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ,—что Чермное море также закрыто какъ и заливъ, потому что Суэзскій перешеекъ еще не прорытъ, да еслибъ и былъ прорытъ, то такое таинственное судно какъ наше не отважится вступить въ его каналы, пересѣкаемые шлюзами. Стало-быть мы достигнемъ Европы не Чермнымъ моремъ.

— Но я и не говорилъ что мы возвратимся въ Европу.

— Что̀ же вы предполагаете?

— Я предполагаю что посѣтивъ любопытныя моря Аравіи и Египта, *Кораблик*ъ опять вступитъ въ Индійскій океанъ, можетъ-быть Мозамбикскимъ проливомъ, а можетъ-быть пройдетъ мимо Маскаренскихъ острововъ чтобы достигнуть мыса Доброй Надежды.

— А разъ достигнувъ мыса Доброй Надежды? съ особенною настойчивостью спросилъ Канадецъ.

— Ну что̀ же, мы проникнемъ въ Атлантическій океанъ,

котораго еще не знаемъ. Ну, другъ Недъ! развѣ вамъ наскучило это подводное путешествіе? Развѣ вы уже приглядѣлись къ этому постоянно-разнообразному зрѣлищу подводныхъ чудесъ? Что до меня касается, то мнѣ будетъ чрезвычайно досадно если прекратится это путешествіе, которое выпадаетъ на долю такого небольшаго числа людей.

— Но знаете ли вы, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ Канадецъ,—что вотъ уже скоро три мѣсяца какъ мы живемъ плѣнниками на бортѣ *Кораблика?*

— Нѣтъ, Недъ, я этого не знаю, не хочу знать, я и не считаю ни дней, ни часовъ.

— Но какой же конецъ всего этого?

— Конецъ придетъ въ свое время. Сверхъ того, мы въ этомъ случаѣ ничего не можемъ сдѣлать и напрасно толкуемъ. Еслибы вы, мой честный Недъ, пришли и сказали мнѣ: „Намъ представляется случай къ побѣгу“, тогда я сталъ бы обсуждать его вмѣстѣ съ вами. Но такого случая не представляется, и говоря откровенно, я не думаю чтобы капитанъ Немо отважился когда-либо идти въ европейскія моря.

Изъ этого краткаго разговора можно видѣть что я благоговѣлъ предъ *Кораблико*мъ и отдался душой и тѣломъ на волю его командира.

Что касается Недъ-Ланда, то онъ закончилъ разговоръ слѣдующими словами, прибавленными въ видѣ монолога:

— Все это прекрасно и хорошо, но по моему мнѣнію, гдѣ есть стѣсненіе, тамъ нѣтъ болѣе удовольствія.

Въ продолженіе четырехъ дней, до 3го февраля, *Кораблик*ъ продолжалъ свой путь въ Оманскомъ морѣ съ различною скоростью и въ разныхъ глубинахъ. Казалось, онъ шелъ наудачу, какъ будто колебался, не рѣшаясь выбрать настоящей дороги, но ни разу не пересѣкъ тропика Рака.

Когда мы выходили изъ этого моря, предъ нами на одну минуту открылся Маскатъ, главный городъ Оманской земли. Я любовался страннымъ видомъ города, расположеннаго посреди черныхъ скалъ, отъ которыхъ еще рѣзче отдѣлялись его бѣлые дома и укрѣпленія. Я увидѣлъ округленные куполы его мечетей, изящные остроконечные минареты, его свѣжія и зеленѣющія террасы. Но это было только мимолетное видѣніе, и скоро *Кораблик*ъ погрузился въ волны этого печальнаго моря.

Потомъ онъ прошелъ на разстояніи шести миль отъ ара-

війскихъ береговъ Махра и Гадрамаута и волнистаго ряда горъ украшенныхъ нѣсколькими древними развалинами. Наконецъ, 5го февраля, мы вошли въ заливъ Аденъ, настоящую воронку вставленную въ горло Бабельмандебскаго пролива, чрезъ который воды Индійскаго океана вливаются въ Черное море.

6го февраля *Кораблик*ъ шелъ въ виду Адена расположеннаго на мысѣ, который соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Это родъ неприступнаго Гибралтара, вновь укрѣпленный Англичанами, овладѣвшими имъ въ 1839 году. Я мелькомъ видѣлъ осьмиугольные минареты этого города, который, по сказанію историка Едризи, былъ прежде самымъ богатымъ торговымъ и складочнымъ пунктомъ этого берега.

Я думалъ что достигнувъ этого мѣста, капитанъ Немо возвратится назадъ; но я ошибался: къ моему величайшему удивленію, онъ не сдѣлалъ этого.

На другой день, 7го февраля, мы вошли въ Бабельмандебскій проливъ; на арабскомъ языкѣ имя это значитъ: „дверь слезъ“. На двадцать миль ширины онъ имѣетъ только пятьдесятъ два километра длины, и *Кораблик*ъ, пущенный во весь ходъ, миновалъ его въ одинъ часъ; но я ничего не видалъ, даже острова Перима, которымъ британское правительство укрѣпило позицію Адена. Въ этомъ узкомъ проходѣ плавало слишкомъ много кораблей, англійскихъ и французскихъ, направлявшихся отъ Суэза къ Бомбею, Калькуттѣ, Мельбурну, Бурбону и Маврикію, и *Кораблик*ъ не рѣшался показываться. Онъ благоразумно держался въ глубинѣ водъ.

Наконецъ въ полдень мы плыли въ волнахъ Чермнаго моря.

Чермное море, знаменитое озеро библейскихъ сказаній, не освѣжаемое дождями, не орошаемое ни одною значительною рѣкой, вслѣдствіе чрезмѣрнаго испаренія ежегодно понижается на полтора метра. Странный заливъ, который, если-бы былъ закрытъ и находился въ условіяхъ озера, можетъ-быть, совсѣмъ бы высохъ; онъ стоитъ въ этомъ отношеніи ниже близкихъ къ нему морей, Каспійскаго и Мертваго, уровень которыхъ понижался только до тѣхъ поръ пока ихъ испареніе съ точностью уравновѣсилось съ суммою вливающихся въ нихъ водъ.

Чермное море имѣетъ двѣ тысячи шестьсотъ километровъ длины при ширинѣ, среднимъ числомъ, двухсотъ сорока километровъ. Во времена Птоломеевъ и римскихъ императоровъ оно

было великою торговою артеріей міра, и прорытый каналъ возвратитъ ему его древнее значеніе, которое уже отчасти вернули суэзскія желѣзныя дороги.

Я даже не старался понять каприза капитана Немо, каприза побудившаго его увлечь насъ въ этотъ заливъ, но былъ совершенно доволенъ тѣмъ что *Кораблик*ъ вступилъ въ него. Онъ шелъ среднимъ ходомъ, то держась поверхности, то углубляясь въ море чтобъ избѣжать какого-нибудь корабля, и такимъ образомъ я могъ наблюдать это любопытное море на поверхности и внутри.

8го февраля, при самомъ разсвѣтѣ, показалась Mokka, городъ въ настоящее время разрушенный, стѣны котораго падаютъ при одномъ звукѣ пушечнаго выстрѣла и надъ которымъ тамъ и сямъ возвышается нѣсколько зеленѣющихъ финиковыхъ пальмъ. Въ прежнее время городъ имѣлъ довольно большое значеніе, тамъ находилось шесть базаровъ, двадцать шесть мечетей, и стѣны, защищенныя четырнадцатью укрѣпленіями, опоясывали его оградой въ три километра.

Потомъ *Кораблик*ъ приблизился къ африканскимъ берегамъ, гдѣ глубина моря гораздо значительнѣе. Тамъ, между двумя теченіями кристальной чистоты, мы могли, открывая ставни, любоваться удивительными кустарниками блестящихъ коралловъ и огромными плоскими скалами покрытыми великолѣпнымъ зеленымъ ковромъ водорослей. Какое неописанное зрѣлище и разнообразіе мѣстоположеній и пейзажей на гладкихъ подводныхъ рифахъ и вулканическихъ островахъ которые примыкаютъ къ ливійскому берегу! Эта растительность являлась во всей своей красотѣ у восточныхъ береговъ, къ которымъ *Кораблик*ъ вскорѣ приблизился; это было у береговъ Тегамы: тамъ процвѣтало множество зоофитовъ; они не только разстилались ниже уровня моря, но и выдавались живописными сплетеніями поверхъ воды; послѣдніе были причудливѣе, но не столь ярки какъ первые, свѣжесть которыхъ поддерживалась оживляющею влагой водъ.

Чудные часы проводилъ я такимъ образомъ у оконъ залы. Сколько новыхъ экземпляровъ подводной флоры и фауны видѣлъ я при свѣтѣ нашего электрическаго маяка! Fungia agariciformis, аспиднаго цвѣта актиніи, между прочими thalassimethus aster, tubipora, расположенные какъ флейты и ожидающіе только дуновенія бога Пана, раковины свойственныя

этому морю, которыя кроются въ ращелинахъ слоевъ образуемыхъ звѣздчатыми кораллами и которыхъ основанія извиваются короткою спиралью, и наконецъ тысяча экземпляровъ еще невиданнаго мною до сихъ поръ полипняка, обыкновенной губки.

Классъ губокъ, первый изъ группы полиповъ, получилъ названіе отъ любопытнаго продукта, польза котораго неоспорима. Губка не растеніе, какъ утверждаютъ нѣкоторые натуралисты, но животное самаго послѣдняго порядка, полипнякъ стоящій ниже коралла. Нельзя сомнѣваться въ томъ что это животное, и даже нельзя принять мнѣніе древнихъ которые причисляли его къ промежуточнымъ формамъ между растеніями и животными. Однако я долженъ сказать что натуралисты несогласны между собой относительно строенія губокъ. Для однихъ это полипнякъ, а для другихъ, какъ Мильнъ Эдвардсъ, единичный и отдѣльный индивидуумъ.

Классъ губчатыхъ полипняковъ содержитъ до трехсотъ видовъ, встрѣчающихся во многихъ моряхъ и даже въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, но они предпочитаютъ воды Средиземнаго моря, Греческаго архипелага, берега Сиріи и Чермнаго моря. Тамъ производятся и развиваются губки fines-douces, цѣна которыхъ доходитъ до полутораста франковъ, свѣтлыя губки Сиріи, жесткія губки Варварійскихъ владѣній и такъ далѣе. Но такъ какъ я не могъ изучать этихъ зоофитовъ въ левантскихъ пристаняхъ, отъ которыхъ насъ отдѣлялъ непроходимый Суэзскій перешеекъ, то и довольствовался наблюденіемъ ихъ въ водахъ Чермнаго моря.

Я позвалъ къ себѣ Конселя, въ то время какъ *Кораблик*, на глубинѣ среднимъ числомъ отъ восьми до девяти метровъ, медленно плылъ мимо прекрасныхъ скалъ восточнаго берега.

Тутъ росли губки всѣхъ сортовъ, губки стеблевидныя, листовидныя, шаровидныя и лапчатыя. Онѣ дѣйствительно оправдывали названія корзинокъ, чашечекъ, прялокъ, лосьяго рога, львиной ноги, павлинаго хвоста, Нептуновой перчатки, данныя имъ рыболовами, въ которыхъ болѣе поэзіи чѣмъ въ ученыхъ. Изъ ихъ волокнистой ткани, пропитанной почти жидкимъ студенистымъ веществомъ, постоянно вытекали тонкія струйки воды, которыя, доставивъ жизнь каждой клѣточкѣ, выталкивались оттуда сократительнымъ движеніемъ ткани. Это вещество исчезаетъ послѣ смерти полипа и при гніеніи отдѣляетъ амміакъ. Тогда

остаются только одни роговидныя или студенистыя волокна, изъ коихъ состоитъ домашняя губка, имѣющая рыжеватый оттѣнокъ, и употребляемая для разныхъ потребностей, судя по степени ея упругости, проницаемости и прочности при вымочкѣ.

Эти полипы прикрѣплялись къ скаламъ, къ раковинамъ моллюсковъ и даже къ стеблямъ водорослей. Они наполняли самыя маленькія впадины, то растягивались, то поднимались или висѣли какъ коралловые наросты. Я объяснилъ Конселю что эти губки ловятся двоякимъ образомъ: иногда драгой, иногда руками. Этотъ послѣдній способъ, при которомъ необходимы водолазы, предпочитается, потому что такимъ образомъ ткань полипняка сохраняется неприкосновенною, что̀ придаетъ ему очень высокую цѣну.

Другіе зоофиты, изобиловавшіе рядомъ съ губчатыми полипняками, большею частію состояли изъ медузъ очень изящнаго вида; представителями моллюсковъ были разновидности кальмара, которыя, по д'Орбиньи, свойственны водамъ Чернаго моря; а изъ пресмыкающихся тутъ находились caretta virgata, снабжающіе нашъ столъ здоровымъ и вкуснымъ блюдомъ.

Что касается рыбъ, то онѣ были многочисленны и часто очень замѣчательны. Вотъ тѣ изъ нихъ которыя часто попадались въ сѣти *Кораблика*: скаты, между которыми находились овальной формы липпы кирпичнаго цвѣта; ихъ тѣло усѣяно неровными голубыми пятнами, и они узнаются по двойному зубчатому шипу; арпаки съ серебристою спиной, морскіе коты съ шиломъ на хвостѣ, и бокаты—огромные плащи въ два метра длины, волновавшіеся въ водѣ; аодоны, совершенно лишенные зубовъ, хрящеватыя рыбы близкія къ акуламъ; ostracion dromedarius, горбъ которыхъ оканчивается загнутымъ шиломъ, длиной въ полтора фута; ophidium, настоящія мурены съ серебрянымъ хвостовымъ плавникомъ, голубоватою спиной, каштановыми грудными плавниками, окаймленныя сѣрымъ кантикомъ; фіаталы изъ рода строматей, испещренные узкими золотыми полосами и украшенныя тремя цвѣтами Франціи; гарамиты длиной въ четыре дециметра; прекрасные каранксы, украшенные семью поперечными полосами отличнаго чернаго цвѣта, съ плавательными перьями голубаго и желтаго цвѣта, съ золотою и серебряною чешуей; centropus mullus auriflamma, съ желтою головой, scarus,

zabrus, balistes, gobius и тысяча другихъ рыбъ, которыхъ мы уже встрѣчали въ пройденныхъ нами моряхъ.

9го февраля *Кораблика* шелъ въ самой широкой части Чернаго моря, находящейся между Суакимомъ на западномъ берегу и Конфода на восточномъ и имѣющей въ діаметрѣ сто девяносто миль.

Въ этотъ день, въ полдень, капитанъ Немо вышелъ на платформу, гдѣ я находился. Я далъ себѣ обѣщаніе не отлускать его не добившись по крайней мѣрѣ намека на его дальнѣйшія намѣренія. Замѣтивъ меня, онъ немедленно подошелъ ко мнѣ, любезно предложилъ сигару и сказалъ:

— Ну что, господинъ профессоръ, нравится ли вамъ Черное море? Хорошо ли вы разсмотрѣли собранныя въ немъ чудеса, его рыбъ и зоофитовъ, его цвѣтники изъ губокъ и коралловые лѣса? Видѣли ли вы города раскинутые на его берегахъ?

— Да, капитанъ Немо, отвѣчалъ я, — и *Кораблику* отлично приспособленъ ко всѣмъ этимъ изслѣдованіямъ. Ахъ! это разумное судно.

— Да, господинъ профессоръ, разумное, отважное и неуязвимое! оно не боится ни ужасныхъ бурь Чернаго моря, ни теченій его, ни подводныхъ рифовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я,—это море считается самымъ опаснымъ, и если я не ошибаюсь, въ древности о немъ шла самая скверная молва.

— Скверная, господинъ Аронаксъ. Греческіе и латинскіе историки говорятъ не въ его пользу, а Страбонъ замѣчаетъ что оно особенно опасно во время постоянныхъ вѣтровъ и въ дождливое время года. Арабъ Едризи, описывающій его подъ именемъ залива Кольцумъ, разказываетъ что множество кораблей погибло на его песчаныхъ меляхъ, и что никто не рѣшается плавать по немъ ночью. Онъ утверждаетъ что это море подвержено страшнымъ ураганамъ, усѣяно негостепріимными островами, и „что оно не представляетъ ничего хорошаго“ ни въ своихъ глубинахъ, ни на поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, такое мнѣніе мы находимъ у Арріана, Агатархида и Артемидора.

— Изъ этого видно, возразилъ я, — что эти историки не плавали на бортѣ *Кораблика*.

— Безъ сомнѣнія, улыбаясь отвѣчалъ капитанъ,—и въ этомъ отношеніи наши современники не опередили древнихъ. Нужно

было нѣсколько вѣковъ чтобы найти механическую силу пара! Кто знаетъ, появится ли даже черезъ сто лѣтъ другой *Кораблик*ъ! Прогрессъ идетъ медленно, господинъ Аронаксъ.

— Конечно, отвѣчалъ я, — вашъ корабль опережаетъ цѣлымъ столѣтіемъ, можетъ-быть даже нѣсколькими, свою эпоху. Какое несчастье что подобное открытіе должно умереть вмѣстѣ со своимъ изобрѣтателемъ!

Капитанъ Немо не отвѣчалъ мнѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ сказалъ:

— Вы говорили мнѣ о мнѣніи древнихъ историковъ относительно опасности плаванія на Чермномъ морѣ?

— Это правда, отвѣчалъ я,—но можетъ-быть страхъ ихъ былъ преувеличенъ?

— И да и нѣтъ, господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо, который, какъ мнѣ показалось, въ совершенствѣ зналъ „свое Чермное море“.—То что̀ не опасно для современнаго намъ корабля, хорошо оснащеннаго и прочно выстроеннаго, свободнаго въ своемъ направленіи благодаря послушному пару, представляло всевозможныя опасности для кораблей древнихъ. Надо представить себѣ первыхъ мореплавателей, пустившихся въ опасное море на лодкахъ сдѣланныхъ изъ досокъ и связанныхъ пальмовыми веревками, проконопаченныхъ толченою древесною смолой и смазанныхъ саломъ акулъ. У нихъ не было даже инструментовъ для опредѣленія направленія, и они плыли исчисляя ходъ посреди едва извѣстныхъ теченій. При такихъ условіяхъ, кораблекрушенія были и должны были быть многочисленны; но въ наше время пароходамъ совершающимъ переѣзды между Суэзомъ и южными морями нечего бояться этого бурнаго залива, вопреки противнымъ муссонамъ. Ихъ капитаны и пассажиры предъ отъѣздомъ не приносятъ очистительныхъ жертвъ, а по окончаніи путешествія они не ходятъ болѣе въ ближайшіе храмы благодарить боговъ, украшенные гирляндами и золотыми повязками.

— Я съ этимъ согласенъ, сказалъ я,—и мнѣ кажется что паръ убилъ благодарность въ сердцахъ моряковъ. Но, капитанъ, такъ какъ вы, мнѣ кажется, спеціально изучили это море, не можете ли вы объяснить мнѣ происхожденіе его имени?

— Существуетъ, господинъ Аронаксъ, по этому предмету множество объясненій. Хотите ли вы знать мнѣніе одного лѣтописца XIV-го вѣка?

— Охотно.

— Этотъ чудакъ утверждаетъ что имя этому морю дано было послѣ перехода чрезъ него Израильтянъ, когда Фараонъ погибъ въ его волнахъ сомкнувшихся по слову Моисея:

En signe de cette merveille,
Devint la mer rouge et vermeille.
Non puis ne surent le nommer
Autrement que la rouge mer. *

— Объясненіе поэта, капитанъ Немо, отвѣчалъ я,—но я имъ не удовольствуюсь. Я желалъ бы знать ваше личное мнѣніе.

— Вотъ оно. По-моему, господинъ Аронаксъ, въ названіи Красное море надо видѣть переводъ еврейскаго слова „Edom". и древніе дали ему это имя по причинѣ особенной окраски его водъ.

— Однакоже до сихъ поръ я видѣлъ только чистыя воды безъ всякаго особеннаго оттѣнка.

— Безъ сомнѣнія; но пройдя дальше въ глубь залива, вы амѣтите это странное явленіе. Я помню что видѣлъ бухту Торъ совершенно красною, какъ озеро крови.

— И этотъ цвѣтъ вы приписываете присутствію микроскопической водоросли?

— Да, это пурпуровое слизистое вещество выходящее изъ слабыхъ растеньицъ, извѣстныхъ подъ именемъ trichodesmium, которыхъ нужно сорокъ тысячъ чтобы покрыть пространство въ одинъ квадратный миллиметръ. Можетъ-быть вы ихъ встрѣтите, когда мы будемъ въ заливѣ Торъ.

— Стало-быть, капитанъ Немо, вы не въ первый разъ пускаетесь съ *Кораблико*мъ въ Чермное море?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ.

— Такъ какъ вы говорили выше о переходѣ Израильтянъ и о катастрофѣ постигшей Египтянъ, то я васъ спрошу, видѣли ли вы подъ водой слѣды этого великаго историческаго событія.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, и для этого есть достаточное основаніе.

— Какое?

— То мѣсто гдѣ Моисей прошелъ со всѣмъ своимъ народомъ теперь такъ обмелѣло что верблюды проходятъ по немъ едва замочивъ ноги. Вы понимаете что для моего *Кораблика* тутъ слишкомъ мало воды.

* Въ знакъ этого чуда, море сдѣлалось краснымъ и алымъ, такъ что послѣ его не могли иначе назвать какъ Краснымъ моремъ.

— А это мѣсто?...

— Это мѣсто находится немного выше Суэза, въ рукавѣ составлявшемъ прежде глубокій лиманъ, въ то время когда Чермное море простиралось до Горькихъ озеръ. Израильтяне прошли тамъ чтобы достигнуть Обѣтованной Земли, и войско Фараона погибло на этомъ мѣстѣ. Я думаю что раскапывая эти пески откроли бы множество египетскихъ оружій и инструментовъ.

— Это очевидно, отвѣчалъ я,—и надо надѣяться что, къ удовольствію археологовъ, эти розыски будутъ предприняты рано или поздно, когда на этомъ перешейкѣ построятъ новые города, послѣ прорытія Суэзскаго канала, канала совершенно безполезнаго для такого судна какъ *Кораблика!*

— Правда; но за то полезнаго для цѣлаго міра, сказалъ капитанъ Немо. — Древніе хорошо понимали какъ полезно для ихъ торговыхъ предпріятій устроить сообщеніе между морями Чермнымъ и Средиземнымъ; но они не подумали прорыть прямой каналъ и выбрали Нилъ своимъ посредникомъ. По всей вѣроятности, каналъ соединявшій Нилъ съ Чермнымъ моремъ былъ начатъ при Сезострисѣ, если вѣрить преданію. Вѣрно то что за 615 лѣтъ до Рождества Христова Нехао предпринялъ устройство канала, который снабжался водами изъ Нила, чрезъ Египетскую равнину обращенную къ Аравіи. Вверхъ по этому каналу можно было подняться въ четыре дня, а ширина его была такова что двѣ триремы могли пройти въ немъ рядомъ. Его продолжали при Даріѣ, сынѣ Гистаспа, а кончили, вѣроятно, при Птоломеѣ Второмъ; Страбонъ видѣлъ какъ по немъ ходили суда; но незначительность его склона между началомъ, около Пубаста, и Чермнымъ моремъ была причиной того что суда могли ходить по немъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Этотъ каналъ служилъ для торговли до вѣка Антониновъ; оставленный, обмелѣвшій, потомъ опять возстановленный по повелѣнію калифа Омара, онъ былъ окончательно засыпанъ въ 761 или въ 762 году калифомъ Аль-Манзоромъ, который хотѣлъ помѣшать привозу съѣстныхъ припасовъ къ Магомеду-бенъ-Абдаллѣ, возмутившемуся противъ него. Во время Египетской экспедиціи, вашъ генералъ Бонапартъ нашелъ слѣды этихъ работъ въ пустынѣ Суэза, и застигнутый приливомъ, чуть не погибъ за нѣсколько часовъ до пріѣзда въ Гаджаротъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ

Монсей располагался лагеремъ, за три тысячи триста лѣтъ до него.

— Ну что же, капитанъ, то чего древніе не осмѣливались предпринять, соединеніе двухъ морей сокращающее на девять тысячъ километровъ путь отъ Кадикса до Индіи, то сдѣлалъ господинъ Лессепсъ, и скоро онъ превратитъ Африку въ громадный островъ.

— Да, господинъ Аронаксъ, и вы имѣете право гордиться своимъ соотечественникомъ. Этотъ человѣкъ дѣлаетъ націи больше чести чѣмъ самые великіе полководцы. Онъ началъ, какъ и многіе другіе, заботами и неудачами; но онъ восторжествовалъ, потому что у него геніальная воля. Грустно подумать что этотъ трудъ, который могъ бы быть международнымъ трудомъ и прославить цѣлое царство, удался благодаря энергіи только одного человѣка. Итакъ честь и слава Лессепсу!

— Да, честь и слава этому великому гражданину, отвѣчалъ я, удивленный тономъ, которымъ говорилъ капитанъ Немо.

— Къ несчастью, возразилъ онъ, — я не могу вести васъ чрезъ Суэзскій каналъ; но вы будете имѣть возможность увидѣть длинныя насыпи Портъ-Саида послѣзавтра, когда мы войдемъ въ Средиземное море.

— Въ Средиземное море! вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ. Васъ это удивляетъ?

— Меня удивляетъ то что мы будемъ тамъ послѣзавтра.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, капитанъ, хотя я долженъ бы былъ привыкнуть ничему не удивляться съ тѣхъ поръ какъ нахожусь на вашемъ кораблѣ.

— Но почему же вы удивляетесь?

— Меня поражаетъ ужасающая быстрота которую вы принуждены будете сообщить *Кораблику*, если онъ долженъ послѣзавтра войти въ Средиземное море, обогнувъ Африку и мысъ Доброй-Надежды!

— Кто вамъ сказалъ что онъ обойдетъ вокругъ Африки, господинъ профессоръ? и кто же вамъ говоритъ что онъ обогнетъ мысъ Доброй-Надежды?

— Однакоже, если *Кораблику* не поплыветъ по твердой землѣ и не пройдетъ надъ перешейкомъ....

— Или подъ нимъ, господинъ Аронаксъ.

— Подъ нимъ?

— Безъ сомнѣнія, спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо.—Уже

давно природа сдѣлала подъ этимъ перешейкомъ то что̀ люди дѣлаютъ теперь на его поверхности.

— Какъ! существуетъ проходъ?

— Да, подземный проходъ, который я назвалъ Аравійскимъ Тоннелемъ. Онъ начинается подъ Суэзомъ и оканчивается въ заливѣ Пелузіумъ.

— Но этотъ перешеекъ состоитъ изъ зыбучаго песка?

— До извѣстной глубины. Но на глубинѣ пятидесяти метровъ встрѣчается непоколебимый слой утесовъ.

— Вы случайно открыли этотъ проходъ? спросилъ я, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Случай и размышленіе, господинъ профессоръ, и даже больше размышленіе чѣмъ случай.

— Капитанъ, я васъ слушаю, но уши мои противятся слышанному.

— Ахъ! господинъ профессоръ! *Aures habent et non audient* свойственно всѣмъ временамъ. Не только этотъ проходъ существуетъ, но я пользовался имъ нѣсколько разъ. Безъ этого я бы теперь не отважился идти въ это закрытое Чермное море.

— Не будетъ ли нескромно съ моей стороны спросить васъ какъ вы открыли этотъ тоннель?

— Господинъ профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ,—ничего не можетъ быть тайнаго между людьми которые не должны болѣе разставаться.

Я не отвѣчалъ на этотъ намекъ и ожидалъ разказа капитана Немо.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ,—простое разсужденіе натуралиста привело меня къ открытію этого прохода, о которомъ знаю только я одинъ. Я замѣтилъ что въ моряхъ Чермномъ и Средиземномъ находится нѣсколько совершенно одинаковыхъ видовъ рыбъ изъ породъ ophidium, fiatola, girella, excoetus и прочихъ. Убѣдившись въ этомъ фактѣ, я сталъ думать нѣтъ ли сообщенія между двумя морями. Если оно существовало, то подземное теченіе должно идти изъ Чермнаго моря въ Средиземное, единственно по причинѣ разницы въ ихъ уровнѣ. Итакъ я наловилъ большое количество рыбъ въ окрестностяхъ Суэза. Я надѣвалъ имъ на хвостъ мѣдныя кольца, и опять бросалъ ихъ въ море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у береговъ Сиріи, мнѣ попались нѣкоторые экземпляры моихъ рыбъ, украшенныхъ замѣченными кольцами. Сообщеніе между двумя морями было доказано.

Я искалъ его съ моимъ *Кораблико*мъ, нашелъ его, пустился туда, и немного времени спустя, господинъ профессоръ, вы также переправитесь чрезъ мой Аравійскій Тоннель!

ГЛАВА V.

Аравійскій Тоннель.

Въ тотъ же день я передалъ Конселю и Недъ-Ланду ту часть этого разговора которая должна была ихъ интересовать. Когда я сообщилъ имъ что черезъ два дня мы будемъ въ водахъ Средиземнаго моря, Консель захлопалъ въ ладоши, но Канадецъ только пожалъ плечами.

— Подводный тоннель! сказалъ онъ.—Сообщеніе между двумя морями! Слыхано ли это?

— Другъ Недъ! возразилъ Консель:—слыхали ли вы когда-нибудь о *Кораблик*ѣ? Нѣтъ. Однакоже онъ существуетъ. Итакъ, не пожимайте плечами не обдумавъ дѣла, и не отрицайте вещей подъ тѣмъ предлогомъ что вы о нихъ никогда не слыхали.

— Увидимъ, увидимъ! рѣшилъ Недъ-Ландъ, покачивая головой.—Я во всякомъ случаѣ готовъ вѣрить что проходъ, о которомъ толкуетъ вашъ капитанъ, дѣйствительно существуетъ, и дай Богъ чтобъ ему удалось вывести насъ въ Средиземное море.

Въ тотъ же вечеръ, подъ 21° 30′ сѣверной широты, плывя на поверхности моря, *Кораблик*ъ приблизился къ Аравійскому берегу. Я увидалъ Джедду, значительный торговый пунктъ для Египта, Сиріи, Турціи и обѣихъ Индій.

Я довольно ясно различалъ общій видъ ея построекъ, корабли стоявшіе вдоль набережныхъ, а также и тѣ которые принуждены были бросить якорь на рейдѣ, потому что сидѣли глубоко въ водѣ. Солнце, стоявшее низко на горизонтѣ, прямо ударяло въ дома города, что̀ еще болѣе выставляло ихъ бѣлизну. Внѣ города нѣсколько хижинъ изъ дерева, или тростника показывали что этотъ кварталъ обитаемъ Бедуинами.

Скоро Джедда скрылась въ вечернемъ сумракѣ, и *Кораблик*ъ погрузился въ волны, отливавшія фосфорическимъ блескомъ.

На слѣдующей день, 10го февраля, появилось нѣсколько

кораблей шедшихъ намъ навстрѣчу. *Кораблик*ъ опять погрузился въ воду; но ровно въ полдень море было пустынно, и онъ поднялся до своей грузовой ватерлиніи.

Вмѣстѣ съ Недомъ и Конселемъ, я расположился на платформѣ. Восточный берегъ представлялся въ сыромъ туманѣ едва очерченною массой.

Облокотившись на край лодки, мы толковали о разныхъ предметахъ, какъ вдругъ Недъ-Ландъ, указывая рукой на какой-то предметъ сказалъ мнѣ:

— Господинъ профессоръ, видите ли вы что-нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—но вѣдь я, вы знаете, Недъ, не имѣю вашего зрѣнія.

— Смотрите хорошенько, возразилъ Недъ,—тамъ впереди насъ, направо, почти наравнѣ съ маякомъ! Вы не видите предмета который, кажется, двигается.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я послѣ внимательнаго наблюденія, — мнѣ кажется, я вижу на поверхности воды продолговатое черное тѣло.

— Новый *Кораблик*ъ! сказалъ Консель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Канадецъ,—если я не ошибаюсь, это какое-то морское животное.

— А есть киты въ Чермномъ морѣ? спросилъ Консель.

— Да, любезный другъ, отвѣчалъ я,—иногда они встрѣчаются тамъ.

— Это не китъ, возразилъ Недъ-Ландъ, не терявшій изъ виду замѣченнаго предмета.—Съ китомъ мы старые знакомые, и я узналъ бы его тотчасъ.

— Подождемъ, замѣтилъ Консель,—*Кораблик*ъ направляется въ эту сторону, и мы скоро узнаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

И дѣйствительно, мы скоро приблизились къ черноватому предмету на разстояніе одной мили. Онъ походилъ на огромный подводный камень брошенный посреди моря. Что это, я еще не могъ опредѣлить.

— Ба, онъ плыветъ, ныряетъ, закричалъ Недъ-Ландъ.—Тысячу чертей! что это за животное? Хвостъ его не раздвоенъ, какъ у китовъ и кашалотовъ, и его плавники похожи на обрубленные члены.

— Но въ такомъ случаѣ.... началъ я.

— Ба, да оно ложится на спину, перебилъ Канадецъ, и поднимаетъ къ верху груди.

— Это сирена, закричалъ Консель,—настоящая сирена, что бы ни думалъ господинъ профессоръ.

Слово сирена навело меня на истинный путь, и я понялъ что животное принадлежало къ разряду тѣхъ морскихъ существъ, которыхъ легенда превратила въ сиренъ, на половину женщинъ, на половину рыбъ.

— Нѣтъ, сказалъ я Конселю,—это не сирена, но интересное животное, очень часто встрѣчающееся въ Чермномъ морѣ. Это дюгонгъ.

— Порядокъ сиренъ, группа рыбовидныхъ, подъ-классъ monodelphina, классъ млекопитающихъ, отдѣлъ позвоночныхъ, произнесъ Консель. А такія замѣчанія Конселя не допускали ни возраженій, ни дополненій.

Однако Недъ продолжалъ смотрѣть. Его глаза разгорѣлись при видѣ животнаго. Рука, казалось, была готова бросить въ него острогу. Онъ, повидимому, выжидалъ удобную минуту чтобы броситься въ море и преслѣдовать животное въ его родной средѣ.

— Ахъ, господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ,—мнѣ еще никогда не случалось бить „такихъ“.

Весь человѣкъ былъ въ этомъ словѣ.

Въ эту минуту капитанъ Немо показался на платформѣ. Онъ замѣтилъ дюгонга, понялъ выраженіе лица Канадца и обратился прямо къ нему.

— Еслибы вы держали острогу, метръ Ландъ, она бы, я думаю, жгла вамъ руку.

— Правда, капитанъ.

— И вамъ бы хотѣлось взяться еще разъ за ремесло китолова и присоединить это животное къ списку убитыхъ вами прежде?

— Очень бы хотѣлось.

— Ну такъ, попытайтесь.

— Благодарю, капитанъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ, глаза котораго загорѣлись.

— Только, продолжалъ капитанъ,—въ видахъ вашей же собственной пользы, совѣтую вамъ не промахнуться.

— А развѣ ловля эта представляетъ какую-нибудь опасность? спросилъ я, несмотря на то что Канадецъ пожималъ плечами.

— Иногда, отвѣчалъ капитанъ.—Случается что животное въ свою очередь нападаетъ на преслѣдователей и опрокиды-

ваетъ ихъ судно. Но Недъ-Ланду нечего бояться этой неудачи. Взглядъ его быстръ, и рука тверда. Я совѣтую ему не упускать дюгонга потому что животное это считается превосходною дичью, а я знаю что метръ Ландъ не пренебрегаетъ хорошимъ кускомъ.

— Вотъ какъ, замѣтилъ Недъ,—такъ оно еще позволяетъ себѣ роскошь имѣть вкусное мясо.

— Да, метръ Ландъ, мясо его настоящая говядина, очень цѣнится, и во всей Меланезіи его сберегаютъ для стола государей. И потому это превосходное животное преслѣдуется съ такою страстью что оно встрѣчается все рѣже и рѣже, также какъ и сродный съ нимъ ламантинъ.

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ, серіозно сказалъ Консель,—если, къ несчастью, это послѣднее въ своемъ родѣ животное, то его, быть-можетъ, слѣдовало бы пощадить для пользы науки.

— Быть-можетъ, возразилъ Канадецъ,—но для пользы кухни его слѣдуетъ убить.

— Принимайтесь же за дѣло, метръ Ландъ, отвѣчалъ капитанъ.

Въ эту минуту семь человѣкъ матросовъ, нѣмыхъ и невозмутимыхъ какъ всегда, вышли на платформу. Одинъ держалъ острогу и тонкую веревку, какую употребляютъ китоловы. Шлюпку освободили, вынули изъ ея углубленія и спустили на море. Шестеро гребцовъ взялись за весла, и рулевой занялъ свое мѣсто. Недъ, Консель и я, мы помѣстились на кормѣ.

— Вы не ѣдете, капитанъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, господинъ професоръ, но я желаю вамъ счастливой охоты.

Шлюпка отчалила и на своихъ шести веслахъ быстро понеслась къ дюгонгу, плававшему въ двухъ миляхъ отъ *Кораблика*.

Приблизившись къ дюгонгу на разстояніе нѣсколькихъ кабельтововъ, шлюпка пошла медленнѣе, и весла безъ шума погружались въ спокойную воду. Недъ-Ландъ, съ острогой въ рукѣ, помѣстился на носу шлюпки.

Острога которую бросаютъ въ кита обыкновенно привязывается къ очень длинной веревкѣ, послѣдняя разматывающейся когда раненое животное увлекаетъ ее за собой. Но здѣсь веревка имѣла не болѣе десяти саженъ, и другой конецъ ея былъ прикрѣпленъ къ маленькому боченку. Плавая

на поверхности, онъ долженъ былъ показывать направленіе животнаго подъ водой.

Я всталъ и внимательно наблюдалъ за противникомъ Недъ-Ланда. Этотъ дюгонгъ, котораго также называютъ halicora, имѣетъ большое сходство съ ламантиномъ. Его продолговатое тѣло оканчивается очень длиннымъ хвостомъ, а боковые плавники—настоящими пальцами. Онъ отличается отъ ламантина тѣмъ что его верхняя челюсть вооружена двумя длинными и острыми зубами, образующими по обѣимъ сторонамъ рта расходящіеся клыки.

Дюгонгъ, котораго Недъ-Ландъ намѣревался преслѣдовать, былъ колоссальныхъ размѣровъ и имѣлъ болѣе семи метровъ въ длину. Онъ не двигался и, казалось, спалъ на поверхности воды,—обстоятельство много облегчавшее нападеніе.

Шлюпка осторожно приблизилась на три сажени къ животному. Весла не двигались. Я до половины приподнялся. Недъ, слегка откинувшись назадъ, потрясалъ привычною рукой свою острогу.

Вдругъ послышался свистъ, и дюгонгъ исчезъ. Острога брошенная съ силой ударила, безъ сомнѣнія, только воду.

— Тысячу чертей! закричалъ взбѣшенный Канадецъ: — я промахнулся!

— Нѣтъ, сказалъ я,—животное ранено, вотъ его кровь, но ваша острога не осталась у него въ тѣлѣ.

— Моя острога, моя острога! кричалъ Недъ-Ландъ.

Матросы принялись грести, и рулевой направилъ шлюпку къ плававшему боченку. Острогу достали, и шлюпка пустилась преслѣдовать животное.

Оно возвращалось отъ времени до времени на поверхность моря чтобы вздохнуть. Рана его не обезсилила, потому что оно плыло съ неимовѣрною быстротой. Шлюпка, управляемая сильными руками, летѣла за нимъ. Ей удавалось нѣсколько разъ приблизиться къ нему на нѣсколько саженъ, и Недъ-Ландъ держалъ острогу наготовѣ; но животное неожиданно ныряло, и его не было возможности догнать.

Можно себѣ представить какой гнѣвъ бушевалъ въ груди нетерпѣливаго Недъ-Ланда. Онъ осыпалъ несчастное животное самыми выразительными проклятіями употребительными въ англійской рѣчи. Что до меня, мнѣ было только досадно что дюгонгъ разбилъ всѣ наши хитрости.

Мы, не останавливаясь, преслѣдовали его цѣлый часъ, и я

уже начиналъ думать что овладѣть имъ невозможно, какъ вдругъ животному пришла въ голову злополучная мысль о мщеніи, въ чемъ ему пришлось раскаяться. Онъ повернулъ къ шлюпкѣ чтобы въ свою очередь напасть на нее.

Движеніе это не ускользнуло отъ Канадца.

— Вниманіе! сказалъ онъ.

Рулевой произнесъ нѣсколько словъ на своемъ непонятномъ языкѣ. Онъ, вѣроятно, совѣтовалъ своимъ людямъ быть на сторожѣ.

Дюгонгъ приблизился на двадцать футовъ, остановился и потянулъ воздухъ своими широкими ноздрями, открывавшимися не на концѣ, а на верхней части морды. Потомъ устремился на насъ со всего розмаха.

Шлюпка не успѣла увернуться отъ удара; покачнувшись на сторону, она зачерпнула одну или двѣ тонны воды, которую пришлось выкачать; но, благодаря ловкости рулеваго, ударъ попалъ наискось, а не прямо, и не опрокинулъ ея. Недъ-Ландъ, утвердившись на форъ-штевенѣ, осыпалъ ударами остроги огромное животное, которое вонзило зубы въ бортъ и ломало шлюпку надъ водой какъ левъ поднимаетъ козленка. Мы всѣ попадали одинъ на другаго, и я, право, не знаю какъ бы кончилось это приключеніе, еслибы Канадецъ, продолжавшій бороться съ животнымъ, не нанесъ ему наконецъ удара въ сердце.

Я слышалъ скрипъ зубовъ по листовому желѣзу, и дюгонгъ исчезъ увлекая за собою острогу. Но скоро боченокъ всплылъ на поверхность, и нѣсколько минутъ спустя появилось тѣло животнаго перевернувшееся на спину. Шлюпка догнала его, взяла на буксиръ и направилась къ *Кораблику*.

Пришлось употребить въ дѣло сильныя тали чтобы поднять дюгонга на платформу. Онъ вѣсилъ пять тысячъ килограммовъ. Его разрубили на части въ присутствіи Канадца, который непремѣнно хотѣлъ видѣть всѣ подробности операціи. Въ тотъ же день слуга подалъ мнѣ къ обѣду нѣсколько кусковъ этого мяса, искусно приготовленнаго поваромъ корабля. Оно было очень хорошо и показалось мнѣ вкуснѣе телятины, если не говядины.

На слѣдующій день, 11го февраля, къ запасамъ *Кораблика* прибавилась еще другая превосходная дичь. Стая морскихъ ласточекъ опустилась на палубу. Онѣ принадлежали къ виду sterna nilotica, обитающему въ Египтѣ. Клювъ у нихъ черный,

голова сѣрая съ пятнами, глаза окружены бѣлыми точками, спина, крылья и хвостъ сѣроватые, животъ и горло бѣлые, лапы красныя. Поймали также нѣсколько дюжинъ нильскихъ утокъ, дикихъ птицъ, необыкновенно вкусныхъ. Ихъ шея и верхняя часть головы бѣлыя, испещренныя черными пятнами.

*Кораблик*ъ шелъ умѣреннымъ ходомъ. Онъ подвигался, будто фланируя. Я замѣчалъ что по мѣрѣ нашего приближенія къ Суэзскому перешейку, вода въ Красномъ морѣ становилась все менѣе и менѣе соленою.

Къ пяти часамъ вечера мы увидали на сѣверѣ мысъ Расъ-Могамедъ. Этотъ мысъ составляетъ оконечность Каменистой Аравіи, лежащей между Суэзскимъ заливомъ и Акабой.

*Кораблик*ъ проникъ въ проливъ Жубаль, ведущій къ Суэзскому заливу. Я ясно различалъ высокую гору, поднимавшуюся между обоими заливами надъ мысомъ Расъ-Могамедъ. Это былъ Синай, на вершинѣ котораго Моисей видѣлъ Бога лицомъ къ лицу и который всегда представляется воображенію увѣнчаннымъ молніями.

Въ шесть часовъ *Кораблик*ъ, то погружаясь, то плавая на поверхности, прошелъ въ виду Тора, расположеннаго въ глубинѣ залива, воды котораго отличались краснымъ цвѣтомъ. что̀ еще прежде было замѣчено капитаномъ Немо. Наступила ночь. Глубокая тишина изрѣдка прерывалась крикомъ пеликана или какой-нибудь ночной птицы, шумомъ прибоя, сердито дробившагося о скалы, или отдаленнымъ стономъ парохода, колеса котораго съ шумомъ разсѣкали воды залива.

Отъ восьми до десяти часовъ *Кораблик*ъ шелъ въ нѣсколькихъ миляхъ подъ водой. По моему разчету, мы находились очень близко отъ Суэзскаго перешейка. Сквозь окна залы я видѣлъ основанія огромныхъ скалъ, ярко освѣщенныхъ электрическимъ свѣтомъ, который распространялъ нашъ маякъ. Мнѣ казалось что проливъ постепенно суживается.

Въ девять часовъ съ четвертью корабль поднялся на поверхность. Я вышелъ на платформу. Желаніе поскорѣй миновать тоннель капитана Немо не давало мнѣ ни минуты покоя, и я хотѣлъ подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ.

Скоро въ тѣни я замѣтилъ слабый огонекъ, едва видѣвшійся въ туманѣ на разстояніи одной мили отъ насъ.

— Плавающій маякъ, произнесъ чей-то голосъ.

Я обернулся и узналъ капитана Немо.

— Это плавающій маякъ Суэзскаго перешейка, повторилъ онъ.—Мы скоро достигнемъ входа въ тоннель.

— Входъ, я думаю, труденъ?

— Да; и потому я всегда самъ бываю въ каютѣ рулеваго и самъ управляю судномъ. А теперь не угодно ли вамъ сойти внизъ, господинъ Аронаксъ. *Кораблик*ъ погрузится въ море и только миновавъ Аравійскій Тоннель поднимется на поверхность его.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо. Подъемную дверь заперли, резервуары наполнили водой и корабль погрузился на десять метровъ.

Я хотѣлъ войти въ свою комнату, но капитанъ остановилъ меня.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ,—не угодно ли вамъ идти со мной въ каюту штурмана?

— Я не рѣшался васъ просить объ этомъ, отвѣчалъ я.

— Такъ пойдемте. И вы успѣете, насколько возможно, просѣдить это подводное и въ то же время подземное плаваніе.

Капитанъ провелъ меня къ средней лѣстницѣ. На половинѣ ея онъ отворилъ дверь, углубился въ верхніе переходы и вошелъ въ каюту кормчаго, помѣщавшуюся, какъ уже было сказано, на одномъ концѣ платформы.

Каюта имѣла по шести футовъ вдоль и поперекъ, и напоминала каюты штурмановъ на пароходахъ Миссисипи и Гудзона. Посрединѣ двигалось колесо, расположенное вертикально и задѣвавшее за штуръ-тросы руля, проходившіе до самой задней палубы.

Четыре окна изъ чечевицеобразныхъ стеколъ, вставленныхъ въ стѣны каюты, давали рулевому возможность смотрѣть во всѣхъ направленіяхъ.

Въ каютѣ было темно; но скоро мои глаза привыкли къ этому мраку, и я увидалъ штурмана, сильнаго человѣка, опиравшагося на косяки колеса. Море было ярко освѣщено маякомъ, горѣвшимъ позади каюты на другомъ концѣ платформы.

— Теперь, сказалъ капитанъ Немо,—надо искать прохода.

Электрическія проволоки шли отъ каюты штурмана къ комнатѣ гдѣ находились машины, и оттуда капитанъ могъ одновременно сообщать своему *Кораблику* направленіе и движеніе. Онъ пожалъ металлическую пружину, и быстрота винта немедленно умѣрилась.

Я смотрѣлъ молча на высокую, очень крутую стѣну, мимо

которой мы шли въ эту минуту, непоколебимое основаніе песчаной береговой насыпи. Мы цѣлый часъ шли вдоль этой стѣны, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нея. Капитанъ Немо не отрывалъ глазъ отъ компаса, висѣвшаго въ каютѣ на своихъ двухъ концентрическихъ кругахъ.

По знаку капитана, штурманъ ежеминутно измѣнялъ направленіе *Кораблика*.

Я помѣстился у окна направо и смотрѣлъ на превосходныя подводныя постройки коралловъ, на зоофитовъ, водоросли, ракообразныхъ, протягивавшихъ свои огромныя лапы изъ разсѣлинъ скалъ.

Въ десять часовъ съ четвертью капитанъ Немо самъ взялся за румпель. Широкая галлерея, черная и глубокая, открывалась предъ нами. *Кораблик*ъ смѣло пустился туда. Непривычный шумъ послышался по сторонамъ его. Шумѣли воды Краснаго моря, быстро катившіяся по склону тоннеля къ Средиземному морю. *Кораблик*ъ несся вмѣстѣ съ потокомъ, какъ стрѣла, несмотря на сопротивленіе машины, которой данъ былъ задній ходъ.

На стѣнахъ узкаго прохода я различалъ только блестящія полосы, прямыя линіи, огненныя борозды являвшіяся при быстротѣ движенія отъ электрическаго освѣщенія. Сердце мое сильно билось, и я сдерживалъ его рукой.

Въ десять часовъ и тридцать шесть минутъ капитанъ Немо оставилъ колесо и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Средиземное море!

*Кораблик*ъ, увлекаемый теченіемъ, прошелъ Суэзскій перешеекъ менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ.

ГЛАВА VI.

Греческій Архипелагъ.

На слѣдующій день, 12го февраля, при восходѣ солнца, *Кораблик*ъ поднялся на поверхность волнъ. Я бросился на платформу. Въ трехъ миляхъ къ югу неясно обрисовывался силуетъ Пелузы. Потокъ перенесъ насъ отъ одного моря къ другому. По этому тоннелю было легко спуститься, но по всей вѣроятности невозможно подняться.

Къ семи часамъ Недъ и Консель присоединились ко мнѣ

Неразлучные друзья крѣпко спали всю ночь, не интересуясь подвигами *Кораблика*.

— Ну-съ, господинъ натуралистъ, спросилъ Канадецъ съ легкою усмѣшкой, — а Средиземное-то море?

— Мы плывемъ на его поверхности, другъ Недъ....

— Э, сказалъ Консель, — такъ сегодня ночью?

— Да, сегодня ночью мы прошли этотъ непроходимый перешеекъ въ нѣсколько минутъ.

— Я не вѣрю этому, отвѣчалъ Канадецъ.

— Напрасно, метръ Ландъ, отвѣчалъ я.—Посмотрите, этотъ низкій берегъ который закругляется къ югу — Египетъ.

— Разказывайте другимъ, господинъ профессоръ! отвѣчалъ упрямый Канадецъ.

— Но если господинъ профессоръ утверждаетъ, замѣтилъ Консель,—мы должны ему вѣрить.

— Притомъ же капитанъ Немо угостилъ меня своимъ тонведемъ. Я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ каютѣ штурмана, когда онъ самъ управлялъ *Корабликомъ* въ этомъ узкомъ проходѣ.

— Вы слышите, Недъ? сказалъ Консель.

— Да кромѣ того, Недъ, при вашемъ хорошемъ зрѣніи вы можете различить вдающіеся въ море молы Портъ-Саида.

Канадецъ посмотрѣлъ внимательно.

— Да, сказалъ онъ, — вы правы, господинъ профессоръ, и вашъ капитанъ молодецъ. Мы въ Средиземномъ морѣ. Отлично. Такъ не угодно ли вамъ потолковать о нашихъ маленькихъ дѣлишкахъ, но такъ чтобы никто не могъ насъ слышать?

Я понялъ куда мѣтитъ Канадецъ. Во всякомъ случаѣ я думалъ что лучше поговорить, если ужъ ему этого хочется, и мы сѣли всѣ трое возлѣ маяка, гдѣ менѣе подвергались сырости отъ брызгавшихъ волнъ.

— Теперь, Недъ, мы слушаемъ, сказалъ я.—Что вы хотите намъ сказать?

— То что я хочу вамъ сказать очень просто, отвѣчалъ Канадецъ.—Мы въ Европѣ, и я предлагаю оставить *Кораблика*, прежде чѣмъ капитану Немо вздумается увезти насъ къ полярнымъ морямъ, или опять возвратиться въ Океанію.

Признаюсь, подобныя разсужденія съ Канадцемъ меня всегда смущали. Конечно, я не хотѣлъ посягать на свободу моихъ товарищей, и однако не имѣлъ на малѣйшаго желанія разстаться съ капитаномъ Немо. Благодаря ему, благодаря

его суду, я каждый день пополнялъ свои познанія, изучая жизнь моря посреди самой стихіи, и передѣлывалъ всю книгу о морскомъ днѣ. Представится ли мнѣ въ другой разъ такой же удобный случай наблюдать чудеса океана? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ! И я не могъ освоиться съ мыслію что долженъ оставить корабль не завершивъ своего круга изслѣдованій.

— Другъ Недъ, сказалъ я,—отвѣчайте мнѣ откровенно. Скучаете вы на бортѣ? Жалѣете что судьба бросила васъ въ руки капитана Немо?

Канадецъ помолчалъ нѣсколько минутъ. Потомъ онъ заговорилъ, скрестивъ руки:

— Говоря откровенно, я ничего не имѣю противъ подводнаго путешествія. Я буду доволенъ что сдѣлалъ его. Но чтобъ оно было сдѣлано, надо чтобъ оно когда-нибудь кончилось. Вотъ мое мнѣніе.

— Оно окончится, Недъ.

— Гдѣ и когда?

— Гдѣ? я не знаю. Когда? я также не могу сказать, или вѣрнѣе, я предполагаю что оно окончится когда всѣ моря откроютъ намъ свои тайны. Все на свѣтѣ имѣетъ конецъ.

— Я согласенъ съ господиномъ профессоромъ, замѣтилъ Консель.—Очень можетъ быть что, объѣхавъ всѣ моря земнаго шара, капитанъ Немо пуститъ насъ.

— Въ насъ пуститъ, хотите вы сказать! закричалъ Канадецъ.

— Не будемъ преувеличивать, метръ Ландъ, возразилъ я.—Намъ нечего бояться капитана Немо, но я также не раздѣляю мнѣнія Конселя. Намъ извѣстны тайны *Кораблика*, и я не думаю чтобы командиръ его рѣшился пустить ихъ по свѣту вмѣстѣ съ нами.

— На что же вы надѣетесь въ такомъ случаѣ? спросилъ Канадецъ.

— Я надѣюсь что встрѣтятся обстоятельства которыми намъ будетъ можно и даже должно воспользоваться, и что они могутъ встрѣтиться какъ теперь, такъ и черезъ шесть мѣсяцевъ.

— Неужели? замѣтилъ Недъ-Ландъ.—А гдѣ мы будемъ черезъ шесть мѣсяцевъ, господинъ натуралистъ?

— Быть-можетъ здѣсь, быть-можетъ въ Китаѣ. Вы знаете, *Кораблик*ъ ходитъ быстро. Онъ проносится въ океанѣ какъ

ласточка въ воздухѣ, или экстренный поѣздъ на материкѣ. Онъ не боится часто посѣщаемыхъ морей. Кто поручится намъ что онъ не вздумаетъ объѣхать берега Франціи, Англіи, Америки, гдѣ также легко убѣжать какъ и здѣсь?

— Господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ Канадецъ, — ваши доказательства грѣшатъ самымъ основаніемъ. Вы говорите въ будущемъ: „мы будемъ тамъ, мы будемъ здѣсь“. Я говорю въ настоящемъ: „мы теперь здѣсь, и надо этимъ воспользоваться“.

Логика Недъ-Ланда сбивала меня, и я чувствовалъ что побѣденъ на этомъ пунктѣ. Я не зналъ какія доказательства привести въ свою пользу.

— Господинъ профессоръ, продолжалъ Недъ-Ландъ,—предположимъ невозможное, что капитанъ Немо сегодня же предложитъ вамъ свободу. Примите ли вы ее?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— А если онъ прибавитъ что сегодняшнее предложеніе не повторится никогда болѣе. Согласитесь ли вы?

Я молчалъ.

— А что объ этомъ думаетъ другъ Консель? спросилъ Недъ-Ландъ.

— Другъ Консель, спокойно отвѣчалъ честный малый, — другъ Консель не говоритъ ничего. Онъ совершенно равнодушенъ къ этому вопросу. Онъ холостъ, какъ его господинъ и товарищъ Недъ. Ни жена, ни дѣти, ни родственники, никто не ждетъ его на родинѣ. Онъ служитъ господину профессору, думаетъ и говоритъ какъ господинъ профессоръ, и, къ его величайшему сожалѣнію, на него нечего разчитывать чтобы получить большинство голосовъ. Здѣсь только два лица: господинъ профессоръ съ одной стороны, Недъ-Ландъ съ другой Рѣшивъ такимъ образомъ, другъ Консель слушаетъ и готовъ отмѣчать удары.

Я невольно улыбнулся, слушая какъ Консель совершенно уничтожалъ свою личность. Въ глубинѣ души Канадецъ былъ доволенъ, избавляясь отъ другаго противника.

— Итакъ, господинъ профессоръ, сказалъ Недъ,—если Консель не существуетъ, то будемъ разсуждать вдвоемъ. Я все сказалъ. Вы меня выслушали. Что же вы отвѣтите?

Слѣдовало придти къ какому-нибудь заключенію, и увертки мнѣ надоѣли.

— Вотъ мой отвѣтъ, другъ Недъ, сказалъ я.—Вы правы, и мои доказательства уступаютъ вашимъ. Нечего разчитывать

на согласіе капитана Немо. Самая простая осторожность не позволяетъ ему дать намъ свободу. Наоборотъ та же осторожность велитъ намъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ чтобъ оставить *Кораблик*ъ.

— Хорошо, господинъ Аронаксъ, это значитъ разсуждать благоразумно.

— Только, сказалъ я, — одно замѣчаніе. Надо чтобы случай былъ дѣйствительно удобенъ, чтобы первая попытка убѣжать удалась. Если же она не удастся, мы никогда не найдемъ возможности возобновить ее, и капитанъ Немо не проститъ намъ.

— Все это справедливо, отвѣчалъ Канадецъ, — но ваше замѣчаніе прилагается ко всякой попыткѣ бѣжать, сдѣлаемъ ли мы ее черезъ два года, или черезъ два дня. Дѣло все-таки въ томъ что если представится удобный случай, имъ надо будетъ воспользоваться.

— Согласенъ. А теперь скажите мнѣ, Недъ, что вы называете удобнымъ случаемъ?

— Случай, который въ темную ночь приведетъ *Кораблик*ъ къ какому-нибудь европейскому берегу.

— И вы попытаетесь спастись вплавь?

— Да, если мы будемъ недалеко отъ берега, и если корабль будетъ находиться на поверхности. Нѣтъ, если будемъ далеко и подъ водой.

— И въ такомъ случаѣ?

— Въ такомъ случаѣ я постараюсь овладѣть шлюпкой. Я знаю какъ она управляется. Мы забираемся въ нее, поднимаемъ болты и поднимаемся на поверхность. Штурманъ, помѣщающійся впереди, не можетъ замѣтить нашего бѣгства.

— Хорошо, Недъ, ищите такого случая, но помните что неудача погубитъ насъ.

— Я не забуду этого.

— А теперь, Недъ, хотите ли вы знать мое мнѣніе о вашемъ планѣ.

— Очень, господинъ Аронаксъ.

— Я думаю, — не говорю: надѣюсь, — что этотъ удобный случай не представится.

— Почему это!

— Потому что капитанъ Немо не можетъ думать что мы отказались отъ надежды возвратить свободу, и онъ будетъ остороженъ, особенно въ виду европейскихъ береговъ.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ господина профессора, сказалъ Консель.

— Посмотримъ, отвѣчалъ Недъ, покачивая головой съ видомъ рѣшимости.

— А теперь, Недъ-Ландъ, прибавилъ я,—довольно объ этомъ. На слова болѣе. Когда вы будете готовы, вы предупредите насъ, и мы послѣдуемъ за вами. Я вполнѣ полагаюсь на васъ.

Такъ окончился этотъ разговоръ, который долженъ былъ имѣть такія важныя послѣдствія. Теперь я долженъ сказать что факты, повидимому, подтверждали мои предположенія, къ великому отчаянію Канадца. Можетъ-быть, капитанъ Немо не довѣрялъ намъ въ этихъ многолюдныхъ моряхъ, или онъ только скрывался отъ многочисленныхъ кораблей всѣхъ націй, бороздившихъ Средиземное море, не знаю, но онъ большею частію держался подъ водой и далеко отъ береговъ. Иногда изъ воды выставлялась рубка штурмана, а чаще *Кораблик*ъ погружался въ глубину, здѣсь весьма значительную, ибо между Греческимъ архипелагомъ и Малою Азіей мы не находили дна опустившись на двѣ тысячи метровъ.

Я узналъ островъ Карпатосъ, одинъ изъ Спорадскихъ острововъ, только по стиху Виргилія, который капитанъ Немо продекламировалъ, положивъ палецъ на одну точку планисферы:

Est in Carpathio Neptuni gurgite vates
Coeruleus Proteus....

Дѣйствительно, это было древнее жилище Протея, стараго пастуха Нептуновыхъ стадъ, нынѣшній островъ Скарпанто, лежащій между Родосомъ и Критомъ. Сквозь стекла залы я видѣлъ только его гранитныя основанія.

На слѣдующій день, 14го февраля, я предполагалъ посвятить нѣсколько часовъ изученію рыбъ архипелага. Но не знаю по какой причинѣ, окна оставались герметически закупоренными цѣлый день. Опредѣляя положеніе *Кораблика*, я замѣтилъ что онъ направляется къ Кандіи, древнему Криту. Въ то время когда я отправился въ море на бортѣ *Авраама Линкольна*, весь островъ возсталъ противъ турецкаго деспотизма. Но чѣмъ кончилось это возстаніе, я не зналъ, и капитанъ Немо, не имѣвшій никакихъ сношеній съ землей, разумѣется, не могъ сообщить мнѣ этого.

Я не дѣлалъ никакого намека на это событіе, когда остался съ нимъ вечеромъ одинъ въ залѣ. Къ тому же мнѣ показа-

лось что онъ мраченъ и озабоченъ. Потомъ, вопреки своимъ привычкамъ, онъ велѣлъ открыть ставни обоихъ оконъ залы, и переходя отъ одного къ другому, внимательно наблюдалъ массу водъ. Зачѣмъ? Я не могъ угадать, и въ свою очередь занялся изученіемъ рыбъ проходившихъ у меня предъ глазами.

Между прочими я замѣтилъ колбней (gobius aphysa), упоминаемыхъ еще Аристотелемъ и извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ именемъ бычковъ. Ихъ преимущественно встрѣчаютъ въ соленыхъ водахъ близъ дельты Нила. Между ними извивались pagrus, нѣсколько фосфорическіе, принадлежащіе къ семейству sparoideae, которыхъ Египтяне причисляли къ священнымъ животнымъ, и появленіе которыхъ въ рѣкѣ праздновалось религіозными церемоніями, такъ какъ оно возвѣщало оплодотворяющее разлитіе. Я замѣтилъ также cheilinus'овъ длиной въ три дециметра, костистыхъ рыбъ съ прозрачною чешуей; тѣло ихъ синевато и покрыто красными пятнами, они ѣдятъ очень много морскихъ растеній, что̀ придаетъ имъ самый тонкій вкусъ. Потому-то гастрономы древняго Рима считали ихъ изысканнымъ блюдомъ, и ихъ внутренности, приправленныя молоками муренъ, мозгомъ павлиновъ и языками краснокрылыхъ, составляли божественное блюдо, восхищавшее Вителлія.

Другой обитатель этихъ морей привлекъ мое вниманіе, и мнѣ пришли на умъ всѣ памятники древности. Это—прилипало (echeneis remora), который путешествуетъ прилѣпившись къ животу акулы. По сказанію древнихъ, эта маленькая рыбка, уцѣпившись за корпусъ корабля, могла остановить его и, говорятъ, одна изъ нихъ удержала корабль Антонія въ битвѣ при Акціумѣ и такимъ образомъ облегчила побѣду Августа. Отъ чего, подумаешь, зависятъ судьбы народовъ! Я наблюдалъ также удивительныхъ anthias. Греки считали этихъ рыбъ священными и приписывали имъ силу изгонять морскихъ чудовищъ изъ посѣщаемыхъ ими водъ. Имя ихъ значитъ цвѣтокъ, и они вполнѣ оправдываютъ это названіе своими переливающимися оттѣнками, заключающими всѣ тоны отъ блѣдно-розоваго до самаго яркаго рубиноваго, и измѣнчивыми, волнистыми узорами, украшающими ихъ спинное плавательное перо. Я не могъ оторвать глазъ отъ этихъ чудесъ моря, но вдругъ меня поразило неожиданное явленіе.

Въ волнахъ показался человѣкъ, водолазъ съ кожанымъ кошелькомъ у пояса. Это не было безжизненное тѣло пред-

оставленное на волю водъ. Человѣкъ этотъ былъ живъ и плылъ, сильною рукой разсѣкая волны, исчезая по временамъ чтобы вздохнуть на поверхности воды, и снова погружаясь.

Я обернулся къ капитану Немо и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Человѣкъ утопаетъ, его надо спасти во что бы то ни стало.

Капитанъ не отвѣчалъ, но подошелъ ко мнѣ и облокотился на подоконникъ.

Человѣкъ приблизился и смотрѣлъ на насъ, прильнувъ лицомъ къ стеклу.

Къ моему величайшему изумленію, капитанъ Немо сдѣлалъ ему знакъ. Водолазъ отвѣчалъ ему рукой, немедленно возвратился на поверхность моря и болѣе не показывался.

— Не безпокойтесь, сказалъ мнѣ капитанъ.—Это Николай съ мыса Матапана, прозванный *рыбой*. Его хорошо знаютъ на всѣхъ Цикладахъ. Смѣлый водолазъ! Вода его элементъ, и онъ живетъ въ ней гораздо больше чѣмъ на землѣ, безпрестанно переплывая отъ одного острова къ другому до самой Кандіи.

— Вы его знаете, капитанъ?

— А почему бы нѣтъ, господинъ Аронаксъ?

Сказавъ это, капитанъ направился къ шкафу, стоявшему возлѣ окна налѣво. Возлѣ шкафа я замѣтилъ шкатулку окованную желѣзомъ, на крышкѣ которой находилась мѣдная пластинка съ шифромъ *Корабликa* и его девизомъ Mobilis in Mobile.

Въ эту минуту, не обращая вниманія на мое присутствіе, капитанъ Немо открылъ шкафъ, устроенный въ родѣ сундука, заключавшій множество слитковъ.

Это были слитки золота. Откуда взялся этотъ драгоцѣнный металлъ, котораго тутъ находилось на огромную сумму? Гдѣ капитанъ добылъ золото, и что онъ сдѣлаетъ съ нимъ?

Я не говорилъ ни слова. Я смотрѣлъ. Капитанъ Немо бралъ по одному эти слитки, укладывалъ ихъ методически въ шкатулку и наполнилъ ее до верху. По моему разчету, она содержала такимъ образомъ болѣе тысячи килограммовъ золота, то-есть около пяти милліоновъ франковъ.

Капитанъ тщательно заперъ шкатулку и написалъ на ея крышкѣ адресъ, кажется на ново-греческомъ языкѣ.

Сдѣлавъ это, капитанъ Немо пожалъ электрическій звонокъ.

Четыре человѣка вошли въ комнату и не безъ труда вытащили шкатулку изъ залы. Потомъ я слышалъ что они поднимали ее талями по желѣзной лѣстницѣ.

Вдругъ капитанъ Немо обратился ко мнѣ:

— И вы говорили, господинъ профессоръ? спросилъ онъ.

— Я ничего не говорилъ, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ вы позволите мнѣ пожелать вамъ спокойной ночи.

Съ этими словами капитанъ Немо оставилъ комнату.

Я вернулся въ свою комнату, понятно чрезвычайно заинтересованный, и напрасно старался уснуть. Я искалъ соотношенія между появленіемъ водолаза и этою шкатулкой полною золота. По нѣкоторому колебанію, по боковой и килевой качкѣ, я узналъ что *Кораблика* оставилъ внутренніе слои и вернулся на поверхность моря.

Потомъ я услыхалъ шумъ шаговъ на платформѣ. Я понялъ что отстегиваютъ шлюпку, что ее спускаютъ въ море. Она ударилась о корпусъ *Кораблика*, и все стихло.

Два часа спустя повторился тотъ же шумъ и тѣ же шаги Шлюпку втащили на бортъ, поставили въ ея углубленіе, и *Кораблика* погрузился въ воду.

Итакъ, эти милліоны были отправлены къ своему назначенію. На какую часть материка? Съ кѣмъ имѣлъ дѣло капитанъ Немо?

На слѣдующій день я разказалъ Конселю и Канадцу происшествія этой ночи, возбуждавшія мое любопытство до послѣдней крайности. Мои товарищи были удивлены не менѣе меня.

— Но гдѣ же онъ беретъ эти милліоны? спросилъ Недъ-Ландъ.

Я не находилъ отвѣта. Позавтракавъ, я отправился въ залу и сѣлъ за работу. До пяти часовъ вечера я исправлялъ свои замѣтки. Въ эту минуту,—я не зналъ, приписать ли это явленіе моему личному настроенію,—я почувствовалъ сильный жаръ и долженъ былъ снять съ себя свое платье изъ биссуса. Я не могъ понять причину этого явленія, такъ какъ мы находились не подъ тропическими широтами; къ тому же *Кораблика*, погруженный въ море, не долженъ былъ испытывать повышенія температуры. Я посмотрѣлъ на манометръ. Онъ показывалъ глубину шестидесяти футовъ, куда не могла достигать атмосферная теплота.

Я продолжалъ работу, но жаръ становился нестерпимѣе. Ужь не пожаръ ли на кораблѣ? подумалъ я.

Я хотѣлъ выйти изъ залы, когда капитанъ Немо вошелъ. Онъ приблизился къ термометру, посмотрѣлъ на него, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Сорокъ два градуса.

— Я это замѣтилъ, капитанъ, отвѣчалъ я,—и если жаръ усилится, мы не будемъ въ состояніи его переносить.

— О, господинъ профессоръ, этотъ жаръ усилится только въ томъ случаѣ если мы того пожелаемъ.

— Вы можете умѣрить его?

— Нѣтъ, но я могу удалиться отъ мѣста его развитія.

— Такъ онъ внѣшній?

— Конечно. Мы плывемъ въ кипящей водѣ.

— Возможно ли?

— Посмотрите.

Ставни открылись, и я увидѣлъ что море вокругъ *Корабля* совершенно бѣлое. Клубы сѣрнистыхъ паровъ извивались въ волнахъ, кипѣвшихъ какъ въ котлѣ. Я положилъ руку на стекло, но жаръ былъ такъ силенъ что мнѣ пришлось отнять ее.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Возлѣ острова Санторина, господинъ профессоръ, и именно въ каналѣ отдѣляющемъ островъ Неа-Каменни, отъ Палеа-Каменни. Я хотѣлъ показать вамъ любопытную картину подводнаго изверженія.

— Я думалъ, сказалъ я,—что образованіе этихъ новыхъ острововъ прекратилось.

— Ничто и никогда не прекращается въ волканическихъ мѣстностяхъ, отвѣчалъ капитанъ Немо, и земной шаръ постоянно перерабатывается тамъ подземными огнями. Уже въ семнадцатомъ году нашей эры, по Кассіодору и Плинію, новый островъ Теіа появился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ недавно образовались эти островки. Потомъ онъ исчезъ въ волнахъ, но снова появился въ шестьдесятъ девятомъ году, и исчезъ еще разъ. Съ этого времени до нашихъ дней плутоническія работы прекратились. Но 3го февраля 1866 года, новый островокъ, который назвали островъ Георгія, появился среди сѣрныхъ испареній возлѣ Неа Каменни и соединился съ нимъ 6го числа того же мѣсяца. Семь дней спустя, 13го февраля, появился островокъ Аффрозса, отдѣленный

отъ Неа Каменни каналомъ въ десять метровъ ширины. Я былъ въ этихъ моряхъ когда это случилось и слѣдовательно могъ прослѣдить всѣ фазы явленія. Круглый островокъ Афроэсса имѣлъ триста футовъ въ діаметрѣ и тридцать футовъ высоты. Онъ состоялъ изъ черной, стекловидной лавы, смѣшанной съ обломками полеваго шпата. Наконецъ 10го марта еще меньшій островокъ, названный Река, показался возлѣ Неа-Каменни, и съ того времени эти три островка, соединившись вмѣстѣ, образуетъ одинъ большой островъ.

— А каналъ, гдѣ мы находимся въ настоящую минуту? спросилъ я.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ капитанъ Немо, показывая мнѣ карту Архипелага. — Вы видите что я занесъ сюда новые островки.

— Но этотъ каналъ наполнится когда-нибудь.

— Очень возможно, господинъ Аронаксъ, потому что въ 1866 году восемь маленькихъ островковъ изъ лавы поднялись противъ порта Святаго Николая на островѣ Палеа-Каменни. Очевидно, что Неа и Палеа скоро соединятся. Если въ Тихомъ океанѣ материки образуются инфузоріями, то здѣсь въ ихъ образованіи принимаютъ участіе вулканическія явленія. Взгляните, господинъ профессоръ какая работа совершается подъ волнами.

Я возвратился къ окну. *Кораблика* стоялъ. Жаръ становился нестерпимъ. Изъ бѣлаго море превратилось въ красное отъ присутствія желѣзистой соли. Несмотря на то что комната была герметически закрыта, въ нее проникалъ невыносимый сѣрный запахъ, и я видѣлъ красное пламя столь яркое что при немъ блѣднѣлъ электрическій свѣтъ.

Я былъ въ поту, я задыхался, я готовъ былъ испечься.

Да, я чувствовалъ что начинаю печься!

— Нѣтъ возможности оставаться дольше въ этой кипящей водѣ, сказалъ я капитану.

— Да, это опасно, отвѣчалъ невозмутимый капитанъ.

Онъ отдалъ приказаніе, и *Кораблика* повернулся на другой галсъ и удалился отъ этого жерла, къ которому не могъ безнаказанно приближаться. Четверть часа спустя мы вздохнули на поверхности воды.

Мнѣ пришло въ голову, что еслибы Недъ-Ландъ избралъ эту мѣстность для предположеннаго побѣга, то мы не вышли бы живыми изъ этого огненнаго моря.

На слѣдующій день, 16го февраля, мы оставили этотъ бассейнъ, гдѣ между Родосомъ и Александріей встрѣчаются глубины въ три тысячи метровъ, и пройдя въ открытое море мимо Черниго, *Кораблик*ъ вышелъ изъ греческаго архипелага, обогнувъ мысъ Матапанъ.

ГЛАВА VII.

Чрезъ Средиземное море въ сорокъ восемь часовъ.

Средиземное море, голубое по преимуществу, „великое море“ Евреевъ, „море“ Грековъ, „mare nostrum“ Римлянъ, окаймленное апельсиновыми деревьями, алоэ, кактусами, морскими соснами, благоухающее запахомъ миртъ, окруженное неприступными горами, пропитанное чистымъ и прозрачнымъ воздухомъ, но подверженное непрерывному дѣйствію подземнаго огня, является настоящимъ полемъ битвы, гдѣ Нептунъ и Плутонъ до сихъ поръ оспариваютъ одинъ у другаго власть надъ міромъ. Тамъ, говоритъ Мишле, на его берегахъ, въ его волнахъ, человѣкъ черпаетъ новыя силы, освѣжается въ одномъ изъ самыхъ могущественныхъ климатовъ земнаго шара.

Но какъ онъ ни красивъ, мнѣ удалось только мелькомъ взглянуть на этотъ бассейнъ, поверхность котораго занимаетъ два милліона квадратныхъ километровъ. Я даже не могъ пользоваться личными свѣдѣніями капитана, потому что этотъ загадочный человѣкъ ни разу не показался въ теченіи всего послѣдняго переѣзда.

По моему разчету, *Кораблик*ъ прошелъ въ глубинѣ этого моря около шестисотъ миль и сдѣлалъ этотъ переѣздъ въ двое сутокъ. Мы отошли 16го февраля отъ береговъ Греціи, а 18го, при восходѣ солнца, миновали Гибралтарскій проливъ.

Мнѣ стало ясно что Средиземное море, лежавшее между землями которыхъ онъ избѣгалъ, не нравилось капитану Немо. Его волны и вѣтры приносили ему слишкомъ много воспоминаній, быть-можетъ, даже сожалѣній. Онъ не могъ пользоваться здѣсь такою же свободой движеній, такою же независимостью относительно направленія, какою пользовался въ океанахъ: его *Кораблику* было тѣсно между сблизившимися берегами Европы и Африки.

Мы дѣлали въ часъ двадцать пять миль, или двѣнадцать

льё въ четыре километра. Нечего говорить что Недъ-Лендъ, къ своей величайшей досадѣ, долженъ былъ отказаться отъ предполагаемаго бѣгства. Онъ не могъ воспользоваться шлюпкой, которую увлекало съ быстротой двѣнадцати или тринадцати метровъ въ секунду. Оставить *Кораблика* при такихъ условіяхъ было бы также безразсудно какъ и броситься изъ вагона ѣдущаго съ такою же скоростью. Притомъ же наше судно возвращалось на поверхность волнъ только ночью, чтобы возобновить запасъ воздуха, направлялось только по указаніямъ компаса и лага.

Итакъ въ Средиземномъ морѣ я видѣлъ только то что можетъ различить пассажиръ экстреннаго поѣзда въ пейзажахъ пропосящихся мимо его: то-есть отдаленные горизонты, а не ближайшіе предметы, которые ускользаютъ отъ глазъ съ быстротой молніи. Однако намъ съ Конселемъ удалось замѣтить нѣкоторыхъ рыбъ Средиземнаго мора, сильные плавники которыхъ давали имъ возможность держаться нѣсколько секундъ близъ *Кораблика*. Мы сторожили у оконъ залы, и наши замѣтки даютъ мнѣ средство изложить въ нѣсколькихъ словахъ ихтіологію этого моря.

Изъ многочисленныхъ рыбъ, обитающихъ въ немъ, мнѣ удалось разсмотрѣть однихъ, только мелькомъ взглянуть на другихъ, не говоря о тѣхъ которыя вслѣдствіе необыкновенной скорости *Кораблика* совершенно ускользнули отъ моего наблюденія. Итакъ я прошу позволенія перечислить ихъ, соображаясь съ этою прихотливою классификаціей. Такимъ образомъ мнѣ будетъ удобнѣе передать мои послѣшныя наблюденія.

Посреди массы водъ, ярко освѣщенныхъ электрическими полосами, извивалось нѣсколько морскихъ миногъ, длиной въ метръ, свойственныхъ почти всѣмъ климатамъ. Скаты остророылые, шириной въ пять футовъ, съ бѣлымъ животомъ, сѣрою, пепельною, испещренною спиной, разстилались какъ огромные платки, уносимые теченіемъ. Другіе скаты проносились такъ быстро что я не могъ различить, заслуживаютъ ли они названіе орловъ данное имъ Греками, или скорѣй наименованіе крысъ, жабъ, летучихъ мышей, какъ ихъ зовутъ современные рыбаки. Акулы-солуны, длиной въ двѣнадцать футовъ, преимущественно опасныя для водолазовъ, перегоняли одна другую. Морскія лисицы, длиной въ восемь футовъ, надѣленныя необыкновенно тонкимъ чутьемъ, появлялись какъ большія синеватыя тѣни. Дорады, иногда въ тринадцать дециме

тровъ длины, появлялись въ своей лазуревой и серебристой одеждѣ, окаймленной полосками, рѣзко выступавшими на темномъ фонѣ ихъ плавниковъ: эти рыбы посвящены Венерѣ, и глаза ихъ окаймлены золотистою бровью; драгоцѣнная порода эта уживается во всѣхъ водахъ, прѣсныхъ и соленыхъ, обитаетъ въ рѣкахъ, озерахъ и океанахъ, освоивается во всѣхъ климатахъ, способна переносить всѣ температуры; представители ея обитали во времена геологическихъ періодовъ земнаго шара, и она до сихъ поръ сохранила всю красоту первыхъ дней. Великолѣпные осетры, длиной отъ девяти до десяти метровъ, плавающіе очень быстро, ударяли своимъ могучимъ хвостомъ по стекламъ окна, показывая свою синеватую спину, съ маленькими коричневыми пятнами; они похожи на акулъ, но не могутъ сравниться съ ними въ силѣ и встрѣчаются во всѣхъ моряхъ; весной они любятъ заходить въ большія рѣки, бороться съ теченіемъ Волги, Дуная, По, Рейна, Луары, Одера и питаются сельдями, макрелью, лососями и треской; хотя они и принадлежатъ къ классу хрящевыхъ рыбъ, но отличаются пріятнымъ вкусомъ; ихъ ѣдятъ свѣжими, сухими, маринованными, или солеными, и въ былое время ихъ съ торжествомъ подавали къ столу Лукулла. Но изъ всѣхъ обитателей Средиземнаго моря, я могъ, когда *Кораблика* поднимался на поверхность, наблюдать съ наибольшею пользой рыбъ принадлежащихъ къ шестьдесятъ третьему роду костистыхъ. Это были тунцы съ черновато-синею спиной, серебристымъ животомъ, спинныя перья которыхъ отливаютъ золотомъ. О нихъ разказываютъ будто они слѣдуютъ за кораблями, стараясь въ прохладной тѣни ихъ найти защиту отъ палящихъ лучей тропическаго солнца, и они подтверждали эти разказы, сопровождая *Кораблика*, какъ нѣкогда сопровождали корабли Лаперуза. Въ продолженіи долгихъ часовъ они спорили скоростью съ нашимъ судномъ. Я не могъ достаточно наглядѣться на этихъ животныхъ, какъ нельзя лучше приспособленныхъ для быстраго перемѣщенія. Голова ихъ мала, тѣло, гладкое и веретенообразное, у нѣкоторыхъ имѣло болѣе трехъ метровъ въ длину, грудные плавники отличаются замѣчательною силой, а хвостовые раздвоены. Они плыли треугольникомъ, какъ нѣкоторыя стаи птицъ, которымъ они не уступали въ скорости, что и давало древнимъ поводъ говорить что имъ знакомы стратегія и геометрія. И однако имъ не удается избѣгнуть преслѣ-

дованія Провансальцевъ, которые цѣнятъ ихъ, какъ ихъ цѣнили жители Пропонтиды и Италіи, и эти драгоцѣнныя животныя смѣло, безумно бросаются и гибнутъ тысячами въ марсельскихъ заколахъ. Я назову для памяти также и тѣхъ рыбъ Средиземнаго моря, которыхъ мы съ Конселемъ видѣли только мелькомъ: это были бѣловатые fierasfer, скользившіе мимо какъ неуловимые лары, muraena conger, змѣи, отъ трехъ до четырехъ метровъ длиной, пестрѣвшіе зеленымъ, голубымъ и желтымъ цвѣтами; gadus merluccius длиной въ три фута, печень котораго составляетъ изысканное кушанье; coerola taenia, плававшіе какъ тонкіе водоросли; триглы, которыхъ поэты называютъ рыбы-лиры, а моряки—рыбы-свистуны. Ихъ ротъ украшенъ двумя треугольными, зубчатыми пластинками, изображающими инструментъ древняго Гомера. Триглы-ласточки, плавающіе съ быстротой птицы отъ которой они получили свое названіе, жабралицы съ красною головой, спинной плавникъ которыхъ снабженъ волокнами; alosa украшенныя пятнами черными, сѣрыми, коричневыми, голубыми, желтыми, зелеными, способныя ощущать серебристый звонъ колокольчиковъ, и превосходные лалтусы, морскіе фазаны, похожіе на ромбы, съ желтоватыми плавниками, покрытые коричневыми точками, которыхъ верхняя, то-есть лѣвая, сторона обыкновенно испещрена коричневыми и желтыми крапинками. Наконецъ стада удивительныхъ барбутовъ (mullus barbutus—настоящихъ парадизокъ океана, за которыхъ Римляне платили по десяти тысячъ сестерцій за штуку и безжалостно морили у себя на столѣ, наблюдая постепенное измѣненіе ихъ цвѣта, переходившаго изъ ярко-краснаго цвѣта жизни, напоминавшаго киноварь, въ бѣлый, блѣдный цвѣтъ смерти.

Если я не могъ наблюдать ни balista, ни тетродоновъ, ни морскихъ коньковъ, ни centriseus, ни blennius, ни mullus surtuletus, ни губановъ, ни корюшки, ни экзоцетовъ, ни анчоусовъ, ни красныхъ лагровъ, ни чебаковъ золотистыхъ, ни всѣхъ главныхъ представителей семейства камбаловидныхъ, свойственныхъ Атлантическому океану и Средиземному морю, то въ этомъ надо обвинить одуряющую быстроту съ которою *Кораблик*ъ несъ насъ по этимъ роскошнымъ водамъ.

Что же касается до морскихъ млекопитающихъ, то мнѣ кажется что, проходя въ виду Адріатическаго моря, я видѣлъ двухъ, или трехъ кашалотовъ, снабженныхъ спиннымъ плавни-

нее, рѣшительное распоряженіе для свадьбы. Возьмите кольцо съ собою.

Молодой человѣкъ взялъ футляръ и положилъ въ боковой карманъ.

— Если что-нибудь неладно, если что-нибудь хотя сомнительно между вами, если вы внутренно сознаете что рѣшаетесь на этотъ шагъ потому только что давно привыкли къ мысли о немъ, въ такомъ случаѣ, проговорилъ мистеръ Грюгьюсъ, заклинаю васъ еще разъ живыми и мертвыми привезти мнѣ назадъ это кольцо.

Тутъ Бодзардъ пробудился отъ собственнаго храпѣнія и, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, сталъ тупо глядѣть въ пустоту, будто вызывая кого-то доказать что онъ спалъ.

— Бодзардъ! сказалъ мистеръ Грюгьюсъ рѣзче обыкновеннаго.

— Я слѣжу за вами, отозвался Бодзардъ, — и слѣдилъ все время.

— Въ исполненіе даннаго мнѣ порученія, я вручилъ мистеру Эдвину Друду кольцо съ брилліантами и рубинами. Видите? Эдвинъ вынулъ и открылъ футляръ, а Бодзардъ поглядѣлъ въ него.

— Я слѣжу за вами обоими, отозвался онъ, — и свидѣтельствую передачу.

Очевидно желая убраться и остаться одинъ, Эдвинъ Друдъ надѣлъ верхнюю одежду и пробормоталъ что-то о времени и дѣлахъ. Туманъ не разсѣялся, какъ увѣдомилъ порхающій слуга, оставшій за кофе, тѣмъ не менѣе Эдвинъ вышелъ, а Бодзардъ по своему обыкновенію „слѣдилъ“ за нимъ.

Мистеръ Грюгьюсъ, оставшись одинъ, ходилъ тихонько взадъ и впередъ по комнатѣ болѣе часа. Онъ былъ какъ будто взволнованъ и разстроенъ въ этотъ вечеръ.

„Надѣюсь что я поступилъ какъ слѣдовало, говорилъ онъ себѣ. — Увѣщаніе казалось необходимымъ. Тяжело было разставаться съ кольцомъ, но вѣдь скоро все равно пришлось бы отдать его.“

Онъ заперъ пустой ящичекъ со вздохомъ, закрылъ конторку и вернулся къ своему одинокому очагу.

„Ея кольцо, продолжалъ онъ разсуждать съ собою. — Вертится ли что ко мнѣ? Умъ мой что-то очень встревоженъ кольцомъ этимъ сегодня; но это понятно. Оно такъ долго было у меня, и такъ дорожилъ имъ. Мнѣ думается....“

Многое, видно, думалось ему. Онъ еще разъ прошелся и усѣвшись, началъ опять:

„Мнѣ думается (ужь тысячный разъ, и что это за слабость съ моей стороны! Что теперь за дѣло до этого?) ужь не ввѣрилъ ли онъ мнѣ сиротку потому что зналъ.... И Боже мой! Какъ похожа становится она на мать!“

„Ужь полно не подозрѣвалъ ли онъ что былъ человѣкъ любившій ее всею душой безнадежно, молча, издали, когда онъ явился и овладѣлъ ею? Ужь полно не догадывался ли онъ кто этотъ несчастный человѣкъ?...“

„Ужь полно, усну ли я сегодня? Во всякомъ случаѣ закроюсь отъ міра простынями и попробую.“

Мистеръ Грюгьюсъ перешелъ черезъ площадку лѣстницы въ свою холодную, туманную спальню и скоро готовъ былъ лечь въ постель. Смутно разглядѣвъ лицо свое въ тускломъ зеркалѣ, онъ на минуту приблизилъ къ нему свѣчу.

„Похоже на дѣло чтобы кто-нибудь думалъ о такой фигурѣ! воскликнулъ онъ. — Ну, ну, ну, ложись въ постель, бѣднякъ, и полно бредить.“

Онъ погасилъ свѣчу, завернулся въ простыни и закрылся отъ міра. И у самаго неуклюжаго съ виду человѣка, есть однако, въ сердцѣ романтическіе уголки.

ГЛАВА XII.

Ночь съ Дорделькомъ.

Когда мистеру Салси нечего дѣлать вечеромъ и созерцаніе собственнаго глубокомыслія, при всей громадности его, начинаетъ надоѣдать, онъ часто прогуливается по парку и его окрестностямъ. Онъ любитъ проходить мимо кладбища съ чувствомъ хозяина, и имѣетъ въ душѣ своей лестное сознаніе что онъ обнаружилъ похвальную щедрость публично воздвигнувъ памятникъ достойной мистрисъ Салси. Ему пріятно когда кто-нибудь глядитъ сквозь рѣшетку и можетъ-быть читаетъ его надпись. А если встрѣчаетъ прохожаго быстро уходящаго съ кладбища, онъ внутренно убѣжденъ что прохожій этотъ „краснѣя удаляется“, какъ предписано на памятникѣ.

Важность мистера Салси увеличилась, ибо онъ сдѣлал-

ся клойстергамскимъ меромъ. Еслибы не меры, и не множество меровъ, то безъ сомнѣнія все общественное зданіе (мистеръ Сапси увѣренъ что онъ первый придумалъ это счастливое выраженіе) распалось бы на части. Меры получали титулъ кавалера за поднесеніе адресовъ. Можетъ-быть мистеру Сапси случится поднести адресъ. Возвышайтесь, сэръ-Томасъ Сапси. Вы есте соль земли!

Мистеръ Сапси короче познакомился съ мистеромъ Джаспером съ тѣхъ поръ какъ они впервые вкушали вмѣстѣ портвейнъ, эпитафію, триктракъ, говядину и салатъ. Мистеръ Сапси принятъ былъ въ надворотномъ домѣ съ соотвѣтственнымъ радушіемъ. Мистеръ Джасперъ, сѣвъ за фортельяно, щекоталъ слухъ его (въ переносномъ смыслѣ) пѣніемъ и игрой довольно продолжительное время. Что̀ нравится мистеру Сапси въ этомъ молодомъ человѣкѣ такъ это готовность воспользоваться мудростію старшихъ и еще истинная благонамѣренность, въ доказательство коей онъ пѣлъ въ тотъ вечеръ мистеру Сапси не вычурныя аріетки а доморощеннаго „Георга III“, увѣщевая истребить всѣ прочіе острова, кромѣ острова Великобританіи, а также всѣ материки, полуострова, перешейки, мысы и другія географическія формы суши, и въ то же время летать по морю во всѣхъ направленіяхъ. Словомъ, онъ доказалъ очевидно что Провидѣніе сдѣлало большую ошибку создавъ такой малочисленный народъ героевъ и столько другихъ негодныхъ племенъ.

Мистеръ Сапси, прогуливаясь вечеркомъ неподалеку отъ кладбища, заложивъ руки назадъ въ ожиданіи какого-нибудь краснѣющаго и удаляющагося прохожаго, загибаетъ за уголъ, и вмѣсто прохожаго встрѣчаетъ декана, бесѣдующаго съ паничкомъ и мистеромъ Джаспером. Мистеръ Сапси кланяется и мгновенно принимаетъ гораздо болѣе духовный видъ чѣмъ архіепископъ йоркскій или кентерберійскій.

— Вы очевидно собираетесь написать объ нашемъ городѣ книгу, мистеръ Джасперъ, произноситъ деканъ,—написать книгу. Что̀ жь! Городъ нашъ очень древній, писать есть объ чемъ. Мы не такъ богаты имуществомъ, какъ годами, но и объ этомъ вы можете упомянуть въ вашей книгѣ и обратить вниманіе на наши нужды.

Мистеръ Топъ, по обязанности своей, изъявляетъ великую радость.

— Я право нисколько не намѣренъ, отвѣчаетъ Джасперъ,—

сдѣлаться писателемъ, или археологомъ. А пришедшею мнѣ фантазіей я обязанъ отчасти вотъ мистеру Сапси.

— Какъ такъ, господинъ меръ? говоритъ деканъ, добродушно кивая головой.—Какъ же это господинъ меръ?

— Я не понимаю, отзывается мистеръ Сапси, вопросительно озираясь кругомъ, — къ чему относятся слова которыхъ удостоиваетъ меня высокочтимый деканъ. (Онъ принимается разсматривать въ подробности оригиналъ который онъ копируетъ).

— Дорделькъ, намекаетъ мистеръ Толъ.

— Да, отзывается деканъ.—Дорделькъ, Дорделькъ!

— Дѣло въ томъ, объясняетъ Джасперъ,—что̀ мое любопытство впервые пробуждено было мистеромъ Сапси. Мистеръ Сапси по своему знанію людей и умѣнію обнаруживать все сокрытое и странное, первый обратилъ вниманіе мое на этого человѣка, хотя я конечно весьма часто встрѣчалъ его и прежде. Васъ это не удивило бы еслибы вы видѣли какъ мистеръ Сапси бесѣдовалъ съ нимъ въ своей собственной гостиной.

— О! восклицаетъ мистеръ Сапси, подхватывая брошенный ему мячъ съ необыкновенною готовностью. — Да, да. Такъ вотъ къ чему относятся слова высокочтимаго декана? Да. Я какъ-то разъ свелъ мистера Джаспера съ Дорделькомъ. Дорделькъ, по моему мнѣнію, характеръ.

— Характеръ, мистеръ Сапси, который вы двумя, тремя словами умѣете выворотить на изнанку.

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ неуклюжій аукціонеръ. — Можетъ-быть я имѣю на него нѣкоторое вліяніе. Можетъ-быть я нѣсколько понимаю его. Прошу высокочтимаго декана не забывать что я знаю свѣтъ.

Тутъ мистеръ Сапси clerka отодвигается за спину декана чтобъ осмотрѣть его заднія пуговицы.

— Такъ употребите же вліяніе свое на Дорделька для доброй цѣли, господинъ меръ, говоритъ деканъ, поглядывая куда дѣвался его подражатель. — Убѣдите его не сломать шеи нашему достойному капельмейстеру. Голова и голосъ его намъ очень дороги.

Мистеръ Толъ опять изъявляетъ великую радость, и предавшись сначала учтивому хохоту, переходитъ къ почтительному бормотанью, долженствующему выразить что каждый благомыслящій человѣкъ почелъ бы за честь и удовольствіе

сломать себѣ шею, чтобъ удостоиться такого лестнаго отзыва отъ такого лица.

—Я отвѣчаю за голову мистера Джаспера, отзывается мистеръ Сапси великодушно. — Я скажу Дордельсу чтобъ онъ берегъ его. *Моихъ* словъ онъ не пропуститъ безъ вниманія. Но въ чемъ же заключается опасность угрожающая мистеру Джасперу? Онъ озирается кругомъ съ величаво покровительственнымъ видомъ.

— Только въ ночной прогулкѣ которую предпринимаю я съ Дордельсомъ по гробницамъ, склепамъ, башнямъ и развалинамъ, отвѣчаетъ Джасперъ.—Помните вы замѣтили, когда свели насъ, что мнѣ, какъ любителю живописнаго, стоило бы сдѣлать такую прогулку.

— Помню, конечно! отвѣчаетъ аукціонеръ. И торжественный идіотъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ себѣ что помнитъ.

— Пользуясь вашимъ намекомъ, продолжаетъ Джасперъ,—я уже нѣсколько разъ бродилъ днемъ съ удивительнымъ старикомъ, а сегодня мы съ нимъ намѣрены обойти при лунномъ свѣтѣ разные старые закоулки.

— Да вотъ и онъ самъ, говоритъ деканъ.

Дѣйствительно, Дордельсъ, съ узломъ въ рукахъ, идетъ покачиваясь къ нимъ. Подойдя ближе и увидѣвъ декана, онъ снимаетъ шапку и хочетъ удалиться, но мистеръ Сапси его останавливаетъ.

— Смотрите, заботьтесь о моемъ другѣ, предписываетъ ему мистеръ Сапси.

— Кто изъ друзей вашихъ умеръ? спрашиваетъ Дордельсъ.— Я не получилъ никакого заказа.

— Я говорю вамъ объ этомъ живомъ другѣ.

— А! Объ немъ-то? отзывается Дордельсъ.—Мистеръ Джасперъ и самъ сумѣетъ о себѣ позаботиться.

— Но и вы тоже заботьтесь о немъ, говоритъ мистеръ Сапси.

— Да не прогнѣвается на меня высокочтимый деканъ, только знаете ли что, мистеръ Сапси, вы бы думали о своихъ дѣлахъ, а Дордельсъ будетъ думать о своихъ.

— Вы не въ духѣ, говоритъ мистеръ Сапси, мигая присутствующимъ чтобъ обратили вниманіе какъ онъ сейчасъ уломаетъ этого человѣка.—Мое дѣло заботиться о моихъ друзьяхъ, а мистеръ Джасперъ мнѣ другъ, и вы также другъ мнѣ.

— Не привыкайте къ хвастовству, отзывается Дордельсъ.

серіозно качая головой.—Вамъ трудно будетъ отвыкнуть потомъ.

— Вы не въ духѣ, говоритъ опять мистеръ Сапси, красиѣя, но опять мигая присутствующимъ.

— Правда, отвѣчаетъ Дордельсъ,—я не люблю вольностей.

Мистеръ Сапси въ третій разъ мигаетъ присутствующимъ, какъ будто говоря: „Согласитесь что я отлично справился съ нимъ“, и удаляется отъ пререканій.

Дордельсъ желаетъ декану добраго вечера и прибавляетъ надѣвая шляпу: „Вы найдете меня дома, какъ условлено, мистеръ Джасперъ. Иду почиститься“,— и скоро, покачиваясь, скрывается изъ глазъ.

Что онъ будто бы идетъ чиститься, это одна изъ странныхъ претензій этого человѣка, ибо платье и сапоги его никогда не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда чистки, будучи всегда покрыты пескомъ и известкой.

Фонарщикъ зажигаетъ по парку свѣтлыя точки, быстро бѣгая вверхъ и внизъ по своей лѣстницѣ, подъ священною сѣнью которой выросли цѣлыя поколѣнія и отмѣна которой привела бы въ несомнѣнный ужасъ весь Клойстергамъ. Деканъ идетъ къ своему обѣду; мистеръ Толъ къ чаю, а Джасперъ къ фортепьяно. Тутъ сидитъ онъ при свѣтѣ одного огня въ каминѣ и поетъ тихимъ прекраснымъ голосомъ часа два-три, пока совершенно стемнѣло и мѣсяцъ всходитъ. Тогда онъ тихонько закрываетъ фортепьяно, тихонько надѣваетъ вмѣсто сюртука клеенчатую куртку и низкую широкополую шляпу, кладетъ въ карманъ плетеную фляжку и тихонько выходитъ изъ дому. Зачѣмъ онъ двигается такъ тихо? Внѣшней причины не видно никакой. Ужь не кроется ли внутри его какая-нибудь тайная причина?

Онъ отправляется къ недостроенному дому Дордельса, или лучше сказать къ норѣ его въ городской отѣнѣ; видитъ свѣтъ внутри; тихонько пробирается между обломковъ и памятниковъ, уже освѣщенныхъ луной. Работники оставили двѣ болтія пилы въ каменныхъ плитахъ; такъ и кажется что вотъ, вотъ два скелѣта изъ Пляски Мертвецовъ схватятъ эти пилы и начнутъ работать памятники тѣмъ двумъ жителямъ Клойстергама которымъ суждено умереть. По всѣмъ вѣроятностямъ эти двое и не думаютъ теперь о смерти; можетъ-быть они веселятся. А любопытно угадать кому первому суждено умереть.

— Эй! Дордельсъ!

Огонь движется, и Дордельсъ является въ дверяхъ. Онъ, повидимому, очищалъ себя съ помощью бутылки и стакана, ибо никакихъ другихъ орудій не видно въ голой комнатѣ съ кирпичными, невыбѣленными стѣнами, въ которую онъ вводитъ посѣтителя.

— Вы готовы?

— Я готовъ, мистеръ Джасперъ. Пусть старики встаютъ если имъ угодно изъ могилъ. Я подкрѣпился духомъ.

— Духомъ, или виномъ?

— Это одно и то же, говоритъ Дордельсъ.

Онъ беретъ съ гвоздя фонарь, кладетъ въ карманъ нѣсколько спичекъ, чтобъ зажечь его въ случаѣ нужды, и они отправляются, неся съ собою неизмѣнный узелъ.

Поистинѣ необыкновенная прогулка! Что̀ Дордельсъ вѣчно бродящій, какъ кротъ, между могилъ и развалинъ идетъ шататься по склепамъ и башнямъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: но чтобы капельмейстеръ или кто другой пошелъ съ нимъ любоваться луннымъ освѣщеніемъ — это дѣло совсѣмъ другое. Прогулка поистинѣ необъяснимая.

— Видите вы эту кучу у воротъ, мистеръ Джасперъ?

— Вижу. Что̀ это?

— Известь.

Мистеръ Джасперъ останавливается чтобъ отставшій Дордельсъ догналъ его.

— Живая известь?

— Да, отвѣчаетъ Дордельсъ,—такая живая что съѣстъ ваши сапоги, а если немножко взболтаете, пожалуй съѣстъ и кости ваши.

Они минуютъ красныя окна двугрошеваго пристанища и выходятъ въ озаренный луной монастырскій виноградникъ. Пройдя его, они поровнялись съ уголкомъ младшихъ канониковъ, большая часть котораго остается въ темнотѣ, пока мѣсяцъ не поднимется выше.

Слышится звукъ затворяемой двери, двое мущинъ выходятъ. Это мистеръ Криспаркль и Невиль. Джасперъ со внезапною, странною улыбкой останавливаетъ Дордельса на мѣстѣ, положивъ ему руку на грудь.

Въ этомъ концѣ совершенно темно; есть тутъ также остатокъ старой низкой стѣны, вышиной до пояса, которая нѣкогда ограждала садъ, обратившійся съ тѣхъ поръ въ улицу. Еще минута и Джасперъ съ Дордельсомъ вышли бы изъ-за этой

стѣны, но теперь, остановившись на мѣстѣ, они остаются за нею.

— Эти двое прогуливаются, шепчетъ Джасперъ, — они сейчасъ выйдутъ на лунный свѣтъ. Притаимся здѣсь, не то они насъ задержатъ, или пожалуй захотятъ идти съ нами. Мало ли что.

Дордельсъ кивнетъ въ знакъ согласія и начинаетъ жевать kakie-to kuski изъ своего узла. Джасперъ, облокотившись на стѣну руками и положивъ на нихъ подбородокъ, слѣдитъ за гуляющими. Онъ не обращаетъ вниманія на каноника, а смотритъ все на Невиля, какъ будто глазъ его наведенъ на цѣль винтовки и онъ готовится выстрѣлить. Сознаніе въ себѣ разрушительной силы такъ ясно выражается на лицѣ его что Дордельсъ перестаетъ жевать и глядитъ на него съ непережеваннымъ кускомъ за щекою.

Между тѣмъ мистеръ Криспаркль и канонікъ гуляютъ взадъ и впередъ, мирно разговаривая другъ съ другомъ.

— Сегодня первый день недѣли, слышатся совершенно ясно слова мистера Криспаркля, — а послѣдній день канунъ Рождества.

— Вы можете на меня положиться.

На этомъ мѣстѣ отраженіе звуковъ было благопріятно, но когда гуляющіе приближаются, голоса ихъ становятся невнятны. Доносится слово „довѣріе", произнесенное мистеромъ Криспаркленъ. Они подходятъ еще ближе, и слышится отрывокъ отвѣта.

— Еще не заслужилъ, но заслужу.

Когда они отходятъ опять, Джасперъ слышитъ свое имя и съ нимъ вмѣстѣ слова мистера Криспаркля:

— Помните, я поручился за васъ съ полною увѣренностью.

Затѣмъ опять звуки мѣшаются. Гуляющіе остановились и Невиль дѣлаетъ kakie-to жесты. Они опять пошли. Мистеръ Криспаркль глядитъ на небо и указываетъ впередъ. Наконецъ они медленно исчезаютъ, уходя съ лунаго свѣта на противоположномъ концѣ. Только когда они ушли Джасперъ дѣлаетъ движеніе. Тутъ онъ обращается къ Дордельсу и разражается смѣхомъ. Дордельсъ, все еще держа что-то за щекой и не видя ничего смѣшнаго, таращитъ глаза на Джаспера, пока тотъ не склоняетъ голову на руки, чтобы насмѣяться вдоволь. Тогда Дордельсъ, не разжевавъ глотаетъ kusokъ, какъ бы рѣшившись съ отчаянія испортить себѣ желудокъ.

Въ этихъ глухихъ уголкахъ мало движенія послѣ сумерокъ. Не много его и среди бѣлаго дня, а ночью ужъ и вовсе почти никакого. Кромѣ одной большой улицы, идущей параллельно за соборомъ, по которой, какъ по естественному руслу, течетъ вся торговля Клойстергама, глубокая тишина царствуетъ въ ночной темнотѣ надъ древними сводами, надъ оставленными кельями, надъ кладбищемъ; и немногіе добровольно зашли бы сюда въ это время. Спросите первую сотню клойстергамскихъ гражданъ, какіе вамъ встрѣтятся на улицѣ въ полдень: вѣрятъ ли они въ привидѣнія? они отвѣтятъ вамъ: нѣтъ. Но дайте имъ на выборъ ночью пройти этими глухими мѣстами, или большою улицей съ лавками и магазинами, и вы увидите что девяносто девять выберутъ болѣе далекую и людную дорогу. Причина этому заключается не въ какихъ-нибудь повѣрьяхъ пріуроченныхъ къ этимъ мѣстамъ, хотя и являлась тутъ таинственная женщина съ ребенкомъ на рукахъ и веревкой на шеѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, такъ же неуловимыхъ какъ она сама; причина заключается во врожденномъ страхѣ какой испытываетъ обладающій дыханіемъ жизни прахъ предъ прахомъ который жизнь покинула, а также въ обычномъ разсужденіи: „Если дѣйствительно мертвые при извѣстныхъ условіяхъ являются живымъ, то здѣсь условія до такой степени благопріятны такимъ явленіямъ что я живой уберусь отсюда какъ можно скорѣе.“

Поэтому когда мистеръ Джасперъ и Дордельсъ, готовясь сойти въ склепъ чрезъ маленькую боковую дверь отъ которой ключъ у Дордельса, останавливаются и глядятъ кругомъ, все окружающее ихъ освѣщенное луной пространство совершенно пусто. Какъ будто потокъ жизни отклоненъ въ сторону надворотнымъ домомъ Джаспера. За этимъ домомъ слышится шумъ потока, но ни одна волна не переливается чрезъ ворота надъ которыми Джасперова лампа горитъ за краснымъ занавѣсомъ, словно огонь маяка.

Путники вошли, заперли дверь за собою, спустились по крутымъ ступенямъ, и очутились въ склепѣ. Фонаря не нужно, потому что лунный свѣтъ проникаетъ въ стрѣльчатыя окна лишенныя стеколъ, бросая на землю узорныя тѣни отъ рамъ. За тяжелыми столбами глубокій мракъ, а посрединѣ полосы свѣта. По этимъ полосамъ ходятъ путники взадъ и впередъ, и Дордельсъ разсуждаетъ о старикахъ которыхъ намѣреваются откопать, и стучитъ въ стѣну, въ которой, по его мнѣнію

„схоронено ихъ цѣлое семейство.“ Словомъ, онъ здѣсь совершенно какъ дома. Мрачность его разсѣяна на время Джасперовой фляжкой, которая часто переходитъ изъ рукъ въ руки, то-есть содержимое въ ней переходитъ въ желудокъ Дордельса, тогда какъ Джасперъ только полощитъ себѣ ротъ и выплевываетъ полосканье.

Они хотятъ подняться на большую башню. На лѣстницѣ ведущей въ соборъ Дордельсъ останавливается перевести духъ. Лѣстница эта очень темна, но имъ видны съ нея полосы свѣта, которыми они шли. Дордельсъ садится на ступень. Джасперъ также садится. Запахъ распространяющійся изъ фляжки перетедшей окончательно въ руки Дордельса доказываетъ что пробка выкинута, но глазами въ этомъ удостовѣриться нельзя, ибо они не видятъ другъ друга. Однако, разговаривая, они обращаются другъ къ другу, какъ будто могутъ разглядѣть лица.

— Это питье хорошее, мистеръ Джасперъ!

Надѣюсь что очень хорошее. Я нарочно купилъ его.

— Не являются, видите, старики-то!

— Еще больше теперешняго было бы путаницы на свѣтѣ еслибъ они являлись.

— Дѣйствительно вышла бы путаница, соглашается Дордельсъ, останавливаясь на этомъ замѣчаніи, какъ будто вопросъ о привидѣніяхъ впервые представляется ему съ точки зрѣнія неудобства.

— Но, какъ вы думаете, не можетъ ли что-нибудь другое почудиться, кромѣ мущинъ или женщинъ?

— Что же? Цвѣты да лейки? Лошади съ хомутами?

— Нѣтъ, звуки?

— Какіе звуки?

— Крики.

— Какіе крики? Старыхъ сапоговъ продать?

— Нѣтъ, вопли. Я вамъ скажу, мистеръ Джасперъ. Постойте, дайте мнѣ приладить фляжку. (Пробка очевидно опять вынимается и потомъ затыкается.) Вотъ такъ. Теперь хорошо. Въ это же время, въ прошломъ году, только нѣсколькими днями позже, я какъ и слѣдуетъ привѣтствовалъ наступленіе зимы, вдругъ напали на меня мальчишки. Наконецъ я отъ нихъ ушелъ и завернулъ сюда. Здѣсь я заснулъ. Что же разбудило меня? Мнѣ почудился крикъ. Ужасный вопль, а потомъ почудился вой собаки, унылый, протяжный вой, какъ воетъ

собака надъ мертвымъ. Вотъ какъ я встрѣтилъ прошлое Рождество.

— Что вы хотите сказать? слышится рѣзкій, чуть не свирѣпый вопросъ.

— Я хочу сказать что я освѣдомлялся вездѣ, и ни одно смертное ухо, кромѣ моего, не слыхало этого крика и этого воя. Поэтому я и рѣшилъ что это мнѣ почудилось, хотя почему именно мнѣ, не понимаю.

— Я васъ считалъ не такимъ, говоритъ Джасперъ насмѣшливо.

— Я тоже считалъ себя не такимъ, однако именно мнѣ почудилось.

Джасперъ внезапно всталъ въ то время когда онъ спросилъ Лордельса что онъ хотѣлъ сказать, теперь же онъ сказалъ:

— Ну, мы замерзнемъ здѣсь. Ведите дальше.

Лордельсъ повинуется, несовсѣмъ твердо держась на ногахъ, отпираетъ дверь на верху лѣстницы тѣмъ же ключомъ которымъ отперъ нижнюю, и выходитъ на галлерею идущую въ уровень съ хорами собора. Тутъ опять лунный свѣтъ такъ силенъ что краски ближайшаго роспснаго окна ладаютъ на ихъ лица. Страшенъ видъ опьянѣвшаго Лордельса, съ красною полосой на лицѣ и желтымъ пятномъ на лбу, когда онъ отворяетъ дверь своему спутнику, словно выпуская его изъ могилы. Но онъ безчувственно выдерживаетъ внимательный взглядъ спутника, пока тотъ отыскиваетъ въ карманахъ ключъ отъ двери ведущей на лѣстницу большой башни.

— Довольно съ васъ пести бутылку, говоритъ Джасперъ, — дайте мнѣ вашъ узелъ; я моложе и крѣпче васъ.

Лордельсъ съ минуту колеблется между узломъ и бутылкой, но наконецъ отдаетъ бутылкѣ предпочтеніе и передаетъ сухую тяжесть товарищу.

Затѣмъ они пошли вверхъ по вьющейся лѣстницѣ большой башни, съ усиліемъ, постоянно вертясь и наклоняя головы чтобъ не удариться о ступени, или о каменный столбъ вкругъ котораго вьется лѣстница. Лордельсъ извлекъ изъ холодной стѣны искру того таинственнаго огня который кроется всюду, зажегъ фонарь, и они взбираются среди паутинъ и пыли. Путь ихъ лежитъ по страшнымъ мѣстамъ. Рала два выходятъ они на низкія галлереи, откуда видна освѣщенная мѣсяцемъ внутренность собора; тутъ Лордельсъ, поднимая фонарь, показываетъ темныя головы ангеловъ надъ алтаремъ, которыя

какъ будто слѣдятъ за ними. Потомъ они заворачиваютъ на лѣстницу болѣе крутую, гдѣ охватываетъ ихъ свѣжій ночной воздухъ, раздается крикъ какой-нибудь испуганной совы, или грача, шумъ крыльевъ въ тѣсномъ мѣстѣ и пыль сыпится на голову путникамъ. Наконецъ, оставивъ фонарь за ступенькой, ибо тутъ довольно сильный вѣтеръ, они глядятъ сверху на Клойстергамъ, прекрасный при лунномъ свѣтѣ. Вотъ полуразвалившіяся жилища и святилища мертвыхъ у ногъ башни, далѣе поросшія мхомъ красныя крыши и кирпичные дома живыхъ; рѣка вьется изъ тумана на горизонтѣ, словно въ немъ источникъ ея и уже колышется, какъ бы волнуемая сознаніемъ близости моря.

Еще разъ повторяемъ: непонятная прогулка! Джасперъ, двигаясь по прежнему тихо, безъ видимой причины разсматриваетъ эту картину и въ особенности самую темную часть ея въ тѣни собора; но онъ точно также внимательно разсматриваетъ Дордельса, и Дордельсъ по временамъ замѣчаетъ его пытливый взглядъ.

Только по временамъ, ибо Дордельса начинаетъ клонить ко сну. Какъ воздухоплаватели, желая подняться вверхъ, уменьшаютъ грузъ своего шара,—такъ Дордельсъ, всходя на лѣстницу, облегчаетъ фляжку. Сонъ минутами овладѣваетъ имъ на ногахъ и прерываетъ его рѣчи. Ему представляется что они стоятъ на землѣ и онъ готовъ сойти съ башни на воздухъ. Таково его состояніе, когда они начинаютъ спускаться внизъ. И какъ воздухоплаватели, желая спуститься, увеличиваютъ тяжесть шара, такъ и Дордельсъ нагружаетъ себя еще пріемомъ жидкости изъ фляжки.

Пройдя и замкнувъ за собою желѣзную дверь, причемъ Дордельсъ два раза споткнулся и раскроилъ себѣ бровь, они опять входятъ въ склепъ, съ намѣреніемъ выйти тѣмъ же путемъ какимъ вошли. Но когда вернулись они къ полосамъ свѣта, Дордельсъ ослабѣваетъ до такой степени что падаетъ къ подножію одного изъ тяжелыхъ столбовъ, едва ли самъ не столько же тяжелый, и молитъ у товарища сорока секундъ отдыха.

— Если такъ уже вамъ хочется или необходимо, говоритъ Джасперъ,—я васъ здѣсь не оставлю. Вздремните сорокъ секундъ, а я буду ходить взадъ и впередъ.

Дордельсъ тотчасъ же засыпаетъ и видитъ сонъ. Сонъ не важный, принимая въ соображеніе обширность области сно-

видѣній и разнообразіе порожденій ея; онъ замѣчателенъ по необыкновенной тревожности и живости. Снится Дордельсу что онъ спитъ и въ то же время считаетъ шаги товарища. Снится ему будто шаги эти удаляются, будто кто-то трогаетъ его и что-то падаетъ звеня у него изъ рукъ. Снится ему будто лежитъ онъ такъ долго что полосы свѣта мѣняютъ направленіе съ движеніемъ луны. Потомъ онъ забывается, пробуждается съ непріятнымъ чувствомъ холода и видитъ что полосы свѣта дѣйствительно измѣнили свое положеніе, а Джасперъ ходитъ взадъ и впередъ и бьетъ рука объ руку.

— Ай! кричитъ Дордельсъ въ безотчетномъ страхѣ.

— Проснулись наконецъ? говоритъ Джасперъ, подходя къ нему.—Знаете что ваши сорокъ секундъ растянулись въ цѣлыя тысячи?

— Который часъ?

— Слышете! Колокола звонятъ на башнѣ.

Бьетъ четыре четверти, потомъ раздается звукъ большаго колокола.

— Два часа! восклицаетъ Дордельсъ, поднимаясь.—Зачѣмъ вы не попробовали разбудить меня, мистеръ Джасперъ?

— Я и пробовалъ. Да только васъ будить все равно что будить мертваго.

— Вы меня трогали?

— Трогалъ. Я трясъ васъ.

Припоминая снившееся ему прикосновеніе, Дордельсъ глядитъ на мощеный полъ и видитъ ключъ отъ склепа, лежащій подлѣ того мѣста гдѣ онъ спалъ.

— Такъ это я уронилъ тебя? говоритъ онъ, поднимая ключъ и потомъ выпрямившись на сколько можетъ, чувствуетъ опять что товарищъ внимательно слѣдитъ за нимъ взглядомъ.

— Ну что? говоритъ Джасперъ, улыбаясь.—Вы готовы? Пожалуста, не торопитесь.

— Я вотъ только узелъ увяжу, мистеръ Джасперъ.

Пока увязываетъ узелъ, онъ чувствуетъ что товарищъ не сводитъ съ него глазъ.

— Что вы на меня смотрите такъ подозрительно, мистеръ Джасперъ? спрашиваетъ онъ съ пьянымъ неудовольствіемъ.—Если въ чемъ подозрѣваете Дордельса такъ скажите прямо.

— Я ни въ чемъ не подозрѣваю васъ, дорогой мистеръ Дордельсъ, только кажется что питье въ моей фляжкѣ было крѣпче чѣмъ я предполагалъ, и кажется также, добавилъ Джас-

перъ, поднимая фляжку съ полу и опрокидывая ее вверхъ дномъ,—что фляжка эта пуста.

Дордельсъ смѣется и, все посмѣиваясь, словно самъ дивясь своей способности пить, идетъ къ двери и отпираетъ ее. Оба выходятъ. Дордельсъ запираетъ дверь за собой и кладетъ ключъ въ карманъ.

— Благодарю васъ за интересную ночь, говоритъ Джасперъ, протягивая ему руку.—Вы найдете дорогу домой?

— Я думаю, отвѣчалъ Дордельсъ.—Еслибы вы предложили Дордельсу проводить его домой, Дордельсъ оскорбился бы и не принялъ.

Не пошелъ бы я домой
Даже до зари дневной....

„Не пошелъ бы!“ слова эти произнесены были съ крайнею надменностью.

— Такъ прощайте!

— Прощайте, мистеръ Джасперъ.

Каждый поворачиваетъ въ свою сторону, какъ вдругъ среди ночной тишины раздается проницающій свистъ и слышится дикій напѣвъ:

Не шатайся по ночамъ,
А не то тебѣ задамъ,
Въ домъ скорѣе воротись,
Не упрямься, берегись!

И вслѣдъ затѣмъ градъ камней бьетъ въ стѣну собора, и является безобразный мальчикъ, пляшущій въ лунномъ свѣтѣ.

— Какъ? Этотъ чертенокъ сторожитъ насъ здѣсь! восклицаетъ Джасперъ съ такимъ бѣшенствомъ, что самъ кажется чортомъ.—Я убью этого негоднаго бѣсенка!

И не обращая вниманія на камни, летящіе въ него, онъ бросается на бѣгуна и хватаетъ его за воротъ. Но съ бѣгуномъ не такъ легко сладить. Какъ только Джасперъ схватилъ его, онъ съ дьявольскою ловкостью съеживается, поднимаетъ ноги, виснетъ на воздухѣ и начинаетъ хрипѣть, будто духъ готовъ испустить. Приходится бросить его. Онъ тотчасъ же вскакиваетъ на ноги, отступаетъ къ Дордельсу и кричитъ противнику своему, оскаливая беззубый ротъ съ насмѣшкой и злобой:

— Я вамъ глаза вышибу! Я зрачки вамъ выбью!

И въ то же время прячется за Дордельса и, слѣдитъ за

Джасперомъ то съ той, то съ другой стороны, готовый бѣжать въ какомъ-угодно направленіи, а если догонятъ такъ броситься на полъ и кричать: „Ну, бейте меня, лежачаго, бейте!“

— Не трогайте мальчика, мистеръ Джасперъ, вступается Дордельсъ,—опомнитесь!

— Онъ шелъ за нами сегодня какъ мы направлялись сюда.

— Нѣтъ, врешь, не шелъ! кричитъ бѣгунъ, употребляя единственную знакомую ему форму учтиваго отрицанія.

— Съ тѣхъ поръ онъ все бродилъ около насъ.

— Нѣтъ, врешь, отзывается бѣгунъ.—Я только сейчасъ вышелъ прогуляться для здоровья и увидалъ васъ обоихъ.

Не шатайся по ночамъ!

залѣваетъ онъ обычнымъ тономъ, приплясывая, хотя все еще прячась за Дордельса.

— Чѣмъ же я виноватъ?

— Такъ проводи же его домой! произноситъ Джасперъ сердито, хотя видимо сдерживаясь. — И чтобъ я больше не видалъ тебя.

Испустивъ продолжительный свистъ для изъявленія удовольствія, бѣгунъ начинаетъ тише бить каменьями Дордельса, загоняя этого почтеннаго джентльмена домой какъ какого-нибудь упрямаго быка. Мистеръ Джасперъ идетъ въ раздумьи въ свой надворотный домъ. И какъ все кончается на свѣтѣ, такъ кончается пока и эта необъяснимая прогулка.

ГЛАВА XIII.

Оба въ лучшемъ видѣ.

Время тишины наступало для заведенія миссъ Твинкельтонъ. Приближался рождественскій роспускъ. Завтра послѣдній день „полугодія“, какъ говорила еще недавно сама ученая миссъ Твинкельтонъ, или „семестра“ по употребительному теперь болѣе школьному названію. Значительное послабленіе дисциплины уже нѣсколько дней замѣчалось въ Женскомъ Монастырѣ. Ужины происходили въ спальняхъ: вареный языкъ рѣзался ножницами и раздавался щипцами для завиванья. Порціи мармалада разносились на тарелкахъ сдѣланныхъ изъ папильйотной бумаги; сладкое вино пилось изъ крошечной

рюмочки, въ которой маленькая Pakkитсъ, дѣвица слабаго тѣлосложенія, принимала ежедневно желѣзныя капли. Горничныя подкупались разными концами лентъ и башмаками, болѣе или менѣе стоптанными, чтобъ не было рѣчи о находимыхъ въ постеляхъ объѣдкахъ. Празднества эти совершались въ самыхъ воздушныхъ костюмахъ. Смѣлая миссъ Фердинандъ изумила даже общество бойкимъ соло на гребнѣ лока не была задушена въ постели своей двумя длинокудрыми мучительницами.

Были еще и другіе признаки роспуска. Сундуки появились въ спальняхъ, гдѣ были строго запрещены въ обыкновенное время, и началось безконечное укладываніе, вовсе несоразмѣрное съ количествомъ укладываемаго. Щедроты въ видѣ баночекъ кольдкрема и помады, а также шиллокъ, обильно раздавались прислугѣ. Подъ условіемъ непарушимой тайны разказывалось другъ другу объ ожидаемыхъ „дома“ посѣщеніяхъ много обѣщающихъ юношей, надеждъ Англіи. Миссъ Джигельсъ, лишенная чувствительности, правда заявила что она съ своей стороны имѣетъ обыкновеніе въ отвѣтъ на любезности показывать языкъ надеждамъ Англіи, но голосъ ея былъ заглушенъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Послѣднюю ночь предъ отъѣздомъ считалось особенно похвальнымъ никому не спать и всячески поощрять привидѣнія, что̀ впрочемъ никогда не выдерживалось, ибо всѣ дѣвицы расходились весьма скоро и вставали весьма рано.

Заключительная церемонія совершалась въ двѣнадцать часовъ въ день роспуска. Миссъ Твинкельтонъ, при содѣйствіи мистрисъ Типеръ, принимала воспитанницъ въ своей гостиной, гдѣ на столѣ видѣлись рюмки бѣлаго вина и куски пирога. „Милостивыя государыни, говорила миссъ Твинкельтонъ, еще годъ прошелъ и снова наступило то праздничное время которое съ первыхъ лѣтъ пробуждаетъ радостныя чувства у насъ.... Миссъ Твинкельтонъ ежегодно собиралась добавить „въ груди“, но ежегодно останавливалась и замѣняла это выраженіе словомъ „въ сердцѣ“. У насъ въ сердцѣ. Гм.... Еще годъ прошелъ и снова наступилъ перерывъ въ нашихъ занятіяхъ, надѣюсь значительно подвинувшихся впередъ, и мы какъ пловецъ въ челнѣ своемъ, какъ воинъ въ палаткѣ, какъ узникъ въ темницѣ, какъ путникъ въ разнообразныхъ экипажахъ, всею душой стремимся домой. Говоримъ ли мы при этомъ случаѣ словами Адитоновой трагедіи:

Разсвѣтъ туманенъ, пасмурное утро
Уныло возвѣщаетъ важный день,
Великій день....?

„Нѣтъ, мы не говоримъ этого. Отъ горизонта до зенита все для насъ *couleur de rose;* все говоритъ намъ о родственникахъ и друзьяхъ. Да найдемъ мы ихъ такими какими желаемъ ихъ видѣть, и они да найдутъ въ насъ то что желаютъ видѣть въ насъ.

„Теперь, милостивыя государыни, мы простимся и пожелаемъ другъ другу счастія до предстоящаго свиданія. Когда же настанетъ время снова приняться за тѣ занятія которыя (тутъ всѣми овладѣваетъ нѣкоторое уныніе), тѣ занятія которыя, которыя..... тогда припомнимъ слова спартанскаго военачальника, всѣмъ вамъ достаточно извѣстныя, предъ сраженіемъ которое излишне было бы называть."

Затѣмъ горничныя заведенія, въ праздничныхъ чепцахъ, разносятъ подносы, и дѣвицы кушаютъ и прихлебываютъ, и нанятые экипажи начинаютъ запружать улицу. Прощаніе длилось не долго, и миссъ Твинкельтонъ, обнимая каждую воспитанницу, вручала ей весьма изящное письмецо къ ближайшему родственнику. Это посланіе она подавала съ такимъ видомъ какъ будто оно не имѣло ничего общаго съ денежнымъ счетомъ, а заключало въ себѣ что-нибудь неожиданно радостное.

Такъ часто видала Роза подобные роспуски, такъ мало знакомо ей было семейное чувство что она охотно оставалась въ заведеніи въ особенности теперь когда пріобрѣла новую подругу. Однако въ этой новой дружбѣ былъ пробѣлъ, котораго она не могла не замѣчать. Елена Ландлесъ, узнавъ тайное чувство брата къ Розѣ, и обязавшись, также какъ мистеръ Криспаркль, хранить эту тайну, избѣгала упоминать имя Эдвина Друда. Почему она этого избѣгала, Роза не понимала, но самый фактъ былъ очевиденъ. Если бъ не это обстоятельство, она облегчила бы сердце свое повѣривъ Еленѣ нѣкоторыя сомнѣнія и колебанія. Теперь сдѣлать это было нельзя; ей оставалось только самой обдумывать всѣ затрудненія и все болѣе дивиться такому упорному молчанію объ Эдвинѣ, когда, по словамъ самой Елены, при первомъ пріѣздѣ его предполагалось возстановить дружеское согласіе между обоими молодыми людьми.

Красивая была картина когда столько хорошенькихъ дѣ-

вушекъ цѣловали Розу въ суровыхъ воротахъ Женскаго Монастыря, а она, свѣжая и свѣтлая, выглядывала изъ воротъ, не замѣчая лукавыхъ фигуръ глядѣвшихъ на нее съ карниза подъ крышей, и знаками еще прощалась съ отъѣзжающими экипажами, будто духъ цвѣтущей молодости, остающійся на этомъ мѣстѣ, чтобъ сохранить въ немъ свѣтъ и теплоту во время одиночества.

Непривѣтливая Большая улица оглашалась звонкими серебристыми голосами: прощай, Роза, милая! и изображеніе отца мистера Сапси надъ дверью насупротивъ училища какъ будто говорило человѣчеству: „Господа, потрудитесь обратить вниманіе на оставшійся прелестный предметъ и давайте соотвѣтствующую цѣну“. Затѣмъ тихая улица, необычно оживившаяся и повеселѣвшая на нѣсколько мгновеній, опустѣла и Клойстергамъ снова принялъ прежній, спокойный видъ.

Если Роза въ своей комнаткѣ съ тревогою въ сердцѣ ожидала пріѣзда Эдвина, то и Эдвинъ съ своей стороны также былъ встревоженъ. Онъ не обладалъ силою характера шаловливой красавицы, царившей по общему признанію въ заведеніи Твинкельтона, но у него была совѣсть, и мистеръ Грюгьюсъ загрызъ ее. Твердыхъ убѣжденій этого джентльмена относительно правды и чести нельзя было отстранить ни рѣзкостью, ни шуткой. Неотвязчиво стояли они на своемъ. Еслибы не обѣдъ въ Стейль-Инѣ, еслибы не кольцо въ боковомъ карманѣ сюртука, Эдвинъ дожилъ бы до свадьбы не задавшись ни разу серіозною мыслью, въ неопредѣленной надеждѣ что все уладится къ лучшему само собою. Но серіозный призывъ къ правдѣ предъ живыми и мертвыми остановилъ, озадачилъ его. Приходится или отдать кольцо Розѣ, или возвратить его назадъ. Когда путь въ ту и другую сторону такъ рѣзко и тѣсно опредѣлился, замѣчательное дѣло, Эдвинъ сталъ смотрѣть на отношенія свои къ Розѣ съ менѣе эгоистической точки зрѣнія, увѣренность въ себѣ, не покидавшая его въ прежніе безпечные дни, поколебалась.

— Увидимъ что̀ она скажетъ; какъ пойдетъ дѣло, рѣшилъ онъ, идя изъ надворотнаго дома въ Женскій Монастырь. — Какъ бы то ни было, я буду помнить его слова и постараюсь не солгать предъ живыми и мертвыми.

Роза одѣлась для прогулки. Она ждала его. День былъ ясный,

морозный, и миссъ Твинкельтонъ уже милостиво разрѣшила свѣжій воздухъ. Поэтому они вышли вдвоемъ прежде чѣмъ сама миссъ Твинкельтонъ, или викарій ея, мистрисъ Тишеръ, успѣли совершить одно изъ обычныхъ жертвоприношеній своихъ на алтарѣ приличій.

— Милый Эдди, сказала Роза, какъ повернули они за уголъ Большой улицы и очутились въ тихихъ окрестностяхъ собора и рѣки. Я хочу серіозно поговорить съ вами. Я долго думала объ этомъ.

— И я хочу серіозно поговорить съ вами, милая Роза. Серіозно и искренно.

— Благодарю васъ, Эдди. Вы не разсердитесь на меня если я начну? Вы не подумаете что я только о себѣ забочусь, если я заговорю первая. Вѣдь это было бы несправедливо, не правда ли? А вы, я знаю, справедливы.

— Надѣюсь что я справедливъ къ вамъ, Роза, отвѣчалъ онъ. Онъ уже не называлъ ее Киспинькой. Никогда болѣе не называлъ.

— И вѣдь мы не побранимся, продолжала Роза,—не правда ли? Вѣдь намъ надо,—она сложила руки на его рукѣ,—очень снисходительными быть другъ къ другу.

— Будемъ снисходительны другъ къ другу, Роза.

— Какой вы милый, добрый Эдди! Будемъ тверды. Станемъ съ нынѣшняго дня братомъ и сестрой.

— И чтобъ никогда не бывать намъ женою и мужемъ?

— Никогда!

Оба нѣсколько времени молчали. Потомъ онъ заговорилъ, не безъ усилія.

— Я принужденъ сознаться что эта мысль была у насъ обоихъ, Роза, и не отъ васъ, конечно, пошла она.

— И не отъ васъ также, обратилась она къ нему съ жаромъ.—Это сдѣлалось само собою. Обрученіе наше не дѣлаетъ васъ истинно счастливымъ, и меня не дѣлаетъ счастливою. Ахъ! Какъ мнѣ жаль! Какъ мнѣ жаль! — И она разразилась слезами.

— И мнѣ тоже очень жаль, Роза. Отъ души жаль васъ.

— А мнѣ васъ, бѣдняжка! Мнѣ васъ жаль.

Это чистое, молодое чувство, это кроткое великодушіе другъ къ другу, принесло свой плодъ, озаривъ положеніе ихъ новымъ свѣтомъ. Отношенія между ними не казались уже искус-

ственными, натянутыми, они стали безкорыстнѣе, нѣжнѣе, искреннѣе.

— Если мы знали вчера, сказала Роза, отирая глаза, — а мы знали, и давно уже, что отношенія созданныя не нами не пригодны намъ, то не слѣдовало ли намъ сегодня измѣнить ихъ? Естественно, что намъ жаль, и вы видите какъ мы оба жалѣемъ; но гораздо лучше жалѣть теперь, чѣмъ послѣ.

— Когда послѣ, Роза?

— Когда было бы поздно. Тогда мы стали бы еще сердиться.

Опять они замолчали.

— И знаете ли, заговорила Роза невинно, — тогда вы не могли бы любить меня; а теперь вамъ всегда можно будетъ меня любить, потому что я не буду вамъ обузой. Сестра не станетъ дразнить и мучить васъ; а я васъ часто дразнила и мучила когда не была вамъ сестрою, въ чемъ и прошу теперь у васъ прощенія.

— Не будемъ говорить объ этомъ, Роза, а то я окажусь болѣе виноватымъ предъ вами чѣмъ хотѣлось бы мнѣ сознаться.

— Нѣтъ, Эдди. Вы слишкомъ строги къ себѣ, мой милый. Сядемъ, братъ, на эти развалины, я разкажу вамъ какъ было съ нами. Мнѣ кажется я знаю, потому что я много объ этомъ думала съ вашего послѣдняго пріѣзда. Я правилась вамъ, не правда ли? Вы находили меня хорошенькою?

— Всѣ васъ находятъ хорошенькою, Роза.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она на минуту задумчиво сдвинула брови, и вдругъ вырвалось быстрое заключеніе. — Ну, положимъ и такъ. Вѣдь не довольно было чтобъ вы находили во мнѣ только то что всѣ находятъ, не правда ли?

Возражать было нечего. Дѣйствительно этого было не довольно.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, продолжала Роза. — Я вамъ нравилась; вы привыкли ко мнѣ, привыкли къ мысли что я буду вашею женою. Вы принимали положеніе свое какъ неизбѣжное. Такъ быть должно, думали вы, такъ къ чему же спорить и разсуждать.

Ему было ново и странно что она такъ ясно, словно въ зеркалѣ, показываетъ ему его самого. Онъ всегда относился къ уму ея свысока, покровительственно. Не указывало ли и

это на коренную ошибку въ отношеніяхъ, которыя привели бы ихъ къ ложизненной неволѣ?

— Все что̀ я говорю вамъ относится и ко мнѣ, Эдди, иначе я, можетъ-быть, и не рѣшилась бы говорить этого. Разница между нами заключалась лишь въ томъ что я мало-по-малу привыкла останавливаться на этой мысли, а не отстранять ее отъ себя. Я, видите ли, не такъ занята какъ вы, у меня не столько предметовъ для размышленія. Такъ я объ этомъ и думала много, и много плакала (не по вашей винѣ, мой милый). Вдругъ опекунъ мой пріѣхалъ чтобы приготовить меня къ отъѣзду изъ Женскаго Монастыря. Я пыталась намекнуть ему что не совсѣмъ увѣрена въ себѣ, но мнѣ не удалось, онъ не понялъ меня. Но онъ хорошій, добрый человѣкъ. Онъ такъ ласково и въ то же время такъ твердо объяснилъ мнѣ какъ серіозно надо намъ все обдумать что я рѣшилась переговорить съ вами какъ только мы останемся вдвоемъ. И если я теперь заговорила такъ легко и вдругъ, то не думайте, Эдди, что оно дѣйствительно было легко мнѣ. О, нѣтъ! Оно было очень, очень трудно, и мнѣ очень, очень жаль!

Полнота сердца ея опять разразилась слезами. Онъ обнялъ ея талію рукой, и такъ шли они вмѣстѣ по берегу рѣки.

— Опекунъ вашъ и со мною говорилъ, милая Роза. Я былъ у него предъ отъѣздомъ изъ Лондона.

Эдвинъ опустилъ руку въ карманъ, отыскивая кольцо, но удержался, подумавъ: „Если возвращать его назадъ, такъ зачѣмъ же говорить ей?“

— И вы стали смотрѣть на дѣло серіознѣе, Эдди? И если бы я не заговорила съ вами, вы бы заговорили со мной? Надѣюсь что такъ. Не хотѣлось бы мнѣ брать на себя одну всю отвѣтственность, хотя оно и гораздо лучше для насъ.

— Да, я бы заговорилъ. Я все представилъ бы вамъ. Я съ тѣмъ и пришелъ. Но я не сказалъ бы такъ какъ вы сказали, Роза.

— Не говорите пожалуста, если можно, что вы не сказали бы такъ холодно, такъ рѣзко.

— Я не сказалъ бы такъ умно, такъ кротко, такъ деликатно.

— Милый вы братъ мой!

Она въ увлеченіи поцѣловала его руку.

— Для дѣвицъ будетъ ужасное разочарованіе, прибавила Роза смѣясь, между тѣмъ какъ слезы блестѣли на ея глазахъ.— Онѣ, бѣдняжки, такъ этого ждали.

— Ахъ! Я боюсь что для Джака будетъ еще хуже разочарованіе, сказалъ Эдвинъ Друдъ, дрогнувъ. — О немъ-то, бѣдномъ, я и не подумалъ.

Ея быстрый пронзительный взглядъ на него, когда сказалъ онъ эти слова, нельзя было воротить, какъ не воротить блеснувшую молнію, а, казалось, ей хотѣлось бы воротить его, ибо она потупилась, смущенная, тяжело дыша.

— Вы не сомнѣваетесь что это будетъ тяжелый ударъ для Джака, Роза?

Она отвѣчала уклончиво и послѣшно:—Нѣтъ. Отчего же сомнѣваться? Я не думала объ этомъ. Ему кажется мало до этого дѣла.

— Дитя, дитя! Неужели вы полагаете что человѣкъ такъ всецѣло отдавшійся другому, какъ Джакъ отдался мнѣ, не будетъ пораженъ внезапною перемѣной въ моей жизни? Я говорю внезапною, потому что ему вѣдь она покажется такою.

Она кивнула два-три раза, и губы ея раскрылись какъ будто для изъявленія согласія, но она не вымолвила слова и дыханіе ея было по-прежнему тяжело.

„Какъ сказать Джаку?“ раздумывалъ Эдвинъ. Еслибъ онъ не такъ занятъ былъ этою мыслію, онъ замѣтилъ бы ея странное волненіе.

— Я не подумалъ о Джакѣ. Ему надо сообщить прежде чѣмъ слухъ разнесется по городу. Я обѣдаю съ нимъ завтра и послѣзавтра, наканунѣ Рождества и въ Рождество, но не годится портить ему праздника. Онъ всегда обо мнѣ тревожится, безпокоится о самыхъ пустякахъ. Новость эта непремѣнно разстроитъ его. Какъ, скажите пожалуста, сообщу я ее Джаку?

— А сообщить, я думаю, надо? сказала Роза.

— Еще бы! Кому же и довѣряться намъ, если не Джаку!

— Опекунъ мой обѣщалъ пріѣхать сюда, если я напишу ему. Я напишу сейчасъ же. Не поручить ли ему это дѣло?

— Блестящая мысль! воскликнулъ Эдвинъ.—Онъ повѣренный другой стороны. Что же можетъ быть естественнѣе? Онъ пріѣзжаетъ, отправляется къ Джаку, разказываетъ ему на чемъ мы порѣшили и излагаетъ дѣло лучше насъ самихъ. Онъ уже говорилъ внушительно съ вами, говорилъ внушительно со мной, онъ и Джаку внушительно представитъ всѣ обстоятельства. Отлично. Я не трусъ, Роза, но, признаюсь, я немного побаиваюсь Джака.

— Нѣтъ, нѣтъ! Неужели вы боитесь его? вскричала Роза всплеснувъ руками и блѣднѣя какъ полотно.

— Сестра Роза! Сестра Роза! Что привидѣлось вамъ съ башни? сказалъ Эдвинъ, шутя.—Что съ вами, другъ мой?

— Вы испугали меня.

— Весьма жалѣю, хотя и не имѣлъ такого намѣренія. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ вообразили изъ моихъ словъ что я дѣйствительно боюсь милаго добряка? Я хотѣлъ сказать что онъ подверженъ какимъ-то припадкамъ.... самъ я разъ видѣлъ.... и я опасаюсь что такая новость, сообщенная мной, при любви его ко мнѣ, можетъ, пожалуй, вызвать подобный припадокъ. Вотъ, слѣдовательно, еще причина поручить дѣло вашему опекуну. Онъ такъ спокоенъ, такъ благоразуменъ, такъ точенъ что тотчасъ же настроитъ Джака надлежащимъ образомъ, тогда какъ со мной Джакъ всегда порывистъ, горячъ, почти какъ женщина.

Роза казалась убѣжденною. Можетъ-быть вслѣдствіе своего собственнаго, совершенно иного возврѣнія на Джака, она находила успокоеніе въ мысли что посредникомъ между ними и покровителемъ ея будетъ служить мистеръ Грюгьюсъ.

Правая рука Эдвина Друда опять схватилась за кольцо въ маленькомъ футлярѣ, и опять остановлена была соображеніемъ: „Теперь уже рѣшено что я возвращу его, такъ зачѣмъ же говорить ей?“ Эта чистая, нѣжная натура, такъ сожалѣющая о немъ при разрушеніи ихъ дѣтскихъ надеждъ на счастье другъ съ другомъ, такъ кротко остающаяся одна въ новомъ мірѣ, въ ожиданіи новыхъ цвѣтовъ могущихъ встрѣтиться на пути, когда старые увяли, огорчилась бы этимъ грустнымъ воспоминаніемъ. И для чего? Съ какою цѣлью? Это кольцо лишь залогъ разбитыхъ радостей, неосуществленныхъ надеждъ. Самою красотою своей камни эти, какъ сказалъ угловатѣйшій изъ людей, служатъ какъ бы жестокою насмѣшкой надъ чувствами, надеждами, разчетами человѣческими, ничего не предусматривающими и такъ скоро распадающимися во прахъ. Богъ съ ними. Ихъ надо возвратить ея опекуну, а онъ опять положитъ ихъ въ конторку, изъ которой неохотно вынулъ ихъ, и тамъ, вмѣстѣ со старыми письмами или старыми обѣщаніями и другими залогами давнишнихъ неосуществившихся намѣреній, они будутъ лежать забытыми, пока по цѣнности своей не продадутся, не поступятъ опять въ обращеніе чтобы [illegible] прежній круговоротъ.

Богъ съ ними. Пусть лежатъ они невѣдомо въ его карманѣ. Ясно ли, нѣтъ ли, представлялось ему все это, онъ пришелъ къ такому заключенію: Богъ съ ними. Изъ множества цѣпей, которыя безпрерывно куются, и днемъ и ночью, въ громадныхъ кузницахъ времени и обстоятельствъ, въ минуту этого рѣшенія сковалась одна, примкнутая къ основамъ земли и неба, одаренная несокрушимою крѣпостью и непреодолимою силой.

Они шли вдоль рѣки. Они начали говорить о своихъ различныхъ намѣреніяхъ. Онъ поспѣшитъ отъѣздомъ изъ Англіи, а она останется въ Женскомъ Монастырѣ, по крайней мѣрѣ на то время пока Елена будетъ жить въ немъ. Неожиданная новость будетъ осторожно сообщена дѣвицамъ, а прежде Роза сообщитъ ее самой миссъ Твинкельтонъ, не дожидаясь даже пріѣзда мистера Грюгьюса. Всѣмъ надо объяснить что они съ Эдвиномъ остаются лучшими друзьями. Ни разу еще не существовало между ними такого согласія съ тѣхъ поръ какъ они были обручены. И однако и съ той, и съ другой стороны было нѣчто недоговоренное: съ ея стороны что она намѣревалась чрезъ опекуна тотчасъ же отдѣлаться отъ занятій со своимъ учителемъ музыки; съ его, что ему въ голову приходилъ уже вопросъ: не удастся ли какъ-нибудь ближе познакомиться съ миссъ Ландлесъ?

Ясный, морозный день вечерѣлъ, пока шли они и толковали. Подъ конецъ прогулки солнце окуналось уже въ рѣку позади ихъ, а городъ лежалъ рдѣя предъ ними. Вода, глухо стоная, выбрасывала къ ногамъ ихъ морскія травы, какъ уходили они отъ берега, и стрижи съ рѣзкимъ крикомъ вились надъ ними, какъ черныя пятна въ темнѣющемъ воздухѣ.

— Я приготовлю Джака къ скорому моему отъѣзду, сказалъ Эдвинъ тихимъ голосомъ.—Повидаюсь съ вашимъ опекуномъ, когда онъ пріѣдетъ, и отправлюсь, не дожидаясь ихъ объясненія. Лучше чтобъ это сдѣлалось безъ меня. Неправда ли?

— Да.

— Мы увѣрены что поступаемъ какъ слѣдуетъ, Роза?

— Да.

— Мы увѣрены что намъ и теперь уже такъ лучше?

— Да. И будетъ еще гораздо лучше современемъ.

И однако въ сердцахъ ихъ оставалась нѣжность, грустная память прежнихъ отношеній, и они тянули прощаніе. Придя къ липамъ около собора, гдѣ въ послѣдній разъ сидѣли вмѣ

стѣ, они остановились, какъ бы по взаимному согласію, и Роза поглядѣла на Эдвина какъ никогда не глядѣла въ прошлое время, ибо то время было для нихъ уже прошлое.

— Да благословитъ васъ Богъ, мой милый! Прощайте!

— Да благословитъ васъ Богъ, моя милая! Прощайте!

Они поцѣловались горячо.

— Теперь отведите меня пожалуста домой, Эдди, и оставьте одну.

— Не оглядывайтесь, Роза, предостерегъ онъ ее, взявъ подъ руку и уводя.—Вы не замѣтили Джака?

— Нѣтъ. Гдѣ онъ?

— За деревьями. Онъ видѣлъ какъ мы прощались. Бѣдный! Онъ и не подозрѣветъ что мы разстаемся. Тяжелый будетъ ударъ ему.

Она шла поспѣшно, не останавливаясь пока не миновала надворотнаго дома. Тутъ она спросила:

— Онъ идетъ за нами? Оглянитесь осторожно. Онъ тутъ?

— Нѣтъ. Да. Вотъ онъ. Онъ сейчасъ прошелъ въ ворота. Добрый другъ! Ему не хочется спускать насъ съ глазъ.

Она торопливо дернула ручку стараго, хриплаго звонка, и ворота скоро отворились. Входя она бросила на Эдвина послѣдній, долгій, удивленный взглядъ, будто говоря съ мольбою и упрекомъ: „О, неужели ты не понимаешь?“ и онъ сокрылся отъ нея.

ГЛАВА XIV.

Когда встрѣтятся опять эти трое?

Канунъ Рождества въ Клойстергамѣ. Нѣсколько новыхъ лицъ на улицахъ. Нѣсколько другихъ лицъ, полуновыхъ полузнакомыхъ, лица прежнихъ дѣтей Клойстергамскихъ, теперь взрослыхъ мущинъ и женщинъ, которые возвращаются изъ внѣшняго міра и находятъ что городъ значительно съежился, будто хворалъ и не умывался долгое время. Для этихъ звонъ соборнаго колокола и крикъ грачей съ соборной башни, какъ будто отголоски дѣтства. Такимъ людямъ, если случалось имъ умирать вдали отъ роднаго города, нерѣдко казалось что полъ въ ихъ комнатѣ усыпанъ поблеклыми листьями, упавшими съ лилъ Клойстергамскаго парка, такъ живо припоминался имъ шорохъ и запахъ поражавшій ихъ молодыя

чувства, когда кругъ жизни ихъ замыкался и конецъ готовъ былъ слиться съ началомъ.

Всюду принадлежности праздника. Красныя ягоды виднѣются въ окнахъ уголка младшихъ канониковъ. Мистеръ Толъ съ женою тщательно втыкаютъ вѣтки жимолости по угламъ и изваяніямъ въ соборѣ, словно въ летницы декана и причта. Въ лавкахъ роскошное изобиліе, особенно по части изюма, пряностей и сахара. На всемъ необычайный характеръ игривости и раздолья, проявляющійся между прочимъ и въ огромномъ пучкѣ зелени висящемъ въ дверяхъ зеленщика, и въ пирогѣ украшенномъ наверху фигурой арлекина, стоящемъ въ окнѣ хлѣбника. Въ общественныхъ увеселеніяхъ нѣтъ недостатка. Восковыя куклы, такъ сильно поразившія любознательный умъ китайскаго императора, показываются желающимъ, въ теченіи одной только рождественской недѣли, на квартирѣ обанкрутившагося содержателя манежа. Новая большая комическая пантомима будетъ даваться въ театрѣ, надъ входомъ въ который вывѣшенъ портретъ клоуна сиьйора Джаксонини, во весь ростъ, съ подписью: „Будьте здоровы завтра!“ Словомъ, Клойстергамъ оживился и пришелъ въ движеніе, за исключеніемъ однако высшей школы и заведенія миссъ Твинкельтонъ. Воспитанницы первой всѣ разъѣхались по домамъ, влюбленные каждый въ одну изъ воспитанницъ миссъ Твинкельтонъ (которыя этого не подозрѣваютъ). Но только горничныя мелькаютъ по временамъ въ окнахъ послѣдняго. Замѣчено между прочимъ что эти особы становятся, въ предѣлахъ приличія, живѣе когда остаются одни представительницами прекраснаго пола, чѣмъ въ присутствіи воспитанницъ.

Грое должны сойтись сегодня въ надворотномъ домѣ. Какъ проведутъ время каждый изъ нихъ?

Невиль Ландлесъ, хотя онъ уволенъ на время отъ книгъ мистеромъ Криспарклемъ и хотя свѣжая натура его далеко не безчувственна къ прелестямъ праздника, читаетъ и пишетъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ въ своей тихой комнаткѣ до двухъ часовъ пополудни. Затѣмъ онъ принимается убирать столъ, приводитъ въ порядокъ книги, рветъ и жечь валяющіяся бумаги. Онъ уничтожаетъ всякій накопившійся хламъ, осматриваетъ всѣ ящики, не оставляетъ въ цѣлости ни одной записки, ни [illegible] клочка бумаги, кромѣ относящихся непосредственно къ [illegible] занятіямъ. Потомъ онъ обращается

къ своему гардеробу, отбираетъ нѣсколько платья, въ томъ числѣ пару толстыхъ башмаковъ и носковъ для ходьбы пѣшкомъ, и укладываетъ въ походную сумку. Сумка эта новая, купленная вчера на Большой улицѣ. Тутъ же купилъ онъ и тяжелую палку, крѣпкую, обитую на концѣ желѣзомъ. Онъ пробуетъ ее, взвѣшиваетъ въ рукѣ, и кладетъ вмѣстѣ съ сумкой на окно. Тѣмъ оканчиваются его приготовленія.

Онъ одѣвается и идетъ изъ дому, даже вышелъ уже изъ своей комнаты и встрѣтился съ младшимъ каноникомъ, также выходящимъ изъ спальни своей въ томъ же этажѣ, но ему приходитъ на умъ взять съ собою палку, и онъ возвращается за нею. Мистеръ Криспаркль, остановившійся на лѣстницѣ, видитъ палку въ рукѣ у него, какъ выходитъ онъ снова, беретъ ее и спрашиваетъ съ улыбкой, чѣмъ руководствуется онъ при выборѣ палки.

— Я не знаю въ этомъ толку, отвѣчаетъ молодой человѣкъ.— Я выбираю которая потяжеле.

— Эта слишкомъ тяжела, Невиль, черезчуръ тяжела.

— Вѣдь надо опираться на нее въ долгомъ пути.

— Опираться? повторяетъ мистеръ Криспаркль, принимая положеніе пѣшехода.—На палку не опираются, ей только баловствуютъ.

— Опытъ научитъ меня. Въ странѣ гдѣ я жилъ, вы знаете, мало ходятъ пѣшкомъ.

— Правда, говоритъ мистеръ Криспаркль. — Попавыкните немного, тогда мы съ вами пройдемъ нѣсколько десятковъ миль. Теперь я слишкомъ скоро уходилъ бы васъ. Вы вернетесь предъ обѣдомъ?

— Не думаю, такъ какъ мы обѣдаемъ рано.

Мистеръ Криспаркль привѣтливо киваетъ ему и весело прощается съ нимъ, выражая, не безъ намѣренія, полную увѣренность въ немъ.

Невиль отправляется въ Женскій Монастырь и проситъ увѣдомить миссъ Ландлесъ что братъ ея пришелъ по уговору. Онъ ждетъ у воротъ не переступая даже порога, ибо обязался честнымъ словомъ избѣгать встрѣчи съ Розой.

Сестра его точно такъ же какъ онъ помнитъ это обязательство и является къ нему тотчасъ же. Они тепло здороваются и теряя времени удаляются по направленію къ холмистой мѣстности за городомъ.

— Я не намѣренъ заходить на запрещенную почву. Елена,

говоритъ Невиль, какъ отошли они уже довольно далеко и поворачиваютъ.—Ты поймешь сейчасъ же что я не могу не уломянуть, какъ бы выразиться... о моемъ увлеченіи.

— Не лучше ли избѣгать этого, Невиль? Ты знаешь что я не въ правѣ тебя слушать.

— Ты можешь выслушать то что выслушалъ и одобрилъ мистеръ Криспаркль.

— Да, это я могу выслушать.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Я не только самъ разстроенъ и встревоженъ, но разстраиваю и тревожу другихъ. Почемъ знать, можетъ-быть, еслибъ не мое присутствіе, ты и.... и все то остальное общество, кромѣ нашего милаго олеѣуна весело обѣдало бы завтра въ уголкѣ младшихъ канониковъ? По всей вѣроятности такъ бы и было. Я очень хорошо вижу что старушка невысокаго мнѣнія обо мнѣ, очень понятно какая ломѣха я въ ихъ гостепріимномъ домѣ, особенно теперь когда надо удалять меня отъ такого-то, не сводить съ такимъ-то, а такой-то предубѣжденъ противъ меня и т. д. Я выразилъ это мистеру Криспарклю очень бережно.... ты вѣдь знаешь какъ мало думаетъ онъ о себѣ... но все-таки выразилъ. Я напиралъ особенно на то что нахожусь въ тяжелой борьбѣ самъ съ собою и что перемѣна мѣста можетъ облегчить мнѣ эту борьбу. Словомъ, такъ какъ погода прекрасная, я намѣренъ завтра утромъ отправиться на дальнюю прогулку и избавить всѣхъ отъ моего присутствія.

— Когда же думаешь ты вернуться?

— Черезъ двѣ недѣли.

— И ты идешь одинъ?

— Мнѣ лучше одному, даже если было бы съ кѣмъ идти.

— Ты говоришь мистеръ Криспаркль одобряетъ твое намѣреніе?

— Совершенно. Сначала онъ, кажется, видѣлъ въ немъ плоды унылаго настроенія и опасался вреднаго вліянія одиночества; но въ одну ночную прогулку мы переговорили обстоятельно, и я представилъ ему дѣло какъ оно есть; я объяснилъ ему что хочу преодолѣть себя, и что когда я выдержу нынѣшній вечеръ, мнѣ гораздо лучше будетъ удалиться отсюда, чѣмъ оставаться здѣсь. Здѣсь трудно было бы не встрѣтить извѣстныхъ лицъ, гуляющихъ вмѣстѣ, а подобныя встрѣчи не повели бы ни къ чему хорошему и конечно не помогли бы мнѣ справиться съ моимъ чувствомъ. Черезъ двѣ недѣли этой опасности, вѣрно

ятно, уже не будетъ предстоять, по крайней мѣрѣ на время а когда она опять появится, я вѣдь опять могу уйти. Сверхъ того, я въ самомъ дѣлѣ надѣюсь на благотворное дѣйствіе движенія и физической усталости. Ты знаешь что самъ мистеръ Криспаркль приписываетъ подобнымъ упражненіямъ немалое значеніе для сохраненія здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ, а справедливому уму его несвойственно порицать въ другихъ то что̀ считаетъ онъ хорошимъ для себя. Онъ сдался на мои доводы, убѣдившись что намѣренія мои дѣйствительно серіозны, и съ его полнаго согласія, я отправляюсь завтра утромъ, такъ рано что не только выйду изъ города, но даже не буду слышать уже соборныхъ колоколовъ, когда добрые люди пойдутъ въ церковь.

Елена обдумываетъ дѣло, и дѣло кажется ей хорошимъ; если мистеръ Криспаркль одобрилъ, такъ значитъ ужь хорошо, но она и сама, по собственному убѣжденію, одобряетъ это намѣреніе, какъ попытку, свидѣтельствующую объ искреннемъ желаніи исправиться. Ей немножко жаль брата что онъ уходитъ одинъ въ большой праздникъ; но она считаетъ умѣстнымъ поддерживать его въ этомъ намѣреніи, и поддерживаетъ.

— Ты будешь писать мнѣ?

— Буду писать черезъ день и разказывать всѣ мои приключенія.

— Ты высылаешь платье впередъ?

— Нѣтъ, милая Елена. Пойду, какъ пилигримъ, съ котомкой и посохомъ. Котомка моя уже уложена, сто́итъ только надѣть ее на плечи; а вотъ мой посохъ.

Онъ подаетъ ей палку. Она дѣлаетъ тоже замѣчаніе, какъ мистеръ Криспаркль, что палка эта очень тяжела, и отдаетъ ему назадъ, спрашивая изъ какого она дерева. — Желѣзнаго.

До этой минуты онъ былъ очень бодръ. Можетъ быть необходимость убѣдить сестру и для этого представить ей дѣло въ самомъ веселомъ свѣтѣ поддерживала въ немъ бодрость. Можетъ быть самый успѣхъ производитъ теперь реакцію. По мѣрѣ того какъ день клонится къ вечеру, и огни зажигаются въ городѣ, Невиль начинаетъ падать духомъ.

— Не хочется мнѣ идти на этотъ обѣдъ, Елена.

— Милый Невиль, сто́итъ ли объ этомъ толковать? Подумай какъ скоро это кончится.

Кончится-то скоро, повторяетъ онъ мрачно,—правда. А все-таки мнѣ что-то не по душѣ.

— Можетъ быть первую минуту будетъ не совсѣмъ ловко, ободряетъ она его,—но только минуту. Вѣдь ты совершенно увѣренъ въ себѣ?

— Желалъ бы я быть также увѣреннымъ въ другихъ какъ въ себѣ, отвѣчаетъ онъ.

— Какъ странно говоришь ты! Что ты хочешь сказать?

— Не знаю, Елена. Знаю только что все это мнѣ какъ-то не по душѣ. Что за тяжесть въ воздухѣ.

Она указываетъ ему на рыжеватыя тучи за рѣкой и говоритъ что вѣтеръ поднимается. Онъ почти ничего не говоритъ до той минуты какъ прощается съ нею у воротъ Женскаго Монастыря. Она не тотчасъ же входитъ, простившись съ нимъ, а глядитъ ему вслѣдъ, какъ идетъ онъ по улицѣ. Два раза проходитъ онъ мимо надворотнаго дома, не рѣшаясь войти. Наконецъ на соборныхъ часахъ бьетъ четверть, и поспѣшно, быстрыми шагами онъ идетъ въ домъ.

Такъ Невиль всходитъ на крутую лѣстницу.

Эдвинъ Друдъ проводитъ день одиноко. Онъ лишился чего-то болѣе дорогаго чѣмъ думалъ; онъ плакалъ вчера вечеромъ въ тишинѣ своей комнаты. Хотя образъ миссъ Ландлесъ все еще носится въ глубинѣ ума его, однако хорошенькая, кроткая дѣвушка, оказавшаяся неожиданно для него такою твердою и умною, занимаетъ первое мѣсто. Онъ думаетъ о ней не безъ сознанія собственной ничтожности и того чѣмъ могли бы они быть другъ другу если бъ онъ отнесся къ ней посеріознѣе нѣсколько времени тому назадъ, если бъ онъ побольше цѣнилъ ее, если бъ онъ не принималъ предстоящую ему участь какъ свое неотъемлемое наслѣдіе, а дорожилъ бы ею, изыскивалъ бы средства быть достойнымъ ея. И при всемъ томъ какъ ни болитъ у него сердце, причудливость и тщеславіе юности все-таки вызываютъ въ умѣ его красивый образъ миссъ Ландлесъ.

Какъ странно поглядѣла на него Роза какъ разставались они у воротъ. Что значилъ этотъ взглядъ? Ужь не то ли что она видитъ все сокрытое въ глубинѣ его мыслей? Едва ли это былъ взглядъ удивленный, вопросительный. Онъ рѣшаетъ что не можетъ понять этого взгляда, хотя онъ былъ очень выразителенъ.

Такъ какъ Эдвинъ ожидаетъ теперь одного мистера Грюгь-

юса и намѣренъ ѣхать какъ только повидается съ нимъ, то онъ отправляется побродить на прощанье по старому городу и его окрестностямъ.

Онъ вспоминаетъ какъ гуляли они здѣсь съ Розой еще дѣтьми, гордясь тѣмъ что уже обручены. Бѣдныя дѣти! думаетъ онъ грустно.

Замѣтивъ что часы у него остановились, онъ заходитъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру завести и повѣрить ихъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ весьма распространяется о браслетѣ который проситъ позволенія показать, такъ, безъ всякой особенной цѣли. Онъ бы очень шелъ (полагаетъ хозяинъ) къ молодой невѣстѣ, особенно если она небольшаго роста. Видя что браслетъ осматривается холодно, хозяинъ обращаетъ вниманіе посѣтителя на мужскія кольца. Вотъ напримѣръ кольцо, замѣчаетъ онъ, — перстень самаго строгаго вкуса, молодые господа весьма часто покупаютъ такіе, собираясь измѣнить свое положеніе. Это кольцо существенное, серіозное. Многіе джентльмены приказываютъ вырѣзать на подобномъ кольцѣ внутри число и годъ своей свадьбы и предпочитаютъ это всякому другому воспоминанію.

Кольца встрѣчаютъ ту же холодность какъ и браслетъ. Эдвинъ говоритъ соблазнителю что не носитъ драгоцѣнностей, кромѣ часовъ съ цѣпочкой, принадлежавшихъ отцу, да булавки въ галстукѣ.

— Это я зналъ, отвѣчаетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. — Мистеръ Джасперъ заходилъ сюда за стекляшкомъ для часовъ, я показалъ ему эти вещи, сказавъ что еслибы онъ пожелалъ сдѣлать подарокъ какому-нибудь родственнику.... Но онъ возразилъ съ улыбкой что знаетъ наизусть всѣ драгоцѣнности какія носитъ его родственникъ и что онѣ ограничиваются часами и цѣпочкою съ булавкой.—Но вѣдь это, продолжаетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ свои соображенія, — относится лишь къ настоящему времени и можетъ измѣниться съ перемѣною обстоятельствъ. Я поставилъ часы ваши на двадцать минутъ третьяго. Не забывайте же заводить ихъ.

Эдвинъ беретъ часы, надѣваетъ, и выходитъ изъ лавки, думая про себя: — Добрый Джакъ, еслибъ я сдѣлалъ лишнюю складку въ моемъ галстукѣ, онъ и той, кажется, не пропустилъ бы безъ вниманія.

Онъ бродитъ взадъ и впередъ, чтобъ какъ-нибудь провести время до обѣда. Клойстергамъ какъ будто съ упрекомъ гля-

дитъ на него въ этотъ день, словно укоряетъ его въ какой-то винѣ, но скорѣе задумчиво, чѣмъ гнѣвно. Обычная безпечность его смѣнилась грустною внимательностью ко всѣмъ знакомымъ урочищамъ.—Скоро уйду отъ нихъ, и никогда можетъ-быть не увижу ихъ болѣе, думаетъ онъ.—Бѣдный, бѣдный!

Къ сумеркамъ очутился онъ въ монастырскомъ виноградникѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ битыхъ полчаса по соборнымъ часамъ; уже совсѣмъ смерклось, тутъ только замѣчаетъ онъ женщину прижавшуюся въ углу къ калиткѣ. Калитка эта ведетъ на боковую тропинку по которой мало ходятъ въ сумерки; должно быть эта женщина была тутъ все время, хотя онъ и не замѣчалъ ея сначала.

Онъ сворачиваетъ на тропинку и подходитъ къ калиткѣ. При свѣтѣ фонаря онъ видитъ что наружность женщины жалкая: острый подбородокъ ея опирается на руки и глаза ея глядятъ въ пространство, не мигая, съ мертвенною неподвижностью. Всегда добродушный, а сегодня особенно добродушно настроенный, до такой степени что обмѣнивался ласковымъ словомъ со всѣми встрѣчными дѣтьми и стариками, онъ тотчасъ же наклоняется и заговариваетъ съ этою женщиной.

— Вы больны?

— Нѣтъ, милый, отвѣчаетъ она, не глядя на него и не мѣняя положенія.

— Вы слѣпы?

— Нѣтъ, милый.

— Вы заблудились, вы безпріютны, вамъ дурно? Что съ вами? Зачѣмъ вы сидите такъ долго здѣсь на холодѣ неподвижно?

Медленно, съ усиліемъ, она переводитъ глаза на него, и вдругъ какая-то тѣнь на нее набѣгаетъ и она начинаетъ дрожать.

Онъ выпрямляется, отступаетъ на шагъ, и глядитъ на нее съ ужасомъ. Она какъ будто ему знакома.

Боже мой! думаетъ онъ черезъ минуту,—точь въ точь какъ Джакъ въ ту ночь!

Онъ глядитъ на нее, а она глядитъ на него и говоритъ плаксиво:

— Легкія у меня слабы, легкія дурны! Бѣдная я, бѣдная! Катель меня замучилъ. И она какъ бы въ подтвержденіе, кашляетъ ужасно.

— Откуда вы?

— Изъ Лондона, милый. Она вся трясется отъ кашля.

— Куда вы отправляетесь?

— Назадъ въ Лондонъ, милый. Я пріѣхала сюда искать иголку въ стогѣ сѣна, и не нашла. Послушайте, милый, дайте мнѣ три шиллинга шесть пенсовъ, и не бойтесь меня. Тогда я вернусь въ Лондонъ и никого не стану тревожить. У меня есть дѣло. Ахъ, бѣдная я! Вяло идетъ оно, очень вяло, а на прожитокъ все-таки кое-какъ хватаетъ.

— Вы употребляете опій?

— Курю, отвѣчаетъ она съ трудомъ, все еще терзаемая кашлемъ.—Если не дадите мнѣ трехъ шиллинговъ шести пенсовъ, такъ не давайте ни монетки. А если дадите три шиллинга шесть пенсовъ, такъ я скажу вамъ секретъ.

Онъ отсчитываетъ изъ кармана деньги и кладетъ ей въ руку. Она тотчасъ же жадно схватываетъ ихъ и поднимается на ноги съ хриплымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Благодарю васъ! Послушайте, милый джентльменъ, какъ васъ зовутъ по имени?

— Эдвинъ.

— Эдвинъ, Эдвинъ, Эдвинъ, повторяетъ она съ разстановкой, сонливо, и вдругъ спрашиваетъ:

— Уменьшительное отъ этого имени выходитъ Эдди?

— Да, иногда такъ говорятъ, отвѣчаетъ онъ краснѣя.

— Вѣдь такъ милыя говорятъ? спрашиваетъ она задумчиво.

— Почемъ я знаю!

— У васъ нѣтъ милой? По совѣсти?

— Нѣтъ.

Она собирается уйти, прибавивъ:

— Благодарю васъ.

Онъ ее останавливаетъ:

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ, такъ ужъ кстати скажите.

— Да, хотѣла, хотѣла. Ну. Шепотомъ. Счастье ваше что васъ не зовутъ Недъ.

Онъ совершенно твердо смотритъ на нее и спрашиваетъ:

— Почему?

— Это въ настоящую минуту нехорошее имя?

— Какъ нехорошее имя?

— Имя которому грозитъ бѣда. Опасное имя.

— По пословицѣ люди которымъ грозитъ опасность живутъ долго, отвѣчаетъ онъ слегка.

— Въ такомъ случаѣ Неду слѣдовало бы жить вѣчность; такая опасность грозитъ ему, гдѣ бы ни былъ онъ, пока я говорю съ вами, милый!

Она наклонилась къ нему чтобы произнести слова эти ему на ухо, потрясая указательнымъ пальцемъ предъ его глазами; затѣмъ она съеживается и сказавъ еще разъ: — Благодарю васъ, уходитъ по направленію къ пристанищу странниковъ.

Не веселое заключеніе скучнаго дня. Одного, въ глухомъ мѣстѣ среди остатковъ прошлаго времени и развалинъ, какъ-то невольно дрожь беретъ.

Онъ направляется къ ярче освѣщеннымъ улицамъ, и рѣшаетъ не говорить ничего объ этой встрѣчѣ сегодня, а сообщить завтра, какъ странный случай, Джаку (который одинъ называетъ его Недомъ); разумѣется только какъ странный случай, не заслуживающій особеннаго вниманія.

Однако умъ Эдвина пораженъ этимъ случаемъ сильнѣе чѣмъ другими болѣе важными. Ему предстоитъ пройти еще около мили до обѣда, и когда переходитъ онъ мостъ и идетъ вдоль рѣки, онъ слышитъ какъ будто отголосокъ словъ странной женщины въ поднимающемся вѣтрѣ, въ гнѣвномъ небѣ, въ мутной водѣ, въ зажигающихся огняхъ. Они звучатъ ему даже въ звонѣ соборныхъ колоколовъ и потрясаютъ душу его, когда поворачиваетъ онъ къ надворотному дому.

Эдвинъ всходитъ на крутую лѣстницу.

Джонъ Джасперъ проводитъ день пріятнѣе и веселѣе обоихъ гостей своихъ. Въ праздники нѣтъ уроковъ музыки; онъ можетъ слѣдовательно располагать своимъ временемъ, за исключеніемъ часовъ службы. Онъ рано отправляется въ лавки закупать разныя лакомства, которыя племянникъ любитъ. Племянникъ не долго здѣсь проживетъ, говоритъ онъ торговцамъ, — такъ надо побаловать его. По дорогѣ онъ заходитъ къ мистеру Сапси и сообщаетъ ему что милый Недъ и пылкій юноша, питомецъ мистера Криспаркля, должны обѣдать сегодня въ надворотномъ домѣ и уладить раздоръ свой. Мистеръ Сапси вовсе не расположенъ къ пылкому юношѣ. Онъ говоритъ что у него наружность „не англійская,“ а это есть въ устахъ мистера Сапси высшая степень осужденія.

Джонъ Джасперъ весьма сожалѣетъ что мистеръ Сапси выражаетъ подобное мнѣніе, ибо знаетъ очень хорошо что мистеръ Сапси никогда не говоритъ безъ основанія, и что мнѣнія его какъ-то всегда оказываются справедливыми. Замѣчательно что мистеръ Сапси вполнѣ соглашается съ этимъ.

Мистеръ Джасперъ необыкновенно въ голосѣ въ этотъ день. Въ трогательной молитвѣ о сохраненіи сердца своего на пути

правды онъ изумляетъ всѣхъ товарищей своими музыкальными способностями. Никогда не пѣлъ онъ трудной музыки съ такимъ искусствомъ какъ въ этотъ день. Его нервный темпераментъ побуждаетъ его иногда пѣть трудныя мѣста слишкомъ скоро. Сегодня онъ ни разу не сбивается съ надлежащаго такта.

Такой результатъ достигается, вѣроятно, невозмутимымъ спокойствіемъ духа. Горло у мистера Джаспера нѣсколько нѣжно, и онъ носитъ, какъ въ облаченіи, такъ и при обыкновенномъ платьѣ, большой шарфъ изъ плотнаго чернаго шелка на шеѣ. Но безмятежное спокойствіе духа его такъ очевидно что мистеръ Криспаркль говоритъ объ этомъ выходя изъ церкви послѣ вечерни.

— Позвольте поблагодарить васъ, Джасперъ, за удовольствіе съ какимъ слушалъ я васъ сегодня. Вы, полагаю, не могли бы такъ превзойти себя еслибы не чувствовали себя очень хорошо.

— Я дѣйствительно чувствую себя очень хорошо.

— Ни малѣйшей неровности, говоритъ младшій каноникъ съ мѣрнымъ движеніемъ руки,—ни малѣйшаго напряженія, ни малѣйшей шаткости. Отъ начала до конца безукоризненное искусство и полное самообладаніе.

— Благодарю васъ.—Я самъ доволенъ собою, если позволительно сознаться въ этомъ.

— Вы какъ будто попробовали новое лѣкарство противъ болѣзненнаго состоянія, которое иногда находитъ на васъ.

— Вы это замѣтили? Тонкій же вы наблюдатель! Я дѣйствительно попробовалъ новое лѣкарство.

— Такъ держитесь его, другъ мой, говоритъ мистеръ Криспаркль, ободрительно ударяя Джаспера по плечу.

— Я и буду держаться.

— Поздравляю васъ во всѣхъ отношеніяхъ, продолжаетъ мистеръ Криспаркль, выходя изъ собора.

— Благодарю васъ еще разъ. Я провожу васъ до дому, если вы позволите. Времени у меня до обѣда еще много. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова, которыя, полагаю, будутъ вамъ пріятны.

— Въ чемъ же дѣло?

— Помните тотъ вечеръ, мы говорили о моемъ мрачномъ настроеніи.

Лицо мистера Криспаркля вытягивается, онъ грустно качаетъ головой.

— Я сказалъ, помните, что буду обращаться къ вамъ за противоядіемъ противъ этого мрачнаго настроенія, а вы выразили надежду что я предамъ огню свои мрачныя мысли.

— Я и теперь еще надѣюсь на это, Джасперъ.

— И совершенно основательно! Я намѣренъ сжечь годовой дневникъ мой въ концѣ года.

— Значитъ вы.... Лицо мистера Криспаркля значительно проясняется.

— Вы меня понимаете. Я былъ разстроенъ, унылъ, желченъ, боленъ. Вы говорили что я преувеличиваю. Дѣйствительно, я преувеличивалъ.

Лицо мистера Криспаркля проясняется еще болѣе.

— Тогда я не замѣчалъ этого, именно потому что былъ разстроенъ. Теперь я пришелъ въ болѣе нормальное состояніе, и сознаюсь съ искреннимъ удовольствіемъ что я дѣлалъ изъ мухи слона.

— Мнѣ очень пріятно что вы такъ говорите, восклицаетъ мистеръ Криспаркль.

— Человѣкъ ведущій однообразную жизнь, продолжаетъ Джасперъ, разстраивающій нервы и желудокъ, останавливается на одной мысли до тѣхъ поръ пока она приметъ уродливые размѣры. Такъ было и со мною. Итакъ я сожгу плодъ болѣзни моей, когда книга окончится, и начну слѣдующую съ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на вещи.

— Это такъ хорошо, говоритъ мистеръ Криспаркль, останавливаясь у своего крыльца и протягивая руку Джасперу,— такъ хорошо, какъ я и ожидать не могъ.

— Очень естественно, отвѣчаетъ Джасперъ,—вамъ не было основанія надѣяться что я сдѣлаюсь болѣе похожимъ на васъ. Вы постоянно работаете надъ собою, чтобъ быть и духомъ и тѣломъ чище хрусталя; вы всегда одинаковы, никогда не измѣняетесь. А я лишь грязная, тощая былинка. Однако я отдѣлался отъ тоски своей! Не потрудитесь ли вы узнать дома ли мистеръ Невиль? А я подожду. Если онъ еще дома, мы могли бы идти вмѣстѣ.

— Кажется, отвѣчаетъ мистеръ Криспаркль отпирая дверь домовымъ ключомъ,—онъ ушелъ нѣсколько времени тому назадъ. То-есть ушелъ-то онъ навѣрное, но не знаю вернулся ли. Я спрошу. Не хотите ли войти?

— У меня гости дожидаются, говоритъ Джасперъ съ улыбкой.

Младшій каноникъ исчезаетъ и чрезъ нѣсколько минутъ

возвращается. Оказывается что Невиль еще не приходилъ. Да онъ и говорилъ что пойдетъ прямо въ надворотный домъ.

— Плохо же исполняю я обязанности хозяина! говоритъ Джасперъ. — Гости придутъ прежде меня. Хотите пари держать что я не застану ихъ въ объятіяхъ другъ друга?

— Я держу пари.... то-есть держалъ бы, еслибъ имѣлъ такую привычку, что гостямъ вашимъ будетъ весело сегодня съ хозяиномъ.

Джасперъ киваетъ головою и смѣясь прощается.

Онъ идетъ назадъ къ собору и потомъ поворачиваетъ къ надворотному дому.

Онъ поетъ по луги тихимъ голосомъ, необыкновенно выразительно. Въ этотъ день онъ кажется не способенъ взять фальшивую ноту; всякая тревога и колебаніе повидимому чужды ему. Войдя подъ сводъ, надъ которымъ стоитъ его домъ, онъ останавливается на минуту, чтобы снять свой длинный черный шарфъ. Въ эту минуту лицо его сумрачно и сурово. Но оно тотчасъ же проясняется и онъ продолжаетъ свой путь и пѣніе. Такъ Джасперъ всходитъ на крутую лѣстницу.

Красный свѣтъ горитъ не колеблясь весь вечеръ въ маякѣ на границѣ житейскаго шума. Слабые звуки торговой суетни переходятъ ее и разносятся по одинокимъ окрестностямъ, но кромѣ ихъ сюда долетаютъ лишь причудливые порывы вѣтра. Понемногу поднимается буря.

Эта мѣстность никогда не бываетъ очень ярко освѣщена, но сегодня здѣсь особенно темно, ибо вѣтеръ задуваетъ многіе фонари, а мѣстами и разбиваетъ ихъ, и стекла, звеня, сыплются на землю. Темнота увеличивается отъ летящей пыли, сучьевъ и обломковъ грачьихъ гнѣздъ съ башни. Пока вьется все это во мглѣ, самыя деревья такъ качаются и трещатъ будто готовы вырваться съ корнями; а по временамъ большой сукъ, оторванный бурей, съ шумомъ падаетъ на землю.

Давно уже не было такой бури. Трубы валятся на улицы, люди хватаются за столбы и углы строеній и другъ за друга, чтобъ удержаться на ногахъ. Порывы вѣтра не утихаютъ, а все усиливаются до полуночи, тогда улицы уже пусты, и буря воетъ по нимъ, потрясая двери, отрывая ставни, словно совѣтуя людямъ подняться и улетѣть съ нею, не дожидаясь чтобъ крыши обрушились имъ на головы.

А красный свѣтъ все горитъ не колеблясь. Въ эту ночь все колеблется кромѣ этого краснаго свѣта.

Всю ночь не унимается буря. Но къ утру, когда на востокѣ едва лишь начинаютъ меркнуть звѣзды, она понемногу стихаетъ. Какъ раненый звѣрь испускаетъ она по временамъ свирѣпый ревъ, все рѣже и рѣже, и на разсвѣтѣ замираетъ.

Тогда оказывается что стрѣлки соборныхъ часовъ оторваны; что съ крыши содранъ свинецъ, свернутъ и отнесенъ въ паркъ; что нѣсколько камней вывалилось на верху башни. Хотя и праздникъ, является необходимость послать на верхъ нѣсколько рабочихъ, чтобъ удостовѣриться въ размѣрѣ поврежденій. Подъ предводительствомъ Дорделься рабочіе поднимаются на башню, а внизу, въ уголкѣ младшихъ канониковъ мистеръ Топъ съ собравшеюся толпой глядятъ на верхъ, прикрывъ глаза руками.

Вдругъ въ толпу эту врывается Джасперъ. Всѣ глаза опускаются къ землѣ когда онъ громко спрашиваетъ мистера Криспаркля, стоящаго у отвореннаго окна:

— Гдѣ мой племянникъ?

— Его здѣсь не было. Развѣ онъ не у васъ?

— Нѣтъ. Онъ пошелъ вчера ночью къ рѣкѣ съ мистеромъ Невилемъ поглядѣть на бурю, и не возвращался. Позовите мистера Невиля.

— Онъ ушелъ сегодня рано утромъ.

— Ушелъ рано утромъ? Впустите меня! Впустите!

Теперь никто уже не глядитъ на башню. Всѣ глаза обращены на мистера Джаспера, какъ онъ, блѣдный, запыхавшійся, полуодѣтый, держится за рѣшетку предъ домомъ младшаго каноника.

ГЛАВА XV.

Арестантъ.

Невиль Ландлесъ вышелъ такъ рано и шелъ такъ скоро что когда зазвонили въ Клойстергамѣ къ заутренѣ онъ былъ уже за восемь миль. Желая позавтракать, такъ какъ онъ дома съѣлъ одну только корку хлѣба, онъ остановился у ближайшаго постоялаго двора.

Посѣтители желающіе завтракать, кромѣ лошадей и скота, для которыхъ достаточно запасено было провизіи въ видѣ корыта съ водою и сѣна, появлялись такъ рѣдко въ „Вагонѣ“ что потребовалось не мало времени чтобы направить вагонъ этотъ на путь чая и ветчины. Невиль между тѣмъ, сидя въ

усыпанной пескомъ комнатѣ, размышлялъ скоро ли послѣ его ухода тусклый огонь изъ сырыхъ сучьевъ начнетъ издавать хоть какую-нибудь теплоту?

„Вагонъ“ былъ прохладное заведеніе, лежащее на верху пригорка. Тамъ земля предъ дверью избита была копытами и покрыта стоптанною соломой; тамъ сварливая хозяйка била за стойкою грязнаго ребенка, одна нога котораго обута была въ красный чулокъ, а другая босая; тамъ сыръ валялся на низкой полкѣ вмѣстѣ съ грязною салфеткой и ножемъ съ зеленою ручкой въ желѣзной корзинѣ, напоминающей формою челнокъ; тамъ блѣдный хлѣбъ, крошась, какъ будто лилъ слезы о кораблекрушеніи своемъ въ другомъ челнокѣ; тамъ бѣлье, полумытое, полусухое, постоянно лежало у всѣхъ на виду; тамъ всякое питье пилось изъ кружекъ, а ѣда глядѣла незамаичиво. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ „Вагонъ“ плохо держалъ вывѣшенное обѣщаніе пріюта и пищи для человѣка и скота. Но въ настоящемъ случаѣ человѣкъ былъ неприхотливъ: принялъ пищу какая нашлась, и отправился дальше послѣ слишкомъ продолжительнаго отдыха.

Отойдя съ четверть мили, Невиль остановился въ нерѣшимости: идти ли далѣе по большой дорогѣ или своротить на проселокъ, поднимающійся въ гору и потомъ очевидно опять приводящій къ дорогѣ. Онъ выбралъ проселокъ и пошелъ по немъ не безъ труда, такъ какъ спускъ былъ крутъ и путь изрѣзанъ глубокимъ колесникомъ. Невиль медленно подвигался впередъ какъ вдругъ замѣтилъ за собой другихъ пѣшеходовъ. Такъ какъ они шли скорѣе его, онъ посторонился чтобы дать имъ пройти. Но движенія ихъ были очень странны. Четверо только прошли впередъ; другіе четверо стали медлить, какъ бы дожидаясь чтобъ идти за нимъ когда онъ тронется съ мѣста, а остальные, человѣкъ шесть, повернули и пошли назадъ скорымъ шагомъ.

Невиль поглядѣлъ на четверыхъ задиихъ, поглядѣлъ на четверыхъ переднихъ. Они на него глядѣли. Онъ пошелъ; передніе пошли, помпутно оглядываясь; задніе слѣдовали за нимъ по пятамъ. Когда вышли изъ тѣсной тропы на открытую поляну и порядокъ этотъ соблюдался по-прежнему, куда бы ни сворачивалъ Невиль, ему не оставалось уже сомнѣнія что эти люди имѣютъ на него виды. Чтобъ убѣдиться окончательно, онъ остановился. Всѣ остановились.

— Зачѣмъ вы такъ слѣдите за мной? спросилъ онъ.—Воры вы что ли?

— Не отвѣчайте ему, сказалъ кто-то, онъ не разглядѣлъ кто именно.—Лучше молчать.

— Лучше молчать? повторилъ Невиль.—Кто это говоритъ? Никто не отвѣтилъ.

— Совѣтъ хорошъ, кто бы изъ васъ, бродягъ, ни подалъ его, продолжалъ Невиль сердито.—Я не снесу чтобы меня такъ тѣснили четверо спереди и четверо сзади. Я хочу пройти мимо этихъ четверыхъ, и пройду.

Всѣ стояли неподвижно и онъ также.

— Если въ восьмеромъ, или въ четверомъ, или въ двоемъ нападаютъ на одного, продолжалъ онъ, сердясь все болѣе,—такъ этому одному остается только отбиваться силою и, видитъ Богъ, я такъ и сдѣлаю, если отъ меня не отстанутъ!

Взмахнувъ тяжелую палку и ускоривъ шагъ, онъ бросился впередъ чтобы миновать загораживавшихъ дорогу. Самый высокій и сильный изъ четверыхъ быстро обернулся, ловко схватился съ нимъ и упалъ съ нимъ вмѣстѣ, получивъ однако увѣсистый ударъ палкою.

— Не троньте его, говорилъ этотъ человѣкъ глухимъ голосомъ, когда они боролись на травѣ.—Коли биться, такъ честно. Онъ предо мной ребенокъ; да у него еще и грузъ на спинѣ. Я справлюсь съ нимъ. Не троньте его.

Нѣсколько времени они валялись; кровь появилась на лицахъ обоихъ; наконецъ неизвѣстный человѣкъ пустилъ Невиля и всталъ говоря:

— Ну, вотъ, теперь возьмите его двое подъ руки.

Такъ и было сдѣлано тотчасъ же.

— Что касается до того воры ли мы, мистеръ Ландлесъ, сказалъ неизвѣстный человѣкъ, выплевывая изъ роту кровь и отирая лицо,—такъ гдѣ же видано воры въ полдень? Мы не тронули бы васъ, еслибы вы сами насъ не вынудили. Мы выведемъ васъ сейчасъ на большую дорогу, тамъ вы найдете довольно защиты отъ воровъ. Утрите ему лицо, видите какъ кровь течетъ у него.

Когда отерли лицо ему, Невиль узналъ въ говорившемъ Джо, кучера клойстергамскаго омнибуса, котораго видѣлъ только одинъ разъ, въ день своего пріѣзда.

— А теперь пока я совѣтую вамъ не разговаривать, мистеръ Ландлесъ. Пріятель ждетъ васъ на большой дорогѣ. Они

пошли впередъ когда мы раздѣлились на двѣ кучки. Гораздо лучше вамъ ничего не говорить пока не встрѣтитесь съ нимъ. Неси кто-нибудь эту палку и идемъ.

Совершенно растерявшись, Невиль озирался кругомъ, не говоря ни слова. Онъ шелъ между двумя провожатыми, державшими его подъ руки, какъ во снѣ, пока на большой дорогѣ не встрѣтили они кучку людей. Тутъ были люди вернувшіеся назадъ, а въ серединѣ стояли мистеръ Джасперъ и мистеръ Криспаркль. Провожатые Невиля подвели его къ младшему канонику и тутъ пустили.

— Что все это значитъ? Что случилось? Мнѣ кажется что я помѣшался! вскричалъ Невиль, пока толпа обступала его.

— Гдѣ мой племянникъ? порывисто спросилъ мистеръ Джасперъ.

— Гдѣ вашъ племянникъ? повторилъ Невиль.—Зачѣмъ вы меня спрашиваете?

— Затѣмъ что вы послѣ всѣхъ оставались съ нимъ, и онъ исчезъ.

— Исчезъ! вскричалъ Невиль въ ужасѣ.

— Постойте, постойте! сказалъ мистеръ Криспаркль. — Позвольте мнѣ, Джасперъ. Мистеръ Невиль, вы смущены. Соберитесь съ мыслями. Вамъ необходимо собраться съ мыслями. Слушайте меня.

— Постараюсь, но я кажется съ ума сошелъ.

— Вы выпили вчера ночью отъ мистера Джаспера съ Эдвиномъ Друдомъ?

— Да.

— Въ которомъ часу?

— Кажется было двѣнадцать часовъ, сказалъ Невиль, схватившись рукой за голову и обращаясь къ Джасперу.

— Совершенно вѣрно, сказалъ мистеръ Криспаркль.—Точь въ точь какъ говорилъ мнѣ Джасперъ. Вы вмѣстѣ пошли къ рѣкѣ?

— Безъ сомнѣнія. Поглядѣть на бурю.

— Что случилось затѣмъ? Долго ли вы тамъ оставались?

— Минутъ десять. Кажется не больше. Затѣмъ мы пошли къ вашему дому, и онъ простился со мной у двери.

— Не говорилъ ли онъ что опять пойдетъ къ рѣкѣ?

— Нѣтъ. Онъ говорилъ что пойдетъ прямо домой.

Присутствующіе поглядѣли другъ на друга и потомъ на мистера Криспаркля. Джонъ Джасперъ, зорко наблюдавшій за

Невилемъ, сказалъ канонику сдержаннымъ, подозрительнымъ голосомъ:

— Что это за пятна у него на платьѣ?

Всѣ глаза обратились на кровавыя пятна.

— А вотъ и на палкѣ такія же! сказалъ Джасперъ, взявъ ее изъ рукъ несчаго ее человѣка.

— Я знаю что это его палка, она была у него въ рукахъ вчера вечеромъ. Что это значитъ?

— Бога ради объясните что это значитъ, Невиль, приступалъ мистеръ Криспаркль.

— Вотъ этотъ человѣкъ и я, сказалъ Невиль, указывая на своего недавняго противника,—боролись сейчасъ за эту палку. Вы можете видѣть такія же пятна и на немъ. Что жъ могъ я думать, какъ пристали ко мнѣ восемь человѣкъ? Могла ли мнѣ въ голову придти настоящая причина, когда они ни слова не говорили мнѣ?

Всѣ сознались что сочли умѣстнымъ молчать, и что драка дѣйствительно произошла. И однако эти люди, видѣвшіе драку своими глазами, мрачно поглядывали на пятна, уже высушенныя свѣжимъ утреннимъ воздухомъ.

— Надо идти назадъ, Невиль, сказалъ мистеръ Криспаркль. — Вы разумѣется рады вернуться чтобъ очиститься отъ подозрѣнія?

— Разумѣется.

— Мистеръ Ландлесъ пойдетъ со мной рядомъ, сказалъ младшій каноникъ, оглядываясь кругомъ.—Идемъ, Невиль.

Они пошли назадъ. Остальные, разсыпавшись, слѣдовали за ними. Джасперъ шелъ по другую сторону Невиля и ни на минуту не отходилъ отъ него. Онъ молчалъ, тогда какъ мистеръ Криспаркль неразъ повторялъ свои прежніе вопросы, а Невиль повторялъ прежніе отвѣты; онъ молчалъ точно также пока оба они придумывали нѣкоторыя гадательныя объясненія.

Онъ молчалъ упорно, потому что мистеръ Криспаркль какъ будто вызывалъ его на участіе въ обсужденіи дѣла, но никакой вызовъ не могъ поколебать непреклонной строгости его лица. Подходя къ городу, младшій каноникъ изъявилъ мнѣніе что лучше всего прямо идти къ меру; Джасперъ только головою кивнулъ въ знакъ согласія, но ни слова не сказалъ пока не очутились они въ пріемной мистера Сапси.

Послѣ того какъ сообщены были мистеру Сапси обстоятельства въ виду которыхъ желаютъ сдѣлать добровольное

заявленіе, мистеръ Джасперъ заговорилъ и объявилъ прежде всего что полагаетъ всю надежду на проницательность мистера Сапси. Не было никакой причины племяннику внезапно скрыться, говорилъ онъ, развѣ мистеръ Сапси отыщетъ причину, тогда онъ готовъ согласиться. Нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности чтобы племянникъ вернулся къ рѣкѣ и случайно потонулъ въ темнотѣ; развѣ это покажется вѣроятнымъ мистеру Сапси, тогда опять-таки онъ готовъ согласиться. Онъ омываетъ руки отъ всѣхъ тяжкихъ подозрѣній, развѣ мистеру Сапси покажется подозрительнымъ что племянникъ предъ исчезновеніемъ своимъ находился въ обществѣ человѣка враждебно къ нему расположеннаго, и съ этимъ онъ также готовъ согласиться.

— Я такъ смущенъ, такъ разстроенъ и озабоченъ, говоритъ въ заключеніе мистеръ Джасперъ,—что на мое сужденіе нельзя положиться, но на сужденіе мистера Сапси положиться можно вполнѣ.

Мистеръ Сапси выразилъ мнѣніе что дѣло это темное, словомъ (тутъ глаза его остановились на Невилѣ) „вся физіономія не англійская“. Произнесся такой приговоръ, онъ пустился въ такое безсмысленно-запутанное разглагольствіе какого нельзя было ожидать даже отъ мера, и вывелъ наконецъ блестящее заключеніе что отнять жизнь у ближняго значитъ отнять нѣчто намъ не принадлежащее. Онъ колебался не сдѣлать ли распоряженія для немедленнаго заключенія въ тюрьму Невиля Ландлеса въ виду тяготѣющихъ на немъ подозрѣній, и можетъ-быть рѣшился бы даже на такой поступокъ, еслибы младшій каноникъ не заявилъ съ негодованіемъ протеста, не поручился за Невиля и не обязался лично представить его когда потребуется. Мистеръ Джасперъ понялъ тогда что мистеръ Сапси предлагаетъ обыскать рѣку, осмотрѣть тщательно всѣ берега, разослать извѣщеніе по всѣмъ окрестностямъ и въ Лондонъ, и напечатать объявленіе умоляющее Эдвина Друда, если онъ по какой-либо неизвѣстной причинѣ удалился изъ дому своего дяди, сжалиться надъ страданіемъ огорченнаго родственника и увѣдомить по крайней мѣрѣ что находится въ живыхъ. Мистеръ Сапси подтвердилъ что таковъ дѣйствительно былъ смыслъ его словъ (хотя онъ не говорилъ ничего подобнаго), и надлежащія мѣры были приняты немедленно.

Трудно рѣшить кто былъ болѣе пораженъ ужасомъ и изумленіемъ: Невиль Ландлесъ или Джонъ Джасперъ. Разница заклю-

чалась только въ томъ что положеніе Джаспера принуждало его къ дѣятельности, а Невиля положеніе принуждало къ бездѣйствію. И тотъ, и другой одинаково были убиты.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня люди работали на рѣкѣ. Другіе, большею частію вызвавшіеся добровольно, осматривали берега. Весь день длились поиски: на рѣкѣ, съ помощью баровъ, шестовъ, свѣтей; на грязномъ и скользкомъ берегу съ помощью топоровъ, лопатъ, канатовъ, собакъ, всевозможныхъ орудій. Даже ночью на рѣкѣ двигались фонари, мерцали огни. По дальнимъ заливамъ стерегли и прислушивались не несетъ ли чего-нибудь вода, по заросшимъ береговымъ дорогамъ на далекихъ мысахъ до восхода солнца толпились люди, но не оказывалось слѣда Эдвина Друда.

Еще день продолжались поиски. То на лодкѣ, то на берегу, среди камней, въ грязи, въ болотной травѣ Джонъ Джасперъ работалъ, хлопоталъ безъ устали. Напрасно. Не оказывалось слѣда Эдвина Друда.

Разставивъ опять сторожей на ночь, чтобы зоркіе глаза слѣдили за приливомъ и отливомъ, Джасперъ, изнуренный, пошелъ домой. Немытый, нечесаный, оборванный, весь въ грязи, едва бросился онъ въ покойное кресло, какъ мистеръ Грюгьюсъ очутился предъ нимъ.

— Странный случай, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Странный, ужасный случай.

Джасперъ только приподнялъ глаза и опять опустилъ ихъ, склонясь въ изнуреніи надъ ручкою кресла.

Мистеръ Грюгьюсъ, стоя предъ каминомъ и глядя на огонь, погладилъ рукою лицо и голову.

— Что ваша питомица? спросилъ Джасперъ немного спустя слабымъ, утомленнымъ голосомъ.

— Бѣдняжка. Вы можете себѣ представить въ какомъ она состояніи.

— Видѣли вы его сестру? спросилъ Джасперъ по прежнему.

— Чью сестру?

Рѣзкость вопроса въ отвѣтъ на вопросъ и холодная медленность, съ какою мистеръ Грюгьюсъ перевелъ при этомъ глаза отъ огня на своего собесѣдника, могли бы въ другое время произвести раздражающее дѣйствіе, теперь Джасперъ только открылъ глаза и сказалъ: Подозрѣваемаго юноши.

— Вы подозрѣваете его? спросилъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Я не знаю что думать. Ни на чемъ не могу остановиться.

— И я также, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Но такъ какъ вы назвали его подозрѣваемымъ юношей, то я думалъ что вы уже остановились на чемъ-нибудь. Я сейчасъ говорилъ съ миссъ Ландлесъ.

— Въ какомъ она настроеніи?

— Съ негодованіемъ возстаетъ противъ всякаго подозрѣнія и непоколебимо увѣрена въ братѣ.

— Бѣдная!

— Однако, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ,—я пришелъ говорить не о ней, а о моей питомицѣ. Мнѣ нужно сообщить вамъ новость, которая поразитъ васъ. По крайней мѣрѣ меня она поразила.

Джасперъ стоная вздохнулъ и повернулся въ креслѣ.

— Не отложить ли до завтра? спросилъ мистеръ Грюгьюсъ.— Смотрите, я предупредилъ васъ что вы будете поражены.

Болѣе внимательности и сосредоточенности выразилось во взглядѣ Джаспера на мистера Грюгьюса, который опять, гладя голову рукой, обернулся къ огню. Губы его сжались.

— Что такое? спросилъ Джасперъ, поднимаясь въ креслѣ.

— Конечно, заговорилъ мистеръ Грюгьюсъ медленно и сдержанно, глядя на огонь,—я могъ бы знать это раньше. Она намекала. Но я такой угловатый человѣкъ что мнѣ и въ голову не приходило. Я думалъ что все идетъ какъ по маслу.

— Что такое? опять спросилъ Джасперъ.

Мистеръ Грюгьюсъ грѣлъ руки у огня, то закрывая, то открывая ихъ, пристально глядѣлъ на него съ боку, и не мѣняя положенія продолжалъ:

— Эта молодая парочка, исчезнувшій юноша и миссъ Роза, моя питомица, хотя были давно помолвлены, хотя имѣли время свыкнуться съ мыслью о предстоящемъ бракѣ, который весьма скоро долженъ былъ совершиться....

Мистеръ Грюгьюсъ увидѣлъ въ креслѣ блѣдное, какъ полотно лицо съ дрожащими, бѣлыми губами, съ широко открытыми глазами и двѣ грязныя руки, хватающіяся за ручки кресла. Еслибы не эти руки, онъ могъ бы подумать что никогда не видалъ прежде этого лица.

— Эта молодая парочка постепенно пришла къ убѣжденію (сложившемуся, какъ я думаю, одинаково съ обѣихъ сторонъ) что имъ обоимъ будетъ лучше и въ настоящемъ и въ будущемъ остаться близкими друзьями или, лучше сказать, братомъ и сестрою, нежели обвѣнчаться другъ съ другомъ.

Мистеръ Грюгьюсъ увидѣлъ въ креслѣ лицо свинцоваго цвѣта, на которомъ подымались словно стальные пузыри.

— Эта молодая парочка наконецъ благоразумно рѣшила сообщить другъ другу свое убѣжденіе откровенно, серіозно и ласково. Они сошлись съ этою цѣлью. Послѣ невинной и честной бесѣды, они согласились разорвать существовавшія между ними и предполагаемыя впредь отношенія навсегда.

Мистеръ Грюгьюсъ увидѣлъ фигуру похожую на привидѣніе, вставшую съ кресель съ открытымъ ртомъ и руками поднятыми къ головѣ.

— Вашъ племянникъ, однакоже, опасаясь что вы по привязанности къ нему будете огорчены внезапною перемѣной въ предстоящей ему жизни, отложилъ на нѣсколько дней сообщеніе вамъ этого секрета и предоставилъ мнѣ переговорить съ вами, когда его здѣсь не будетъ. Я говорю съ вами, и его здѣсь нѣтъ.

Мистеръ Грюгьюсъ увидѣлъ какъ похожая на привидѣніе фигура схватилась руками за волосы и отвернулась отъ него, словно корчась отъ боли.

— Я все сказалъ. Остается только добавить что эти молодые люди разстались твердо, хотя и не безъ слезъ, въ тотъ вечеръ какъ вы въ послѣдній разъ видѣли ихъ вмѣстѣ.

Мистеръ Грюгьюсъ услышалъ страшный вопль; не было уже похожей на привидѣніе фигуры, онъ видѣлъ предъ собою только кучу грязнаго, изодраннаго платья на полу.

Не мѣняя и тутъ своего положенія, онъ продолжалъ открывать и закрывать руки, грѣя ихъ надъ огнемъ и глядѣлъ сверху на эту кучу.

ГЛАВА XVI.

Обреченный.

Когда Джонъ Джасперъ пришелъ въ себя, за нимъ ухаживали мистеръ и мистрисъ Толъ, призванные гостемъ для этой цѣли, а гость, съ неподвижнымъ лицомъ, сидѣлъ прямо на стулѣ, положивъ руки на колѣни и глядѣлъ на него.

— Ну вотъ, слава Богу, вы очувствовались, сказала со слезами мистрисъ Толъ—вы совсѣмъ изнурились.

— Человѣкъ непремѣнно изнурится, сказалъ мистеръ Грю-

гьюсъ свойственнымъ ему тономъ школьника повторяющаго затверженный урокъ,—если онъ лишенъ покоя, если умъ его встревоженъ, а тѣло подвергается чрезмѣрному утомленію.

— Я боюсь, не испугалъ ли я васъ, слабо извинялся Джасперъ, когда его усадили въ спокойное кресло.

— Нисколько; благодарю васъ, отвѣчалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Вы очень деликатны.

— Нисколько; благодарю васъ, отвѣчалъ опять мистеръ Грюгьюсъ.

— Выпейте вы немного вина, сказала мистрисъ Топъ — да скушайте желе, которое я вамъ приготовила, и котораго вы трогать не хотѣли въ полдень, хотя и не завтракали и я, помните, предупреждала васъ, что̀ случится; да еще жареную курицу, которую уже по крайней мѣрѣ разъ двадцать ставили на плиту. Все будетъ готово черезъ пять минутъ, и этотъ добрый джентльменъ можетъ быть посидитъ съ вами.

Добрый джентльменъ отвѣчалъ ворчаніемъ, которое могло значить и да, и нѣтъ и все что̀ угодно, и сильно озадачило бы мистрисъ Топъ, еслибъ она не была занята накрываніемъ стола.

— Не скушаете ли вы чего-нибудь со мною? сказалъ Джасперъ.

— Я не въ состояніи куска проглотить, благодарю васъ, отвѣчалъ мистеръ Грюгьюсъ.

Джасперъ ѣлъ и пилъ съ жадностью, не разбирая что ему подавали, очевидно не потому что ѣда и питье были ему особенно по вкусу, а съ цѣлью подкрѣпить силы свои во избѣжаніе новаго припадка. Мистеръ Грюгьюсъ между тѣмъ сидѣлъ совершено прямо, съ неподвижнымъ лицомъ, выражая собою какое-то учтивое отрицаніе, словно говоря на вызовъ къ разсужденію:

— Я не въ состояніи предложить ни малѣйшаго замѣчанія о чемъ бы то ни было; благодарю васъ.

— Знаете ли, сказалъ Джасперъ, отодвинувъ тарелку и стаканъ и подумавъ нѣсколько минутъ — я нахожу нѣкоторое утѣшеніе въ извѣстіи которымъ вы такъ изумили меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? отозвался мистеръ Грюгьюсъ, видимо прибавляя про себя,—я не нахожу; благодарю васъ.

— Оправившись отъ потрясенія, произведеннаго во мнѣ новостью о дорогомъ моемъ мальчикѣ, столь неожиданною, разрушающею всѣ воздушные за́мки которые я строилъ для не-

го, и обдумавъ нѣсколько дѣло, я вижу тутъ утѣшительную сторону.

— Я былъ бы радъ еслибъ вы мнѣ указали ее, проговорилъ мистеръ Грюгьюсъ сухо.

— Нельзя ли надѣяться.... если я ошибаюсь, такъ скажите и сократите мои страданія.... нельзя ли думать что онъ, очутившись въ новомъ положеніи и опасаясь неловкости объясненій съ тѣмъ и съ другимъ, и съ третьимъ, во избѣжаніе этой неловкости обратился въ бѣгство?

— Это дѣло возможное, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ задумчиво.

— Это дѣло бывалое. Я читалъ что люди въ избѣжаніе докучныхъ разспросовъ и объясненій съ праздными и нескромными, вдругъ исчезали и долгое время пропадали безъ вѣсти.

— Я думаю такіе случаи дѣйствительно бывали, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Когда я не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія, продолжалъ Джасперъ, горячо идя по новому слѣду—что дорогой мой мальчикъ что-либо скрывалъ отъ меня, особенно такое важное обстоятельство, гдѣ же было найти мнѣ хотя лучъ свѣта въ охватившемъ меня мракѣ? Когда я думалъ что здѣсь его невѣста, что приближается свадьба, могъ ли я допустить возможность чтобъ онъ вдругъ добровольно удалился такимъ жестокимъ образомъ? Но послѣ того что̀ вы мнѣ сказали, не открывается ли во мракѣ маленькій проблескъ свѣта? Если онъ дѣйствительно самъ удалился, не становится ли исчезновеніе его менѣе непонятнымъ и жестокимъ? Что онъ разстался съ вашею питомицей, это одно уже могло дать поводъ уйти отсюда. Если онъ огорчилъ меня, то ей можетъ быть облегчилъ горе.

Мистеръ Грюгьюсъ не могъ съ этимъ не согласиться.

— Да и относительно меня даже, продолжалъ Джасперъ, развивая съ жаромъ свою мысль и постепенно какъ бы ободряясь:—онъ зналъ что вы будете у меня, что вы мнѣ скажете. Если ваши слова вызвали въ смущенномъ умѣ моемъ новый рядъ мыслей, то значитъ онъ могъ предвидѣть заключенія, къ какимъ я приду. Допустимъ что онъ предвидѣлъ и тогда исчезаетъ даже жестокость ко мнѣ. А что̀ я такое? Джонъ Джасперъ, учитель музыки!

И съ этимъ также мистеръ Грюгьюсъ не могъ не согласиться.

— У меня были подозрѣнія, ужасныя подозрѣнія, продол-

жалъ Джасперъ.—Но ваше извѣстіе, какъ ни поразило оно меня въ первую минуту, доказывая что племянникъ скрывалъ отъ меня одно весьма важное обстоятельство, пробуждаетъ во мнѣ надежду. Вы не опровергаете ея; вы допускаете что надежда эта разумная; и я начинаю считать возможнымъ, (тутъ онъ порывисто сложилъ руки словно на молитвѣ) что милый мальчикъ мой самъ ушелъ отъ насъ и въ настоящее время живъ и здоровъ.

Мистеръ Криспаркль вошелъ въ эту минуту. Джасперъ повторилъ, обращаясь къ нему:

— Я начинаю считать возможнымъ, что милый мальчикъ мой самъ ушелъ отъ насъ, и въ настоящее время живъ и здоровъ.

Мистеръ Криспаркль, садясь, спросилъ: почему? Джасперъ повторилъ только-что изложенные доводы. Если-бъ они были и не такъ убѣдительны, младшій каноникъ охотно принялъ бы ихъ, ибо они клонились къ оправданію его питомца. Но и ему тоже показалось весьма важнымъ что исчезнувшій молодой человѣкъ предъ самымъ исчезновеніемъ своимъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе относительно всѣхъ лицъ окружавшихъ его намѣренія. И это обстоятельство бросило новый свѣтъ на дѣло въ его глазахъ.

— Я заявилъ мистеру Сапси, когда мы были у него, сказалъ Джасперъ,—что не было ссоры между обоими молодыми людьми при послѣдней ихъ встрѣчѣ. Мы всѣ знаемъ что первая встрѣча ихъ была, къ сожалѣнію, далеко не дружеская; но когда они въ послѣдній разъ сошлись у меня въ домѣ, все обошлось тихо и мирно. Племянникъ мой былъ не въ духѣ; я это замѣтилъ; и теперь я долженъ обратить на это особенное вниманіе, зная что онъ имѣлъ причину быть не въ духѣ, причину, можетъ быть, побудившую его скрыться.

— Дай Богъ чтобы вышло такъ! воскликнулъ мистеръ Криспаркль.

Дай Богъ чтобы вышло такъ! повторилъ Джасперъ.—Вы знаете, и мистеру Грюгьюсу также слѣдуетъ знать, что я былъ предубѣжденъ противъ мистера Ландлеса вслѣдствіе необузданности проявившейся въ немъ въ первый разъ какъ онъ былъ у меня. Помните, я пришелъ къ вамъ весьма встревоженный его вспыльчивостью: я опасался за племянника. Помните, я даже записалъ въ моемъ дневникѣ и сообщилъ вамъ мои мрачныя предчувствія. Мистеру Грюгьюсу слѣдуетъ знать все дѣло. Я не хочу чтобы часть обстоятельствъ осталась неизвѣстна ему по моей винѣ. Я желаю заявить ему что сообщенное имъ извѣстіе пробудило надежду въ умѣ моемъ, несмотря на укоренившееся въ немъ прежде этого печальнаго случая предубѣжденіе противъ молодого Ландлеса.

Такая [illegible] къ нему. Онъ

чувствовалъ что самъ поступаетъ неоткровенно. Онъ упрекалъ себя за то что скрылъ до сихъ поръ два обстоятельства: вторую вспышку злобы на Эдвина Друда со стороны Невиля и ревность, пылавшую, какъ ему извѣстно, въ душѣ молодаго человѣка. Младшій каноникъ убѣжденъ былъ въ невинности Невиля, и однако всѣ обстоятельства такъ складывались противъ него что онъ боялся прибавить еще двѣ новыя улики. Онъ былъ одинъ изъ честнѣйшихъ людей, но онъ взвѣшивалъ въ умѣ своемъ: сообщить теперь эти два отрывка истины не значило ли бы послужить лжи скорѣе чѣмъ правдѣ?

Но вотъ однако предъ нимъ примѣръ. Онъ переставалъ колебаться. Обращаясь къ мистеру Грюгьюсу, какъ къ человѣку получившему авторитетъ вслѣдствіе свѣта пролитаго имъ на вопросъ (и необычайно угловатъ сдѣлался мистеръ Грюгьюсъ очутившись въ этомъ новомъ положеніи), онъ похвалилъ честность Джаспера, и выразивъ твердое убѣжденіе въ полной невинности своего ученика, сознался что характеръ его дѣйствительно крайне вспыльчивъ, и что сверхъ того онъ прямо озлобленъ былъ на племянника Джаспера потому что воображалъ себя влюбленнымъ въ его невѣсту. Но реакція совершившаяся въ мистерѣ Джасперѣ устояла даже противъ этого неожиданнаго заявленія. Онъ только слегка поблѣднѣлъ, но повторилъ что хочетъ держаться надежды, пробужденной въ немъ мистеромъ Грюгьюсомъ, и если не найдется слѣда указывающаго на насильственную смерть племянника, то не откажется, до послѣдней возможности, отъ надежды что онъ скрылся добровольно.

Случилось такъ что мистеръ Криспаркль, уйдя отъ Джаспера, все еще въ большой тревогѣ относительно молодаго человѣка котораго держалъ у себя въ домѣ какъ бы въ заключеніи, сдѣлалъ весьма замѣчательную вечернюю прогулку.

Онъ пошелъ къ Клойстергамской плотинѣ. Онъ часто ходилъ туда, нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго что онъ направился въ ту сторону. Но онъ такъ былъ занятъ своими мыслями, такъ мало обращалъ вниманія на все окружающее что только по шуму воды замѣтилъ гдѣ находится.

— Какъ я зашелъ сюда? было его первою мыслью, когда онъ остановился.

— Зачѣмъ я зашелъ сюда? было второю.

Онъ стоялъ внимательно прислушиваясь къ шуму воды. Знакомый разказъ о воздушныхъ язычкахъ, произносящихъ имена человѣческія, такъ живо пришелъ ему на память что онъ сдѣлалъ движеніе рукою, будто отстраняя что-либо осязательное.

Свѣтили звѣзды. Плотина была мили на двѣ выше того мѣста куда молодые люди ходили смотрѣть на бурю. Тутъ не производились поиски, потому что въ тотъ вечеръ наканунѣ

Рождества было сильное теченіе и мѣста гдѣ можно было найти тѣло, если дѣйствительно случилось несчастіе, находились всѣ ниже плотины, по направленію къ морю. Вода текла черезъ плотину съ шумомъ, обычнымъ въ холодную, звѣздную ночь. Ничего не было видно. Но мистеру Криспарклю почему-то казалось что̀ тутъ кроется что-то особенное.

Онъ сталъ разсуждать съ собою. Что̀ такое? Гдѣ оно? Чѣмъ проявляется? Какому чувству доступно?

Никакое чувство не свидѣтельствовало ни о чемъ особенномъ. Онъ опять прислушался. Вода текла съ шумомъ, обычнымъ въ холодную звѣздную ночь.

Зная очень хорошо что мысль которою умъ его занятъ одна уже могла придать этому мѣсту таинственный, фантастическій характеръ, онъ сталъ напрягать свое соколиное зрѣніе чтобъ увидѣть нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь. Онъ подошелъ ближе къ плотинѣ, поглядѣлъ на знакомыя сваи и бревна. Не было и слѣда чего-либо необыкновеннаго. Онъ однако рѣшилъ вернуться на это мѣсто рано утромъ. Всю ночь въ тревожномъ снѣ слышался ему шумъ воды. На зарѣ онъ опять стоялъ у плотины. Утро было ясное, морозное. Мѣстность видѣлась ему во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Онъ внимательно осматривалъ ее нѣсколько минутъ и готовъ уже былъ отвернуться, какъ вдругъ глаза его остановились на одной точкѣ.

Онъ отвернулся отъ плотины, поглядѣлъ на небо, на землю, и опять глаза его остановились на той точкѣ. Она тотчасъ же опять попалась ему на глаза; онъ сосредоточилъ на ней свое зрѣніе. Онъ уже не могъ потерять ее изъ глазъ, какъ ни мала была она. Онъ началъ снимать съ себя платье. Его поразило что въ этомъ мѣстѣ, въ углу плотины что-то блестѣло и не двигалось, и не уходило съ блестящими каплями воды.

Онъ сбросилъ платье, нырнулъ въ ледяную воду, и поплылъ къ этому мѣсту. Взобравшись на бревна, онъ вынулъ изъ-за нихъ запутавшіеся въ нихъ цѣпочкой золотые часы, съ вырѣзаннымъ вензелемъ Э. Д.

Онъ вынесъ часы на берегъ, поплылъ опять къ плотинѣ, взобрался на нее и нырнулъ на дно рѣки. Дно было знакомо ему; онъ нырялъ и нырялъ до тѣхъ поръ пока былъ уже не въ силахъ вытерпѣть холодъ. Онъ думалъ найти тѣло, но нашелъ только золотую булавку, застрявшую въ грязи. Съ эгими открытіями онъ вернулся въ Клойстергамъ и взявъ съ собою Невиля Ландлесса, пошелъ прямо къ меру. Послали за мистеромъ Джаспромъ, часы и булавку признали, арестовали Невиля и такіе безобразные слухи пошли про него. Онъ такого свирѣпаго права что еслибы не бѣдняжка сестра, которая одна имѣетъ на него вліяніе, онъ бы ежедневно совер-

шалъ убійства. До пріѣзда въ Англію, онъ засѣкъ до смерти множество „туземцевъ“, кочевыхъ людей живущихъ то въ Азіи, то въ Африкѣ, то на сѣверномъ полюсѣ, которые, по понятіямъ Клойстергамцевъ, всегда чернаго цвѣта, всегда въ высшей степени добродѣтельны, всегда читаютъ разсужденія, весьма темныя, въ искаженномъ переводѣ, но совершенно понятныя для нихъ на родномъ языкѣ. Онъ чуть не свелъ со стыдомъ въ могилу сѣдые волосы мистера Криспаркля (это оригинальное выраженіе принадлежало мистеру Санси). Онъ не разъ обѣщался убить мистера Криспаркля. Онъ не разъ обѣщался всѣхъ убить и сдѣлаться послѣднимъ человѣкомъ. Онъ привезенъ былъ изъ Лондона въ Клойстергамъ извѣстнымъ филантропомъ. Зачѣмъ? „Затѣмъ, объяснялъ будто бы этотъ филантропъ, что говоря, словами Бентама, я обязанъ изъ любви къ ближнимъ помѣстить его туда гдѣ онъ будетъ опасенъ для наименьшаго числа людей.“

Эти шальные выстрѣлы изъ самопаловъ тупоумія, не рапили бы можетъ-быть Невиля тяжело. Но ему пришлось выдерживать также и разумный, мѣткій огонь усовершенствованаго оружія. Онъ завѣдомо угрожалъ погибшему юношѣ; онъ, по заявленію искренняго друга и учителя, такъ горячо за него заступавшагося, питалъ вражду къ этому несчастному. Онъ былъ вооруженъ въ ту роковую ночь смертельнымъ орудіемъ, а на другое утро рано онъ ушелъ, приготовивъ все къ своему отбытію. Онъ схваченъ былъ со слѣдами крови на платьѣ. Правда происхожденіе ихъ могло быть дѣйствительно такое какъ онъ объяснилъ; но могло быть и другое. Когда обыскана была его комната и имущество, оказалось что онъ уничтожилъ всѣ свои бумаги и привелъ въ порядокъ всѣ вещи подъ вечеръ роковаго дня. Часы найденные у плотины признаны были золотыхъ дѣлъ мастеромъ за принадлежавшіе Эдвину Друду. Онъ заявилъ что заводилъ ихъ и поставилъ въ тотъ самый день на двадцать минутъ третьяго; они, по мнѣнію золотыхъ дѣлъ мастера, съ тѣхъ поръ уже не заводились и остановились прежде чѣмъ брошены были въ воду. Это подтверждало предположеніе что часы были сняты съ Эдвина Друда вскорѣ послѣ того какъ онъ вышелъ отъ Джаспера въ полночь съ Невилемъ, и брошены нѣсколько часовъ спустя. Зачѣмъ были они брошены? Если Эдвинъ былъ убитъ, и такъ искусно обезображенъ, или спрятанъ что убійца считалъ опредѣленіе личности его невозможнымъ иначе какъ съ помощью вещей которыя онъ носилъ, то очевидно преступникъ долженъ былъ постараться удалить отъ тѣла самыя прочныя, самыя замѣтныя и общеизвѣстныя вещи. А это были именно часы и булавка. Что касается до случаевъ бросить ихъ въ воду, еслибы возникли подозрѣнія, то такихъ

случаевъ было у убійцы много. Многіе видѣли какъ бродилъ онъ въ этихъ мѣстахъ, да и повсюду, словно убитый горемъ и потерянный. Относительно же выбора мѣста, очевидно для него выгоднѣе было чтобы такія улики нашлись гдѣ угодно, только не на немъ и не у него. Изъ примирительнаго характера послѣдней встрѣчи между двумя молодыми людьми весьма мало можно было вывести въ пользу Ландлеса. Оказалось что первая мысль объ этой встрѣчѣ принадлежала не ему, а мистеру Криспаркю, и кто знаетъ какъ неохотно, въ какомъ настроеніи духа шелъ молодой человѣкъ на это вынужденное свиданіе? Чѣмъ больше разбиралось его дѣло тѣмъ хуже оказывалось оно во всѣхъ отношеніяхъ. Даже предположеніе что пропавшій юноша скрылся добровольно становилось окончательно невѣроятнымъ по свидѣтельству молодой дѣвушки съ которою онъ такъ недавно разстался. Ибо что показывала она съ неподдѣльною искренностью и грустью? Что онъ съ ней вмѣстѣ рѣшилъ непремѣнно дождаться пріѣзда мистера Грюгьюса. А между тѣмъ онъ исчезъ до появленія этого джентльмена.

На основаніи такихъ уликъ Невиль содержался подъ арестомъ, повсюду производились поиски, Джасперъ хлопоталъ днемъ и ночью. Но ничего не нашли. За отсутствіемъ доказательствъ смерти пропавшаго человѣка, пришлось освободить подозрѣваемаго въ убійствѣ. Невиля выпустили. Тогда произошло то что̀ предвидѣлъ мистеръ Криспаркль. Невилю оказалось невозможнымъ оставаться въ городѣ, ибо весь городъ избѣгалъ, гналъ его. Да и кромѣ того старой китайской пастушкѣ было бы невыносимо имѣть у себя въ домѣ такого жильца. Да наконецъ этого не допустила бы и самая власть которой подчиненъ былъ по службѣ младшій каноникъ.

— Мистеръ Криспаркль, сказалъ деканъ, — человѣческій судъ можетъ ошибаться, но долженъ дѣйствовать по своему разумѣнію. Дни убѣжищъ прошли. Этотъ молодой человѣкъ не долженъ находить у насъ убѣжище.

— Вы хотите сказать что онъ долженъ оставить мой домъ?

— Я не приписываю себѣ власти въ вашемъ домѣ, отвѣчалъ осторожный деканъ.—Я только совѣщаюсь съ вами о печальной необходимости, въ какую мы поставлены, лишить этого юношу великаго блага вашихъ уроковъ и наставленій.

— Очень это жаль, возразилъ мистеръ Криспаркль.

— Весьма жаль, согласился деканъ.

— Если уже необходимо, началъ мистеръ Криспаркль.

— Какъ сами вы, къ несчастью, сознаете, договорилъ деканъ.

Мистеръ Криспаркль поклонился покорно.

— Трудно въ этомъ дѣлѣ произнести приговоръ, но я понимаю что....

— Именно. Совершенно вѣрно! вступился деканъ, ласково кивая головой. — Какъ сами вы говорите, мистеръ Криспаркль, дѣлать нечего. Конечно, конечно. Намъ нѣтъ выбора, какъ вы совершенно вѣрно замѣтили.

— Я однако совершенно увѣренъ въ его полной невинности.

— Ну, сказалъ деканъ, слегка понизивъ голосъ и оглядываясь кругомъ,—я бы не сказалъ этого такъ рѣшительно. Противъ него много уликъ. Нѣтъ, я бы не сказалъ этого.

Мистеръ Криспаркль опять поклонился.

— Не наше, быть-можетъ, дѣло судить, продолжалъ деканъ.— Нѣтъ, не наше дѣло. Мы, духовныя лица, держимъ сердце въ теплѣ, а голову въ холодѣ, и соблюдаемъ благоразумную середину.

— Надѣюсь, вы не осудите что я публично и утвердительно заявилъ что онъ снова явится сюда какъ только возникнетъ какое-нибудь новое подозрѣніе, или откроется новое обстоятельство способное выяснить это загадочное дѣло?

— Нисколько, отозвался деканъ. — Однако знаете ли, мнѣ кажется, продолжалъ онъ съ весьма легкимъ и тонкимъ удареніемъ на двухъ послѣднихъ словахъ.—*Мнѣ кажется*, я не заявилъ бы этого утвердительно. Заявить, да. Но *утвердительно*.... нѣтъ. Мнѣ такъ кажется. Словомъ, мистеръ Криспаркль, будемте держать сердце въ теплѣ, а голову въ холодѣ, и вообще воздерживаться по возможности отъ утвердительныхъ заявленій.

Итакъ, уголокъ младшихъ канониковъ отрекся отъ Невиля Ландлеса, и онъ пошелъ куда знаетъ, съ запятнаннымъ именемъ.

Только тогда Джонъ Джасперъ молча занялъ снова мѣсто свое въ хорѣ. Блѣдный, съ красными глазами, онъ очевидно лишился свѣтлыхъ надеждъ, бодрость оставила его и всѣ мрачныя мысли вернулись. Два дня спустя, разоблачаясь, онъ вынулъ свой дневникъ, перевернулъ нѣсколько листовъ и подалъ мистеру Криспарклю, молча, съ выразительнымъ взглядомъ указывая на слѣдующую замѣтку:

„Милый мой мальчикъ убитъ. Найденные часы и булавка убѣждаютъ меня что онъ убитъ въ ту ночь, и что вещи эти были сняты для устраненія уликъ. Я отказываюсь отъ всѣхъ обманчивыхъ надеждъ которыя основывалъ я на его размолвкѣ съ невѣстой. Онѣ падаютъ предъ этимъ доказательствомъ. Я клянусь, и заношу здѣсь мою клятву, что никогда болѣе не буду обсуждать эту тайну съ кѣмъ бы то ни было, пока ключъ ея не будетъ у меня въ рукахъ; что никогда не откажусь отъ поисковъ; что низведу вину на голову виновнаго, и посвящу себя его истребленію.“

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1870 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1870 году сполна въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 k., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 50 k., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 k.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію—17 р.; въ Данію и Францію—18 р. 50 k.; въ Англію, Грецію, Испанію, Португалію и Швецію—20 р.; въ Италію и Папскія владѣнія—22 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1870 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1870 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ